Аромагия

Анна Орлова

SHOUT
SHARE
IT

•

Моя искренняя благодарность людям, без которых эта книга никогда не была бы дописана.

Ольге Шеляг (mrsChaos) - за бетинг и привязанность к Петтеру. А еще за долгие обсуждения детективной линии, за готовность ради героев достать хоть звезду с неба, за интенданта, водоросли, за команду поддержки и вообще за все-все.

Ксюше (Aksiuta) – за бетинг, мухоморы и нежную любовь к Исмиру.

Кире Измайловой – за терпение, бипланы и коронный удар по голове.

Марине Локтионовой и Арин - за помощь и поддержку.

Особая признательность Ольге Шеляг, Майе Книжник, Кате и Косте – за шикарный фан-арт.

Константину Биланюк – за бесценную помощь в описании драк. И отдельно – за роль Петтера. =)

Александру Полищук – за ликбез о самолетах и их авариях.

Замечательному парфюмеру Анне Зворыкиной – за словарь натурального парфюмера и доступные материалы по составлению духов.

Кате Коути – за сравнительный анализ героев и за правильный стимул.

Спасибо любимому форуму ароматерапии «Арома-Вита» http://forum.aroma-vita.com.ua и всем форумчанкам. В особенности Shoroh

, alien4ik

, Виталине, N.V.

, KISA

, Shruti

.

А еще городу-герою Севастополю за вдохновение. И за шикарную Казачью бухту!

Всех люблю! :)

Глава 1. Искусство.

У всего на свете есть свой аромат.

Светлая улыбка ребенка словно благоухает молоком и ванилью. Первая любовь – будто глинтвейн с шоколадом на закуску, свежо, остро и сладко. Боль жалит сильнее крапивы. Любимое дело несет живительный аромат мяты, лимона и розмарина, вера – ладана, сандала и мирры…

Мое утро источает запах кофе и нетронутой, ранней свежести, тающей в лучах солнца.

Я проснулась на рассвете. В этом не было ничего необычного

– привычка вставать чуть свет осталась у меня с детства.

Взглянув на безмятежно почивающего рядом мужа, я вздохнула. Отучить его от храпа не удалось, и в итоге любая совместная ночь превращалась в пытку. Рулады то утихали, позволяя задремать, то оглушали... Сколько раз я просила Ингольва дать мне выспаться! Разумеется, у нас имелись отдельные спальни, но, выпив, он непременно являлся ко мне. И храпел от души, норовя к тому же заграбастать меня и притянуть поближе. От его дыхания короткие волоски на шее становились дыбом, и пробирала невольная дрожь. Как тут спать?!

К тому же от Ингольва разило перегаром. За ночь я успела немного притерпеться, но теперь снова поморщилась. К зловонию примешивались нотки мяты - слабая попытка заглушить запах. Надо думать, это было своеобразное проявление заботы о моем чутком обонянии.

Я окинула взглядом спальню. В комнате было уже достаточно светло, несмотря на ранний час. Она как никогда напоминала сундучок с безделушками: резные деревянные панели, гора разноцветных подушек, массивные дубовые балки, свод крыши над головой, словно крышка. В изголовье висела странная поделка - изукрашенные рунами выросты. По утверждению Палла, нашего садовника, это был традиционный оберег его народности. Ингольв невзлюбил эту прелесть с первого взгляда, углядев в ней намек на собственные «рога», так что мне стоило больших усилий его успокоить.

Комната полукругом выдавалась вперед, к заливу, и за темными окнами тихо шептало и сонно ворочалось море... Здесь в воздухе всегда витали смолистые нотки дерева и солоноватые - воды.

Я осторожно выбралась из постели, игнорируя невнятный протестующий возглас, и заботливо укутала спящего мужа одеялом, хотя чувства мои в это утро были далеки от супружеской нежности. В конце концов, это по его вине я не выспалась и с трудом сдерживала зевоту!

Подойдя к шкафу, я провела пальцами по вырезанным на створках оленям – это творение верного Палла всегда поднимало мне настроение – достала теплый халат и на цыпочках вышла.

Прокравшись мимо спальни свекра (что за нелепость – устроиться через стену от невестки, когда пустуют еще три спальни?!), я тихонько спустилась на первый этаж, сварила кофе на спиртовке и наконец с тихим вздохом уселась на подоконник, держа в руках чашку.

Люблю этот ранний час, аромат кофе и тишину... Фыркнув, я едва не расплескала напиток. На первых порах после замужества

мне немало пришлось вынести, чтобы отстоять эту маленькую традицию. Дескать, порядочные жены не должны просыпаться так рано, оставляя замерзающего супруга одного в постели, кофе – гадость несусветная, к тому же дорогая, а привычка сидеть на подоконнике и вовсе не вписывается в рамки приличий! Пришлось то улещивать супруга, то безобразно скандалить, но домашняя война закончилась моей полной победой. Правда, я не стала заставлять кухарку подниматься еще раньше хозяйки, чтобы приготовить «ненавистный» кофе, и всегда варила его сама.

С наслаждением вдохнув горьковатый аромат с нотками мускатного ореха и имбиря, я сделала первый, самый вкусный глоток и задумчиво уставилась на улицу. На втором этаже, в спальнях, окна выходили на залив, и смотреть на суровую гладь воды было куда приятнее, чем лицезреть серые камни построек, но была рада и этому унылому зрелищу. В тихих вздохах волн залива слышалось блаженное урчание, а снежинки, казалось, поднимались вверх от размеренного дыхания мостовых…

К тому же наконец стало понятно, почему так светло: ночью выпал первый снег. Белая вуаль легла на Ингойю, и под первыми лучами солнца столица острова казалась невестой, с трепетом ждущей обряда. Хрустящий даже на вид, снег заботливо укутывал город, пах колкой свежестью, отдающей на языке перечной мятой и хвоей. Смыв этот привкус очередным глотком кофе, я с огорчением убедилась, что на дне чашки осталась только гуща.

Город еще блаженно спал под пуховым снежным покрывалом, лишь кое-где в лавках уже начиналась работа. В соседнем доме позевывающий повар мешал тесто и ставил в печь булочки, и над улицей плыло благоухание корицы и сдобного теста. Где-то служанка жарила рыбу, и от запаха горящего масла, скворчащего на сковородке, к горлу подкатывал ком. Из дома напротив тянуло эвкалиптом, ромашкой и малиной – видимо, обитатели простудились и теперь изводили запасы микстур и трав…

Красиво. Жаль только, что эта красота продлится совсем недолго: скоро город проснется, лениво потягиваясь или охая при взгляде на часы.

Нотки ароматов складывались в привычную симфонию мира. Люди привыкли обманывать зрение, а вот запахи не перебьешь. Забавно, кокетки идут на множество жертв ради красоты: разрисовывают лицо, с помощью корсета прячут следы чревоугодия, прикрывают шляпками и шиньонами поредевшие волосы. Но за миловидным фасадом легко улавливался кислый запах обиды и горелый смрад зависти. Как будто грязь под ногтями…

Пока я размышляла об ароматах и нравственности, из своей

комнаты показалась позевывающая Сольвейг – наша кухарка и заодно домоправительница.

Она кисло поздоровалась, поморщилась, заметив, что я опять сидела на подоконнике. Не сдвинувшись с места, я кивнула, и Сольвейг - еще довольно молодая женщина в неизменно сером платье - отправилась готовить завтрак.

Серым было у нее все. В дождь она сетовала на слякоть, снег терпеть не могла, потому что он слепил глаза, и даже солнце не любила, мол, «вредно для кожи!». Пища казалась ей невкусной, а в доме всегда было грязно... Словом, тот тип женщин, от которых пахнет уксусом, и никак иначе, несмотря на литры дорогих притираний.

Дом потихоньку пробуждался, заполняясь утренней суетой, как чашка - чаем.

Сольвейг, Сигурд и Уннер – слуги - бегали по дому, старательно пытаясь держать глаза открытыми, временами натыкались друг на друга и на углы, шипя сквозь зубы, но упорно не просыпаясь. Ингольв и его досточтимый родитель, Бранд, изволили пребывать в дурном настроении, и от спален раздавался мощный глас моего супруга, недовольного состоянием своих сапог и боги знают, чем еще. Ему вторил чуть визгливый голос свекра...

Преспокойно восседая в столовой с книгой в руках, я напоминала самой себе утес, омываемый бурным морем.

Не понимаю, отчего людям так тяжело просыпаться по утрам? В прохладном воздухе будто разлиты флюиды бодрости, силы еще на растрачены по пустякам, а настроение никто не успел испортить... Жаль, мое трепетное отношение к ранним часам мало кто разделяет.

Вот и сейчас пришлось быстро ретироваться. Отговорившись необходимостью привести себя в порядок, я подала знак смышленой горничной Уннер и удалилась к себе.

Девушка быстро уложила мои косы в немудреную прическу, тихонько напевая довольно фривольную песенку, и помогла мне облачиться в утреннее платье.

К завтраку я спустилась лишь тогда, когда голодные мужчины уже должны были подобреть от вкусной пищи, и приветствовала мужа и свекра лучезарной улыбкой.

Исподтишка окинув взглядом свое семейство, я вновь ощутила слегка притупившуюся боль: Валериан, мой единственный сын, уже третий месяц отсутствовал. Он отправился служить в кадетский корпус, и я до сих пор не простила этого мужу. Впрочем, теперь не время об этом думать.

Итак, за длинным столом мы сидели втроем, и я от нечего

делать разглядывала своих мужчин. Мой муж, Ингольв, и его отец, господин Бранд, были похожи, как иланг-иланг второго сорта и экстра. Проще говоря, на одно лицо, но разного качества. Это любимый Ингольвом коньяк лишь выигрывает с годами, а свекра время не пощадило. Муж, недавно отпраздновавший свое сорокалетие, сохранял безупречную военную выправку и чеканный профиль, хотя волосы с годами поредели, а на макушке образовалась лысина (которую он тщетно пытался скрыть, начесывая на нее оставшиеся волосы). А вот свекор расплылся, давно позабыв о воинской дисциплине и предпочитая тренировкам обильную вкусную пищу и мягкие подушки.

Впрочем, нрав у обоих был совершенно одинаков.

- Толку с твоих травок? – пробурчал Ингольв вместо приветствия, угрюмо созерцая свою тарелку. В его выпуклых голубых очах плескалась тоска. Он был иззелена-бледен и мрачен. – Похмелье, и то снять не можешь!

Солдатская прямота, принятая в доме мужа, поначалу меня коробила, но за тринадцать лет можно привыкнуть к чему угодно.

Я пожала плечами, привычно скрывая досаду за вежливой улыбкой. Чуть приподнять уголки губ, опустить глаза в тарелку и следить, чтобы не звякнуть приборами громче положенного...

Ко мне приходили со всей Ингойи, а Ингольв по-прежнему считал аромагию блажью и шарлатанством. Обидно до слез, хотя надежда его переубедить давно угасла. Из дюжины с хвостиком лет супружеской жизни я вынесла твердое убеждение, что спорить с благоверным нужно как можно реже. Кому нужны лишние скандалы? Куда проще промолчать – и поступить, как хочу. Впрочем, иногда вспыльчивый нрав берет свое...

- Хочешь, я тебе дам масло кедра? – не удержавшись, предложила я обманчиво миролюбиво. На вопросительный взгляд дорогого супруга безмятежно объяснила: - Чтобы даже запах алкоголя вызывал отвращение.

И, старательно сохраняя маску сочувствия, полюбовалась на обрюзгшее после вчерашней попойки лицо Ингольва. Вероятно, я бы сумела ему помочь, но пренебрежительное отношение нисколько не вдохновляло на изыскания. Любит пить без меры – пусть полюбит и похмелье. Иначе его вразумлять бесполезно.

Господину Бранду было не до наших мелких склок – он отдавал должное очередному кулинарному шедевру Сольвейг. Казалось, он был готов защищать свою тарелку, будто дворовый пес – трофейную кость... Взглянув на свекра, почти с урчанием поглощающего завтрак, я снова перевела взгляд на мужа.

- Ночью первый снег выпал... – многозначительно произнесла я. Признаю, хотелось хоть как-то отплатить благоверному за

бессонную ночь.

Окончательно упавший духом супруг с тихим стоном отодвинул тарелку и бросил угрюмый взгляд за окно.

Первый снег означал праздник, на котором мужу предстояло играть не последнюю роль. А сегодня это его нисколько не радовало, хотя обычно тщеславный Ингольв упивался подобными мероприятиями.

Уходя от разговора, он раскрыл газету и углубился в чтение, недовольно комментируя: «Опять требуют ограничить китобойный промысел. Совсем сдурели! Кетиль снова выставил своего жеребца на скачки. Какой идиот поставит на эту клячу? Очередная девица пропала... И с чего раздувать такую историю? Как будто мало дурёх сбегает с любовниками! Так нет, выдумали маньяка! Газетчики!»

В последнее слово Ингольв вложил все презрение, которое питал к журналистам и прочим творческим личностям.

Насладившись последним кусочком кекса, я промокнула губы салфеткой и встала из-за стола.

- Приятного тебе дня, дорогой! И вам, господин Бранд! – прощебетала я и наконец упорхнула, не обращая внимания на недовольные взгляды мужчин.

Следующие часы принадлежали мне безраздельно.

В свое время я настояла, чтобы вход в «Уртехюс» был отдельный, иначе покоя бы мне не дали. Так что пришлось накинуть на плечи видавшую виды, но любимую и уютную шаль, некогда подаренную сыном, и выйти из дому. На улице царил мороз, но можно обойтись без шубы - благо до заветной двери рукой подать.

Сделав всего несколько шагов (снег от крыльца уже успели убрать), я очутилась перед входом в приземистое одноэтажное строение.

Вывеска была предметом моей особой гордости - не зря я заказывала ее у хель, которым не было равных в резьбе, - и смотрелась весьма органично в этом царстве льда и серого камня. Она была сделана из рога - леса, даже морозоустойчивых хвойников, на севере слишком мало, чтобы тратить древесину на всякие глупости.

В правом верхнем углу красовалась руна беркана, означающая в данном случае силы природы, в центре накарябаны несколько вертикальных линий, перечеркнутых горизонтальными – хельские письмена, которые все местные жители понимали без затруднений. Мне объяснили, что это хельское слово «Уртехюс», что буквально означало «Дом трав». Название было окаймлено переплетенными растениями, среди которых особенно умиляли

резные листочки каннабиса. На мою вдохновенную (и весьма возмущенную) лекцию о недопустимости использования подобного в аромагии, моя подруга Альг-исса по-хельски невозмутимо ткнула пальцем в бутылку с надписью «масло конопли». В ответ на смущенное объяснение, что масло семян и сигареты из листьев – совершенно разные вещи, она лишь молча пожала плечами.

Улыбнувшись воспоминаниям, я распахнула дверь.

Передняя в «Уртехюс» не запиралась, чтобы клиенты могли дождаться меня с комфортом. Несколько кресел, столик, подставки для шляп и зонтов – вот и вся немудреная обстановка, но все же это куда лучше, чем мерзнуть на улице.

Ко мне, будто подсолнух к солнышку, тут же потянулась молодая особа в темном платье, и я изобразила улыбку.

- Вы опоздали! – сходу возмущенно сообщила она.

- Немного, - призналась я, и улыбка моя стала обезоруживающе лучезарной.

Дама не желала так легко отступать.

- Я думала, вас не дождусь... – жалобно пробормотала она, смаргивая слезы и роясь в сумочке в поисках платка. – Мне так плохо! В боку колет, и сердце прямо выпрыгивает из груди... В глазах темнеет...

- Не волнуйтесь, лучше присядьте. Сейчас мы все исправим, - бодро прервала я поток угрожающих симптомов, нашаривая ключ. Клиентка скорбно поджала губы, весьма недовольная, что ей не дали пожаловаться всласть.

Мы прошествовали в «Уртехюс».

Я окинула комнату любовным взором. Потребовались немалые усилия, чтобы моя приемная нисколько не напоминала медицинскую палату. Несомненно, ряды склянок и блистающих металлом деталей внушали бы посетителям подобающее почтение, но одновременно вызывали бы страх. Так что мой кабинет оформлен как гостиная в любом респектабельном доме. Кресла, диванчики, бархатные портьеры... Все это золотисто-желтого и глубокого винного оттенков. В серванте хранятся коньяк, ликеры и прочие расслабляющие напитки в окружении хрустальной посуды, в шкафу солидно устроились книжные тома в скромных переплетах, на полке у камина выстроились безделушки.

Ко мне словно приходили в гости, чтобы за чашечкой чая или бокалом чего-нибудь покрепче посетовать на пошатнувшееся здоровье, выслушать дружеский совет и уйти обнадеженным.

Госпожа Эйва привычно приземлилась в кресло, прижав к груди пухлую ручку и закатив глаза. Я столь же привычно достала

из буфета стаканчик, накапала немного настойки валерианы, щедро разбавив ее ежевичным ликером. Успокаивающее зрелище пузатых графинчиков с крепкими напитками и баночек с чаем и кофе настолько расслабляло посетителей, что они совершенно не замечали таящиеся за ними пузырьки с лекарственным содержимым. Впрочем, и чаи, и даже алкоголь вполне могут быть целебными, если знать, на чем их настоять и использовать умеючи.

Вручив гостье питье, я поставила на спиртовку воду для чая, опустилась в кресло напротив госпожи Эйвы и приготовилась внимать.

Она была искренне убеждена (и истово убеждала близких) в хрупкости своего организма, так что посещала меня не реже раза в неделю. Эдакая увядающая роза, хотя здорового румянца на щеках и блеска глаз не могли скрыть даже блеклые шелка, в которые она старательно куталась. А сквозь тяжелый шлейф благовоний пробивался медовый запах здорового тела.

По правде говоря, единственной угрозой ее здоровью мог стать разве что бесконтрольный прием лекарств. Такие мнительные особы способны глотать микстуры бутылками. Госпожа Эйва старательно прислушивалась, не кольнет ли в боку и не приснится ли странный сон, а если этих «угрожающих» признаков не было, то их несложно и придумать... В итоге она поглощала множество снадобий, совершенно не думая об их взаимодействии.

На первых порах пришлось долго ее убеждать в своей компетентности, зато теперь госпожа Эйва доверяла мне безоговорочно и еженедельно являлась за лекарством, без которого не могла прожить и дня.

По правде говоря, «чудодейственный» состав был всего лишь безвредным успокоительным на основе валерианы и ромашки, тщательно замаскированным для усиления действия. Но ведь помогало, да еще как! Вот уж действительно – все болезни от нервов!

Вот и сейчас, допив целебный ликер и ободренная моим участием, клиентка на глазах похорошела. Благоговейно прижав к груди вожделенную бутылочку, госпожа Эйва удалилась, рассыпаясь в благодарностях за спасение своей младой жизни. Уже много месяцев она нуждалась в этом лекарстве. Или в заботе мужа?

Фиктивными больными чаще всего становятся те, от кого дома отмахиваются. Немного участия – и «безнадежные» пациенты чудесным образом выздоравливают... Правда, обычно ненадолго.

У женщины не так уж много способов привлечь к себе внимание, и она выбрала самый простой...

Размышляя об этом, я принялась убираться в шкафу. Следовало протереть пыль и рассортировать множество пузырьков и склянок, коробочек и свертков. Когда ингредиентов так много, со временем забываешь, что есть «в закромах», что давно закончилось, у чего истек срок годности... Поневоле приходится время от времени перебирать запасы.

Зато так интересно заново открывать собственные сокровища!

К примеру, вот пузырек пачули. Это эфирное масло становится лучше с каждым годом, поэтому я всегда стараюсь «забыть» его на год-другой.

А вот аттар хны – смесь цветов лавсонии и сандала. Такая кисло-сладкая тягучая карамель...

Вот небольшая пробирка с остатками абсолюта османтуса, который где-то раздобыла барышня Бирта. Эта милая девушка, вполне оправдывающая собственное имя «яркая», потребовала сделать для нее такие духи, каких больше в Ингойе не встретишь, для чего и принесла мне это экзотическое чудо. Османтус пахнет, как сад в августе: спелые фрукты и множество цветов, тягучий мед и утренняя свежесть. В качестве оправы немного мандарина, бобов тонка и ванили. Клиентка была в таком восторге, что последние два года пользовалась исключительно этими духами. Кстати, что-то она давно не появлялась...

В дверь постучали и, не дожидаясь ответа, в «Уртехюс» заглянул молодой человек в пенсне. Заурядный изрядно помятый костюм и взлохмаченные волосы выдавали в нем человека, занимающегося умственным трудом, – подобной неаккуратности лавочники себе не позволяли, а для рабочего люда одежда была слишком хорошего качества.

- Доброго вам утра, госпожа Мила, - вежливо поклонился он.

- Мирра, - поправила я мягко. – Здравствуйте.

- Ох, простите, - смутился посетитель. – Я так рассеян...

- Ничего страшного, - улыбнулась я со всей сердечностью. – Проходите, присаживайтесь.

Гость последовал приглашению, бросив прямо на столик пальто, густо усыпанное тающими снежинками. Еще одно свидетельство рассеянности – в такую погоду куда уместнее шуба. С тщательно скрываемым неудовольствием я отметила, что с одежды капает вода, но промолчала.

Усевшись прямо, будто трость проглотил, визитер смерил меня взглядом. Надо думать, увиденное его не впечатлило, и на лице гостя читалось сомнение.

Не удержавшись, я тихонько вздохнула. Отчего-то пациенты

преисполняются снисходительности, едва меня увидев. Видимо, женщина, к тому же не старая и не уродливая, да еще и облаченная в эффектный туалет, вовсе не кажется им заслуживающей доверия. Но если кого-то не устраивает мой облик, он вправе попытать счастья где-нибудь в другом месте. Найдется немало шарлатанов, готовых провести падких на антураж простаков.

- Слушаю вас, господин... – я сделала паузу, намекая гостю, что неплохо бы представиться.

- Ох, извините, - пробормотал он, не делая попытки уйти восвояси. Видимо, счел, что за неимением лучшего можно воспользоваться и моими услугами. – Меня зовут Гюннар, сын Хакана. Я фотограф.

После взаимных убеждений в приятности знакомства господин Гюннар наконец приступил к сути своего вопроса.

Я налила ему коньяка, а себе заварила мятный чай.

Гость едва отпил из своего бокала и отставил его в сторону. Он все так же сидел, вытянувшись по струнке.

- Думаю, вам знакома процедура бальзамирования? – осведомился он вдруг. – Это так интересно! Ведь бальзамирование позволяет остановить время, сохранить ускользающую красоту!

К своему стыду, я смогла вспомнить лишь то, что для этого использовались прополис и эфирное масло элеми. Ну и, разумеется, что в древние времена, еще до Рагнарёка, бальзамирование широко применялось для захоронений далеко на юге.

Однако зачем разуверять посетителя в своей мнимой осведомленности?

- Разумеется, - подтвердила я с улыбкой, - совершенно с вами согласна, вопрос интереснейший. Уверена, вы превосходно в этом разбираетесь...

Забавно, принимая клиентов, я невольно перенимаю бабушкину манеру разговора. Старомодная велеречивость сама ложится на губы капелькой меда, и я ничего не могу с этим поделать. Да и надо ли? Изящные завитушки слов так напоминают любимые бабушкой витые ожерелья и браслеты, ее царственный наклон головы и подчеркнуто изящные манеры. Преемственность поколений налицо.

Конечно, господин Гюннар не преминул показать все свои знания, вывалив ворох подробнейших сведений. Мне оставалось только внимать и к месту вставлять восторженные реплики.

Впрочем, даже знай я все о бальзамировании, я бы не стала этим бахвалиться. Проявить заинтересованность несложно, а

гостю приятно...

Не забывая изображать внимание, чуть склонив голову набок, я рассматривала господина Гюннара. Рубашка застегнута не на те пуговицы, клетчатый шарф небрежно обвязан вокруг шеи, длинные светлые волосы перехвачены застиранной лентой, но все это отступало на второй план, стоило заглянуть во внимательные бледно-голубые глаза, прячущиеся за стеклами пенсне. Холодновато-свежий аромат мяты и лимонный - цитронеллы говорили, что он отнюдь не такой рассеянный чудак, каким казался на первый взгляд. Ведь именно эти масла использовались для тонизирования и повышения внимания.

Разумеется, в действительности от господина Гюннара пахло совсем иначе: лавандовым мылом, карболкой, кедровой помадой для волос... Но все это лишь внешний слой. Каждое живое существо, словно ореолом, окружено запахом, на котором сказываются глубокие чувства и мимолетные эмоции, телесное нездоровье и болезни души.

Аромаг чутко улавливает изменение аромата и в случае нужды может его исправить: добавить капельку горечи или, напротив, подсластить, убрать неприятную ноту или приправить специями... Таким образом, возможно и обратное воздействие – запах влияет на тело и душу, воссоздавая потерянную гармонию.

- При бальзамировании, главным образом, применялся принцип максимального осушения всех жидкостей тела и последующая обработка оного – как снаружи, так и изнутри - антисептическими жидкостями... – вдохновенно вещал тем временем мужчина.

- Совершенно с вами согласна, - подтвердила я поощряюще: - Но не думаете ли вы, что целесообразнее в таком случае использовать более дешевые вещества, вроде формалина или тимола?

- Разумеется, нет! – вскинулся господин Гюннар, от избытка чувств саданув по столику кулаком. Возможно, он и творческий человек, но удар у него вполне простонародный – сильный и прямой.

Я мимоходом провела пальцами по гладкой, будто шелковой и теплой поверхности, радуясь, что не сменила дубовую мебель на модную (и более дешевую) стеклянную.

- Согласитесь, бальзамирование - это искусство! – пылко продолжил гость, не замечая моего недовольства. - Наши предки погребали своих мертвых по особым правилам, и было бы кощунством низвести этот ритуал к какой-то ремесленной процедуре!

От мужчины смолисто и протяжно повеяло ладаном. Ладан

воплощает убежденность, и лучше не спорить с человеком, от которого исходит этот аромат – все равно без толку.

Я решила прервать этот занимательный разговор, хотя меня так и тянуло возразить, что покойников бальзамировали исключительно в древнем Муспельхейме, а местные обычаи совсем иные.

- Большое вам спасибо за интереснейшую беседу! – улыбнувшись, я доверительно коснулась его рукава. – Возможно, вы расскажете, что именно вам требуется?

- О! – умно произнес господин Гюннар, снова делаясь рассеянным и чудаковатым. – Да… Конечно…

Кое-как, сбиваясь и запинаясь, он объяснил, что хочет купить крупную партию стиракса, смолы мирры и ладана, эфирных масел ладана, чайного дерева и элеми, а также кедровой живицы.

Откровенно говоря, я весьма удивилась столь странному заказу. Видя мое недоумение, господин Гюннар помялся, но выложил, что все это было ему необходимо для поездки в Муспельхейм с археологической экспедицией. Владыка Сурт[1] оказал ему великую честь, разрешив приехать в свою страну.

К слову, огненные великаны, владыки Муспельхейма, на дух не переносили инеистых великанов, от которых произошли хель. И эти чувства, надо думать, были взаимны. Мой родной Мидгард в этом вечном споре принял сторону северного соседа, Хельхейма.

- Но зачем археологам материалы для бальзамирования? – простодушно (признаюсь, отчасти наигранно) удивилась я. – Мне казалось, там довольно собственных мумий…

- О, - несколько мгновений господин Гюннар то ли колебался, то ли боролся со смущением. Наконец признался: - Мы задумали серию опытов по бальзамированию… э…

Я приподняла брови в немом удивлении, затем осторожно уточнила:

- То есть вы собираетесь экспериментировать с телами?

- Нет, что вы! – даже замахал руками апологет археологии. Он казался искренне возмущенным подобным предположением. – Нас вполне устроят кошечки, собачки… Это ведь так интересно – особенности естественного и искусственного мумифицирования! Климат Муспельхейма позволяет провести ряд опытов…

- Понятно, благодарю за разъяснения, - несколько холодновато перебила его я. – Я извещу вас, когда удастся раздобыть нужные компоненты. А теперь прошу меня извинить…

- Да, конечно, - поняв прозрачный намек, господин Гюннар встал. Откланявшись самым светским образом и оставив свой адрес, он удалился, из-за рассеянности с трудом вписавшись в

косяк двери.

Я с сомнением покачала головой. Несмотря на кажущуюся нескладность и несобранность, холодный взгляд посетителя выдавал его истинную натуру. Невнимательность казалась мне притворной, всего лишь удобной маской. Зачастую безобидным чудаком быть выгоднее, ведь такому простят многое...

В задумчивости я встала и прошла к книжному шкафу. Пятнадцать минут – и в моих руках оказалась искомая книга. Отыскав раздел, посвященный древним традициям Муспельхейма, в частности, погребению мертвых, я принялась читать.

А вскоре увлеклась, совсем позабыв о времени.

Спохватилась я лишь когда часы пробили полдень, и бросилась в дом. Чего доброго, опоздаю на праздник!

Полковник Ингольв должен быть на торжестве в сопровождении супруги, так что я получила нагоняй от дорогого мужа.

Сборы заняли лишь пять минут. В такой трескучий мороз лучше бы одеться потеплее, но на шубе оторвалась пуговица, а пришивать ее было уже некогда. К тому же Уннер была занята какими-то таинственными делами и на звонок не отозвалась.

Надо бы по возвращении ее отчитать – она милая девушка, но несколько безалаберная. Жаль только, что реальной власти над ней у меня нет – в нашем доме слугами заправляет господин Бранд. Оставалось лишь сожалеть, что в свое время из-за неопытности и тяжелой беременности я не уделила этому вопросу должного внимания, а потом уже было поздно. Хотя могла ли я, молоденькая девица, привыкшая к полутора десяткам слуг, поддержать порядок в доме, где прибирала и стряпала единственная приходящая служанка? Жизнь в крохотном гарнизоне, затерянном среди бесконечных снегов чужой страны, оказалась настолько непривычной и странной, что я совершенно растерялась и позволила полностью отстранить меня от управления домом.

Про себя я иногда называла свекра Хинриком – «домашним правителем», это имя теперь подходило ему больше, чем официальное Бранд – «меч», и только в этой беспомощной иронии, Валериане и в «Уртехюс» я и находила утешение...

Уннер я так и не дождалась, так что одеваться пришлось самостоятельно. Можно обойтись без косметики – мороз ничуть не хуже румян, а защитный крем я нанесла еще утром. Оставалось спуститься вниз и надеть полушубок.

Столь краткие сборы утихомирили недовольного Ингольва. К тому же он успел «подлечиться» (от него снова благоухало

коньяком), так что теперь чувствовал себя вполне сносно.

Я чмокнула дорогого супруга в щеку и с улыбкой сообщила, что готова с ним хоть на край света! Небольшая ложь во благо, зато муж мгновенно расцвел. Я подцепила его под локоть, и мы чинно двинулись из дому.

Автомобиль, лаково-черный механический зверь, поджидал нас у порога. Ординарец мужа, Утер, с поклоном отворил перед нами дверцу и дождался, пока мы расположимся со всем комфортом. К слову, он всегда напоминал мне покрытую снегом гору: седой, лицо изрезано ущельями морщин, ниже густо покрыто зарослями бороды. К тому же Утера отличали редкая молчаливость, странно сочетающаяся с умением донести свои мысли до любого – от мальчишки-курьера до генерала, услужливость без угодливости и воистину нерушимое спокойствие.

Пофыркивая, металлический монстр покатился по единственной расчищенной дороге. Солдаты все утро чистили ее от снега, дабы начальство могло проследовать на праздник в автомобиле. Хотя горожане наверняка были рады, что могут добраться до места, так сказать, по проторенной тропе.

Автомобиль ехал неспешно и степенно, ловко лавировал в потоке людей, подчиняясь твердой руке укротителя-ординарца. Через приспущенное стекло мы успевали приветствовать припозднившихся знакомых – как пеших, так и счастливчиков-верховых и немногих обладателей автомобилей. Говорят, на материке их давно предпочитали лошадям, но у нас это пока экзотика, на всю Ингойю наберется несколько десятков автомашин.

Тут наше средство передвижения взбрыкнуло, и мне стало не до размышлений. Вцепившись в поручень на дверце, я думала лишь о том, чтобы не прикусить язык. В непогоду на мощенной булыжниками дороге автомобиль напоминал корову на льду.

Наконец мы добрались до места назначения – обозначенной каменными столбами площадки неподалеку от города. Отсюда Ингойя казалась россыпью странных выростов на шкуре огромного ледяного дракона, склонившего нос к воде. Уткнувшись в суровые волны северного моря, исполин спал, смиренно снося незваных гостей на хребте.

Какие странные сравнения приходят в голову! Усмехнувшись, я оперлась на руку мужа, пытаясь грациозно выбраться из автомобиля. Впрочем, безуспешно – теплая одежда делала меня неповоротливой и чересчур громоздкой. Наконец трудная задача была решена, и я оказалась в сердце огромной толпы, радующейся первому снегу и сияющему в небе солнцу.

Любопытное светило, так редко радующее нас своим вниманием, на этот раз расщедрилось, а в наших широтах это само по себе повод для праздника.

Рука об руку мы с Ингольвом (женщины с завистью посматривали на меня, что тешило мое самолюбие) проследовали на почетные места и занялись ответственным делом – приветствием знакомых.

Вежливые светские беседы отняли не меньше часа, и все это время приходилось поддерживать разговор и непринужденно улыбаться, хотя у меня уже зуб на зуб не попадал. Кто придумал предварять зимние мероприятия долгой болтовней?!

Впрочем, местные жители, казалось, не испытывали неудобств. Поодаль уже вовсю грелись настойками – судя по запаху, на клюкве, березовых почках и сосновых иголках, и пирогами, тщательно укутанными, чтобы не остыли. Избранное общество, разумеется, таких вольностей себе не позволяло, но никто кроме меня не казался замерзшим.

У меня уже совершенно заледенели руки, и, подозреваю, лицо покраснело; я даже стала завидовать отчаянным модницам, облачившимся по хельской моде в штаны. Только, в отличие от хель, они носили широкие брюки, скрывающие очертания ног. Надо думать, в такой одежде потеплее, чем в моем платье! Хотя, по правде говоря, к хелисткам я всегда относилась со сдержанным недоумением. Эти мужественные (или мужеподобные?) дамы, отстаивающие равенство мужчин и женщин, вызывали смешанные чувства. С одной стороны, я тоже считала неправильными многие местные традиции, сурово подчиняющие женщин диктату отца, брата или мужа. С другой стороны, право трудиться наравне с мужчинами, которое отстаивали особенно яростно, казалось мне сомнительным достижением. Ведь наверняка никто не снимет с нас заботы о доме, семье, супруге и детях, так зачем возлагать на хрупкие дамские плечи еще и «привилегию» работать при этом по десять-двенадцать часов в день?

На мой взгляд, куда лучше добиваться желаемого сильными мужскими руками.

«Сила слабого пола – в слабости сильного пола к слабому»[2], - вспомнилось к месту. Представляю, что бы мне сказала Альг-исса на эту сентенцию! Впрочем, у самих хель дело обстояло точно так же, лишь в роли слабого пола фигурировали мужчины…

Тем временем основное действо наконец началось. В центр круга вышли трое, и толпа благоговейно замолчала, взирая на них с пристальным вниманием. Это были главные лица Ингойи:

мэр, то есть выборный глава города; мой драгоценный супруг, полковник Ингольв, командир гарнизона; и, наконец, хозяин морей, управляющий всеми судами острова.

Они споро (сказывалась долгая практика), принялись за дело, уминая снег в шары, придавая ему форму и прилаживая детали. Не выдержав, вскоре горожане стали подбадривать власть имущих, словно фаворитов на скачках, зорко наблюдая за их действиями. Кричали мальчишки, переговаривались семейные пары, хихикали девушки... В общем гаме терялось тяжелое дыхание мэра, которого замучила одышка. От физических упражнений на свежем воздухе, которые так популярны в последние годы, дородный мужчина в долгополой шубе и высокой шапке налился краснотой и пыхтел. Веселый светловолосый великан-флотоводец дышал легко и смотрел весело, легко сгребая снег лопатообразными ладонями. Ну а мой Ингольв больше позировал, демонстрируя сияющую на шинели руну тейваз - знак воина, улыбался дамам и подмигивал почтенным отцам семейств, что, впрочем, не мешало ему управляться с порученным делом.

Лепить снеговика из первого снега – мероприятие крайне ответственное. Народные обычаи снабжали это сакральное действо целым ворохом примет и ритуалов. К примеру, морковь для носа импровизированного ледяного великана должна быть непременно свежей, и чем ярче, тем лучше. Это знак здоровья снеговика, а значит, и здоровья города. Так что ежегодно в Ингойе проводился конкурс на лучший корнеплод. Нешуточные страсти бушевали на этом состязании! Судей обвиняли в продажности, соискательниц – в нечестных приемах, к примеру, подкрашивании моркови облепиховым маслом. О, сколько слез было пролито, сколько интриг сплетено, чтобы теперь гордая победительница кичилась званием лучшей хозяйки!

Тем временем на постаменте уже красовалась фигура, похожая на снеговика, которого я когда-то лепила вместе с братьями. Только здесь его возводила не шумная малышня, а отцы города, полные сознания ответственности момента. Как будто сановные особы впали в детство и принялись лепить куличики!

Впрочем, подоплека у этого торжества отнюдь не шуточная.

Легенды гласят, что раса хель произошла от богини смерти, Хель, и инеистых великанов - хримтурсов. Во время Рагнарёк мировое Древо, Иггдрасиль, было разрушено, и все девять миров перемешались между собой, словно овощи в рагу. Чертоги Хель и Нифльхейм, где обитали потомки древних великанов, теперь стали одной страной. Коренными ее обитателями были хель и

ледяные драконы, а позже, с их разрешения, и люди.

Людям непросто выжить в Хельхейме, поскольку они сотворены из дерева, а не изо льда. Поэтому они особенно внимательно соблюдают все принятые на севере ритуалы.

Признаюсь, впервые увидев это действо, я с трудом сдержала неуместный смех, но сейчас ликовала вместе со всеми. Правда, остальные радовались удачному началу зимы, а я лелеяла надежду вскоре оказаться в тепле. Все, о чем я мечтала – чашечка горячего чая с медом, горящий камин и мягкий плед...

Ингольв приосанился и охотно поддакивал рассуждениям о редкостной успешности нынешнего снежного великана. Он словно позабыл обо мне, то и дело останавливаясь, чтобы перемолвиться парой слов со знакомыми, хотя превосходно знал, что за эти часы я совершенно закоченела. Отчаянно хотелось развернуться и уйти, но это вызвало бы грандиозный скандал. Такого неуважения благоверный бы мне не спустил.

Толпа постепенно рассасывалась: люди предпочли продолжить празднование дома, в тепле и уюте.

Наконец муж добрался до меня, взял за локоть и прошипел:

- Не делай такое лицо! Ты отлично знаешь, что у меня есть обязанности, и я не могу потакать твоим капризам.

Должно быть, со стороны казалось, что Ингольв шепчет мне на ушко что-то ласковое.

- Я просто замерзла и хочу домой! – прошептала я в ответ, изображая натужную улыбку.

- Домой? – переспросил муж кисло. – А праздник? Мы ведь приглашены в ратушу!

От мысли, что остаток вечера придется пить вино и обсуждать с женами первых лиц молодящие зелья и выходки прислуги, пробрала дрожь.

- Я скажусь больной, меня в самом деле знобит. Правда, Ингольв, поезжай сам.

- Как хочешь! – муж слегка пожал плечами, провожая меня к автомобилю.

Он не настаивал: первый снег принято отмечать шумно и весело, а веселиться без присмотра супруги намного приятнее.

Полагаю, у меня действительно был неважный вид, да и насчет озноба я не солгала. Доставив меня домой и сдав в «заботливые» руки Сольвейг (вот уж кому не подходило собственное имя – «солнца луч»!), Ингольв ретировался, с трудом скрывая предвкушающую улыбку. Впрочем, мне уже было все равно.

Добравшись наконец до вожделенного тепла, я нежилась у огня, как кошка.

Пригревшись, я едва не забыла, что собиралась отчитать Уннер за пренебрежение обязанностями камеристки.

В ответ она только покаянно вздыхала, растирая мои озябшие пальцы, и твердила: «Да, госпожа! Больше не повторится, госпожа!».

В голове истинной северянки не укладывалось, как можно замерзнуть при такой чудесной погоде. А я всегда была мерзлячкой и пряталась от сквозняков даже в жару. Помнится, в детстве братья дразнили меня лягушкой, и я очень обижалась, пока бабушка не рассказала мне сказку о царевне в лягушачьей шкуре…

Воспоминания, воспоминания. Вы укрываете ностальгическим флером даже то, что когда-то казалось досадным и несправедливым. Я уже тринадцать лет не видела родных и не получала от них вестей, поэтому глупые детские обиды теперь казались дороже драгоценного розового масла.

Почувствовав подступающие слезы, я заставила себя встряхнуться. Какой смысл сожалеть о том, чего все равно не изменить? Лучше занять мысли делами и заботами. К примеру, разузнать побольше о господине Гюннаре. При всей кажущейся безобидности, что-то в нем меня настораживало.

- Пошли Сигурда к инспектору Сольбранду. Пусть передаст, что я прошу его меня навестить, – велела я Уннер.

Она нахмурилась, но послушно выскользнула из комнаты, оставив после себя острый камфарный запах недовольства. Уннер терпеть не могла франтоватого слугу, который оказывал ей недвусмысленное внимание.

Спустя час с небольшим доложили о визите инспектора. Я доброжелательно его поприветствовала, и предложила присаживаться.

Сухопарая фигура господина Сольбранда, его манера одеваться во все черное и клювообразный нос напоминали ворона, одного из верных спутников бога Одина. Житейская мудрость почтенного инспектора также заставляла вспоминать мудрых птиц.

Вежливые расспросы о здоровье и домочадцах, обсуждение погоды и прочую болтовню господин Сольбранд, как всегда, прервал на полуслове.

- Голубушка, не пичкайте меня этими разговорами, - отмахнулся он нетерпеливо, - деньги пропали – наживешь, время пропало – не вернешь.

От него пахло кипарисом – дымной хвоей и свежестью - господин инспектор почувствовал нечто любопытное и был готов к работе.

- Вы знаете некоего господина Гюннара?

- Знаю, голубушка, - подтвердил инспектор, кивнув.

- Он не кажется вам странным? – спросила я напрямик.

Чувствовала я себя все хуже и хуже, волнами подкатывала слабость, в горле першило.

- Странным? – приподнимая кустистые седые брови, переспросил пожилой инспектор, которого я в свое время вылечила от весьма неприятного кожного заболевания. С тех самых пор господин Сольбранд охотно помогал мне в моих «историях», как он это называл, добродушно посмеиваясь. Более тридцати лет он отдал ИСА – Ингойскому сыскному агентству – и опыта в каверзных делах ему было не занимать.

- Именно, – подтвердила я, сложив пальцы «домиком» и внимательно наблюдая за выражением изрезанного морщинами лица. – Может быть, за ним замечали что-то подозрительное?

- Помилуйте! – воскликнул господин Сольбранд, по-птичьи склонив голову набок. Я невольно чуть улыбнулась – видимо, «мечом солнца» родители его назвали за рыжину волос, но годы выбелили червонное золото, и теперь имя седого как лунь мужчины казалось нелепым. – Откуда я могу знать? Не узнаешь, что вмерзло в лед, пока не растопишь[3].

Инспектор был осведомлен решительно обо всех и вся, а также обладал редкой наблюдательностью. Пожалуй, среди леденцов[4], как иронически называли сыщиков, он пользовался наибольшим уважением, хотя и не добился особых карьерных высот.

Он поведал мне историю жизни во всех смыслах достойного господина Гюннара, но ничего компрометирующего сказать о нем не мог.

Оказывается, господин Гюннар с раннего детства проявлял способности к изобразительному искусству. Талант передался ему от матери, в юности бывшей ярой хелисткой и грезившей карьерой художницы. Впоследствии, как это часто бывает, она позабыла свои убеждения ради замужества, выйдя за обеспеченного мужчину много старше себя. И лишь украдкой вытирала слезинки, изучая этюды маленького Гюннара. Когда муж отдал богам душу, она все силы положила на воспитание сына в духе служения искусству.

Впрочем, в дальнейшем мальчик разочаровал свою мать, отказавшись от рисования ради стези фотографа. И пусть посредственный, в общем-то, художник оказался куда лучшим фотографом, она так и не простила сыну «предательства», что, несомненно, сильно ранило чувствительного юношу.

После смерти матушки он жил бобылем, пользуясь услугами

двоих преданных слуг и даже не помышляя о собственной семье.

Словом, никакой особенно ценной информации инспектор не сообщил. На ответные вопросы я смогла лишь туманно сослаться на предчувствия. Быть может, инспектор доверял моему чутью, но расследовать было решительно нечего. Любой человек вправе заказать редкие и ценные масла, главное, чтобы он мог оплатить покупку...

Зато, покончив с обсуждением господина Гюннара, полицейский рассказал о новых случаях из своей практики, и я насмеялась вдоволь, слушая его едкие побасенки. Среди прочего он поведал и о загадочных исчезновениях нескольких молодых девушек, с сожалением сообщив, что пока эти дела не раскрыты, а также о таинственных кражах курительных трубок. Девушек активно искали, хоть до сих пор поиски не принесли результатов.

Инспектора весьма интересовала загадка, кому могли потребоваться трубки? Возможно, неведомый злоумышленник решил таким образом бороться с вредной привычкой или похищенное представляло какую-то ценность? Он то ли в шутку, то ли всерьез заявил, что я со своим обонянием смогу отличить по запаху украденные предметы от других таких же, находящихся у законных владельцев.

Я от души рассмеялась:

- Сомнительный комплимент, инспектор! Неужели я так похожа на ищейку?

Не смутившись, он улыбнулся лукаво и промолвил наставительно:

- Ищейка не ищейка, но вы, голубушка, если вдруг что унюхаете – не сомневайтесь, посылайте за мной! – напутствовал он меня напоследок и откланялся...

Проснувшись утром, я почувствовала себя шницелем по-хельски. Эти котлетки из мелко рубленого мяса жарят во фритюре, но при этом внутри каждой порции таится кубик замороженной крови. Меня одновременно знобило, словно внутри образовался кусок льда, и бросало в жар, будто меня поджаривали до румяной корочки.

Горло саднило, в голове странно звенело, а мысли разбредались, словно мыши, которые обнаружили в кладовой торт «Пьяная вишня» и от души им полакомились.

Я с трудом встала, взглянула на себя в зеркало и ужаснулась. Матовая белизна кожи, свойственная рыжеволосым, превратилась в землистую бледность, глаза лихорадочно блестели, а волосы свисали унылыми влажными сосульками.

В спальне пахло болезнью – горьковатой полынью и пачули – душно, лекарственно, с нотами плесени и пыли.

Слава Фригг, богине домашнего очага и брака, что этой ночью муженек не претендовал на свою долю тепла и супружеской ласки! Моя наружность этим утром была слишком непривлекательна, а я терпеть не могу выглядеть жалко - в чьих бы то ни было глазах.

Дотянувшись до колокольчика, я вызвала Уннер. Она примчалась спустя пять минут, хотя за окном еще едва светало, и звонок ее явно поднял с постели. Впрочем, недовольство с прелестного девичьего лица моментально испарилось, едва она разглядела, в каком я состоянии.

Горестно причитая, Уннер принесла горячего питья и обтерла меня салфеткой, смоченной в уксусе. Вместо обычных песенок с нежно-розовых уст девушки сегодня лились жалобы и невнятные мольбы богам.

Я невольно улыбнулась, тронутая такой заботой и непритворным беспокойством о моем здоровье, и тут же поморщилась. От жара губы обветрились и покрылись коркой, поэтому улыбаться было больно. Голова кружилась, противная липкая слабость сковывала движения.

В полудреме, полубреду я провела весь день, очнувшись лишь к вечеру от настойчивых попыток Уннер меня растолкать.

- Госпожа! – словно издали звала меня встревоженная горничная. Я видела, как шевелились ее губы, но слова доходили как сквозь снежную пелену. – Госпожа, очнитесь! Ну же, госпожа! Может, позвать доктора?

Черты склонившейся надо мной девушки то расплывались перед глазами, то вновь обретали четкость. Словно в противовес мне, Уннер была хороша и свежа, как чайная роза – того простого сорта, который не прельстит изысканным бархатом лепестков и полнотой цветка, но пленит нежностью бледно-розовых соцветий и тонким ароматом. От нее даже пахло сахарным розовым вареньем.

Уннер едва не плакала, а я хрипло рассмеялась, тут же закашлявшись. Казалось таким странным, что ко мне могут пригласить врача... Вот уж, воистину, хель без льда[5]! Но у меня совершенно не было сил, чтобы идти в «Уртехюс» и искать нужные составы, а отправлять туда слуг бессмысленно.

Должно быть, я провалилась в сон, потому что следующим, что я осознала, было льющееся в горло горячее питье. Открыв глаза, я обнаружила Уннер, которая поила меня с ложки какой-то подозрительной гадостью. На вкус пойло было мерзким, но я послушно проглотила все до капли, в своем сумеречном состоянии не слишком задумываясь, что именно пью. Мне ли не знать, что все полезное чаще всего оказывается противным или, в

лучшем случае, безвкусным?

- Что это? – прокаркала я, стараясь не обращать внимания на противную горчинку на языке и собственный сиплый голос. Сон меня немного освежил, да и жар, похоже, спал.

- Лекарство! – очень содержательно объяснила Уннер, старательно тараща глаза.

Я только вздохнула.

- Какое именно? – от усилий, которые приходилось прилагать, чтобы внятно говорить, мое настроение также не улучшалось.

- Доктор Торольв прописал... – в звонком голосе Уннер дрожала опаска и твердая уверенность в своей правоте.

Живущий неподалеку доктор Торольв лечил простуду по моим рецептам, признавая, что официальная медицина способна лишь немного облегчить симптомы этого заболевания. Ко мне почтенный эскулап относился с искренним уважением.

- Уннер, я же сама составляла лекарства для доктора... - Я невольно закашлялась. В горле першило, глаза слезились... Да сколько можно?! Откашлявшись как следует, продолжила хрипло: - Мед, малина, настой солодки, инжир и немножко лимона... Но ты меня пичкаешь чем-то совсем другим.

Спустя минут десять, когда я уже в шутку предположила, что Уннер намеревалась меня отравить, она наконец созналась. Правда, предварительно предупредив:

- Я... Я же хотела как лучше!

В звенящем слезами голосе девушки было столько упрека, что в иное время я, несомненно, устыдилась бы. Теперь же, в таком дурном расположении духа, меня лишь слегка кольнуло чувство вины, уступив место любопытству.

- Меня Берглис научила... – продолжила горничная, потупив бесхитростные карие глаза. - У ее дядюшки была грудная жаба, так вот он только два раза выпил, и все прошло...

- Что – выпил? – уточнила я с нажимом, приподнимаясь на подушках. От любопытства у меня даже прорезался почти нормальный голос, правда, слишком низкий.

- Порошок мумии... – наконец выдала тайну Уннер, терзая белый передник, и зачастила: - Он от всего помогает, правда-правда! Вот и вам ведь тоже того... помогло! Я так испугалась...

Ее голос упал, из глаз часто закапали слезы. Уннер частенько норовила напичкать меня подозрительными лекарствами из ассортимента бродячих «лекарей». Перед подобными типчиками она оказывалась совершенно беззащитной, с покорностью загипнотизированной мышки отдавая скользким змеям от медицины последние гроши.

Ничего себе, панацея от всех болезней!

- Уф... – обессилев, я откинулась на спинку кровати и поднесла руку ко рту.

Надо сказать, что мои препараты не всегда изготовлялись из приятных ингредиентов – чего стоила, к примеру, амбра – незаменимое для духов вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалота! Но такой гадости, как толченые кости тысячелетних мертвецов, я не использовала. На мгновение в моем горячечном воображении мелькнула картина, как я, обливаясь от усилий потом и шепча заклятия, пританцовываю у стола в «Уртехюс», измельчая птичьи кости, отмеряя мышиную желчь, и боги знают что еще – я не сильна в этой суеверной чуши... Я встряхнула головой, отбрасывая жуткое видение. Нет, не бывать мне настоящей ведьмой!

- Принеси чая и шоколада. Живо! – велела я, отдышавшись и сглатывая горькую тягучую слюну.

Горничная испуганной птицей выпорхнула за дверь, только застучали стремительные легкие шаги.

А я размышляла о невероятной в своей простоте разгадке таинственных замыслов господина Гюннара...

Вернулась Уннер удивительно быстро. С опущенными глазами и дрожащими губками она казалась воплощением оскорбленной невинности. Нечего пичкать меня всякой гадостью!

Я попыталась принюхаться и с досадой поморщилась, а затем совсем не изящно шмыгнула носом. Проклятый насморк! Я чувствовала себя слепым котенком без привычных подсказок обоняния. Не знаю, как люди умудряются пользоваться почти исключительно зрением и немного слухом!..

Следующий день тоже пришлось пролежать в постели. Ингольв даже принес мне цветы (представляю, как Палл, наш садовник, был недоволен набегом на его вотчину!) и чмокнул в щечку, как-то виновато прося поскорее поправиться. Было ли тому причиной смущение, что накануне он не поверил в мою болезнь, или праздник действительно удался - во всех смыслах – я выяснять не стала. Довольно и того, что обычно сардонический и резкий супруг в кои-то веки выказал нежность. Подумалось даже, что госпожа Эйва не так уж не права, изображая слабое здоровье, но, поразмыслив, я сочла, что строить счастье на лжи – слишком малодушная идея...

Простуда предоставила мне уйму времени для размышлений. Глядя в окно, на тучи, сочащиеся холодным дождем, я крутила в голове свою догадку, а заодно выпытывала у горничной подробности о «целебном зелье».

В итоге я написала инспектору Сольбранду, попросив Уннер

лично отнести письмо – возможно, инспектор захочет ее опросить.

Девушка вернулась только спустя несколько часов. Все это время за мной ухаживала Сольвейг, не скрывающая своего недовольства этим обстоятельством. Она отчего-то невзлюбила меня с самой первой встречи, два года назад, когда мы только переехали в Ингойю.

При молчаливом попустительстве свекра между мной и Сольвейг велась война. Боевые действия то выплескивались на поля сражений, то затихали, но не прекращались ни на минуту...

«Инспектор обещал все проверить и сообщить!» - шепнула мне Уннер, меняя компресс на лбу.

Я лишь кивнула, устало прикрыв глаза...

Наутро я вышла к общему столу, хотя еще чувствовала слабость. Безделье изрядно мне надоело, и я с нетерпением предвкушала побег в «Уртехюс».

Семейство встретило меня внимательно, оделив лучшими кусочками и гоняя прислугу разогревать мои любимые блюда. Притворная забота свекра и натужная – мужа пахли елейно и одновременно гнило, как жасмин, растущий возле скотного двора.

После двух дней почти полного отсутствия обоняния запахи ощущались особенно остро, до слез, как от лукового сока.

Я заставляла себя жевать и улыбаться, не участвуя в обсуждении вреда образования для женщин – любимейшей теме мужа и свекра.

Наконец Сигурд и Сольвейг споро убрали со стола грязные тарелки, и кухарка торжественно подала на стол десерт.

Обожаю свежую сдобу! Отломить свежий, еще пышущий теплом кусочек, приправить его вареньем, маслом или медом, или отправить в рот, запив глоточком сладкого ароматного чая или крепкого кофе... Что может быть вкуснее?

Потянувшись к пышному печеву, я принюхалась и тут же поняла, что рано обрадовалась.

- Что это? – отодвигая от себя тарелку, спросила я холодно.

- Булочки с ванилью, - сообщила Сольвейг хмуро.

- С ванилином! – поправила я, отодвигая тарелку, и встала. – Спасибо, я уже сыта.

И удалилась под неодобрительными взглядами семейства.

Возможно, другие не заметят разницы, но, на мой взгляд, в натуральной ванили и синтетическом ванилине не больше сходства, чем в столе и столовой: корень слова тот же, а смысл совсем иной.

Источающие медово-инжирный аромат темные стручки

ванили следует раскромсать вдоль, выдавить мельчайшие семена и засыпать сахаром. Через две-три недели вы получите чудесную приправу с головокружительным ароматом. А ванилин – профанация, грубая калька с настоящей специи...

Сольвейг же питала пристрастие ко всему синтетическому, надо думать, в пику мне.

Было такое чувство, словно меня, как глупого ослика, поманили сладкой морковкой, а дали клок гнилого сена.

Так что в «Уртехюс» я направилась весьма раздраженная и злая.

Стоило выйти на улицу, как меня едва не сбила с ног пожилая служанка с множеством свертков в руках. Темно-коричневое платье, унылая шляпка, поношенные ботинки... Из образа выбивался только элегантный шарф изумительного бирюзового оттенка. Повязан он был кое-как, но красоту дорогой вещицы не портило даже неумелое обращение.

Горестно причитая, женщина бросилась собирать пакеты, которые выронила из-за нашего столкновения.

- Ох, надеюсь, чай не промок! Мой маленький Гюни так любит чай с бергамотом! Ох, какая я неловкая! Простите меня, госпожа. Как же это я так? Вы не ушиблись? Ох, простите!

- Ничего страшного, не волнуйтесь. В крайнем случае, листья можно просушить, - заверила я, помогая ей.

- Но тогда они перестанут так пахнуть! – горестно вздохнула она, то ли опасаясь взбучки от хозяина, то ли искренне огорчаясь, что он не получит свой любимый напиток.

- Тогда придете ко мне, - я кивнула на «Уртехюс». – Ароматизировать чай несложно.

- Ох, госпожа, спасибо! Только неловко как-то...

Еще несколько минут женщина извинялась, благодарила и что-то рассказывала о своем «маленьком Гюни», которым явно гордилась. Наконец она немного успокоилась и двинулась прочь.

Хмурясь, я проводила ее взглядом, пытаясь понять, почему это происшествие неожиданно сильно меня встревожило. Вполне заурядная служанка, вот только этот шарф... А ведь действительно! Мало того, что он явно «с чужого плеча», если так можно выразиться, к тому же от него исходил очень знакомый экзотический аромат. Несомненно, его тщательно выстирали, так что запах османтуса стал едва уловим... И все же я должна была сразу его распознать! Ведь это духи барышни Бирты, которая так гордилась их неповторимостью...

- Постойте! – крикнула я и бросилась следом за женщиной, которая как раз завернула за угол.

К моему немалому огорчению, догнать ее не удалось. Она

растворилась в переулках Ингойи, словно сон поутру. Пришлось возвращаться в Уртехюс несолёно хлебавши.

Накапав себе масел чайного дерева и эвкалипта, чтобы взбодриться и избыть последние остатки простуды, я принялась готовить экстракты растений, досадуя на себя. Надо же было упустить единственную ниточку, ведущую к барышне Бирте!

Прерывая мои размышления, в дверь требовательно постучали. Оставив на водной бане будущий экстракт, я вытерла руки и двинулась в приемную.

На пороге мялась Уннер, теребя старенькую шаль и выставив перед собою, как щит, сложенный вдвое лист бумаги.

- Вам письмо от инспектора! – выпалила она торопливо, глядя с опаской, будто я вот-вот ее укушу.

- Спасибо, подожди минуту, - произнесла я, торопливо расправляя лист, и не глядя, присела на диван. За что тут же поплатилась – забытый кем-то футляр для шпилек жалобно хрупнул. Я досадливо извлекла из-под себя останки изящной вещицы, убедилась, что восстановлению она не подлежит, и упокоила в мусорном ведре. После этого наконец начала читать послание неподражаемого инспектора.

«Голубушка, - гласило оно, - от имени сыскного агентства выражаю вам благодарность за содействие в поимке мошенников. Как Вы и думали, обманщики продавали фальшивый порошок мумий.

Благодаря показаниям Вашей горничной они понесут самое строгое наказание (среди пострадавших очень именитые особы!). Как говорится, на каждого окуня найдется своя щука.

Однако нет никаких сведений о причастности господина Гюннара. Трупы не бальзамировали, «лекарство» делалось из подручных средств.

Так что в этом Вы попали пальцем в небо.

Единственное, я выяснил, что никаких археологических экспедиций в Муспельхейм не запланировано, так что в этом господин Гюннар слукавил. Но не забывайте, подозрительность порождает призраки[6].

Кстати, похитителя трубок сцапали. Им оказался сумасшедший коллекционер, который охотился за одной-единственной вещицей, а остальные безделицы взял для отвода глаз.

С почтением, инспектор Сольбранд».

Дважды перечитав, я сложила письмо и призадумалась.

Складная версия рассыпалась, как карточный домик, и теперь в руках у меня снова была всего лишь колода карт, из которых предстояло вновь возвести ненадежную постройку догадок.

Вот уже много лет не ослабевал интерес к мумиям. Из них готовили «волшебные» зелья для омоложения и порошки для лечения самых разных хворей. К тому же многие видные лица устраивали дома целые выставки археологических экспонатов.

Изыскатели добывали не так уж много трофеев. Таким образом, спрос изрядно превысил предложение, чем не преминули воспользоваться мошенники (к каковым я отнесла и господина Гюннара). Недобросовестные археологи сбывали поддельные мумии, считая, что прибыль вполне окупала и расходы, и возможную потерю репутации.

Понятно, что заказ господина Гюннара заставил меня заподозрить его участие в подобной афере.

Гипотеза оказалась неверна. И все же это дело странно пахло...

Слишком много совпадений. Интерес господина Гюннара к бальзамированию. Необъяснимые исчезновения девушек. Служанка, которая щеголяла в пахнущем редкими духами дорогом шарфе и называла своего господина «маленьким Гюни».

Впрочем, знакомый аромат духов мог мне померещиться, а девушки – сбежать с возлюбленными, как и предположил господин Бранд. Возможно также, что барышня Бирта по каким-то причинам выбросила или подарила старую вещицу...

Я снова отправила Уннер к инспектору, дав поручение выяснить, числилась ли барышня Бирта среди пропавших. А если да, попросила передать мне какую-нибудь принадлежащую ей безделушку.

Вскоре горничная принесла список вероятных жертв «Ингойского маньяка», как его окрестили падкие на сенсации журналисты; перчатку и полупустой флакон, благоухающие знакомыми духами. Что ж, теперь сомнений не оставалось - имя моей клиентки также оказалось в грустном перечне...

Конечно, разумнее было сообщить обо всем инспектору Сольбранду, но это были всего лишь мои домыслы, не подтвержденные ни малейшими доказательствами. Нужно для начала выяснить, имел ли господин Гюннар какое-то отношение к смерти девушек или это всего лишь цепь случайностей.

Покончив с повседневными делами, я твердо решила под каким-нибудь предлогом навестить господина Гюннара. По счастью, он жил не слишком далеко от «Уртехюс».

Выйдя на крыльцо, я поежилась. Снег давно растаял, сменившись слякотью, а гулять под холодным осенним дождем – не лучшая идея, даже с зонтом. Однако смысла откладывать визит не было, погода в Ингойе давно вошла в поговорку: «Не жалуйся на ненастье, через час будет еще хуже».

Наклонив голову, чтобы защитить лицо от косых брызг, я шлепала по лужам. Пешеходов было немного, в такое ненастье горожане предпочитали сидеть у камелька и цедить чай или глинтвейн.

Я ностальгически вздохнула, отвлекшись на мгновение, и тут же, наткнувшись на прохожего, едва избежала падения в лужу.

- Ох, извините! – пробормотала я, пытаясь совладать с зонтиком, который из-за порыва ветра выгнулся в обратную сторону.

- Госпожа Мирра? – удивленно спросил знакомый голос.

Я оставила в покое зонтик и обнаружила, что передо мной стоит ординарец моего мужа.

- Искал. Вас. – отрывисто сообщил Утер. – Обед. Господин полковник.

- Ингольв не придет к обеду? – догадалась я.

Он кивнул. Не понимаю, зачем гонять ординарца, если можно сообщить по телефону? Надо думать, Ингольв опасался подслушивания по параллельной линии или шпионок-телефонисток.

- Думаю, я тоже... – ответила я, раздумывая.

- Вы куда? - поинтересовался Утер с присущей ему немногословностью. - Провожу.

Несмотря на мои слабые попытки отказаться от сопровождения, Утер не успокоился, пока не довел меня до искомого дома.

Фотографический салон располагался на первом этаже, а на втором, видимо, обитал его хозяин.

Дверь открыла молоденькая горничная.

- Господин Гюннар дома? - спросила я, стараясь улыбаться как можно дружелюбнее.

- Дома, - сообщила она не слишком приветливо. – Проходите, я доложу!

Она проводила меня в кабинет и предложила обождать несколько минут.

Я поблагодарила, и, оставшись одна, с интересом огляделась.

Откровенно говоря, жилище господина Гюннара произвело на меня престранное впечатление. Вокруг витал аромат поздней осени и увядания, как будто прелые листья охапками разбросали по углам. Вещи разложены строго по местам, плед на диване старательно разглажен, а книги аккуратно собраны в шкаф.

Я подошла к журнальному столику и провела рукой по его поверхности. На перчатке остался слой пыли. Внимание привлек букет цветов на письменном столе, источающий слабый цветочно-пыльный аромат. В простой стеклянной банке были собраны

почти засохшие розы в обрамлении физалиса и полыни. Странный выбор...

Признаюсь, я уступила недостойному любопытству и, выдвинув ящики, бегло просмотрела их содержимое. В первом ничего интересного не нашлось – какие-то безделушки: бусы, зеркальце, многочисленные заколки для волос, шляпные булавки, плитка дорогого шоколада.

А вот во втором ящике обнаружилась целая стопка портретов молодых девушек в разных позах и нарядах, словно фотограф не мог определиться, какой вариант лучше. Странно – фотографии довольно дороги, а какой смысл делать десяток похожих? К тому же было в них что-то странное.

Я нахмурилась: определенно, в этих снимках чувствовалось что-то знакомое, но...

Где-то хлопнула дверь и я, вздрогнув, быстро вернула на место «улики» и метнулась к книжной полке, сделав вид, что рассматривала потертые тома. Сердце отчаянно колотилось. Верно говорил инспектор Сольбранд, любопытство рыбку сгубило.

Распахнутая сильной рукой дверь ударилась о стену, но хозяин дома не обратил на это ни малейшего внимания. Следом за ним с чайным подносом в руках семенила все та же служанка, от которой по-прежнему едва уловимо тянуло экзотическим ароматом османтуса.

- Ох, это вы! – просияла она. – А я как раз заварила чай с бергамотом! И эклеры удались.

Все тот же шарфик пропавшей барышни Бирты украшал скромное платье служанки, и от этого стало жутко. Сердце заколотилось, ладони стали влажными... Мои догадки подтвердились, но лучше бы это было не так!

- Рейни, - шикнул на нее хозяин, - помолчи и ступай прочь. Я сам управлюсь.

Женщина торопливо поставила поднос на стол и, не поднимая глаз, удалилась, а господин Гюннар повернулся ко мне.

- Здравствуйте, - произнесла я осторожно, едва сдержав порыв попятиться.

- Здравствуйте. Присаживайтесь, - одарив меня странно пристальным взглядом, он указал рукой на кресло, и я послушно присела на краешек, сложив руки на коленях.

Под пронзительным взором фотографа, который, похоже, позабыл о своей роли рассеянного чудака, я чувствовала себя неловко и напряженно улыбалась. Хозяин дома сидел молча, предоставив мне самой начать беседу.

- Мне рекомендовали вас как прекрасного фотографа, и я

хотела бы заказать семейный портрет.

- Портрет? – проговорил он, словно не понимая смысла слов. Пахло от него прогорклым маслом.

Я кивнула, потом, спохватившись, уточнила:

- Видите ли, мой сын приедет всего на два дня, и мне хотелось бы, чтобы к его приезду уже все было готово.

Господин Гюннар будто не слышал, пристально меня рассматривая. Ощущать себя букашкой под увеличительным стеклом было неприятно. Сжав пальцы, я глубоко вздохнула и поднялась:

- Простите, вижу, вас не заинтересовало мое предложение. – Голос мой звучал холодно и отчужденно. – Я дам знать, когда прибудет ваш заказ.

Едва я успела сделать несколько шагов, как меня догнал повелительный окрик:

- Распустите волосы!

- Что?! – переспросила я, невольно оборачиваясь, удивленная таким беспримерным нахальством. Косы мои были убраны под шляпку - ходить с непокрытой головой считалось неприличным.

- Распустите волосы! – резко повторил фотограф, вскочив.

- Вы слишком много себе позволяете! – бросила я, решительно взявшись за ручку двери. Теперь господин Гюннар стал мне откровенно неприятен, и подозрения превратились в твердую уверенность.

К тому же (с испуга, не иначе) я наконец вспомнила, почему портреты в ящике стола показались мне странными! Похожий был и у меня – изображение моей покойной дочки.

Привычная боль шевельнулась в сердце. После моей девочки не осталось даже фото - дагерротипия из-за длительной выдержки требовала долгого сидения в неподвижной позе, что для живого и активного ребёнка было практически нереально. К тому же художественные портреты были весьма дороги, а в те времена мы жили небогато.

Среди безутешных родственников были популярны такие съемки, когда мертвым придавали вид живых, чтобы сохранить образ дорогого человека. Но, если присмотреться, фальшь становилась очевидна.

Несложно догадаться, у фотографа столько разнообразных портретов умерших девушек! Он не просто причастен к преступлениям, он сам убийца!

Перепугавшись, я бросилась прочь, но меня остановил сильный рывок сзади.

«Почему я пришла сюда одна?!» - кольнула запоздалая здравая мысль, и на меня обрушилось беспамятство...

Придя в себя, я не сразу вспомнила, что со мной и где я нахожусь. Голова болела, а тело затекло от неудобной позы.

Попытавшись убрать упавшую на глаза прядь волос, я обнаружила, что мои лодыжки и запястья надежно связаны, а шляпка и шпильки исчезли. Похолодев, я вспомнила все и огляделась в панике.

Фотограф чуть поодаль спокойно занимался своими делами.

- Я сказала мужу, куда иду! – отчаянно храбрясь, заявила я громко. – И меня провожал его ординарец, он скоро вернется!

А ведь Утер действительно знает, где я! Вспыхнула и сгорела бенгальским огнем надежда: я ведь сама его отослала...

- Вы врете, - равнодушно бросил господин Гюннар, продолжая возиться с непонятным оборудованием, – но это не важно. Вы мне нужны и я вас получу. Они поймут.

Я глубоко вздохнула, пытаясь сдержать малодушный всхлип. Кто такие «они» и что означает «получу»? Кажется, он окончательно сошел с ума!

Господин Гюннар не дал мне времени для размышлений. Оставив непонятные приборы, он устроился на диване рядом со мной. От мысли о собственной беспомощности что-то внутри сжалось, а от остро-свежего запаха цитронеллы затошнило. Боюсь, отныне я возненавижу это эфирное масло. Разумеется, если успею.

- У вас чудесные волосы... – проговорил фотограф мечтательно, перебирая пальцами мои распущенные рыжие локоны и щуря глаза.

- Спасибо за комплимент! – едко ответила я, вздрагивая от случайного касания пальцев к шее (словно улитка проползла по коже!).

- Они будут прекрасно смотреться... – продолжил господин Гюннар, играя с длинными прядями. Он как будто пробовал на мне разные прически: собрал волосы вверх, потом перебросил через плечо, затем подогнул, как каре, не обращая внимания на мои попытки вырваться.

Внутри все дрожало от ужаса, а сердце отчаянно колотилось. Боги, милосердные мои боги, он обращался со мной, будто с куклой!

Наконец господин Гюннар наигрался и отпустил меня.

- Хорошо, что я наконец придумал, как раскрасить фотографию! – с довольным вздохом заметил он. Склонив набок голову, полюбовался мной, потом слегка поправил локон у самого лица и пробормотал: – Это пламя погасло бы на обычном дагерротипе... Я не собирался вас трогать, но не удержался. Ваши волосы достойны моего таланта! Рыжих у меня еще не было...

Надо попробовать на черном шелке, это символично. А потом... Алый бархат или лучше кровь на белом?

Мужчина словно не замечал меня, должно быть, разглядывая мысленным взором композицию будущего шедевра.

Призвав на помощь все свое актерское мастерство, отточенное более чем десятью годами брака, я улыбнулась и кокетливо взглянула на господина Гюннара из-под ресниц.

- Я охотно буду позировать, только развяжите меня, пожалуйста... Согласитесь, так будет намного интереснее...

- Нет, вы попробуете сбежать, - непреклонно ответил он. - Вы все пытаетесь... Я сначала пробовал связывать, но все равно вырываются...

- Кто – все? – спросила я, перестав изображать пустоголовую кокетку.

Фотограф легко подтвердил:

- Все модели. Пойдемте, я вам покажу! Пора познакомить вас с подружками.

Он хихикнул, заставив меня похолодеть.

Господин Гюннар тащил меня на руках, даже не подумав развязать. Он пронес меня по коридору, затем по лестнице вниз, в подвал. Отпер дверь, открывая небольшую комнатку, заставленную старой потертой мебелью. Похоже на чулан для ненужных вещей.

Не останавливаясь, господин Гюннар пронес меня через кладовку, наконец поставил на ноги и отпер еще одну дверь, замаскированную выцветшим гобеленом.

Жестом фокусника распахнул обе створки, гордо демонстрируя обещанный «сюрприз».

Яркий электрический свет на мгновение заставил меня зажмуриться. В нос ударил гнилостный душок, и я распахнула глаза.

- Боги, милосердные мои боги! – прошептала я неверяще.

Некое подобие варварски роскошной гостиной. Среди звериных шкур и ярких подушек возлежали и восседали девушки, задрапированные богатыми тканями... Помертвевшая кожа, глядящие в никуда глаза, холодная неподвижность, роскошные волосы – светлые, темные, русые и каштановые, витающий в комнате запах. По стенам развешаны фотографические портреты - будто зеркала, в которых отражались те же мертвые девушки.

Я почувствовала тошноту, поняв, что заботливый изувер старательно сохранял свои жертвы, бальзамируя несчастных и раскрашивая их мертвые лица. Невинные жертвы «искусства» фотографа.

Из-за неумения или недостатка ингредиентов теперь тела

были на разной стадии разложения. Так вот зачем он приходил!

Такая же участь ожидала и меня. Осознав это, я с трудом удержалась от позорной истерики.

Не хочу лежать здесь сломанной куклой! Боги, милосердные мои боги, за что?!

Страх туманил мысли, словно хлороформ. Говорят, утопающие не могут плыть, их ведет инстинкт, заставляющий выпрыгивать вверх, а не плавно двигаться по поверхности воды. Животный ужас поднимался изнутри, заставляя кричать и звать на помощь...

Отрезвила меня пощечина, потом еще одна и еще. Не сильные – видимо, фотограф боялся, что останутся следы. Я с отчаянием подумала, что надо разбить лицо – хотя бы об угол стола – как только представится возможность. Наносить раны самой себе сложно, но это была единственная возможность хоть как-то подпортить триумф сумасшедшего. В конце концов, терять мне нечего...

Фотограф смотрел обиженно, словно Ингольв, когда подарил мне дорогие духи, а я не сумела изобразить радость, передернувшись от приторно-душного аромата. От этого дикого сравнения я моментально пришла в себя.

Тем временем господин Гюннар усадил меня в ближайшее кресло и тщательно закрыл дверь в комнату с мертвыми девушками. Сразу стало легче дышать, хотя из-под двери по-прежнему тянуло запахом тления.

- А я думал, вы поймете, – с какой-то обидой проговорил он, останавливаясь передо мной. – Вы же знаете, что лилии лучше пахнут, когда умирают. Вы убиваете цветы, чтобы получить свои экстракты и масла.

- Послушайте, но ведь это совсем разные вещи! – попыталась я достучаться до его дремлющего разума. – Одно дело – растения, и совсем другое – люди!

- Все мы – создания богов, - равнодушно возразил он. – Знаете, я много экспериментировал. И могу сказать, не приукрашивая, что достиг определенных успехов. Я хочу показать людям красоту увядания, изящество разложения...

В нервном трепетании его пальцев, в дрожании кадыка читалось почти экстатическое чувство.

Я невольно фыркнула, на мгновение забыв о своем прискорбном положении. Не переношу декаданс! Решительно не понимаю прелести тлена и угасания. Глупо, как слова кухарки, что подгоревший пирог даже вкуснее. В жизни столько прекрасного, что стремиться к смерти нелепо!

- Вы все равно никуда не денетесь! – совершенно

сумасшедшая улыбка перекосила его лицо, и я вздрогнула, уставившись на него с ужасом. Он продолжил, рассматривая меня, будто безделушку в лавке: - Это же настоящее искусство – убивать! В каждом случае нужен свой подход. Где-то нужен нож, где-то шелковый шнурок или магия...

Фотограф разговаривал сам с собой, как будто я была всего лишь частью интерьера. И от исходящего от него запаха какой-то химии и разложения меня едва не вывернуло.

- Ладно, пора начинать! – любовно глядя на меня, он откуда-то вынул тесак.

У меня не выдержали нервы.

- Помогите! Помогите! – завопила я, понимая, что это бесполезно. Едва ли слуги придут мне на помощь, а с улицы просто не услышат. – Кто-нибудь, помогите!

- Не смейте кричать, слышите! – истерично велел фотограф, схватив меня за горло.

Я смотрела в глаза своей смерти, и сознание корчилось от ужаса, видя дикий блеск этих глаз. Дурочка, какая же я самонадеянная дурочка! Боги, милосердные мои боги, неужели все закончится вот так?

«Валериан...» - подумала я, жалея, что не успела попрощаться с сыном...

Неподалеку раздался грохот, словно кто-то мчался, отшвыривая с пути мешающие предметы. Мгновение, и за спиной господина Гюннара распахнулась дверь. Он повернулся на шум, выпуская меня.

«Утер!» - хотела сказать я, но истерзанное горло не повиновалось. Надо думать, он решил, что меня слишком долго нет, что-то заподозрил и решил проверить...

Разъяренный ординарец молча бросился на моего обидчика.

Забившись в кресло, я наблюдала за дракой, забывая дышать. На стороне господина Гюннара было оружие, зато Утер превосходил его умением...

Ловкое движение фотографа, и из руки ординарца хлынула кровь. Я закусила губы, пытаясь удержать крик – боялась хоть на мгновение отвлечь своего спасителя.

Несмотря на рану, Утер не собирался отступать. Он удвоил усилия и наконец выхватил из руки сумасшедшего нож.

- Мразь! – выдохнул Утер, с силой ударяя его рукоятью в висок.

Фотограф без звука осел на пол.

По щекам моим покатились слезы, а дрожащие губы улыбались. Подозреваю, выглядела я в тот момент жалко, но мне было все равно. Ординарец разрезал связывающие меня веревки и

осторожно поставил на ноги. Рыдая, я прижалась к нему, цепляясь за него, как утопающий хватается за спасательный круг.

- Будет, будет, - приговаривал Утер, неловко гладя мои волосы.

- Я хотела... а он... – хрипло и сбивчиво бормотала я.

Ординарец поморщился и осторожно отодвинул руку.

- Вы же ранены! – спохватилась я, торопливо вытирая щеки. - Простите меня. Вам нужна помощь.

- Потом! – отстранился Утер. – Леденцы...

- Да, - спохватилась я. – А... Он?

Ординарец пожал плечами. Вдвоем мы кое-как связали сумасшедшего и, поддерживая друг друга, выбрались наружу.

В доме уже сновали сыщики, и увидев их, я окончательно поверила в чудесное спасение. Впоследствии выяснилось, что Утеру не понравился мой визит к постороннему мужчине, так что он потихоньку пробрался в дом через окно и услышал мои крики. Как тут не порадоваться столь трепетному отношению ординарца к чести командира?

Словом, опасного безумца ждала лечебница, убитых девушек - достойное погребение, Утера – доктор, инспектора – похвала начальства, а мне предстоял нагоняй от драгоценного супруга.

Меня доставили домой в полицейской двуколке. Наверное, стоит принять чего-нибудь успокоительного после всех треволнений сегодняшнего дня. Пожалуй, валериана с пустырником подойдут...

Дверь распахнулась, и на пороге показалась Сольвейг. Она смерила подозрительным взглядом меня, осторожно поддерживаемую под локотки бравыми констеблями. Воображаю, как я выглядела: простоволосая, растрепанная, с покрасневшим от слез лицом и в сопровождении полиции!

- Явились! – буркнула Сольвейг не очень-то приветливо и припечатала: - От дурной головы и ногам покоя нет!

Я усмехнулась: неплохое напутствие. Хорошо хоть не эпитафия...

Глава 2. Любовное зелье.

В тот вечер я возилась с травами в «Уртехюс». Ингольв все еще злился, так что я старалась поменьше времени проводить дома. Муж долго меня отчитывал, узнав об истории с фотографом.

В памяти всплыло перекошенное лицо Ингольва.

- Ты что, совсем ничего не соображаешь?! – горячился он. - Какого... тебя понесло в его дом? Ты хоть понимаешь, что скажут

люди?

По его мнению, моя вульгарная манера совать нос не в свое дело компрометировала уважаемого полковника.

- Тогда господин Гюннар продолжил бы убивать девушек, а не оказался бы в тюрьме! - не выдержала я.

- Так ты еще и споришь?! – взвился муж, угрожающе нависая надо мной.

Ингольв весьма болезненно относился ко всему, что могло бросить тень на его положение. Надо признать, для этого у него имелись причины. Когда мы поженились, Ингольв был в звании лейтенанта, и без меня он вряд ли достиг бы нынешнего положения. И он никогда не сможет этого забыть...

Словом, неделю назад мы поссорились.

Некрасивые подробности не шли из головы: искаженный злостью рот мужа, обидные слова. Если бы память о приятных моментах была столь же крепкой! Но невесомое благоухание яблоневых лепестков испаряется из мыслей так же быстро, как увядают цветы, а вот горькие плоды болезненных воспоминаний хранятся годами...

Позабыв о греющихся на плите ингредиентах, я сидела, подперев голову рукой, и смотрела в окно. На стеклянной поверхности дрожали и танцевали тени, и, как в зеркале, проступали какие-то образы, которые тут же смывал ливень.

Так одиноко... Если закрыть глаза, то можно представить, что это не дождь стучит, а почтальон, который принес долгожданное письмо. Глупо, ведь Ингольв не позволил мне вести переписку с родными и друзьями.

Я словно вновь слышала резкий тон новоиспеченного мужа: «Запомни, теперь твое место рядом со мной! Не хочу, чтобы родственники настраивали тебя против меня! Так что не смей им писать, я запрещаю».

И свой собственный, растерянный и оттого по-девчоночьи тонкий голосок: «Любимый, но ведь это моя семья!»

«Теперь твоя семья – я», - отрезал тогда Ингольв...

В такие ненастные вечера кажется, что я одна во всем мире, и горло стискивает от безысходности. Тоска пахнет пылью, прибитой дождем...

Все вроде бы хорошо: дом, сын, муж, любимая работа... Но чего-то, важного и необыкновенного, уже никогда не случится. Жизнь так и будет катиться по наезженной колее, оставляя далеко позади упущенные возможности и заброшенные мечты. И ничего не изменить.

Я похожа на волка, который давным-давно попал в капкан и, чтобы выбраться, отгрыз себе лапу, а теперь вынужден

перебиваться остатками чужих пиршеств. И иногда, лежа под укрытием еловых лап, тоскливо глядит в небо и сожалеет, что тогда не смирился и не издох.

«Охотники натирают капканы травами, чтобы заглушить настораживающий запах железа», - вспомнилось вдруг. Вот и я попалась в такую ловушку с ароматом трав. В капкан любви…

К чему эти глупые мысли? В Хельхейме разводы чрезвычайно редки, поскольку для этого у супругов не должно быть детей. Наш сын родился меньше чем через год после свадьбы, так что рассчитывать на расторжение брачных уз не приходилось. Разве что следом за Фиалкой умрет и Валериан, но даже думать не хотелось о такой страшной цене свободы!

Я давно смирилась со своей судьбой, сроднилась с клеткой, прутьями которой стали долг, приличия, ответственность перед сыном. Глупо сетовать на последствия собственного выбора.

Дождь – это время сожалений и одиночества, но он может только плакать. А плакать бессмысленно…

Впрочем, сидеть в сумерках, смотреть в окно и предаваться бесплодной тоске еще глупее и совсем не в моем характере! Это просто октябрь, дождь и противный холод.

Заставив себя отвлечься от бесплодных размышлений, я обнаружила, что вода на бане почти выкипела и кинулась к плите. Следовало приготовить несколько экстрактов.

С древнейших времен для лечения болезней использовались растения и животные компоненты. В религии и медицине, парфюмерии и косметике, даже в кулинарии широко применялись лекарственные травы.

Из зелени, цветков, плодов или корней получали экстракты: масляные, водные, спиртовые, а также эфирные масла. Это квинтэссенция растения, его ”жизненная сила”.

К сожалению, многие сведения о травах утрачены, чему немало поспособствовал Рагнарёк. До сих пор удалось восстановить не более трети знаний предков.

По счастью, мне не требуются старинные рецепты, достаточно обоняния. Аромаг интуитивно ощущает дисгармонию в окружающих ароматах и умеет ее устранять.

Надо думать, моя работа напоминает настройку музыкального инструмента. Когда фальшь неуловима для обычного слуха, но ты ощущаешь ее так остро и явно, как скрип ножа по стеклу, и знаешь, какой колок подкрутить, чтобы ее устранить…

Дождь ли навеял грустные мысли или банальная осенняя хандра, однако будничные дела никак не могли меня отвлечь.

Я измельчала валериану для экстракта, невольно вспоминая

сына.

По давней семейной традиции всем дети в нашей семье дают «растительные» имена. К примеру, бабушке Розе это царственно-неприступное имя очень подходило.

Всю первую беременность настроение у меня скакало, как бешеный тюлень, а я опасалась применять сильнодействующие средства. Вот и получился Валериан, в честь той самой травки, которая помогла мне пережить те месяцы.

Лучше бы я назвала Лемонграссом или Миртом, чтобы умел жалить, а не только спокойно сносить насмешки отца.

Валериан унаследовал мои способности – большая редкость для мальчика, и мало интересовался футболом, марками и чем там еще положено интересоваться ребенку его лет. Множество поколений предков Ингольва были военными, так что он даже слышать не хотел об иной карьере для сына.

Как он там, совсем один среди чужих людей и непривычных порядков? По словам Ингольва кадетам не позволено писать домой первые полгода, якобы с целью скорейшего привыкания к режиму.

Разумеется, я беспокоилась, хотя Ингольв и господин Бранд высмеивали мои страхи...

Постепенно сгущались сумерки. Я механически измельчала травы, заливала их подогретым маслом или разбавленным спиртом, ставила банки со смесями на водную баню. Хорошо прогрев, снимала и, подписав, помещала в теплое темное место, где им предстояло настаиваться долгие недели...

Отвлекая меня от тяжелых раздумий, в дверь постучали. Хм, слишком поздно для визитов!

С досадой крикнув: «Войдите!», я сняла перчатки и направилась в приемную.

Сначала в «Уртехюс» вплыла шляпа. Именно так – широкополый головной убор, обильно украшенный разноцветными перьями, будто двигался сам по себе, совершенно затмевая хозяйку. Обладательница этого великолепия попросту терялась в тени вишневого бархата с розовой, серой и серебристой отделкой. Пришлось приложить некоторые усилия, чтобы различить ее лицо (к слову, довольно миловидное).

Никогда не понимала бездумную погоню за модой. Подобные «прелестные» вещицы вызывают зависть женщин и полнейшее недоумение мужчин. Разве так сложно понять, что любой наряд должен, прежде всего, подчеркивать достоинства?

- Здравствуйте, - улыбнулась я, разглядывая посетительницу. Пахло от нее замечательно, леденцами - маслом лиметта. – К сожалению, время приема уже закончилось...

- Меня зовут госпожа Мундиса. У меня... деликатный вопрос... – смущенным шепотом поведала она - эдакий воробышек в павлиньих перьях. – Простите за поздний визит. Не хотелось, чтобы муж знал, и люди станут спрашивать. Я не знаю, стоит ли...

Интересное у нее имя - «лунный лед» или «лунная судьба» (я не сильна в хельском).

- Со мной вы можете быть совершенно откровенны! – заверила я.

- Вы не понимаете! – Клиентка покачала головой, отчего многочисленные перья на шляпе пришли в движение. Свет упал на ее лицо, и сразу стали заметны глубокие тени под красивыми голубыми глазами.

- Так объясните! – боюсь, это прозвучало нетерпеливо.

Я демонстративно взглянула на часы, и госпожа Мундиса тут же заторопилась.

- Понимаете, меня очень любит муж! - выпалила она, после чего ожидающе посмотрела на меня.

- Хм... – глубокомысленно заметила я, пытаясь сообразить, в чем заключалась проблема. Так и не найдя приемлемого объяснения, произнесла осторожно: - Я нахожу это чудесным.

- Чудесным?! – взвизгнула госпожа Мундиса, от которой резко повеяло кислым – не прохладно-кисловатой нотой лимона, а прокисшим супом. Похоже, она на грани истерики. – Вы ничего не поняли! Он *чересчур*, – последнее слово прозвучало с явным нажимом, - *чересчур* меня любит!

Я машинально потянулась к пузырьку с мятой – от ее отчаяния стало нечем дышать, оно отдавало на языке противным привкусом. Подхватив женщину под локоток, я усадила ее на софу и присела рядом.

Теперь накапать на камешек несколько капель масла (к слову, это самый простой способ использования эфиров). К слову, мята хороша для снятия излишнего волнения, учащенного сердцебиения и спазмов, а также освежения мыслей.

- Вот, возьмите и подышите! - велела я, протягивая клиентке тот самый кусочек известняка.

Она взглянула дико, но взяла.

С минуту мы молчали: гостья – напряженно, дыша, будто выброшенный на берег кит, а я – тихонько ее изучая.

Судя по наряду и манерам, госпожа Мундиса принадлежала к приличной семье среднего достатка. Платье модного в этом сезоне оттенка, шляпка, обильно украшенная продукцией птицефермы, - определенно, обладательница этого наряда не жаловалась на бедность.

Уже несколько лет поговаривали о введении паспортов для

всех жителей Хельхейма, чтобы всегда знать, кто есть кто. На мой взгляд, с этой ролью вполне справлялась одежда. Обладая толикой здравого смысла и наблюдательностью, можно многое сказать о незнакомце по покрою, отделке, обуви и прочим деталям. Бумаги подделать проще.

Спустя некоторое время, убедившись, что женщина немного успокоилась, я велела:

- А теперь рассказывайте все!

- Все?! – переспросила она, округлив глаза.

- Все! – сурово кивнула я и раздраженно заправила за ухо выбившуюся из прически рыжую прядь. Вьющиеся волосы не удержать никакими шпильками!

Клиентка тут же успокоилась. С такими дамами нужно быть строже, иначе слезы и невнятные жалобы займут, по меньшей мере, полдня.

- Так что случилось с вашим мужем? – задала наводящий вопрос я и добавила: - Пожалуйста, будьте откровенны, иначе я не смогу вам помочь!

- Он... он... – пролепетала госпожа Мундиса и наконец выпалила: - Он слишком злоупотребляет супружескими правами!

- В каком смысле? – не поняла я.

Под данной обтекаемой формулировкой могло скрываться все, что угодно – от запрета на покупку новой шляпки до рукоприкладства.

Посетительница залилась краской, сжимая кулаки и скользя взглядом по обстановке.

От нее пахло миртом, чуть смолянисто и свежо. Смущение.

- В прямом смысле! - и шепотом объяснила: - Мы с Холлдором только три месяца женаты и он... он слишком часто выполняет супружеский долг!

- Слишком часто – это сколько раз? – заинтересовалась я.

В понимании некоторых излишне добродетельных дам и одного раза в месяц много. Разумеется, порядочной женщине не полагалось не только даже думать об этом, но аромагу дозволено многое. Бабушка наставительно говорила, что леди в любой ситуации остается леди, и о столь низменных потребностях вообще не должна упоминать. На что дедушка смеялся и рассказывал некоторые истории из ее собственной практики (презабавные и весьма фривольные, должна заметить!).

- Обычно четыре-пять, – призналась она чуть слышно.

- Хм, – начала я осторожно, припомнив собственный медовый месяц, - четыре-пять раз в неделю у молодых супругов бывает. Возможно, со временем...

- В *неделю*?! – перебила она невежливо. – В ночь! Прошу вас, сделайте что-нибудь, я больше так не могу!

Так вот откуда у нее синяки под глазами и несколько скованная походка!

Признаюсь, отнестись к ее проблеме с должным сочувствием (и серьезностью!) оказалось непросто.

- Хорошо, подумаем, что можно сделать, – согласилась я, раздумывая над возможным курсом.

По правде говоря, в моей практике до сих пор встречались противоположные жалобы, но тем интереснее...

Быть может, мазь? Примерно так, как детям мажут пальцы горькой гадостью, чтобы отучить от дурной привычки грызть ногти.

Воображение услужливо предложило скипидар, но данный вариант я, поразмыслив, отвергла как негуманный. Тогда уж лучше что-то вроде обезболивающего, чтобы уменьшить чувствительность...

Клиентка сидела рядом и взирала на меня полными надежды глазами, казалось, боясь дышать. Представляю, как она, высунув от усердия кончик языка, будет умасливать мужа охлаждающим составом!

- Возможно, лучше прописать вам, скажем так, стимулирующее средство? – осторожно предложила я, отчаянно пытаясь удержаться в рамках приличий.

Госпожа Мундиса отпрянула, инстинктивно закрывшись руками, и протестующе замотала головой. От нее опять остро потянуло миртом – символом невинности и чистоты – острым и свежим, немного напоминающим эвкалипт.

- Подумайте хорошо, - увещевала я мягко, - вы не сможете постоянно избегать... хм, внимания мужа...

Надо думать, муж ее весьма гордился той самой мужской мощью, которая до смерти перепугала его молоденькую жену. Теперь она мечтала любой ценой спастись от нежных поползновений.

«Все хорошо в меру», - вспомнилось высказывание классика.

- Не волнуйтесь. Все будет, как вы скажете, - заверила я, отворачиваясь, чтобы спрятать улыбку.

Перебрав и отвергнув с десяток всевозможных рецептов, я остановилась на несложном составе. Чай из мяты и чабреца, масло витекса - его пряный вкус легко замаскировать в десертах или напитках. Также годился майоран...

Я тут же сделала смеси и объяснила, как их применять, особенно упирая на точность дозировки.

Клиентка краснела, бледнела, но послушно внимала. Воспользовавшись этим, я прочла ей небольшую лекцию о взаимопонимании между супругами в интимных вопросах (чувствуя себя матерью, наставляющей юную дочь). Также рекомендовала безвредное стимулирующее средство, чтобы внимание мужа было ей не в тягость. Или хотя бы съедать побольше шоколада – с той же целью...

Чем только не приходится заниматься аромагу!

Уклончиво пообещав подумать, она выскользнула из «Уртехюс», бережно прижимая к груди пакет с драгоценными снадобьями.

Проводив ее взглядом, я с сомнением покачала головой. Боюсь, она едва ли прислушается к последней части моих советов.

Зато визит госпожи Мундисы заставил меня позабыть грусть и вспомнить, что в любой противной гусенице нужно видеть бабочку...

Выйдя из «Уртехюс», я передернулась и зябко закуталась в теплую шерстяную шаль. На улице было не очень холодно, скорее промозгло: пронизывающий ветер и сырость. Зато пахло замечательно! Обожаю свежий, озоновый аромат, когда в воздухе дрожат мелкие капельки воды, отдающие на языке мятным настоем. Так чудесно открыть настежь окно и подставить лицо дождю, с восторгом наблюдая за буйством стихии! Есть что-то завораживающее в неистовстве грозы, огненном исступлении пожара, резких порывах ветра, - во всем, перед чем люди ощущают себя беспомощными букашками. Век за веком мы пытались обуздать эти дикие силы, но вновь и вновь терпели поражение...

А дома был тихий семейный вечер. Отец и сын устроились в креслах у камина, негромко беседуя. На столике газеты, в руках у мужа спицы, а свекор орудует крючком. В Хельхейме вяжут все, от мала до велика. Разумеется, кроме меня - терпеть не могу это рукоделие! Хотя чем еще заниматься долгими зимними вечерами (то есть с октября по май)?

От идиллической сценки веяло чем-то привычным и родным.

В камине ярко пылал огонь. Пламя ярилось, отчаянно рвалось на свободу, плевалось искрами и злобно гудело в трубе, но оказалось бессильно перед человеческой изобретательностью.

От него исходил густой смолисто-коричный аромат, в вазе на столе радостно благоухали апельсины, а от мужчин попахивало коньяком. Я тихонько вздохнула: снова! Как будто Ингольв задался целью все делать мне назло.

- Добрый вечер, - улыбнулась я, привычно устраиваясь чуть поодаль, хотя рядом с Ингольвом пустовало кресло. Но оно аккурат между мужчинами, а встревать между ними небезопасно.

- Милый, очистить тебе апельсин? – предложила я, предвкушая, как брызнет из надрезанного плода солнечный аромат.

От одной этой мысли стало теплее. Огонь в камине прыгал, как котенок, будто предлагая его погладить, и тогда в ладони вопьются, как коготки, острые оранжевые искорки.

Я невольно потерла озябшие руки, и это, разумеется, не ускользнуло от внимания моего персонального домашнего тирана.

- Замерзла? Сама виновата! - позлорадствовал свекор, искоса взглянув на сына, и завел обычную волынку: – В мое время порядочная женщина ни за что не стала бы работать! Тем более когда муж сидит дома один! Стыд!

Казалось, Ингольв вообще меня не замечал. Он беззвучно шевелил губами, подсчитывая петли, и с залихватским видом позванивал спицами, будто рапирой. В проворных пальцах рождалось сложное плетение узора (кажется, это будет свитер).

Самое забавное, что муж в самом деле любил это занятие, полагая, что оно успокаивает нервы. Лучше бы он принял пару капель нарда, но предлагать подобное «шарлатанство» не стоило.

Кстати, Ингольв оставался дома лишь два-три вечера в неделю, остальное время проводил невесть где, отговариваясь делами. Я давно перестала спрашивать, почему им нельзя уделить внимание днем. Какой смысл задавать вопросы, ответы на которые известны заранее?

Я очистила и разобрала на дольки три спелых фрукта, два из которых преподнесла благоверному и его ворчливому отцу.

Господин Бранд не упустил случая пробурчать, что апельсины следует чистить совсем не так...

От продолжительной лекции меня спасла реплика Ингольва:

- Ты помнишь, что завтра мы приглашены к мэру?

Он тоже определенно не был расположен к уроку домоводства, поэтому ухватился за первую попавшуюся тему.

- Конечно, дорогой, - подтвердила я покладисто, с наслаждением пробуя сочную мякоть.

- Оденься понаряднее! – потребовал он тут же.

- Разумеется, милый, как скажешь! - Само послушание, кроткая и милая.

- Зачем это? Нечего перед чужими свои... достоинства выставлять! – тут же вмешался «тактичный» свекор.

Ингольв на него только зыркнул, и тот капитулировал, изобразив приступ кашля.

Тут муж вспомнил, что мы все еще в ссоре, и снова замкнулся в угрюмом молчании.

Не выдержав напряженной тишины, нарушаемой только позвякиванием спиц, треском огня и покашливаниями свекра, я сбежала в спальню.

Разумеется, ночью муж ко мне не пришел, хотя обычно в подпитии появлялся обязательно. Видимо, это задумывалось как наказание...

Зато я превосходно выспалась, так что к вечеру не требовалось особых ухищрений, чтобы хорошо выглядеть. Эффектный туалет, немного масла розы на кожу, медовый бальзам на губы и волосы, уложенные локонами у лица – вот и все.

Ингольв оценил эти старания по достоинству: несколько минут не мог отвести взгляда, а потом даже выдавил что-то одобрительное. Приятно, поскольку иногда я чувствую себя женщиной из бородатого анекдота, которая надела на голову ведро, пытаясь привлечь внимание мужа. Разумеется, безуспешно...

Мы сели в автомобиль. За рулем в этот раз был сам Ингольв (Утер все еще не оправился от ранения). По правде говоря, из мужа никуда не годный водитель, поэтому не было пределов моей радости, когда машина остановилась у особняка мэра.

Нас любезно приветствовали хозяева: господин Фритрик и его жена Гюльвейг, похожая на гладиолус – высокая, величественная, в изысканной шляпке и простом платье с затейливыми украшениями на рукавах и у шеи. Помнится, весь остров недоумевал, как мэра угораздило на склоне лет жениться на молоденькой вдове, но он, кажется, был совершенно счастлив.

Мужчины принялись обсуждать новейшие политические веяния, а мы с хозяйкой дома обменялись традиционными любезностями.

- Моя дорогая Миррочка, вы все хорошеете! Такой румянец, и щечки округлились – вы поправились на домашней стряпне или...? – фамильярно проворковала Гюльвейг, норовя коснуться моей щеки накрашенными губами.

В любом разговоре она всегда старалась побольнее уколоть собеседника, так что особого внимания на этот выпад я не обратила.

Любовь к вкусной пище - обратная сторона чувствительности к запахам. Обоняние и вкус тесно взаимосвязаны, и без аромата кушанья теряют львиную долю своей притягательности. Впрочем, несмотря на «чревоугодие» и двое родов, я все еще могла похвастаться приятными формами.

Бывает отравленный мед, собранный с болотного вереска, аконита, азалии, рододендрона, багульника. Именно на такой пьянящий сладкий яд походила Гюльвейг.

- А вы, моя дорогая Гюль, вижу, наконец нашли достойного парикмахера? – парировала я в той же манере, пропуская мимо ушей «комплимент».

Хозяйка дома поморщилась и ответила кислой улыбкой. Пожалуй, самым слабым звеном в ее почти безупречной внешности действительно были волосы: тусклая и редкая шевелюра доставляла ей немало огорчений. Гюльвейг отчаянно пыталась скрыть недостаток с помощью шляп, накладных локонов и прочих ухищрений.

Так что она предпочла сменить тему.

- Мы так давно не виделись! Непременно завтра же к вам загляну! Мне нужен крем для лица и еще... – царственно сообщила Гюльвейг.

Взаимная неприязнь нисколько не мешала ей приобретать у меня косметику.

- Вечная тема... – хохотнул мэр. – Госпожа Мирра, господин Ингольв, простите, нам с женой нужно идти к гостям.

- Конечно, - ответил за нас двоих муж. – Мирра будет рада видеть вас, госпожа Гюльвейг.

Они отбыли, а вскоре мне пришлось успокаивать подругу, которую тоже не обошла вниманием хозяйка дома. Гуда походила на огонек свечи – неяркая, теплая и уютная.

- Зачем она так? – тихонько спросила Гуда, сжимая мою ладонь и пытаясь удержать слезы. – Прозрачно намекнула, что Торольд женился на мне ради денег! А еще что у меня сыновья не от мужа!

- Это от безделья, не обращай внимания, - посоветовала я, - Торольд тебя любит, и никакая Гюльвейг этого не изменит.

- Мне так одиноко без него, - пожаловалась она со вздохом.– Он же все время в море!

- Но он всегда возвращается, так что утри слезы и перестань думать о глупостях! К тому же у тебя есть сыновья, и младший еще несколько лет будет рядом.

Гуда наконец улыбнулась, к явной досаде Гюльвейг...

Этот вечер походил на множество других: чинные разговоры; колкости, замаскированные под любезности; перемены блюд и похвалы хозяйке дома. Не прием, всего лишь небольшой званый ужин.

Когда мужчины выкурили свои сигары и выпили по бокалу коньяку, а дамы вдосталь насплетничались, гости вновь собрались в гостиной.

Дождавшись, пока немного уляжется шум, дородный и степенный господин Фритрик потребовал всеобщего внимания и с гордостью провозгласил:

- Дорогие гости, а сейчас сюрприз! - Он обвел взглядом присутствующих, словно фокусник, упивающийся успехом нового трюка. - Для вас споют и сыграют Ратори и Петша!

Он сделал жест, будто достал кролика из шляпы, и в комнату буквально ворвалась пара. В Хельхейме живут лишь хель, люди и ледяные драконы, так что кочевых орков - южных гостей – приветствовали с восторгом.

Она, уже весьма потрепанная жизнью, но по-прежнему завораживающе яркая, и он, молоденький мальчик в пестрых тряпках, с удивительно наивным взглядом. Музыканты казались единым целым: гитара в его руках плакала и смеялась, и эти звуки будто обнимали глубокий голос женщины, заставляя сердце колотиться в груди, а глаза влажнеть...

Прослушав несколько романсов, все возжаждали танцев, и мрачноватые песни – красно-черные, огненные, жгучие, как перцовая настойка – сменились медленными мелодиями.

Осенними листьями закружились пары, повинуясь ветру нот – то взмывая ввысь, то опадая на землю...

Ингольв обнимал меня, я послушно скользила в его объятиях по драгоценному дубовому паркету и вспоминала, как танцевала с ним еще девчонкой. От запаха воска и лимонного масла у меня тогда кружилась голова, а руки и губы любимого были так близко...

Как же мы были тогда счастливы!

«Нужно помириться», - решила я и слегка погладила плечо мужа.

Раньше он непременно отозвался бы даже на такое легкое прикосновение, однако теперь лишь недовольно поморщился. Мы давно лишь изображали любящую пару. Игра на публику, не более.

Однако, как бы то ни было, он мой муж.

Следовало придумать предлог для примирения. Я отнюдь не рассчитывала на извинения: Ингольв никогда не просит прощения, даже когда сознает свою неправоту.

Нежная улыбка, несколько танцев и чуть-чуть шампанского...

Надо думать, по возвращении домой примирение должно было состояться само собой, в супружеской спальне. Однако Ингольва перехватил мой драгоценный свекор и принялся втолковывать ему что-то о политике.

Понаблюдав немного за мужем, я с досадой увидела, как в его глазах мечтательный блеск сменился совсем иным чувством, и почувствовала, что исходящий от него дурманящий запах мускуса сменился мятой и лимоном.

- Милый, я совсем устала и пойду к себе... – заявила я, вставая и расправляя складки платья. Подойдя к мужу, запечатлела на его щеке поцелуй. Ингольв слегка дернулся – надо думать, рассчитывал он вовсе не на эту почти сестринскую ласку.

Господин Бранд скептически хмыкнул:

- Мириться надумала?

Разумеется, Ингольв тут же принял неприступный вид!

Благоухая лавром - торжеством - свекор послал мне за его спиной победную улыбку. Оставалось только улыбнуться, проворковать «спокойной ночи» и отбыть к себе. Могу поклясться, что муж остался не слишком доволен таким исходом...

Добравшись до спальни, я вызвала горничную и принялась приводить себя в порядок. Протереть розовой водой усталую кожу; распустить и расчесать волосы; надеть тончайшую рубашку, которая соблазнительно обрисовала линии тела; нанести пару капель духов на точки пульса... Масла розы, сандала и ванили обволакивали меня чарующим ароматом, заставляя учащенно дышать...

Оставалось подготовить мизансцену. Уннер тихонько выскользнула из комнаты, оставив дверь приоткрытой. Она сообщила, что Ингольв уже собрался наверх.

Услышав шаги мужа (чеканит шаг, как на плацу!), я глубоко вздохнула и завизжала. Кстати пришелся опыт игр в пиратов с братьями, когда меня заставляли залезать на дерево и оттуда вопить, изображая впередсмотрящего...

Никакого риска: едва ли на мой крик явится свекор, а уж тем более слуги – Сольвейг слишком меня не любит, Сигурд редко

ночует один, а Уннер строго-настрого велено не вмешиваться.

Спустя минуту дверь распахнулась, и я бросилась мужу на шею, бессвязно бормоча:

- Прости, прости, я не должна была кричать! Я просто перепугалась. Перепугалась... Ох, прости...

Я кивнула на постель, где восседал здоровенный паук (выловленный горничной в кладовой), и, всхлипывая, умоляла избавить меня от этого исчадия Локи.

Боюсь, я переигрывала, но какой мужчина в силах думать о достоверности, когда к нему прижимается полуобнаженная женщина, а за ее спиной виднеется гостеприимная кровать? К тому же принято считать, что даже самая спокойная и отважная дама при виде мышки или паучка впадает в панику. Зачем развеивать это удобное заблуждение?

Разумеется, вскоре страшный враг был повергнут, слабая женщина в моем лице защищена и утешена, а примирение состоялось как-то незаметно и естественно...

Следующие две недели не ознаменовались ничем примечательным. Разве что разговор с Утером заслуживал некоторого внимания.

Утер выбрал момент, когда Ингольва не было дома, и постучал в «Уртехюс». При виде меня он вытянулся по струнке, изображая недалекого вояку.

- Здравствуйте. Присаживайтесь, - гостеприимно предложила я, с радостью отвлекаясь от подсчета склянок с ингредиентами.

Он жестом отказался, и я вопросительно взглянула на него.

- Здравствуйте. Доктор. Сухожилие. Отставка, - исчерпывающе объяснил Утер, кивая на раненую руку, все еще покоящуюся на повязке.

- Как жаль! – я искренне огорчилась.

Выходит, ему пришлось расплачиваться за мою глупость и самонадеянность в истории с господином Гюннаром.

– Я уверена, Ингольв назначит вам хорошую пенсию.

Утер кивнул, видимо, нисколько в этом не сомневаясь. Чего у мужа не отнять, так это заботы о своих людях. В сердцах он может нагрубить или наорать, но никогда не оставит подчиненного без помощи.

Беспокойство, легко читаемое в исходящем от Утера горьковатом аромате горчицы и маринованного лука, видимо, имело совсем иную причину.

- Сбережения. Пенсия. Хватит, - подтвердил Утер, и я вздохнула с облегчением. Он тем временем продолжил: - Сын. Вместо меня.

- У вас есть сын?!

Я даже не подозревала, что у него есть семья!

- Трое. Младший.

- Вы прочите вашего младшего сына на место ординарца Ингольва? – переварив его слова, уточнила я.

Утер молча кивнул.

- Вы хотите, чтобы я уговорила мужа?

Он снова кивнул, и от него повеяло нежным-нежным благоуханием весеннего сада. Так пахнет надежда – едва уловимый аромат распускающихся почек.

- Разумеется, я поговорю с мужем! - заверила я...

Слава Тюру, покровителю справедливости, муж не стал упрямиться, и осчастливленный ординарец вскоре убыл в родной поселок...

Следующие дни в доме царили лад и взаимопонимание. Свекор затеял генеральную уборку, поэтому слуги прилежно трудились, а Ингольв старался появляться как можно реже.

Я же с самого утра сбегала в «Уртехюс» и обреталась этом личном убежище до самого вечера. Множество посетителей не давало скучать, заставляя бегать между лабораторией и приемной, как белка в колесе.

Пожалуй, среди многочисленных гостей мне особо запомнились повторный визит госпожи Ундисы и некая дама, посетившая меня с весьма своеобразной просьбой.

Впрочем, обо всем по порядку...

Я возилась с помадой, которая никак не желала принимать задуманный оттенок, когда на пороге появилась расфуфыренная особа, в которой мне почудилось что-то смутно знакомое.

Внешне она напоминала безе: вспушенные и высоко поднятые белесые волосы походили на взбитые белки, кружевное платье пенилось вокруг аппетитной пышной фигурки. Гостью окутывал аромат ванили, молока с медом и булочек с корицей, но сквозь эту благоуханную вуаль пробивалась противная нота подгнившего картофеля.

- Мне нужно, чтобы мужчина потерял голову! И чтобы он был неутомим! – громко заявила она прямо с порога, даже не поздоровавшись.

Голос ее - колоратурное сопрано – звучал превосходно, а вот смысл сказанного и поведение... Несомненно, в ее знании правил приличия зиял большущий пробел.

- Здравствуйте! – чужая невежливость мою не оправдывает! - Прощу прощения за нескромный вопрос, но вы замужем?

Я выразительно взглянула на ее руку, отягощенную тремя массивными кольцами. Обручального среди них не наблюдалось.

- А какое это имеет значение?! – презрительно вздернув

подбородок, спросила она. – У вас есть товар, я хочу его купить. Вот и продавайте!

- Значит, нет...

Каюсь, эта вульгарная особа мне попросту не понравилась. Быть может, у аромага не должно быть симпатий и антипатий, но...

Я сладко-сладко улыбнулась.

- Боюсь, в таком случае я не смогу вам помочь, барышня, - я намеренно выделила последнее слово. Для незамужней девушки просить подобное средство – моветон! - Для этого потребуется согласие вашего... хм, возлюбленного и предписание врача.

Откровенно говоря, закон не столь строг к подобным зельям, как я пыталась представить. Письменные заявления и кавалера, и дамы, требуются лишь для опасных средств вроде шпанских мушек (которыми я, кстати сказать, не торгую). Однако это был удачный предлог для отказа.

Она еще некоторое время тщетно меня уговаривала, все повышая цену, пока я не выдержала:

- Извините, но я ничего не продаю из-под полы. Мое решение окончательное. Всего доброго!

Фразы выходили рубленые, потому что у меня разболелась голова от удушливой сладости ее духов.

Дама фыркнула и удалилась, гневно заявив напоследок:

- Ноги моей больше тут не будет!

Оставалось только пожать плечами в ответ. Настроение мне эта бесцеремонная особа испортила напрочь.

Пожалуй, нужно сделать подушечки от моли – мягкий успокаивающий аромат лаванды должен подействовать на меня благотворно...

Ее привозят с юга Мидгарда, из тех самых мест, откуда я родом. Тонкое благоухание воскрешает в памяти просторный дом бабушки и деда, стоящий на холме посреди лавандовых полей. Помню, как бабушка учила меня аккуратно обламывать сухие стебельки и наполнять соцветиями мешочки, на которых заранее вышивала руну альгиз - защита, а дедушка над ней подтрунивал и говорил, что лучше не морочить голову и взять нафталиновые шарики. Бабуля, конечно, негодовала: «Чего еще ждать от аптекаря?», но улыбалась...

Воспоминания мягкой пуховой шалью укутали душу.

Вскоре я успокоилась и уже с улыбкой думала о том, что в последнее время разнообразные «любовные зелья» пользуются спросом...

Следующий день выдался суетливым.

С самого утра примчалась мамочка с малышом, которому она

додумалась дать «взрослое» лекарство, а потом спохватилась и перепугалась. Далее прыщавый юноша, которому требовалось не столько лечение, сколько утешение. Затем гнусавая старая дева с просьбой как-нибудь успокоить ее обожаемую дымчатую кошку, которая, мол, «плакала и жаловалась от боли, бедняжка»...

С нерадивой мамашей пришлось провести воспитательную беседу. Дети и старики очень восприимчивы, поэтому далеко не все эфирные масла для них годятся, а подходящие следует брать в минимальной дозировке. К счастью, чадо нисколько не пострадало, так как «лекарство» оказалось безобидной лавандовой водой.

Юноша получил порцию сочувствия, а также мазь с оксидом цинка и маслом чайного дерева (подобные средства всегда пользуются спросом, поэтому я обязательно держу запас).

Ну а даме я как можно мягче и деликатнее сообщила, что кошечка просто требовала внимания кота. Ее нужно отпустить погулять или успокоить настойкой валерианы, причем первое предпочтительнее. Владелица несчастного животного оскорбленно заявила, что: «Моя Асгердис не такая!» и высказала много нелестного, прежде чем, наконец, удалиться...

Словом, к вечеру уже хотелось только тишины и покоя.

Чтобы немного успокоить нервы, я принялась делать мазь - это всегда умиротворяет.

«Быстрым способом», то есть на водной бане, вытяжка будет томиться часа три, а пока надо составить рецепт. Что бы еще добавить?

Немножко масла таману, настойка календулы, любисток... Совсем чуть-чуть, тут главное не переборщить.

Я так сосредоточенно отмеряла сырье и заливала его экстрагентом, что не услышала стука в дверь и вздрогнула от раздавшегося совсем рядом голоска госпожи Мундисы:

- А что это вы делаете?

Отвлекшись, я, разумеется, едва не плеснула масло в огонь.

- Работаю!

Должно быть, это прозвучало довольно невежливо, и молодая женщина залилась краской.

- Извините... – пискнула она. - А можно я посмотрю? А что это? И зачем?

- Любисток для мази от псориаза, - ответила я и направилась к шкафу за экстрактом чистотела и маслом нима.

- Ой, а правда, что он гарантирует вечную любовь?

- Вполне может быть, - отозвалась я рассеянно, отвинчивая крышку на бутылочке с маслом. Брр, ну и гадость этот ним – «благоухает» гнилым луком - но исключительно полезная гадость.

- Не зря ведь говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок...

Наконец все нужные пузырьки выстроились в ряд, на плите тихонько забулькала кастрюлька с водой, а по комнате распространился сильный запах прополиса и воска.

- Простите, что не уделила вам должного внимания, - высокопарно извинилась я, - слушаю вас. Давайте присядем, выпьем чаю. И вы расскажете, что вас ко мне привело.

Заинтересованность и внимание, которые читались на миловидном личике госпожи Мундисы, стекли, как вешняя вода.

- Холлдор мне изменяет, - убито сообщила она, безвольно опуская руки.

Сразу вспомнилась строчка из учебника: «При ревности используются иланг-иланг, ромашка, жасмин, валерьяна, герань».

Любопытно, а сами авторы подобных пособий пытались следовать своим советам? Разумеется, эфиры помогают преодолеть навязчивые состояния, но, к сожалению, не способны искоренить их причины.

К тому же масла не всегда уместно использовать. Например, мой драгоценный супруг едва ли согласится нюхать «какую-то вонючую гадость», по его собственному выражению, вместо того, чтобы немедленно получить отчет, где я «прохлаждалась» и с кем.

Я осторожно взяла госпожу Мундису под руку и усадила на диванчик. Она по-детски обняла подушку и закусила губу.

- Послушайте, может быть так будет лучше? Если внимание вашего мужа, так сказать, разделить между двумя дамами, оно станет менее утомительным... – тщательно подбирая слова, промолвила я, чтобы проверить ее реакцию. Не так давно она желала любой ценой избежать нежного внимания мужа, а теперь, надо думать, спохватилась...

И верно, она сочла меня монстром: отшатнулась, взглянула с ужасом и оскорбленно выкрикнула:

- Да вы! Как вы смеете такое предлагать?!

Я пожала плечами и козырнула одним из любимых высказываний инспектора Сольбранда:

- Не сумел срубить дерево – хотя бы натруси с него плодов!

Право, лучше иметь дело с карманниками и убийцами, чем с истеричными дамами!

Она отчаянно замотала головой.

- Ни за что! Я... я не смогу смириться. Не смогу... Он больше меня не любит!

Тут госпожа Мундиса вполне предсказуемо разрыдалась, и пришлось ее утешать. От нее пахло луковым соком - болью и слезами – остро и горько, резко до отчаяния.

- Ш-ш, не хнычьте, иначе муж заметит ваши заплаканные глазки, - гладя по руке, уговаривала я ее, как ребенка.

- Пусть! – всхлипнула она. – Пусть он все видит, пусть!

Действительно, совсем как дитя. Взрослая женщина не будет рассчитывать на жалость мужа, это вовсе не то чувство, которое ей хотелось бы читать в его глазах.

- Не говорите глупостей! – велела я строго.

- Я... я думаю, она его приворожила! – вдруг выпалила она с ненавистью. Ненависть воняет дегтем – густым, темным, липким, - и так же легко пачкает... – Он совсем потерял голову...

Что я могла ответить? Боюсь, мужчины чаще сходят с ума безо всяких приворотов.

- Пригласите меня в ваш дом, под любым предлогом, - предложила я, доверительно положив руку на плечо всхлипывающей молодой женщины и заглядывая в несчастные заплаканные глаза. – Думаю, я замечу, если что-то не так. И не вздумайте устраивать сцены и выяснять отношения: любой мужчина тут же сбежит от сварливой жены к нежной любовнице.

- Хорошо, - покорно согласилась она. - Я вам напишу.

- И возьмите вот это, - я протянула ей бутылочку с наспех смешанными эфирными маслами.

Она открыла склянку, и по комнате разлился запах. Свежую фруктово-леденцовую ноту горького апельсина оттеняли искрящийся мандарин и прохлада мяты, а самом сердце таилось чуть-чуть цветочной сладости иланг-иланга. Бледные щечки госпожи Мундисы даже слегка порозовели.

Людям больше всего нравятся «вкусные» запахи, а также радостные цитрусовые и бодрящие хвойные, - они подходят практически всем и при этом универсальны. Вот и сейчас, от благоухания будто поблек запах горя, а сквозь темные тучи обиды и ревности пробился солнечный луч.

- Накапайте на носовой платок и вдыхайте почаще. Можно смешать пять капель со стаканом сливок и влить в ванну. Это поможет. И, прошу вас, не закатывайте скандалов!

Она неуверенно кивнула, слабо улыбнувшись.

Пожалуй, ей подойдет жасмин: медово-цветочный, густой аромат не только усмиряет ревность, но и поднимает настроение, усиливает чувственность. Да, это именно то, что нужно.

Я достала с полки флакончик духов и вручила растерянной клиентке, заверив, что это средство ей непременно поможет. К этому времени она уже, должно быть, числила меня среди ближайших друзей, раз открыто обсуждала столь щекотливые темы и прибегала плакаться. Впрочем, доверие – одна из важнейших составляющих лечения.

- Вы что-нибудь знаете о... – я поколебалась, подбирая слово, и закончила: - об этой особе?

- Да! – судорожно вздохнув, она выложила немногие сведения, которыми обладала: - Ее зовут Асия, она сестра господина аптекаря. Приехала в Ингойю месяц назад. Ей двадцать семь, не особенно красива... Что он в ней нашел?!

Боюсь, на этот вопль души женщин всех времен и народов не сможет внятно ответить даже сам неверный муж.

- Не припомню, чтобы господину Фросту помогал кто-то кроме его ученика... – я поспешила перевести разговор на другую тему.

- Она не помогает брату, - презрительно фыркнула госпожа Мундиса, сморщив чуть вздернутый носик, - только за женихами гоняется. И до сих пор безуспешно, бедняжка!

В последнем слове было столько яду, что хватило бы отравить все семейство аптекаря.

- Ох, как поздно! – спохватилась она, бросив взгляд на часы. – Мне давно пора, Холлдор будет ругаться!

По-моему, ей отчаянно хотелось, чтобы он заметил ее отсутствие, разволновался, даже отчитал. Только бы не смотрел мимо! Так дети специально шалят, когда родители не обращают на них внимания.

- Жду письма, - настойчиво напомнила я.

- Конечно, - кивнула светловолосой головкой Мундиса. На этот раз на ней была шляпка попроще, бархатная, с тремя помпонами. Взяла зонтик, устремилась к двери, и только на пороге спохватилась. Помялась, потом выпалила: - Госпожа Мирра, скажите, а ваше лекарство – то, которое вы давали для Холлдора - не может вызывать болей или недомогания?

- Он заболел? – встревожилась я, откладывая в сторону плед, в который уже собралась укутаться. Проклятые хельхеймские холод и сырость пробирали до костей, хотя последний год выдался на удивление теплым.

- Да, немного. – Так может?

- Пожалуй, - признала я. Действительно, эфирные масла и травяные сборы все равно остаются лекарствами, потому возможны побочные эффекты и даже индивидуальная непереносимость, а «принюхаться» к господину Холлдору госпожа Мундиса мне не позволила. – Постарайтесь, чтобы я смогла взглянуть на него как можно скорее. И, разумеется, больше не давайте мужу тот состав, что я прописала.

– Конечно! Может быть, завтра... А теперь мне пора!

С этими словами она стремительно выбежала за дверь. Послышался фыркающий звук мотора, звонкий голос госпожи

Мундисы, чей-то бас...

Определенно, в разведку бы ее не взяли! Додумалась тоже – явиться ко мне на мужнином автомобиле, вместо того, чтобы взять кэб!

После ее визита не работалось: разболелась голова, глупые воспоминания не давали сосредоточиться, а хрупкие склянки норовили выскользнуть из рук.

Сняв передник и отставив в сторону драгоценные хельские пузырьки (выточенные изо льда и зачарованные, они предохраняли содержимое от порчи), я взглянула на часы и с огорчением убедилась, что до обеда еще больше часа. Все-таки бывают моменты, когда даже самое любимое дело не вызывает должного энтузиазма.

Решив немного побездельничать, я достала из шкафа новый роман, поудобнее устроилась в кресле у торшера и погрузилась в чтение. Все эти пылкие признания и головокружительные побеги, жаркие сцены и удивительные совпадения, должно быть, приводили в экстаз чувствительных барышень, восполняя недостаток подобной сентиментальной чуши в реальной жизни. Подобные шедевры всегда меня развлекали: живописание любовных страданий и детективные перипетии зачастую были столь нелепы, что заставляли хохотать от души.

Надо думать, я была бы безжалостным критиком, но, на счастье авторов, эта стезя меня не привлекала...

На следующий день доставили записку от госпожи Мундисы, в которой она извещала, что ждет меня завтра к ужину...

То утро я провела у портнихи, потом ненадолго заглянула в шляпный магазин. Устроила себе выходной и нисколько об этом не жалела.

После обеда я отправилась на крышу, в теплицу, и тихонько наслаждалась бездельем и ласковым шелестом листьев. В Ингойе почти все дома имеют сады под крышей, которые снабжают местных жителей всевозможными овощами и фруктами, вплоть до бананов и апельсинов. Дремлющие в глубине острова вулканы подогревают воду подземных источников, и этого тепла вполне достаточно для обогрева всего города. Камины здесь – всего лишь дань уюту и признак респектабельности.

Владения Палла, садовника, радовали глаз буйством красок и благодатной зеленью листвы, пьянящей свежестью воздуха и благословенной тишиной. Тихоня Палл принес поднос с фруктами и исчез в своей каморке, оставив меня в одиночестве...

Впервые за долгое время я дышала легко, наслаждаясь шелестом листвы, мягким светом и облаком ароматов. Как будто снова оказалась в родном Мидгарде, в бабушкиной оранжерее, и

не было всех этих лет... Впрочем, тогда не родился бы Валериан...

Послышался торопливый звон каблучков на лестнице, и спустя несколько мгновений показалась Уннер.

- К вам инспектор Сольбранд, госпожа Мирра, - присела в книксене горничная, пытаясь отдышаться. – Изволите принять?

- Разумеется! Проводи инспектора в янтарную гостиную, я сейчас спущусь.

Уннер отправилась выполнять указание, и я, вздохнув, отряхнула платье и пошла следом.

Янтарная гостиная - моя любимая комната. Из-за обилия теплых молочно-желтых, персиковых, имбирных, шафранных оттенков кажется, что солнечный свет постоянно врывается через распахнутые ставни. Оранжевый и желтый цвета подслащивают жизнь, согревают уставшее тело и душу...

Инспектор в своем черном одеянии смотрелся на этом фоне, словно чернильная клякса.

- Здравствуйте, инспектор, - улыбнулась я, протягивая руку.

Однако он будто не заметил этого жеста, даже не улыбнулся в ответ. Сжал челюсти так, что на скулах заиграли желваки, и лицо еще сильнее заострилось. Казалось, сейчас он бросится вперед, как хищная птица. От него несло яростью – жгучим запахом хрена.

Признаюсь, в первый момент я растерялась, столкнувшись со столь неожиданной агрессией.

- Инспектор, надеюсь, вы позавтракали? Потому что уверяю вас – я не съедобна! – натужно пошутила я, спокойно глядя прямо в желто-карие глаза. Неважно, что говорить – главное, продемонстрировать, что нисколько не испугана напором. В нас слишком много животных инстинктов, и уступчивость вызывает желание преследовать и нападать, хладнокровие же, напротив, отпугивает. – Выпейте и успокойтесь!

Я отворила дверцу буфета и плеснула в стакан настойки. Коньяком назвать ее можно с большой натяжкой, хотя основой действительно послужил этот благородный напиток. Мой благоверный к ней пристрастился, не подозревая, что она сдобрена изрядной порцией душицы, кориандра и бергамота. Помимо пряно-терпкого аромата травы придавали неповторимый вкус и целебное действие: улучшали пищеварение и усмиряли вспыльчивый нрав.

Едва ли муж стал бы пить травяной чай или нюхать эфирные масла, а вот вкусную «отраву» потреблял безропотно, даже с видимым удовольствием. Пожалуй, единственное, что нравилось Ингольву моей профессии - это эксперименты с алкоголем.

Господин Сольбранд одним глотком опустошил стакан, после

чего попытался перейти к причине своего визита, но я не позволила.

Дожидаясь, пока лекарство подействует, стала болтать о всяких пустяках, не давая гостю даже слово вставить. Разумеется, инспектор пропускал мимо ушей весь этот женский треп, но мерное журчание голоса и щедро рассыпаемые банальности успокаивали не хуже ударной дозы валерианы.

Наконец его сжатые кулаки расслабились, а на губах обозначилась улыбка. От него повеяло дружелюбием - прозрачно-свежей кислинкой чая с лимоном и медом.

- Еще коньяку? – предложила я, с облегчением переводя дух. Нести чушь с непривычки так же утомительно, как делать математические расчеты.

- Нет, голубушка, - отказался он, склонив голову к плечу и отчего-то хитро глядя на меня. – Очень интересная настоечка. Любопытно, что туда добавили? Вижу, вы окончательно заделались отравительницей!

Он улыбался, но взгляд был по-прежнему цепкий.

- Отравительницей? – переспросила я, поднимая брови. – Уверяю вас, инспектор, если вы сейчас забьетесь в корчах, то отравила вас не я, а ваше собственное начальство!

Господин Сольбранд рассмеялся. Его действительно обожали подчиненные, но не переносили вышестоящие чины. Как и везде, руководство ИСА не любило чрезмерно деятельных и въедливых работников.

- Именно, отравительницей, - повторил он неожиданно серьезно, - инспектор Берни настаивает на вашем аресте, голубушка, как сообщницы мужеубийцы.

От неожиданности я задохнулась. Вновь обретя способность дышать, внимательно посмотрела на своего давнего друга и убедилась, что он серьезен, как никогда. Гнев его унялся, но раздражение, недоумение, неверие пробивались сквозь наносное спокойствие. Как будто в нос шибал запах только что приготовленных духов, которые еще не успели созреть и представляли собой смесь противоборствующих ароматов. Кстати, благовония в этом смысле похожи на хорошее вино – требуют хорошей выдержки.

Тем временем инспектор, видимо, удовлетворившись моим непритворным смятением, откинулся в кресле.

- Господин Сольбранд! – строго вымолвила я со всем достоинством, на которое была способна. Поправив на груди янтарные бусы, я чинно сложила руки на зеленой шерстяной юбке и потребовала: - Прекратите, наконец, говорить загадками! Что случилось?

- Случилось? – он извлек из кармана потертую трубку и принялся священнодействовать над ней, даже не спросив разрешения.

Я слегка поморщилась – ведь инспектор прекрасно знал, что табачный дым отбивает чутье! - и с упавшим сердцем поняла, что он делал это намеренно. Отчего-то мой давний друг не хотел, чтобы его эмоции можно было унюхать, и от этого стало не по себе, тревожно и зябко.

С удовольствием затянувшись, он выдохнул густой дым, делая вид, что не заметил, как я демонстративно пересела подальше, и продолжил размеренно:

- А случилось вот что, голубушка. Некий господин Холлдор отравлен, по счастью, не насмерть, но состояние его внушает опасения. Кухарка и служанка в один голос твердят, что видели, как женушка подсыпала ему в кофе некий подозрительный порошок. Видимо, надеялась, что его смерть спишут на холеру – симптомы схожи – да вот доктор Торольв что-то заподозрил, послал за полицией и сделал какую-то там мудреную пробу. А после уверенно заявил, дескать, никакая это не холера, а типичное отравление мышьяком. Так вот, голубушка, инспектор Берни всех допросил и заарестовал дамочку. У нее и мотив обнаружился как на подбор: судачат, что супруги ругались из-за какой-то его интрижки, а она кричала, дескать, ни за что не даст ему уйти! Вот и попала госпожа Мундиса как кур в щи...

- Мундиса?! – вздрогнув, воскликнула я. До того я слушала инспектора внимательно, но несколько отстраненно, принимая его рассказ за очередную побасенку.

- Вы ее знаете? – напружинившись, он подался вперед, позабыв о трубке. – Вы давали ей что-нибудь?

- Разумеется! – кивнула я, пытаясь слегка успокоиться. Чтобы это пустоголовое невинное дитя безжалостно отравило любимого мужа, пусть даже из ревности... Нет, в голове не укладывалось. – Не верю! – произнесла я решительно. – Я не верю, что госпожа Мундиса могла это сделать.

- Слуги болтают, что она сыпала мужу что-то в еду, - терпеливо напомнил инспектор, все так же внимательно следя за мной. – А она не признается, что именно, только пролепетала, мол, у вас взяла. Вот Берни и сделал стойку. Он ведь вас, голубушка, недолюбливает еще с тех пор, как вы выходили его тещу...

Я через силу улыбнулась, вспоминая ту давнишнюю историю. Теща инспектору Берни и впрямь досталась сварливая настолько, что ее охотно огрели бы по голове не только родственники, но и соседи. Надо думать, немало молитв милосердным асам и Хель

вознеслось к небесам, когда она сильно простудилась - только не за здравие, а за упокой. Мое вмешательство позволило старушке дальше терроризировать близких, за что, если верить господину Сольбранду, некоторые меня люто возненавидели.

- Так что вы ей дали, голубушка?

- Не скажу! – мгновение поколебавшись, отрезала я.

Назвать истинную причину визита госпожи Мундисы без ее разрешения означало подорвать доверие ко мне. А подобные вещи очень быстро становятся известны!

- На дознании вам придется все рассказать, - заметил инспектор.

- Что же, тогда и посмотрим.

- Вы понимаете, насколько подозрительно это выглядит, голубушка? – поинтересовался он серьезно.

Я впилась пальцами в подлокотники кресла.

- Постойте, неужели вы всерьез заподозрили, что я продаю яды и учу ими пользоваться?!

- Голубушка, - инспектор не отвел взгляда, и вдруг показалось, что в его глазах светилось сочувствие, - у всякого наличествует своя ветвь омелы[7]...

- Да? Очень любопытно, - холодно произнесла я, вставая. – И какое же больное место у меня, по-вашему?

- Говорят, у госпожи Мундисы муж погуливает... – задумчиво произнес он, сложив пальцы «домиком».

- И?..

- Простите меня, голубушка, но то же поговаривают и о вашем...

У меня попросту не было слов. Надо думать, леденцы сочли, что я совсем помешалась от ревности и вознамерилась отравить всех неверных мужей в окрестностях?! Боюсь, в таком случае Ингойя опустела бы почти наполовину.

- Инспектор, - я мило улыбнулась и гордо подняла подбородок (понимая, что бездарно подражаю бабушке), - во-первых, мои отношения с мужем – это не ваше дело. А во-вторых, если бы мне впрямь пришла в голову такая странная фантазия, уверяю вас, я бы выбрала такой яд, о котором дорогой доктор Торольв даже не подозревает. А если вы всерьез заподозрили, что я могла кого-то отравить... Что же, тогда я вас больше не задерживаю. И надеюсь, в следующий раз у вас будет ордер, потому что без него вас даже на порог не пустят!

Я выдохлась и замолчала, тяжело дыша. В клубах табачного дыма и слабом свете комната казалась нереальной, привычные запахи тонули в этом едком дыму, заставляя меня чувствовать себя почти слепой.

- Ну-ну… – протянул господин Сольбранд неодобрительно.

Он встал, прошествовал к выходу, взялся за дверную ручку и обернулся:

- Не злитесь, голубушка. Инспектор Берни требует от начальника полиции, чтобы вас сейчас же арестовали, а того пока удерживает авторитет вашего мужа. К слову, мне запретили вам об этом рассказывать… И еще. Господин Гюннар бежал из-под стражи, и я более чем уверен, что его сознательно отпустили. Хотелось бы знать, кто и почему, но в это дело велено не лезть… Поразмыслите об этом, голубушка!

И вышел, осторожно притворив дверь.

Я бессильно опустилась, почти упала, в кресло. В голове роем рассерженных пчел жужжали мысли.

Признаю, я вспылила и была слишком резка с инспектором. Мысль, что похождения Ингольва обсуждали в кулуарах, считая меня ярящейся от ревности клушей, заставляла меня внутренне корчиться от унижения. Не столько задевал сам факт – я давно с ним смирилась – сколько роль обманутой жены. Неудачницы. Достойной жалости…

Так, прекратить немедленно! Я сжала виски, до боли закусила губу, потом отправилась к себе в спальню и нашла пузырек с мускатным шалфеем. Глубоко вдохнула - раз, другой, третий… Пока не почувствовала, как отпускает напряжение.

Совсем другое дело! Теперь надо подумать всерьез. Разумеется, я не давала мышьяк госпоже Мундисе. Тогда что она сыпала в тарелку мужа? Масла никак нельзя сыпать, разве что капать, да и к этому времени она уже наверняка перестала потчевать любимого моими снадобьями…

Неужели глупышка действительно его отравила? Я покачала головой: нет, не верю. Тогда что?!

Довольно метаться по комнате, как мышь между двумя кусками сыра, нужно сейчас же отправляться туда и порасспросить прислугу, а также доктора и, по возможности, самого пострадавшего.

По звонку явилась Уннер (после давешней взбучки она стала необыкновенно прилежна и расторопна) и я велела ей найти кэб. Подумав, нанесла на виски и запястья немного ванильных духов – ваниль вызывает доверие – и велела передать господину Бранду, что не вернусь к ужину…

Передвигаться по Ингойе мне приходилось либо пешком, либо в кэбе, изредка в автомобиле.

Омнибусы так пропахли многочисленными пассажирами, что у меня моментально начинала болеть голова от одуряющей смеси запахов табака, кожи, духов, пота и бури чужих чувств. Проще уж

переносить бензиновую вонь автомобиля! На обдуваемой ветерком крыше омнибуса дышалось легче, но там я всегда мерзла и, как следствие, простужалась. К тому же неприлично для порядочной женщины взбираться наверх!

Кэбы были немногим лучше, но в них мне хоть как-то удавалось дышать. Оставалось надеяться, что сын Утера, которого Ингольв изволил взять на место ординарца, также умел управляться с машиной и чинить постоянные поломки, к сожалению, типичные для этого транспорта.

Итак, оказавшись перед весьма помпезным домом госпожи Мундисы и господина Холлдора, я задумалась, что делать дальше. Нужно как-то представиться прислуге... Впрочем, всегда лучше говорить правду.

Дверь открыла особа неопределенного возраста.

- Что вам угодно? – заученно поинтересовалась она, глядя куда-то мимо меня воспаленными глазами.

- Здравствуйте, я – госпожа Мирра, подруга вашей хозяйки, - осторожно отрекомендовалась я, пытаясь говорить уверенно и одновременно мягко. - Я хочу помочь госпоже Мундисе...

При звуке этого имени из ее глаз вдруг хлынули слезы. Всхлипывая, она фартуком отирала покрасневшее лицо и безуспешно пыталась успокоиться. Я сориентировалась быстро: подцепила под локоток чувствительную служанку и шагнула через порог, увлекая ее за собой. Она покорно, словно лодка без руля и ветрил, последовала за мной. Откуда-то из глубины дома сногсшибательно пахло выпечкой, и я устремилась на запах.

При виде меня в глазах дородной румяной кухарки мелькнула настороженность. Но, увидев всхлипывающую служанку, она всплеснула руками и бросилась ее успокаивать...

Спустя десять минут мы уже, не чинясь, сидели за одним столом и пили чай. Приглашение госпожи Мундисы окончательно растопило лед. Помогла ли ваниль завоевать доверие поварихи или той просто хотелось выговориться, но она болтала вовсю, позабыв и о разнице в положении, и о необходимости держать язык за зубами.

- Хозяин, он-то так хозяйку любил, так любил! Прям на руках носил! – сентиментально вздохнула кухарка. Что любопытно, сказано в прошедшем времени. – Только...

- Только? – подбодрила я. Она явно колебалась, пришлось усилить нажим. – Я хочу вашей хозяйке только добра. Поверьте, я на вашей стороне.

Она кивнула с некоторым сомнением и, понизив голос, призналась:

- Только потом... это... у хозяина проблемы начались... ну

это... по мужской части-то!

Поперхнувшись чаем, я отставила чашку и попыталась отдышаться. Поражаюсь, сколько интимных подробностей известно прислуге!

- И что дальше?

Повариха огляделась по сторонам, будто опасаясь, что в кухонном шкафу прячется шпион (несомненно, пытающийся вызнать рецепт ее фирменного кекса, а потом уж тайны хозяев дома).

- Ну... Он-то хозяин, но он же и мужик! Вот и начал дурить... – совсем уж тихо произнесла она. – Еще и с этой связался...

- Понятно, - кивнула я. Мои догадки на этот счет подтвердились, но в целом ситуация яснее не стала.

- Она его приворожила! Точно вам говорю! – повариха потрясла в воздухе лопаточкой для оладий.

Я с подозрением взглянула на почтенную управительницу поварешек и кастрюль: быть может, ее глаза блестят от лишней «капельки» бренди, влитой в чай для согрева?

Но она вовсе не казалась подвыпившей, напротив, ее маленькие бесцветные глазки горели любопытством и торжеством.

- Вы уверены?

- Ну да! – твердо подтвердила повариха, со стуком ставя на стол чашку, из которой только что со смаком потягивала крепкий чай. – Мы кое-чего нашли!

- И вы не сообщили в ИСА? – спросила я, уже догадываясь, каков будет ответ.

- В ИСА? Полиция никуда не годна! – презрительно провозгласила она, делаясь в гневе еще внушительнее. – Они заявили, дескать, хозяйка отравила хозяина! И рады-радешеньки! Как доктор сказал, что мышьяк то был, так увезли ее сразу, голубушку нашу... А та пава так и разгуливает на свободе, хорохорится небось! Поверьте-то моему слову, это она все подстроила!

- Пожалуйста, покажите, что вы нашли, - попросила я, крепко сжав ее руку.

Она старательно наводила порядок на столе, смахивая невидимые крошки и источая сомнение, словно пар над кипящим чайником.

- Это ради госпожи Мундисы, - напомнила я мягко, и она неохотно кивнула. – Кстати, вы ей об этом сообщили?

- Нет, - созналась повариха. – Мы ж нашли все, когда ее уже увезли, бедняжку! Доктор велел перенести хозяина в другое крыло-то, чтобы его не тревожил шум. Аснё послали навести

порядок в спальне. Обед–то готовить незачем, а что ж ей без дела слоняться-то?! Вот она и отыскала. В постели хозяйской.

- Я хотела бы взглянуть, что вы нашли, - твердо заявила я.

Не став спорить, повариха послала мальчика за Аснё.

- Мы не трогали ту пакость, даже пальчиком не притрагивались, все как было оставили! – гордо сообщила она, расправляя крахмальный передник и объемистый чепец, венчавший ее голову, как паруса – корабль.

Вскоре появилась искомая «кухонная девушка», которой было велено показать мне ее находку.

- И смотри мне, чтоб ни слова! – сурово наказала повариха служанке. – Посмей только!

- Да-да, - часто кивая, пообещала та. – Молчать буду!

А глазки у нее любопытно поблескивали и язык, совершенно определенно, уже чесался.

Впрочем, на чужой роток не накинешь платок, как любил говорить инспектор Сольбранд...

Служанка казалась совсем не огорченной тем, что происходило в доме, напротив, она наслаждалась кипением страстей, подозрениями и всеобщим вниманием. Ей посчастливилось раздобыть важную улику – чем не повод для гордости? Авось и в газетах о ней напечатают...

Подобные типажи меня не занимали, так что в монолог девицы я не вслушивалась, пропуская мимо ушей журчание ее слов. Куда интереснее таинственный приворот.

Пока мы пробирались по узким коридорам, я размышляла. Для заклятия вовсе не нужны тринадцать трав, собранных в полнолуние на кладбище, восковые куколки или прочие глупости. Все это лишь дань суевериям, а настоящий приворот – просто рифмованные строки, записанные рунами.

«Любовные песни по нраву Фрейе», - вспомнилось к месту.

Быть может, лукавой богине любви действительно угодны романтические стихи, однако люди смотрят на них совсем иначе. Сентиментальные поэмы вызывают слезы умиления у юных девушек и почтенных матрон, но вплетать в них магию недопустимо.

Мансег (в просторечье приворот) карается весьма сурово, так как, по сути, это насилие. Жертва не сможет сопротивляться власти рифмованных строк, оказываясь из-за них в беспомощном состоянии.

Но для этого не нужно ничего подбрасывать в постель! К тому же сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из прислуги рискнул пронести подобное в дом, даже за солидное вознаграждение. Ведь наказание за приворот - изгнание.

Так рисковать ради того, чтобы увести чужого мужа?! Впрочем, глупость человеческая бесконечна, поэтому все возможно.

Быть может, именно в заклятии кроется причина болезни господина Холлдора? Такое случается при неумелом использовании рун... Однако доктор с уверенностью заявил о мышьяке. Так что эту удобную версию пришлось отбросить.

Тем временем мы, наконец, прибыли.

Распахнув массивные створки двери, девушка поманила меня за собой, поблескивая глазками, словно любопытная мышка.

В центре спальни, на возвышении, царственно располагалась кровать, обрамленная мягкими складками балдахина. Моя провожатая откинула уголок пышной перины, под которой обнаружился небольшой навесной замочек, накрепко запертый. Я осторожно взяла его в руки, игнорируя протестующий писк служанки. Несомненно, подобная вещь никак не могла оказаться здесь случайно.

И верно, на обратной стороне увесистого замочка обнаружился следующий текст:

«Слову мудрому ключ, замок! А поставит она тело в тело, и будет жила твоя мужеская да тайная твёрже любого железа, калёного и простого, и всякого камня, морского, земного, подземного. И не падать жиле твоей во веки веков..."

Это небольшое заклятие не подразумевало двоякого толкования!

Надо думать, госпожа Мундиса переборщила, подмешивая мужу мои составы, раз уж тому потребовались такие средства... Видимо, мужская сила господина Холлдора ослабла настолько, что он впал в панику.

Забывшись, я произнесла это вслух и тут же спохватилась.

По округлившимся губкам и горящим глазам служанки было видно, как ей не терпелось оказаться на кухне, чтобы выложить все подробности прислуге, а потом газетчикам.

- Милая, как тебя зовут? – спросила я, пристально на нее глядя. Разумеется, имя ее я отлично помнила, но тут важен психологический момент.

- Аснё, - пискнула она, теребя передник.

- Замечательно, - кивнула я, - так вот, Аснё, никто не должен знать, что ты здесь видела. Понятно?

Она послушно кивнула, хоть явно не вняла.

- С твоим женихом может случиться та же беда... – задумчиво заметила я, безразлично отворачиваясь. Впрочем, это нисколько не мешало мне ощутить хлынувший от нее острый металлический запах страха. Иногда очень полезно, что тебя считают всемогущей

ведьмой!

- Госпожа, не надо! – взмолилась она. – Я никому не скажу, никому!

- Вот и хорошо, - заключила я и велела: - А теперь проводи меня обратно на кухню.

К моему возвращению у поварихи был готов настоящий пир: холодные сандвичи с сыром, крепкий кофе (ума не приложу, как она догадалась, что я его люблю), пирожные с кремом, вишневые кексы и имбирные коврижки. Должно быть, она соскучилась по любимому делу и обрадовалась возможности хоть кого-то накормить до отвала.

Все это настолько вкусно пахло, что не было никаких сил не удержаться и не попробовать хоть кусочек! Пряная сверкающая корица, сладкая нега шоколада, гладкая нежность кокоса, сливочный сыр, леденцовый имбирь, - настоящее блаженство для обоняния.

За третьим кексом я принялась расспрашивать добрую женщину:

- Скажите, а когда это случилось, кто прислуживал за столом?

- Я-то и прислуживала, а Аснё помогала, - призналась она, ловко мешая тесто. Я с одобрением отметила, что она добавила настоящий ванильный сахар, а для цвета - щепотку куркумы. – Только вы не подумайте, ничего такого не было!

- Но ведь вы подтвердили, что госпожа Мундиса что-то подсыпала вашему хозяину?

Пожалуй, стоило бы погостить здесь неделю-другую, когда эта история закончится. С другой стороны, потом придется опять худеть... Впрочем, лучше неделю наслаждаться лакомствами, а после месяц сидеть на диете, чем лишать себя праздника желудка.

Подумав так, я решительно взяла четвертый необыкновенно вкусный кекс.

- Это Аснё сболтнула! – выдохнула повариха с такой злостью, что сразу стало понятно, почему она так взъелась на девушку. – А леденцы и рады-то...

- А что-нибудь показалось вам странным? Может быть, хозяин жаловался на необычный привкус? – спросила я. Лицо поварихи потемнело, и я торопливо объяснила: - Так можно понять, в каком кушанье содержался яд. Возможно, отрава попала в пищу по ошибке...

Хотя, откровенно говоря, я понятия не имела о вкусе мышьяка.

- Ну я-то вам одно могу сказать: стряпала я все как следует! – провозгласила повариха задиристо.

- Вы действительно очень вкусно готовите, - подтвердила я с чувством, любовно разглядывая ее кулинарные творения. Она разом подобрела, заблагоухала корицей, даже разрумянилась, сделавшись похожей на одну из своих булочек. – Значит, никто не заметил ничего необычного?

- Нет, они вообще не разговаривали, - покачала головой она, - в ссоре-то были, молчали больше. Только соль там просили передать или еще что... Да еще хозяин хворал последние дни, дурно ему бывало, потом вроде отпускало... А, хозяин говорил еще, мол, как хорошо грибами пахнет, я удивилась еще – я ж грибов не клала...

- Грибами? – обрадовалась я. – Вы хорошо помните?

- Да, точно так было! – закивала она. – Померещилось ему что-то.

А мне вдруг вспомнилась давешняя сцена: я сосредоточенно отмеряю любисток, а госпожа Мундиса стоит рядом, наблюдает с интересом и спрашивает о старом поверье. Я тогда рассеянно отозвалась, что не зря ведь говорят, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок...

Имелось в виду, что любисток – великолепная приправа, которая усиливает вкус мяса и делает овощи необыкновенно вкусными.

Возможно ли, чтобы госпожа Мундиса поняла мои слова превратно?

Надо думать, вполне. А ведь любисток придает пище грибной аромат!

Хм, но откуда тогда взялся мышьяк?!

Я глубоко вздохнула и поинтересовалась:

- А господин Холлдор весь день провел дома?

- Нет, он перед самым обедом явился, - в звучном голосе поварихи послышались осуждающие нотки. – От этой своей!

- Вы уверены?

- Что от нее-то? Конечно! – фыркнула она. – Он весь такой неопрятный был, зацелованный и растрепанный. Как не стыдно, перед всеми-то! А хозяйка-то как расстроилась, чуть не заплакала...

Она вытерла фартуком увлажнившиеся глаза и взмолилась:

- Госпожа, вы-то знаете, не могла она! Найдите, кто это сделал.

- Непременно найду, - пообещала я твердо.

- Хозяин тоже не верит-то, что это хозяйка! Днем инспектор к нему заявился, допрашивать вроде как. Так хозяин ему так прямо и сказал: мол не верю, другого виновника ищите! Тот леденец аж красный выскочил от него! Вот так-то! – с этими словами она

торжествующе помахала пальцем почти у меня перед носом.

Любопытно, весьма любопытно...

- А какие вообще отношения у ваших хозяев?

Прислуга зачастую знает куда больше, чем друзья и родные. Правда, обнаруживать осведомленность не любит.

Повариха поколебалась, но ответила:

- Ну, последние денечки они вроде как в ссоре были-то. А до того... Хозяин жену прям на руках носил... - она снова огляделась, и добавила жарким шепотом: - Не поверите, бывало, из спальни не выпускал, с ума по ней сходил! Прям безумная страсть-то!

У меня дрогнули губы. Видела бы она, какое лицо было у госпожи Мундисы, когда та прибежала искать спасения от столь впечатлившей повариху «страсти безумной»...

Я принялась прощаться.

Кстати, к хозяину дома меня не пустили, сославшись на предписание доктора.

С трудом удалось отказаться от свертков с пирожками, сандвичами и кексами, и пришлось пообещать непременно зайти снова.

Меня торжественно усадили в кэб, благословили на дорожку и помахали вслед...

Уф. Мило, хоть и несколько утомительно.

- Куда ехать, госпожа хорошая? – поинтересовался возница, обдав меня запахом пота и перегара.

- Аптекарский переулок, дом доктора Торольва, - ответила я, дыша ртом.

Он фыркнул, пробормотал себе под нос что-то об изнеженных дамочках, и тронул лошадей.

Мерное покачивание кэба на крутых улочках Ингойи, перестук копыт, гортанные выкрики возницы, даже смачные звуки плевков были так знакомы и привычны, что, думая немного поразмыслить по дороге, я незаметно для себя задремала.

Снились мне всякие нелепости. То Ингольв кричал, что я его бессовестно приворожила; то свекор требовал зелье для мужской силы; а потом лично я сыпала в тарелку господина Холлдора (лица его я не видела, но была твердо уверена, что это именно он) некий белый порошок, злорадно при этом хохоча...

Я была рада проснуться от стука в окошко и грубого голоса возницы.

- Приехали, госпожа хорошая, - громко сообщил он.

Рассчитавшись, я выбралась из тесного кэба и с радостью вдохнула свежий солоноватый воздух. Моросил дождик – такой может зарядить на неделю, а я опрометчиво не захватила зонт. Впрочем, идти недалеко, а полы шляпки и добротное пальто

защищали от холодных брызг.

Кэб укатил, а я осталась на тротуаре. Аптекарский переулок состоял всего из двух зданий: собственно дома доктора и аптеки, принадлежащей господину Фросту.

К почтенному господину Торольву меня проводили незамедлительно.

Он вкушал послеобеденный отдых, лениво куря трубку и листая книгу, которую при моем появлении поспешно спрятал в ящик стола.

- Ох, здравствуйте, госпожа Мирра. Очень рад вас видеть! Попрощаться, так сказать. Да-да, попрощаться!

Доктор вскочил на ноги и стоял, забавно покачиваясь с носков на пятки и обратно, опираясь маленькими ручками на стол. Он напоминал пингвина: маленький, кругленький, в неизменном темном жилете и белой рубашке, плотно натянутой на солидном брюшке.

- В каком смысле – попрощаться? – начала я, но нас прервали.

Служанка принесла чай, на который доктор посмотрел с плохо скрываемым отвращением. Когда она вышла, он открыл ящик стола, чем-то там пошелестел и извлек небольшую бутылочку коньяка.

- Повод, да-да, есть важный повод! Я решил выйти на покой. Да-да, на покой! – сообщил он со смесью радости и сожаления, с потешной суетливостью наливая коньяк в чай. – Хочу розы растить, за овечками ухаживать. Тоска зеленая, смею вам сказать. Но деваться мне решительно некуда: я совсем ослабел. Я старик. Да-да, старик!

- Ну что вы, - возразила я. – Вы еще многим молодым фору дадите.

- Ах, госпожа Мирра, не утешайте старика. Да-да, старика! – расчувствовался доктор. – Я не оставлю старых пациентов, но остальным придется рассчитывать на вас, аптекаря Фроста и нового доктора... Да-да, нового!

- В Ингойю приезжает новый доктор? – удивилась я, принимая из его рук чашку.

Мало желающих переехать в самую северную столицу мира (а Ингойя действительно носит этот почетный титул, хоть и является столицей всего лишь острова). Тем паче среди переселенцев немного людей образованных и солидных – таких и в родных местах ценят. С другой стороны, местные тоже не стремились в другие страны, даже ради учебы. Выпускников единственного Хельхеймского университета отчаянно недоставало на все городки и поселки, поэтому на всю Ингойю из лекарской братии имелся только доктор Торольв, аптекарь Фрост

и в определенном смысле я сама.

- Да-да, буквально на днях.

- Как жаль, - непритворно опечалилась я.

- Надеюсь, мой преемник окажется славным парнем. Да-да, славным парнем!

Я неопределенно пожала плечами – перемены всегда не слишком приятны – и решила говорить по существу.

- Доктор, а вы совершенно уверены, что господина Холлдора отравили?

- Несомненно! Да-да, несомненно, – ответствовал он, тщательно протирая пенсне и привычно покачиваясь с носков на пятки и обратно. Пахло от него лимоном – уверенностью. – Сам он ничего сказать не смог, но, видите ли, проба Марша...

Закончить ему не дали: дверь приоткрылась, в щель заглянул взволнованный секретарь и застрекотал что-то о срочном вызове.

Привычный к странной манере разговора своего секретаря, доктор с минуту слушал, потом вскочил, торопливо схватил медицинский чемоданчик и ринулся к двери. Только на пороге он вспомнил обо мне.

- Ох, госпожа Мирра, мне, право, неловко... Да-да, неловко. Простите меня, безотлагательное дело! Вы придете в другой раз или обождете здесь? Уверяю, это ненадолго. Да-да, ненадолго. О чем я? Ах, да, мы с вами говорили о пробе Марша. Вот, у меня на столе новейший журнал, там есть статья, почитайте сами... Да-да, почитайте! А я вскорости вернусь...

Не дав мне даже слова сказать, почтенный доктор выскочил из кабинета.

Мне оставалось только взять предложенный журнал, лежащий чуть в стороне от стопки других.

Надо думать, доктор внимательно следил за новейшими веяниями в медицине, если выписывал с материка такую кипу литературы. Отыскать статью об отравлениях мышьяком удалось без труда. Действительно, весьма похоже, что несчастного господина Холлдора накормили этим ядом...

Не было решительно никаких соображений о том, кто кроме госпожи Мундисы мог покушаться на жизнь ее мужа.

Тут я добралась до любопытных фактов, изложенных в самом конце. Наряду с данными о безопасной для человека дозе мышьяка и сообщением, что он широко применялся стеклодувами и позволял придавать стеклу разную степень прозрачности, там содержались еще более интересные сведения...

Я отложила в сторону журнал. В этой темной истории наконец забрезжил свет! Расследование – будто клубок ниток, тут главное найти кончик и суметь за него потянуть.

Все стало на свои места, но едва ли это можно считать моей заслугой, тут скорее невероятное везение и немножко внимательности. Просто полиция наверняка даже не удосужилась проверить другие версии! Обрадованный идеей моей причастности к отравлению, инспектор Бернгард ухватился за нее обеими руками...

Что ж, ему придется за это поплатиться!

За следующую четверть часа я успела хорошенько проштудировать статью. Оставалось прояснить один немаловажный момент, для чего пришлось дожидаться доктора Торольва.

Едва он появился на пороге, я выпалила:

- Доктор, а могло ли случиться так, что мышьяк господин Холлдор принял не во время обеда, а, скажем, за час до того?

Господин Торольв взглянул на меня с немым удивлением, снял пенсне и принялся тщательно протирать стекла.

- Да-да, могло. Если он регулярно потреблял небольшие дозы... Да-да, небольшие. Между нами говоря, и в этот раз мышьяка было совсем немного. Накопление, видимо... Но сейчас пациент уже уверенно пошел на поправку!

- Благодарю вас, доктор! – я улыбнулась и встала. – Позвольте ненадолго позаимствовать этот журнал?

- Ах, разумеется. Да-да, разумеется, - недоуменно моргая, тотчас согласился почтенный доктор.

- Кстати, а вы кому-нибудь давали этот номер?

- Разумеется. Да-да, разумеется. Господин Фрост регулярно берет мои книги и журналы. У нас с ним договоренность, да-да, договоренность.

- Благодарю вас, доктор!

Я готова была его расцеловать: любезнейший доктор подтвердил все мои догадки.

Секретарь господина Торольва вызвал мне кэб – уже третий за этот день.

Куда теперь? Надо бы сообщить полиции о результатах моего небольшого расследования, ведь я никак не могла сама обыскать дом и допросить причастных...

«Волка ноги кормят», - вспомнилась фраза инспектора Сольбранда, и я решительно велела извозчику править в ИСА.

У тускло-серого дома, двери которого были окрашены краской веселенького кроваво-красного оттенка (такого же, как и фонари на примыкающей улице), я спешилась и решительно позвонила.

Никто чинил мне препятствий, и вскоре я вошла в жарко натопленную комнату.

Инспектор как раз подбрасывал уголь в камин. Здесь, на острове, деревьев слишком мало, так что не каждый может позволить себе роскошь топить дровами. К сожалению, уголь сильно чадит, и черный налет оседает на обстановке, придавая ей мрачные тона.

Впрочем, камины - скорее дань традиции. Как уже упоминалось, дома в Ингойе обогревались водой из горячих источников, даже на теплицы хватало. Город был оазисом тепла и уюта в царящей вокруг зиме...

- Приветствую вас, - инспектор расплылся в улыбке и пожал мою руку, даже позабыв отряхнуть ладони от угольной пыли. – Вы по делу, голубушка, или решили навестить старика?

- Здравствуйте! – улыбнулась я в ответ, дружески протягивая руку для пожатия. - Какой же вы старик?

- Старик, - заверил он, для пущей убедительности покивав, - старшему внуку скоро шесть будет...

- Надеюсь, вы не собираетесь на пенсию?

Признаться, я встревожилась. И он туда же?!

- Нет, голубушка, что там делать, на пенсии? Мемуары сочинять? – взгляд его лучился иронией, а свежий запах элеми – морская соль, водоросли, кофе – выдавал бодрость. – У меня вон еще сколько дел!

Инспектор кивнул на письменный стол, где громоздились кипы бумаг, и проницательно заметил:

- А вы, конечно, только что от доктора? Я слыхал, он собирается на покой?

Медицинский журнал в моих руках выдавал меня с головой.

- Да, он сам мне об этом сказал... Но сейчас речь не об этом. Я уверена, что госпожа Мундиса не покушалась на убийство мужа.

– Мы проверили, голубушка, никто кроме жены не получил бы выгоды от его смерти, слуги зла на него не таили... Гостей не было, так что за обедом его могли отравить или повариха, или кухонная прислуга, или жена.

- Разумеется, поэтому отравили его не за обедом, - парировала я с улыбкой. – Думаю, господин Холлдор подтвердит, что пил чай или что-то в этом роде у своей «дамы сердца».

- Но какой резон барышне Асии его травить? – поинтересовался инспектор, выказывая осведомленность о деталях дела, и развел руками. – Ума не приложу!

- Она вовсе не собиралась его травить. Скорее, это неосторожность.

Для начала я открыла на заложенной странице журнал и указала на нужную строку, где было написано черным по белому: «Ничтожные количества мышьяка улучшают обмен веществ,

способствуя кратковременному приливу сил, посему ранее использовались как средство для пробуждения полового желания и поддержки угасающей мужественности».

Так кошка кладет на подушку любимого хозяина пойманных мышей.

- Любопытно, голубушка, - одобрительно кивнул инспектор, и глаза его смеялись.

Тогда я выложила все остальные факты, а также свои соображения на этот счет.

- Надо думать, никто не поинтересовался, откуда взят мышьяк? – спросила я.

Инспектор покачал седой головой и обезоруживающе развел руками:

- Голубушка, считалось, что его дали госпоже Мундисе вы!

- И вы действительно поверили в это? – поинтересовалась я мирно.

- Конечно, нет, голубушка, - хитро подмигнув, признался господин Сольбранд. – Но мне запретили вмешиваться, а Берни так рвался в лужу… Разве ж я мог ему мешать?

Мы рассмеялись в унисон, позабыв о размолвке. Разве есть что-либо более объединяющее, чем смех?..

К ужину я опоздала. Пришлось спешить в столовую, даже не переменив платья.

Вымыв руки и наскоро освежившись, я спустилась вниз и застала своих мужчин весьма недовольными.

- Где ты была? – осведомился Ингольв, отставляя бокал.

- В «Уртехюс», разумеется.

- Час назад я посылал туда Сигурда, и тебя там не оказалось!

Одновременно свекор пробурчал:

- Что за дурацкое название – «Уртехюс»? Разве мало нормальных слов? Называй по-человечески!

Двое на одну – нечестно! Впрочем, нет, трое – из кухни как раз показалась Сольвейг, и ее кислый уксусный аромат также выражал крайнее неодобрение.

- Я была у себя, потом навестила подругу, а затем наведалась к доктору Торольву и инспектору Сольбранду, - объяснила я мужу, - если желаешь, они охотно подтвердят…

- Знаем мы этих подруг! – вроде бы тихо, но так, чтобы все слышали, бросила Сольвейг.

Я ответила ледяным взглядом, но не унизилась до ответа на инсинуации, вместо этого заметила свекру:

- Полагаю, раз уж мы живем в Хельхейме, использовать хельские слова не зазорно. На мой взгляд, название «Уртехюс» предпочтительнее, чем дословный перевод на человеческий язык -

«Дом трав».

- Ишь, цаца, опять высоким стилем шпарит... – пробурчал свекор, возвращаясь к нарезанию отбивной.

Так, глубокий вздох, разжать кулаки и мило улыбнуться, усаживаясь на свое место:

- Изумительно пахнет! Что у нас на ужин?

Впрочем, Ингольва так легко с пути не сбить.

- Ты сказала, что разговаривала с инспектором. Опять во что-то ввязалась?

А вот теперь я действительно разозлилась.

- Ничего серьезного, дорогой, - беззаботным тоном произнесла я, накладывая себе овощей, - просто полиция заподозрила меня в отравлении неверных мужей...

Господин Бранд поперхнулся и натужно закашлялся, Ингольв сдавленно выругался, а Сольвейг уронила блюдо с пирожками.

Выдержав драматическую паузу, я небрежно добавила:

- Впрочем, они уже признали свою ошибку.

На этом застольная беседа как-то сама собой увяла – разумеется, после очередной нотации Ингольва...

На следующий день за завтраком принесли записку от инспектора Сольбранда, который просил принять его после обеда, и приглашение к чаю от госпожи Мундисы. Выходит, ее благополучно отпустили, а теперь инспектор, надо думать, собрался хвастаться добычей...

Я едва вытерпела до его прихода, сидела, как на иголках, поминутно посматривая на часы. По счастью, в «Уртехюс» как раз был выходной день, так что не пришлось изображать готовность к работе...

Инспектор появился, когда я уже окончательно извелась. Он казался усталым, но довольным.

- Какие новости? – бросилась я к нему, даже позабыв поздороваться.

Ответ на этот вопрос читался на сияющем лице инспектора. Шляпа набекрень придавала ему залихватский вид, а настроение выдавали торжествующий аромат лавра и популярная песенка, которую он насвистывал себе под нос...

- Инспектор Берни посрамлен, – широко улыбнулся он, – а вы, голубушка, были совершенно правы!

- С госпожи Мундисы сняты подозрения? – уточнила я для порядка.

- Само собой! Мы задержали ту эффектную барышню, подружку потерпевшего.

Я глубоко вздохнула и произнесла:

- Превосходно! А теперь присаживайтесь и рассказывайте по порядку.

- У меня мало времени, - с явным сожалением отклонил предложение инспектор. – Разве что кратенько. Барышня Асия оказалась темпераментной штучкой и решила заполучить господина Холлдора. Пока у него нет детей, развестись с женой несложно, так ведь? Но у того оказались какие-то проблемы по этой части...

Тут я невольно хмыкнула.

- Она говорит, что обращалась по нескольким адресам, но помочь ей никто не захотел. А потом, скучая в ожидании брата, взяла тот самый журнальчик, прочитала и быстренько придумала план. Взять мышьяк в аптеке брата несложно: он свободно продается как порошок от крыс. А теперь дамочка рыдает и уверяет, что просто напутала. В статье шла речь о безопасной дозе в гранах, а эта фифа перепутала их с граммами. А может, яд накопился – доктор говорит, такое возможно... Господин Холлдор пошел на поправку и заявил, что не будет возбуждать против нее дело. А жену его отпустили еще вчера, я самолично ее проводил и передал мужу с рук на руки. Это было очень трогательно! – инспектор мечтательно прищурился, вертя в руках не раскуренную трубку.

Я фыркнула. Представляю: он привстал с подушек, протягивая к ней руки, а она замерла на пороге, с тревогой всматриваясь в любимое лицо...

Он, восторженно: - Дорогая, наконец-то все разрешилось!

Она, с дрожью в голосе: - Дорогой, это все та ужасная женщина...

Он, смущенно: - Милая, давай не будем вспоминать... Я так виноват перед тобой! Ты простишь меня?

Она, растроганно: - Я давно уже простила! Ах, я так тебя люблю!

Он, пылко: - И я тебя!

Далее по сценарию следуют объятия, пылкий поцелуй и занавес...

Просто калька с любовного романа!

- Терпеть не могу сентиментальные истории! – невольно передернувшись, с чувством заверила я.

- Я так и думал, голубушка... – ответил инспектор странным

тоном, после чего откланялся, сославшись на некие срочные дела.

Выбросив из головы непонятные намеки, я отправилась в «Уртехюс» за подарком для молодой четы...

Остаток дня пролетел незаметно.

Торопясь к чаю в дом госпожи Мундисы и господина Холлдора, я спускалась по лестнице, на ходу натягивая перчатки, когда в дверь заколотили.

Уннер бросилась открывать - Ингольв не переносил ожидания - но это оказался кто-то другой. За спиной незнакомого долговязого юноши в потертой шинели стеной лил дождь. В одну минуту небеса разверзлись и обрушили на землю целые потоки воды.

Стихия застала всех врасплох: кто-то кричал, шумели прохожие, переругивались возницы, гудели клаксоны автомобилей. И буквально сбивал с ног огуречно-пыльный запах дождя, намокшей мостовой, посвежевшего воздуха...

Гость что-то спросил у девушки, но я не расслышала, что именно. Отвлекшись на него и светопреставление за дверью, я зацепилась подолом за столбик лестницы. Нетерпеливо дернула ткань и едва не загремела вниз. Судорожно ухватившись за перила и пытаясь перевести дыхание, я ругалась про себя словами, совсем неподобающими порядочной даме, когда вдруг что-то заискрило, вспыхнуло, и в доме разом погас свет.

Уннер вскрикнула. Где-то наверху громко выругался свекор, ему вторил недовольный голос Сольвейг на кухне.

Признаюсь, я тоже растерялась. Электричество – совсем недавнее новшество в Ингойе, быстро ставшее популярным. Ингольв его не одобрял, однако «положение требовало», так что с полгода назад мастер провел в наш дом электропроводку...

При всех своих достоинствах такое освещение имело массу недостатков. В частности, найти знающего электрика куда сложнее, чем даже опытного механика. Видимо, придется нам несколько дней освещать комнаты по старинке.

- Уннер, на кухне есть свечи! – напомнила я, не двигаясь с места.

Темно, хоть глаз выколи, еще упаду...

Кто-то закрыл дверь, отрезав дом от уличного шума.

Мужской голос уверенно произнес:

- Посветите, я сейчас попробую что-нибудь сделать. Где у вас пробки?

Горничная сбегала на кухню, потом отвела гостя в сторону и показала загадочные «пробки». Он хмыкнул, что-то там сделал, и снова вспыхнул свет, больно ударив по глазам.

- Благодарю вас, - улыбнулась я нашему спасителю, щурясь, и

наконец спустилась в прихожую. – Не знаю, что бы мы без вас делали!

Я смотрела на мальчишку с невольным уважением: люди, умеющие обращаться с электричеством, казались мне сродни могущественным магам.

- Ничего страшного, просто от воды проводку замкнуло, - непонятно объяснил он, смутившись.

Его перебила Уннер:

- Госпожа, куда вы по такой погоде? Останьтесь!

- Дождь скоро прекратится, - не согласилась я, - вызови кэб.

- Лучше автомобиль, - вмешался гость, - это ведь ваш у входа стоит?

- Наш, - согласилась я, рассматривая его. Совсем мальчишка, лет восемнадцати-двадцати на вид, высокий, темноволосый и какой-то немного нескладный. – Однако у нас сейчас нет водителя.

- Я поведу! – предложил юноша тут же.

- Простите, а вы кто? – прямо поинтересовалась я, отчего он залился краской, видимо, сообразив, что держался слишком по-свойски.

- Разрешите представиться: сержант Петтер, сын Утера, прибыл для несения службы в должности ординарца полковника Ингольва! – браво отрапортовал он юношеским баском, вытягиваясь во фрунт.

Воистину, устав – лучшее средство от растерянности!

- Так вы младший сын Утера?

Действительно, семейное сходство налицо. Если Утер – «гора», то Петтер – «камень», достойный отпрыск своего родителя.

- Ну да, - удивленно подтвердил он.

- Тогда буду вам очень признательна за помощь, - церемонно произнесла я и запоздало представилась: - Я жена полковника, Мирра, дочь Ярослава.

- Я думал, вы его дочь... – выпалил он, осекся и покраснел до ушей.

- Лестно, - улыбнулась я. - Но простите, мне уже пора.

Юноша молча поклонился и отворил передо мной дверь.

Несмотря на проливной дождь, добралась я до места назначения со всем комфортом. Полагаю, новый ординарец окажется весьма полезным...

На этот раз меня встретили очень радушно. Сам хозяин дома еще болел, но ради меня перебрался из постели в кресло. Обложенный подушками, укутанный пледом молодой мужчина с длинным лицом напоминал меланхоличного ослика, а никак не воплощение пылкой страсти. Вот как обманчива бывает

внешность!

Его милая жена суетилась вокруг, то предлагая подогретого молока, то поправляя подушки...

А я против воли (хоть и несколько скептически) любовалась этой трогательной сценой супружеского согласия...

Повариха расстаралась, и за чаем хозяйка потчевала меня самыми изысканными сладостями.

Разговор касался лишь вещей легких и забавных, грустных тем мы не затрагивали, чтобы не беспокоить больного.

Кстати, с собой я принесла бутылку вина, которую тут же вручила подруге, пояснив, что это лекарство, которое ей следует принимать ежедневно по половине бокала.

Зардевшаяся Мундиса была настолько хороша, что муж не мог оторвать от нее взгляда, а она в ответ краснела еще сильнее.

Я спрятала улыбку, подумав, что добавленные в вино корица, имбирь, жасмин и бергамот непременно оправдают оказанное им доверие. Это весьма эффективная смесь для пробуждения чувственности...

Долго госпожа Мундиса не выдержала, заговорила об истории, едва не ставшей трагической.

- Я так и не поняла... – жалобно пробормотала она, премило надув губки и держа чашку с чаем двумя руками, как ребенок.

- Чего, дорогая? – откликнулся господин Холлдор, лаская жену взглядом.

Она послала ему улыбку и спросила:

- Кто все-таки подбросил то заклятие в нашу постель?

Мужчина побагровел и натужно закашлялся. Похоже, он наивно надеялся, что она об этом не узнает... Что известно слугам – известно всем.

- Милый, что с тобой? – всполошилась нежная жена. – Ты слышишь меня? Дай, я постучу!

И она принялась колотить маленькими кулачками по его спине.

Пользуясь тем, что жена не видела его лица, бурачно-красный господин Холлдор умоляюще посмотрел на меня.

Надо думать, ощутив ослабление мужской силы, господин Холлдор перепугался. Сначала он бросился к какой-то полуграмотной бабке-знахарке, которая изготовила ему талисман. Однако Мундиса по-прежнему подливала мужу мое снадобье, так что заклятие ему мало помогло.

Разумеется, как многие мужчины, господин Холлдор очень болезненно это переживал. Решив, что причина кроется в охлаждении к жене, он тут же принялся доказывать свою мужскую состоятельность с любовницей.

Пусть Мундиса верит, что причиной были происки коварной разлучницы, от злокозненных чар которой муж теперь освобожден.

- Это барышня Асия! – сжалившись, солгала я, и была вознаграждена волной сладкого лимонадно-грушевого аромата - облегчения и благодарности – от господина Холлдора.

Не стоит омрачать их семейную идиллию. В конце концов, меньше знаешь – крепче спишь...

Глава 3. Хель

Чем пахнет дом? Копчеными ребрышками? Корицей и ванилью? Свежим кофе? Яблочной шарлоткой? Запахи, как уютный плед в кресле у камина. Стоит почувствовать знакомый аромат, и перед глазами встают милые сердцу воспоминания...

Однако сегодня мой дом «благоухал» совсем иначе: гарью, мокрым пеплом и сбежавшим супом. Из открытого кухонного окна вырывались клубы дыма, входная дверь была распахнута настежь, а на пороге, кашляя, стояла Уннер.

- Что случилось? – встревожено спросила я, выходя из «Уртехюс».

- Сигурд с Сольвейг поругались! – с трудом объяснила Уннер, продолжая кашлять. – Подождите минутку, я открыла окна. Сейчас выветрится.

Оставалось только махнуть рукой. Подобные стычки случались нередко, как минимум раза два в месяц. Безалаберный Сигурд, который искренне считал, что его маникюр куда важнее порядка в доме, и Сольвейг, недовольная решительно всем, а особенно качеством уборки (которой она сама не занималась, но упоенно критиковала сделанное другими), представляли собой ту еще парочку. Самое интересное, что мой драгоценный свекор неведомым образом умудрялся держать их в руках и, фигурально выражаясь, вовремя гасить пожар. Но господин Бранд не был затворником, изредка выбираясь из дому на партию в бридж или бильярд. Пользуясь его отлучками, неугомонные слуги непременно устраивали какое-нибудь безобразие, что давало свекру право с видимым наслаждением ворчать, что без его присмотра все шло наперекосяк. Разумеется, заодно доставалось и мне за неумение вести хозяйство...

Оставалось дождаться, пока густой дым развеется и войти в дом. Прямо посреди прихожей, уперев руки в бока, стояла Сольвейг, являя собой эдакого рыцаря с копьем в руке и поверженным врагом у ног. Правда, вместо копья в руках у нее была скалка, роль доспеха играл накрахмаленный передник, а противником был всего лишь Сигурд с кастрюлей на голове.

На кухне что-то чадило. Кажется, Сольвейг дым ничуть не мешал, только глаза покраснели.

Мне стоило немалых усилий не рассмеяться. Лощеный красавчик Сигурд считал себя достойным, по меньшей мере, роскошного особняка и огромного состояния (раз уж в Хельхейме нет аристократии), но неумолимая судьба в лице пропойцы-отца и гулящей матери заставила бедняжку марать руки и склонять гордую голову перед хозяевами… Понятно, что с таким отношением Сигурд едва ли был исполнительным и верным слугой, но господин Бранд ценил его за исключительную пронырливость и умение втираться в доверие.

- Сигурд, вы возомнили себя своим тезкой и решили вызвать дракона на бой? – поинтересовалась я при виде этой героической сцены. Хотя в данном молодом человеке героическим было разве что прославленное имя – «Победа». - И какое сокровище подвигло вас на этот беспримерный подвиг?

На язык просились исключительно высокопарные фразы старинных преданий.

Сольвейг смерила меня уничижительным взглядом и пробурчала, нехотя опуская скалку:

- Этот нахал повадился таскать тесто с кухни! Как ребенок!

- Вижу, он добился своей цели…

Из-под импровизированного головного убора Сигурда – медной кастрюли - стекали струйки опары, украшая тонкое лицо роскошными бакенбардами.

Виновных стоило бы отчитать за очередную свару, но они были столь комичны, что губы невольно разъезжались в улыбке.

За моей спиной хлопнула дверь… Мгновение молчания, а потом смущенный вопрос:

- Извините, госпожа Мирра, я не вовремя?

Обернувшись, я узрела Петтера, ординарца моего мужа, во всем блеске его нового обмундирования: фуражка, съехавшая на уши; шинель на три размера больше; великанские рукавицы…

Долго сдерживаемый смех наконец прорвался бурным потоком.

Я хохотала под негодующими взглядами слуг и никак не могла остановиться.

Отсмеявшись, взглянула на мальчишку, который стоял, опустив глаза и пламенея щеками.

- Извините, Петтер. Вижу, интендант вас за что-то невзлюбил. Не волнуйтесь, он сегодня же выдаст вам нормальную форму, так как Ингольв не допустит, чтобы его ординарец выглядел… не надлежаще.

На язык просилось «как пугало», но я, щадя чувства юноши,

выбрала обтекаемую формулировку.

- Благодарю! – отчеканил он неожиданно резко, вздергивая подбородок. На его лице отчетливо читалась смесь стыда и гнева, а колкий запах лимонной травы перебивал даже вонь гари. – Господин полковник приказал сообщить, что будет сегодня к обеду с тремя друзьями...

Замечательно! В доме разгром, слуги похожи на драчливых котов, а кушанья пали жертвой ссоры... Только гостей не хватало!

Думаю, взгляд мой был достаточно красноречив, поскольку Сигурд и Уннер тут же опрометью бросились наводить порядок, а Сольвейг, ворча, убралась на кухню.

- Спасибо за предупреждение! – улыбнулась я Петтеру, но тот лишь по-военному четко поклонился и отбыл, не ответив ни слова.

Надо думать, обиделся. Впрочем, на обиженных воду возят, как любит говорить инспектор Сольбранд. Так что я пожала плечами и первым делом написала записку интенданту, в которой мягко попеняла на неуместную шутку и намекнула, что полковник будет ею очень недоволен...

За обедом, за неимением роскошных яств, стол пришлось украшать мне самой. Эффектный туалет, ласковая улыбка и бездна внимания к каждому из гостей – и безыскусность угощения осталась незамеченной. Правда, Ингольв все больше хмурился, но управляться с его гневом мне было не впервой...

Разумеется, стоило последнему гостю выйти из нашего дома, как муж тут же принялся меня отчитывать.

Хорошо хоть слуги уже убрали посуду и оставили нас наедине.

- Ты заставляешь меня краснеть! Мало того, что обед ужасный, так еще и ведешь себя как... Ты заигрываешь с моими друзьями у меня на глазах! – резко говорил он, яростно рубая воздух ладонью.

Настоящий полковник: подтянутый, в ладно сидящей форме, волевой подбородок выдвинут вперед, голубые глаза смотрят сурово и властно. Винно-красные с золотым тиснением стены гостиной, плюшевые диваны угрожающего темно-красного оттенка, золоченые рамы зеркал создавали для Ингольва превосходное обрамление. А вот я, должно быть, смотрелась здесь чужеродно, как дешевый кусочек янтаря в драгоценном рубиновом ожерелье.

- Мы с тобой это уже обсуждали, - возразила я, пытаясь сохранять спокойствие. Глоток вина – сладкого, густого, благоухающего спелыми вишнями и ежевикой – пришелся кстати, смыв кислый привкус незаслуженной обиды. – Раз я не имею в

доме никакой власти, глупо обвинять меня в том, как ведется хозяйство!

- Глупо? – переспросил Ингольв, все больше распаляясь. Шагнув ближе, произнес напористо: – Стоит отцу уйти, и ты тут же умудряешься все испортить!

От него исходила лимонная свежесть с легкой горчинкой горького апельсина – уверенность.

- Мне переехать в «Уртехюс»? – поинтересовалась я, с деланным интересом разглядывая за спиной мужа кованый подсвечник в виде вьюнка. Как-то разом забылись намерение не противоречить мужу и не злить его без нужды. – Чтобы никому здесь не мешать...

- Прекрати изображать жертву! – заорал он, тут же выходя из себя в ярости замахиваясь на меня. – Ты сама не смогла заниматься хозяйством из-за своей дурацкой аромагии! И отец не заставлял тебя строить глазки! Ты...

Последовало несколько грубых ругательств. Отчего-то Ингольв сегодня пребывал в крайне дурном настроении, а мое «легкомыслие» довело его до бешенства.

Выпрямиться, прямо взглянуть в глаза.

- Рискни только, - произнесла я тихо.

Может быть, не стоило бросать ему вызов, но больше так нельзя. Если он меня ударит... Ударив раз, муж будет делать это снова и снова. Так всегда бывает. Слишком часто я делала мази от синяков запуганным женам...

Глаза Ингольва налились кровью, он сжал кулаки и теперь походил на медведя, которого допекли неурочными побудками.

Абсурдность этой сцены бросалась в глаза. Как будто мы на театральных подмостках, где ставят новую драму.

«Он не посмеет. Не посмеет!» - заполошно билось в голове.

Муж вправе делать с женой все, что ему вздумается. Закон не оправдывает разве что убийство, но и за него наказание будет мягким – скорее всего, штраф. Были прецеденты.

Вдруг захотелось схватить что-нибудь тяжелое – да хотя бы тот самый подсвечник, которым я недавно любовалась...

Кажется, я начинала понимать мужеубийц, доведенных до отчаяния побоями и придирками.

Наверное, Ингольву не давали отступить ярость и ложная гордость.

Так мы и стояли друг против друга, словно дуэлянты (или, скорее, слон и Моська).

Не знаю, до чего мы бы докатились, но, как гром с ясного неба, нас прервал торопливый стук в дверь. Почти осязаемое напряжение, пахнущее колючей кожурой каштанов, разлетелось

вдребезги. Муж отвернулся, сжав челюсти, а я на мгновение прикрыла глаза, сдерживая предательские слезы.

- Господин, там ваш ординарец пришел, - пролепетала Уннер с порога, глядя на меня перепуганными глазами. Видимо, она слышала крики. – Говорит, что-то срочное...

- Хорошо, иди. Я скоро буду! – отрезал Ингольв, остывая. Он отошел в сторону, делая вид, что рассматривает стоящие на камине безделушки: хрупкие, изящные, беззащитные. Как я...

С трудом переведя дух, я спрятала дрожащие руки в складках платья.

Исходящий от Ингольва запах острой ярости сменился холодной горечью разочарования.

Муж спросил устало:

- Неужели тебе так тяжело быть хорошей женой? У всех жены сидят дома, шьют и принимают гостей, наряжаются... А у тебя на уме только твоя аромагия!

Я почувствовала, как наваливается изнеможение. Без сил опустилась на диван, точно во сне, коснулась бархатистой густо-красной обивки. Сколько уже копий сломано, а все без толку...

Отчего люди так любят переделывать тех, кого, по собственным уверениям, искренне любят? Норовят перекроить, изменить до неузнаваемости, исказить? Чтобы любить было удобнее?

Разве я останусь собой - без привычки вставать чуть свет, без своих трав и ароматов, без обожаемого кофе? Нет, это будет кто-то другой. Подходящий. Но не любимый, вот что смешно!

Потому что в любви, в дружбе, даже в горе нужно оставаться собой. Пусть другие и кажутся лучше, ярче, красивее.

- Давай не будем это обсуждать, - произнесла тихо. – Ты ведь знаешь, я не откажусь от аромагии. После Фиалки...

Он отвел взгляд, испытывая странную смесь досады и вины. Прохладная соль эвкалипта, смолистые слезы елей и мшистое болото под сапогом...

- Как знаешь! – бросил и вышел, громко хлопнув дверью.

Прикрыть глаза ладонями и глотать соленые капельки, катящиеся по щекам. Боги, я никогда ему этого не прощу!..

Вскоре в комнату робко заглянула Уннер.

Причитая что-то сочувственное, она стала приводить меня в порядок. Между делом Уннер рассказала, что Петтер сообщил о скором прибытии «Бруни» - корабля, который нам с Ингольвом следовало встречать в порту. Так что мне было велено одеться и сопровождать мужа. Не лучшее известие после недавней сцены, право слово! Но ничего не поделаешь.

Кажется, при имени Петтера горничная слегка зарделась, но

расспрашивать ее о сердечных склонностях было не место и не время.

Вслушиваясь в нарочито беззаботное щебетание Уннер, я потихоньку успокаивалась. Она напоминала стрекозу, которая не хочет думать о тревогах и заботах. Впрочем, и мне не к лицу роль прожженного циника-муравья!

Отчего я так взъярилась? Ингольв регулярно устраивал сцены ревности, что обычно вызывало у меня лишь грустную усмешку. «На воре и шапка горит!», - как любил повторять инспектор Сольбранд. Однако муж впервые пытался поднять на меня руку.

Впрочем, что я могла предпринять? Ровно ничего. Так что улыбайся, Мирра!..

Когда я спустилась вниз, Ингольв отвел глаза – то ли от неловкости, то ли от нежелания видеть строптивую жену. Рядом с ним стоял Петтер, чей внимательный взгляд вызывал невольное смущение.

По правде говоря, я бы осталась дома, если бы не два обстоятельства. Во-первых, муж всегда настаивал, чтобы мы, так сказать, прилюдно выступали единым фронтом. А во-вторых, на «Бруни» прибывал груз лично для меня.

Муж подал руку, я слегка ему улыбнулась и благосклонно кивнула. Видимость превыше всего. Воплощенное семейное благополучие!..

По дороге мы с Ингольвом не разговаривали, держась отчужденно и безразлично, словно чужие. Даже выйти из автомобиля мне помог Петтер, а не «заботливый» супруг...

Свинцово-серое небо и такие же серые волны, яростно плещущие о пристань, где собралась довольно внушительная толпа.

Шум, какофония запахов, мелькание лиц...

В порту стоял такой ядреный дух, что его, казалось, можно было резать ножом. Смола и камни, вода и водоросли, дерево и железо, взволнованные люди и склады с разнообразным добром – все вносило свою лепту в многогранный горьковато-соленый аромат.

Я тайком улыбнулась и на мгновение прикрыла глаза, смакуя запах, словно выдержанное вино. Разве можно не любить море? Даже такое суровое, седое и недовольное? Когда-то мы с братьями прямо с обрыва сигали в теплые волны, наполненные светом и кипящие жизнью. Теперь же ворчливое северное море плескалось у ног, обдавая ледяными брызгами нерасторопных людей на причале...

Стоящий рядом Ингольв нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Моя рука в тонкой перчатке возлежала на его локте,

знаменуя в глазах знакомых супружеское согласие.

Боги, как я устала притворяться! Играть в счастливую пару на людях, наедине тяготясь каждой проведенной вместе минутой.

Впрочем, мы не хуже и не лучше многих других...

Толпа радостно зашумела, приветствуя показавшийся корабль, последний в этом году. Теперь никто до самой весны не осмелится выйти в море, опасаясь бурь и столкновения с айсбергами. Разве только «Айсбрехер» - «разрушитель льда», гордость хельхеймского кораблестроения. Но этот новейший ледокол никогда не входил в относительно теплые воды возле нашего острова, Нордрихейма.

Ходили слухи, что на «Бруни» (что дословно значит «Крепкий») приедут новые поселенцы. Ожидали нового доктора и некую таинственную особу, при упоминании которой Ингольва явственно передергивало.

Брр, как зябко! Ледяной ветер развевал юбку, словно парус, зло кусал щеки, вздыбливал поверхность воды... Отчаянно хотелось, чтобы Ингольв, как в былые времена, заботливо набросил мне на плечи свою шинель, но он не обращал на меня ни малейшего внимания.

- Госпожа, - вдруг тихо окликнул меня Петтер, стоящий по правую руку от Ингольва, отвлекая от созерцания взволнованной толпы. Люди мелькали, как в калейдоскопе – возбуждённые, радостные, полные воодушевления. Поодаль готовился оркестр, и дирижер что-то яростно втолковывал музыкантам, тыча в них своей палочкой.

- Что? – откликнулась я непослушными от холода губами.

- Возьмите! – за спиной Ингольва мальчишка протянул мне флягу и серебряный стаканчик. – Горячий чай. Господин полковник велел взять.

Я поколебалась, но приняла восхитительно теплую баклажку. Согрела замерзшие пальцы о теплый бочок, хлебнула ароматного и крепкого напитка, сдобренного медом и коньяком.

- Спасибо, Петтер! – от души поблагодарила я, возвращая ординарцу его имущество.

Он только кивнул. Из-под фуражки топорщился непокорный вихор... Отчего-то его вид вызывал улыбку – не насмешливую, а добрую.

Надо сказать, мальчишка за короткое время стал незаменимым. Он выполнял тысячу мелких поручений Ингольва, выказывая почти отеческую заботливость. Первое время меня это смешило: нескладный высокий юноша странно смотрелся в роли няньки при статном полковнике. Постепенно все привыкли к ординарцу, который без лишних слов делал все возможное и

невозможное...

Корабль плавно подошел к причалу, дал предупредительный гудок, как будто празднуя победу над своевольным морем. Забавляясь, море плескало в ответ, перешептываясь тысячей голосов. В вышине насмешливо перекрикивались чайки, им вторили мальчишки, полные восторга и беззаботного задора.

Несколько минут, и на просоленные доски спрыгнул первый моряк.

Толпа заволновалась, вытягивая шеи и всматриваясь вперед. Насколько можно было разглядеть, возле капитана стояли трое. Хотя, строго говоря, скорее двое и один, поскольку последний явно держался поодаль. Одной из новоприбывших оказалась дама!

Они принялись спускаться вниз по сходням.

Ингольв с явным облегчением устремился навстречу капитану «Бруни», своему давнишнему другу. Сам господин Аудун («богатая волна», весьма подходящее имя), сияя улыбкой, раскрыл объятия Ингольву, одновременно улыбаясь мне. Опровергая обычные представления об опытных морских волках, он сиял свежевыбритыми щеками и благоухал дорогим одеколоном, да и в целом был истинным франтом – насколько это возможно в суровых условиях корабля.

Сгибаясь от тяжести подноса, дюжий солдат вынес вперед традиционное угощение. В толпе загомонили, сглатывая набежавшие слюнки, и даже мне захотелось попробовать кусочек.

По старинному обычаю моряков встречали не хлебом-солью, а румяным молочным кабанчиком. Ветер, забавляясь, будто плеснул аппетитным запахом, щедро даря всем желающим. Изголодавшиеся по свежему мясу моряки расцвели улыбками, на лицах их читалось такое предвкушение, словно им предлагали отпить мёда в компании Одина и валькирий. Приняв угощение с подобающим восторгом, капитан торжественно передал его первому помощнику, который нежно прижал блюдо с кабанчиком к груди, невзирая на опасность запачкаться. Казалось, он даже не замечал солидный вес своего груза, и с трудом сдерживался, чтобы не вцепиться в него зубами, как оголодавший по зиме волк.

Когда закончились теплые приветствия, капитан поспешил отрекомендовать пассажиров.

- Госпожа Мирра, Ингольв, позвольте представить вам доктора Георгия Ильина и добрейшую районную сестру Ингрид, дочь Альва, - произнес он, изящным жестом указывая на стоящую рядом пару. И пояснил уже им: - Это мой хороший друг и командир гарнизона Ингойи, полковник Ингольв, сын Бранда. И его милая супруга, Мирра, дочь Ярослава, в некотором смысле

ваша коллега.

- Аромаг, - пояснил он в ответ на вопрошающий взгляд доктора.

Доктор был эффектен: прилизанные волосы, покрытые помадой с душно-цветочным концентрированным ароматом иланг-иланга – по последней моде, несомненно! – и стойкий запах дезинфицирующего раствора, буквально пропитавший всю одежду.

- Вот как! – голос доктора Ильина звучал холодно и пренебрежительно. Он будто не заметил протянутую руку и поклонился мне весьма сдержанно. – Извините, но я не считаю... аромагов, - о, с каким отвращением он произнес последнее слово! – своими коллегами. Это вредное шарлатанство, и долг истинного врача его искоренять!

На мгновение я застыла от столь невежливого высказывания. Этот... апологет скальпеля и клизмы лучился самодовольством. Розовый, откормленный и вымытый до блеска, он напоминал кабанчика, которого только что преподнесли первому помощнику. Словом, доктор Ильин вызывал мгновенное неприятие.

- Ну-ну... – неодобрительно покачал головой капитан, но больше ничего не сказал.

Ингольв также смолчал, и его злорадство походило на свернувшееся в кастрюльке молоко. Несомненно, мнение моего благоверного об ароматерапии полностью совпадало с мнением доктора.

- Что ж, тогда вам будет неприятно бывать в нашем доме, - промолвила я ледяным тоном, отдергивая руку.

- Мирра! – неодобрительно произнес Ингольв, сжав мои пальцы.

Я бросила на него взгляд, и он счел за лучшее промолчать. В таком состоянии со мной связываться не стоило. Меня довольно трудно всерьез вывести из себя, но доброму доктору это удалось с блеском.

На самодовольной физиономии доктора не отразилось даже тени смущения. А вот его спутнице явно стало не по себе.

Моя улыбка – сияющая, теплая и сладкая, как майский мед – досталась капитану.

- Будьте добры, представьте нам вашего третьего пассажира, - обратилась я к нему, тем самым показывая, что считаю инцидент исчерпанным. Игнорируя доктора и медицинскую сестру, я повернулась к их спутнику.

И чуть не упала, встретив насмешливый взгляд серо-голубых глаз, в которых искрились льдинки. Аромат –

головокружительный, мягкий, вкрадчивый сандал, едва уловимый, но властный. Безбрежное спокойствие – не маска, а истинная безмятежность. Ни единой фальшивой ноты, ни тени сомнения…

Капитан поспешил представить пассажира, невежливо повернувшись спиной к обескураженному доктору.

- Разрешите отрекомендовать вам господина Исмира, дракона Льда.

- Очень приятно, - улыбнулась я, протягивая руку. Мне вторил Ингольв, который прямо лучился притворным гостеприимством.

Драконы редко вмешивались в дела людей и хель, однако это не уменьшало их возможностей и влияния.

Представители трех рас Хельхейма жили по отдельности, довольно редко вообще пересекаясь. В повседневной жизни люди не сталкивались с ледяными – хель и драконами – и руководствовались собственными законами, имели отдельную армию, флот, органы управления и прочее.

Однако у хель оставалось немало рычагов управления, например, право назначать своих ставленников на некоторые ключевые посты, накладывать вето на отдельные законы и прочее. Все это было оговорено в договоре, заключенном между ними, драконами и людьми, когда последние только пришли в Хельхейм.

Ведь изначально эти холодные земли – вотчина хель. Во время Рагнарек ледяные великаны выступили против богов, за что и поплатились впоследствии. Впрочем, для потомков Хель, богини смерти, это не такое уж страшное наказание… Скорее изгнание.

А дети стихии, драконы, всегда занимали стороннюю позицию, имея своеобразную автономию.

Я впервые видела одного из них, и, откровенно говоря, он произвел на меня ошеломляющее впечатление. После тысяч людей, прячущих за благовониями запахи боли и страха, болезней и горя, этот безупречный самоцвет аромата, без единого скола или изъяна - душевных или физических болезней – завораживал. Благоухание сандала не бьет в нос, не перебивает другие ароматы. Лишь щекочет нос легким перышком, дразня и завораживая…

Кажется, не стоило столь откровенно выказывать свой восторг – на лице Ингольва читалось явное неодобрение, и он сильно сжал мою руку.

Касание неожиданно горячих губ ледяного дракона я ощутила даже сквозь перчатку. В его мягкой улыбке сквозила

насмешка, которая меня моментально отрезвила.

- Очень приятно познакомиться, госпожа Мирра, - произнес он негромко, как-то напевно и мягко. Голос, как свежевыпавший снег – такой обманчиво нежный...

- Взаимно, – заверила я вежливо. И, предоставив дракону разговаривать с Ингольвом, я обратилась к капитану. - Надеюсь, мой груз в целости и сохранности?

- Само собой, - подтвердил он веско. – Не волнуйтесь, сегодня же все доставим!

Травы и прочие ингредиенты мне привозили с континента, как дипломатическую почту.

Хель традиционно покровительствовали аромагам. Дело в том, что у самих ледяных медицины как таковой не существовало, лишь шаманы, способные справиться только с самыми простыми болезнями. Человеческая медицина хель не подходила, лекарства давали непредсказуемые эффекты. Так что вся надежда была на аромагов, способных «на нюх» определить нужное лечение.

Справедливости ради следует заметить, что болели хель крайне редко, но если уж доводилось... Серьезная зараза могла выкосить две трети населения, что и случилось лет сто назад. Аромаг Адальберт тогда остановил эпидемию, и с тех пор ледяные весьма уважительно относились ко всем аромагам...

Так что мою оранжерею регулярно снабжали нужными семенами, а также доставляли с материка необходимые для снадобий компоненты. К тому же ко мне приписали Палла, садовника, которому платили опять же хель.

Не скрою, столь уважительное отношение было мне весьма приятно.

- Благодарю вас, капитан! – улыбнулась я и на этом сочла свой долг выполненным.

Отчаянно хотелось чего-то горячего. Хм, надо думать, чай в зачарованной фляге до сих пор не остыл.

Я осторожно отступила в сторону от Ингольва и негромко обратилась к его ординарцу:

- А можно мне еще немного чая? Он великолепен! – мягкая улыбка, просительный взгляд.

Петтер, не улыбнувшись в ответ, молча протянул мне фляжку. Лицо его было престранным, как будто у юноши ныли зубы.

- Вам плохо? – поинтересовалась я. – Я могу чем-то помочь? У меня есть масло гвоздики, оно прекрасно унимает зубную боль...

- Спасибо, не нужно! – неожиданно резко отказался он.

Невольно отшатнувшись, я чуть было не предложила

излишне нервному юноше валериановых капель, лишь теперь ощутив исходящий от него острый горчично-перечный запах злости с уксусными нотками разочарования.

Я отчетливо ощущала его злость, но попробуй, разберись, из-за чего! Впрочем, лучше оставить мальчишку в покое.

Несколько глотков чая, почему-то теперь почти безвкусного...

Определенно, сегодня не мой день!

По счастью, вскоре Ингольв счел свой долг выполненным, и мы чинно удалились к поджидающему автомобилю.

Не успел он тронуться с места, как на причале раздались пронзительные свистки, и констебли зычно требовали разойтись и не мешать.

Мы дружно обернулись, как раз вовремя, чтобы увидеть, как под общий слитный вздох взмывает ввысь величественный дракон, ныряет в холодные объятия моря, скользит по поверхности белым айсбергом...

Из зачарованного состояния меня вывело резкое:

- Позер!

- Что? – спросила я, оборачиваясь.

- Позер! – охотно повторил Петтер. – Цирк устроил, не мог тихонько превратиться за городом. Терпеть не могу драконов!

Сказано очень прочувствованно...

- Правильно, мальчик мой! – одобрительно хлопнул его по плечу Ингольв. – Воображают о себе невесть что, а толка от них никакого!

- Но ведь драконы смягчили климат Нордрихейма и юга Хельхейма, чтобы здесь могли жить люди, - возразила я, вспоминая соответствующую статью в энциклопедии.

- Болтовня! – отмахнулся Ингольв.

- И вообще, технический прогресс позволяет людям не зависеть от прихоти стихии! – запальчиво влез мальчишка.

Я пожала плечами, не видя смысла спорить.

А там, над волнами, парил дракон, упиваясь свободой...

Ингольв всю дорогу вслух костерил драконов и хель, а я глядела в окно и корила себя за то, что не промолчала...

Дома уже воцарился полный порядок, тишина и благолепие. С кухни плыли вкусные запахи, в гостиной уютно пылал камин. Свекор командовал слугами, которые носились сломя голову, торопясь выполнить ценные указания.

Следовало сбежать от недовольного мужа и излучающего злорадство свекра. Такое впечатление, что последний специально подговорил слуг безобразничать в его отсутствие! По крайней мере, плоды этого самого безобразия он буквально смаковал, как кусочек редкого лакомства.

Любопытно, как бы сложились мои отношения с мужем, не будь у него столь «доброжелательных» родичей? Раньше кроме свекра свой нос в наши дела совала еще и престарелая тетушка господина Бранда, никогда не бывавшая замужем, но лучше всех осведомленная о том, как следует обращаться с супругом (произносить с почтительным придыханием!), воспитывать детей, вести хозяйство... Словом, эта почтенная старая дева обожала разглагольствовать о тех вещах, в которых решительно ничего не понимала. Впрочем, о мертвых или хорошо, или ничего. Так что лучше вспоминать ее с благодарностью за детские вещички, связанные ею для моих малышей. Другой вопрос, что эти самые вещички были «практичными и немаркими» - серо-бурыми, оттенка «детской неожиданности», как деликатно называла подобное бабушка.

Думать с благодарностью о господине Бранде получалось хуже. Чего стоил только его давнишний разговор с сыном, которого он убеждал оставить меня (пусть и назначив какое-то содержание). Один из моих братьев, адвокат, называл подобные отношения между супругами – «режим раздельного проживания».

По правде говоря, теперь я бы вполне согласилась на подобную завуалированную форму развода, однако тогда, вскоре после рождения Валериана, это меня потрясло. Думать, что любимый муж может попросту отставить меня, словно надоевшую фаворитку, было дико и больно. А ведь сделать ему это было совсем несложно, достаточно «усомниться» в своем отцовстве, благо первенец родился недоношенным, а значит, появился на свет раньше, чем истекли положенные девять месяцев после свадьбы...

Тогда Ингольв наотрез отказался, хотя сейчас, надо думать, об этом жалел. Теперь же Ингольв, уже полковник, вынужден считаться с общественным мнением...

В «Уртехюс» меня ждали трое посетителей.

В прихожей витал густой запах кошек. От неожиданности я замерла на пороге, подозрительно изучая гостей. Насколько мне известно, кошек и собак в Ингойе не водилось. Единственное исключение – любимица одной почтенной старой дамы.

Итак, в прихожей сидело трое: холеная дама в возрасте «какие еще внуки?!» - госпожа Инга, некий господин в чрезмерно шикарном наряде и с кислым выражением лица, и наконец лысеющий мужчина лет сорока с безвольным подбородком.

Оправившись от атаки концентрированного «кошачьего» смрада, в мощном напоре которого терялись все остальные запахи, я наконец разобралась, в чем дело. Оказывается, лысеющий мужчина чуть ли не облился эфирным маслом кедра. В

нормальной концентрации оно дарит благоухание хвойного леса, где словно проваливаешься в сияние небес... Но в избыточных количествах кедр отдает кошачьей вонью.

Они были похожи на неумело составленный натюрморт: надменно топорщила колючки роза, рядом красовался апельсин в золоченой фольге, а чуть в стороне – вареное яйцо на подставке...

«Аромаждун», - пробормотала я, улыбаясь посетителям. Так называл приемную Валериан.

- Что?! – переспросила госпожа Инга, приподнимая выщипанные брови.

- Простите, - спохватилась я. Пришлось выкручиваться: – Подумалось, что новый омолаживающий крем надо назвать «Яблоки Идунн», как эликсир молодости.

- Ах, новый омолаживающий крем... – протянула она мечтательно, расцветая улыбкой, как юная девушка при виде любимого.

Вот уж кто решительно не понимал высказывания о том, что стареть надо красиво! Впрочем, никакие притирания не вернут девичьей персиковой кожи и наивности глаз.

Легенда гласит, что боги обретают молодость, съедая волшебные плоды богини Идунн. Чего только не сделали бы люди, чтобы добыть чудесные фрукты! Увы, наша доля – старость, сгибающая стройные тополя в карликовые березки...

На мгновение я замешкалась, выбирая, кого из посетителей пригласить первым. Выбор за меня сделала госпожа Инга.

- Надеюсь, джентльмены уступят очередь даме! – произнесла она безапелляционно.

Означенные джентльмены ответили мученическими взглядами, но вразнобой закивали. О, это гордое звание требовало жертв...

Госпожа Инга, покачивая перьями на шляпке, прошествовала за мной.

- А что будет в составе крема? – жарким шепотом, с взволнованным придыханием, спросила она, едва за нами закрылась дверь.

В этот момент почтенная дама походила на школьницу в ожидании предложения руки и сердца от сказочного принца.

Меня вдруг обуяло неуместное веселье, заставившее брякнуть:

- Дракон!

- Что, простите? – будто споткнувшись, уточнила она, округлив глаза, отчего на лбу гармошкой собрались морщинки.

Даже не обратив внимания на эту оплошность (хотя обычно она тщательно следила за мимикой), госпожа Инга смотрела на

меня с настороженностью и нарождающимся восторгом.

- Дракон! – серьезно подтвердила я, усаживаясь и жестом предлагая ей сделать то же самое. – Видите ли, новейшие исследования доказали, что холод прекрасно сохраняет молодость. К примеру, как холодильный шкаф позволяет долго хранить продукты...

Сделать многозначительную паузу, предоставив догадываться об остальном.

На мой вопросительный взгляд клиентка зачарованно кивнула, источая запах мандарина и пихты – восторженное ожидание чуда, полностью приняв это объяснение.

Продолжая хулиганить, я призналась негромко:

- Я ведь тоже не молодею, вот и задумалась... Что, если взять, к примеру, чешуйку из хвоста ледяного дракона и сделать из нее экстракт?

Губы госпожи Инги сложились в немое «О».

Представляю, как я подбираюсь (лучше ползком) к ошарашенному Исмиру и выколупываю у него несколько чешуек... Надо думать, дракон заморозил бы меня совершенно бесплатно, просто от неожиданности.

Как-то некстати вспомнилось, как дедушка придумывал сказки нам с братьями, еще совсем крошкам. Колеблется свет свечи, пахнет медом и воском, немножко гарью и молоком, а голос дедушки полон торжественности...

В сказках фигурировали злобные ледяные драконы, холодящие дыханием весь мир. Дети стихии выступали в роли этаких чудовищ, вроде сказочных вампиров. Но потом приходила бабушка, и в пару к дракону непременно находилась принцесса, сумевшая растопить сердце ледяного чудовища...

Если рассказ заканчивала бабушка, то концовка, к моему тайному восторгу, обещала этот странной паре вечную любовь и счастье. Если подвести точку выпадало дедушке, то к повествованию непременно приплетался какой-нибудь странствующий эриль, маг слова, или хотя бы рыцарь в сверкающих доспехах. Разумеется, герой повергал ниц несчастную рептилию и увозил красавицу. Сцены сражений приводили в восхищение братьев, но заставляли дуться меня и желать подкорректировать сюжет.

По правде говоря, теперь на месте принцессы я сбежала бы подальше и от дракона, и от самозваных спасителей...

Впрочем, хватит думать о сказках, клиентка уже посматривала с нетерпением.

- Только, боюсь, раздобыть чешуйки не удастся... – «с сожалением» призналась я.

Представилась охота на драконов ради прочных когтей, шкуры для экстрактов, шкурок на сумочки и туфельки... Брр, прямо мурашки по коже! Боюсь, люди способны и на такое...

К тому же одно дело – небольшая шутка, а обманывать клиентов, само собой, недопустимо!

Поэтому я поспешила сдать позиции, размышляя вслух о том, что «волшебное» средство может иметь побочные эффекты, к примеру, ускоренное старение после завершения срока действия крема.

Госпожа Инга содрогнулась – угроза здоровью не удержала бы ее от применения снадобья, а вот то опасность для внешности мгновенно отрезвила.

В утешение я намекнула на некие редкостные ингредиенты для вожделенного зелья... В эффективность экзотических компонентов почему-то верится легче, чем в банальные экстракты ромашки и огурца. Чем труднодоступнее вещество, тем оно действеннее – простое, но заведомо ошибочное логическое построение.

Сейчас госпожа Инга согласилась довольствоваться кремом с розой и ладаном, и само собой, ценными ингредиентами прямиком из Муспельхейма: экстрактом лотоса и маслом маракуйи. А тамошние аромаги, видимо, привлекают клиентов «диковинными» порошками черники и морошки «прямиком из Хельхейма!».

Заказав жасминовое масло для ванны, мыло на соке дыни, медовую маску и еще десяток наименований из моего ассортимента, клиентка наконец удалилась.

Воспользовавшись небольшой паузой, я поспешила сварить себе кофе. Подумав, щедро плеснула в крепкий напиток коньяка.

Вместо госпожи Инги на пороге «нарисовался» господин, благоухающий кедровым маслом.

Как и многие другие, он был озабочен поредением своей некогда шикарной шевелюры, и для борьбы с этой бедой опробовал рецепт, почерпнутый в каком-то журнале. Однако после «чудодейственного» средства легковерному господину стало так худо, что он два дня отлеживался дома, а потом отправился ко мне.

- А вы захватили с собой тот рецепт? – осведомилась я, прихлебывая кофе. По правде говоря, употреблять на ночь глядя бодрящие напитки – не самая хорошая мысль, но меня начала терзать упорная головная боль, с которой я надеялась справиться таким нехитрым способом.

Видимо, сказывались все треволнения сегодняшнего дня вкупе с вонью, исходящей от клиента.

- Да! – он согласно кивнул и осторожно извлек из кармана заботливо вырезанную статью, которую тут же передал мне.

Пока я изучала этот «шедевр», клиент молча пил чай.

Откровенно говоря, от статейки (судя по глянцевой бумаге, помещенной в некоем пафосном издании), у меня просто волосы встали дыбом. Материал был подписан веско и просто пугающе скромно – «господин Аромаг» («Аромаг» с заглавной!). Означенный «знаток» отмерял эфирные масла на одно применение ложками, а не каплями; оперировал понятиями вроде «концентрированное масло моркови», не уточняя, шла речь об эфирном масле, растительном или вовсе настоянном; не имел представления о синергии и комплементарности...

Удивляюсь, как люди поучают других о том, в чем сами мало что понимают! Неужели так сложно проштудировать хоть одну толковую книгу, прежде чем давать советы? Ведь тот, кто отважится на практике применить эти безграмотные рецепты, рискует здоровьем. Передозировка эфиров не менее опасна, чем передозировка любых иных лекарств!

Неучи, рассуждающие, что чем больше масла взять, тем лучше эффект, заслуживают самого строгого наказания!

- Удивительно, что вы не облысели от этого полностью! – с чувством произнесла я, возвращая клиенту статейку.

Тот схватился за остатки волос, глядя на злосчастную бумагу, как на ядовитую змею.

В общем, пришлось провести небольшой ликбез, затем вручить несколько пузырьков.

- В маску одну каплю масла бея! – напутствовала я клиента, и он, прижимая к груди бутылочки, мамой клялся, что ничего не перепутает и уж точно не переборщит. - Будьте добры, передайте посетителю, чтобы он зашел через несколько минут, - попросила я напоследок.

Охотно согласившись, лысеющий господин чуть ли не вприпрыжку выскочил из кабинета.

Голова моя болела все сильнее. Поставить чайник на огонь, теперь капельку мятного масла на виски, глубоко дышать и думать о чем-нибудь приятном...

Лето, взморье. Запах разогретой солнцем степи вперемешку с горьковато-солеными брызгами морской воды. В тени абрикосов – увитая виноградом веранда, где собралась вся семья. Охлаждающий мятный чай в расписных чашках и каждому по большущему куску шоколадного торта в шоколадной же глазури...

Когда дверь снова распахнулась, я даже смогла улыбнуться гостю.

- Здравствуйте, проходите, пожалуйста. Присаживайтесь, будете что-нибудь? – радушно предложила я.

Откровенно говоря, разряженный толстяк с обрюзгшим лицом мне не понравился – от него отчетливо пахло гнильцой - но может, это просто несварение?

- Нет, не нужно, любезная! – отмахнулся он, как от услужливой горничной.

Я лишь усмехнулась, тут же спрятав улыбку в чашке с мятным отваром. Люди, которые грубят окружающим только из-за желания казаться значительнее, достойны сочувствия.

Что, впрочем, нисколько не помешало мне осадить наглеца.

- Боюсь, могу уделить вам всего пять минут... – заметила я как бы между прочим, изобразив сожаление.

Гость спал с лица. Он явно привык, что перед ним лебезят и покорно терпят все выходки.

Наконец он выдавил:

- Я... эээ... бизнесмен. Моя стихия – денежные займы... так сказать, в частном порядке...

Проще говоря, ростовщик.

- У меня есть... эээ... партнер. Он надолго уезжал, а теперь... эээ, вернулся и хочет провести ревизию... – посетитель то и дело облизывал губы и утирал лоб платком.

Кстати, платок «выбивался» из образа – большой, клетчатый, из грубой ткани и явно застиранный.

После чего принялся рассказывать, какой нехороший - во всех смыслах – этот самый партнер...

- И чего вы хотите от меня? – невежливо перебила я длинный перечень пороков.

Гость метнул в меня гневный взгляд, но тут же спохватился и растянул губы в улыбочке, напоминающей о протухшем жире.

- Эээ... у него мало времени, всего неделя... эээ... если бы он заболел...

Он умолк, глядя на меня со значением.

На несколько мгновений я онемела.

- Вы хотите, чтобы я отравила вашего партнера?! – спросила, с трудом проталкивая слова сквозь стиснутое яростью горло.

- Ну... эээ... зачем же так прямолинейно? – заюлил он, вновь утирая платком лоб. – Всего-навсего небольшая болезнь... эээ... ничего фатального...

- Вон отсюда! – негромко велела я, вставая. Голова вновь раскалывалась, над левым глазом то и дело нещадно стреляло болью.

- Что ж вы так? – спросил он с удивлением и даже некоторой укоризной. – Мы ведь с вами... эээ... деловые люди... Уверен, вы и

раньше... эээ... ну не выкобенивайтесь, мы... эээ... договоримся о цене...

- Идите к йотуну! – сказала я от души, распахивая дверь.

Приличной женщине не положено говорить подобного, но уж очень ситуация располагала.

Он налился краснотой и пообещал:

- Ах, вы так?! Тогда... эээ... я обеспечу вам такую репутацию, любезная, что... – он замолчал, словно споткнувшись о мою улыбку.

- Тогда мне придется сообщить моему доброму другу, инспектору Сольбранду, о вашем намерении отравить партнера...

Он смотрел на меня с нарастающим ужасом и негодованием, потом нашелся:

- У вас нет никаких... эээ... доказательств. Вы даже не знаете, как меня зовут!

- Не волнуйтесь, я найду вас по запаху! – пообещала я ласково. – А доказательства добудет полиция.

Изрыгая проклятия, он выкатился за дверь...

Я осталась сидеть в кресле, массируя виски и морщась при малейшем шуме, долетавшем с улицы. Извлекла из-под воротничка платья янтарное ожерелье – так давно его ношу, не снимая, что перестала вообще замечать – и принялась перебирать пальцами бусины. Обожаю янтарь: то ли застывшие капельки меда, то ли осколки солнца, оброненные в теплую морскую воду.

Боги, как же мне хотелось оказаться где-нибудь подальше от городской толчеи и шума! На морском берегу или в горах, где от тишины звенит в ушах, а покой охватывает душу мягкой периной...

Успокоиться удалось не сразу. Пожалуй, с учетом того, как начался день, с моей стороны вообще было опрометчиво прийти в «Уртехюс». В жизни бывают периоды, когда лучше пересидеть в постели, отгородившись от всего и вся.

Поразмыслив, я зажгла аромалампу – блюдце на подставке, под которым располагается свеча. Немного воды, эфирное масло... Один из простейших способов применения ароматерапии.

Ладан, мускатный шалфей, цитронелла и грейпфрут – чтобы успокоиться и одновременно взбодриться.

Сладковатый аромат с легкими цитрусовыми нотками быстро наполнил комнату, вытесняя гнилостный душок, оставшийся от последнего посетителя...

Теперь надо сделать крем для госпожи Инги.

Непосвященным процесс кремоварения кажется неким таинством. В действительности ничего сложного тут нет.

Первым делом составить рецепт, рассчитать долю каждого

ингредиента.

Потом все тщательно взвесить и отмерить: отдельно масла, воду и активные компоненты. Ну и, разумеется, эмульгатор – специальное вещество, связывающее масло и воду.

Баночки с будущим кремом отправляются на водную баню, чтобы достигнуть нужной температуры. Активные ингредиенты – экстракты, эфирные масла и т.п. требуют деликатного обращения, поэтому они дожидаются своего часа на столике рядом.

Дождавшись, пока все нагреется, смешать воду и масло, хорошенько взбить венчиком и охладить при помешивании. В остывший крем добавить эфиры, консервант и т.д.

Вот и все!

Должно быть, описание звучит тоже довольно пугающе. Но стоит хоть разок сварить крем, как все встанет на свои места…

Я порхала по лаборатории, вдохновенно отмеривая, смешивая, попутно суя нос во все пузырьки подряд и тихонько мурлыча что-то музыкальное.

О, сандал! Невольно вспомнилась спокойная улыбка Исмира.

Словно нежный голосок флейты, тихонько напевающей в отдалении. Простенькая и негромкая мелодия удерживает крепче собачьей сворки, завораживает безыскусным напевом…

Кружит голову, словно шампанское, лопаясь на языке тысячей пузырьков.

Интересно, все ли драконы благоухают так же, или это особенность данной… хм, особи?

Как-то снова вспомнились романтичные бабушки сказки.

Бриллиантовое сверкание льда завораживает, манит, дразнится: попробуй, растопи, преврати в ласковую воду…

Глупо. В сказки я давно не верю, а в любовь тем более.

Передернув плечами, я уселась за стол и принялась выписывать счета. Их предстояло отправить клиентам, с тем, чтобы те прислали оплату Ингольву. Именно так: по закону все имущество жены принадлежит мужу. Даже «на шпильки» он ежемесячно выдавал мне небольшую сумму. От щедрот, так сказать.

Помнится, однажды у меня стащили кошелек. В официальных бумагах значилось, что у «Мирры, дочери Ярослава и жены Ингольва, украли кошелек, принадлежащий означенному Ингольву…». Как будто украли украденное…

Впрочем, хватит вспоминать о неприятном!

Крем готов – сливочно поблескивает в баночке и благоухает сладкой розой и прохладно-строгим ладаном, счета стопкой высятся на столе…

Заперев дверь в «Уртехюс» - хватит с меня на сегодня

посетителей! – я отправилась в дом и поднялась прямиком в оранжерею. Остановилась на пороге, не веря глазам.

Между грядками танцевал Палл, трепетно прижимая к груди горшочек с каким-то редким растением, очередным щедрым даром хель.

Коротышка, едва доходящий мне до груди (а я невысокого роста даже для женщины), всю жизнь посвящал травам и цветам, практически не выходя из теплицы. Он вырос в дальнем поселке, затерянном в снегах, и упрямые ростки жизни его буквально завораживали...

Поздоровавшись с Паллом, я принялась расспрашивать о грузе, доставленном с «Бруни».

Потом он умчался что-то пересаживать, а я прошла в дальний уголок оранжереи. Этот сад специй принадлежал лично мне. Ровные грядки с ромашкой, мятой, лавандой, мелиссой... Чуть дальше цветы – белые лилии, яркие венчики герани, гибискус. Имбирь, куркума, сочное алоэ, лимонные и кофейные деревца... Жаль, нечасто мне удается здесь побыть, так что в основном ухаживать за моим личным садиком тоже приходилось Паллу. Впрочем, он ничего не имел против.

Размяв в пальцах веточку розмарина, я вдохнула едкий свежий запах. Розмарин означает память.

Отчего-то мне отчетливо вспомнились встревоженные глаза бабушки тем летом, ее расспросы. И моя наивная уверенность, что она не поймет, что я – такая взрослая и умная – все лучше знаю...

Впрочем, какой смысл жалеть? Пусть в жизни были беды и огорчения, пусть все сложилось не так, как мечталось, я живу дальше. А печаль – всего лишь роса на листьях, она высохнет с восходом...

За окнами давно стемнело – в Хельхейме зимой долгие-долгие ночи, и следовало торопиться к ужину...

В гостиной я застала прекрасное общество: приосанившийся Ингольв что-то вдохновенно рассказывал прекрасной медсестре. В уголке устроился мой свекор, одобрительно кивающий в такт словам сына. В кресле у камина напряженно выпрямился Петтер.

Ординарца Ингольв числил среди приближенных и позволял ему изредка ужинать в кругу своей семьи, хотя с остальными подчиненными тщательно соблюдал субординацию.

- Добрый вечер, - вежливо произнесла я, остановившись на пороге.

Свекор небрежно кивнул, распушивший хвост Ингольв, кажется, вообще не заметил моего появления, как и его собеседница. А вот мальчишка меня удивил: взглянув на

командира, он перевел взгляд на меня, и я ощутила исходящую от него смесь стыда, неодобрения, злости...

- Добрый вечер! – уже громче повторила я.

Петтер вскочил и поклонился, а муж и его визави неохотно отвлеклись друг от друга. Ингольв что-то буркнул, разом поскучнев, а медсестра – кажется, ее имя Ингрид – грациозно встала.

- Добрый вечер, госпожа Мирра! – произнесла она напевно. Голос, как журчащий по камням ручеек, нежный аромат лиметта – леденцов – и меда. – Я пришла извиниться за поведение доктора Ильина. Он был очень груб с вами, но я не могла вмешаться...

- Понимаю, - согласилась я. – Впрочем, вам не стоит извиняться за чужую грубость.

Она потупилась.

- Надеюсь, вы понимаете, я не могу противоречить своему начальнику... Но я хотела бы с вами подружиться!

Ингрид подняла на меня светлый взгляд, глаза ее сияли мольбой и робкой надеждой. В своем форменном светло-зеленом платье с темными рабочими нарукавниками и фартуком она была ослепительно красива.

Я на мгновение замешкалась с ответом, ошарашенная таким простодушием, и муж тут же вмешался.

- Разумеется, Мирра будет рада с вами подружиться, моя дорогая! – ответил он за меня.

Меня покоробило такое панибратство, и, видимо, заметив мое колебание, он снова повторил, уже в приказном тоне:

- Ты ведь будешь рада, Мирра?

Само собой, оставалось только согласиться. Довольный Ингольв вновь вернулся к беседе с Ингрид, которая, надо отдать ей должное, пыталась вовлечь в разговор и меня. Но муж совершенно игнорировал эти попытки, так что я предпочла перебраться к камину.

Господин Бранд вспомнил, что с утра забыл завести часы – больше десятка разномастных маятников по всему дому, к которым он носился очень трепетно. Произнеся небольшую тираду на эту тему, он отправился в обход.

«Она совсем не похожа на медсестру, скорее на актрису...» - подумала я, бросив взгляд на Ингрид, внимающую рассказу Ингольва.

Заметив это, она виновато улыбнулась, заставив почувствовать себя ревнивой и страшно сварливой женой.

С трудом избавившись от мерзкого ощущения, я твердо решила не обращать на них никакого внимания и пропускать мимо ушей долетающие обрывки фраз.

Лучше побеседовать с Петтером. Только о чем?

- Надеюсь, вы уже полностью освоились в Ингойе? – не найдя другой темы, спросила я, изображая заинтересованность.

Внимание невольно притягивала щебечущая в стороне пара. Столь демонстративное пренебрежение ко мне со стороны Ингольва было неприятно.

- Конечно, благодарю вас, - ответил мальчишка.

Он проследил за моим взглядом, отчего-то нахмурился.

- Знаете, однажды был случай... – начал он вдруг громко.

Петтер травил байки, против ожидания я постепенно увлеклась и уже от души смеялась над его рассказами.

Краем глаза поймала недовольную гримасу мужа, но сделала вид, что ничего не заметила...

До ужина оставались считанные минуты, когда вдруг зазвенел дверной колокольчик.

Вскоре в комнату заглянула недовольная Сольвейг, сильнее обычного пахнущая уксусом.

- Госпожа Мирра, там вас спрашивают! Почта! – произнесла недовольно и тут же вышла. Дескать, нечего занятых людей отвлекать!

- Извините, - я улыбнулась Петтеру, вставая, - я на минутку.

- Можно я вас провожу? – тут же подхватился он.

Не видя в этом ничего крамольного, кивнула и быстро направилась в прихожую, размышляя, что стряслось. За мной следовал Петтер, как запах за блюдом с булочками...

У входной двери замер капрал частей пингования – проще говоря, пингвиньей связи, если судить по его нашивкам (чему только не учится жена офицера!).

- Госпожа Мирра, вас срочно просят пожаловать в Свёль! – вытянувшись во фрунт, доложил немолодой капрал. – К рассвету медведя пришлют!

Он почтительно протянул мне небольшого пингвина, подозрительно глядящего по сторонам. В клюве этот "почтальон" крепко сжимал кусочек бумаги. Я осторожно протянула руку и вслух сообщила свое имя. Пингвин подумал и неохотно разжал клюв. Письмо упало в подставленную ладонь...

Послание оказалось лаконичным:

«Приезжай. Болезнь».

Всего две руны: райдо – «путь» и перевернутая уруз – «болезнь», ниже подпись, знакомый хельский росчерк «Альг-исса».

Впрочем, краткость неудивительна, поскольку управляться с рунами северным жителям просто физически больно. А их собственные знаки я не понимала.

- Вы говорили, меня ждут в Свёль? – уточнила я с некоторым

сомнением.

Рассеянно погладив пингвина, получила в отместку возмущенный крик и чувствительный щипок.

Капрал молодцевато щелкнул каблуками и веско подтвердил:

- Именно так. К утру вам нужно быть на станции.

- Будьте добры, подождите здесь, - попросила я, хмурясь.

Надо думать, Ингольв не придет в восторг от такой перспективы...

В гостиной мой милый супруг все так же любезничал с Ингрид, стоя у кресла, в котором она с комфортом разместилась. Невинно-соблазнительная поза, ослепительно-белая кожа, пушистый горьковато-терпкий запах горького апельсина...

Отчаянно захотелось устроить безобразную сцену, пощечиной стереть с тонких губ Ингольва улыбку, заставить медсестру в ужасе ретироваться...

На несколько мгновений крепко зажмуриться и вспомнить, чему учила бабушка: «Женщина должна быть мудрой. Нужно уметь прощать и уступать...»

Жасминные сумерки, блюдо с клубникой, внимательный взгляд... Единственная девочка среди ватаги мальчиков, я удостаивалась личных уроков, которые, надо сказать, оказались впоследствии весьма кстати.

Как бы то ни было, я – жена Ингольва, и мне предстоит провести рядом с ним остаток жизни. Надо же так распуститься, позволить раздражению, злости, обиде взять верх! К мужней блажи следует относиться, как к погоде за окном: принимать без жалоб и менять одежду по сезону.

- Дорогой, - подойдя ближе, заговорила я мягко, и от этой показной мягкости муж сильно вздрогнул, - меня просят завтра быть в Свёль. Ты позволишь мне ехать?

Сама кротость и почтение к авторитету главы семьи...

- Ехать к хель? – кисло переспросил Ингольв, оборачиваясь.

- Прости, дорогой, меня вызывают... – покаянно вздохнула я, - ты позволишь ехать?

Само собой, выбора у мужа не было: в Хельхейме правила устанавливали хель, и упаси Один кого-нибудь с ними открыто спорить. Но почему бы не потешить самолюбие Ингольва?

- Да! – выдавил он, недовольно кривя губы.

- Спасибо!

Нисколько не стесняясь, я бросилась к нему на шею и благодарно поцеловала...

Надо думать, со стороны это смотрелось впечатляюще. С трудом оторвавшись от Ингольва, который все никак не хотел меня отпускать, я с тайным удовольствием обозрела зрителей:

желчное недовольство свекра, изумление – и уважение! – на милом личике Ингрид, темные омуты глаз Петтера.

В комнате отчетливо пахло удивлением, похожим на вкус свинины в кисло-сладком соусе.

И знакомо потемневшие мечтательные очи мужа, крепкая хватка, которой он удерживал меня за локоть (а вдруг сбегу?), исходящая от него властная волна имбирного аромата...

Шаткий мир вокруг снова обрел равновесие, словно волной смыло все огорчения дня, оставив влажный прохладный песок спокойствия и запах фенхеля на языке – камфара и анис - сосредоточенность.

- Милый, ты поедешь со мной или позволишь Петтеру меня отвезти? Я ведь не могу ехать одна.

- Я не могу сейчас уехать из города... - Сожаление в голосе мужа звучало для меня музыкой. – Петтер, отвезешь мою жену на станцию и вернешься, когда сдашь ее с рук на руки хель. Понял?

- Да, - мальчишка кивнул, потом спохватился, встал по стойке «смирно» и браво отрапортовал, что приказ понял и готов выполнить.

«Мою жену»... А ведь еще совсем недавно Ингольв явно всей душой желал бы об этом забыть! Действительно, сила женщины – в слабости.

Теперь же он, кажется, сожалел, что ехать мне придется немедленно. Да и то, полагаю, раздумывал, не отослать ли слуг собирать вещи, а пока уединиться со мной в спальне...

Горстью бусин рассыпать улыбки: лукавую – мужу, безмятежную – свекру, дружелюбную – Ингрид, чуть виноватую – Петтеру...

Признаться, мальчишку было жаль, по моей вине ему придется чуть ли всю ночь провести за рулем, а потом еще добираться обратно. Не отрываясь, он зачарованно смотрел на меня, потом, густо покраснев, с явным трудом отвел взгляд. Видимо, для него подобные сцены чересчур откровенны...

Тут возникло новое затруднение: обычно во всех поездках меня сопровождала горничная, но она отчаянно боялась ездовых медведей и падала в обморок от одного вида хель.

Впрочем, хель на мою честь точно не покусятся, а пока для соблюдения приличий хватит сопровождения Петтера, которого Ингольву и в голову не пришло бы подозревать в распутных поползновениях.

Спустя полчаса я поцеловала на прощание мужа, почтительно поклонилась свекру и отмахнулась от причитаний Уннер, почему-то твердо уверенной, что кровожадные хель и их ужасные медведи сожрут меня, как только увидят...

На заднем сиденье громоздились объемистая сумка с маслами и снадобьями, а также чемодан, в который неуемная горничная напихала нарядов (по ее логике, видимо, чтобы красиво сервировать меня для съедения!). Пришлось усаживаться рядом с ординарцем. Впрочем, так сподручнее коротать долгие часы пути...

Слуги дружно махали вслед: Уннер плакала, Сольвейг лучилась радостью, а Сигурд почему-то мечтательно улыбался. Мои мужчины смотрели одинаково недовольно и синхронно хмурились...

Едва они скрылись из виду, я облегченно вздохнула – боги, милосердные мои боги, как редко удается выбраться из дому! – и попросила:

- Петтер, вы не могли бы заехать в булочную господина Эгиля?

Мальчишка бросил на меня косой взгляд и согласно кивнул. Ручаюсь, роль очень-очень голодной кошки, третий день не кормленной жестокими хозяевами, удалась мне превосходно.

Учитывая, что хель не признают сладостей, а кофе считают отравой, к предстоящей поездке требовалось подготовиться серьезнейшим образом! К тому же этот благословенный напиток освежает восприятие запахов, смывая наслоение впечатлений.

Из булочной я вышла спустя полчаса, нежно прижимая к груди объемистый пакет.

- Вот теперь можно ехать! – довольно провозгласила я, усаживаясь в автомобиль с помощью Петтера. Могу поклясться, что он спрятал улыбку...

Поколебавшись, не стала устраивать лакомства на неустойчивом заднем сиденье – надежнее держать на коленях!

Из закрытого пакета струились вкусные запахи. Печеные яблоки, корица, ваниль, шоколад и разогретый изюм пахли так восхитительно, что воздух в салоне, казалось, можно было намазывать на хлеб. Не удержавшись, я отщипнула кусочек имбирного человечка, потом еще и еще...

Петтер делал вид, что не замечает, как я втихомолку ем печенье, осыпая дорожное платье крошками и пачкая перчатки...

Автомобиль неспешно катил по дороге. В окружающем снежном безмолвии он казался слишком шумным, грязным и теплым – эдакий кашалот, в нутре которого мы укрылись. Совсем рядом лениво шевелилось хмурое море, отражающее в своих водах такое же неласковое небо. Снежный покров лег на обочины, ему вторили белизной островки льда в море. Рядом с Ингойей море не замерзало никогда – теплое течение словно обнимало южную часть острова, огибая его и устремляясь к Мидгарду.

- Остановите, пожалуйста! – слегка тронув за рукав, попросила я Петтера.

Он странно взглянул, но не стал спорить, приглушил мотор. Железный зверь послушно замер, будто радуясь возможности подремать.

Не дожидаясь помощи, я сама распахнула дверцу и выбралась наружу. Белая снежная пелена - словно кисея - не скрадывала великолепный вид, напротив, оттеняла густую темень моря. Как будто покрытого шрамами ветерана обрядили в белый фрак. А небо спускалось низко-низко, как периной укрывая гладь земли...

Душно, сыро на холодных городских улицах, даже дышится там совсем иначе. Пыль, копоть и запах множества людей сажей оседают в легких, не дают глубоко вздохнуть. Этот горький и дымный осадок столь привычен, что его почти не замечаешь, но он придает неприятный оттенок всему вокруг. Выбравшись из давящего плена города, смотришь на мир совсем иначе, пьешь воздух, как вино. Хотя ледяной хельхеймский ветер больше похож на крепкую перцовую настойку – острый, жгучий, мгновенно сбивающий с ног.

Так чудесно просто стоять, запрокинув голову, и ловить губами снежинки...

Легкая печаль шелком легла на душу, в голове сами собой собрались стайки рифм. Милосердный Один, сколько лет я уже не писала стихов! Мёд поэзии слишком давно горчил. Но вечное море и безмятежная земля будто смыли тусклый налёт, заставляя душу вновь плакать и рваться в небеса...

Не знаю, сколько прошло времени. Петтер выказал необыкновенную чуткость: он молча сидел в автомобиле, не тревожа меня и не пытаясь поторопить.

- Мне редко удается выбраться на природу, - извиняясь, сказала я, вернувшись наконец в теплый салон.

Петтер кивнул, будто понимая все, что осталось несказанным. Ревность Ингольва, его твердое убеждение, что прогуливаться за город не подобает приличным дамам, надзор свёкра...

Автомобиль снова покатил вперед. Мальчишка не смотрел на меня, сцепив руки на руле, он напряженно всматривался в снежную пелену. От него славно пахло: кофе, кардамоном и мускатным орехом, и даже примесь мокрой шерсти не портила букет.

Не сразу я сообразила, что этот аромат означал вовсе не душевное состояние. Это был верхний слой, «настоящий» запах.

- Вы пьете кофе? – не сдержавшись, воскликнула я.

Все так же не глядя на меня, он неохотно кивнул. На его

скулах заалели яркие пятна, как будто он стыдился своей слабости.

- Приятно встретить родственную душу, - заметила я с улыбкой.

В Хельхейме мало кто ценил этот южный напиток, здесь отдавали предпочтение черному и ягодным чаям. А на меня все эти настои малиновых веточек и листочков смородины нагоняли тоску. Как лекарство они, безусловно, полезны, но удовольствия приносят мало. То ли дело густой горьковатый кофе со щепоткой специй! Бодрящий, проясняющий мысли, пряный...

Мальчишка повернулся, взглянул на меня исподлобья, но тут же оттаял.

- Вы тоже любите кофе?! – переспросил недоверчиво.

- А как же! – весело подтвердила я, кивая для убедительности. – Признаться, мне частенько достается от мужа и свёкра за это пристрастие!

Петтер почему-то помрачнел и вновь уставился на дорогу.

Взгляду открывалась бесконечная змея шоссе, соединяющего столицу острова, Ингойю, и Свёль, крупнейшее поселение хель, расположенное далеко на севере.

Придорожные столбы изукрашены человеческими рунами и хельскими знаками, которые позволяли поддерживать шоссе в идеальном состоянии, его никогда не заносило снегом, даже если вокруг лежали сугробы выше человеческого роста.

- А какой кофе вы любите больше всего? – принялась допытываться я.

Признаюсь, я твердо уверена, что о человеке многое можно сказать, зная его кофейно-чайные пристрастия.

Сначала казалось, что Петтер промолчит, уклонится от беседы.

- Черный, - наконец признался он неохотно.

- Черный?! – переспросила я удивленно. – С сахаром, сливками, специями? Может быть, немного имбиря или мускатного ореха?

- Нет, - бросив на меня короткий взгляд, покачал головой мальчишка. – Просто черный, очень крепкий. Можно щепотку соли.

- Необычно... для юноши. - И тут же спохватилась: право, это звучало невежливо, снисходительно! - Я хотела сказать, что обычно молодые люди ищут новых впечатлений, поэтому любят экзотические напитки...

А горечь, ничем не подслащенную и не облагороженную, предпочитают люди постарше, которые уже научились ценить истинный вкус жизни.

Кажется, он чуть улыбнулся.

- А я люблю с медом и кардамоном, - произнесла я мечтательно. – Или с мускатным орехом.

- Необычно... - с легкой насмешкой повторил он мои слова. – Но вам подходит. Сладковатая горечь, тягучий мёд, пряные зернышки кардамона...

- Да вы поэт!

Надо же, какие таланты кроются в этом нескладном юноше!

- Нет, - не согласился Петтер, - я предпочитаю точные науки. Просто... я много читал...

- Поэзию? – с подозрением спросила я.

- Каюсь, - развел руками он, - грешен.

Кажется, он совершенно освоился в моем обществе...

Следующие несколько часов мы болтали без умолку. От рецептов кофе перешли к поэзии, потом к обсуждению технического прогресса.

О последнем Петтер говорил с горящими глазами, твердо уверенный, что развитие науки непременно принесет людям счастье. По правде говоря, я вовсе не была в этом убеждена, но пламенная вера мальчишки завораживала...

Как-то незаметно я задремала, провалилась в топкую почву полусна...

В зыбком мареве вокруг роем вьются комары, болотистая местность тянет вглубь, режет взгляд осока...

Мгновение головокружения, и уже совсем иной пейзаж: зеленая лужайка, вместо подушки под щекой почему-то твердый пень, кругом вьются бабочки, нежный ветерок играет волосами. В небесах ликует теплое майское солнце, а дурманящее разнотравье пахнет удивительно ласково...

Проснулась рывком, будто вынырнула из глубокого омута, и обнаружила, что доверчиво прикорнула на плече Петтера, а его дыхание шевелило выбившиеся из прически пряди.

- Простите, - пробормотала я смущенно, возвращаясь на свое место и торопливо поправляя рыжие локоны. Вьющиеся волосы – сущее наказание в дороге!

- Ничего, - сухо ответил он, не глядя на меня.

Губы мальчишки были крепко сжаты, он напряженно глядел вперед, на окутанную снежной вуалью дорогу.

- Я не хотела вас отвлекать, - снова покаянно сказала я. – Давайте остановимся и немного отдохнем!

- Вы устали? – спросил он, бросив на меня короткий взгляд. Покрасневшие веки выдавали изнеможение, к тому же держался он с видимым напряжением.

- Очень! – соврала я и «призналась»: - Ужасно хочу кофе! С пирожными… Хотите? У меня есть с собой!

Вот за что уважаю хель, так за практичное отношение к теплу и холоду. Они умудряются создавать посуду, содержимое которой многие часы сохраняет неизменную температуру. В дороге такая утварь незаменима!

Петтер дрогнул: после тяжелого дня и бессонной ночи он явно безумно устал. Он остановил автомобиль и охотно принял мою заботу.

Это было странное кофе питие: вдвоем, в тесном салоне, на горной дороге. Обжигающе горячий напиток, перечные и коричные нотки горького благоухания, ароматные нежнейшие слойки с яблоками и шоколадные кексы…

Я беззаботно болтала, стараясь развеять неловкость.

Выпив две чашки кофе, мальчишка оттаял, снова стал улыбаться и даже шутить в ответ.

- Пора ехать дальше! – наконец с видимым сожалением сказал он.

И снова дорога, бесконечные метры, лентами накручивающиеся на колеса…

Ехать приходилось очень медленно и осторожно, но к полуночи мы были на месте.

Почтовая станция - форпост людей в этом суровом краю, эдакий каменный бастион в бескрайнем море льда. Ярко-алый стяг трепетал на шпиле, ветер забавлялся с ним, то аккуратно поглаживая, то почти разрывая в клочья. Единственное яркое пятно среди царства серого и белого…

Автомобиль вкатился во двор, нырнул под навес и замер. Казалось, он тоже чувствовал облегчение, что долгий путь закончился.

Выйдя из машины, я в первый момент даже покачнулась от плеснувшей в лицо волны ароматов. Горячий фасолевый суп и черничный сбитень, смородиновое варенье и горящий уголь, конюшни и керосиновые лампы. Люди и хель, медведи и пингвины, лошади и овцы. Чья-то боль, чья-то усталость, чей-то восторг…

Посреди ледяной равнины эта мешанина запахов воспринималась слишком остро. Перед глазами – словно яркий калейдоскоп...

- Что с вами? – голос Петтера от волнения дал петуха.

Он неожиданно крепко ухватил меня за локоть, помогая удержаться на ногах.

- Сейчас...

Я смежила веки и стала дышать ртом.

Спустя несколько минут кусочки мира встали на свои места, ароматы потеряли остроту и лишь витали где-то на краю восприятия.

Можно наконец открыть глаза.

Мальчишка наклонился ко мне, вглядываясь в лицо, его темные глаза были полны тревоги, а подрагивающие губы сжаты так, что походили на побелевший от времени шрам.

- Со мной уже все в порядке, - я слегка улыбнулась, выставила перед собой руку, инстинктивно желая отодвинуться. – Не стоило так переживать.

Только сейчас он, кажется, заметил, что стоит слишком близко. Отпрянув, отпустил мой локоть и отвернулся, пряча лицо. Плеснуло горько-острым коктейлем: обида, злость, непонимание – текила с лимоном и солью...

А на языке почему-то привкус взбитых сливок с ванилью...

Хм. Нужно быть с мальчишкой осторожнее, не хватало только, чтобы он в меня влюбился!

- Солнце! – раздался где-то неподалеку вопль. Захлопали двери, послышался громкий топот шагов...

- Альг-исса, - выдохнула я со смесью радости и обреченности, уже зная, что последует дальше.

Громко бабахнув дверью, хель выскочила, словно ядро из пушки. Спустя мгновение она подхватила меня на руки и принялась со смехом подбрасывать вверх, как отцы обычно подкидывают малышей.

Почтенной замужней даме не подобает визжать, но я была очень к этому близка.

- Поставь меня на место!

Слова вырывались изо рта облачками пара.

- Солнце, я так рад! Наконец-то!

- Ох! Поставь меня! - повторила я, изо всех сил пытаясь сохранять спокойствие.

На последнем слово все же сорвалась в позорный визг.

- Ай, прости. Я забыл!

Она так резко меня отпустила, что мои зубы клацнули, зато заботливо поправила на мне покосившуюся шляпку.

- Сколько раз я просила тебя не говорить так? – спросила я, поморщившись.

- Ай, не понимаю, что тебе не нравится? – пожала широкими плечами она. – Мы похожи на ваших мужчин, а не на женщин – слабых и глупых. Потому и говорим так.

- Это ты меня имеешь в виду?

Надо думать, усмешка вышла горькой.

- Ай, нет, - спохватилась Альг-исса, взмахом руки отметая эту нелепую мысль. – Ты другая. Но остальные...

- Спасибо за лестное мнение, - отозвалась я, торопливо приводя себя в порядок. – Но все же говорить о себе в мужском роде – это как-то неправильно...

- Ай, глупости! Ты как добралась, солнце? – спросила она, неуклюже переводя разговор на другую тему.

- Давай сначала пройдем внутрь, - предложила я, украдкой потирая замерзшие ладони. И это за какие-то пять минут на холоде! Север Нордрихейма куда суровее юго-западного побережья, где обосновались люди.

Бросив взгляд на Петтера, убедилась, что он тоже замерз, вон как покраснел кончик носа.

Люди уже суетились вокруг, накрывая автомобиль брезентом, извлекая чемоданы, указывая путь. Альг-исса уверено увлекла меня за собой, похожая на линкор среди рыбачьих лодок.

Наконец оказавшись в благословенном тепле, я вздохнула с облегчением, впрочем, не торопясь снимать шубку. Только перчатки стянула и развязала ленты шляпы.

В камине уютно полыхало пламя, руки мои согревало уютное тепло чашки с чаем.

- Рассказывай, солнце, как у тебя дела? – жадно спросила Альг-исса, устроившись подальше от очага и с неприязнью посматривая на него.

Хель созданы изо льда, поэтому не признают огня, зато неплохо приживаются в суровых северных широтах. Старые легенды высокопарно и многозначительно говорили, что их прародительница, богиня смерти Хель, питалась голодом и спала на одре болезни, но ее потомки оказались послабее.

Кстати, первые люди были созданы из дерева: женщина – из ивы, мужчина – из ясеня, поэтому в человеческих землях эти растения почитают. Легенда гласит, что мир жив, пока хоть один ясень и хоть одна ива растут в его пределах... Зато в снегах нам неуютно.

- А почему «солнце»? – не выдержал Петтер, стоящий за моим креслом.

Я невольно вздрогнула, вспомнив недавно почуянный от него

аромат. И привкус сливок с ванилью на языке...

Кажется, мальчишка был в том самом возрасте, когда тянет взобраться на луну и потерять голову от любви. Только Ингольв не простит своему ординарцу вольностей, так что следует держаться с Петтером так, чтобы не давать мужу повода для ревности. Не нужно ломать мальчишке жизнь.

- Потому что я рыжая. И к тому же мое имя означает не только смолу мирры, но и по-хельски «мир солнца».

Пояснила спокойно, но с холодком. Добавить мятной прохлады, остудить теплую нежность ванили.

К слову, в Хельхейме у всех имена «говорящие». К примеру, у драконов имена обязательно начинаются на «ис» или «иса» - то есть «лед», а у хель то же слово красуется в конце имени через дефис. «Исс» - приставка к мужскому имени, а «исса», соответственно, к женскому.

- Понятно. Благодарю за пояснения, госпожа! – откликнулся Петтер с безупречной почтительностью. От него повеяло лимонной травой - колким морозом.

- Вы свободны и можете отдыхать, - не оборачиваясь, велела я.

- Слушаюсь, госпожа! – отчеканил он и пошел прочь, печатая шаг.

Неплохое самообладание! На мгновение подумалось даже, что все это мне померещилось от усталости и со сна. Только «госпожа» прозвучало слишком уж горько...

Жалко мальчишку, но прочь неловкость и сожаление. Лучше сразу пресечь неподобающие чувства, пусть даже и мне, и ему это будет неприятно.

Я и так слишком распустилась и расслабилась, на плече у него спала, ободряла дружескими беседами...

К йотуну! Это всего лишь юношеская блажь, ему не следует даже думать о подобном. В Ингойе множество хорошеньких девушек, и Петтеру скоро наскучит вздыхать о командирской жене.

Завьюжит время, затянет прошлое снежной пеленой...

- Прости, что? – переспросила я, не сразу осознав, что Альг-исса что-то сказала.

- Ай, хороший мальчик, - повторила она, задумчиво глядя вслед уже скрывшемуся с глаз Петтеру. – Только норовистый, неприрученный...

С губ моих сорвался смешок: какое точное определение!

- Не бойся, со временем и его приручат. А теперь расскажи, наконец, что у вас стряслось?

- Ай, может, я просто хотел тебя видеть? – пожала плечами

Альг-исса, коротко взглянув на меня.

Из раскосых глаз хель будто выглянула голодная тьма. Звучит пафосно, но лишь для тех, кто никогда не заглядывал в эти живые осколки полярной ночи. Должно быть, именно поэтому у хель не принято смотреть в глаза собеседнику, взгляд должен быть устремлен куда-то через плечо.

Если учесть внушительный рост – два с половиной - три метра, синюшно-багровые лица, весьма похожие на куски мороженого мяса, и экзотическую манеру одеваться, то неудивительно, что моя горничная боялась хель до колик.

Я тоже поначалу боялась! А потом привыкла...

- Разумеется, поэтому ты примчалась сюда и срочно вызвала меня. Да еще в таких выражениях!

- Ай, что такого? Может, я пошутил? – Альг-исса приподняла бровь, потом сдалась: - Ладно. У нас правда беда. Двое заболели, и шаманка не знает, что с ними такое...

- Симптомы? – коротко осведомилась я.

Ее лицо выразило забавное недоумение, пришлось объяснить:

- Как выглядит болезнь?

Толком ничего выяснить не удалось: жар, затрудненное дыхание, слабость бывают при множестве различных хворей.

- Ай, я пойду седлать своего Хельги! – решительно прервала перечень вероятных болячек Альг-исса, подхватываясь с места. – А ты собирайся!

- Седлать? – переспросила я. – Я тебя сколько раз просила не садить меня верхом на медведя?! Можно ведь запрячь возок.

- Какой возок?! – возмутилась она. – Это же ледник.

- Тогда сани. Иначе не поеду!

Брр, я до смерти буду помнить свою единственную поездку верхом на медведе!

- Ай, ладно! – легко согласилась Альг-исса. – Ничего, скоро и верхом привыкнешь!

Она протопала к выходу, похожая в своей шубе на перевернутую вверх ногами ёлочку. У хель всегда ценились малахитовые, изумрудные, бирюзовые оттенки, поэтому белоснежный мех окрашивали в ярко-зеленый цвет.

Раньше простые охотницы не могли себе этого позволить - слишком заметны такие одежды на ледяной равнине. Зато теперь, когда хель выращивают на мясо тюленей и больше не нуждаются в охотничьих вылазках, они поголовно щеголяют в зеленом. Когда жители какой-нибудь деревушки высыпают на улицу, создается впечатление, что посреди снежной пустыни вдруг вырос целый лесок...

- Госпоже что-нибудь нужно? – угодливо поинтересовался

пожилой мужчина в форме, как по волшебству оказавшийся рядом.

- Конечно, - ответила я и принялась распоряжаться насчет продуктов.

Едва ли стоит рассчитывать на хель в этом вопросе. Разумеется, они охотно меня угостят, но привычное для них сырое мясо не вызывало у меня аппетита.

Наконец все было готово.

Во дворе уже ждала Альг-исса, оглаживая своего флегматичного Хельги. Белая шкура медведя была тщательно расчесана, на шее красовался роскошный изумрудный бант.

Хельги с интересом поводил носом в сторону нашего автомобиля, принюхиваясь, фыркал и морщился от миазмов смазки, железа и резины.

Я невольно вспомнила Петтера, должно быть, уже посапывающего наверху. Не годилось вот так расставаться, даже толком не попрощавшись, но возможно, это к лучшему? «Долгие проводы – лишние слезы!», - говаривал инспектор Сольбранд...

Вполне оправдывая свое имя («защищающий лед»), Альг-исса суетилась вокруг, опекая меня, как курица-наседка единственное оставшееся яйцо. Подложила мягкое сено, укутала шкурами, покрепче привязала вещи...

Спустя пять минут мы уже мчались по заснеженной равнине со скоростью зайца, улепетывающего от охотников. Сбруя Хельги весело звенела колокольчиками, а в морозной хрустящей тишине далеко разносился гулкий голос Альг-иссы, во все горло распевающей: «Мы поедем, мы помчимся на медведях утром ранним...»

Она сидела на облучке, легко удерживая вожжи, и явно от души наслаждалась скачкой. В самом деле, какая хель не любит быстрой езды?..

Снег взметывался из-под полозьев, а мчащийся медведь казался хищным вьюжным духом. Хохот Альг-иссы, мятный привкус снежинок, бьющий в лицо ветер...

Мир вокруг сошел с ума, завертел меня, как шарик в колесе рулетки.

В Хельхеймских безбрежных снегах, видимо, было нечто наркотическое. По крайней мере, здесь я ощущала себя совсем другой...

Острое, невозможно острое ощущение свободы кружило голову, заставляя смеяться и кричать в снежную пелену что-то восторженное. Мне вторила Альг-исса...

Постепенно мы приближались к побережью.

Хель селились в основном на севере острова, неподалеку от

огромного ледника, километровая толща которого, видимо, вызывала у них родственные чувства. Мне же такое соседство казалось, по меньшей мере, неуютным. Холодное дыхание ледяных исполинов пронизывало до костей, не спасали даже шкуры, которыми Альг-исса укутала меня чуть ли не с головой.

Вспомнилась сказка, которую господин Бранд рассказывал Валериану. О злых снегах, которые поджидают момента, чтобы заморозить все живое, и о вечном сражении с ними красавицы-солнца[8] и вулкана по имени «очаг бога Тора» - Тораринн, который и породил остров Нордрихейм.

Соль и Тораринн вечно стремятся друг к другу, но им мешает лед, который они год за годом тщетно пытаются растопить. Злится вулкан, пышет жаром, посылает возлюбленной весточки – гейзеры. А солнечная дева гладит ледяное покрывало, под которым спит любимый...

Красивая легенда, только хель в ней выступали в роли пособников коварного льда, разлучающего возлюбленных. Надо сказать, не слишком патриотично!

Ближе к месту назначения пришлось сбросить скорость. Мы осторожно пробирались по самому краешку ледника, и вид огромных трещин в его толще заставлял ежиться. Могучая стихия льда, спокойная и безжалостная.

Неудивительно, что на севере ее почитали больше, чем землю, воздух, огонь и воду. Сложно не проникнуться величием, глядя на лед вот так, чувствуя себя крошечной снежинкой...

Руна иса знаменует сонную безмятежность снежной пустыни. Она может убить мимоходом или так же равнодушно спасти, подарить желанную передышку или выпить последнее тепло.

- Ай, ты там жива? – оборачиваясь ко мне, со смехом прокричала Альг-исса. – Уже скоро!

- Жива! - прокричала я в ответ. – Не отвлекайся, следи за дорогой!

- Ай, я вообще могу вожжи отпустить! Хочешь? Смотри! – заявила она бесшабашно, перехватывая поводья одной рукой, а пальцы второй сунула в рот и залихватски свистнула.

- Нет! Не надо! Я тебе верю!

С трудом удалось успокоить пьяную от скачки и вьюги Альг-иссу.

Мы были уже совсем рядом с поселком.

За поворотом взгляду открылось невозможно синее озеро, словно сапфир в оправе белого золота...

По безмятежной поверхности плавали изящные лебеди, которые казались воздушными, словно «верхняя» нота духов или дуновение ветра.

В Хельхейме верили, что лебеди - это валькирии, воинственные девы из свиты бога Одина, которые спустились искупаться. И, глядя на грациозных птиц, так легко в это поверить!

Взгляд невозможно оторвать от нездешней, нереальной красоты теплого озера посреди царства холода. Говорят, это чудо тоже создал Тораринн в подарок своей возлюбленной...

Неподалеку, между озером и морским берегом, располагалось поселение хель, въезд в которое украшали каменные вехи. На них высечены руны иса и хагалаз - символы миров Хела и Нифльхейма, которые впоследствии слились в единое целое, образовав Хельхейм.

Вид Свёль воскрешал в памяти сказки о чертогах Снежных королев: дома, вырубленные изо льда или сложенные из ледяных «кирпичей», неприступные скалы вокруг, сияние окрестных снегов, похожих на целые россыпи бриллиантов...

Впрочем, на этот раз селение я увидела только издали, поскольку медведь свернул куда-то влево, прочь от морского берега.

- Куда мы едем? – крикнула я.

- На хутор! – не оборачиваясь, громко ответила Альг-исса. – Больные там.

По счастью, в этих неприветливых краях хель чувствовали себя превосходно. Надо думать, они могли бы выжить здесь безо всяких построек, но своеобразные представления о домашнем уюте имелись и у них. К тому же в сильные морозы под открытым небом не по себе даже выносливым северным жителям.

Под прикрытием скалы устроился дом - причудливое нагромождение камня и льда. Вокруг загона для животных - костяной частокол, чуть в отдалении сверкало небольшое озерцо. Все это чем-то напоминало избушку бабы-яги, недоставало только черепов с горящими глазами...

Альг-исса резко натянула вожжи, отчего медведь обиженно всхрапнул и эффектно затормозил.

Подозреваю, что лишь милостью богов я не выпала из саней.

«Жаль, здесь нет Валериана!» - подумала я, намертво вцепившись в какой-то выступ и пытаясь унять колотящееся сердце. Помнится, сын был в восторге, когда «тетя Альг-исса» покатала его верхом на своем любимом Хельги...

Альг-исса довольно бесцеремонно извлекла меня из горы мехов, словно младенца, которому нужно сменить пеленки. Ноги подгибались, замерзшие пальцы не слушались...

- Сюда! – велела она, откидывая полог из шкур над входом.

Изнутри доносились гортанные вопли, стуки, странно

немелодичные напевы.

Кивнув, я нырнула в удивительно теплый (точнее, кажущийся таковым с мороза) дом.

С порога меня атаковали запахи: жира, пота, каких-то горящих травок... Плотные куски кожи, которыми были завешены стены, не пропускали ни малейшего дуновения ветерка, так что эффект получался поразительный.

Зловоние легло на плечи тяжелой медвежьей шкурой, придавило к земле, вытеснило из головы сумасшедший восторг поездки.

Рядом ледяным истуканом замерла Альг-исса. Во второй комнате – должно быть, спальне – исступленно плясала у низкого ложа женщина-хель. Она была облачена в странные одежды, на голове красовалась шапка из оскаленной головы медведя, на груди подпрыгивало ожерелье из волчьих хвостов, а руки сцеплены на костяном посохе... Зрелище было незаурядное.

Танец, точнее, импровизированное сражение с неким невидимым врагом, продолжался еще довольно долго. Альг-исса, видимо, опасаясь помешать хоть словом, схватила меня за руку, едва увидев пляшущую шаманку, и удерживала, знаками умоляя молчать.

Наверное, это действо продолжалось минут пятнадцать. Откровенно говоря, мое тело умоляло о еде, отдыхе и некоторых других естественных надобностях, но даже заговаривать об этом казалось кощунством...

Наконец шаманка обмякла в изножье постели, на которой покоились двое хель: мужчина и женщина. Именно покоились, иного слова не подберешь: сложенные на груди руки, подоткнутые одеяла, какие-то странно-одухотворенные, просветлевшие лица.

Сообразив, что танец окончен, Альг-исса наконец меня отпустила. (Наверняка останутся синяки, надо бы найти мазь с арникой!)

Пока подруга хлопотала вокруг шаманки, я быстро осмотрела больных.

Бледные лица, частое поверхностное дыхание, сухая кожа... И странный запах – сквозь душные миазмы болезни и противную тяжесть дегтя пробивались нежные-нежные нотки весенних цветов.

Коснувшись щеки женщины-хель, я отдернула руку, настолько обжигающе горячей была плоть. Но ведь для них нормальная температура – около нуля!

Судя по всему, дело в какой-то инфекции, только пока, не зная причину болезни, можно лишь облегчить симптомы.

Медицины у них не существовало, шаманка от всех хворей пользовала медвежьим жиром, клюквой и крепчайшей водкой, а в особых случаях камлала, вызывая на подмогу духов.

Интересно, Альг-исса позвала меня на свой страх и риск или все же заручилась поддержкой Матери? Надо будет спросить...

Но размышлять об этом некогда.

Шаманка все еще лежала без сил, Альг-исса пока перетащила ее на лежак в углу. Там же обнаружилась худая скрюченная карга, которую я не сразу заметила, настолько тихо она притаилась.

Первым делом капнуть масла эвкалипта прямо на шкуры, потом обтереть больных иссоповой водой с уксусом, чтобы побыстрее охладить. Хорошенько проветрить дом, невзирая на громкие протесты старухи, затем накапать в аромолампу масел...

Перед запахом лимона капитулирует душный смрад болезни, а мята с иланг-илангом должны справиться с затрудненным дыханием.

Предприняв неотложные меры, я попыталась выяснить возможные причины болезни. Откровенно говоря, до сих пор мне не доводилось сталкиваться здесь ни с чем подобным, и это сильно меня беспокоило. Железное, точнее, ледяное здоровье хель обычно таяло с трудом. Какая-то редкая болезнь? А может быть, отравление? Дай-то боги, чтобы последнее предположение оказалось верным!

Отмахнувшись от вопросов, Альг-исса куда-то увела шаманку, с трудом передвигающую ноги, оставив меня наедине с больными и сиделкой.

Пришлось расспрашивать старуху, назвавшуюся Бьорн-иссой - помощницу шаманки.

«Добрая» сиделка рассказала о больных немало гадостей. По ее авторитетному мнению, недуг был достойной карой за грехи и вольнодумство.

Говорливая Бьорн-исса намекнула на некую неприглядную подоплеку их свадьбы, вроде бы невеста попросту умыкнула жениха, не слишком интересуясь его мнением. Новоиспеченные молодожены вынуждены были искать пристанища где-нибудь подальше от ортодоксальных сородичей, поэтому и поселились на отшибе. Мужчина считался невинной жертвой инакомыслия супруги (у хель строжайший матриархат!), но и ему не были рады среди сородичей...

Впрочем, меня куда больше интересовало развитие болезни, чем отношения этой супружеской пары. По словам Бьорн-иссы, сначала больным было душно, их тошнило, резко поднялась температура и донимали головная и сердечная боли. Потом они впали в нынешнее состояние и все попытки привести их в чувство

оказались безуспешны.

Болезнь на первый взгляд напоминала инфлюэнцу, но вообразить, что потомков ледяных великанов может сразить банальный грипп!

- Я ничего о таком не слыхала! – сбивчиво шептала Бьорн-исса. – И шаманка не слыхала! Не было у нас такого! Разве что недавно у Рауд-иссы медведь издох непонятно, от чего. И вроде как она что-то там несла о том, что в Аслаке беда, потому она оттуда и уехала!

Интересное имя – Рауд-исса – рыжий лед. Как будто отдает ржавой водой.

Разумеется, под «бедой» могло подразумеваться что угодно...

- Мне нужно с ней поговорить. Вы можете привести ее?

- Сюда? – охотно поинтересовалась Бьорн-исса.

- Нет, - покачала головой я. – Если это неизвестная болезнь...

Собиралась договорить «лучше поменьше народу сюда приводить», но осеклась. От одного словосочетания «неизвестная болезнь» по спине побежали мурашки. Нет ничего ужаснее, чем невидимая смерть, косящая живых десятками и сотнями. И никто не знает, как от нее защититься...

И опасна ли она не только для хель, но и для людей? Ведь Альг-исса приезжала на почту! А Петтер вернулся оттуда в Ингойю... Что, если он унес с собой зерна неведомой чумы?

Вот теперь мне стало по-настоящему зябко. Не снег и лед, а страх холодил сердце...

Первобытный животный ужас, как горсть льдинок шиворот. Он оставляет на языке мерзкий привкус масла чайного дерева – чрезвычайно полезного и на редкость гадостного.

Впрочем, страх – всего лишь чувство, предупреждение об опасности. Нельзя позволять ему туманить мысли. Потому что если разум отступит перед натиском инстинкта, останется лишь желание бежать, спасаться, мчаться прочь от нависшей тучей опасности...

А это означает гибель.

«Отставить слезы и сопли!» - как с грубоватой прямотой говорил Ингольв. В этот момент я впервые почувствовала к нему искреннюю благодарность за то, что он отослал Валериана из Ингойи. По крайней мере, там наш сын в большей безопасности...

Что станет с островом, если его полностью охватит эпидемия, лучше даже не представлять.

Лицо Бьорн-иссы, выжидательно смотрящей на меня, походило на кусок дерева: изъеденный жучками-морщинками, тронутый гнилью времени, обезображенный наростами злобы... Должно быть, такой и должна быть обитательница избушки на

курьих ножках.

Пахло от нее любопытством, острым, как лимонный перец, и злорадством, сладковато-пряным, с нотой жженого дерева.

Из-за крайне скупых мимики и жестов лица хель кажутся вырубленными изо льда. Однако, несмотря на невозмутимую внешность, пахнут они совсем как люди, и чувствуют ничуть не меньше. Просто у них не принято это демонстрировать.

Первое время случались неловкие ситуации, когда я реагировала на невысказанные чувства хель, но потом они попривыкли и уже не вскидывались, случись мне «угадать» их настроение и нездоровье.

- Скажите, а куда Альг-исса повела шаманку? – отстраненно поинтересовалась я, зябко кутаясь в мех.

Окружающая обстановка меня нисколько не грела, притом как в переносном, так и в прямом смысле. Утварь в доме изготовлена изо льда или кости, даже постель сложена из ледяных блоков, накрытых мехами.

Надо думать, через несколько часов я стану походить на хель: посинею от холода и замерзну до температуры льда. Разумеется, если не свалюсь следом за пациентами. Только об этом лучше не думать, потому что тогда Нордрихейм ждут не самые лучшие дни...

- А вам зачем? – ответила Бьорн-исса неожиданно враждебно, сверля меня взглядом.

Как уже упоминалось, среди северных жителей не принято открыто таращиться на собеседника, так что это был откровенный вызов.

- Послушайте, - произнесла я, холодно глядя на своевольную сиделку, - я – аромаг. Надеюсь, вы понимаете, что шаманка и Мать прислушиваются к моим словам, и им не понравится, что мне чинили препятствия.

- Шаманка... отдыхает... – неуверенно произнесла Бьорн-исса, отводя глаза – капитулируя.

- Вот именно. И я ее заменяю!

От хель повеяло сомнением – стаккато запахов от прозрачного обжигающего холода розмарина до жаркой горечи полыни.

- Так куда направилась Альг-исса?

Главное, произнести уверенно и чуть устало, будто гувернантка, в сотый раз обучающая хозяйских детей таблице умножения.

- На хутор Фаст-иссы, это близко.

- Хорошо, - позволить одобрительной улыбке легко, как пуховка с пудрой, скользнуть по губам. – Будьте добры, пришлите

ко мне Альг-иссу. А вам, полагаю, лучше побыть с шаманкой.

Она молча склонила голову и направилась к выходу.

- Пожалуйста, передайте достопочтенной шаманке, что я буду очень благодарна, если она уделит мне немного времени. И спасибо вам за ценнейшую информацию!

Напряженная фигура Бьорн-иссы, похожая на жирный восклицательный знак, при этом явном признании заслуг сразу расслабилась. От похвалы даже самые холодные сердца тают, словно масло на печи.

Хель буркнула что-то в знак согласия и вышла.

На мгновение я явственно «услышала» запах топленого масла, свежеиспеченного хлеба с хрустящей корочкой, ломтика сыра...

Должно быть, пора завтракать!

Немудреная еда моя состояла из куска печеной курицы, ломтя лепешки и нескольких глотков горького чая – остывших, а потому невкусных. Мне понадобятся силы понадобятся, поэтому не время капризничать.

Надо думать, долго я так не выдержу, и это беспокоило меня все больше. Нежная человеческая плоть, словно капризная орхидея, требует тепла и заботы...

Больные все так же преспокойно возлежали на постели. Жар чуть спал, они дышали легче и глубже, но в себя не приходили. Легкое улучшение – вот все, чего я смогла добиться.

С этими невеселыми мыслями я добавила в аромалампу несколько капель эвкалипта и чайного дерева – лучших снадобий для обеззараживания воздуха - и отправилась на улицу.

Морозный воздух пах морем и прохладной мятой, ароматным дымком и тяжелым березовым дегтем... Бескрайняя снежная равнина в рассеянном свете переливалась десятками оттенков от алебастрового до изумрудного.

Стянув перчатки, я взглянула на покрасневшие от холода пальцы. Действительно, надолго меня не хватит, нужно искать пристанище, где можно развести огонь и согреться. Хель терпеть не могут пламени, даже аромалампа, в которой едва-едва теплится крошечная свеча, вызывает у них опаску и недовольство.

Зачерпнув снега, я умылась – весьма бодрящая процедура, не хуже кофе, но отнюдь не такая приятная. Мудрый Один, как хочется домой!

Холод ревнив. Он взволнованно дышит в лицо и обжигает губы поцелуем, пробирается под теплую одежду, касаясь озябшего тела, и подступает к сердцу...

Почуяв мое присутствие, в загоне на два голоса взревели медведи. Среди людей отчего-то считается, что у хель медведям

живется привольно, они бродят прямо по улицам и дерутся за свежее мясо. Надо думать, эти сказки сочинила какая-нибудь нянюшка, чтобы пугать непослушных детишек. Страшные байки передаются из поколения в поколение, обрастая все новыми подробностями. Некоторые уверяют, что хель - чудовища, скармливающие своим домашним животным случайных путников...

Едва я успела вернуться в дом, как раздался топот. В помещение ворвалась Альг-исса, отчего-то взволнованная и переполненная впечатлениями.

- Шаманка тоже заболела! – выкрикнула она прямо с порога.

Это известие явно вызвало у нее нездоровый энтузиазм. Так подростки, собравшись у костра, рассказывают друг другу страшные истории, обмирая от восторга и вздрагивая при каждом шорохе. Надо думать, Альг-исса не воспринимала угрозу всерьез, для нее это пока была всего лишь необычная и захватывающая игра.

- Вижу, ты этому рада? - Мой голос сочился горькой иронией, словно ранка сукровицей.

- Ай, что ты говоришь? – Альг-исса вскинулась, как необъезженный медведь. – Я просто думал, тебе надо знать.

Опять это «думал»! Не понимаю, как можно даме говорить о себе в мужском роде?! Впрочем, хель за «даму» могут и обидеться...

- Спасибо за сведения! – все же холод определенно дурно влияет на мой нрав! - Но я звала тебя не затем. Поезжай в Свёль и передай Матери следующее...

Я продиктовала целый перечень мероприятий по предотвращению эпидемии. К сожалению, наиболее эффективные средства (к примеру, костры из еловых лап и лепестков роз прямо на улицах) неприменимы для хель.

В старину лекари защищали себя повязками, на которые капали эфиры, и летописи уверяли, что это средство превосходно защищало от большинства инфекций.

Пока Альг-исса не обнаруживала признаков болезни, хотя уже больше суток была рядом с больными. Оставалось надеяться, что мои масла сумеют остановить победное шествие вируса...

Благоухающая пряной смесью гвоздики, имбиря, черного перца, сосны и лавра, Альг-исса как никогда напоминала ароматную красавицу ель, украшенную чем боги послали...

Тщательно законспектировав мои указания и вооружившись десятком разнокалиберных бутылочек, Альг-исса вприпрыжку умчалась в поселок, а я осталась у ложа больных...

Но улыбка моя быстро увяла: мужчина хель захрипел и стал

задыхаться, пришлось бросаться на помощь. Когда приступ отступил, я осталась сидеть у постели, неотступно наблюдая за пациентами. От ледяного ложа тянуло пронзительным холодом, но я держалась, хоть и ежилась под ворохом мехов.

Секунды томительно медленно собирались в минуты. Время таяло лениво, как сугробы под первыми лучами весеннего солнца, когда кажется, что робкое тепло не в силах одолеть снежные заносы…

Бдение у постели больных, когда ты не в силах им помочь… Для любого целителя это невыносимо. К тому же от безделья в голову лезли дурные мысли и болезненные воспоминания.

Вот так же я когда-то сидела у постели Фиалки, плача от бессилия. Воя и проклиная всех богов скопом, когда стало ясно, что она не выкарабкается, и перемежая проклятия тщетными мольбами.

Зря говорят, что время лечит. Просто молодое вино боли становится уксусом и обильно сбрызгивает салат воспоминаний…

Впрочем, сейчас куда важнее будущее, а не прошлое.

Что, если Петтер тоже заболел? Это означало угрозу для Ингойи, для всех, кто мне дорог… В эту категорию, по здравом размышлении, я включила даже свекра, не говоря уж о муже. Несмотря ни на что, господин Бранд не заслуживал такой смерти. А Ингольв… Пожалуй, простить его потруднее, но с другой стороны, мы оба виноваты в том, что наш брак превратился в декорацию…

А сам Петтер? Был ли он действительно влюблен, или это просто померещилось мне, опьяненной обжигающе холодным северным ветром? Я задумалась, перебирая цветные стеклышки воспоминаний. Пожалуй, немножко. Хотя в его возрасте просто неприлично не быть влюбленным! Так что скоро это пройдет, опадет лепестками цветущих яблонь…

За размышлениями о природе чувств и воспоминаниями о собственной первой любви – к будущему мужу, разумеется – я как-то незаметно скользнула в теплое озеро сна…

Бескрайняя ледяная равнина. Местами ее рассекали глубокие трещины, а в расколах виднелась замерзшая земля. Ослепительный снежный покров кое-где казался голубоватым или почти лавандовым, а темная вода залива создавала странный контраст со льдом, будто сияющим собственным светом.

Увидеть все это в полном великолепии могут разве что драконы с высоты птичьего полета. И я – во сне.

Ледники Нордрихейма чем-то похожи на пустыни далекого юга. Разве важно, иссушит твое тело зной или заморозит холод? Снег и огонь для нас равно губительны. Мы, люди, такие хрупкие,

такие беспомощные... и такие упорные. Что нас тянет сюда, в вечные льды? Что завораживает в танце бесчисленных снежинок?

Там, внизу, крошечные кристаллики льда кружились, танцевали в порывах ветра, плавно оседали, постепенно образуя фигуры. Я так засмотрелась, что пропустила момент, когда из снежинок и брызг моря, словно по волшебству, выросли статуи хель.

Под хмурым и низким северным небом истуканы казались удивительно уместными - плоть от плоти этой земли и этого льда. Море плеснуло волной, вынося к подножию статуй одинаковые ледяные брусочки - руну иса. Повторенная десятки раз, она стеной окружила хель, ощетинилась против невидимого врага...

Красавица Соль раздвинула облачную пелену, заинтересованно взглянула вниз. Равнина ожила, заискрилась мириадами снежинок. Снег отчаянно пытался поймать солнечный свет, рвался к нему, блистал и переливался, тая от ласковых касаний лучей...

На ледяных лицах хель проступил ужас напополам с восхищением. Они смотрели вверх, на бескрайние просторы голубого неба, истекая водой, словно слезами...

Я проснулась с криком. Сердце отчаянно колотилось...

Ткань сновидения будто разорвали рывком, обнажая неприглядную реальность.

Нужно достать масло мяты, оно проясняет мысли... Руки отчетливо дрожали.

- Эй, Мирра! – снова позвали снаружи.

Вздрогнув неожиданности, я едва не уронила несессер с маслами. Только хель могли произнести мое имя так, чтобы в нем ощущался не теплый смолистый дымок, а яростное рычание.

Торопливо отставив в сторону вещи, я подобрала юбки и бросилась из дому.

У входа обнаружилась живописная группа, напоминающая своеобразный бутерброд. Альг-исса в темных воинских одеждах – как кусочек ржаного хлеба, дальше виднелась красно-рыжая макушка незнакомой хель – словно ломтик помидора, а завершала натюрморт пожилая особа в шубе нежно-зеленого оттенка, напоминающей листик салата.

При виде меня «бутерброд» распался. Альг-исса, воинственно потрясая охотничьим ружьем, отступила в сторону и, грубо схватив рыжеволосую хель, заставила ее грузно опуститься на колени.

Не удостоив коленопреклоненную подданную даже взглядом, вперед выступила Мать – глава поселка Свёль - весьма крепкая

дама в одеждах оттенка первой майской зелени.

Изобразить восхищение и подобающее почтение оказалось совсем нетрудно, достаточно взглянуть на властное лицо и серебряный лом в руках, весь покрытый непонятными знаками и инкрустациями.

Не зря ведь говорят, что справиться со своевольными северянами можно лишь с помощью лома и такой вот Матери!

- Рада приветствовать достопочтенную Мать, - поклонилась я, стараясь не ежиться от порывов холодного ветра.

- И я рада тебя видеть, дочь людей Мирра, - ответствовала она степенно. – Как больные?

- Все так же... – вздохнув, сообщила я неохотно и опустила глаза.

Самое противное – беспомощность, липкая, приторная, в которой тонешь, словно муха в сиропе. Так похожа на сироп солодки – сладкий до спазмов в горле, до тошноты...

Боги, милосердные мои боги! За что?!

От осторожного прикосновения к щеке я вздрогнула, как от удара.

Рядом со мною стояла Мать, участливо заглядывая в лицо, и темная бездна ее глаз казалась уютной, умиротворяющей, понимающей. Странно, людям кажется, что тьма – синоним зла. Но это всего лишь неизвестность, в которой мы чувствуем себя заблудившиеся в лесу дети. Но ведь даже в самой чаще есть грибы и ягоды, тропинки и мягкая трава...

Вздрогнув, с трудом удержалась, чтобы не отпрянуть, не выставить вперед руки. Хороша бы я была в таком случае! Точь-в-точь маленькая девочка при виде серого волка!

- Прости, - Мать отвела глаза, - ты спрашивала про Рауд-иссу.

Она мотнула головой, указывая на рыжую хель. К слову, у них это примерно как альбиносы у людей.

Седые (точнее, нежно-голубые) волосы самой Матери, заплетенные в сотни тонких косичек, воинственно топорщились вокруг лица, как иголки ежа.

- Альг-исса, я ведь просила привести ее в другое место! – лучше адресовать упреки подруге, чем Матери хель, последняя может счесть это посягательством на свой авторитет. – Это опасно!

- Не опасно, - вмешалась вождь, решительно стукнув ломом по мерзлой земле, бросила искоса взгляд на меня и добавила: – Пойдем в дом, ты замерзла...

Надо думать, мое лицо уже походило на сине-красные физиономии хель.

Иногда мне казалось, что материалисты правы, и северные

жители выглядели так вовсе не из-за происхождения от инеистых великанов и богини смерти Хель, а из-за изменений под влиянием мороза... Разумеется, это не объясняло феномен ледяных драконов, но подобные мелочи никогда не волновали людей, ведь на неугодные факты можно просто закрыть глаза...

Впрочем, едва ли разумно даже думать о подобном в присутствии Матери. Эта почтенная особа видела немало льдов[9], и потому иногда бывала слишком проницательна.

К тому же замечание вполне справедливо - я чувствовала себя так, словно постепенно превращалась в ледяную скульптуру. Брр! Невольно вспомнился сон – яркий, живой, слишком реальный. Тающие фигуры хель в ослепительном солнечном свете...

- Хорошо. Если вы уверены...

- Уверена! – подтвердила она с жутковатой улыбкой, обнажившей внушительные клыки.

Я взглянула на хмурое небо, плотно зашторенное тучами. Ни один лучик не пробивался сквозь этот полог.

В доме казалось обжигающе жарко, тепло укутало продрогшее тело пуховой шалью.

За мной Альг-исса конвоировала Рауд-иссу, замыкала шествие Мать.

Процессия остановилась у ложа больных, трогательных в своем умиротворенном угасании. В другое время я бы посмеялась, видя суровую даму хель, сунувшую палец в рот и оттого улыбающуюся до ушей...

Но теперь картина пугала до дрожи.

И снова этот нежный весенний запах, настолько неуместный в жилище хель, что вызывал чувство, словно кто-то царапал гвоздем по стеклу.

Хотя, должно быть, он мне просто мерещился, побочный эффект сна.

Больные казались спящими, и там, в грезах, они были счастливы. Счастливы, тихо тая у меня на руках...

Из моих глаз частой капелью закапали слезы.

- Что с тобой? Не плачь! – громоподобно «прошептала» зоркая Альг-исса. Она стояла довольно далеко, поэтому шепот получился оглушительным.

- Ты плачешь... - Мать почти силой подняла мое лицо вверх, провела грубым пальцем по мокрой щеке. – Плачешь из-за хель...

Я протестующе мотнула головой, но не стала возражать, не в силах объяснить свои смятенные чувства. Кошмар любого врача: беспомощность. Любой, кто еще не потерял свое сердце и человечность, не может равнодушно относиться к боли. Не может смотреть на неумолимую смерть со спокойным безразличием.

Даже на смерть хель, которые недорого ценят жизнь, твердо веря, что за последней чертой их дожидается прародительница, богиня Хель.

К тому же это мой собственный кошмар...

Не важно, сколько смертей я видела, все равно каждая ранила душу, заставляя мучительно размышлять, все ли было сделано, чтобы спасти, вырвать из тенет болезни.

Хм, должно быть, что-то в здешнем холодном воздухе вызывает поэтическую часть моей натуры. Боюсь, в данный момент это неуместно.

В тяжелые моменты я делаюсь многословной и выспренней, будто пытаясь спрятать в сплетении нитей-фраз свою боль. Так рождаются стихи, ложась стежками строк на белую канву листа...

Кстати, слезы наворачивались на глаза вовсе не от сочувствия – разумеется, вполне искреннего – к хель, а от горьких воспоминаний о Фиалке. Но едва ли стоит рассказывать Матери об этом...

Кажется, она без слов поняла мое нежелание откровенничать и приступила к делу:

- Мы пришли допросить Рауд-иссу. Ты имеешь право знать, поэтому мы привели ее сюда.

Подавить вздох: хель всегда поступают по-своему, им невозможно что-то втолковать!

- Хорошо, но как знать, ответит ли она честно?

- Ай, куда она денется! – вмешалась Альг-исса, но под строгим взглядом Матери скисла, как молоко на солнце.

- Лед будет ей свидетелем! – торжественно произнесла Мать, кивая для солидности.

В вытаращенных глазах Рауд-иссы плескался страх, будто вино в полупустой бутылке.

Мать строго вздохнула на свою непутевую «дочь», и та покорно опустилась на грязный пол, как заводная игрушка, в которой закончился заряд.

Вспомнились рассказы, что все хель считались детьми троих родителей: отца, матери и Матери, заодно выполнявшей обязанности повитухи.

- Сними с нее одежду! – коротко велела Мать, и Альг-исса бросилась выполнять.

Вскоре распростертая на полу Рауд-исса осталась совершенно голой.

- Ты будешь говорить правду. Ты поняла меня, Рауд-исса, дочь Рейн-иссы? – произнесла Мать, подходя к той.

Рыжая съежилась под строгим взглядом, кивнула и прошептала:

- Да, Мать. Я клянусь говорить правду...

- Я слышала твою клятву! – торжественно провозгласила Мать. – И лед слышал, как ты клялась. Да покарает тебя праматерь Хель, если ты солжешь!

Она коснулась плеча Рауд-иссы кончиком лома, и та истошно закричала, как раненое животное, выплескивая боль и ужас.

Когда Мать отняла свой символ власти, на предплечье Рауд-иссы осталась сверкать снежинка. Небольшой знак переливался, будто бриллиант, и явно причинял ей нестерпимую боль.

Мать простерла руку и сказала несколько непонятных слов, отчего знак на коже хель словно остыл, став похожим на ярко-синий шрам.

- Говори! Повтори все, что ты мне сказала в поселке, – велела вождь, и Рауд-исса, захлебываясь, принялась торопливо рассказывать...

Со стороны кажется, что женщины хель совершенно свободны, а мужчины находятся в незавидном положении. В действительности это вовсе не так. Мужчины заперты дома и ограничены в правах, вынужденные безропотно подчиняться диктату жен, но и последние также замкнуты в казематах правил и долга, приказов старших и вековых традиций. Любимое слово хель – «нельзя». Если у людей разрешено все, что прямо не запрещено законом, то у северных жителей дела обстоят с точностью до наоборот.

Рауд-иссе с самого рождения пришлось туго. «Рыжая» здесь, в Хельхейме, - как приговор, обрекающий на непохожесть. А быть не таким, как все – это нелегкий жребий...

В конце концов Рауд-исса не выдержала, собрала нехитрые пожитки и ушла искать свою судьбу в другом поселке. Но и там она не прижилась и, помыкавшись какое-то время, вернулась домой. А здесь Рауд-исса просто постыдилась рассказать обо всем и что-то наврала о проблемах в покинутом ею поселке.

- Постойте, так не было никакой болезни в том поселке? – уточнила я, выслушав немудреное повествование о мытарствах. - И ваш медведь умер не из-за этого?

- Не было! – всхлипнула хель, размазывая кулаком слезы по щекам. – Мой Вани просто старый был, оттого и издох!

Пахло от нее искренностью, густо приправленной раскаянием. Как кофе с коньяком... От мысли о кофе во рту скопилась слюна.

Я схватилась за голову, пытаясь сдержать истерический смех.

- Ну и сказочница Бьорн-исса! Она мне такого наговорила...

- Все мы где-то подтаиваем[10], - философски заметила Альг-исса, потом просияла: - Ай, но выходит, заразе неоткуда взяться! –

провозгласила Альг-исса с непрошибаемым апломбом. – Значит не будет никакой эпидемии... – она по слогам выговорила сложное слово.

Я не была бы столь категорична, ведь трое больных никуда не делись... В любом случае, новые сведения радовали. В конце концов, могли ведь супруги просто чем-нибудь отравиться? Правда, в эту версию не вписывалась болезнь шаманки, но чем боги не шутят? Быть может, она что-нибудь не то съела...

- Скажите, а есть кто-нибудь, ненавидящий Хар-иссу и Вирн-исса? - я кивнула на больных.

«Воинственный лед» - жена и «дружелюбный лед» - муж. Презабавная пара!

- Ай, не знаю... – задумалась Альг-исса. – Ну, Фаст-исса...

- Я спрошу ее и сообщу тебе обо всем, что узнаю! – решила Мать, взмахом руки прерывая Альг-иссу.

Я не возражала, поскольку о вражде из-за прекрасного юноши уже была наслышана от помощницы шаманки.

Вирн-исс, нынешний муж Хар-иссы, некогда был помолвлен с этой самой Фаст-иссой, а потом Хар-исса попросту умыкнула жениха! Разумеется, обманутая невеста устроила скандал и мордобой, однако это уже ничего не меняло.

Все же сложно представить себе дуэль между дамами из-за кавалера! Хотя драку хель – с выдиранием волос и прочими атрибутами – как раз вполне можно вообразить...

Перипетии отношений этой троицы, несомненно, могли заинтересовали какого-нибудь автора. Хельский любовный роман – несомненно, свежо и неординарно. Достаточно только вообразить в роли героини эдакую трехметровую дылду, взнуздывающую медведя и непринужденно спящую прямо на снегу!

- Альг-исса, будь добра, побудь здесь, - обратилась я к подруге, вознамерившейся следовать за Матерью, и объяснила, не дожидаясь бурного недовольства: - Мне нужно проведать шаманку. А разорваться я, к сожалению, никак не могу!

- Ай, ничего с этими не станется! Оставь их пока! – возразила Альг-исса, вцепившись в ружье, как ребенок в игрушку.

Никогда не понимала странной привязанности к смертоубийственным железякам! Но хель они милее любых украшений.

- Альг-исса... – укоризненный взгляд Матери и легкое покачивание ломом моментально угомонили упрямицу.

- Ай, ладно...

Мрачная Альг-исса сдала оружие непосредственному начальству и со скорбным видом уселась прямо на пол у постели.

На месте больных я бы поскорее очнулась и убралась подальше от недовольного стража.

Не понимаю, что ей за радость конвоировать несчастную рыжую хель?

Оставлять подруге лекарства было глупо, так что мне следовало поскорее вернуться обратно.

Вот только... Одна, пешком, по неизвестной местности...

- Рауд-исса, поступаешь под начало Мирры! – распорядилась Мать, легко поняв мои затруднения. – Свозишь ее туда и обратно, и смотри у меня!

Она до дрожи напомнила мне Ингольва, командующего своими солдатами. И ничто – ни «три метра красоты», ни голубоватые волосы, ни бесспорно женская фигура – не могло изменить это впечатление. Впрочем, «отец-командир» и «Мать» - это ведь, по сути, родственные понятия...

Размышляла я об этом на ходу, крепко прижав к себе сумку одной рукой и вцепившись в сани другой. Пытаясь не захлебнуться обжигающе холодным воздухом - и одновременно искренне им наслаждаясь...

К хутору, точь-в-точь похожему на предыдущий, мы домчались минут за десять. Это была своеобразная «дача» шаманки, где та занималась делами подальше от глаз сородичей.

Сама хозяйка разметалась на постели, но толком ее разглядеть не удавалось. Широкое меховое одеяло и спина сиделки заслонили хрупкую (разумеется, по хельским меркам!) фигуру.

- Как она? – поинтересовалась я встревожено, пытаясь отодвинуть Бьорн-иссу от постели.

Хель была непоколебима, словно вековые льды. Кажется, она преисполнилась чувства собственного величия. Как же, героиня, выхаживающая больную шаманку!

- Болеет, – ответила она нехотя, с должной скорбью и даже торжественностью.

- Это понятно! – боюсь, получилось недовольно. – Позвольте взглянуть...

- Нечего там разглядывать!

Лицо Бьорн-иссы выражало непреклонную решимость. Словно перевернутая руна альгиз у дороги - «дальше на твой страх и риск, путник!».

- Что ж... – подпустить в голос немножко усталости, капельку раздражения и добавить щепотку смирения. – Рауд-исса, пожалуйста, отвезите меня к Матери, думаю, тут потребуется ее помощь...

- К Матери? – в голосе Бьорн-иссы прорезалось сомнение.

Преклонение перед Матерью – и ломом! – хель испытывают с младенчества. Она выдавила: - Ладно, смотри!

И наконец отступила в сторону.

Шаманка, мертвенно-синяя (то есть бледная по-хельски), дышала слабо и поверхностно. Но никакого жара!

Запах от нее исходил слабый-слабый, словно от одежды, месяц назад сбрызнутой духами. Кожи, березовых почек, дегтя... Правильный. На соседнем хуторе благоухало совсем иначе: весенними цветами, молоденькими смородиновыми листиками и немножко сливовыми косточками. Такой белый запах, но не ледяной, а невесомо-теплый, как апрельский день.

Закончив осмотр, я тщательно вытерла пальцы и пригорюнилась. Дело в том, что симптомы болезни шаманки коренным образом отличались от тех, что демонстрировали новобрачные.

Тут впору схватиться за голову и хорошенько побиться ею обо что-нибудь, для стимуляции умственной деятельности.

Может ли один и тот же вирус вызывать столь несхожую болезнь? Сомневаюсь. Может быть, все же отравление? Но опять же, почему разная реакция? Возможно, шаманка успела принять противоядие, но оно нейтрализовало только часть яда?

Нет, более всего это походило на полнейшее истощение. Пожалуй, тут пригодятся стимуляторы – чтобы встряхнуть организм, вывести его из спячки.

Масла имбиря и гвоздики известны тем, что помогают быстро преодолеть упадок сил, поэтому их часто назначают выздоравливающим. Еще немножко мускатного ореха, и готово.

Фрейр и Фрейя, прошу вас, забудьте ненадолго о неприязни к инеистым великанам, помогите мне!

Шаманка довольно посасывала данный мной имбирный леденец, а вокруг витали ароматы пряностей.

- Ей нужна пища! – я довольно оглядела дело рук своих, стараясь сдержать предательское урчание в животе. – Что-нибудь легкое и питательное.

- Здесь пусто, - ответила рыжая хель, роясь в шкафах. – Травки какие-то, настои...

- Осторожно! – велела я, торопясь отозвать невезучую Рауд-иссу, пока она не расколотила запасы шаманки. Надо думать, той не придется по вкусу разруха в кладовой. – Лучше сходите на охоту. Или... Полагаю, на хуторе есть какая-нибудь еда?

Оставив в покое склянки, рыжая согласно кивнула.

- И меда прихватите! – добавила я уже в спину.

- Я мигом! – и след простыл. Кажется, Рауд-исса охотно хваталась за любую возможность загладить свою вину перед

Матерью.

- Не надо! – запоздало возразила Бьорн-исса. – У Фаст-иссы дрянной мед!

- Постойте, - сообразила я. – А при чем здесь Фаст-исса? Если не ошибаюсь, на хуторе живет ее бывший жених с женой.

- Точно! – махнула рукой Бьорн-исса. – Но на днях Фаст-исса мириться заявилась, вот и принесла с собой медка. Хар-исса рассказала, когда еще в себе была...

Я согласно кивнула. Не знаю, как хель умудряются в этих суровых местах держать пчел, но хельский мед известен далеко за пределами Хельхейма.

- Постойте! – озарившая меня мысль казалась глупой, но чем Локи не шутит? – А шаманка ела тот мед? Может быть, они все им отравились?

- Вздор! – безапелляционно отрезала Бьор-исса.

Исходящий от нее запах ладана выдавал полную уверенность в своих словах. Впрочем, уверенность – еще не правота. Хотя не мешало выяснить...

- Боюсь, у нас нет необходимых сведений. Не могли бы вы хоть чем-то помочь? – понизить голос, добавить доверительно: - Я уверена, вам лучше всех известно все, что происходит в Свёль.

- Само собой! – Бьорн-исса приосанилась, и от нее повеяло незамутненной апельсиновой радостью.

Гордая оказанным доверием, она вывалила на меня целый ворох самых разнообразных сведений, по большей части, о совершеннейших пустяках...

От беседы меня отвлекло возвращение рыжей, которая сверкала глазами и демонстрировала полнейшее довольство жизнью. Внимательный взгляд легко обнаружил бы разбитые костяшки пальцев, а уж роскошный синяк на скуле и вовсе сложно не заметить!

Глупых вопросов я задавать не стала: и так ясно, что рыжая не преминула отплатить Альг-иссе за недавнее обращение, и даже угроза гнева Матери не остановила драчуний.

В принесенном Рауд-иссой меде, на мой нюх, не обнаружилось ничего подозрительного.

- Благодарю вас за бесценные сведения! – церемонно поклонилась я Бьорн-иссе.

И отвернулась, капая прямо в ложку меда масло мяты. Откровенно говоря, внутреннее употребление масел чаще всего представляется нецелесообразным – летучие вещества лучше вдыхать – но в подобных случаях можно сделать исключение.

Сдобренный мятой мед необычайно вкусен. В «Уртехюс» я держу целую банку такого лакомства - с орехами и имбирем. А уж

как оно благоухает!..

Отчаянно захотелось домой. Усесться у огня и, протянув руки к ласковому теплу, прихлебывать горячий чай...

Но перед хель я в неоплатном долгу, поэтому отставить нытье!

- Дрянной мед! – прокомментировала Бьорн-исса качество оного пищевого продукта, брезгливо кривя и без того морщинистое лицо.

Разумеется, ругать все горазды! Но я промолчала.

Кажется, или в самом деле стало еще холоднее? Под одеждой словно шарили холодные руки, заставляя ежиться и мечтать о благословенном тепле.

Простуда вполне вероятная расплата за жизнь в подобных условиях.

Тут «ожила» шаманка, и мне стало не до размышлений. Она металась по постели, с закрытыми глазами отбиваясь от невидимых врагов.

- Духи... Духи... Злые духи!!! – то шепча, то срываясь на крик, твердила она. – Погубить! Злые...

Слава Одину, я быстро сообразила плеснуть ладана в аромалампу. Ладан успокаивает, проточной водой смывая все наносное, а заодно защищает от недобрых действий.

Вскоре шаманка утихла, задышала легче и глубже. Лицо ее «порозовело» и, кажется, на этот раз она просто спала...

Я отерла пот со лба – за время буйства больной успела согреться и даже упариться, и глубоко вздохнула. Кажется, теперь можно возвращаться к Альг-иссе.

Бьорн-исса сидела в углу, отчаянно дрожа и вперив застывший взгляд в шаманку.

- Уважаемая! – обратилась к ней я. Не услышав ответа, пожала плечами и стала собирать свои драгоценные пузырьки. Теперь до самой весны новых снадобий не привезут, так что мои запасы в самом деле на вес золота!

- Мы уходим. Давайте шаманке по ложке меда каждый час и поите ее вот этим, - я постучала ногтем по фляге с имбирно-лимонным чаем. Кажется, Бьорн-исса меня не слышала – или не слушала. – Думаю, это просто упадок сил...

- Какой еще упадок?! – вот теперь она одним махом отбросила невозмутимость. Вскочив, подбежала ко мне, схватила за рукав и затараторила частым шепотом: - Это все злые духи! Они завладели Хар-иссой и Вирн-иссом, потому что те не почитали законов!

- Каких законов? – переспросила я непонимающе, пытаясь высвободить рукав из ее хватки.

- Всяких! - от Бьорн-иссы исходила такая оглушающая уверенность, что я чуть не задохнулась. – На подворье даже дома для кровопролитий нет!

- Кровопролитий?!

Рыжая уже отправилась на улицу, так что спасти меня от сумасшедшей старухи было решительно некому.

- Кровопролитий! – весомо подтвердила Бьор-исса, скалой нависая надо мной. – В такие дни женщина должна жить отдельно, не дозволяя никому к себе прикасаться! Потому как во время кровопролития она открыта от злых духов, которые могут через нее проникнуть в наш мир!

- Хм, - с сомнением проговорила я. Кажется, была такая легенда.

- Она за тех... – следующих слов я не поняла, но не сомневалась в их нецензурности, - боролась, но не одолела! Видать, сильно Хар-исса грешила, много злых духов за ней пришло! И шаманку увели!

- Спасибо за информацию, непременно ее обдумаю, - заверила я, изображая серьезность.

Боюсь, хель по части суеверий дадут фору даже моей Уннер!

Пожалуй, нужно сообщить Матери о россказнях Бьорн-иссы, иначе не успеем оглянуться, как хутор «вольнодумцев» заполыхает.

Помощница шаманки нахмурилась, видимо, недовольная уклончивым ответом.

- Скажите, а еще что-нибудь странное было в последнее время? – спросила я мягко, обходя деликатный вопрос, верю ли в версию Бьорн-иссы.

Она нахмурилась, вспоминая события последних дней в поисках мрачных знамений.

- Пожалуй, что и нет... – протянула наконец неохотно. – Разве что шар в небе видели.

- Какой еще шар? – переспросила я с невольным интересом, хотя едва ли он мог иметь хоть какое-то отношение с болезни хель.

- Летучий! – очень понятно объяснила Бьорн-исса. – Оранжевый.

Осталось только вздохнуть и поблагодарить...

На хуторе все оставалось неизменным. Разве что Альг-исса теперь разговаривала очень осторожно, стараясь поменьше шевелить разбитыми губами.

Разумеется, я обработала «боевые раны» обеих драчуний, благо, арники, подорожника, мирры, лаванды и прочих нужных компонентов у меня имелось в достатке.

Закончив это благое дело, я проверила более серьезных больных. Состояние супругов хель было стабильным, точнее, стабильно плохим.

Честно говоря, я окончательно перестала что-либо понимать. Хоть на рунах гадай, в чем причина хвори этой долгой[11].

Даже думать сил не оставалось, за этот долгий день я просто чудовищно устала. И к тому же ужасно замерзла.

- Послушай, где я могу согреться? – поинтересовалась я у Альг-иссы, потирая покрасневшие от холода ладони.

Альг-исса призадумалась. Потом лицо ее озарилось улыбкой (впрочем, тут же сменившейся гримасой боли). Бросив негодующий взгляд на рыжую хель, она махнула рукой и поманила меня за собой...

Через несколько минут мы оказались у подножия скал.

- Вот! – выдохнула Альг-исса, подталкивая меня в спину.

Между скал оказался узким проход, за которым открылась чудесная маленькая долина. Почти всю ее занимало озерцо, даже на вид кажущееся восхитительно теплым, напоминая коньяк на дне стакана. Неприступные утесы обнимали долину, ревниво оберегая тепло озера и защищая от морозного ветра. Полоска ярко-зеленой растительности обрамляла воду, радуясь нежданному оазису в царстве холода...

Что может быть лучше «для согрева», чем горячая ванна, пусть даже импровизированная?

- Пожалуйста, присмотри, чтобы сюда никто не заглянул!

- Ай, посторожу! – согласилась Альг-исса. – Хотя людей-то тут нет, а наши... не позарятся!

Прямолинейно, хотя чистая правда. Только, раз уж Уннер не догадалась упаковать купальный костюм, придется обходиться без него. Плескаться под открытым небом, словно в собственной ванной, несколько неуютно, но вода казалась золотистой и источала легкий пар...

Смущение осталось на берегу вместе со сброшенной одеждой.

Боги, как чудесно нежиться в теплой воде! Кусочек мыла из моих запасов: янтарный, прозрачный, благоухающий корицей и апельсином. Поднести к лицу, вдохнуть нежный аромат... Теплее становится от одного запаха!

Вымывшись и наплававшись, я совсем осоловела. В уютном тепле так легко расслабиться, уплыть по течению мыслей, пересечь грань между явью и сном...

Так, срочно выбираться на берег!

Пологий склон словно бросался под ноги, а порывы ветра заставляли ежиться. Рядом с озером было куда теплее, чем в поселке, однако и тут легко подхватить простуду. Достаточно

побродить по берегу, толком не высохнув.

Я потянулась за полотенцем, закуталась в него и счастливо вздохнула – плотное, махровое, удивительно мягкое, оно источало аромат свежести и миндаля. Теперь нужно найти платье потеплее...

В ворохе одежды чего только не было, от легкомысленной шелковой сорочки до изысканной амазонки. Любопытно, о чем думала горничная, собирая все это барахло? Разумеется, наряд для верховой езды у хель мне непременно пригодится! Надо думать, гарцевать предлагалось на медведе...

Углубившись в поиски чего-нибудь немаркого и подходящего по сезону, я не обратила внимания на странный шум. Волноваться не о чем, Альг-исса завернет отсюда всех любопытных.

Порыв ветра, громкий хлопок прямо за спиной заставили подпрыгнуть и стремительно обернуться.

- Здравствуйте, госпожа Мирра! – как ни в чем не бывало, произнес стоящий совсем рядом дракон, окидывая меня – мокрую, встрепанную, в одном полотенце - насмешливым взглядом.

Сердце отчаянно забилось, я невольно сжала поплотнее узел на груди.

- Вам не кажется, что невежливо врываться к даме, когда она... не одета? – поинтересовалась я вместо приветствия.

Мудрый Один, что я несу?

- Вы полагаете, что я вторгся в ваш дом? Простите, я не знал, что это частные владения! - бессовестный Исмир нарочито удивленно приподнял брови, обводя рукой окрестности.

Дракон изъяснялся подчеркнуто вежливо, даже велеречиво. Его манеры - словно покрытые патиной – были по-старинному учтивы. Хотя ему, должно быть, не меньше ста лет, так что несовременность вполне понятна.

От плавного движения рубаха на его груди натянулась, обрисовывая мышцы. Несколько пуговиц расстегнуты, обнажая шею, распущенные светло-пепельные волосы слегка вились, глаза сделались ярко-голубыми, какими иногда бывают ледяные глыбы...

Все мысли из моей головы и без того вымыло теплой водой, а тут еще это непереносимое головокружительное благоухание сандала! Нежный, вкрадчивый туманно-мускусный аромат – как нежный шепот, глубокий, мягкий...

Мудрый Один, я вела себя, словно девчонка при виде симпатичного мальчика! А он улыбался так понимающе, чуть насмешливо и снисходительно...

Впрочем, восемнадцать лет мне было... довольно давно, скажем так. Так что я отнюдь не девочка, охваченная непонятным томлением!

Тоже мне, роковой соблазнитель!

Надо думать, от меня запахло витексом – пряным, горьковато-травяным – похожим на полынный мед. Отстраненное спокойствие.

- Полагаю, вы превосходно меня разглядели сверху, так что не нужно изображать неведение! - Отпустить полотенце, выпрямиться, холодно взглянуть прямо в невозможно синие глаза. Теперь – чуть смущенная улыбка и почти робкое: - Пожалуйста, оставьте меня.

- Отчего же? Полагаю, наедине предпочтительнее...

Я не удержалась - вскинулась, бросила на него возмущенный взгляд.

- Поговорить о болезни хель, - закончил дракон, словно ничего не заметив.

Его ирония ощущалась на языке, острая горчица с медом, и пахла леденцово-колкой литцеей.

Кажется, он решил поиграть со мною в кошки-мышки. Вот только я не желала быть мышкой!

- Обещаю, мы непременно обсудим этот вопрос – во всех подробностях. Но, с вашего разрешения, несколько позже!

Теперь и я говорила, словно бабушка в молодости. Хотя в этом как раз ничего странного: аромаг по природе своей очень восприимчив, легко перенимая чужие манеры и чужие чувства. Дедушка называл это «эмпатия», на что бабушка обычно отмахивалась. Она искренне не понимала, зачем подбирать названия каждому чувству, поступку и явлению, а дедушкину страсть к «систематизации ароматерапии» называла придурью.

- Я бы предпочел сейчас... – в глазах ледяного дракона было столько жара, что можно было печь хлеб.

От мыслей о хлебе у меня потекли слюнки. Вот бы сейчас булочку, прямо из печи – сдобную, посыпанную корицей, с широкой прослойкой варенья или с маком. И две-три чашки кофе – с шапкой сливок и сахаром...

Мысли о еде оказались не худшим отворотным средством, чем проповедь о долге, защитные руны и масло витекса вместе взятые.

Отвлекшись от размышлений, какой рогалик мне бы сейчас хотелось – со сгущенным молоком или все же с грушевым вареньем (лучше оба!), я обнаружила, что дракон как-то странно на меня смотрит.

Не успела я и глазом моргнуть, как он оказался совсем

рядом.

Осторожно провел рукой по моей щеке, убирая мокрые волосы, заглянул в лицо… В его глазах, не тая, искрились льдинки.

- О чем вы думали? – спросил так тихо, так интимно…

Фрейя, лукавая богиня любви, а ведь он меня намеренно соблазнял!

- О рогаликах! – честно призналась я. Желудок согласно забурчал, требуя хотя бы хлеба – свежеиспеченного, с хрустящей корочкой.

Впрочем, если быть до конца откровенной, близость дракона несколько… нервировала.

Словно масло на поверхности воды, по его лицу разлилось изумление.

- О чем?!

- О рогаликах! – охотно повторю, могу даже жестами! – Еще о кофе, булочках с корицей…

Несколько мгновений он престранно смотрел на меня, потом, откинув голову, расхохотался, демонстрируя сильную шею и светлую щетину на волевом подбородке.

Хотелось попробовать ее на ощупь, но… Несомненно, было бы неплохо закрутить интрижку с драконом, однако он слишком откровенно манипулировал мною, что остужало эмоции не хуже горсти льда за шиворот.

- Наука психология утверждает, что первоочередным является инстинкт самосохранения, поэтому пища намного важнее… прочих желаний, - наставительно пояснила я, изо всех сил стараясь не рассмеяться при виде забавного выражения лица Исмира. Не выдержала, расхохоталась следом за ним.

- Давайте условимся: вы не станете… играть со мной, – отсмеявшись, попросила я.

Получилось серьезно и требовательно.

- Согласен! - ответил он, а у самого в глазах танцевали снежинки. – Я стану все делать всерьез!

И запах: бархатный сандал с отделкой из атласных роз, на подкладке из скользкого шелка бергамота…

Не успела я ответить что-нибудь «ласковое», как раздался громкий топот, и между скал показалась встрепанная Альг-исса. Увидев Исмира, непринужденно беседующего со мной, она резко затормозила.

- Дракон! – выдохнула со смесью восхищения, досады и опаски.

- К вашим услугам! – безмятежно улыбаясь, поклонился тот, как будто его вовсе не застигли с дамой в неглиже. Впрочем,

скомпрометировать мужчину, тем более дракона, не так-то просто.

Хель только разевала рот, не в силах вымолвить ни слова, и переводила взгляд с меня на Исмира. Тоже мне, сторож! Впрочем, атаку сверху она предугадать не могла, а драконы, подозреваю, превосходно умеют подбираться к добыче...

- Альг-исса, будь добра, отведи господина Исмира к Матери. Полагаю, он явился с визитом к ней, просто... немного промахнулся.

- Прошу меня извинить, увидел вас и не удержался! – «признался» он с откровенной улыбкой.

Одарив насмешника строгим взглядом, я красноречиво посмотрела на Альг-иссу.

Она собралась с мыслями, откашлялась и сообщила, что несказанно рада видеть дракона, для нее честь приветствовать его и так далее, и тому подобное.

- Превосходно, - резюмировал Исмир, беря ее под локоть, - сейчас мы с вами отправимся к Матери, а затем я желал бы вернуться и более... подробно побеседовать с госпожой Миррой.

- Буду рада, - светски непринужденно ответила я.

Полагалось поклониться на прощание, но едва ли это разумно - в одном полотенце. В данном случае доспехи были бы уместнее...

Одарив меня напоследок загадочным взглядом, Исмир отбыл, небрежным кивком велев хель следовать за ним.

Признаюсь, непокорные губы никак не хотели подчиняться доводам рассудка и упорно расплывались в улыбке.

Должна сказать, перепалка с Исмиром взбодрила меня не хуже нескольких чашечек кофе – с имбирем и капелькой меда. В крови бурлили задор и бодрость. Вот только кофе все равно хотелось...

Вскоре повалил снег.

Он бывает разным. Большие пушистые звездочки, чем-то похожие на крохотных котят. Словно оплавленные чудовищным жаром – «мокрые» снежинки. Крошечные злые кристаллики, роем пчел разъяренно впивающиеся в лицо. Ласковые пушинки, мягко обнимающие все вокруг...

В хельском языке более пятидесяти слов, означающих разные виды замерзшей воды. При общей бедности этого самого языка – число весьма впечатляющее.

В этот раз вьюга словно задалась целью закрасить все вокруг белым. Говорят, можно рисовать черным по черному... В Хельхейме же можно увидеть картины белым по белому. Серебристо-белая корка наста, молочно-белая пелена снега,

голубовато-белые глыбы льда... Недостает слов, чтобы описать суровое северное великолепие!

Только любоваться такой красотой лучше, сидя у камина, с чашечкой горячего вина – корица, яблоко, немного мускатного ореха, цедра апельсина, - а не в «доме» изо льда и камня. Разумеется, в заслугу хель можно поставить, что они умудряются безо всякого отопления поддерживать температуру около нуля, и это в вечной мерзлоте! Однако это градусов на двадцать пять ниже, чем хотелось бы...

Не устану благодарить мастеров-гномов, которые столь виртуозно поставили науку на помощь бытовым нуждам. Проще говоря, в шубах их изготовления мороз чувствовался куда меньше. Жаль только, что подобные изделия стоили чрезвычайно дорого, так что у меня имелись только шапка и перчатки – подарок Ингольва на годовщину свадьбы. Муж намеревался подарить мне вместо этого чуда драгоценные серьги, но удалось вовремя его отговорить. Вопреки распространенному заблуждению, лучшие друзья девушки – отнюдь не бриллианты! По крайней мере, в Хельхейме.

В лучших сказочных традициях я смиренно сидела у окошка, подпирая щеку рукой, и выглядывала принца... Правда, оконным стеклом служила отполированная пластина льда, а вместо принца ожидалось чудовище (то есть дракон). Но ведь и действительность весьма ощутимо отличается от сказки, верно?

Впрочем, какая принцесса, такой и принц...

Поймав себя на этой мысли – совершенно неуместной! – я рассмеялась и тут же оборвала смех, тревожно взглянув на пациентов.

Однако они определенно не заметили моей оплошности. Вообще сомнительно, чтобы хоть что-то из внешнего мира смогло их задеть. По крайней мере, они уйдут тихо, во сне, без страха и мучений.

«Ах, как нам хочется, как всем нам хочется не умереть, а именно уснуть...»[12]

Накатила тоска, тяжелая, как могильная плита. Казалось, не будет больше ничего, только холод, неприветливое небо, одиночество...

Нужный пузырек нашелся почти сразу. Масло апельсина – лучшее лекарство от зимней хандры. Теплый фруктовый аромат обещает, что все наладится, что под горькой пахучей коркой непременно обнаружится сладкая, истекающая соком мякоть. Такова жизнь: приходится прилагать усилия, счищать кожуру, чтобы добраться до сердцевины...

Боги, какая чушь приходит в голову!

По счастью, больше предаваться унынию мне не позволили: лихой свист хель, топот «взмыленного» медведя, журчание голоса дракона...

На пороге показалась презабавная пара: Исмир и Альг-исса. Последняя была выше своего спутника, по меньшей мере, на две головы, но почему-то казалась маленькой и незаметной на его фоне.

Дракон был спокоен – истинное воплощение внутреннего равновесия, а вот хель едва не подпрыгивала на месте.

Альг-исса шагнула ко мне и бухнула оземь странный узел с тряпьем.

- Позволь поинтересоваться, что это?

Она носком отодвинула узел в сторону и процедила:

- Мерзость!

- Исчерпывающе!

Альг-исса смотрела на меня исподлобья и сопела, как ее любимый медведь. Кажется, она не намеревалась что-либо пояснять.

Надо думать, еще немного, и я стану рычать и кусаться. Откровенно говоря, вся эта катавасия изрядно мне надоела. Во фляге болталась остывшая бурда, холодные бутерброды приходилось запихивать в себя почти силком, толком поспать не доведется еще невесть сколько... К тому же на руках у меня трое больных без надежды на выздоровление!

Хм, должно быть, со стороны звучит странно, как будто я ценю кофе с пирожными больше, чем жизни хель. В действительности это не так, просто в подобных ситуациях больше всего добивают именно мелочи. Так потерявшая дом женщина плачет из-за порванных чулок...

- Позвольте, я объясню? – деликатно вмешался Исмир, видимо, почувствовав назревающую ссору.

- Буду премного благодарна!

Дракон улыбнулся мне – так светло и понимающе, что мне сделалось стыдно за чрезмерную экспрессивность.

Усесться на ледяную скамью, расправить юбки... Вот когда пришлось пожалеть, что нынче в Хельхейме не принято носить корсеты. Последние незаменимы в тех случаях, когда нужно любой ценой «держать спину».

- Слушаю вас, господин Исмир! – кивнула я, сопровождая слова улыбкой.

- Просто – Исмир, если вы не возражаете, – чуть наклонив голову, предложил он.

- Простите, я не могу! – я покачала головой. - Излишне смело для едва знакомых людей.

- Но я ведь не человек, – усмехнулся дракон. – Впрочем, как хотите.

Далее он кратко сообщил, что Фаст-исса сбежала. Однако в ее

доме обнаружена одежда соперницы и неверного жениха. Судя по всему, ношеные вещи явно использовались для неких обрядов. Правда, определить, каких именно, Исмир не мог.

Мудрый Один, выходит, дело вовсе не в отраве, а попросту в ниде[13], мести счастливой сопернице?

- Ай, понюхай, в общем! – бесцеремонно вмешалась Альг-исса.

На ее лице сияла детская улыбка и такая наивная вера в мое могущество, что я проглотила резкую реплику.

- Прошу вас, попробуйте! Может быть, вам что-нибудь удастся понять... - Исмир подхватил с пола тряпье и протянул мне.

Пришлось покорно нюхать.

Обонять ношеную одежду, причем ношеную долго и без всяких глупостей вроде стирок - удовольствие ниже среднего.

От мужской рубахи тянуло чем-то знакомым: как будто нежный пряно-цветочный аромат испортился, как прокисает молоко на жаре. Впрочем, как раз в этом не было ничего странного, ведь даже самые изысканные духи, смешиваясь с запахом немытого тела, будут отвратительно вонять! Вот и роза – влюбленная женщина – в объятиях мужлана-пота изрядно помялась и поизносилась...

- Это не имеет отношения к болезни, - отодвинув тряпку, негромко произнесла я, - это скорее мансег[14].

Альг-исса охнула и зажала рот ладонью. По хельским законам и приворот, и проклятие карались изгнанием.

Но мне было не до нее: от женской одежды веяло чем-то трудноуловимым... Как степь в летнюю жару: душно, пьяняще, горько-сладко. А перед глазами словно колышутся травы под властными ладонями ветра.

Полынь! Трава весьма и весьма непростая, она умеет отвадить нежеланных гостей, смутить врага, отвести глаза, опутать мысли...

- В море эту мерзость! – велела я брезгливо. Лучше бы сжечь, однако хель с огнем не в ладах.

- Можно заключить, это именно то, что мы искали? – слова Исмира прозвучали скорее утвердительно.

В этот момент он походил на собаку, взявшую след, поэтому мое короткое «нет» его озадачило. Как будто хозяин вдруг натянул поводок, остановив пса уже в рывке.

- Во-первых, это направлено на одну Хар-иссу. А во-вторых, ничего страшнее приступа мигрени не вызовет, – исчерпывающе объяснила я, разводя руками.

- Зачем тогда? – Альг-исса двумя пальцами подняла злополучную одежку и взирала на нее с явной гадливостью.

- Откуда мне знать? Быть может, мелкая месть? Впрочем, это в любом случае не то, что мы искали...

- Но... - начала было Альг-исса.

- Как вы полагаете, что стало причиной болезни? – вмешался дракон, отвлекая подругу от расспросов. Надо сказать, весьма своевременно: не зря ведь говорят: «Вцепится, как хель!»

- Поначалу я думала, это медвежья болезнь... – начала я рассеянно.

- Хм? – пробормотал Исмир, приподнимая бровь.

- Я имела в виду «медвежий» грипп - раз уж первым издох медведь рыжей хель, - объяснила я, силясь совладать с неуместным смущением. Ничего не поделаешь – отчаянно боюсь показаться смешной, хоть и прячу этот страх в самой глубине души.

- Вот как...

Мне показалось, или в голосе дракона действительно промелькнуло сочувствие? Как ложка сахара, подсластившая горький чай.

Нужно держаться, как ни в чем ни бывало.

- Теперь мне кажется, что болезнь совсем не походит на инфлюэнцу. Иначе вирус давно бы распространился. Скорее это походит на магию.

- Полагаете, магия? – в голосе Исмира как будто слышался шум надвигающейся лавины. Он резко повернулся к Альг-иссе и спросил: – Что необычного случилось в окрестностях за последнюю неделю?

Она добросовестно отрапортовала, что ничего из ряда вон выходящего не произошло. Всех событий: примирение наших фигурантов да воздушный шар, виденный в небе...

- Воздушный шар? – переспросил дракон резко. – Часто ли они летают в окрестностях? И где именно?

- Ай, иногда. Рядом видели, возле моря! - охотно ответила Альг-исса. – Геологоразведка!

Последнее слово далось ей нелегко, пришлось по слогам выговаривать.

Боюсь, следующую реплику Исмира не стоит воспроизводить.

Резкий, как удар кнута, взгляд, жгучий запах лимонной травы, стремительные шаги, хлопнувшее полотнище двери... Спустя несколько мгновений мы с Альг-иссой остались вдвоем, разумеется, не считая бесчувственных хозяев.

Ни полслова, ни извинения... Воистину, умом драконов не понять!

Я принялась проверять состояние пациентов – неизменное – а Альг-исса отправилась выполнять мое поручение, то есть топить в

море одежду, носящую следы заклятий.

Когда появился Исмир, она еще не вернулась. Я бесцельно бродила вокруг дома – разминала ноги, затекшие от долгой неподвижности, а заодно пыталась согреться. Куда легче переносить сильный, но недолгий холод, чем постоянное пребывание на небольшом морозце, который жадно выпивает последние крохи тепла... Поутру мне придется вернуться на почтовую станцию. Раз предположение об эпидемии не подтвердилось, вполне можно уезжать. Все равно я ничем не могу помочь больным, разве что наблюдать за их угасанием...

Дракон словно соткался из метели. Только что бесчисленные снежинки падали бесцельно и бессистемно, но стоило на мгновение смежить ресницы, и вот уже седые пряди вьюги кто-то заплел умелыми руками, вылепив Исмира.

Он был страшен: оскаленные в жуткой улыбке зубы, взъерошенные светлые волосы, скрюченные в пароксизме ярости пальцы – казалось, вот-вот их кончики прорвут когти. И аромат - острый, колкий запах лимонной травы, который почти совсем скрыл деликатное благоухание сандала. Как будто на благородный шелк плеснуло кровью...

- Что случилось? – опасливо спросила я, невольно попятившись.

В этот момент он вовсе не походил на того джентльмена, каким выглядел раньше.

Исмир, с его удивительно мягкой улыбкой, ровными приветливыми манерами и безмятежным запахом сандала, всегда казался воплощением спокойствия. Обманчиво мягкий, как снег – такой пушистый, такой легкий...

Глаза прищурились, подбородок отвердел, и вот уже передо мной олицетворение не снега, но другой ипостаси воды – безжалостного льда.

- Пойдем! – резко приказал дракон. Как будто рявкнул на непослушного пса!

- Куда?

Я отступила еще на шаг, непроизвольно скрестила руки на груди.

Исмир ощерился, потом мир словно крутанулся вокруг меня... Ледяной ветер хлестал плетью, метель зло хохотала в лицо, когда дракон тащил меня, как куль с мукой.

Крикнуть? Но никто не услышит! К тому же хель никогда не станут ссориться с детьми стихии, тем более из-за человеческой женщины. В чужие дрязги хель предпочитали не вмешиваться, да и не слишком интересовались «теплокровками», как презрительно называли другие расы. А те, в свою очередь, не претендовали на

укрытые ледниками пустыни, где могли выжить лишь сами хель.

В конце концов, не убьет же он меня!

Откровенно говоря, мне не было страшно. Безрассудство это или банальная глупость, но отчего-то казалось, что Исмир ничего плохого не сделает, хотя его обращение с дамой оказалось явно неподобающим для джентльмена. Впрочем, драконы вовсе не являются джентльменами...

Невольно вспомнились романтические книжонки – из тех, что обожает почитывать на досуге Уннер, роняя обильные слезы над перипетиями любви нежной человеческой девушки и мужественного дракона с обнаженным торсом. Разумеется, героиня падала в обморок от одного вида мужской груди и «возносилась к небесам от прикосновения его губ». Что за чушь!

Я охотно заимствовала у горничной подобную литературу, чтобы всласть посмеяться над тоннами розового варенья, изливающегося со страниц.

Надо думать, авторы были бы в восторге, увидев эту сцену: дракон волочет добычу в логово (несомненно, чтобы надругаться!). Героине подобало возмущаться и одновременно дрожать от еле сдерживаемых чувств. Меня же обуревало исключительно желание прочитать ему лекцию о правилах поведения в обществе. Несомненно, у дракона имелись веские причины поступать столь бесцеремонно, однако он вполне мог объяснить, в чем дело!

Исмир остановился резко, словно наткнувшись на невидимое препятствие. Поставив меня на ноги, встряхнул так, что зубы клацнули.

Возмущенный взгляд действия не возымел.

Что же, попробуем шоковую терапию. Доктор Торольв рассказывал об этом новейшем веянии в медицине. Всегда мечтала попробовать!

Прищурившись, я внимательно взглянула на Исмира. Разумеется, хлестать озверевшего дракона по щекам – не самая лучшая идея. Не съест, но покусать вполне может...

- Господин Исмир, у меня к вам большая просьба...

Дракон стремительно обернулся и вперил в меня требовательный взгляд.

- Да?

Вышло не очень-то доброжелательно и вежливо. Впрочем, это не повод для ответной грубости.

Я безмятежно улыбнулась и попросила:

- Пожалуйста, снимите рубашку!

- Что?!

Хм, пощечина определенно ошеломила бы его куда меньше.

- Вы неподобающе *одеты*, - произнесла я серьезно.

Исмир перевел взгляд на свой наряд. Свободная льняная рубашка навыпуск, брюки из такого же материала – некрашеного и, похоже, домотканого. На руках – несколько тонких браслетов, на ногах тонкие кожаные мокасины.

- Видите ли, мы не мерзнем, - пояснил дракон сдавленно. От неожиданности, не иначе, иначе он едва ли снизошел бы до оправданий. – И нам тяжело переносить человеческую одежду. Крашеная ткань, и этот неудобный покрой...

- Нет, что вы! – вежливо возразила я. – Вы превосходно выглядите! Очень... хм, своеобразно.

Исмир смотрел на меня, как баран на новые ворота.

- Просто... вы неподобающе – одеты. Дикарю, который без всяких объяснений хватает даму и тащит ее невесть куда, полагается быть полуобнаженным, а лучше – задрапированным в шкуры. Вы выбиваетесь из образа!

Мгновение он выглядел ошеломленным, потом расхохотался, запрокинув голову.

А я изображала из себя воплощенную невинность. Эдакую девочку в платьице с бантами.

- Вы просто невозможны! – заявил он, отсмеявшись.

Оставалось лишь пожать плечами и улыбнуться. Представления не имею, почему меня все время тянет над ним подтрунивать. Видимо, я попросту перенимаю его собственное настроение, что со мною бывает нередко.

Он широко улыбнулся и, стянув рубаху через голову, протянул ее мне со словами:

- Надеюсь, так лучше? - глаза дракона сверкали голубым льдом, а обнаженная гладкая кожа притягивала взгляд, словно муху – варенье.

Я смогла только кивнуть.

- Тогда позвольте похищать вас дальше! – промолвил он с учтивым поклоном и подхватил меня...

Должно быть, зрелище было умопомрачительным. Снежная равнина, по которой мчится полуодетый – точнее, полураздетый! – мужчина с женщиной на руках. Казалось, перед ним охотно расступалось само пространство, а метель нежно льнула к телу. И, как ни странно, мне в его объятиях сделалось весьма уютно и даже тепло. Более того, обнаженная кожа Исмира обжигала мою щеку, как кипяток.

А я, уткнувшись носом в пропахшую драконом рубашку, тихо наслаждалась...

Сандал... Почти неуловимое древесно-мускусное благоухание не раздражает, не перебивает другие ароматы, не кричит во весь

голос. Кажется, что пахнет еле-еле, на грани восприятия, в первый момент даже вызывает удивление: "Как? Вот это невнятное нечто все так хвалят?!"

Спокойно! Закройте глаза и вдохните глубже. Чувствуете, как легкий аромат перышком щекочет нос, как разглаживает напряженную складку меж бровей, как крыльями бабочки гладит зажмуренные веки? Шелухой осыпаются тревоги и боль, горечь и напряжение... Аромат медитации.

Так пахнет любимый мужчина. Не знойный красавец, не щедрый на подарки женатый любовник, а тот, кто готов быть рядом с вами всегда. Утешать, шептать нежности на ушко, ласково обнимать... Любить. Любовь к нему не бывает безответной!

Говорят, влюбленная женщина хорошеет. Влюбленная в сандал хорошеет во сто крат. Он полирует огрубевшую кожу, разглаживает морщинки у глаз и на шее, устраняет зуд и угревую сыпь, борется с дерматитами и сухостью. А еще нормализует гормональный фон, деликатно пробуждая чувственность...

Пристрастие к сандалу определенно завело меня слишком далеко!

По счастью, прежде чем мои мысли стали совсем уж неподобающими, дракон остановился и опустил меня, впрочем, не торопясь убирать руки с моих плеч.

Почувствовав под ногами твердый лед, я пришла в себя.

- Спасибо, что покатали! – произнесла я церемонно, отступая на шаг назад.

И умудрилась споткнуться, попав каблуком в ямку.

- Осторожно! – Исмир помог мне подняться, нарочито медлительно отряхнул от снега – право, это больше походило на ласку, чем на вежливую услугу.

Пахло от него изумительно – малиной, красной смородиной, перцем и сандалом. Среди снежного безмолвия, где запахи встречались не чаще, чем вода в пустыне, это было как удар под дых.

Голова закружилась, к щекам прилила кровь...

- Благодарю! – я торопливо отстранилась, краем глаза заметив, как насмешливо блеснули глаза Исмира, как он опустил голову, пряча предательскую улыбку. Что ж, он сполна расквитался со мною за выходку с рубашкой.

Неподалеку брюзжало и ворочалось море, от него словно тянуло маслом элеми – солью, водорослями, и чуть-чуть укропом.

В нескольких шагах справа громоздились скалы, почти скрытые слоем льда.

- Полагаю, теперь можно заняться тем, ради чего я вас сюда...

привел, - голосом дракона, казалось, можно было смазывать сковородку вместо масла.

Мне стоило усилия не попятиться, столь многозначительной сделалась его усмешка.

А впрочем, почему бы и нет?

- Я подразумевал поиски того, что привело к болезни хель... – пояснил он, скрестив руки на груди и наблюдая за моей реакцией.

Сама не знаю, что превалировало в моей душе в тот момент – досада, восхищение или смущение...

- Буду счастлива всемерно помочь вам! – ответила я, пряча за чопорностью растерянность.

Он склонил голову и указал в сторону скал.

- Скажите, вы видите там что-нибудь необычное?

Теперь от Исмира больше не пахло ягодным соблазном. Бархатное контральто сандала сменилось звонким альтом лимона.

Отвечать на его вопрос сходу я не стала. Издали скалы как скалы, но кто знает, что там вблизи?

С некоторой опаской подошла к ним, всмотрелась в неровную поверхность... И едва не вскрикнула: трижды повторенная руна альгиз воинственно топорщила свои лучи, похожие на листья осоки.

- Здесь руна альгиз! Защитный знак! - произнесла я, полуобернувшись.

Такие наносят, когда хотят оградить что-то потаенное от чужого любопытства или найти укрытие от опасности. Считается, любая руна действует сильнее, если ее повторить трижды. Три, восемь, девять и двадцать четыре – священные числа Севера.

Дракон не нуждался в лекции о магии. В мгновение ока он оказался рядом со мною и спросил:

- Вы сможете пробраться мимо них?

В его голосе звучало затаенное напряжение, а пахло от него лимоном и горькой полынью – тревожно и сосредоточенно.

Я пожала плечами и двинулась в обход, где виднелся просвет между скалами.

Стоило сделать всего несколько десятков шагов, и взгляду открылся берег моря. Усеянный осколками льда песок, хмурое свинцово-серое море, а на отмели возвышалась статуя. Величественная фигура хель смотрела прямо на меня – яростно, отчаянно, но сквозь гнев будто протаивали отчаяние и мольба. Пришлось тряхнуть головой, освобождаясь от завораживающей власти этого взгляда.

Внизу, у подножия статуи, алели пролитой кровью руны:

соуло - солнце, кеназ - факел и дагаз - день.

На подгибающихся ногах я сделала несколько шагов вперед, завороженная нездоровым багровым сиянием знаков. И не удержалась от вскрика, заметив то, что раньше ускользало от взгляда: весь низ фигуры хель был будто оплавлен. Я с замершим сердцем вдруг поняла, что статуя просто таяла! Здесь, в вечных льдах, где лето длится только месяц, но и тогда снег не уступает отвоеванных позиций, и лишь кое-где, в теплых долинах и на прибрежных скалах, пробуждается жизнь.

Это было так нелепо, так неуместно, что я не сразу осознала. Причиной плачевного состояния статуи были руны, огненные руны!

Боги, милосердные мои боги, как вы могли это допустить?!

Для нас, людей, таяние снега – это праздник. Сколько бы мы ни подражали хель, весенний Бельтайн радует сердце куда больше первого снега. Но для хель это – смерть.

- Мирра! Мирра!

Голос дракона, казалось, доносился издалека, как сквозь снежную толщу.

Я вдруг осознала, что стою на коленях у статуи хель и яростно тру лед, пытаясь стереть злосчастные руны. Но ничего не выходило: как зачарованные, они не поддавались моим усилиям, только все ярче светились мерзким багровым светом. Никогда не думала, что знаки огня могут вызывать такое отвращение!

- Мирра! - в голосе Исмира звучала неподдельная тревога. – Мирра, да отзовитесь вы, йотун вас раздери!

От этого нелепого пожелания я расхохоталась – до истерики, обхватив себя руками – отчаянно пытаясь унять смех.

- Что с вами стряслось? Мирра, вы слышите меня?

- Слышу! – отозвалась я, силой давя прорывающийся нервный хохот. Он клокотал в груди, колол горло острыми смешинками. – Здесь... Здесь статуя и руны...

Отчего-то мысли путались, а язык будто позабыл слова. Магия или попросту усталость? Только сейчас я вспомнила, что толком не спала почти двое суток.

«Девять часов сна – залог здоровья! А от бессонницы хороши хмель, лаванда, сандал...» - учила бабушка, капая на мою подушку масло лаванды. Мы, малышня, озоровали и все никак не хотели уняться, хотя давно наступило время укладываться в постель. Разумеется, бабуля никак не могла обойтись без попутной лекции по аромагии.

- Идите ко мне, Мирра! – ворвался в мои сонные размышления требовательный голос Исмира. Мысли громоздились торосами, сталкивались с грохотом. – Немедленно!

- Сейчас...

Не помню, как я выбралась.

- Что вы делали там делали? Неужели вы не соображаете... – набросился на меня дракон, стоило оказаться в пределах его досягаемости.

Недослушав, я покачнулась.

- Холодно, - пожаловалась тихо, вдруг осознав себя в надежных объятиях Исмира.

- Во имя Исы, вы совсем замерзли!

- Очень... наблюдательно! – с усилием отозвалась я, силясь насмешливо улыбнуться. Веки слипались, будто покрытые клейкой смолой, а тело почти не чувствовалось. Мир вокруг плавно кружился, укачивая своевольную дочь...

И умиротворяющее благоухание сандала совсем рядом...

- Не смейте спать! Слышите меня, не смейте! Йотун вас раздери! – ругался дракон, зачем-то торопливо меня раздевая.

- Повторяетесь, - прошептала я с дурацким смешком. В конце концов, мне все это снилось, а во сне можно позволить себе вести себя нелепо...

Сначала я даже не почувствовала, что делал Исмир. Этот бессовестный дракон стянул с меня почти всю одежду и прижал меня к себе, гладя спину, плечи, руки, лицо, шепча что-то непонятное...

Странно, но становилось все теплее и теплее, холод неохотно отступал и в отместку колол руки и ноги тысячами тоненьких иголок.

Говорят, замерзающий человек в конце концов перестает чувствовать мороз и умирает тихо, будто заснув. Значит, и я умираю? Но уже было решительно все равно, лишь бы дальше лежать вот так, нежась в объятиях дракона...

- Что вы делаете? – встрепенулась я, осознав, что отнюдь не сплю, а руки Исмира беззастенчиво скользят по моей спине под тонкой рубашкой. Если учесть, что сам он по-прежнему был в одних штанах, то ситуация складывалась пикантная.

- А вы как думаете? – отозвался он почему-то недовольно. – Разумеется, грею вас!

Мы лежали на собственной одежде, брошенной прямо на лед. Ума не приложу, почему снизу совсем не тянуло холодом. Разумеется, сразу вспомнились многозначительные эвфемизмы из дамских романов о «согревании постели»...

Следует отдать ему должное, дракон вовсе не пытался – пока – воспользоваться ситуацией. Не знаю, радовало меня это или огорчало. С другой стороны, ледник – не лучшее место... Боги, о чем я думаю?!

- Благодарю, я уже вполне согрелась! – произнесла твердо.

Боюсь, еще немного, и голова многоуважаемого полковника Ингольва украсилась бы рогами – надо думать, ледяными. Хотя... об этом стоит поразмыслить! Впрочем, не здесь и не сейчас.

Исмир на мою честь не посягал. Поставил меня на ноги и даже, как заправская камеристка, помог одеться.

Я тихо фыркнула, поймав себя на мысли, что благоверный не зря столь ревностно следил за моей нравственностью – стоило оказаться вдали от него и в обществе привлекательного дракона, как в голову тотчас полезли мысли – даже, пожалуй, мечты – о супружеской измене.

Хотя Ингольву грех жаловаться, учитывая его похождения. И меня нисколько не мучили моральные терзания по поводу «падения».

- Будьте добры, расскажите, что там, за скалами? – жадно поинтересовался объект моих размышлений, явно весьма далекий от романтических поползновений.

Рассказ вышел сбивчивым, но, задав два-три десятка вопросов, Исмир наконец узнал все, что его интересовало.

- Пойдемте! – велел он, решительно шагая к просвету в скалах. Шаг, другой... и прошел мимо!

- Куда вы? Это здесь! – позвала я, останавливаясь перед проходом.

Дракон вернулся, прошипел раздраженно:

- Чтоб их! Я не вижу тут никакого просвета!

Я взглянула под ноги, на отчетливые отпечатки моих следов.

- Разве вы не видите, где я прошла?

- Нет! – отозвался он коротко, встряхнув светлыми волосами. – Попробуйте провести меня за собой.

- Как? – спросила я, разводя руками. – Тут ведь руны!

- Они вряд ли смогут меня задержать. Это отвращающие знаки, а не боевые, - ответил Исмир, выказывая немалые познания в магии.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как согласиться.

Взяв за руку дракона, я устремилась в расщелину. Славные у него руки: длинные артистичные пальцы, гладкая и нежная кожа, крепкое пожатие...

Шли осторожно, понемногу, каждый миг чего-то опасаясь. Идти было тяжело, словно сквозь сильную метель, но ничто угрожающее не заступало путь.

Несколько шагов, и мы выскочили на берег, словно пробка из бутылки с шампанским.

Исмир замер, глядя во все глаза. Потом проронил что-то непонятное, явно ругательное. Не успела я перевести дух, как

дракон оказался рядом со статуей...

Он гладил лед, как бесконечно любимую женщину. То нежно, едва-едва касаясь кончиками пальцев, то приникнув всем телом, то очерчивая руками контуры желанной фигуры.

Почувствовав, как заполыхали щеки, я с трудом отвела глаза. Любая женщина охотно оказалась бы в этот момент на месте безответной ледяной скульптуры. Впрочем, почему безответной? Краем глаза (каюсь, не смогла долго стоять, потупившись) я увидела, как снег будто льнет к двум фигурам, слившимся в объятии, стирает горящие руны. Полыхающие знаки постепенно затухли, подернулись пеплом и остыли под белоснежной пеленой.

Еще несколько томительных мгновений, и дракон отступил на шаг назад, всмотрелся в лицо статуи (клянусь Одином, теперь ледяные губы усмехались!), притронулся к щеке, словно убирая мешающий локон... И улыбнулся – так, что екнуло сердце...

Когда Исмир повернулся ко мне, загадочная полуулыбка играла в уголках его губ, а серые глаза искрились, как снег на солнце...

Должно быть, мои щеки просто горели, хотя я давно вышла из возраста вечно смущающихся девиц. Хорошо хоть можно списать румянец на трескучий мороз, к вечеру все усиливающийся.

Только теперь я заметила, что вокруг сгустились сумерки. Видимо, белизна льда разбавляла молоком крепкий чай ночи.

Дракон смотрел, не отводя глаз, и от него исходил такой пьяняще-острый коктейль запахов... Сражение с враждебными чарами привело его в восторг, должно быть, как древнего мужчину, завалившего мамонта.

Откровенно говоря, это пугало и одновременно завораживало. Женские сердца всегда сильнее бьются при виде победителя, в нас ведь заложено стремление принадлежать самому-самому...

Только в этот момент первоочередные желания дракона были скорее гастрономического свойства. По крайней мере, он определенно не отказался бы подзакусить тем, кто устроил эту историю.

Надеюсь, Исмир не сочтет меня, так сказать, аперитивом?

- Нужно срочно посмотреть, как так мои пациенты! – «спохватилась» я громко. – Вы уверены, что чары уничтожены?

- Несомненно! – подтвердил Исмир. – После моего вмешательства вряд ли что-то сумеет растопить этот лед.

Его яростный восторг угас, как будто лампу накрыли абажуром. Какофония ароматов упорядочилась, на передний план вновь выступило благоухание сандала, что позволило мне

вздохнуть с облегчением. Плата за повышенную чувствительность – склонность «заражаться» чувствами окружающих. Разумеется, в городе, среди толпы, переполненной разнородными чувствами и заботами, болезнями и ароматами, острота восприятия притупляется, а вот тет-а-тет, среди льдов, она причиняет немало неудобств!

Дракон окинул меня взглядом и констатировал:

- Вы не в силах идти самостоятельно.

От его слов руки и ноги налились усталостью, словно к ним привязали тяжелые гири. Вспомнилось, как один доктор в Мидгарде пропагандировал идею ежедневных физических нагрузок: надевал трико и каждое утро на центральной площади лично демонстрировал упражнения с гирями... Примеру его так никто и не последовал, напротив, доктора арестовали за нарушение общественного порядка (неприлично в таком виде появляться на публике!). В Хельхейме к спорту относились проще – зима давала предостаточно возможностей для игр на свежем воздухе, правда, все они традиционно начинались после праздника Йоля.

Впрочем, Исмир не стал дожидаться моего согласия: подхватил на руки и двинулся прочь.

А на морском берегу осталась величественная статуя, которой, надо думать, отныне предстояло стать святыней хель. Загадочно улыбающаяся, спокойная и вечная, как сам ледник...

Исмир шагал легко, и перед ним расступалась метель, ветер мягко подталкивал в спину, а снег ложился под ноги мягчайшим ковром.

Подумалось вдруг, что хорошо бы путешествовать в сопровождении ледяного дракона. Хель всего лишь выживают в снегах, а вот дети стихии здесь действительно дома.

Я же, наплевав на скромность, обнимала Исмира за шею и блаженствовала на грани между явью и сном...

Хутор будто нарисовался в сплошной пелене снега. Только теперь он вовсе не казался опустевшим, пугающе нежилым: из дома доносились голоса.

Едва дракон меня отпустил, я рванулась туда, торопясь проверить, как дела у моих пациентов.

Отдернув полог, заглянула внутрь и замерла, наблюдая семейную сцену: хозяйка дома во все корки распекала понурившегося супруга, а тот покорно внимал благоверной. На мгновение представилось, как я сама отчитываю Ингольва за какую-то провинность, и сдержать смех представившейся сцены стоило больших усилий.

- Великолепно. Вижу, больные уже оправились, - раздался за

моей спиной вкрадчивый голос дракона, и я едва не подпрыгнула. Совсем о нем забыла!

Хель разом вздрогнули, хозяйка чуть не подскочила на месте, гневно вспыхнула... Потом, рассмотрев, кто перед нею, вдруг глубоко поклонилась.

- Приветствуем в нашем доме, сын стихии! – почтительно произнесла она, беззастенчиво меня игнорируя. Пахло от нее маслом нима – подгнившим луком - неприязнью. – Прошу, раздели с нами пищу и кров!

Складывалось впечатление, что я полупрозрачная, как тонкая корка льда.

Осторожно отодвинув меня с прохода, Исмир шагнул внутрь, остановился, молча меряя взглядом замерших хель, потом обронил веско и подчеркнуто безразлично:

- Нет! - и продолжил размеренно: - Закон говорит: если кто-то спасет другому жизнь, то спасенный обязан почитать его, как отца своего и мать свою. Имя того, кто нарушит это право, будет проклято в веках, и птицы выклюют глаза его, а рыбы съедят его печень...

Определенно, это была цитата из Свода законов хель - подобные обороты свойственны только коренным жителям севера. В устах дракона это звучало пугающе, к тому же от него вдруг повеяло чем-то острым, горьким и едким. Скипидаром?

- Но... – попыталась возразить дама-хель.

Исмир словно не заметил этого.

- Вот эта женщина – госпожа Мирра - ухаживала за вами. Она нашла причину вашей хвори и помогла ее устранить. А вы не желаете даже приветствовать ее в своем доме! Что ж, полагаю, Мать охотно приютит нас. Пойдемте, Мирра!

Он протянул мне руку и я, чуть поколебавшись, приняла приглашение.

Я отнюдь не впервые сталкивалась с черной неблагодарностью, но готовность Исмира вступиться за меня грела душу.

За спиной что-то попыталась возразить хель. Дракон только оглянулся, и она подавленно замолчала.

Едва мы успели выбраться из негостеприимного дома, как на меня набросилась Альг-исса, бегущая со стороны моря.

- Ай, где ты бродишь? – вопила она негодующе. – Я сделал, что надо. Вернулся. Тебя нет! Нигде нет, совсем! Я кричал, искал... Думал уже, тебя морской змей проглотил!

- Ох, прости, - повинилась я, осторожно освобождая ладонь из крепкого пожатия дракона. – Боюсь... у меня не было времени оставить тебе записку...

И бросила искоса взгляд на своего «похитителя», буквально вынудившего меня уйти без предупреждения.

- Прости, я... – начала было говорить, но объяснение прервал дракон.

- Вы совсем замерзли, - вмешался он, завладевая моей озябшей ладонью, – к тому же нуждаетесь в отдыхе и пище...

- Я могу разжечь костер, - с явственным сомнением предложила Альг-исса, и я оценила ее готовность к самопожертвованию.

- Лучше я проведаю шаманку, - запротестовала я, - нужно узнать, как она...

- Вы ведь уже валитесь с ног, - ответствовал Исмир, бросив на меня взгляд. Неожиданно ослепительно улыбнулся – словно солнечный луч погладил сверкающий атлас снега – и сказал загадочно: - Лед тоже умеет быть теплым...

Дракон поймал мой взгляд, как птицу в силки и...

Я с новой силой почувствовала накатившую усталость. Словно пуховое покрывало, она отделяла меня от мира, укрывала ватой, искажала звуки...

Сознание дернулось в шелковых нитях, рванулось...

Спи. Шагни в небо, как в воду. Окунись в покой. Нырни в ласковую пену облаков. Спи...

И легкое прикосновение к щеке (сон, быль?).

Бескрайний, южный, пронзительно васильковый небосвод. Теплый ветерок ложился под крылья, помогая парить в ласковой синеве. Беспредельная легкость, беззаботность... и вкрадчивое благоухание сандала были моими верными спутниками...

Проснувшись, я долго не могла понять, где нахожусь. Так бывает - не можешь вспомнить, сейчас утро или вечер, какой день недели и даже время года... Потребовалось несколько минут, чтобы вернуться в реальность.

Плотный кокон из шкур, в который меня закутали почти целиком, не пропускал даже дуновения холодного воздуха. У постели (судя по всему, я была все на том же хуторе) стояла на часах суровая Альг-исса с оружием наизготовку. Только ликующий аромат апельсина выдавал ее превосходное настроение. Видимо, она намеревалась защищать мой сон любой ценой....

- Доброе утро! – произнесла я и сама не узнала своего голоса. Переохлаждения и треволнения последних дней определенно не пошли мне на пользу. Хорошо бы теперь молока с медом, горячего чая с лимоном или хотя бы имбирного настоя... Но не стоит даже мечтать об одном из этих средств в ледяном царстве хель.

- Утро добрым не бывает! – возразила Альг-исса, расплываясь в улыбке. С точки зрения хель, ночь - лучшее время суток, поэтому мою любовь к ранним пробуждениям они не разделяли.

- Кофе... – прохрипела я мечтательно. Путники в пустыне так же молят о глотке воды...

- Как будет угодно прекрасной даме! – раздался от входа веселый голос.

Вместе с ним в комнату вплыл чарующий аромат благословенного напитка - с кардамоном и щепоткой корицы.

Должно быть, на моем лице отразилось такое восторженное благоговение, что Исмир не выдержал: ухмыльнулся, с церемонным поклоном протягивая изящную чашечку, которую самолично наполнил из термоса.

На следующие несколько минут я выпала из жизни. Пахло умопомрачительно: обжаренными зернами, чуть-чуть шоколадом и карамелью, сладковато-пряно – кардамоном...

Смакуя, я пила глоток за глотком. Чтобы сделать человека счастливым, достаточно отобрать у него некую простую житейскую радость, а через некоторое время вернуть... Восторг обеспечен!

- Спасибо! – произнесла я с блаженным вздохом, когда жидкость в чашке закончилась. Куда и подевалась хрипотца, боль в горле и противная слабость! – Вы просто волшебник! Где вы раздобыли кофе?

Исмир очаровательно улыбнулся (продемонстрировав ямочки на щеках!) и подтвердил серьезно:

- Разумеется, волшебник – щепотка доброй волшбы вам не повредит. Касательно остального – почтовая станция всего в получасе полета, так что это пустяк.

Я не стала спорить, лишь улыбнулась с искренней признательностью.

- Не стоило так утруждаться. На почтовой станции кофе будет предостаточно! А также кексов, круассанов, пирожков... – произнесла я мечтательно, уже предвкушая вкус лакомств и не обращая внимания на улыбку Исмира. - Надеюсь, Альг-исса согласится прямо сейчас меня отвезти.

- Боюсь, вам придется задержаться, пока история не закончена! – разом посерьезнев, отрезал дракон. Прохладные мятные нотки... Брр! – Как здесь оказались люди и зачем им понадобилось губить хель? Согласитесь, пока в этом деле слишком много белых пятен.

- Почему – люди? – начала я и осеклась.

Понимание обожгло, как вывернутая на ногу кастрюля кипящего супа.

Йотуны - давние враги асов, и они сражались друг с другом во время Рагнарёк. Разгневавшись, Один отобрал у йотунов и их потомков руны. Разумеется, он был вправе так поступить – в конце концов, Один лично заплатил за руны немалую цену.

Проще говоря, хель никак не могли использовать рунную магию. Следовательно, заклятье наложено людьми...

Не хотелось даже думать, к каким последствиям это может привести. В Хельхейме до сих пор относительно мирно уживались три народа: хель, люди и ледяные драконы. Последние всегда стояли чуть поодаль, селились где-то далеко на севере, куда и хель не заглядывали. Некоторые уверяли, что драконы живут в айсбергах, где предостаточно полостей, напоминающих милые драконьему сердцу пещеры.

Далеко не всем нравилось такое положение вещей - людям всегда нужно больше, чем есть, такова уж наша природа. Однако мало кто осмеливался вслух высказывать недовольство. Хель не самые добросердечные существа, и если сочтут такие речи подрывающими устои государственности... Есть у северян «национальный» способ казни – обливание преступника водой на морозе. От одной мысли об этом пробирал озноб...

Пока до открытого возмущения или, упаси Хеймдаль, противостояния, дело не доходило...

От размышлений меня отвлекла Альг-исса, которой надоело почтительно молчать.

- Ай, ты же самого главного не знаешь! Я сразу хотел сказать! – выпалила она, буквально подпрыгивая на месте. Больше всего ее телодвижения смахивали на танец маленьких утят, а ликующий аромат пихты и мандаринов еще сильнее напоминали восторг ребенка. – Фаст-иссу поймали!

Мгновение мне потребовалось, чтобы сообразить, о ком шла речь.

- И что с того? – недоуменно спросила я. – Мы ведь выяснили, что хель не имеют к болезни никакого отношения! А мансег – это не по моей части.

- И все же я вынужден настаивать, чтобы вы остались с нами, - вмешался дракон, как бы невзначай выделяя «настаивать».

- Это похищение?

- Именно так, - пожал широкими плечами Исмир.

- Мои пациенты выздоровели! Какая польза от моего присутствия? – удивилась я, с неохотой выбираясь из уютного кокона. Ледяной воздух словно набросился стаей голодных волков. Брр!

- Вы человек, - кратко ответил дракон, оставляя догадываться обо всем, что из этого следовало.

Надо думать, требовалось выступить в качестве эксперта по своим соплеменникам... Не слишком вдохновляющая перспектива, прямо скажем!

- Именно поэтому я здесь долго не выдержу, просто замерзну! – попыталась возразить я, уже понимая, что любые аргументы бесполезны. Люди говорят «твердолобый», а хель предпочитают странное словосочетание «ледяной лоб», и, кажется, теперь мне понятна его этимология...

Раннее утро – самое холодное время суток, но для людей здесь в любое время слишком неуютно.

- Не тревожьтесь, в случае нужды я вас согрею...

От мягкого голоса дракона нахлынули воспоминания...

И именно это меня отрезвило, заставив осознать действительное положение дел. Забавно, когда Исмир намеренно со мною играл, я ощущала это именно как захватывающую игру, и не более. Ведь сейчас за его жестами и словами не чувствовалось желания, а я слишком хорошо воспринимаю чужие эмоции. Запахи не скроешь и не подделаешь, они куда правдивее слов. А вот когда за молчанием таятся чувства – это пьянит сильнее вина...

Разумеется, небольшой флирт – это как ложечка меда и щепотка специй в пресный напиток жизни. Но...

- Полагаю, нужно немедля допросить эту беглую хель, - предложил Исмир. – Пойдемте.

Слушать возражения или иные предложения он явно не собирался: шагнул к выходу, даже не глядя, следую ли я за ним. Конечно, устраивать сцену – глупо, проще изобразить полное подчинение.

- Убить ее мало! – вдруг вклинилась в разговор хозяйка дома, которая до того тихо, как карасик при виде щуки, затаилась в углу. В голосе ее прозвучали такая ненависть и свирепое торжество, что я невольно ощутила жалость к ее несчастной сопернице, которая решилась на преступление ради любви. Не выходит ничего хорошего, когда чувства затмевают голос разума, но это прискорбно часто бывает и с хель, и с людьми...

Быть может, прав доктор (запамятовала фамилию), который утверждал, что любовь – это разновидность душевной болезни? Ведь она нередко разрушает жизни, а тяга к предмету страсти очень напоминает нездоровую привязанность к наркотику. Разве не похож влюбленный на одурманенного курильщика опиума?..

Откровенно говоря, Фаст-исса вовсе не походила на влюбленную, а уж тем более, на наркоманку. Скорее на загнанного в угол вепря: налитые кровью маленькие глазки, фигура - как кряжистый дуб, узкий лоб... Не красавица, прямо

скажем, даже по хельским меркам.

- Вы можете меня убить! – отрезала она сходу, с непреклонным видом скрестив руки на груди.

Глыба льда, на которой она восседала, была вся изрезана крестиками – руной гебо - супружество, дар свыше, готовность платить по счетам...

- Неужели? – голос Исмира будто копьем вспорол воздух. – А что, если мы примемся за вашего соучастника? Он, несомненно, знал о ваших намерениях...

- Нет! – вскочив, выкрикнула хель. Вот это ее действительно проняло! – Вы не можете!

- Я – дракон, мне позволено все, - со спокойным превосходством пожал плечами он. И мне вдруг отчаянно хотелось сказать какую-нибудь гадость, лишь бы стереть эту насмешливую улыбку...

Небрежное «мне позволено все» пробрало неприятным холодком, как от брошенного за пазуху снежка.

Однако это недостойно воспитанной дамы! Сразу вспомнились уроки бабушки, которая всегда твердила, что следует сохранять одинаково спокойное расположение духа при любых обстоятельствах. Что, кстати, нисколько не мешало ей самой вертеть дедушкой по своему усмотрению – правда, с неизменной нежной улыбкой.

Определенно, среди хель я сама становлюсь грубоватой, перенимая их прямолинейные манеры!

- Прошу вас, успокойтесь! – вмешалась я, вклиниваясь между спорщиками. – Думаю, мы можем найти решение, которое бы устраивало все стороны.

- Какое же? – скептически вопросил Исмир, меряя меня недовольным взглядом. Как будто скакуна осадили на полном ходу! То и гляди станет грызть удила...

Меня в этот момент куда больше интересовала упрямая хель, которая, вероятно, знала нечто интересное. Не зря ведь события крутились вокруг их любовного треугольника!

- Вы ведь понимаете, что вас ждет изгнание? – поинтересовалась я у нее.

Хель побледнела (точнее, посинела) и с усилием кивнула. От нее повеяло таким темным, липким отчаянием – подгоревшей патокой, сапожным кремом и дегтем - что нелегко оказалось отогнать прилипчивый мрак. Дурные чувства – хуже инфлюэнцы, с поразительной легкостью заражают всех вокруг.

- Но вы можете уехать не одна... Вы меня понимаете? – я посмотрела ей прямо в глаза. – Думаю, Мать не откажет мне в просьбе... В крайнем случае, его ведь может похитить дракон, не

так ли?

Исмир закашлялся (должно быть, представив сцену «хель верхом на драконе улетает в закат»), но согласно кивнул.

Словно лесной пожар из крохотной искорки, в глазах Фаст-иссы разгоралась надежда.

- Что нужно? – выдохнула она наконец.

Дальнейшее уже было делом техники.

К несчастью, знала Фаст-исса немного. Молодой муж тайком встречался с возлюбленной в пещере неподалеку от того места, где мы с Исмиром обнаружили заколдованную статую... А для усыпления бдительности жены Фаст-исса с нею помирилась - не взаправду, напоказ... Но ничего подозрительного в окрестностях она не видела. Правда, у нее не вышло явиться на последнее свидание, возможно, Вирн-исс что-нибудь узнал, когда напрасно ее ожидал... (Надо думать, в остальное время они были всецело увлечены друг другом и ничего вокруг не замечали.)

Ничего особенно ценного в ее рассказе не было, но уговор есть уговор.

Собственно, Мать тоже спорить не стала. На радостях, что хель освободились от угрозы непонятной болезни, да еще и обрели святыню (ту статую моментально назвали таковой), она была готова на многие уступки. Тем более что никаких серьезных последствий неумелая «ворожба» Фаст-иссы не принесла.

Последней оставалось только похитить любимого с молчаливого попустительства всех, кроме его законной супруги...

Пока возлюбленные не воссоединились, требовалось еще допросить Вирн-исса, для чего нужно хоть на время обезвредить его жену, стерегущую благоверного пуще глаза. Разумеется, в присутствии своей госпожи и повелительницы он не сказал бы ни слова, а уж тем более, не сознался в любовной связи с бывшей невестой! Благовоспитанный мужчина-хель должен при посторонних молчать, опустив глаза и демонстрируя покорность и смирение...

Ах, как я иногда жалею, что людям нельзя хоть на денек перенять обычаи хель! Увидеть любимого мужа, изъявляющего мне почтение и благоговейно внимающего приказам... Хотя, должна сознаться, я уже успела соскучиться по своим домашним деспотам – все же родные и привычные...

- Я отошлю ее с вестью в соседний поселок! Не посмеет ослушаться! – предложила Мать, многозначительно потрясая ломом. Эту тяжеленную металлическую палку она таскала с легкостью, выдающей немалую силу и солидный опыт. Пожалуй, джентльменам, которые гордятся виртуозным обращением с тростью, стоило бы взять у нее пару уроков...

- Условились! – серьезно кивнул дракон.

Он определенно чувствовал себя, как дома: свободно расхаживал по комнате, брал в руки резные безделушки. Впрочем, кажется, Мать ничего не имела против...

А я молчала, погрузившись в мечты о том, как вновь окажусь в городе, у горящего очага, с чашечкой разогретого вина со специями... Хельский ледяной мир кажется воплощением свободы, но в действительности не менее жесток, чем мир людей. Просто северяне прямолинейнее, у них больше ценится физическая сила...

Скоро перед нами предстал дрожащий Вирн-исс. Он мял в руках меховую шапочку «с ушками» - знак «заженного» статуса - и бросал робкие взгляды на суровую Мать. На меня и дракона он боялся даже смотреть.

- Мы знаем, что ты тайком встречался с Фаст-иссой. – Строго проговорила Мать. - Отвечай, это так?

- Да! – запинаясь, подтвердил влюбленный бедолага, кажется, едва удерживаясь от того, чтобы пасть на колени. От него веяло таким букетом отчаяния, страсти, ужаса, что у меня на мгновение закружилась голова.

- С вами все в порядке? – участливо спросил Исмир, моментально оказавшись рядом.

- Да, благодарю вас! – намеренно холодно ответила я, отстраняясь. И добавила: - Давайте лучше послушаем Вирн-исса.

Дракон нахмурился, но исходящий от него аромат сандала остался таким же безмятежным, как поверхность озера в безветренную погоду.

Чтобы разговорить мужчину-хель, потребовалось немало усилий. Он стал рассказывать только после торжественной клятвы Матери, что его не накажут за супружескую измену и позволят ему уехать с любимой.

В целом его сбивчивое повествование повторяло слова возлюбленной. Только в последнюю ночь – ту самую, когда свидание не состоялось – он видел нечто интересное...

- Понимаете, я... в общем, я подсыпал жене особый порошок, чтобы спала крепко... И ждал мою любимую снежинку, - о, как поэтично это было сказано! - в пещере. Это недалеко от нашего хутора, но место укромное. Ну, в общем, мы там встречались. Я ждал, ждал, а она не шла... Потом прилетел воздушный шар – я уже такой видел... Из него выпрыгнули люди и стали что-то ворожить на берегу... Лепили изо льда, рисовали что-то... А потом мне стало плохо, еле домой дополз.

- Ты хорошо их разглядел? – тут же жадно поинтересовалась Мать.

Вирн-исс торопливо закивал.

- Опиши! – велела Мать, пристукнув ломом по полу – видимо, для пущей убедительности.

- Не могу… – ответил он, втягивая голову в плечи. И зачастил: - Не бейте меня! Я правда не могу!

- Почему? – не выдержала я, тут же поняв свою ошибку: бедняга едва не отпрыгнул, обдав меня гнилостным запахом.

Впрочем, вопрос тут же продублировала Мать, а игнорировать ее Вирн-исс не посмел.

- Это были люди, и все! Я приличный муж, сижу дома, как положено!

Выяснилось, что он – как благовоспитанный мужчина-хель - людей видел всего-то третий раз в жизни и совершенно их не различал. Мог лишь сказать, что их было трое и вроде бы все мужчины. Впрочем, в последнем он тоже сомневался…

Матери было достаточно того факта, что это были люди – хмурилась она весьма многозначительно, да и пахло от нее нехорошо, колко и горько – полынью с мятой. Надо думать, предстоит существенное «похолодание» между людьми и хель, и неизвестно, чем это закончится…

Теперь я уже сожалела, что вмешалась: лучше бы причина болезни осталась тайной. Разумеется, жаль несчастных супругов, однако теперь последствия могут оказаться намного страшнее…

Разве что найти виновных и доказать, что они сделали это по каким-то личным причинам и собственной инициативе (в чем я, откровенно говоря, сомневалась – воздушные шары использовались для разведки и фотографирования местности, едва ли один из них мог попасть в руки хулиганов). Но, в любом случае, видел причастных лишь Вирн-исс, а он даже не мог их описать!

- Можно, я теперь пойду? – робко спроси он.

- Да, - махнула рукой с ломом Мать (подданный инстинктивно пригнулся).

Неожиданно возразил Исмир.

- Постойте, – и уже мне: - Мирра, имеется ли у вас средство для освежения памяти?

- Разумеется, только я не понимаю…

- Вам и не следует пока понимать! – отрезал он. – Сделайте, что сможете.

Ох, как властно и холодно! Впрочем, похоже, происходящее его захватило, заставив забыть о вежливости. Драконы всегда славились своим пренебрежением к «нелепым условностям».

- Мне потребуются масла!

По приказу Матери (явно крайне заинтересованной

происходящим), Альг-исса тут же бросилась на хутор за вещами…

Среди моих пациентов имелось несколько дам, обладавших тем, что они кокетливо именовали «девичьей памятью». По правде сказать, их возрасту более подходило определение «старческий склероз», но, разумеется, нельзя огорчать почтенных женщин столь жестоким диагнозом. Для укрепления их нервов и памяти я весьма успешно применяла розмарин. Пахучие иголочки этого растения чрезвычайно полезны для улучшения мозговой деятельности.

Как тут не порадоваться тому, что я всегда вожу с собой целые батареи пузырьков с маслами. Лимон, розмарин, тимьян и мята – именно то, что нужно! Каждый из этих эфиров в подобных случаях полезен даже сам по себе, а уж в совокупности они во много раз усиливают действие друг друга.

Тут надо заметить, что смешивать масла как попало не стоит. Есть определенные правила. Если их нарушить, в лучшем случае вы получите отвратительный запах, а в худшем случае действие масел окажется далеким от ожидаемого. К примеру, некоторые вещества аннулируют друг друга или вступают в противодействие. Проще говоря, не стоит запивать селедку молоком, иначе последствия будут на вашей совести. Поэтому говорят о сочетаемости – синергии и комплементарности - эфирных масел. Комплементарность – когда эффект масел просто суммируется, а синергия - когда действие их приумножается.

Пока я размышляла, Мать отдавала приказы подданным, Исмир мерил шагами комнату, а перепуганный Вирн-исс сжался в уголке, казалось, думая только об одном: не больно ли то, что с ним собираются делать?

Наконец Альг-исса вернулась и торжественно вручила мне саквояж.

Под пристальными взглядами присутствующих я смешала масла, накапала в аромамедальон, а также нанесла разбавленную смесь на точки пульса «подопытного» (он так дрожал и боялся, что запах страха ощущался сильнее ароматов эфиров!). Пугливый кролик, честное слово!

- А теперь закройте глаза и глубоко дышите! – велела я, закончив «страшные» манипуляции.

Следующие десять минут мы молча наблюдали за Вирн-иссом, который сидел с мученическим видом и, кажется, ждал скорой смерти…

- Можно начинать! – вполголоса обратилась я к Исмиру.

Вирн-исс вздрогнул и сжался.

- Нужно выйти на улицу! – так же тихо ответил дракон.

Под конвоем Матери мужчина-хель побрел из дому, следом –

гуськом – двинулись мы с Исмиром и Альг-иссой.

Любопытно, что дракон будет делать дальше? Мы сгрудились перед входом в дом, пока он что-то выискивал вокруг. Наконец Исмир, довольно улыбнувшись, остановился перед внушительной ледяной глыбой, почему-то не задействованной хель в строительстве.

Кстати, любопытных жителей шуганула Мать.

Исмир поманил к себе меня и перепуганного Вирн-исса. Будто в задумчивости, Исмир любовался острыми гранями льда, похожего на огромный кристалл хрусталя, слегка касался поверхности...

- Вам известно, что интуицию и сны обозначают той же руной, что и воду? – голос дракона журчал, как ручеек. – Лагуз - это глубины озер и разума...

- Да, - неуверенно согласилась я, действительно что-то такое припоминая.

- Кажется, что вода переменчива, в действительности она помнит решительно все. И крепче всех хранит память лед, в силу своей косности и твердости...

Слова Исмира звучали напевно и мягко, кошачьей лапкой трогая душу, завораживая. Словно в полусне я наблюдала, как он легко, будто лаская, притрагивался к замерзшей воде.

Под его руками та послушно принимала желаемую форму, словно глина в умелых пальцах гончара... И вот уже идеально гладкая поверхность похожа на зеркало. В потемневшем льде мелькали загадочные тени, переливаясь оттенками серого, синего и зеленого.

Дракон взял за руку зачарованного Вирн-исса, коснулся пальцами «стекла», на котором, словно на фотографии, стали проступать чьи-то черты...

Я не смогла сдержать вскрика, увидев среди других лицо, намертво врезавшееся в память.

Длинные светлые волосы, перехваченные лентой, внимательные бледно-голубые глаза, прячущиеся за стеклами пенсне...

В воздухе словно разлился резкий запах цитронеллы, а к горлу моему подкатила тошнота. Фотограф Гюннар, как живой, вперил в меня отстраненный взгляд - ледяное изображение походило на прототип до мельчайшей детали, только казалось призрачно-полупрозрачным...

- Полагаю, вам он знаком? – живо обернулся ко мне Исмир, не отводя ладони от поверхности импровизированной картины.

- Да, - выдавила я с трудом, поднося руку к горлу и не отрывая взгляда от ледяной глыбы. – Это... беглый преступник.

Он пытался меня убить...

Снова накатил давний ужас, чувство беспомощности, необратимости. Будто сквозняк прожал по открытой шее, заставляя ежиться и передергивать плечами.

- Расскажите мне все, - попросил Исмир, осторожно усаживая меня на ближайшую ледяную «скамейку». Глаза его светились таким неподдельным сочувствием, что я мимо воли начала говорить...

- Он сбежал из-под ареста, и больше мне ничего неизвестно, - закончила я, комкая пальцами колкую шерсть юбки.

Погладила мягкий мех шубы, прикоснулась к обжигающему льду сиденья... Как хотелось ощутить шелковистую поверхность дерева, тепло нагретых кирпичей! Очарование ледяной страны меня уже изрядно утомило.

- Благодарю вас, Мирра, вы оказали мне неоценимую помощь! - дракон был, как всегда, изысканно вежлив.

Наверное, именно это подтолкнуло меня признаться. Как большинство женщин, я падка на похвалу.

- Инспектор Сольбранд сказал, что фотографу помогли убежать... И приказали не слишком тщательно искать, - закончила почти шепотом.

Глаза дракона сверкнули голубым льдом, а руки сжались в кулаки. Мгновение я зачарованно смотрела на него – так похожего на ледяное копье - потом он бросил на меня короткий взгляд и будто потух, вновь став воплощенным спокойствием. Мягкая улыбка коснулась его губ, жесты сделались плавными и сдержанными. Маска, привычная роль? Но ведь аромат тоже изменился!

Не стоило рассказывать Исмиру об этом. Не знаю, почему, но он весьма близко к сердцу принимал всю эту историю. Разумеется, драконы и хель всегда выступали единым фронтом, но разве одно это могло заставить его столь эмоционально реагировать на их несчастья? Жаль, в политике я всегда мало смыслила, за что, кстати, мне частенько выговаривал Ингольв.

Хотя сокрушаться поздно – после выстрела пулю не остановишь...

Только ума не приложу, какое отношение к этой истории имеет фотограф Гюннар, кто его сообщники и зачем им потребовалось изводить каких-то посторонних хель?!

Впрочем, непосредственные северяне вполне резонно считают, что всему свое время. Раз уж поселок избавился от угрозы эпидемии, следует отметить это событие – да так, чтобы богам завидно стало!

Следуя этой немудреной философии, праздновали с истинно

хельским размахом: прямо под открытым небом возвели скамейки и столы из ледяных плит, споро уставили их блюдами с кусками рыбы и мяса, а также горками яиц. Отдельно красовались графинчики с чем-то явно алкогольным. Своеобразное зрелище: среди снежной белизны и полупрозрачного льда – темно-красное мясо, украшенное сочными ягодами.

Трапезничать с людьми у хель не принято, поскольку они практикуют сыроедение. Ходят некие туманные байки о сектах их почитателей, которые также едят сырое мясо – правда, предварительно заморозив и тоненько настрогав. Якобы для здоровья куда полезнее пища в ее первозданном виде. Честно говоря, я бы пробовать не рискнула.

Альг-исса буквально потащила меня к столу, что-то тараторя на ходу.

Я покорно двинулась следом, едва за ней успевая.

Надеюсь, хель не забыли, что я человек и потчевать меня следует чем-нибудь приемлемым для нежного людского желудка!

Впрочем, не стоило недооценивать гостеприимных хозяев: стоило усесться, как на стол торжественно плюхнули тарелку с икрой, какие-то подозрительные лепешки и несколько ломтей жареного мяса.

- Угощайся! – велела Альг-исса, гордо обводя рукой это изобилие.

Хель шумно устраивались за столом. Точнее, усаживались женщины, мужчины же, скромного опустив глаза, заняли места за спинами жен.

Видимо, в знак особого расположения мне выделили место по правую руку от шаманки. Напротив меня расположился Исмир, отчего-то сардонически улыбающийся.

Я улыбнулась ему в ответ: в этой истории мы действовали на удивление слаженно и дружно, так что осталось какое-то теплое чувство.

После первого тоста все двинулось по накатанной. Малопонятные мне шутки, громкий смех, веселая застольная беседа...

Я тихо дремала над тарелкой, но разом проснулась от внезапного грохота. Хель дружно хлопали в ладоши и по столу, демонстрируя завидную координацию, несмотря на количество выпитого.

«Песня, песня!» - оглушительно раздавалось отовсюду. Похоже, дойдя «до кондиции», хель возжаждали веселья...

Впрочем, грустные напевы тоже приветствовались. Грубыми голосами затянули, пристукивая в такт кружками:

Ой, то не ветер, то не ветер,

С моря бурю нанесло,
Вражий флот развеяло,
Ой, да пургой повымело!

Первая песня сменилась печальными: «Морошка спряталась, и мох седой поник...», «Ой, мороз, мороз» и «А я люблю заженного...»

Каюсь, под конец даже я прониклась и исполнила соло: «Если б раньше я знала, что так замужем плохо, расплела бы я рыжу косоньку да сидела б я дома...»

Кажется, получилось очень проникновенно. По крайней мере, мужчины вокруг всхлипывали и тайком утирали глаза...

Глава 4. Врачебная ошибка.

День в северных широтах короток, как людская благодарность, так что добираться до почтовой станции пришлось уже в темноте.

Однако оставаться дольше во льдах было неразумно, я и так уже превысила все мыслимые и немыслимые сроки. Сомневаюсь, чтобы домашние беспокоились из-за моего долгого отсутствия, но всему есть предел!

К тому же человек не может долго обходиться без огня и горячей пищи. От щедрого предложения Исмира меня согреть – о, как изысканно и многозначительно оно было высказано! – я отказалась, столь же красноречиво и церемонно.

Теперь мы мчались назад, к цивилизации, теплу и комфорту.

К счастью, даже выпив, Альг-исса так же уверенно правила своим лихим «скакуном» (хорошо, хоть медведю не наливали!).

Она орала разухабистые частушки (почти все неприличные), а я жалела об отсутствии еще пары рук. Нелегко крепко держаться, прижимая к себе чемодан с вещами, саквояж с маслами и еще мешок подарков благодарных хель. Чего там только не было: моржовые клыки, разнообразные ягоды, пингвиний жир, и – венец всему - внушительная бутыль хельской водки. Ягоды и жир можно пустить на мыло, а что делать с остальным? Пожалуй, клыки стоит подарить садовнику Паллу, пусть забавляется вырезанием. А вот крепкой настойкой по секретному хельскому рецепту, видимо, придется угощаться самой. Хотя можно залить ягоды и настоять месяц-другой, получатся превосходные экстракты, только на редкость «пахучие». И в мыло тоже можно пустить – добавление спирта и глицерина улучшает его качество и к тому же делает прозрачным.

Распределив таким образом в мыслях свои богатства, я изо всех сил пыталась не растерять их по дороге...

Добрались мы рекордно быстро и безо всяких приключений.

Кажется, медведь опасался пьяной хозяйки, поэтому временами сам выбирал безопасный путь вопреки понуканиям Альг-иссы (она все равно ничего не замечала).

С шиком и грохотом мы, наконец, прибыли. Переждав уже привычный приступ головокружения от обилия запахов, я с трудом сползла на земную твердь. Нелегко соблюсти подобающее достоинство, разъезжая на медведе! Тем более что на этот раз Альг-исса наотрез отказалась запрягать сани, и у меня не оставалось сил с ней спорить. Впрочем, все оказалось не так уж плохо.

- Спасибо, Альг-исса! Никогда не забуду эту поездку! – с чувством заверила я, поправляя завернувшиеся юбки и перекошенную шубу. Надо думать, если бы Уннер довелось узреть меня в таком непрезентабельном виде, то ее хватил бы удар!

Подруга только глупо и счастливо улыбалась, зато какое страдальческое выражение было написано на морде медведя! Хель тут же умчалась, помахав мне на прощание (видимо, не решилась спешиваться, а может, торопясь допить недопитое...).

Потревоженные шумом, во двор выбежали, должно быть, все немногочисленные обитатели этого форпоста цивилизации. Среди них оказался мой муженек собственной персоной, разумеется, в сопровождении бравого ординарца. На породистой физиономии Ингольва читалось недоумение пополам с возмущением. Казалось, фраза: «И это – моя жена?!» была написана на его челе крупными рунами. И недовольство на языке - кисло, как ломтик лайма...

«Слава мудрому Одину, что Исмир в конце концов не стал меня провожать!» - мелькнула предательская мысль. Право, узнав, что вокруг меня увивался дракон, Ингольв устроил бы такую сцену, что даже Гарм[15] забился бы в конуру от испуга...

В противовес полковнику, Петтер выглядел совершенно невозмутимым, утесом возвышаясь в шаге от начальства. Зато пахло от него чистой, незамутненной, мандариновой радостью. И - немного – теплой корицей, такой влекущей, такой желанной в этом ледяном краю...

Я улыбнулась ему, в ответ он на миг почтительно склонил голову.

- Как это понимать? – наконец обрел дар речи Ингольв, скрещивая руки на груди. Для полноты картины «жена, встречающая мужа-выпивоху, который явился под утро» недоставало только скалки.

- Что именно, дорогой? – проворковала я. Сунув Петтеру свои вещи (о, какое у него сделалось уморительное выражение лица, когда из горловины мешка показались пресловутые моржовые

клыки!), бросилась на шею мужу и призналась почти искренне: – Я так соскучилась!

В моем родном Мидгарде подобное проявление чувств – прилюдно, не стесняясь жадных взглядов – сочли бы совершенно невозможным. «Для людей нашего круга это моветон!» - говаривала бабушка, надменно глядя на меня через лорнет. Впрочем, дедушка не обращал особого внимания на условности и частенько посмеивался над бабушкиными представлениями о респектабельности.

В Хельхейме царили более свободные нравы, к тому же в данном случае я действовала наверняка: разве можно выговаривать жене за слишком вольные манеры, отвечая на ее поцелуй?! По крайней мере, Ингольву это никогда не удавалось...

Разумеется, мы провели ночь на станции. И, право, можно было подумать, что все время в разлуке муж добросовестно хранил мне верность! А честно признаться, что устала и «болит голова» означало вызвать ссору и нелепые (хм, хотя не такие уж и нелепые...) подозрения в супружеской неверности...

Почти весь путь в Ингойю я благополучно проспала. Как отличалась эта поездка от предыдущей! Вместо ароматов кофе и выпечки салон заполонила колкая цитрусово-имбирная свежесть одеколона Ингольва. Муж сегодня лучился хорошим настроением, хотя утром все же прочел мне краткую лекцию о поддержании достоинства супруги полковника – видимо, долго репетировал, так что слова сами рвались с языка. Впрочем, выволочка вышла без должного накала, скорее для проформы.

Несмотря на утренние три чашечки кофе, я дремала, уткнувшись носом в мягкий мех воротника. За окном проносились однообразные снега, беседа не клеилась. Никаких задушевных разговоров, лишь формальные: «Слушаюсь!» и «Да, господин полковник!» Петтера. Между ординарцем и нами будто выросла прозрачная стена. Напряженная спина, сжатые на руле руки, взгляд строго вперед, на дорогу... Бравый служака, да и только!

«Кажется, мальчик всерьез на меня разобиделся», - подумала я, уже окончательно проваливаясь в сон...

И словно в темной комнате вдруг распахнулась дверь, откуда хлынул яркий свет.

Берег моря – ласкового, теплого, игриво катящего барашки волн. Они разбиваются у ног, обдавая меня брызгами, и я смеюсь, хохочу во все горло, подставляя лицо солнцу. Подол платья давно вымок, но мне это не мешает, разве что идти неудобно. Подобрать его повыше – и бежать по мелководью, вдоль кромки воды, жадно глотая соленый воздух, напоенный ароматом тысяч

цветов...

Утомилась я не скоро. Присела на нагретый солнцем валун, потерла разгоряченное лицо...

- Мама, пойдем отсюда! – вдруг раздался рядом тоненький детский голосок.

Похолодев, я стремительно обернулась, едва не свалившись со своего насеста.

- Фиалка, - прошептала неверяще.

- Да, мама, - серьезно кивнула кроха. За эти годы она ничуть не изменилась...

«Она не могла измениться – она умерла! - напомнила память. – Нет!»

И я рванулась вперед, прижимая к себе дочь, гладя шелковистые ее щечки, не замечая, как по моим щекам текут слезы. Слезы – это всего лишь капельки моря...

- Пойдем отсюда, мама! – вновь попросила Фиалка, когда я немного успокоилась.

- Зачем, маленькая? – переспросила я, прижимая дочь к себе еще крепче. Ведь там, далеко, она умерла!

- Надо идти, мамочка, - Фиалка смотрела на меня такими знакомыми синими глазами, что сердце щемило от узнавания, боли и отчаяния. – Тут нехорошее место!

- Почему нехорошее? – искренне удивилась я.

Вокруг прямо-таки пасторальный вид, как картинка из детской книжки.

Девочка попыталась вырваться из моих объятий.

- Пусти! – нетерпеливо попросила она. – Я покажу!

Высвободилась, взяла меня за руку, потянула за собой...

Шли мы не долго, минут десять, и вот за скалами открылся вид на удобную бухту, на берегах которой привольно раскинулся город. Очень знакомый город... Боги, милосердные боги! Да ведь это Ингойя! Но все вокруг этому противоречило: теплое море, ласковое солнце, - в северных широтах такого попросту не может быть! Как будто кто-то сделал аппликацию, аккуратно пришив город к совсем другому пейзажу.

- Мама, смотри! – потянула меня за рукав малышка, указывая куда-то в сторону.

Я послушно взглянула туда, присмотрелась... и похолодела. У самых деревьев громоздились драконьи скелеты: большой как бы обнимал маленький, в последний раз пытаясь защитить, сберечь, спасти. Наверное, мама до последнего не хотела оставить малыша...

В глазах защипало, я повернулась к Фиалке. Она потеребила локон у лица – рыжий, как мои собственные, - и серьезно указала

пальчиком в другую сторону. Там беспорядочной кучей были свалены кости, слишком крупные для человеческих останков. Хель.

- Что... что... – шептали непослушные губы. – Почему?

- Эта сказка не настоящая! – серьезно объяснила моя дочь. И добавила не по-детски рассудительно, явно повторяя услышанное от меня: - На чужом горе своего счастья не построишь. Запомни, мамочка!

Серьёзное личико дочки вдруг стало таять, пейзаж подернулся туманом.

- Нет! – закричала я, прижимая ее к себе. Не хочу, боги, только не снова ее потерять!

«Мирра, Мирра, проснитесь!» - откуда-то вдруг донесся смутно знакомый голос. И там, далеко, кто-то хлестал меня по щекам, говорил что-то бессвязно, умолял...

Берег подернулся дымкой, посветлел, тая, как туман под солнцем...

- Нет! Нет! – кричала я, цепляясь за Фиалку, как за спасительный обломок доски в бушующем море...

И открыла глаза.

Надо мною склонились два встревоженных мужских лица. Впрочем, в глазах Ингольва тревога перемешалась с раздражением и нетерпением.

А вот Петтер выглядел всерьез обеспокоенным. Я вдруг заметила, как он осунулся, глаза покраснели...

- Зачем вы меня разбудили? – спросила горько.

Оказалось, что я возлежала прямо в сугробе, неподалеку – автомобиль с распахнутыми дверцами.

- Простите, госпожа Мирра, - растерялся ординарец, - мы просто испугались. Вы так кричали во сне...

- Хватит болтать, поехали, нам до вечера надо добраться до города, - буркнул Ингольв, отворачиваясь. И как будто не было никакой тревоги, только запах выдавал, что мне не померещилось.

Петтер молча помог мне встать, усадил рядом с собой, на переднее сиденье, укутал потеплее. Впрочем, муж не возражал, только хмурился.

Весь остаток дороги я сидела с закрытыми глазами, тщетно пытаясь вновь заснуть. И в глубине души понимала, что это вряд ли был простой сон. Слишком детально, слишком живо. Сновидения такими не бывают!..

Я открыла глаза, только услыхав сзади резкое:

- Наконец-то! Приехали! – кажется, Ингольв не очень доволен поездкой, напротив, искренне рад, что она наконец закончилась.

Тогда зачем вообще он приехал за мной?

Только сейчас я всерьез об этом задумалась. О драконе он не знал, иначе не преминул бы устроить сцену по этому поводу. Я бы скорее предположила, что у него в тех краях были какие-то дела, но ничего подобного от него не слышала. Хотя, какая разница?

- Приехали, - эхом повторила я, устало смежив веки.

На плечи будто навалился привычный груз забот и тревог, обязательств и долга. Немножко легкомысленная я, которую Альг-исса именовала «солнышком», осталась там, позади, в вечных снегах. Вперед вновь выступила госпожа Мирра - жена полковника и аромаг.

И этот сон, слишком реальный, слишком подробный... От острого ощущения разлуки заломило в висках. Боль, притаившаяся у основания шеи, заинтересованно приподнялась, ужом скользнула вокруг головы, куснула на пробу над левой бровью...

Иногда люди намеренно делают себе больно, пытаясь заглушить душевную муку. Но от навязчивых горьких мыслей никуда не денешься, они копошатся в голове, как выводок змей.

Я потерла висок, пытаясь сделать это незаметно, и тут же заметила обеспокоенный взгляд Петтера. С трудом улыбнулась – боюсь, улыбка вышла вымученной - и преувеличенно радостно заметила:

- Наконец-то мы дома!

- Да! – неожиданно подтвердил сзади Ингольв. - К йотуну этих проклятых хель, как же у них холодно!

- Для них это нормально! – возразила я.

- Для них... – повторил он с какой-то странной интонацией.

Почему-то мне вдруг сделалось зябко...

К счастью, ехать оставалось совсем недалеко. Наконец автомобиль плавно затормозил у парадного входа и Петтер помог мне выбраться из машины. К улицам, словно вата, прилип туман, накрапывал мелкий дождь, с моря дул пронизывающий ветер... Брр, не сказала бы, что в Ингойе погода лучше, чем во владениях хель, просто здесь она мерзкая по-своему.

- Извините, у меня нет зонта, - прервал мои мысли голос мальчишки.

Я с некоторым удивлением взглянула на него. Он казался совсем замученным: покрасневшие глаза, кожа натянулась на скулах, у губ пролегли складки. И бил в нос едкий луковый запах.

- Это не ваша вина, Петтер, - сказала как можно мягче. И, уже обращаясь к мужу, добавила: - Куда подевались слуги?

Тот лишь пожал плечами. Дом казался пустым, как бутылки в доме пьяницы.

Ординарец принялся колотить в дверь, а Ингольв встал рядом со мною, грубовато обнял. Я прижалась к нему, испытывая смешанные чувства. Сколько бы ни было у него недостатков, сколько бы мы ни обижались друг на друга, все равно он – мой муж. Мой...

Быстро сгущались сумерки, ветерок пах укропом и солью, и казалось, что вокруг нет никого, лишь мы двое и Петтер чуть поодаль. Только мы были живы в этом царстве камня и тишины.

Юноша оглянулся на нас, потом еще сильнее заколотил в дверь.

И в этом молчаливом единении мы наблюдали, как заметались огоньки в окнах, вспыхнул электрический свет...

Ни слуги, ни свекор не обрадовались моему возвращению. По крайней мере, пахло от них кисло и недовольно. Сольвейг излучала обычный для нее аромат уксуса, на этот раз настоянного на пряных травах. Сигурд жался к стене, источая опаску, и тщетно пытался скрыть внушительный синяк на скуле. А господин Бранд «благоухал» горчицей, лимонным соком и чесноком – аппетитно, но не слишком приветливо.

Ни дать, ни взять, ожившая картина «Не ждали»!

- Добрый вечер! Вижу, меня рады вновь видеть дома! – боюсь, это прозвучало насмешливо. Не слишком приятно, когда на тебя реагируют, как кухарка на таракана (хорошо, хоть тапкой не грозят!).

Ингольв предостерегающе сжал мой локоть.

- Прости, - я обернулась к нему. – Я очень устала и голова болит. Позволь, я пойду к себе?

- Иди.

Показалось, или в глазах мужа тоже промелькнуло недовольство? Впрочем, мне уже было решительно все равно. Сильные ароматы дома будто сверлом ввинчивались в голову, отчего к горлу подкатывала тошнота, а змея-боль стала угрожающе раздувать капюшон.

Наверху меня уже ждала Уннер, похожая на распустившуюся розу. Щеки девушки пылали, пахло от нее тонко и сладко, но даже это нежное цветочное благоухание было для меня в этот момент невыносимо.

- Помолчи, пожалуйста! – резко оборвала я щебет горничной. – Приготовь мне ванну и принеси несессер с маслами.

- Слушаюсь, госпожа! – обиженно ответила она, приседая в реверансе.

Впрочем, в этот момент такие мелочи, как настроение слуг, меня волновали меньше всего. Словно питон, боль сдавливала меня, удушала, лишала возможности связно мыслить...

Я сидела с закрытыми глазами, морщась от каждого звука. Наконец все было готово, горничная помогла мне раздеться и приготовила халат.

- Спасибо, Уннер, - попыталась улыбнуться я. – Сегодня можешь быть свободна. Передай, пожалуйста, Ингольву, чтобы к ужину меня не ждали.

- Конечно, - все еще обиженно сказала она и почему-то торопливо выскочила из комнаты.

Любопытно, что с ней стряслось?

Впрочем, мне было не до того. Перебрав несколько пузырьков, я остановилась на иланг-иланге.

Капнуть пару капель – главное, не переборщить, иначе душная сладость будет непереносима – в чашку со сливками, перемешать хорошенько... Прежде чем добавить в ванну, эфиры нужно обязательно разводить – в соли, глине, сметане или меде, иначе можно получить ожог.

И, наконец, я опустилась в воду, блаженно прикрыв веки.

Так хорошо прятаться в теплой неге воды от усталости и боли!

Мы живем тревожно. Сутолока улиц, нервотрепки, домашние заботы... Иланг-иланг - воплощение совсем иного ритма жизни. Это блестящая от масла кожа, чистый горячий песок, лазурное море, рядом вкуснейшие плоды - только руку протяни...

Сладкий, цветочно-конфетный аромат, разлитый в воздухе. Ласковые руки, разминающие натруженные мышцы... Безмятежность и спокойствие.

После ванны я отправилась спать, и сон мой был по-детски сладок...

Как обычно, проснулась я задолго до рассвета.

Почти на ощупь спустилась вниз (видимо, все-таки переборщила с иланг-илангом, а он понижает давление), сварила чашечку кофе...

Боги, какое наслаждение сидеть одной в темноте и потягивать крепкий горьковатый напиток! Тишина словно обнимает, верным псом заглядывает в глаза...

Только выпив почти все, я пришла в себя достаточно, чтобы сообразить, что мой кофе пах как-то странно! Принюхалась и поморщилась. Фу!

Сильно разило селедкой, и этот маслянисто-солоноватый запах с пряностями и уксусом настолько резко диссонировал с ароматом кофейных зерен, что оставалось лишь удивляться, почему я не сразу его уловила.

Видимо, действительно сильно вымоталась во время этот эпопеи у хель. Хотя приятных моментов тоже было достаточно. Стоит только вспомнить Исмира...

Впрочем, вот об этом точно лучше забыть.

Баночка, до верха заполненная кофе, так же отчетливо пахла соленой сельдью. Я поднесла ее поближе к свету и вслух помянула йотунов: на этикетке красовалась рыбья голова, недвусмысленно указывая, что это спланированная диверсия, а не глупая случайность.

Разумеется, можно добавлять в кофе ломтик лимона – бабушка уверяла, что это отбивает «морской» запах, а также сдабривать напиток специями... Но ни в коем случае нельзя спустить Сольвейг нахальную выходку, иначе отдельные пакости

превратятся в травлю...

Печенье пришлось искать довольно долго, видимо, кухарка постаралась и в этом. Тщетные труды: невозможно скрыть лакомства от моего чувствительного носа, к тому же оскорбленного запахом сельди.

Добравшись наконец до коробки с медовыми коржиками, я усмехнулась. Если бы инспектору Сольбранду довелось увидеть меня в этот момент, он бы утвердился в своем мнении о моем сходстве с собакой-ищейкой.

Впрочем, маленькие печеньица с хрустящей корочкой и изумительным ароматом ванили (явно натуральной, по-видимому, выпечка была покупная) вполне компенсировали все сложности поиска. Там еще обнаружились чудесные ореховые пирожные с прослойкой безе...

Изрядно соскучившись по свежей выпечке, я легко ополовинила содержимое коробки.

Определенно, мне никогда не понять так называемых «сов», склонных спать до полудня! Предрассветная тишина, в которой слышится лишь шелест дождя за окном и сонное сопение дома. И звенящая, кристально-чистая свежесть раннего утра наполняет тело энергией, а мысли – рифмами...

Заодно я проверила бабушкино утверждение о селедке и лимоне, кстати, оказавшееся вполне правдивым. А кофе с ломтиком лимона и коньяком оказался очень неплох, особенно под ореховое печенье.

Зато какое выражение было написано на лице Сольвейг, когда она наконец спустилась! Насладившись лицезрением недовольства от неудавшейся пакости, я карамельно-сладким голосом пожелала домоправительнице доброго утра, на что она смогла только пробормотать что-то невнятное.

А наверху уже послышался трубный глас моего мужа, как всегда в такую рань, чем-то чрезвычайно недовольного.

Пришлось спешно ретироваться.

На лестнице я едва не столкнулась с Сигурдом, который сломя голову мчался вниз. Он толкнул меня и даже не извинился! Хотя пахло от него такой густо замешанной смесью анисовой обиды, лимонного недоумения, горчично-потного страха, приторно-душной вины, что невнимательность была вполне понятна. А если прибавить еще синяки на смазливой физиономии, которые он, похоже, пытался запудрить...

Все-таки интересно, кто так разукрасил проныру Сигурда? Вчера мне было не до того, но теперь любопытство когтистой кошачьей лапкой коснулось мыслей, высунуло дразнящий цитрусовый язычок. Любопытство пахнет лиметтом с перцем –

цитрусом и карамельками, со спрятанным в сладости острым жалом.

Ингольв во все корки честил нерадивую прислугу. Впрочем, к этому все давно привыкли и не обращали внимания на утренние концерты. Главное – низко склонить голову и изобразить почтение к гневливому хозяину, а еще лучше подобострастие.

Хотя сегодня он, кажется, был особенно недоволен. Видимо, мой ранний отход ко сну поломал мужу некие планы, что не добавило ему хорошего настроения…

Свекор в своей спальне сдавленно ругался, причем почему-то именно на громогласного сына, которого красочно и убедительно грозился отстегать ремнем. Не скрою, очень хотелось бы на это полюбоваться… Жаль, вряд ли доведется.

Уннер, как говорится, цвела и пахла. Ее аромат – яркий цветочный, сладкий до приторности – хотелось поскорее запить. Не горничная, а банка розового варенья!

Ах, нет, еще нотка кисло-сладких ягод смородины, спелой-спелой, лопающейся на языке. И ложечка имбирного сока с ломтиком лимона - легкое злорадство. Хм, прелюбопытная смесь.

- Рассказывай! – велела я прямо, когда Уннер принялась расчесывать мои волосы.

- О чем, госпожа? – неискренне удивилась она.

В зеркале отразилось ее порозовевшее лицо, смущенно опущенные глаза.

- Все рассказывай! Почему ты сияешь, как снег в солнечный день. Почему господин Бранд в постели, вместо того, чтобы строить прислугу… – я перечисляла, наблюдая, как на смущенном личике горничной постепенно проступает улыбка, как на проявляемом фотоснимке. – И, кстати, кто наставил синяков Сигурду?

На последнем Уннер не выдержала, звонко рассмеялась. От нее запахло сладкой и пряной зеленью эстрагона (тархуна) с мандарином - искренним весельем.

- Пожалуй, начни с Сигурда, - определилась я, улыбаясь ее незамутненной радости.

Видимо, Уннер хотела сохранить секрет, но он распирал ее, лез наружу, как забытое дрожжевое тесто из кастрюли.

- Только обещайте, что не скажете господину полковнику! – попросила она, хитро блестя глазами.

- Разумеется, не скажу! – пообещала серьезно, хоть при виде смеющейся хитруньи на губы невольно просилась улыбка.

В отношениях с мужем я руководствовалась принципом: «Меньше знаешь – крепче спишь», так что совесть меня нисколько не мучила.

- Рассказывай! – нетерпеливо велела я, изнывая от любопытства.

Уннер, совсем позабыв о своих обязанностях, опустила щетку.

- Это Петтер! – выпалила она, пытаясь говорить тише. Впрочем, с ее звонким голоском это получалось плохо.

- Что – Петтер? – не поняла я. И притворно рассердилась: - Рассказывай по порядку!

- Слушаюсь! – сделала шутливый книксен горничная и зашептала мне на ухо...

Боюсь, по мере повествования меня одолевали противоречивые чувства. Начала Уннер с описания, как ее подловил нетрезвый Сигурд. Он и раньше ее домогался, порой довольно грубо, за что в свое время получил от меня строгое предупреждение и на время присмирел. Таких кобелей лучше держать на поводке и в строгом ошейнике. Почувствовав послабление из-за моего отсутствия, он решил воспользоваться случаем...

Уннер в красках живописала, как она перестилала постели, когда Сигурд ввалился в комнату. Он стал приставать к девушке, притом весьма настойчиво и откровенно, категорически не желая принимать «нет». Перепуганная горничная закричала, но домочадцы это проигнорировали. Ингольва совершенно не волновали отношения слуг, господин Бранд попустительствовал «заигрываниям» Сигурда, а Сольвейг злорадствовала, искренне убежденная, что девушка сама виновата.

«Задом крутила, вот и доигралась!» - Уннер весьма похоже пародировала домоправительницу.

Словом, быть бы бедняжке... изрядно помятой, скажем так, если бы не вмешался «рыцарь в сияющих доспехах», то есть в данном случае ординарец Ингольва.

Петтер ворвался в комнату, бесцеремонно схватил Сигурда за шкирку и, не слушая воплей и пьяных оправданий, хорошенько приложил об стену, а потом добавил кулаком. После чего любезно поинтересовался самочувствием девушки, немного с ней поболтал, явно пытаясь успокоить, и отбыл. Разумеется, унося с собою трепетное девичье сердечко!

Теперь Уннер сияла, источая медово-розовое благоухание, и говорила об ординарце с восторженным придыханием. Хм, об этом стоило подумать. Может получиться неплохая пара...

- С тобой и Сигурдом все ясно! – констатировала я, уже прикидывая, где могут жить молодожены... Стоп, откуда этот неуместный приступ женской сентиментальности?! Неужели заразно? Брр! Поэтому я поспешила перевести разговор на другую тему. – Скажи, а с господином Брандом что стряслось?

- Откуда мне знать? – разом поскучнев (видимо, очень хотелось еще поговорить о милом), ответила вопросом на вопрос горничная.

Я приподняла брови, и она добавила нехотя:

- Голова у него раскалывается третий день. Я уж и примочки предлагала...

- Надеюсь, он ими не воспользовался? – ужаснулась я, вспоминая о сомнительных лекарствах горничной.

Та обиженно надула губы и созналась:

- Нет! Но по всему видать, совсем ему нехорошо! Даже в вашей комнате шастал, верно, лекарства искал! Я господина Бранда тут застала, так он так наорал! А я всего-то пыль хотела смахнуть...

Не слушая недовольства Уннер, я задумалась. Странно, что мог искать свекор в моей спальне? Ведь не лекарства, в самом деле! Их я держу в «Уртехюс», а в доме лишь немного косметики и эфирные масла.

Горничная продолжала щебетать и вспомнила о своих обязанностях только после окрика...

К завтраку я спустилась как обычно, когда мужчины уже успели утолить первый голод.

За столом восседали трое: господин Бранд, Ингольв и Петтер. Последнего, кстати, муж весьма ценил и часто приглашал за свой стол, чего прежний ординарец удостаивался редко.

Сейчас Ингольв что-то настойчиво втолковывал Петтеру, а тот почтительно внимал (умный мальчик, быстро сообразил, как нужно себя вести!).

При моем появлении разговор оборвался. Ординарец встал, чтобы придвинуть мне стул, и, воспользовавшись этим, я ему шепнула:

- А у вас хорошо поставлен удар!

- Спасибо, - заметно покраснев, тихо ответил он.

- О чем вы там перешептываетесь? – ревниво спросил Ингольв. Впрочем, сомневаюсь, что меня всерьез ревновал к Петтеру, просто очень не любил быть не в центре внимания.

- Ни о чем, дорогой, - прощебетала я, излучая улыбку и запах фруктово-цветочной туалетной воды, - я всего лишь спросила, успел ли юноша отдохнуть после поездки.

- А, ясно, - тут же потерял интерес к разговору муж, сосредотачиваясь на своей тарелке, где красовался поджаристый кусок мяса, обильно политый соусом. – В общем, Петтер...

Застольная беседа текла своим чередом. Солировал, разумеется, Ингольв, а мы с ординарцем изображали пристальное внимание к его речам. Только господин Бранд участия в

разговоре не принимал, всем своим видом демонстрируя справедливость слов Уннер о головной боли. Поначалу подумалось, что это попросту похмелье, но, понаблюдав за ним, я отказалась от этой мысли и даже забеспокоилась, как бы свекра не хватил апоплексический удар. Красный как рак, он страдальчески морщился от каждого громкого словесного пассажа и тер виски, но ничем странным от него не пахло, разве что немного лавровым листом. Хм, он сменил одеколон?

Хорошенько принюхаться мешали аппетитные ароматы пищи и мощный цитрусово-имбирный дух, исходящий от Ингольва.

Наконец слуги убрали посуду, и Сольвейг отправилась на кухню за чаем.

Пожалуй, это самый подходящий момент для маленькой мести.

- Дорогой, мне нужны деньги! – старательно улыбаясь, произнесла я голоском милой девочки.

Ингольв скривился и процедил:

- Сколько?

Ка же унизительно просить у мужа денег на карманные расходы! Сама я вполне успешно работаю и неплохо зарабатываю. Однако по законам Хельхейма вся собственность жены и ее доходы принадлежат мужу, если иное не было прописано в брачном контракте. Рядом с хель, у которых царит жесткая власть женщин, люди особенно тщательно охраняют свои патриархальные устои. Разумеется, выходя замуж, о таких «мелочах» я даже не подумала, за что теперь расплачивалась.

Я высылала счета клиентам, а они рассчитывались с Ингольвом, такая вот система.

Мой благоверный вовсе не был скрягой, но не показать свою власть в подобных случаях было выше его сил.

Оставалось озвучить сумму.

- Зачем тебе столько?! – начал обычную игру он.

- Видишь ли, - начала я, - Сольвейг насыпала кофе в банку из-под сельди, так что теперь его разве что выкинуть… – Тут я немного погрешила против истины, даже такие «ароматные» зерна вполне можно было использовать для настоев, только говорить об этом мужу я не собиралась. – Поэтому придется покупать новый, а ты ведь знаешь, кофе зимой сильно дорожает…

Последнее было чистой правдой - когда заканчивался сезон судоходства, пряности, чаи и прочие товары, ввозимые с материка, сильно повышались в цене. А свое право на кофе я уже давно отстояла, и муж наверняка не захочет вновь ругаться из-за такой мелочи.

- Хорошо, - буркнул Ингольв и добавил, уже своему отцу: - Не

забудь удержать его стоимость с кухарки!

Господин Бранд нахмурился, хотел что-то сказать, но его прервал какой-то возглас и грохот.

На пороге высилась Сольвейг, которая как раз несла десерт и чашки, когда услышала наш милый семейный разговор. Теперь разгневанная домоправительница стояла, уперев руки в боки, и явно пыталась подобрать слова. У ее ног валялся поднос с горой битой посуды и разливалась чайная лужа...

- И стоимость посуды тоже! – добил ее Ингольв. Пребывая в злобном настроении, он вовсе не собирался церемониться даже со мной, а тем более с какой-то кухаркой!

- Ладно, - только кивнул свекор и тут же сжал виски, как будто это движение причинило ему боль...

Когда завтрак окончился, домочадцы расползлись кто куда. Ингольв в сопровождении Петтера укатил на работу; свекор отбыл к себе, даже не пытаясь покомандовать слугами – видимо, ему в самом деле было очень плохо; Сольвейг злобно гремела кастрюлями на кухне; Сигурд ускользнул за покупками.

Остались лишь мы с Уннер, но горничной я быстро нашла работу, велев привести, наконец, в порядок мой многострадальный гардероб. Шитье она недолюбливала, поэтому оторванные пуговицы и разошедшиеся швы на моих туалетах вовсе не были редкостью...

В восторг это поручение ее не привело, к тому же дома не оказалось всего необходимого и ей пришлось под дождем плестись за покупками. Вдобавок я наказала купить кофе и свежих пирожных. Надо думать, Уннер честила меня на все корки...

В «Уртехюс» царило сонное запустение. Непуганая пыль привольно разлеглась на мебели, действуя мне на нервы. Уннер я отослала, а Сольвейг я не подпущу к своим драгоценным баночкам даже на расстояние выстрела! Козла в огород и то безопаснее. Пришлось самолично наводить хотя бы относительный порядок.

Защитные нарукавники, косынка на волосы, тряпка в руках... Разумеется, именно в этот момент опрометчиво не запертая дверь распахнулась, являя исполненный неземного очарования облик прекрасной медсестры.

При виде меня, вооруженной ветошью и метелкой, очаровательные глаза Ингрид округлились.

- Ох, прошу прощения! Я не хотела вас побеспокоить... – прощебетала она, смущенно теребя завязки ридикюля, - еще слишком рано...

На участливо-сладкий тон очень хотелось ответить

резкостью, чтобы смыть с языка приторный вкус. Добавить щепотку перца или ложечку лимонного сока...

Пришлось подавить это желание, ведь воспитанные дамы не грубят посетителям.

- Ничего страшного, - я улыбнулась, хотя, полагаю, улыбка вышла вымученной, - просто я опасаюсь позволять слугам здесь убирать...

Поймала себя на том, что почти оправдываюсь, и разозлилась.

Добавила уже совсем иным тоном, холодноватым, как колко-свежий аромат мяты:

- Слушаю вас, что вы хотели?

- Я... по личному вопросу... – пробормотала она, потупившись.

Что оставалось делать? Только предложить присаживаться, потом, стараясь держаться с достоинством, снять предательские причиндалы уборщицы. Брр, представляю, что бы высказал Ингольв, узнав, как я роняю статус жены полковника в глазах знакомых!

Я ничего не смогу поделать, если милая Ингрид отправится прямиком к моему мужу и расскажет ему все в подробностях. Потому взять себя в руки и прекратить переживать по пустякам!

- Вы не возражаете, если я зажгу аромалампу? – поинтересовалась я со всей любезностью, на которую была способна. – Хотите чего-нибудь выпить?

- Не возражаю, конечно! – живо откликнулась она. – Да, спасибо, я бы не отказалась от глотка ликера.

Кто бы сомневался? Я отвернулась, капая в чашу масла имбиря и апельсина. Бодрящая, радостная смесь, от которой теплеет на душе. Тревоги растворяются в этом остро-цитрусовом аромате, как эфиры в чистейшем спирте.

- Хотя предпочла бы чашечку кофе с коньяком, - добавила вдруг она.

Моя рука дрогнула, и из пузырька пролились лишние капли. Я с досадой закусила губу, прикидывая, насколько превысила дозу. Почему-то большинство людей полагает, что ничего страшного не случится, если использовать слишком много эфирного масла. Вредное заблуждение! В ароматерапии действует старый добрый принцип «лучше меньше, да лучше». Это касается и качества, и дозировки. Не говоря уж о том, что некоторые вещества в малых количествах и в больших действуют совершенно иначе. К примеру, фенхель. Впрочем, я отвлекалась.

Решив, что из-за пары капель апельсина ничего страшного не случится (благо, это ведь не на кожу, а лампу можно будет просто скорее погасить), я обернулась к Ингрид.

Она смотрела прямо и открыто, и от ее невесомо-нежного облика у меня вдруг кольнуло в груди. Одно дело просто знать, что Ингольв мне изменяет (в конце концов, это случается с большинством замужних дам), и совсем иное – смотреть в глаза его очередного увлечения и мучительно сравнивать с собою. Чем она – лучше?! Светлые волосы легкими волнами, глаза с поволокой, холодновато-розовое сияние кожи, чуть заостренные чеканные черты...

Альг-исса не зря называла меня «солнцем», и в противовес мне Ингрид была живым воплощением лунной прелести.

- Разумеется, - прерывая затянувшуюся паузу, произнесла я, ставя турку на спиртовку.

От Ингрид веяло сладкой ватой и ванилью, так тепло и сладко, что у мужчин, должно быть, кружилась голова. А вот то, что духи совпадали с ее собственным ароматом, подчеркивая и усиливая его притягательность, никак не могло быть простым совпадением. Либо она куда опытнее, чем притворяется, либо здесь поработал мой коллега-аромаг.

Каждый предмет и любое живое существо многогранны, в единый клубок сплетаются слова и запахи, цвета и ощущения. Только мало кто может понять эту сложную вязь, а уж тем более огранить, как драгоценный камень.

Есть о чем поразмыслить.

Заговорила я вновь, лишь поставив перед гостьей чашку кофе, изрядно сдобренного коньяком. Ингрид сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на меня как-то непонятно.

Она обхватила тонкими пальцами свою чашку, будто пытаясь согреться, опустила взгляд. Сбивчиво заговорила, то ли изображая волнение, то ли в самом деле волнуясь:

- Я пришла извиниться. Извиниться за то, что... Я не хотела...

Потом вдруг оставила в покое чашку, схватила мою руку и выпалила порывисто:

- Госпожа Мирра, поверьте мне, я просто хотела подружиться с вами! Ваш муж... это получилось само собой!

- О, разумеется... – произнесла я медленно, с понятным недоверием глядя на Ингрид.

Надо сказать, мне еще не доводилось принимать извинения в подобных случаях. Куда чаще очередная пассия моего супруга начинала меня ненавидеть, видимо, полагая недостойной такого мужчины.

- Просто я... господин полковник очень любит... разнообразие, - закончила она почти шепотом.

- Действительно! – подтвердила я.

Ситуация была настолько комичной и абсурдной, что мои

губы упорно расплывались в улыбке.

- Видимо, тут еще сказывается мое происхождение, - призналась Ингрид, пряча взгляд. Торопливо отпила глоток кофе и закончила: – Моя мама из ванов...

Я бы присвистнула, не будь это совсем уж неприлично. Обитатели Ванахейма, пожалуй, были самыми загадочными среди всех народов. Они редко покидали родной остров и почти никого к себе не пускали. Поговаривали, что Ванахейм – это Вальгалла на земле, изобилие природы и буйство красок, и в это вполне можно было поверить. Не зря ведь именно ваны сражались с асами за первенство в мирах, не зря именно они в древние времена считались божествами плодородия! Даже Фрейр и Фрейя происходят из этого народа...

- Поверьте, госпожа Мирра, я искренне хочу стать вашей подругой! – снова заговорила Ингрид. – Клянусь вам, я не буду появляться в вашем доме, чтобы...

Она не закончила, но я и так превосходно поняла.

Забавное сочетание наивности, полудетской хитрости и прямолинейности. Или все же расчетливости?

Указать на дверь? Боюсь, это ничего не изменит. Я бы не пыталась сама познакомиться с новым увлечением Ингольва, но раз уж так сложилось, лучше держать ее на виду.

Бабушка говорила: «Сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит». Ирония в том, что имя «Ингольв» дословно переводится как «королевский волк»...

Словом, мы мило поболтали. Ингрид выказывала искреннюю (или кажущуюся таковой) заинтересованность обычаями Хельхейма, его обитателями и достопримечательностями.

Только когда в дверь постучали, она опомнилась.

- Ох, простите, госпожа Мирра, я отняла у вас столько времени! – всполошилась Ингрид и грациозно, будто лебедь, вспорхнула с дивана. – Прошу вас, позвольте мне прийти снова! Вы так интересно рассказываете!

- Конечно, - согласилась я, не зная, плакать или смеяться.

- И вы не против, если я сейчас поговорю с вашей горничной? Я... Я совсем недавно в Ингойе и пока не обзавелась хорошей прислугой. А ваша горничная хорошо знает свое дело и сможет кого-то порекомендовать...

- Разумеется, - кивнула я, не видя причины отказывать.

Она держалась так откровенно и свободно, что это могло быть признаком либо поразительной наивности, либо беспримерной хитрости. И, право, я затруднялась однозначно это определить...

Мы условились еще встретиться – там, где не будет риска

столкнуться с моим благоверным. «Уртехюс» подходил для этого как нельзя лучше – Ингольв от души презирал аромагию и старался держаться от нее подальше...

Когда на пороге показалась госпожа Уна, я от души пожалела, что не повесила табличку «выходной». Несмотря на витающие в комнате ароматы имбиря и апельсина, кофе и коньяка, от новой посетительницы несло горько-кислым недовольством - словно неспелым грейпфрутом.

- Вот! – она швырнула на столик какой-то сверток, даже не соизволив поздороваться.

Я приподняла брови и скрестила руки на груди. Терпеть не могу хамства и скандалов!

- Что это значит? – промолвила холодно, чувствуя, как в гармонию «теплых» запахов вплетается льдистая нотка мяты.

Госпожа Уна, нахмурив тщательно выщипанные брови, возмущенно закричала:

- Вы дали мне плохое снадобье!

Я поморщилась, когда в уши ввинтился ее визгливый голос.

Весьма серьезное обвинение. Впрочем, клиентам свойственно время от времени выказывать недовольство, притом чаще всего совершенно необоснованное.

- Чем же оно плохо? – поинтересовалась, заставив себя опуститься на диван и принять непринужденную позу. Предложила с улыбкой: – Присаживайтесь и, будьте добры, расскажите все по порядку.

Работая с людьми, непременно приходится выслушивать претензии, а иногда и устранять недочеты. Даже аромаги ошибаются!

Госпожа Уна намеревалась устроить скандал, а не разобраться в возникшей проблеме, но стушевалась. Когда на тебя с порога кричат, довольно сложно отвечать благожелательно, зато это сбивает бузотеров с толку. Конечно, я могу нагрубить в ответ, только это не лучшим образом скажется на моей репутации.

Так что пришлось спокойно слушать...

С недавних пор ее мучили боли в груди, которые я сочла проявлением расстроенных нервов. Немудрено: вскоре после замужества госпожа Уна обнаружила, что вышла за мота и игрока, который растратил ее приданое за какие-то несколько месяцев. После того он пожелал получить развод, однако опоздал: молодая жена уже ждала ребенка. Бессовестный муж лишился возможности расторгнуть брак и жениться на другой влюбленной глупышке, за что стал отыгрываться на жене.

Бедняжке пришлось искать пристанища у родни. Вскоре родился сын, болезненный и капризный ребенок. Дражайшие

родственники каждый день ей напоминали, что кормят ее из милости. К тому времени муж, поговаривали, пристрастился к опию, так что перспектива совместной жизни пугала ее до дрожи, рождая к тому же отчаяние и озлобленность...

Я назначила ей корицу, чей сладковато-пряный аромат похож на теплое одеяло, под которым можно укрыться от невзгод...

Как выяснилось, вчера у госпожи Уны разболелась поясница. Вспомнив о чудодейственном согревающем масле, она тут же бросилась за ним. Однако не помогло, поэтому она решительно утроила дозу...

Каюсь, на этом моменте мне остро захотелось клиентку стукнуть.

- Госпожа Уна, - прервала я ее вдохновенное описание красных зудящих пятен на многострадальной пояснице, - к пузырьку с маслом прилагалась инструкция. Вы захватили ее с собой?

- Нет, а какое это...

- Так вот, там черным по белому написано: использовать не более одной капли, которую тщательно разводить в растительном масле, - я говорила негромко, но уверенно. – Вы использовали четыре капли в чистом виде. Чего же вы хотите от меня?

Она походила на кита, выброшенного волной на берег. С минуту она молча разевала рот, потом с упорством, достойным лучшего применения, повторила:

- Вы дали мне плохое снадобье!

- Госпожа Уна, - начала я вкрадчиво, - надеюсь, вы сейчас вернетесь домой, хорошенько отдохнете и одумаетесь. Да, одумаетесь! – вот теперь я слегка повысила голос. – Прежде, чем разругаться со мной в пух и прах, вспомните о тех многочисленных зельях, которые вы у меня заказывали. До сих пор они ведь не давали осечки, верно?

Я улыбнулась тепло и благожелательно, а ее бросило в пот. Кроме косметических снадобий она частенько обращалась ко мне за далеко не столь безобидными средствами против зачатия. Учитывая, что она уже давным-давно не жила с мужем, это могло изрядно скомпрометировать ее в глазах знакомых и, особенно, родичей. А оказаться на улице с ребенком на руках...

Госпожа Уна убралась восвояси, глядя на меня, словно хозяйка на вдруг взбесившегося мопса. Надо думать, она ждала, что я стану извиняться и сулить золотые горы...

Люди охотно отыгрываются на тех, кого считают безответными: самый ничтожный человечишка норовит хоть кошку пнуть! Родственники шпыняют госпожу Уну, а она выискивает, на ком бы сорвать злость.

Однако подобные сцены все равно изрядно действуют на нервы, даже если превосходно понимаешь их подоплеку. Проводив ее, я тут же полезла в шкафчик за успокаивающими мятными каплями...

Я люблю мяту.

Перечную - пронзительную, от которой перехватывает дыхание и пощипывает небо.

Лимонную - кокетливую, обманчивую, наряженную в сверкающие бергамотные ноты.

Кудрявую - нежную, по-детски чистую и почти робкую...

Я люблю мяту.

За прохладу, которой она брызжет даже в жаркий летний полдень. За умение успокаивать смятенные мысли и усмирять сердцебиение. За готовность лечь на виски прохладным компрессом и успокоить головную боль. За...

Я люблю мяту. Любопытные листики, выглядывающие поутру в саду. Невзрачные кусочки в чае. Капельки масла в темном стеклянном пузырьке...

Пошатнувшееся было душевное равновесие быстро выровнялось.

Не понимаю, как можно не замечать ароматы! Разве кто-то добровольно ослепит себя на один глаз?!

Вскоре я уже тихонько напевала, кружась по «Уртехюс». Вообще-то по моим ушам изрядно потоптались медведи, поэтому я пою только в одиночестве, когда уверена, что никто не подслушает мои экзерсисы.

Я принялась за уборку, прерванную визитом медсестры. Давно пора вытереть пыль и развесить по стенам небольшие пучки трав - в «Уртехюс» всегда должно пахнуть чем-то легким и приятным.

На столик в приемной поместить душистую икебану из веточек можжевельника, соцветий тысячелистника, душицы, ромашки. А в лаборатории пусть царят ароматы луговых трав, впитавших солнечный зной, — зверобоя, чистотела, бессмертника, полыни, чабреца, календулы...

Дробный стук у входа заставил меня вздрогнуть и выронить составленный букет.

Я торопливо сорвала с себя фартук и распахнула дверь, поежившись от порыва холодного ветра. Несмотря на редкую для столицы солнечную погоду, мороз щипал лицо. Я поправила на плечах теплую вязаную шаль и подумала, что стоит сварить горячего вина со специями – немного гвоздики, корицы, апельсиновой цедры, мускатного ореха и меда...

- Здравствуйте, госпожа! – мужчина в униформе водителя

низко поклонился. – Я служу у госпожи Бергрид. Нижайше прошу поехать со мной.

Он махнул рукой в сторону стоящего неподалеку электрического автомобиля новейшей модели. Поблескивали хромом детали, кузов сверкал от восковой полироли, фары ярко светились, - воплощение богатства.

- Что случилось? – деловито уточнила я, прикидывая, что нужно взять с собой.

- У госпожи колика, - объяснил он громко, потом огляделся и шепотом добавил: - А может, потравил кто!

Пахло от него любопытством с примесью злорадства – кисло-острым, чуть солоноватым на губах. Надо думать, хозяйку он не любил.

- Понятно! Подождите минуту.

Прикрыв дверь, я бросилась в «Уртехюс». Побросала в саквояж несколько пузырьков в дополнение к обычному набору (хвала богам, толстостенные емкости стерпят небрежное обращение) и спустя всего несколько минут была готова...

Пока автомобиль плавно катил по центральным улицам (двигаться по запруженным экипажами дорогам можно только с черепашьей скоростью), я пыталась вспомнить все, что знала о госпоже Бергрид. Мы не встречались – как раз перед моим приездом в Ингойю она покинула общество из-за какого-то скандала. Любопытно, что заставило богатую вдову так поступить?

Пока я пыталась выловить из памяти обрывки разговоров о госпоже Бергрид, автомобиль остановился у трехэтажного особняка, сложенного из красного кирпича. Водитель распахнул дверцу и услужливо помог мне выбраться. На крыльце ждала пожилая женщина, судя по богатой ткани и при этом скромному фасону платья – домоправительница.

- Здравствуйте, - она не сделала книксен, только слегка склонила голову, сохраняя невозмутимое выражение лица. А вот запах выбивался из образа: страх, отчаяние и тревога перемешаны, как ингредиенты в любимом хель коктейле из перцовки с томатным соком и солью.

Ее чувства были столь интенсивны, что пришлось задержать дыхание, переживая мгновенную потерю ориентации.

- Меня зовут Халлотта, я домоправительница госпожи Бергрид, - продолжила она. – Прошу вас, проходите, госпожа Мирра.

Пришлось подавить улыбку. Имя «скалистая» очень ей шло...

Я не могла отделаться от мысли, что она вела меня по дому кружной дорогой, показывая свои владения. В каждой комнате

имелись дорогие драпировки и шелковая обивка стен, мебель из красного дерева с золоченой отделкой, картины в дорогих рамах. Несмотря на беспокойство о госпоже, Халлотта с наслаждением демонстрировала дом, которым явно гордилась, как другие женщины гордятся красивыми детьми или искусной вышивкой. Наверное, ей нечасто выпадала возможность похвастаться, ведь хозяйка жила затворницей.

Наш путь закончился на третьем этаже. Халлотта осторожно отворила дверь и на цыпочках вошла в комнату, жестом предложив следовать за ней.

Тяжелый, душный фимиам сбивал с ног. Оглядевшись, я заметила в углу небольшую жаровню, над которой курился дымок. Драгоценные смолы бензоина и ладана, перуанский бальзам – и листья табака. Неплохое сочетание – как дорогая кожа, политая ванилью и капелькой смолы. Но от такой концентрации голова заболит и у здорового!

Комната напоминала склеп, оставляя крайне гнетущее впечатление: темные стенные панели, вишневые гобелены, плотные шторы на окнах, пышный балдахин. Даже в солнечный день ни один лучик не проникал внутрь. И картина на стене, довлеющая надо всем: женщина лет тридцати в строгом черном платье, некрасивая, но настолько властная, выдающаяся личность, что неправильные черты выглядели почти гармоничными. Казалось, вот сейчас она шагнет из резной золотой рамы и примется отчитывать слуг, бестолково толпящихся у постели. Лежащая на ней старуха казалась злой карикатурой на собственный портрет – годы и болезнь никого не красят.

У кровати стоял единственный стул, на котором очень прямо сидел мужчина в белом, держа больную за руку.

- Извольте взглянуть, госпожа Мирра, - почтительным шепотом предложила домоправительница.

Услышав ее голос, мужчина порывисто обернулся, и от него плеснуло то ли страхом, то ли отчаянием – в такой какофонии запахов не разберешь. Руку женщины он не отпустил – напротив, несколько театральным жестом прижал к своей широкой груди.

- Господин Колльв, муж госпожи, - пояснила домоправительница. Казалось, в ее горле как рыбная кость, застряла неприязнь.

Я тоже невольно почувствовала антипатию: судя по всему, он был лет на пятнадцать младше жены, к тому же обладал «роковой» внешностью. Горящие темные глаза, смоляная грива волос, гладкая смуглая кожа, безупречные черты… Нелепо даже вообразить его мужем старухи, они не смешиваются, как масло и

вода!

- Это госпожа Мирра, аромаг! – сообщила домоправительница, с вызовом глядя на хозяина.

Впрочем, он был всего лишь мужем хозяйки, а это совсем другое. Надо думать, прислуга не одобряла неравный брак госпожи, и вполне может быть, что именно он стал причиной ее исключения из общества. Люди смотрят сквозь пальцы на увлечения пожилых мужчин, однако весьма неодобрительно относятся к любовным историям женщин...

- Приятно познакомиться, - рассеянно ответила я и подошла к постели.

Колльв вздрогнул и сильнее сжал руку жены. В глаза бросилась ее худоба, пергаментная кожа и глубокие тени вокруг глаз. В себя госпожа Бергрид не приходила. Она тяжело, с присвистом, дышала, под морщинистыми веками быстро двигались глаза, как бывает, когда снится беспокойный сон, а с губ срывалось невнятное бормотание.

Принюхаться не получалось: густой запах благовоний забивал все ароматы. Как будто немытое тело щедро полили духами...

- Пожалуйста, откройте окно! – попросила я, присаживаясь на край постели.

- Но госпожа велела никогда... – начала протестовать домоправительница.

- Откройте окно! – не оборачиваясь, ровно повторила я. – Иначе я не смогу ей помочь.

Она что-то пробурчала себе под нос, но выполнила приказ, хоть и с явной неохотой.

Порыв прохладного свежего воздуха, пахнущего морской солью, разметал по комнате клубы тяжелого аромата. Словно служанка смахнула пыль с мебели, и дышать сразу стало легче.

- Будьте добры, уберите жаровню и принесите лапы сосны, пихты, можжевельника, туи, кипариса. – Продолжила командовать я, делая вид, что нисколько не сомневаюсь в послушании. - Или хотя бы блюдо с апельсинами.

От Халлотты потянуло желчным недовольством, но она молча вышла.

- Что случилось? – требовательно спросила я у Колльва, стараясь говорить без лишних эмоций. Молодые мужчины, которые женятся на богатых старухах (разумеется, ради денег) не пользуются моим уважением, однако сейчас выбирать не приходилось. Домоправительница вряд ли поможет, скорее станет смаковать подробности хозяйской семейной жизни.

- Я уже послал за доктором! – сообщил Колльв, явно также не

испытывая ко мне особого доверия.

М-да, для его неприязни было вполне достаточно того, что меня вызвала Халлотта.

- Доктора пока нет, - терпеливо напомнила я, молясь про себя, чтобы его не было как можно дольше. – Сейчас помочь вашей жене могу только я. Поэтому будьте добры сделать то, что я прошу!

- Конечно, - он смешался, поняв, что едва не отверг единственную доступную помощь. – В общем, сегодня у Бергрид День рождения. Сначала все было хорошо, а потом ей вдруг стало плохо. Рвота, бред...

Он замолчал, будто перехватило горло, с нежностью погладил ладонь жены, поправил ее волосы, разметавшиеся по подушке. Должна признать, он неплохо изображал примерного мужа (видимо, сказывался немалый опыт притворства).

- Что она ела? – Спросила я, трогая лоб больной.

Странно, температура нормальная, отчего тогда бред?

- Она велела испечь к завтраку торт – Бергрид сама его резала, а мы все его ели, потом я сварил ей горячий шоколад...

- Лично вы? – кажется, вышло резко.

- Да! – с вызовом ответил он. – Я решил порадовать Бергрид, специально нашел в журнале рецепт и приготовил.

- Значит, вы готовили его впервые? – уточнила я. Подозрение проклюнулось и потянулось к свету, как росток весной.

- Да! – Он вздернул подбородок и посмотрел на меня с неприкрытой яростью. – Вы хотите сказать, что это я виноват?

Я пожала плечами и отвернулась к больной.

- Мое мнение не так уж важно, - проговорила я рассеянно, - а вот полиция...

- Полиция?! – неожиданно громко воскликнул он. – Причем тут полиция?!

На последнем слове его голос дал петуха.

Я смерила Колльва взглядом и сухо ответила:

- Отравление – это по части полиции.

Его лицо мгновенно стало похоже на гипсовую маску.

- Отравление, - повторил он, словно не понимая смысла этого слова.

Я собиралась ответить, что пока неизвестно, идет ли речь о некачественных продуктах или о злом умысле, но нашу милую беседу прервала отворившаяся с грохотом дверь.

Мы дружно обернулись. На пороге красовалась скульптурная группа «возмущенный доктор сотоварищи».

- Немедленно уходите! – рявкнул доктор Ильин, потрясая чемоданчиком.

Похоже, он не прочь насадить меня на вертел и разжечь огонь – его поросячьи глазки полыхали лютой ненавистью. Любопытно, что он предпримет, если я не подчинюсь? Неужели вынет скальпель? Впрочем, нет – слишком много свидетелей. За его спиной виднелись медсестра, домоправительница и инспектор Сольбранд с констеблем.

- Здравствуйте, господин доктор! – с холодной вежливостью произнесла я. – Надеюсь, вы в добром здравии?

В ответ он фыркнул:

- Не дождешься, хекса[16]!

Я подняла брови от этой неприкрытой нападки. Ярость, похожая на колючий репейник, заворочалась в груди.

И раньше я нисколько не сомневалась в его отношении к моей профессии, однако столь яростного нападения не ожидала. Впрочем, даже в родном Мидгарде до сих пор косо смотрят на женщин-врачей.

- Вы забываетесь! – встав, я гордо выпрямилась, добрым словом вспомнив уроки бабушки. – Извинитесь!

Свидетели с любопытством взирали на спектакль.

Борьба взглядов длилась долгую минуту. Доктор первым отвел взгляд, видимо, опомнившись. Презираемый им аромаг - все же жена полковника.

- Доктор... – с мягкой укоризной проговорила Ингрид, тронув его за рукав, и послала мне извиняющуюся улыбку.

- Извините, - буркнул он неохотно. – Но вы должны немедля уйти!

Я хотела спорить, однако заметила, как инспектор за спиной доктора делает мне какие-то знаки, и неохотно пошла к выходу.

- Какие лекарства она принимала? – требовательно спросил Ильин, видимо, спеша перехватить инициативу.

- Только глазные капли, - с готовностью сообщила домоправительница, легко переметнувшись на его сторону.

- Найдите мне пузырек! – велел он. – Думаю, в нем все дело!

- Конечно, доктор! – она почтительно поклонилась и почти бегом кинулась к неприметной дверце, источая пушистый аромат бергамота.

- Госпожа Мирра, позвольте вас на минутку? – отвлек меня от желчных рассуждений инспектор.

- Разумеется! – я с благодарностью воспользовалась поводом покинуть поле боя.

Не устраивать же безобразный скандал, в самом деле!

Надо думать, доктор твердо вознамерился извести вредную ароматерапию и меня, как ее олицетворение.

Вызванная звонком служанка проводила нас в тихую

гостиную.

Бессильная ярость клокотала в груди. Кем себя возомнил этот доктор, что бросается такими словами?!

- Голубушка, успокойтесь, - примиряющим тоном попросил инспектор. Улыбнулся, отчего у глаз собрались лукавые морщинки. – Неужто вы до сей поры не встречали надменных дураков? Выпейте лучше вина.

- Боюсь, это не последняя наша стычка, - заметила я, успокаиваясь.

Инспектор пожал плечами и поспешил сменить тему.

- Наслышан о ваших приключениях у хель, голубушка. – Он заговорщицки понизил тон. – Как же, много наслышан!

- О чем именно? – изобразить полнейшее непонимание удалось с трудом.

- Все, голубушка! Решительно все! – он лукаво подмигнул и погрозил мне пальцем, как строгий дядюшка расшалившейся племяннице. – Вы поосторожнее с Исмиром, голубушка. Неровен час, до господина Ингольва дойдут разговоры...

Пахло от него виноградом: спелыми, нагретыми на солнце кистями, готовыми брызнуть под пальцами сладким соком.

- Вы завербовали дракона в осведомители? Поздравляю!

- Что вы, голубушка! – возразил он, все так же улыбаясь. – Он состоит в ИСА, но совсем в ином качестве...

Похоже, господину Сольбранду очень нравилось меня поддразнивать.

- В каком же?

- Детектива, голубушка, - покровительственно похлопав меня по руке, сообщил он. – Из вольных.

Надо думать, мой непроизвольный вздох доставил ему немалое удовольствие: в виноградный сок аромата будто щедро плеснули рома.

- Выходит, он леденец?! – вырвалось у меня.

Мятный петушок на палочке...

Ингойское сыскное агентство объединяло всех, кто занимался сыском. Полиция отнюдь не собиралась выпускать из рук контроль над «вольными» детективами, которые предоставляли жителям города частные услуги, поэтому все они работали по особой лицензии и подчинялись ИСА.

Однако я впервые слышала, чтобы подобным пробавлялся дракон!

Инспектор рассмеялся и снова подмигнул.

- Именно, голубушка. Именно!

Воспоминания накатили волной: я в одном полотенце под изучающим взглядом Исмира; он несет меня на руках сквозь

пургу; согревает собственным телом...

Надеюсь, эти моменты он в своем докладе опустил!

Я почувствовала озноб. Если до Ингольва дойдет хотя бы отзвук слухов... Он учинит мне грандиозный скандал. Хотя между мной и Исмиром не произошло ничего предосудительного, в глазах знакомых наши отношения могут выглядеть совсем иначе. Не зря ведь говорят, что каждый заблуждается в меру своей распущенности!

Приложив немного воображения, можно представить поездку к хель как свидание с любовником. А это даст Ингольву право пусть не на развод, но на раздельное проживание... И я больше никогда не увижу сына.

Боги, милосердные мои боги, только не это! Несмотря на горящий камин за спиной, к сердцу подбирался холод, мысли метались, а пальцы рассеянно гладили мягкий плюш обивки.

- Могу я рассчитывать на вашу скромность? – ледяным тоном поинтересовалась я, гордо подняв голову.

Таковы правила игры: независимо от истинных чувств и поступков на такие предположения следует высказать возмущение. Жена полковника вне подозрений...

С инспектора разом слетело игривое веселье, словно пушистые семена одуванчика, подхваченные ветерком.

- Голубушка, я вовсе не хотел вас смутить! – заверил он совершенно серьезно. – Вы одна из самых достойных женщин, которых я знаю. Но вам стоит поостеречься, чтобы не навлечь на себя неприятности. Простите старика за вольность.

От него пахло хлебом – искренностью.

- Благодарю вас, инспектор! – ответила я, чуть наклонив голову.

Обмен любезностями прервал стук в дверь.

Вошедшая домоправительница прямо пылала от негодования и всепобеждающей уверенности в своей правоте.

- Доктор сказал, это глазные капли! – выпалила она с порога. – Кто-то их украл и подлил госпоже!

- М-да, - протянул инспектор, потирая переносицу. – Мужу надоело ждать наследства?

Любопытно, заметил он хитринку в ее взгляде?

- Позвольте задать вам несколько вопросов? – вмешалась я.

- Конечно! – она величественно склонила покрытую чепцом голову. Как будто фрегат качнул парусами.

- Почему вы послали именно за мной? Ведь ни вы, ни ваша хозяйка никогда ко мне не обращались.

- О, - несколько растерянно протянула она. – Понимаете, моя кузина рассказывала о вас. Она служит госпоже Мундисе. Ну, про

то дело с мышьяком.

На последних словах она понизила голос чуть не до шепота.

Я развеселилась. Такими темпами мне вскоре придется получать лицензию ИСА! Вообразив реакцию благоверного, развеселилась еще больше.

- Хорошо, - кивнула я, пряча неуместное веселье. – Значит, вы полагаете, что вашу хозяйку отравили умышленно?

- Именно так! – энергично подтвердила она.

- Кто? – подавшись вперед, спросил инспектор.

- Муж, кто ж еще? – она скривилась, будто глотнула горькой полынной настойки.

- Зачем ему это нужно? – я постаралась, чтобы в голосе прозвучала умеренная заинтересованность и некоторое сомнение – такая смесь вызывает на откровение даже заядлых скептиков.

- Ради денег, конечно же! – энергично всплеснула руками она. – А для чего он еще женился на госпоже?

Тут нечего даже возразить.

- И гувернантка маленькой барышни, дочки госпожи, беременная. Уж в этом-то я не ошибусь, у меня глаз наметан! От него, тут и вопросов нет! Вот он и дал госпоже глазных капель. Пузырек оказался почти пустым, а посыльный от аптекаря только позавчера принес полнехонький!

Инспектор присвистнул.

- Весьма... прозрачный мотив! – заметил он задумчиво. – И топорное исполнение.

- Скажите, а чашку из-под шоколада уже вымыли? – вмешалась я, хмурясь.

- Нет! – покачала головой домоправительница после некоторого размышления.

- Очень топорное, - повторил инспектор.

- Позвольте мне это проверить? – попросила я, встретившись с ним взглядом.

От инспектора исходило явственное сомнение, будто горьковатый запах грейпфрута.

- Вы хотите сделать анализ остатков шоколада? – уточнил он, рассеянно крутя пуговицу. Только взгляд - острый, как осколки синего стекла - выдавал интерес и напряженную работу мысли, и еще всплеск колкого аромата лимонной травы.

- Я бы хотела еще раз осмотреть госпожу Бергрид, - я пожала плечами, - но сомневаюсь, что смогу это сделать. Так что позвольте мне поговорить с доктором Торольвом. Полагаю, он согласится оказать мне небольшую любезность и проверит состав напитка.

- Пожалуй, так и сделаем, голубушка! – решился инспектор. -

И вам бы лучше ехать домой.

- В самом деле, - согласилась я, вставая. Бросила взгляд на часы на полке и чуть не всплеснула руками. – Уже время обеда, так что мне действительно пора.

Ингольв обещал быть дома к обеду, а он не потерпит моей неявки.

- Я провожу вас, - голос домоправительницы, о чьем присутствии я уже успела забыть, заставил меня вздрогнуть. – И прикажу шоферу вас отвезти.

- Благодарю! – ответила я и принялась прощаться с инспектором.

Захватив по дороге баночку с остатками шоколада, мы молча шли по дому. Гневный взгляд Халлотты не располагал к разговорам, а ее аромат напоминал крапиву – жгучий и яростный.

- Вы с самого начала его возненавидели? – не удержавшись, уже на пороге спросила я, оборачиваясь.

- Да! – выпалила она, даже не уточняя, о ком речь. – Он обманывал госпожу, притворялся любящим мужем, а сам завел шашни за спиной хозяйки! К тому же... – она на мгновение брезгливо поджала губы. – Не знаю, что госпожа в нем нашла. Красавец писаный, конечно, но неряха редкостный! Если б она за ним не следила, как за ребенком, он бы так и ходил в грязных рубашках и мыться забывал. Противно!

Она красноречиво передернулась, а я вежливо ее поблагодарила и отправилась восвояси.

Домоправительница отнеслась к моему отъезду безразлично. Она уже не нуждалась в моей помощи: доктор и без меня пришел к выводу, о котором она мечтала...

Всю дорогу я напряженно размышляла об этой странной истории. Инспектор прав: для убийцы Колльв вел себя слишком небрежно! Но другого ответа не было. О пищевом отравлении не могло быть и речи: больная ела только торт, который пробовала вся семья, и шоколад, сваренный Колльвом собственноручно.

Оставалось лишь полагаться на врачебное искусство доктора Ильина. Пожалуй, стоит после обеда вернуться в дом госпожи Бергрид. Надо думать, инспектор не откажется от моей помощи...

Наконец шофер высадил меня возле крыльца.

Я взбежала по ступенькам и нетерпеливо заколотила в дверь, которая тут же распахнулась.

Из дома пахнуло сдобным духом. Я глубоко вдохнула и прикрыла глаза, наслаждаясь. Настоящее чудо: немного муки, молоко, яйца и щепотка дрожжей в горячей печи превращаются в хрустящие румяные буханки. Сейчас бы стакан молока и поджаристую хлебную корочку...

Я сглотнула слюну и шагнула через порог. Сольвейг, обдав меня ароматом уксуса и подгоревшей карамели, а также насмешливым взглядом, ретировалась на кухню. Дверь она оставила приоткрытой, явно рассчитывая подслушивать. Господин Бранд всегда ставил во главу угла лояльность слуг лично к нему, закрывая глаза на многие прегрешения. Как жаль, что я вышла замуж такой юной, что побоялась затевать войну за власть в доме, не умея вести хозяйство на хельхеймский манер. Теперь пожинаю последствия...

В гостиной обнаружились Ингольв и Петтер. В комнате, освещаемой лишь горящим камином и свечой на столе, царила полутьма. По стенам метались перепуганные тени, за окном уныло завывал ветер...

- Здравствуй, дорогой, - улыбнулась я, исподтишка изучая хмурое лицо мужа. – Здравствуйте, Петтер! А где господин Бранд?

Мальчишка молча поклонился, а Ингольв встал у камина, скрестив руки на груди.

- Где ты была? – резко произнес он.

- У госпожи Бергрид, - ответила я, стараясь, чтобы это прозвучало непринужденно.

- Что ты там делала? – нахмурился Ингольв.

С какой стати он учинил мне допрос?! Впрочем, спрашивать об этом я благоразумно не стала.

- Ей стало дурно, послали за мной.

Вошла Сольвейг, неся графин бренди и зачем-то хрустальную вазу. От нее несло жадным любопытством и злорадством, как гнилым луком.

- Надо было отказаться! Вечно ты суешь нос в то, что тебя не касается!

Сольвейг зачем-то водрузила пустую вазу на каминную полку и неохотно удалилась (подозреваю, чтобы подслушивать под дверью).

На этот раз сдержаться было труднее. Ингольв намеренно отчитывал меня при посторонних - чтобы унизить посильнее.

Он всегда считал, что мои поступки вызваны вульгарным любопытством, решительно не понимая, как раздражает какофония запахов вокруг. Я ощущаю диссонанс в окружающих ароматах и умею его устранять. Это похоже на настройку музыкального инструмента, когда фальшь на посторонний слух неуловима, а ты ощущаешь ее так остро и явно! И, главное, знаешь, какой колок подкрутить, чтобы устранить неправильность. И стискиваешь зубы, когда нет возможности это сделать. Почему же Ингольва это так бесило? Впрочем, ответ

известен...

- Дорогой, я ведь доктор и не могу...

- Ты не доктор! – оборвал Ингольв и продолжил, с каждым словом все громче: – Из-за своих дурацких травок ты лезешь, куда не просят! В Ингойе есть нормальный врач, а ты только мешаешься у него под ногами!

От него пахло лавром – всепобеждающей уверенностью, - и это было как пощечина. Зачем топтать мои чувства?

- Да, я не доктор, - мой голос звучал тихо и сухо. – Потому что не поступила в колледж. Сбежала, чтобы выйти за тебя...

«В чем теперь раскаиваюсь» не прозвучало, но казалось, несказанные слова звенели в воздухе. Лицо Ингольва странно передернулось, потом налилось кровью.

- Ты...

- Дорогой, - я прервала мужа милой улыбкой, уже жалея, что позволила прорваться давней обиде. Все равно теперь уже ничего не изменить. – Давай не будем об этом, хорошо? Думаю, нам пора ужинать.

Ингольв мотнул головой, будто отгоняя невидимую муху, и сжал губы.

- Нет, - рявкнул он, видимо, всерьез настроившись на скандал. – Не перебивай меня! И не смей лезть, куда не просят! То ты с полицией якшаешься, то с хель водишься. Неужели ты не понимаешь, что моя жена должна быть выше таких историй?!

Я с трудом сдержала смешок, вспомнив, что сегодня уже вспоминала о безукоризненной репутации супруги полковника. Подошла к нему – без резких движений, будто к дикому зверю – положила ладони на его скрещенные руки.

- Давай не будем ссориться, - попросила негромко, заглядывая в глаза мужа, полускрытые тяжелыми веками.

Я старалась не думать, что эта сцена происходит на глазах у мальчишки (и наверняка на ушах у домоправительницы), только заметила краем глаза, как он покраснел.

- Не увиливай! – несмотря на мою близость, Ингольв держался по-прежнему настороженно.

Поцеловать его? Однако мелькнувшая в воображении сцена «мужчина отпихивает женщину, которая к нему пристает» заставила меня отказаться от этой идеи. Надо думать, со стороны это выглядело бы забавно: Ингольв, словно котенок, который упирается всеми лапами, когда его тыкают носом в лужу. Вот только чувствовать себя той самой лужей не слишком приятно.

- Послушай, мне надоело, что ты сломя голову мчишься к хель по одному щелчку пальцев. – Непреклонно продолжил он. – И скажи своим приятельницам, йотун тебя раздери, чтобы не

присылали тебе цветов. Отец и так слег из-за тебя...

- Каких цветов? – переспросила я, уже решительно ничего не понимая.

- Вон тех! – Ингольв махнул рукой в сторону стола.

Повинуясь молчаливому приказу, ординарец осторожно взял незамеченный мною букет и протянул его мне, заставив задохнуться от неожиданности.

Ледяные розы - самые дорогие цветы в мире (во многом потому, что их выращивают только хель и драконы). В действительности они больше напоминали астры, только с шипами. Лепестки, сплетенные из невесомых снежинок, сияли прохладным льдистым цветом.

Смуглые пальцы Петтера составляли разительный контраст с белоснежными стеблями, усиливая ощущение нереальной хрупкой красоты. Эта непрочность обманчива: они сохраняют свою прелесть всю зиму, и тают, только когда богиня зимы Скади удаляется в чертоги мужа...

Кто мог прислать это чудо?! Оно ведь стоит целое состояние!

- Здесь есть карточка, - нарушил завороженную тишину Петтер, и в его темных глазах мне почудилось предостережение.

- Спасибо! – ответила я, принимая цветы.

«С благодарностью за все», - гласила записка. Лаконичная руна иса красовалась вместо подписи...

В футарке[17] две «и», и если ингуз - это Ингольв, то иса[18]...

Потупившись, я прижала цветы к груди, пытаясь скрыть дрожь в руках - вовсе не от избытка нежности, а от желания сдавить пальцами шею Исмира. Как он посмел так меня подставить?!

- Лучше бы они что-нибудь полезное в хозяйстве прислали! – вторгся в мои смятенные мысли недовольный голос мужа.

Что-то резануло меня в этой фразе. Постойте, почему он сказал «они»?!

Я подняла голову и словно напоролась на пристальный взгляд Петтера, будто на острие рапиры. Мгновение – и мальчишка отвел глаза.

Неужели он ни словом не обмолвился об Исмире?

- Ты ведь знаешь хель, они никого не слушают, - я забросила пробный камень, чувствуя, как колотится сердце.

Ингольв скривился, будто разжевал лимон, к острому хрену и щавелю – недовольству – от которого першило в носу, добавилась кисловатая горечь лимонной цедры.

- Вечно эти хель! – пробормотал он недовольно.

Я на мгновение опустила веки, пряча нахлынувшее

облегчение. Значит, у Ингольва не возникло даже подозрений – руны иса и хагалаз издавна считаются символами Хельхейма вообще и хель в частности.

Пожалуй, лучше уйти от разговора. Надо бы проведать господина Бранда, не нравятся мне его головные боли. Только Ингольву лучше об этом не говорить - он верит лишь в ортодоксальную медицину (то есть начертать руны и молиться, чтобы больной выздоровел).

- Дорогой, - улыбаясь, проворковала я. – Извини, мне нужно переодеться к обеду.

Встав на цыпочки, поцеловала мужа в щеку, и, не мешкая, направилась к выходу.

- А розы? – окликнул он.

- Пусть стоят здесь. – Не оборачиваясь, откликнулась я. – Не люблю цветы, которые не пахнут.

Ступени лестницы тихо поскрипывали под ногами, дубовые перила (роскошь по здешним меркам) были почти шелковистыми на ощупь. За многие годы запах полироли - лимонное масло и пчелиный воск - впитался в дерево, как вода в песок. Приятная кислинка, чуть подслащенная медом, дразнила нос...

Пожалуй, я люблю фактуру лишь немногим меньше ароматов. Гладкие окатыши на морском берегу, живое тепло дерева, воздушная легкость взбитых сливок, скользкая маслянистость стручков ванили, шероховатость льняного полотна, колкие сосновые иголки... Разве можно довольствоваться зрением и слухом, когда другие чувства открывают такой пир ощущений?! Только лучше не обнаруживать свое отличие от других...

По коридору второго этажа гулял сквозняк. Казалось, он негромко ругался, запинаясь о пыльные листья растений у окна, и нетерпеливо отталкивал их с пути. И запах – вкусный, дразнящий - похожий на лавровый лист.

Я нахмурилась, подозревая, что обоняние меня подводит. Кухня внизу, на первом этаже, к тому же оттуда редко тянуло специями (Сольвейг относилась к ним весьма пренебрежительно). Терпкий жарковато-перечный аромат несказанно интриговал, и, прикрыв глаза, я попыталась уловить его источник. Надо думать, инспектор Сольбранд непременно сострил бы что-то насчет рыжей лисицы на охоте.

Слепо выставив вперед руку, я шла по коридору, повинуясь властной волне запаха. Надеюсь, слуги не застанут меня за этим неподобающим занятием! Впрочем, мой авторитет в их глазах ронять уже некуда.

Я почувствовала, как рука коснулась дерева, которое

послушно поддалось толчку. Распахнула глаза и ошарашено уставилась на приоткрытую дверь в спальню свекра. Поверить, что господин Бранд пользовался эфирными маслами… Куда вероятнее, что из-за усталости и нервной встряски нюх меня подводит.

Пожалуй, свекра лучше навестить попозже, а пока стоит заглянуть в мою комнату за нужными снадобьями.

Я остановилась на пороге спальни, любуясь обстановкой. Уютное тепло деревянной обшивки, разномастные подушки и изящное покрывало на постели… Последнее почти скрылось под грудой наваленных поверх него нарядов. Надо думать, Уннер ответственно отнеслась к поручению привести мою одежду в порядок, но в данный момент куда-то отлучилась.

Подозреваю, что «куда-то» означало на первый этаж, поближе к милому ее сердцу Петтеру. Я слегка пожала плечами, недоумевая, что она нашла в этом нескладном мальчишке. Разумеется, он умен, храбр и благороден, но девицы в возрасте Уннер больше обращают внимание на смоляные кудри и жаркие взгляды! Достаточно вспомнить, как я сама потеряла голову от голубых глаз и алого мундира тогда еще лейтенанта Ингольва! Можно подумать, внешность имеет значение для совместной жизни…

Я усмехнулась, поймав себя на ворчливых интонациях. Как старуха, осуждающая легкомысленную молодежь! Годы заставляли горбить плечи, отравляли медовую сладость любви пресловутой ложкой дегтя - горьким привкусом опыта.

Прошлась по комнате, собирая пузырьки (дурная привычка бросать их где попало неискоренима!). А куда подевался базилик? Без него не обойтись - нет лучшего средства от мигреней и «тупой» боли, когда кажется, будто на затылке лежит булыжник.

Пришлось буквально перерыть всю комнату, отыскивая куда-то запропастившееся масло. Не идти же в «Уртехюс»! Я с досадой дернула за сонетку, вызывая Уннер… И тут же вспомнила, где могла оставить базилик: он ведь хорош для блеска и шелковистости волос, поэтому я часто кладу его в маски!

И точно: искомое нашлось в ванной комнате, среди разнокалиберных бутылочек.

Довольно улыбнувшись (попался, голубчик!), я потянулась за ним… и нечаянно смахнула рукавом на пол несколько банок.

Слава обманщику Локи, все обошлось: они упали на ковер, смягчивший удар. Вместо месива косметики и стеклянных осколков – всего лишь открытая бутылочка с бальзамом для волос.

Я опустилась на колени и с некоторым удивлением

обнаружила, что из нее пролилась единственная капля. Пахло маслом бея – терпко и вкусно, похоже на тонкий аромат лаврового масла...

Странно, ведь емкость должна быть полной – я неделю назад сварила новую порцию бальзама! Подняла с пола почти пустую бутылочку, принюхалась... И замерла, ошарашенная догадкой.

Очень кстати за моей спиной распахнулась дверь.

- Госпожа Мирра, вы меня звали? – встревожено спросила Уннер с порога.

- Да! – ответила я, поднимаясь, и отряхнула юбку. Судя по цветущим розами щечкам горничной, мой звонок оторвал ее от чего-то явно предосудительного. – Ты говорила, что видела господина Бранда выходящим из моей комнаты. Как он при этом выглядел?

- Как выглядел? – растерянно захлопала ресницами она.

Я кивнула, не отрывая взгляда от смутившейся Уннер, которая нервно провела ладонями по бокам, поправила волосы.

- Ну... Как обычно по утрам, в халате. Видно, только из ванной, потому что волосы и борода мокрые. – И нехотя призналась: - Еще ругался, что я окно открыла, сквозняк...

Она явно опасалась, что я стану распекать ее за пренебрежение обязанностями: проветривать положено перед рассветом, чтобы не мешать господам. Впрочем, в Хельхейме слугам все равно живется намного привольнее, чем в моем родном Мидгарде, где царит строжайшая иерархия.

Я промолчала, задумчиво крутя в руках пузырек. Гладкое прохладное стекло, казалось, ластилось к пальцам, подставляя то крутой бочок, то изгиб горлышка...

- Хорошо, можешь идти! – рассеянно велела я горничной.

Она на радостях рванула к выходу и уже почти улизнула, когда я спохватилась:

- Да, и наведи здесь порядок.

И кивнула на постель, сейчас напоминающую сундук на пиратском корабле – развалы разноцветных тканей, бус и кружев.

- Конечно, госпожа, - Уннер сделала небрежный книксен и сбежала, пока ей не придумали еще какое-нибудь занятие...

Свекор возлежал в постели с мокрым полотенцем на лбу. Компрометирующий запах лавра (точнее, масла бея – их немудрено перепутать) был столь силен, что кружилась голова.

Я решительно отдернула шторы и настежь распахнула окно. В спальню хлынули яркий свет и прохладный воздух.

- Что ты делаешь? – возмутился господин Бранд, не открывая глаз, и страдальчески поморщился. – Поди прочь!

Надо думать, он принял меня за служанку.

- Не ругайтесь, - предельно ласково попросила я. – Сейчас вам станет легче.

Ах, как он взвился! И тут же со стоном рухнул обратно на подушки.

- Уйди! – почти простонал свекор. – Дай спокойно умереть!

- Ну что вы! – подпустить в голос нежной укоризны. – Не волнуйтесь, сейчас быстро поставим вас на ноги.

- Отравить хочешь, да? – устало спросил господин Бранд, прижимая ладонь к глазам.

- Само собой! – весело подтвердила я, привычно не реагируя на колкость, и всмотрелась в пациента.

Выглядел он плохо: багровое одутловатое лицо, всклокоченная шевелюра, дрожащие руки.

- Не вздумай только здесь свои травки разводить! – проворчал он, не делая попыток подняться.

- Почему же? Ведь подобное лечится подобным! – процитировала я известный тезис (по правде говоря, весьма спорный).

Пока свекор переваривал намек, я прикрыла окно и принялась звенеть пузырьками.

Прохладная лаванда, чуть-чуть экзотической сладости иланг-иланга, мандарин...

- Ну вот, скоро вам станет легче – эта смесь снижает давление.

Он ничего не ответил, молча хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

- А бей провоцирует гипертонические кризы, - негромко, как бы сама себе, сообщила я. – Хотя его часто используют для волос в качестве средства от выпадения и для ускорения роста...

- Зачем ты мне это говоришь? - он передвинул компресс со лба на глаза (видимо, спасаясь таким образом от необходимости на меня смотреть).

- Просто так, - я пожала плечами, забыв, что он меня не видит. И добавила лукаво: - Я размышляла вслух. Пожалуй, в следующий раз стоит сделать маску для волос с мускатным шалфеем – он также хорош для снижения давления. Но не буду больше вас отвлекать. Надеюсь, скоро вам станет лучше!

Разумеется, на благодарность не стоило даже рассчитывать.

Закрыв за собой дверь, я остановилась в коридоре, в красках вообразив сцену. Господин Бранд крадется в мою ванную, чтобы позаимствовать немного бальзама для своей бороды (благо, тот в расписной баночке, по которой несложно понять назначение), потом на цыпочках возвращается к себе... И расхохоталась, зажимая рукой рот, чтобы не потревожить больного.

Уннер уныло перекладывала мои платья с таким лицом, будто злая мачеха посадила ее на всю ночь перебирать чечевицу. Притом, в отличие от сказочной героини, бала ей не видать даже в случае успешного выполнения задания.

- Помоги мне освежиться и переодеться! – велела я.

Она подскочила с видом освобожденной из заточения узницы (хотя в данном случае ненавистное шитье всего лишь откладывалось).

- Госпожа, давайте, я вам ресницы подведу... И вот эту брошь надо прикрепить на жакет... Ой, шляпку нужно почистить...

Она суетилась вокруг меня, всей душой предаваясь священному искусству наведения красоты. В этом Уннер действительно понимала толк, успешно применяя весь диапазон дамских уловок. Пока она колдовала над моими волосами, заплетая непослушные вьющиеся пряди в корону, я изучала ее сосредоточенное лицо.

От Уннер остро пахло мускусом – нотами разгоряченной кожи, дерева и пряностей. Так пахнет женщина, решившая поохотиться на мужчину.

Влюбленность красит женщину, а в сочетании с косметикой и тщательно подобранным нарядом... Держитесь, Петтер!

Я усмехнулась, чувствуя веселье с легким привкусом грусти – как чуть подкисшее молоко. Всем будет лучше, если мальчишка сменит объект своих пылких чувств, но печаль ложилась на плечи шелковым палантином...

Встряхнула головой, вызвав понятное недовольство Уннер, и попросила:

- Будь добра, подай мне саквояж с маслами.

- Конечно!

В детстве я верила, что аромагия спасет от всякой напасти, что она способна исцелить любые раны – как телесные, так и душевные. Разумеется, это не совсем так - ей подвластно многое, однако это все же не волшебная палочка, чтобы одним мановением руки искоренять застарелую боль и пришивать конечности...

Впрочем, от тоски действительно помогает. Что аромагия умеет превосходно, так это влиять на чувства.

Я капнула немного масла на пористый камешек и поднесла к носу.

Вспомнилось, как мы с братьями убегали в сосновый бор за ягодами.

Там высоченные сосны вздымаются свечками, а под ногами шелестит опавшая хвоя, и лес просматривается чуть ли не от края до края, потому что ветви - где-то там, высоко, упрямо тянут

вверх пахучие иголки.

Остро, свежо и смолянисто пахнет хвоей и сосновой живицей из сборников.

Сосны ревнивы - даже кусты здесь практически не растут, зато чернике раздолье...

Вот уже рот и пальцы перепачканы темно-фиолетовым сладким соком, а ты стоишь, запрокинув голову, и смотришь в небо, и тихо дышишь.

Колючие иголки и шершавая кора. Ровный стук сердца и аромат горящего хвороста.

Даже в горах не бывает такого пронзительно-чистого воздуха и такого ликующего солнца! Сосна - это спокойная радость....

Я пила запах, как ключевую воду в жаркий полдень, жалея только, что моему сыну незнаком благоговейный восторг, обуревающий душу при виде спокойного величия леса...

- Госпожа, просыпайтесь! – тихо сказала Уннер, легонько прикоснувшись к плечу.

- Я не сплю, - возразила я, открывая глаза. Отражение в зеркале казалось статуэткой из солнечного камня, сияющей искристо-золотым блеском. И искренне похвалила: – Ты волшебница!

- Спасибо! – она улыбнулась, с гордостью истинного мастера обозревая свое творение. Пахло от нее довольством – горьким шоколадом – с чуть горелыми и карамельными нотками.

Теперь надеть янтарную полупарюру: длинные серьги и брошь в виде тигровой лилии. Бабушкин подарок – напоминание о восемнадцатилетии... и знакомстве с будущим мужем.

Я спускалась по лестнице, чувствуя себя Фрейей, сходящей к смертным. Похоже, Ингольв и Петтер тоже сочли меня земным воплощением богини любви, по крайней мере, разом замолчали и воззрились на этакое чудо.

Довольная произведенным эффектом, я слегка улыбнулась. Сливочно-чувственное благоухание магнолии поплыло по комнате, дразня нос, словно перышком.

- Хм... Неплохо выглядишь, - откашлявшись, наградил меня несколько тяжеловесным комплиментом Ингольв.

Петтер промолчал, но взгляд отвел с заметным трудом. Каюсь, мне было приятно его молчаливое восхищение, хотя совесть, словно кобра, подняла голову и раздула капюшон, готовясь ужалить.

- Спасибо, дорогой! – прощебетала я и, встав на цыпочки, чмокнула мужа в щеку.

Небольшой сеанс ароматерапии смыл с моей души тусклый налет обиды и боли. К тому же птицы слетаются к гейзеру, а не к

леднику[19], поэтому я предпочитаю получать желаемое лаской, а не скандалом.

Ингольв дернулся, явно желая превратить целомудренный поцелуй в полноценную ласку, но сдержался.

- Как... хм, отец? – спросил он, галантно предлагая мне руку.

- Думаю, ему уже значительно лучше, - я положила ладонь на его локоть и улыбнулась. – Правда, сомневаюсь, что он спустится к обеду.

Судя по терпкому аромату имбиря – решимость и обаяние - в настоящий момент Ингольва это не слишком волновало.

- Тогда не будем ждать! – он погладил чувствительную кожу запястья, заставив меня прерывисто вздохнуть, и довольно усмехнулся...

Мы все вместе двинулись в столовую. Ингольв относился к Петтеру с грубоватой нежностью и почти каждый день приводил с собой. Он настоящий отец своим солдатам, хотя при этом слишком взыскателен к родному сыну.

Застарелая боль шевельнулась в груди. Мои дети оказались слишком болезненными для этого сурового края, к тому же способности Валериана к аромагии делали его в глазах Ингольва чудаковатым неженкой. Вспомнилось, какую сцену закатил Ингольв, обнаружив, что я потихоньку обучаю сына пользоваться даром. Именно после этого его отправили в кадетский корпус.

К тому же господин Бранд никогда не упускал случая поковыряться в ране, разглагольствуя о естественном отборе и о том, что слабакам лучше умереть, чтобы не портить кровь. Насколько мне было известно, мать Ингольва умерла от простуды, когда он был еще совсем крошкой...

Впрочем, сейчас лучше не думать о проигранных битвах и давних потерях, а внимать забавной истории, которую в лицах рассказывал Ингольв. Он по-детски любит быть в центре внимания, поэтому с годами я научилась имитировать живейший интерес.

Едва мы уселись за стол, как на пороге, вытирая руки о передник, появилась как всегда недовольная Сольвейг.

- К вам дракон Исмир. Звать?

Ингольв и Петтер синхронно поморщились, а я уронила вилку, упавшую на тарелку с похоронным звоном. Только этого не хватало!

За объявленным драконом в столовую гуськом вошли инспектор Сольбранд и господин Бранд. Так сказать, первое, второе и десерт: Исмир - ледяной и освежающий, словно окрошка; инспектор - облаченный в шубу цвета хорошо прожаренного бифштекса; ну а свекор цветом лица напоминал малиновый мусс.

Господин Бранд был мрачнее обычного, зато держался тихо – мышкой шмыгнул на свое место и углубился в изучение солянки.

Ингольв встретил гостей весьма любезно, скорее даже подчеркнуто сердечно.

- Пообедаете с нами? – самым дружеским тоном предложил он, когда закончились взаимные приветствия.

- Боюсь, это невозможно. У нас не найдется эстрагона, - негромко вмешалась я, кладя ладонь на руку мужа.

Злость из-за недавней выходки заставляла меня держаться с Исмиром весьма нелюбезно. Разумеется, цветы превосходны (домоправительница торжественно водрузила их в центре стола, что явно не ускользнуло от внимания дарителя). Но стоило Ингольву лишь заподозрить, кто в действительности был их отправителем, мне не поздоровилось бы!

- Зачем нам этот... эстрагон? – на породистом лице Ингольва было написано искреннее недоумение.

- Легенда гласит, что драконы питаются этим растением, которое также носит название «драконьи язычки» или тархун! – менторским тоном пояснила я.

Признаюсь, мне было немного стыдно за свою выходку, но следовало обозначить неприязнь к дракону (и тем самым пресечь любые подозрения), а сходу изобрести более вежливый способ я не сумела.

Господин Сольбранд с неприкрытым любопытством наблюдал за мной, склонив голову набок.

Исмир хмыкнул и безмятежно сообщил:

- Я согласен довольствоваться бифштексом. Если вы не возражаете против моего общества.

Муж метнул на меня гневный взгляд. Пришлось идти на попятный.

- Что вы, я буду несказанно рада! – надеюсь, ирония прозвучала не слишком откровенно.

Дракон усмехнулся, однако отказываться не стал.

Не доверяя мне развлекать гостей, Ингольв тут же занял их сугубо мужским разговором. Только свекор больше отмалчивался, хотя выглядел уже значительно лучше.

Я сидела, как на иголках, уныло ковыряя вилкой в тарелке и молясь всем богам, чтобы гости поскорее ушли.

Петтер попытался было завязать со мной вежливую беседу, однако односложные ответы быстро отбили у него охоту говорить о погоде.

Разговор перешел с охоты на перспективы чемпионата по катанию на санках (это хельхеймский национальный вид спорта). Жаль, меня нисколько не интересовал спор о преимуществах разных видов полозьев и приемах управления.

Я усмехнулась про себя, вспоминая, как взрослые мужчины наперегонки мчатся с горки – весьма занимательное зрелище! Они ведь до самой старости остаются сущими детьми.

- ... Самайн! – вывел меня из размышлений голос Ингольва.

- Что? – встрепенулась я. Кажется, вышло чересчур громко: мужчины дружно обернулись, обдав меня горько-пряной смесью недовольства, удивления и насмешки.

- Завтра Самайн! – объяснил Петтер.

Ингольв метнул на него такой взгляд, будто намеревался тут же разжаловать его в рядовые, а я судорожно сжала нож.

Мысли метались, как лошади в охваченной огнем конюшне. Боги, милосердные мои боги, как я могла забыть?! Ведь всего два года прошло...

Разумеется, за приключениями последних дней мне было не до календаря, но все же такая забывчивость непростительна!

- Мы приглашены к мэру. – В голосе мужа звучал вызов, а пахло от него маслом чайного дерева – пряности и бензин – уверенностью.

«Дама должна держаться с достоинством и не обнаруживать своих чувств на людях!» - твердила мне бабушка, и я всегда старалась следовать ее урокам.

- Извини, дорогой, - памятуя о гостях, я попыталась улыбнуться и принялась сочинять на ходу: - Завтра мне нужно заменить сырье в некоторых инфузах и...

- Ты пойдешь, и хватит об этом!

Голубые глаза Ингольва сверкали, он с силой сжимал в кулаке столовый нож.

Неприлично выяснять отношения в присутствии посторонних, однако в тот момент меня это уже не волновало. Хотелось вцепиться ногтями в лицо мужа, закричать, устроить безобразную сцену...

- Нет! – резко произнесла я, откладывая приборы, и встала. – Об это не может быть и речи!

От ярости на скулах мужа заиграли желваки.

- Это не обсуждается! – не выпуская нож, Ингольв стукнул кулаком по столу, отчего посуда противно задребезжала. - И хватит выделываться! Сколько можно это мусолить?

- Выделываться... – повторила я медленно, и, должно быть, сильно побледнела. Неужели ему действительно на все наплевать?! Неужели после стольких прожитых вместе лет мужу совершенно безразличны мои чувства?

Ингольв, стиснув тонкие губы, гневно смотрел на меня, источая острый аромат черного перца. Очевидно, что умолять было бессмысленно.

Пытаясь немного успокоиться, я обвела взглядом комнату. Сознание выхватывало отдельные детали: хмурая морщинка между бровей и добела стиснутые пальцы Петтера; голубые льдинки глаз Ингольва; лицо свекра, у которого будто болели зубы; жадное любопытство подглядывающей в щелку Сольвейг; по-птичьи склоненная к плечу голова инспектора Сольбранда...

- Я не пойду! – удалось выдавить сквозь стиснутые зубы. И гостям, силясь соблюсти хоть какие-то приличия: – Извините, мне нехорошо...

Развернуться и, словно сомнамбула, ничего не видя от подступающих слез, направиться к выходу.

Пальцы мужа вцепились в мое запястье, рванули назад.

- Пойдешь. Даже если мне придется волочь тебя за волосы! – в глазах Ингольва плескалась злость, лицо налилось нездоровой краснотой. И резкий лимонный запах цитронеллы, от которого к горлу подступал комок.

- Посмотрим! – гордо поднять подбородок, сощурить глаза...

Судя по всему, Ингольву отчаянно хотелось меня ударить (это право мужа, так что свидетели его не остановят), а я не собиралась уступать.

Поединок взглядов прервал обманчиво мягкий голос Исмира:

- Простите, полковник, у меня к вам просьба.

- Что? – непонимающе спросил тот, с трудом выныривая из омута гнева.

- Вы не могли бы отпустить сегодня госпожу Мирру со мной? Нам требуется помощь в одном деликатном расследовании.

Ингольв скривился, побагровел еще сильнее, разрываясь

между желанием отказать и пониманием последствий.

Хельхейм принадлежит ледяным драконам и хель, а людям позволили здесь жить из милости. Договор между тремя расами дает нам автономию во многих вопросах, но все же предполагает подчиненное положение людей. Особенно осмотрительными приходится быть должностным лицам, для которых подозрение в нелояльности к исконным обитателям этой земли может обернуться крахом карьеры. Разумеется, это случается редко, но все же предпочтительно не спорить с драконами по пустякам.

Разумеется, Исмир не преминул воспользоваться своим преимуществом.

Его поддержал инспектор Сольбранд:

- Видите ли, при обыске в доме госпожи Бергрид обнаружили вот это...

Он извлек из кармана пузырек темного стекла с надписью «атропин» и засушенный букетик, перевязанный сплетенными белой и черной лентами.

Поневоле заинтересовавшись, я подошла, кончиком пальца коснулась хрупких стеблей, вдохнула аромат, отдаленно напоминающий розу.

- Красная рута! – задумчиво проговорила я.

- Что? – инспектор бросил на меня острый взгляд.

- Красная рута! – нетерпеливо повторила я. – Ее используют для приворотов.

- Это противозаконно? – посуровев, поинтересовался инспектор.

- Нет! – покачала головой я. Хотела добавить, что это всего лишь народное поверье, не имеющее реальной силы, но промолчала.

- Так вы позволите госпоже Мирре ехать? – снова повторил свой вопрос Исмир.

- Ладно, - буркнул Ингольв, и только стиснутые кулаки и аромат цитронеллы выдавали его ярость. Он походил на пса, у которого подло отобрали превосходную мозговую косточку. – Только при условии, что с вами отправится мой ординарец.

- Несомненно, мы будем рады помощи сержанта! – с легкой иронией заверил Исмир, склонив светловолосую голову.

Ингольв стиснул зубы, потом через силу улыбнулся.

Замужним дамам позволительно гулять, общаться с мужчинами и даже выходить в свет в одиночестве, поэтому требование Ингольва казалось проявлением болезненной ревности. Надо думать, муж приставил ко мне Петтера не в роли дуэньи, а в качестве соглядатая, но со стороны это наверняка смотрелось иначе.

- Вы поедете сейчас? – голос Ингольва звучал, как воронье карканье.

- Если вы не возражаете, то да. – Кивнул Исмир.

Меня мутило, отчаянно хотелось глотнуть свежего воздуха, выбраться на волю из душного плена злости и обиды.

- Пойдемте скорее! – борясь с собой, тихо попросила я.

Не дожидаясь ответа, шагнула к двери и обнаружила, что перед глазами все плывет.

Исмир молча взял меня под руку, за второй локоть меня поддержал Петтер, а следом семенил инспектор.

- Мы с тобой еще поговорим, Мирра! – с угрозой бросил в спину Ингольв.

Как же он любит, чтобы последнее слово оставалось за ним!

Я промолчала, только на мгновение зажмурилась…

На улице накрапывал дождь, иллюстрируя справедливость поговорок об изменчивости столичной погоды.

Пахнущие свежим огурцом капли падали на мое поднятое к небу лицо, милосердно скрывая злые слезы. Почему, даже превосходно зная характер Ингольва, я все равно не могу спокойно относиться к его выходкам? Наверное, просто муж так же прекрасно знает, куда больнее ударить…

Я чувствовала себя безвольной куклой. Меня усадили в автомобиль, инспектор утешающе похлопал по плечу, а Петтер силком вложил в мою руку небольшую фляжку

- Выпейте! – велел он.

Я бездумно глотнула и закашлялась, обнаружив, что пью коньяк (впрочем, дальше пошло лучше).

Петтер тронул машину с места, и мы поехали в полном молчании.

Постепенно успокаиваясь, я смотрела в окно. Дождь прибивал к земле боль и обиду, будто пыль. Смотреть, как капли наперегонки бегут по стеклам, рисуют затейливые мокрые дорожки, и чувствовать, как мной постепенно овладевает оцепенение. Меланхолия, словно бездонная яма, жадно поглощала остатки душевных сил.

Немедленно встряхнуться! Нет лучшего лекарства от тоски, чем здоровая злость.

- Господин Исмир, я не поблагодарила вас за цветы… - Заговорила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

- Не стоит благодарности! – ответил он, источая запах малины – сочных ягод на колючих ветках.

- Разумеется, не стоит! – сухо подтвердила я. – Вы поставили меня в крайне неловкое положение.

Аромат малины исчез мгновенно, словно морозные узоры со

стекла, на которое плеснули кипятком. Теперь от Исмира тянуло холодком мяты.

- Чем же? – в тон мне поинтересовался Исмир. Жаль, лица не разглядеть – он устроился на переднем сиденье, рядом с Петтером.

Каюсь, мне не следовало затевать этот спор, тем более в присутствии свидетелей. Впрочем, те делали вид, будто их происходящее нисколько не касалось: Петтер молча вел машину, а сидящий рядом со мной инспектор Сольбранд демонстративно смотрел в окно, что-то насвистывая себе под нос.

- Вы полагаете, Ингольву нравится, когда мне присылают букеты посторонние мужчины?

Инспектор хмыкнул, спохватился и вновь вернулся к увлекательному виду мокрого города.

- Он так ревнив или так не любит драконов? – неожиданно миролюбиво поинтересовался Исмир.

- И то, и другое! – не подумав, быстро ответила я и осеклась. Не стоило сообщать о неприязни Ингольва к правящим расам. Как бы то ни было, следует проявлять лояльность к мужу.

- Так вот оно что... – проговорил Исмир медленно. – Он из-за этого...

- Да! – ответила я, хотя вопрос так и не прозвучал.

Автомобиль неожиданно резко дернулся, заставив меня прикусить язык и схватиться за поручень на дверце.

Кому, как не мне, знать мстительный характер мужа? Несомненно, устроенная за обедом моральная порка – расплата за букет, полученный якобы от хель. Впрочем, тут еще сыграли роль и мое вмешательство в дела полиции, и дружба с северными народами... Так что не стоит во всем обвинять дракона. Его необдуманный поступок послужил поводом, а не причиной взрыва Ингольва.

Я с силой зажмурилась, заставляя себя успокоиться, и остро жалея, что оставила дома саквояж с маслами. Определенно, в последнее время я слишком остро на все реагирую! А ведь в нашем доме можно выжить, только обладая железными нервами.

С завтрашнего дня начну принимать что-нибудь успокоительное. Пожалуй, ромашка, нард и мирра – именно то, что требуется для избавления от уныния.

- Простите меня, господин Исмир! – не открывая глаз, произнесла тихо. – Вы не виноваты.

- Это вы простите меня! – голос дракона был мягок, как свежевыпавший снег. – Я не знал, что ваш супруг столь ревнив... и злопамятен.

Ох, я ведь совсем забыла! В кармане жакета должен быть

пузырек со сбором, который я приберегаю для чрезмерно впечатлительных клиентов. Сейчас он будет весьма кстати.

Искомое нашлось быстро, только ведь лекарство нужно чем-то запить...

- Петтер, пожалуйста, дайте мне фляжку!

Он без возражений (золото, а не юноша!) протянул мне требуемое.

- И еще, не могли бы вы заехать в кондитерскую? - немного поколебавшись, попросила я.

Петтер кивнул и тут же развернул машину.

Теперь отвинтить крышечку, щедро плеснуть лекарства (настойка пустырника, валериана, зверобой и мята) и разбавить коньяком. Задержать дыхание – уж слишком специфическое амбре у этой смеси – и выпить залпом.

Надо думать, меня сочли начинающей алкоголичкой, зато уже через несколько минут пружина внутри стала разжиматься.

Минуты текли спокойно и тихо, даря желанную передышку.

Наконец автомобиль остановился, и Петтер, обернувшись, осторожно коснулся моего плеча.

- Госпожа Мирра, просыпайтесь!

Я улыбнулась, не открывая глаз. От мальчишки исходило теплое благоухание ванили и крепкая горечь кофе – такие желанные в этом царстве льда, безразличных людей и химических ароматов. Всего лишь небольшая слабость - на несколько мгновений позволить себе наслаждаться чистыми, по-юношески сильными чувствами. Словно пьешь горячее вино со специями и медом – маленькими глотками, упиваясь каждой пряно-сладкой каплей.

- Спасибо, Петтер! – я с трудом подняла тяжелые веки.

Сама не знаю, благодарила ли я за мелкую услугу или за тихую нежность...

Подняла руку, поправляя выбившуюся из-под шляпки непослушную рыжую прядь... и увидела, как застыл устремленный на меня взгляд Петтера.

Рукав соскользнул, открывая уже обозначившиеся на нежной коже синяки. Впопыхах я забыла надеть перчатки, и теперь уродливые пятна были видны во всей красе.

- Господин полковник не должен так поступать! – тихо, но яростно вырвалось у мальчишки.

Ветивер зазвучал глухим басом – землистый и чуточку дымный. Очень мужской аромат - воплощение спокойной уверенности и готовности защищать.

- Он в своем праве, - так же негромко ответила я, машинально потирая запястье.

Острый стыд крапивой ужалил душу, взбаламутив ровную гладь чувств. Муж так безобразно обращался со мной, тем более при посторонних... А я вынуждена терпеть и подыскивать оправдания его поведению. Впрочем, жалость и презрение в глазах знакомых куда хуже самих побоев. Общество склонно винить во всем женщину - спровоцировала, не сумела утихомирить, заслужила...

Собственно, а что я могу поделать? Разве что по-детски подсыпать слабительного в суп, но это мелко и недостойно.

От чувства собственного бессилия во рту сделалось горько, от обманного лекарственного спокойствия не осталось и следа.

Я сама распахнула дверцу и выбралась наружу...

Визит в кондитерскую, как обычно, оказал на меня самое благотворное действие.

Печеные яблоки с корицей, рассыпчатые слойки с солоноватыми нитями сыра, невзрачные кружочки овсяного печенья и воздушные облака безе с орехами - разве все это изобилие может кого-нибудь оставить равнодушным?! А пропитанные вишневым коньяком бисквиты, прослоенные кисло-сладким густым вареньем? А покрытые шоколадным кремом пирожные, украшенные взбитыми сливками?

В автомобиль я вернулась, сияя улыбкой и осторожно прижимая к груди объемистый сверток.

Как бы ни была сурова жизнь, всегда можно отыскать мелкие приятности – как изюм в сдобной булке...

Дом госпожи Бергрид сиял огнями, как в канун Йоль, когда все люди зажигают свечи и верят, что вместе с пламенем к небесам вознесутся их надежды и чаяния.

Автомобиль, мигнув фарами, притормозил у крыльца.

- Петтер, пожалуйста, подождите в машине! - попросила я, опираясь на его руку, чтобы выбраться из салона. Колкая шерсть неприятно уколола пальцы, ветер бросил в лицо горсть дождевых капель, заставив поежиться. – Я скоро вернусь.

- Слушаюсь, - отозвался он, беря под козырек.

Исмир почему-то хмыкнул, но на мой вопросительный взгляд ответил улыбкой, сладкой, как апельсиновое варенье.

Молоденькая горничная, которая открыла нам дверь, испуганно округлила глаза.

- Голубушка, доктор Ильин уже уехал? – с порога поинтересовался инспектор, уверенно проходя мимо нее.

- Нет, доктор у госпожи, - она сделала книксен и стрельнула глазками на невозмутимого Исмира.

И, надо сказать, дракон действительно поневоле приковывал взгляд. В бледно-голубом одеянии он походил на кусок льда,

искрящийся собственным светом. Только кремовый аромат сандала выбивался из этого сверкающего великолепия, ласковой волной обнимая высокую фигуру Исмира.

Почувствовав, как деликатного благоухания сандала закружилась голова, я поспешила включиться в разговор – схватилась за реальность, как утопающий за соломинку.

- Тогда мне пока не стоит там показываться, - заключила я. – Боюсь, доктор мне не обрадуется.

- Конечно, голубушка, - согласился инспектор, разматывая шарф. Как многие пожилые люди, инспектор всегда мерз и зависел от капризов погоды. – Мы пойдем к твоей госпоже, а ты проводи госпожу Мирру в гостиную и подай ей чаю!

- Кофе, - вмешалась я, пытаясь снять шляпку. Проклятые булавки никак не желали выпутываться из массы волос.

Дернув шпильку чуть сильнее, я прикусила губу от нешуточной боли и рассердилась на саму себя.

Чьи-то ловкие пальцы сзади коснулись головы и за несколько мгновений избавили меня от шляпки – и от шпилек вообще. Освобожденные от них волосы волной упали на спину.

Мне не требовалось оборачиваться, чтобы узнать неожиданного помощника - в безмятежный аромат сандала щедро плеснули мандаринового сока и приправили ложечкой гречишного меда.

Рука Исмира будто ненароком скользнула по непослушной массе волос, нежно поправила локон на шее...

Где-то рядом – и бесконечно далеко – прерывисто вздохнула служанка, и это меня резко отрезвило.

- Благодарю, господин Исмир! – ледяным тоном произнесла я, отстраняясь.

Надо думать, в глазах моих он прочитал не сказанное: «Не смейте больше так делать!».

И таким дразнящим жестом заправил за ухо собственную светло-пепельную прядь, что захотелось дать нахалу пощечину... Или коснуться таких мягких на вид волос...

От этого желания меня отвлек аромат фенхеля – сладковатый, анисовый с нотками камфары.

С облегчением ухватившись за этот предлог, я резко обернулась, будто разрывая натянутую между мной и Исмиром звенящую серебряную нить.

- Рискни хоть словом намекнуть! – отрезала я, вперив строгий взгляд в горничную.

Она ахнула и прикрыла ладошкой розовый ротик.

- Но я никогда, никогда... – пролепетала она, в притворном смущении потупив глаза.

Вот только фенхель – это аромат речи, творчества и общения. Нетрудно догадаться, что именно собиралась рассказать горничная.

Раздражение накрыло душу колючей проволокой. Зачем Исмир так играет со мною, да еще и прилюдно, давая повод для пересудов?

Спокойно. Вдохнуть, выдохнуть… С драконом я после разберусь, а теперь следует пресечь слухи.

Я непреклонно поджала губы и процедила:

- Вот и не думай! Иначе… – и многозначительно замолчала, предоставляя ей самой придумать наказание на свое усмотрение.

Надо думать, она обладала живым воображением – судорожно вздохнув, почтительно склонила голову и сделала книксен.

- Да, госпожа, - теперь прозвучало с куда более искренней почтительностью. – Прошу, следуйте за мной!

Мужчины в разговор с прислугой не вмешивались, хотя могли лишь догадываться, почему я так на нее ополчилась.

Инспектор одобрительно хмыкнул, когда она легкокрылой ласточкой полетела к двери.

Я послала ему извиняющуюся улыбку (не люблю ругаться, но со слугами иначе нельзя) и последовала за ней…

В коридоре витали запахи чего-то горелого и сбежавшего молока, которые так навязчиво лезли в нос, что я скривилась, остро жалея, что нельзя отключать обоняние по желанию.

Излишняя чувствительность – побочный эффект моих способностей.

Наука уверяет, что человеческий нос распознает запахи на расстоянии около четырех метров. Нюх аромага и того тоньше. А жить в постоянной дисгармонии ароматов… приятного мало. За все приходится платить.

Именно потому я росла в закрытом поместье. Бабушка не понаслышке знала, каково жить с такими способностями в городе, где запахи и ощущения девятой волной обрушиваются на неподготовленное детское сознание.

Теперь, вырастив сына, я лучше понимала своих родителей, которые предпочли оставить меня бабушке. Они попросту не были готовы всецело посвятить себя ребенку с задатками аромага. Вот только детская тоска и обида еще долго отравляли душу.

Помню, как летом часто выбегала на опушку леса, откуда было прекрасно видно дорогу из города, и встречала дилижанс, проходящий по этой дороге каждый день. Помню, как обнимала шершавый ствол сосны и до рези в глазах всматривалась вдаль. Как из зажмуренных глаз катились слезы, и как колкий аромат

хвои словно гладил мое зареванное лицо...

Когда-то я поклялась себе, что никогда не оставлю своих детей, что они не узнают, что значит долгие месяцы быть оторванными от самых родных людей...

А Ингольв, будто в насмешку, заставил меня нарушить это обещание, отослав Валериана.

Впрочем, он ведь не знал...

Горничная, пролепетав, что сию минуту подаст заказанный кофе, выскочила из комнаты столь стремительно, что рисовать в воздухе перевернутую руну ансуз – молчание – пришлось в последний момент.

Помнится, дедушка, не чуждый искусству эрилей[20], учил меня таким образом избегать ненужных разговоров. А бабушка всегда возражала, что единственный действительно надежный способ в этом случае – немедленно увольнять болтливую прислугу...

Не в силах сидеть без движения, сохраняя подобающе безмятежное выражение лица, я вскочила и принялась мерить шагами гостиную, краем уха прислушиваясь к звукам в коридоре. Впрочем, на слух не стоило особенно полагаться, а вот горьковатый аромат кофе слышно издалека.

Я коснулась бархатной обивки дивана, гладкой атласной подушечки, погладила обшитую деревянными панелями стену – в Ингойе это считалось роскошью. Покрытая светлым лаком поверхность казалась теплой и сияющей, как нагретый телом янтарь.

Поневоле вспомнился поистине царский подарок Ингольва – моя спальня, полностью отделанная драгоценной древесиной. Ни тогда, ни сейчас он не объяснил, отчего вдруг проявил такую щедрость. Ингольв склонен дарить вещи, которые можно с гордостью демонстрировать знакомым. А тогда безо всяких объяснений преподнес то, чего мне действительно хотелось. И сердился, когда я пыталась благодарить. Надо думать, сам стыдился своей неожиданной слабости...

Боги, милосердные мои боги! Как много мы с Ингольвом пережили вместе, сколько ошибок – глупых и непоправимых – наделали...

Обиды, как щелок, разъедают любовь...

Я опустилась на диван и прикрыла глаза, листая воспоминания, как старую книгу. Вот тут на полях нарисована смешная рожица, тут завернут уголок – на память, потому что эту страницу тянет почаще перечитывать, а тут следы жирных пальцев...

Последние главы написаны зелеными чернилами – того

неприятного оттенка, что отчетливо пахнет желчью. Столько обид и боли, непонимания и унижения, что поневоле задумаешься, под силу ли дальше нести этот тяжкий груз. Или сбежать, куда глаза глядят – налегке, радуясь хотя бы тому, что удалось унести ноги. Вот только слишком много придется оставить позади.

Я ко многому здесь прикипела сердцем, и никак не могу бросить на произвол норн[21] единственного сына и могилу дочери, «Уртехюс», Уннер и хель.

Несмотря ни на что, мне есть чем дорожить. И что бояться потерять...

Я настолько глубоко погрузилась в омут воспоминаний, что от скрипа двери сильно вздрогнула и заморгала, словно просыпаясь.

Расправить плечи (и когда я успела их сгорбить?!), поднять подбородок, торопливо мазнуть по губам вежливой улыбкой... И наткнуться на яростный взгляд, полный гнева и угрюмого отчаяния.

Колльв выглядел помятым и будто заледеневшим, только глаза сверкали на мертвенно-бледном лице. Черные волосы стянуты в косу, но вокруг лица топорщились выбившиеся из прически пряди, а ворот рубашки – дорогой, из вышитого серебром белого шелка – небрежно расстегнут и измят.

И пахло от него так, что я поморщилась, досадуя. Духами он полился щедро – наверняка полфлакона извел. Душистый табак и пряный кардамон, смолисто-сладкий ладан и будто чуть плесневелое землистое пачули, ладан и мускус. Редкостные, очень стойкие и крепкие благовония, сквозь которые пробивался запах пота...

В такой сумятице «верхних» - наносных – ароматов невозможно толком различить тонкое благоухание чувств. Надо думать, это неспроста.

- Вы просили кофе, - произнес он, будто с натугой выдавливая из себя слова. – И я подумал, что вы не откажетесь от десерта.

Как щит, выставил вперед поднос, на котором красовались чашечки, блюдца и кофейник из дорогого фарфора. И сокровища, которые для меня куда дороже старинной посуды: творожно-манная запеканка со сметаной и свежей малиной; рассыпчатый яблочный пирог, пахнущий сливочным маслом; маковый штоллен, щедро посыпанный сахарной пудрой...

Прямо слюнки текут! Возможно, я была несправедлива к милому господину Колльву? Человек, готовый порадовать ближнего своего чем-нибудь вкусным, не может быть злодеем!

Я усмехнулась: оказывается, мою симпатию так легко купить!

Впрочем, моя неприязнь к этому красавцу тоже обоснована не

лучше. Женщины испокон веков продают себя в обмен на богатство и положение в обществе. Почему же мужчина не вправе поступить так же?

Пожалуй, стоит внимательнее присмотреться к господину Колльву. Хотя его неожиданное дружелюбие, несомненно, притворно – от начала до конца.

Добавить в улыбку сладости, заинтересованно склонить голову к плечу и протянуть руку:

- Благодарю вас, господин Колльв! Это именно то, что нужно!

Смуглое лицо озарилось ослепительной улыбкой.

Удержать одной рукой тяжеленный поднос, а другой деликатно сжать дамские пальчики – нелегкая задача, но он справился с ней с небрежным изяществом.

- Рад, что угадал ваши желания! – и поднес мою кисть к губам.

Машинально опустил взгляд и ошеломленно замер.

- Простите! – неловко произнес он, извиняясь неведомо за что. А горящие угли глаз разом остыли, даже словно подернулись пеплом.

На миг даже показалось, что в его взгляде мелькнула... жалость?

Я чуть не выругалась вслух: очарованная видом выпечки и сбитая с толку многообразием ароматов, я упустила из виду синяки на моих запястьях. Стоило поднять руку – и соскользнувший рукав позволил господину Колльву их разглядеть.

Боги, милосердные мои боги, как нестерпимо быть объектом чужой жалости! Она разит рыбьим жиром и чем-то кислым, оставляет во рту мерзкий прогорклый вкус...

Неловкость словно повисла в воздухе натянутой леской: невидимая прочная нить, заставляющая спотыкаться на каждом слове и жесте.

Мужчина преувеличенно старательно расставлял на столе посуду, а я лихорадочно искала повод для вежливой беседы. Банальное: «Сегодня слишком сыро, вы не находите?», не слишком подходило к ситуации.

А господин Колль будто танцевал у стола: шажок, наклон, поворот...

- Вы очень грациозны, – мягко заметила я.

Мужчины обожают комплименты. «Вы самый лучший, умный, сильный, красивый!» (нужное подчеркнуть) способно очаровать почти любое мужское сердце. Ума не приложу, почему принято считать, что это женщины любят ушами!

Но, думается, с похвалой господину Колльву я промахнулась.

Его широкие плечи будто одеревенели.

Он медленно повернулся, и, глядя куда-то мимо меня, выплюнул:

- Благодарю!

Даже сквозь душную пелену благовоний пробился острый и до слез едкий запах гнева.

- Господин Колльв, - вздохнув, кротко произнесла я. – Не знаю, почему вас так обидело мое замечание, но уверяю, я не имела умысла вас задеть.

Он, не поворачиваясь, передернул плечами и отрезал:

- Не важно! – помедлил и спросил почти шепотом: – Вы думаете, это я отравил Бергрид?

Будто маленький мальчик допытывался у родителей, точно ли они прогнали Бяку из-под кровати…

У меня не хватило духу ответить утвердительно.

- Вероятно, это несчастный случай, - начала я нести успокоительную чушь. – Возможно, горничная ошиблась с дозировкой лекарства или ребенок перепутал местами пузырьки…

Он обернулся стремительно, точно охотящийся за бумажкой котенок.

- Хельга ни в чем не виновата!

Оставалось лишь вздохнуть. Кажется, Хельгой звали дочь госпожи Бергрид.

- Господин Колльв, почему вы каждое мое слово принимаете в штыки? В конце концов, я не инспектор полиции, и от меня мало что зависит.

Его глаза полыхнули, как настоящие угли.

- Не держите меня за дурака! Вы ими вертите, как рома[22] – юбками.

Простонародный выговор – неожиданный и неприятный, как камушек в каше.

Видимо, мужчина прочитал удивление на моем лице - и словно захлопнулись створки раковины. Я с досадой прикусила щеку.

- Послушайте, я ведь хочу просто разобраться, – произнесла я мягко, – и помочь вашей жене!

– Нет! - будто выплюнул он, резко отворачиваясь, отчего коса, перевитая белой лентой и черной тесьмой, хлопнула по лопаткам. - Вы все думаете, что мне нужны от Бергрид только деньги! Что я ее отравил ради наследства. Слуги шепчутся, полиция ходит за мной по пятам… Да подавитесь вы этими деньгами! Слышите? Подавитесь!

Я невольно отшатнулась, пораженная его вспышкой.

- Господин Колльв, я…

Слушать он не стал. Отвернулся и бросил устало:

– Извините, я должен идти к жене.

И, хлопнув дверью, вышел, оставив после себя тягучий запах благовоний.

Я, пожав плечами, принялась за кофе (благо, хельский сервиз, изукрашенный снежинками на темно-синем фоне, превосходно сохранял тепло). Наложила на тарелку сластей и блаженно замерла, вдыхая ароматы малины, яблок, сливочного масла, мака и творога. Колупнула вилкой румяный бочок штруделя, поднесла к губам чашку... и вздрогнула так, что кофе плеснул на вышитую скатерть.

Ведь я уже видела такие же ленты, как у господина Колльва! Засушенный букетик руты, оплетённый двумя полосками ткани...

Я нахмурилась, пытаясь вспомнить, что символизировали эти ленты. Как я теперь жалела, что плохо слушала уроки! Впрочем, едва ли бабушка всерьез останавливалась на таких сомнительных средствах, как привороты с помощью руты. Скорее, мельком упоминала.

Мысли словно мерно капали, как драгоценное масло из пузырька.

- О чем задумались? – голос инспектора заставил меня вздрогнуть – и «пролить» размышления. А ведь я даже не заметила, как он вошел в комнату!

- Помните руту? – выпалила я, не успев подумать.

- Да, - инспектор наклонил набок голову, потом пододвинул к себе стул и уселся на него задом наперед. Оперся на спинку руками и посмотрел на меня. – Рассказывайте, голубушка!

Пахло от него крыжовником – кисло-сладкими ягодами, до сочной мякоти которых можно добраться, только преодолев сопротивление острых шипов и плотной кожицы – любопытством.

- Помните, я сказала, что рута используется для приворотов? – быстро уточнила я, чувствуя, как в крови бурлит азарт.

- Конечно, голубушка.

Светлые глаза инспектора казались зеркалами, отражающими небо – южное, голубое, а не северную низкую хмарь.

Я вскочила, стремительно прошлась по комнате, слегка касаясь предметов обстановки. Мягкий бархат и гладкое дерево, холодные камни и вышитый шелк подушечек всегда меня успокаивали. Стоило сосредоточиться на ощущениях и запахах, как волнение отступало. Заставила себя остановиться, оперлась на подоконник и повернулась к инспектору.

- Как вы думаете, инспектор, кто из них пытался приворожить другого? – поинтересовалась я.

- Хм, - инспектор склонил голову к плечу, задумчиво

ущипнул себя за мочку уха. – Пожалуй, она его.

- Почему вы так считаете? – уточнила я. Выходит, господин Сольбранд давно понял то, к чему я пришла только теперь.

- Да просто ведь все, голубушка! – инспектор пожал плечами и объяснил: - Он ведь добился, чего хотел. Почему убить надумал - понятно, но привораживать... Зачем?

- Вы правы, незачем, - согласилась я, потирая лоб. Действительно, логичнее, когда стареющая женщина пытается удержать любовь мужа. И почему я сначала подумала иначе?! – Вся эта история – нагромождение нелепостей!

- Что вы имеете в виду, голубушка? – инспектор заинтересованно подался вперед, не отводя от меня острого и холодного, будто сосулька, взгляда. – Вы уж не обессудьте, но доктор сказал, хозяйку отравили глазными каплями. И вправду, бутылка почти пустая, хотя аптекарь только позавчера прислал новую порцию. А подлить жене атропина Колльву ничего не стоило – он ведь сам варил какао.

- Но это ведь нелепо! – не сдержалась я, вскакивая, и снова принялась ходить из угла в угол. – Более непродуманного и дурацкого убийства невозможно придумать! Что ему стоило просто долить воды в бутылочку, чтобы не заметили недостачи лекарства? И вообще, добавлять яд в напиток, который он лично готовил – глупость несусветная!

- М-да, - проворчал инспектор. – В чем то вы правы, голубушка... Но мало ли дураков на свете? Может, он особо не задумывался – налил яду и надеялся, авось и так сойдет. Всякое бывает.

- Бывает, - согласилась я. – Однако господин Колльв не показался мне слабоумным. Я вполне допускаю, что он мог задумать убийство надоевшей жены, но не настолько же явно!

- Хм, - только и ответил инспектор, наблюдая за моими метаниями. – Вы уж извините, голубушка, только я должен его арестовать. Улики слишком явные, понимаете?

- Вот именно – слишком! – я присела, расправила юбку и призналась тихо: - Знаете, я начала подозревать, что кто-то намеренно отравил госпожу Бергрид, чтобы свалить вину на ее мужа. Согласитесь, его в этом доме очень не любят! К тому же симптомы совсем не похожи на отравление атропином. Не знаю, с какой стати доктор Ильин его вообще приплел. Видимо, в пику мне!

- Голубушка, - инспектор Сольбранд взял меня за руку и сказал проникновенно: - Вы ведь тоже можете ошибаться! Поймите, доктор сказал наверняка, что дело в глазных каплях. Взять их могла сама госпожа Бергрид, ее муж и горничная, все

остальные в личные покои хозяйки так просто не зайдут. Понимаете?

- Понимаю, - согласилась я со вздохом. – Только все равно не сходится.

Он только пожал плечами. Пахло от него прохладной мятой – спокойствием. Если он и замечал неувязки в деле, то списывал их на странности человеческой натуры. Надо признать, у меня самой не было ничего, кроме смутного ощущения неправильности – словно диссонирующей ноты в духах. В таких случаях приходится долго подбирать компонент, который усмирил бы вот эту острую выступающую ноту и при этом не противоречил основному аромату...

- Голубушка, ехали бы вы домой, - посоветовал инспектор заботливо. Действительно заботливо – теплое золотисто-розовое благоухание ванили окутывало его покрывалом.

Я усмехнулась. Подразумевалось «и не злили мужа».

- Я так и не проверила, есть ли яд в какао, - произнесла я задумчиво. – Надеюсь, вы позволите мне это сделать?

Полиция, разумеется, проведет анализ напитка, вот только наверняка это поручат все тому же доктору Ильину. А что ему стоит солгать, что нашел в какао яд?

- Конечно, - инспектор пожал плечами. – Только не увлекайтесь, голубушка! В конце концов, вы же не леденец.

- Это точно, - согласилась я с улыбкой, на мгновение вообразив себя в виде сладкой конфеты. Пожалуй, я была бы кофейной карамелью, сладкой и тягучей, в сердцевине которой спрятала пряная горечь кардамона и черного перца. – Инспектор, пожалуйста, повремените немного с задержанием. Дайте мне всего час-два, прошу вас!

Он смотрел на меня, прищурив внимательные ярко-голубые глаза, словно взвешивал все «за» и «против».

- Хорошо, голубушка, - наконец сдался он. – Только вы уж постарайтесь побыстрее управиться, ладненько? Начальство-то меня по голове не погладит, если узнает, что я пошел у вас на поводу!

Я кивнула, соглашаясь. Посторонняя, к тому же женщина, которая мешается под ногами и суется в вопросы, которые ее вообще не касаются, - куда это годится? Лишь моя несомненная полезность до сих пор сдерживала праведный гнев полицейского начальства. Признаюсь, в этом немалая заслуга инспектора Сольбранда, который умел представить дело так, будто без меня изрядное количество дел вообще осталось бы не раскрыто.

- Постараюсь! – пообещала я, поднимаясь. – Надеюсь, у вас не будет из-за меня неприятностей?

- Ну что вы, голубушка! – укоризненно покачал он головой и усмехнулся, отчего у совсем молодых ярких глаз собралась сеточка морщин. – Идите уже, а мы с господином Исмиром пока кое-кого допросим.

Он заговорщицки мне подмигнул и я, улыбнувшись в ответ, поспешила уйти. Слуги провожали меня заинтересованными взглядами и навязчивым кунжутным ароматом – так пахнут «жареные» факты. Особый интерес вызывали мои распущенные волосы. Надо думать, сплетен обо мне после этого изрядно добавится...

- Петтер, будьте добры, отвезите меня к доктору Торольву, - попросила я, когда он помог мне усесться в автомобиль.

- Как прикажете, - согласился он и принялся будить своего железного зверя. Зверь недовольно поворчал, но, повинуясь рукам хозяина, медленно двинулся с места.

А ведь в последнее время Петтер проводит со мной не меньше времени, чем с Ингольвом! И уж точно не по своей инициативе... Хм, весьма любопытно. Что за этим стоит: уверенность мужа, что за мной нужно внимательно следить, или желание что-то провернуть тайком от собственного ординарца? Впрочем, глупости – что такого может делать Ингольв, чтобы опасаться посторонних глаз?

Я встряхнула головой, пытаясь избавиться от глупых мыслей (интересно, куда при этом деваются мысли - сыплются из ушей?) и тут же, выругавшись про себя, принялась поправлять волосы. Мои рыжие кудри, вырвавшись на свободу, всегда крайне неохотно возвращаются в оковы прически.

Мальчишка, пахнущий кофе и железом, посматривал на меня с любопытством, да так засмотрелся, что едва не въехал в столб. Я вскрикнула, однако водитель успел резко крутануть руль и увернуться от уже распахнутых объятий смерти.

- Петтер! – воскликнула я, схватившись за сердце. – Не знаю, о чем вы так задумались, но очень прошу больше так не делать!

- Как скажете, - согласился он, кажется, нисколько не испуганный. – Да вы не волнуйтесь, я давно этот столб видел.

- Да? – протянула я с сомнением. Сладковато-древесный терпкий аромат можжевельника подтверждал безмятежное спокойствие мальчишки. – Почему же сразу не отреагировали?

- Отвлекся, - честно признал он и, улыбнувшись краешком губ, пояснил: - Вспомнил одно прекрасное стихотворение.

- Стихотворение?! – повторила я и расхохоталась от души. – Петтер, вы невозможны!

- Ну, правда ведь! – он чуть нахмурил темные брови и нажал на клаксон, заставив подпрыгнуть какого-то зазевавшегося на

перекрестке пешехода.

- И какие же строки вас настолько увлекли? – опрометчиво поинтересовалась я.

Он бросил на меня короткий взгляд и начал тихо:

- Наполни чашу до краев - я душу потопить готов, и колдовского зелья влей - забыть о женщинах скорей![23] – и, помолчав, закончил уже совсем иным тоном: - Но вам ведь это неинтересно.

От него потянуло острым запахом перца, отчего у меня немедленно зачесался нос. Я украдкой потерла свой главный рабочий орган и уставилась в окно, скрывая смущение. Эти строки любила бабушка, и я прекрасно помнила продолжение.

- Я когда-то тоже писала стихи, - сама не знаю зачем, призналась я, проводя пальцем по запотевшему стеклу. Задумчиво посмотрела на получившуюся руну иса – лед, бездействие, промедление. Один вид этого знака вызывал озноб. - Мой дед в юности был довольно известным эрилем, - объяснила я, перечеркивая ису косой чертой, и почувствовала, как заныло сердце. Наутиз - нужда, потребность – вот что у меня вышло. – Я унаследовала его способности.

И вспомнила, что говорил дед: каждая руна чему-то учит. Урок наутиз – понять, что нужно именно тебе, и либо добиваться желаемого, либо смириться с тем, что имеешь. Горькая пилюля, но по-настоящему целебная. Осталось решить, смириться ли со своей судьбой или очертя голову ринуться в бушующие воды неизвестности...

Должно быть, моя улыбка вышла печальной. Глупо мечтать о чем-то несбыточном, а еще глупее беситься из-за того, чего не можешь изменить. Кажется, последние слова я невольно произнесла вслух: мальчишка прикусил губу, но не сдержался.

- Если не мечтать о чудесах, они никогда не произойдут! – выпалил он, вздернув упрямый подбородок, и лихо остановился у дома доктора Торольва.

- Они и так не произойдут, - я пожала плечами и делано безразлично отвернулась. – Лучше не ждать и не надеяться. Обманываться бывает невыразимо больно...

А на губах – соленая горечь эвкалипта. Или слез?

Петтер несмело коснулся моего плеча, разорвав цепь полынно-горьких воспоминаний. Прозрачный голубовато-фиолетовый аромат ладана – веры - словно подсвечивал его лицо.

Я на мгновение опустила веки, пряча сожаление. Как мне временами недоставало той юной убежденности! Жизненный опыт стер эту наивную веру, как горничная стирает пыль. Взмах, другой, и осколки надежд бесполезными пылинками разлетаются

вокруг...

Хватит уже тосковать о несбывшемся.

- Разве можно жить, не надеясь ни на что? – голос Петтера был тих.

- Можно! И прошу вас, Петтер, - мой голос звучал холодно и звонко, будто сталь на морозе, - не нужно душеспасительных бесед!

В его темных глазах, как в океане, забурлили волны чувств: гнев, обида, разочарование.

- Как прикажете, госпожа Мирра! – ломкий юношеский басок, поначалу деланно-безразличный, на моем имени дал петуха. Петтер выскочил из авто и распахнул дверцу с моей стороны. Он старательно отводил взгляд. И запах – обжигающая горечь розмарина, напоминающая звон рвущихся гитарных струн.

Пожалуй, я пересолила. Примирительно улыбнулась, глядя на прямого, как меч, юношу в чуть великоватой для него шинели. Интендант заменил обмундирование Петтера, но оно все равно было далеко от идеала.

- Не обижайтесь, Петтер, но так будет лучше. – И мягко попросила: - Подождите меня здесь, думаю, я быстро управлюсь.

- Слушаюсь! – сухо отозвался Петтер.

Я поморщилась – сущий мальчишка! – и направилась к дому...

У доктора Торольва меня встретили в буквальном смысле с распростертыми объятиями.

- Госпожа Мирра, как же я рад вас видеть! Да-да, рад, очень рад! – воскликнул доктор, разводя руки, словно надумал обнять меня по-родственному. И пахло от него соответственно: брызжущим радостью апельсином и щекотной горечью корицы. Как будто нить янтаря всех оттенков, от ярко-оранжевого до почти каштанового.

- Я тоже очень рада! – заверила я искренне. – Простите, доктор, я пришла по делу и у меня совсем мало времени.

- Да я уж не сомневался, что не просто так вы старика навестить решили, да-да, не сомневался! – ворчливо заметил он, качая яйцеобразной лысой головой. – Да вы присаживайтесь, присаживайтесь! И рассказывайте, что у вас стряслось.

- Благодарю! - Я поставила на стол перед доктором Торольвом склянку с остатками какао. Он поднял на меня вопросительный взгляд, и я пояснила: - Мне нужно выяснить, имеется ли в этом напитке атропин.

- Атропин?! – удивился он. Осторожно открыл пробку и со всеми подобающими предосторожностями понюхал жидкость. До меня доносился насыщенный аромат специй: корица, мускатный

орех, гвоздика... – Хм, какао? Да-да, какао! Но откуда в нем взяться атропину?

- Именно это меня интересует, - несколько покривила душой я.– Но для начала нужно подтвердить официально, есть ли он там вообще.

- А, вот оно что, вот оно что! – покивал доктор. Потом, внимательно прищурившись, посмотрел на меня и поинтересовался хитро: - А доктор Ильин что же, не мог проверить? Зачем вы пришли к старику, да-да, к старику?

- Доктор Ильин... – произнесла я, чувствуя, как само это имя горчит на языке, словно ивовая кора. Подумала и призналась честно: - Видите ли, он меня не одобряет. К тому же доктора Ильина я совсем не знаю, а в вашем профессионализме уверена. Простите, если потревожила!

Доктор расцвел:

- Ну что вы, что вы! Я всегда рад. Да-да, всегда рад! Подождите немножко, буквально пол часика, да-да, всего пол часика. А я пока все выясню!

И, суетливо собрав баночку, очки и еще какие-то мелочи, он буквально бросился в соседнюю комнату (где, как мне было известно, находилась лаборатория).

Расторопный слуга принес журналы, полный кофейник и хрустящее миндальное печенье. Аппетита у меня не было, как желания рассматривать модные платья. Я прикрыла глаза и старалась думать о чем-нибудь приятном – о штормовом море, о старой беседке, увитой виноградом, о сыне... Однако мысли упрямо сворачивали к недавнему разговору с Петтером. Я запоздало подбирала аргументы и хлесткие фразы, стараясь избавиться от смутного ощущения неправильности.

- Вот и я, да-да, вот и я! – вывел меня из раздумий голос почтенного доктора. – А вы, вижу, задремали?

- Простите, я немного устала, - повинилась я, с трудом поднимая веки, под которые словно сыпанули горсть песка. Лицо доктора казалось озадаченным. – Внимательно вас слушаю!..

Из дома я вышла в полной растерянности. С одной стороны, догадки мои подтвердились, а с другой... Решительно непонятно, что же в таком случае произошло!

Мальчишка ждал меня, настежь распахнув окна в машине, как будто ему не хватало воздуха.

- Петтер, будьте добры, отвезите меня снова в дом госпожи Бергрид, - попросила я вежливо, усевшись в авто.

- Как прикажете, - подчеркнуто холодно ответствовал он, трогаясь с места.

С минуту я сидела неподвижно, внимая исходящей от него

вяжущей горечи дубовой коры, а потом сорвалась:

- Петтер, прекратите вести себя как... как манекен! В конце концов, чего вы от меня хотите?!

- Что вы, госпожа, - голос мальчишки, преисполненный почтительности, бил по нервам, как фальшивый аккорд. – Я всего лишь ординарец вашего мужа, как я могу чего-то от вас хотеть?

- Хорошо, - со вздохом произнесла я, - признаю, что была не права и безосновательно вам нагрубила. Надеюсь, вы довольны?

Он лишь дернул плечом, неотрывно глядя на дорогу. Отчаянно захотелось его стукнуть или хотя бы вслух выругаться. Но к моему лицу давно приросла маска спокойствия.

Пожалуй, уговаривать мальчишку бесполезно – он всерьез обиделся и твердо решил вести себя как образцовый слуга. Лучше сменить тактику.

- Не понимаю, - произнесла я негромко, словно просто размышляя вслух. – Доктор Торольв заверил, что в какао нет никаких следов глазных капель! Следовательно, доктор Ильин неправ в своем *авторитетном* диагнозе, – каюсь, последние слова я проговорила с нескрываемым удовольствием. – Но тогда неясно, чем отравилась госпожа Бергрид?! И кто ее отравил?

Петтер взглянул на меня искоса, открыл рот... и, закрыв, упрямо сжал губы. Вот вредный мальчишка!

- Разумеется, первым делом в голову приходит муж. – Продолжила я задумчиво, будто не замечая напряженного молчания. – Он значительно моложе жены, очень красив и беден.

- Ну и что? – не выдержал Петтер. – Это же не значит, что он женился по расчету!

- А как иначе? – приподняла брови я. – Молодой привлекательный мужчина, влюбленный в богатую старуху... Никогда не поверю!

Мальчишка неожиданно нажал на тормоз, и меня швырнуло вперед. Вскрикнув, в инстинктивно выставила вперед руки (и пребольно ими ударилась!). Поначалу я решила, что Петтеру пришлось резко затормозить, потому что кто-то выскочил на дорогу. Однако никаких препятствий не обнаружилось.

- Вы с ума сошли?! – воскликнула я, убедившись, что каким-то чудом жива и невредима. – Если хотите покончить с собой, то выберите какой-нибудь другой способ!

Петтер словно не слышал: замер на водительском сиденье, стиснув зубы и подавшись вперед. Отчего-то мне стало жутко, захотелось тихонько выбраться из авто и бежать, куда глаза глядят. «Ты сама его дразнила, сознательно и намеренно!» - напомнила я себе, но ощущение опасности не ослабевало.

- Почему вы... такая?! – взорвался он, поворачиваясь ко мне.

На скулах его горели пятна лихорадочного румянца, и у меня перехватило дыхание от исходящей от него смеси жалящей крапивной боли и густой черной смолы отчаяния. – Как будто этот Колльв не мог просто влюбиться! Ну и что, что она старше? Ну и что, что выше по положению? Как мужчина может доказать свою любовь, если он беден? Вы просто расчетливы и циничны, поэтому ничего не хотите замечать!

Он несколько подпортил впечатление от обличительной речи, в конце простуженно шмыгнув носом. А я сидела, оцепенев, и не могла понять, отчего мне так больно.

- Вы совершенно правы, - признала я тихо, сама удивившись тому, как бесцветно звучал мой голос. – Я цинична. Я не верю в любовь, а уж тем более в любовь юноши к богатой женщине много старше. Допускаю, что он не покушался на жизнь жены, но от романтической чуши меня увольте!

Я обнаружила, что почти кричу, и прикусила губу, пытаясь успокоиться. Определенно, этот мальчишка обладал даром легко находить в моей броне уязвимые места. Извиняться он не собирался – смотрел исподлобья, нахохлившись в своей шинели, словно воробей. К его вспотевшему лбу прилипла челка, а салон буквально затопила сухая горечь полыни.

- Петтер, давайте на этом остановимся, - вздохнув, предложила я. Бабушка учила меня, что женщина должна уметь уступать. – Мы оба наговорили лишнего. Будем считать, что этого разговора не было, хорошо?

Он нехотя кивнул и отвернулся, а я вдруг обнаружила, что у меня сильно дрожат руки. Определенно, нужно подлечить нервы! «Нет, просто нельзя больше жить так!» - шепнул разум, но я постаралась выбросить эту мысль из головы...

Как часто бывает в Ингойе, погода резко изменилась: снег на глазах накрывал город хрустящей, словно от крахмала, белой простыней. На стекла авто налипали пушистые хлопья, а небо почти легло на землю, придавив ее рыхлым брюхом. Как часто бывает при перемене погоды, боль тисками сдавила мою голову.

Я энергично помассировала виски, но улучшения не добилась. Бросила взгляд на насупленного мальчишку, который предупредительно распахнул мне дверцу, и, тихонько вздохнув, направилась к дому госпожи Бергрид.

Горничная, открывшая мне дверь, благоухала сочными мандаринами и свежей хвоей.

- Хозяйка пришла в себя! – сходу прощебетала девица, сияя, как ярчайшая электрическая лампочка. Подумала и добавила, понизив голос: - А хозяина к ней не пускают! Леденцы его в комнате заперли, под домашним арестом, вот!

В голосе горничной звенело злорадство. Надо думать, господина Колльва в этом доме многие не любили.

- Отведите меня к инспектору Сольбранду, - прервала я ее разглагольствования.

- Слушаюсь, - сделала книксен она, опустив глаза. Только острый запах лимонной травы выдавал недовольство.

Я шла за ней по устланным коврами коридорам и думала о том, как же неуютно в этой душной тяжеловесной роскоши. Дом, внешне красивый и удобный, со всех сторон давил на меня, словно пытался сжать душу невидимым корсетом. Долг, приличия, благопристойность – будто гвозди в крышку гроба... Я встряхнула головой (бабушка часто ругала меня за эту привычку, повторяя, что трясти гривой пристало только лошадям) и сама удивилась таким мыслям. Что это на меня нашло?

Одна из дверей впереди распахнулась и показалась молодая женщина в строгом платье, ведущая за руку упирающуюся девочку лет семи-восьми. Ребенок не кричал и не плакал, а повисал всем телом на руке гувернантки (а это, несомненно, была она). Меня и горничную они пока не замечали. От них, словно цунами, накатывала волна запахов – удивительно сильных, резких, от которых кружилась голова и сдавливало грудь.

Я невольно приостановилась, увлеченная разыгравшейся сценой. Провожатая моя оглянулась, нахмурила выщипанные бровки, но тоже замерла в шаге впереди.

- Не упрямься, Хельга, - усталым негромким голосом уговаривала женщина. – Ты ведь знаешь, мама тебя накажет, если будешь капризничать!

- Не накажет! – буркнула девочка, упираясь, как своевольный ослик. – Она болеет и может вообще умрет!

- Хельга! – ахнула гувернантка, отпуская руку подопечной и резко к ней поворачиваясь. Судя по кислому запаху щавеля, у нее чесались руки как следует отшлепать вредного ребенка. – Как ты можешь так говорить?!

- Хочу и говорю! – исподлобья глядя на женщину, упрямо сказала девочка. На госпожу Бергрид она нисколько не походила, напоминая скорее дорогую фарфоровую куклу с голубыми глазами и светло-золотыми косами. – Тебе-то что? Моя мама!

- Отродье Локи! – прошипела рядом со мной горничная, и голос ее будто разрушил окружающую нас сферу невидимости. Гувернантка испуганно вскрикнула, а девочка упрямо выставила вперед подбородок и насупилась еще сильнее. Хм, по крайней мере, характером она пошла в маму! Но прислуга ее определенно недолюбливала, любопытно, почему?

- Не бойтесь, - попросила я мягко, стараясь говорить так, как

успокаивают испуганных животных. И осторожно приблизилась, не забывая улыбаться. – Я всего лишь хочу познакомиться.

- А я не хочу! – заявила Хельга, беря за руку гувернантку. И велела, видимо, пытаясь подражать матери: – Эрна, пойдем! Пойдем же!

Гувернантка не трогалась с места, отчего-то завороженно глядя на меня. Мне вдруг показалось, что я слышу, как отчаянно колотится ее сердце, а густой запах сливок и мягкий бальзамово-пудровый аромат ванили мгновенно открыли мне ее секрет. Мне стало противно. Я предпочла бы ошибиться, чем лишний раз убеждаться в низости человеческой натуры.

- Эрна, позвольте задержать вас на несколько минут, - уже без улыбки произнесла я, остановившись в нескольких шагах от гувернантки. – Мне нужно с вами поговорить. Наедине.

Я попыталась принюхаться, но в коридоре царила такая разноголосица запахов, что подробностей было не разобрать. Злорадно-неприязненный аромат нима, напоминающий смесь подгнившего лука и чеснока – от горничной, слабый запах арники и календулы (готовность драться) вперемешку с зефиром – от маленькой Хельги и обреченное благоухание раздавленного цветка ириса – от Эрны.

- Как прикажете, госпожа, - прошелестела гувернантка, опустив глаза. – Хельга, иди в классную комнату, я скоро буду.

- Одна? – фыркнуло упрямое дитя. – Не пойду!

- Думаю, девушка охотно тебя проводит, - кивнула я на горничную, от которой тут же повеяло едким ароматом чистотела. Надо думать, моя просьба пришлась ей не по душе. Однако ослушаться она не посмела, взяла ревущего ребенка за руку и поволокла прочь.

- Хозяйка меня за это накажет, - равнодушно сообщила Эрна.

- Вряд ли, - не согласилась я и предложила: - Давайте зайдем в комнату, не стоит разговаривать в коридоре.

Она только кивнула и распахнула дверь. Войдя, я огляделась: обычная детская, полная игрушек, с картинками из сказок на стенах и уменьшенной мебелью под стать хозяйке. Гувернантка замерла у входа, словно трепетная лань, готовая броситься прочь при малейшем признаке опасности. Когда я сделала шаг к ней, Эрна всем телом подалась назад, будто пытаясь слиться с дверью. А я дегустировала исходящий от нее запах, как другие смакуют вино. Букет аромата состоит из десятков нюансов, только мало кто может их различить...

Выходит, я все же ошиблась – по крайней мере, в одном.

- Кто отец вашего ребенка? – спросила я напрямик. – Это ведь не господин Колльв, верно?

Она воззрилась на меня с таким ужасом, что воздух в комнате, казалось, мгновенно напитался едким запахом щелочи.

- Откуда... – она сглотнула и повторила запинаясь: - Откуда?

- Откуда я знаю? – уточила я любезно. Эрна слабо кивнула, не отводя от меня темных чуть раскосых глаз. – Видите ли, близкие люди – я подразумеваю близость физическую – обязательно пропитываются запахами друг друга. При должном внимании любовников распознать несложно, а уж если женщина носит ребенка, то запах его отца въедается в ее плоть и кровь...

Я нисколько не кривила душой: впуская в себя мужчину, женщина принимает в себя его частичку. Только аромат этот постепенно слабеет и, в конце концов, рассеивается.

Кстати, запахи людей могут сочетаться или, напротив, конфликтовать. Полагаю, многим доводилось сталкиваться с тем, что запах чьих-то сигарет или одеколона буквально отталкивает, хотя другим он вовсе не кажется неприятным! Как и с эфирными маслами, запахи тел бывают несовместимы. Зато по-настоящему любящие люди синергичны даже в ароматах, прекрасно дополняя друг друга. Жаль только, что со временем это тоже может меняться.

- Вы правы, - прошептала Эрна. – Это не господин Колльв – конечно, не он!

- Тогда кто? – настойчиво спросила я, беря ее за руку. Кисть ее оказалась холодной, влажной и крошечной, словно лягушачья лапка. Во мне поднималась жалость. – Можете не называть его имени, но жениться на вас, если я правильно понимаю, он не намерен?

- Нет! – она подняла голову и заговорила быстро и горячо, выплескивая давно наболевшее: - Я – гувернантка! Не прислуга, не барышня. Ни то ни се. Разве благородный мужчина заинтересуется бесприданницей, тем более бывшей в услужении? А опуститься до какого-нибудь конюха не могу я...

Несладкая судьба – ни дома, ни семьи, ни детей.

От Эрны пахло имбирем – сладковато-острым - решимостью и вызовом.

- И вы... – осторожно подбодрила я.

- Да! – она гордо вздернула подбородок. – Я раз в жизни поддалась чувствам, и вот! А Кетиль...

На его имени Эрна будто споткнулась: из глаз наконец хлынули давно сдерживаемые слезы, лицо некрасиво сморщилось, и она закрыла его руками. От запаха это не спасало: тяжелое, тошнотворное отчаяние волнами исходило от нее, как амбре гниющих отходов на помойке.

- Госпожа Бергрид уволит вас, - это был не вопрос.

- Да! – Эрна отняла ладони от разом будто поблекшего и постаревшего лица. – Это справедливо. Разве она может позволить безнравственной женщине воспитывать ее ребенка?!

Что ей можно ответить? Общество снисходительно к грешкам мужчин, полностью возлагая вину на оступившуюся женщину. Она должна блюсти целомудрие, как цветок, который все вокруг пытаются сорвать... И горе той, которая себя не уберегла!

- Вы не хотите... – я запнулась, не в силах договорить ужасные слова. Убить собственного ребенка. Что может быть страшнее? Но иногда просто нет другого выхода. Я откашлялась и закончила, старательно не глядя на нее и молясь, чтобы она отказалась: - У меня найдутся травы, которые могут помочь...

Шорох, вскрик и резкий, протестующий аромат лимонной мяты.

Я вскинула глаза, пристально наблюдая за Эрной.

- Нет! Нет, никогда! – в смятении она прижала одну руку к животу, а вторую к губам. – Я не могу, ни за что! Лучше... – она зажмурилась и выдохнула: - Лучше с моста головой вниз!

М-да.

- Не смейте так говорить! – резко произнесла я. – Вы только что говорили, что не сможете избавиться от ребенка. И тут же заявляете, что убьете себя и его!

- Иначе мы оба умрем от голода, - тихо сказала она. – Или замерзнем на улице.

Что я могла ей возразить? Наш мир жесток к женщинам, не имеющим мужа, зато имеющим ребенка. Конечно, она могла после родов оставить малыша у порога детского дома, но мало какая мать на это пойдет. Саму Эрну это все равно не спасет – ее вышвырнут из дому без рекомендаций, а кто после этого примет ее на работу?

- Я что-нибудь придумаю, - пообещала я, понимая, что вряд ли смогу сдержать это обещание. Увы, не в моих силах переделать этот мир.

Эрна слабо улыбнулась:

- Спасибо вам, спасибо! Только мне пора, Хельга баловаться будет.

И вышла, шаркая, как старуха. Стоили ли этого краткие мгновения счастья?

Только когда она ушла, я спохватилась, что некому будет меня проводить к инспектору Сольбранду. Впрочем, можно попробовать вспомнить дорогу самостоятельно, в крайнем случае попрошу помощи у кого-нибудь из слуг.

Решив так, я отправилась исследовать дом, чувствуя себя отважным моряком в бурном океане ароматов. Здесь грустили,

любили, ненавидели и плели интриги, оставляя после себя невидимые следы, которые впитывались в тяжелые шторы и роскошные ковры, обивку мебели и тонкую кисею пологов. Запахи наслаивались друг на друга, переплетаясь в странной многоголосой мелодии. Нежно шептала сладкая акация, надрывалась крикливая, словно торговка на базаре, пеларгония, контрабасом печалились пачули и звенел бубенцами можжевельник...

Признаюсь, я понимаю животных, которые метят территорию, перебивая чужой неприятный запах! Впрочем, люди научились окружать себя облаками духов, чтобы вдыхать шлейф собственного аромата вместо миазмов окружающего мира. Вот только тем самым они отгородились от других, практически лишив себя одного из чувств...

За размышлениями я не заметила, как оказалась у знакомой двери. К моему неудовольствию, в гостиной кроме инспектора Сольбранда обнаружился еще и Исмир. Он привольно развалился в кресле, задумчиво крутя перстень на пальце и глядя в окно, покрытое морозными узорами.

- Голубушка, это вы! – инспектор вскочил, кажется, искренне мне радуясь. Исмир только небрежно кивнул, не отрываясь от своего увлекательного занятия. – Что там у вас?

- Доктор Торольв не нашел в какао следов яда, - сразу выложила я свой главный козырь, присаживаясь напротив инспектора.

- Хм, - склонив к плечу седую голову, он задумчиво пощипывал переносицу. – Но это ничего не меняет, голубушка!

- Почему? – удивилась я. – Раз госпожа Бергрид пила только какао...

- В том-то и дело, что нет, - вздохнул инспектор. – Она пришла в себя, и доктор разрешил немного с ней поговорить. Оказывается, голубушка, она еще и воды выпила из кувшина на прикроватном столике. А кто и чего мог туда подлить...

Инспектор безнадежно махнул рукой. Пахло от него усталостью – пожухлой травой. Дракон по-прежнему изображал ледяную статую, невесть как оказавшуюся в жарко натопленной комнате.

- Я не верю, что дело в глазных каплях! – я сцепила руки в замок и предложила: - Если нужно, я могу отвезти на анализ и воду из кувшина.

- Это бессмысленно, голубушка! - инспектор посмотрел на меня с сочувствием. Видимо, он полагал, что я не хочу признавать ошибку, поэтому по-детски упрямлюсь. – Как ни крути, а кто-то отлил капель из флакона. А у мужа целый букет мотивов!

- Каких? – поинтересовалась я обманчиво кротко.

Инспектор покачал головой, но все же ответил:

- Нам ведь домоправительница сразу все выложила, голубушка, разве не припоминаете? Он денежки к рукам хотел прибрать, а потом на полюбовнице жениться.

- Она ему не любовница, - возразила я спокойно.

- Что, голубушка? – не понял инспектор.

- Гувернантка не является любовницей хозяина, - повторила я четко, наслаждаясь свежим мятным ароматом, которым вдруг повеяло от Исмира.

- Вы в этом уверены? – вмешался дракон, задумчиво отстукивая пальцами ритм.

- Разумеется, - пожала плечами я. – Она назвала мне имя своего возлюбленного. Кроме того, у меня есть собственные способы проверить правдивость ее слов.

- Хм, - нахмурившись, инспектор напряженно размышлял. – Хотелось бы знать, нам умышленно наврали? Или, как говорится, болтун всегда обманщик?

Я только развела руками.

- Она вполне могла солгать, чтобы очернить господина Колльва, - озвучил мои мысли Исмир.

- Да! - раздражаясь, воскликнул инспектор. – Только это все равно ничего не меняет! Ведь кто-то же подлил ей это йотуново зелье! Не стала бы домоправительница убивать хозяйку только чтоб ее мужа угробить!

- А у нее нет других мотивов? – уточнила я. В голове комаром звенела какая-то мысль, но поймать ее никак не удавалось.

- Нет, - махнул рукой инспектор и с силой хлопнул ладонью по столику. – Ничего мы не нашли! Она над хозяйкой кудахчет, как несушка над яйцом! Семьи-то у нее нет, вот и носится с хозяйкой, как с родной дочкой!

- С родной дочкой, - повторила я. Ускользавшая мысль наконец попалась в силки.– Инспектор, а как обычно тещи относятся к явно неподходящим зятьям?

- По-разному, - осторожно ответил он, должно быть, припоминая что-то свое. – Может, и стараются избавиться, но вряд ли кто кровинку для того травит, скорее уж зятя. Так что тут вы промахнулись, голубушка!

- Я и не утверждаю, что она отравила госпожу Бергрид, - пожала плечами я, искоса взглянув на Исмира. Кажется, он уже все понял и теперь забавлялся, слушая нашу беседу. По светлому атласу сандала словно заструилась тонкая вышивка горьковато-терпкого нероли – масла цветов апельсина.

- Тогда я совсем не понимаю, о чем вы говорите, голубушка!

Мы уж и отпечатки пальцев проверили – господин Исмир в этом деле специалист, - инспектор Сольбранд учтиво кивнул дракону, - но только преступник оказался не дурак и хорошенько вытер пузырек. Так что там пальчики только домоправительницы, а больше никого, вот так-то, голубушка!

- Что же, это подтверждает мою версию, - улыбнулась я. Многое оставалось непонятным, однако хотя бы часть паззла сошлась.

Инспектор ожег меня пристальным взглядом и острым ароматом цитронеллы, потом откинулся на спинку дивана и поднял руки:

- Все, голубушка, сдаюсь! Решительно не понимаю, о чем вы толкуете!

- Зато я, кажется, понимаю, - медленно проговорил Исмир, и в голосе его вдруг прорезались мечтательные нотки. – Однако вы никак не можете этого доказать, верно?

- Да, - разведя руками, признала я. – А она, конечно, будет все отрицать.

- Ничего, есть у меня одна идея... – загадочно произнес дракон и гибко вскочил. Глаза его сверкали тем особенным блеском, который свежевыпавший снег приобретает при ярком солнце. – Инспектор, не откажите в любезности собрать здесь всех причастных.

Он улыбнулся так, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

Инспектор Сольбранд с минуту смотрел на него, по-птичьи склонив голову к плечу, потом вздохнул:

- Ох, достанется мне на орехи, если вы что-нибудь напортачите!

И, махнув рукой, надавил на кнопку звонка...

Вскоре в гостиной уже было не протолкнуться: выстроенные по ранжиру слуги переминались с ноги на ногу, не решаясь, однако, обсуждать происходящее. Господин Колльв, еще бледнее обычного, устроился в кресле по правую руку от меня, мы с инспектором Сольбрандом заняли диванчик, а Исмир стоял у окна спиной ко всем, как будто интересуясь исключительно вьюгой. Госпожу Бергрид решено было не волновать, и с нею осталась медсестра. Надутый доктор Ильин уселся в дальнем углу и временами обжигал меня негодующими взглядами. Девочку отправили к матери, а гувернантка, опустив глаза, стояла среди остальных слуг. Кряжистый констебль занял пост у двери, готовый в любой момент подоспеть на помощь начальству.

Люди выглядели восковыми куклами - казалось, темные шторы и стенные панели отбрасывали тень на лица, лишая их

живых красок. Только запахи выдавали, что это не изделия сумасшедшего кукольника. Среди ароматов преобладали кисловатое недоумение и острое жалящее любопытство, смешанные с вонью немытых волос, пота, шерсти и кожи. Брр! А ведь даже прислуга низшего ранга вправе мыться хотя бы два раза в неделю!

Хотелось распахнуть окно, чтобы разбавить концентрацию ароматов, но, поразмыслив, я решила не перегибать палку. Проще дышать ртом, все равно мое участие в этом спектакле сводилось к роли простой зрительницы.

- Инспектор, все в сборе! – сообщила домоправительница, столь подчеркнуто игнорируя господина Колльва, что мне вдруг стало его жаль. Он все же хозяин дома, пусть формальный, а вынужден мириться с презрительным отношением слуг. Он сам выбрал свою судьбу, но ему не позавидуешь.

- Замечательно! – инспектор азартно потер ладони и предложил: - Господин Исмир, можете приступать!

Слуги принялись перешептываться, однако под яростным взглядом домоправительницы быстро умолкли. Дождавшись тишины, Исмир обернулся и обвел присутствующих таким плотоядным взглядом, что как-то сразу вспомнилось, что дракон – это огромное чудовище, вполне способное в один присест проглотить нас всех. По гостиной прокатилась зловонная липкая волна животного страха.

- Пожалуй, действительно пора, - мягкий голос Исмира поразительно контрастировал с хищным взглядом, и меня невольно передернуло. Так кошка трогает плюшевой лапкой загнанного в угол мышонка, пряча в обманчиво мягком прикосновении острые когти. – Не так ли, госпожа Халлотта?

Домоправительница вздрогнула, будто очнувшись от сна, и просипела:

- Да!

Она казалась зачарованной, да и на лицах остальных слуг читалось благоговение напополам с ужасом. Только мне отчего-то страшно не было. Я искоса глянула на заинтересованно подавшегося вперед инспектора Сольбранда, напряженно застывшего господина Колльва, спокойного констебля и нахмуренного доктора и убедилась, что мы пятеро оставались всего лишь зрителями. Выходит, драконью магию можно направлять! Надо же, как любопытно...

Исмир на нас не отвлекался. Казалось, для него существовали только шестеро слуг – именно на них скрестились лучи софитов.

- Благодарю, - склонил он светловолосую голову и продолжил вкрадчиво: - Питаю надежду, что все вы знаете, как сильно мы,

драконы, не любим лжи и уверток?

- Да… конечно… как же… – прошелестел согласный хор.

Надо думать, драконы состоят в родстве со змеями, по крайней мере, загипнотизировать жертв Исмиру удалось просто великолепно!

Даже запах от них теперь исходил один и тот же – едкий, нашатырно-камфорный, от которого пробивал озноб. А ведь люди так не бывает! У кого-то болит зуб, кто-то поссорился с невестой, а кто-то, напротив, выиграл солидную сумму на тараканьих бегах… Желчная вонь зависти, розовое благоухание влюбленности, уксусно-кислое разочарование – все они сливаются с запахами немытых тел, золы, газов, создавая непередаваемый «букет».

Исмир легкой походкой прошелся вдоль строя трепетавших слуг, и на мгновение мне почудилось, будто он бьет себя по бокам хвостом (которого в человеческом облике, он, само собой, не имел). В комнате отчетливо похолодало, и я невольно поежилась. Должно быть, это движение привлекло внимание Исмира: он коротко взглянул на меня, и я вдруг поняла, что он искренне веселился. Все это – ужас, недоумение, оцепенение - его забавляло!

- Тогда вам лучше сразу признаться, - продемонстрировав в улыбке прекрасные крепкие зубы, предложил дракон. – Кто из вас позаимствовал глазные капли госпожи Бергрид?

Слуги молчали, мелко дрожа, а одна из горничных принялась всхлипывать, в ужасе затыкая рот руками.

- Молчите, - констатировал Исмир огорченно, вдруг напомнив мне строгую няньку, выведенную из себя проделками подопечных. Я с трудом спрятала усмешку. Можно подумать, он действительно рассчитывал, что виновный тут же признается! – Тогда мы пойдем иным путем!

Он отвернулся к окну, которому ранее уделял столько внимания, и взял с подоконника кусок стекла. По ряду слуг прошелестел единый вздох. Казалось, что все они задерживали дыхание под пристальным взглядом дракона, а теперь жадно глотали воздух.

Исмир тем временем коснулся оконного стекла. Прищурился, то ли любуясь, то ли что-то прикидывая. Любопытно, что такого интересного он там обнаружил?!

Видимо, вопрос этот занимал не только меня: все снова примолкли и с недоумением наблюдали за драконом. Смотрелся он, надо сказать, весьма красочно. Белый с голубоватым блеском наряд; светлая кожа, будто искрящаяся льдистым сиянием; холодное сверкание ярко-голубых глаз – такого оттенка бывают

айсберги; серебристые пряди волос... Одна из девиц, забывшись, мечтательно вздохнула. А ведь она наверняка не ощущала самой замечательной составляющей облика Исмира – влекущего благоухания сандала! Нежнейший древесный аромат ласково, но властно звал за собой, обещал сладкое забытье...

Бледные лица, расширенные глаза и учащенное дыхание зрителей выдавали их состояние.

У меня закружилась голова, и пришлось впиться ногтями в ладони. Боль несколько меня отрезвила, и дальше я досматривала представление уже почти спокойно. Театр одного актера в исполнении Исмира завораживал, заставляя забывать о действительности, увлекая в придуманный мир. Надо думать, дракон искренне наслаждался происходящим.

Исмир под разными углами рассматривал стекло, затем повернул его так, чтобы было видно всем присутствующим. Оно оказалось непрозрачным – гладкую поверхность затянули кружевные морозные узоры, отчего-то не таявшие от тепла рук.

- Взгляните, - предложил Исмир негромко, не отвлекаясь от своего занятия. – Это стекло из ванной комнаты госпожи Бергрид, откуда я вынул его полчаса назад. Видите, лед все еще не растаял? – он на мгновение умолк, убедился, что аудитория завороженно внимает, и продолжил: - А знаете ли вы, что лед умеет говорить? Он многое помнит и о многом может поведать. Раз уж никто из вас не соизволил признаться, давайте спросим у *льда*...

Последнее слово он выделил интонацией, словно говоря о стихии, а не о крошечном ее осколке. И столько нежности, столько благоговения звучало в его голосе, столько тоски, что кто-то негромко всхлипнул (и я с огромным удивлением обнаружила, что это был доктор Ильин!).

Исмир тем временем начертал на стекле какие-то таинственные знаки и отпустил его.

- Ах! – слитно вздохнули люди, но оно не разбилось – осталось преспокойно висеть в воздухе, словно на невидимой подставке.

Дракон плавным взмахом заставил его отлететь подальше, в незанятый угол, и заговорил, роняя непонятные слова, словно градины. И, повинуясь его воле, вокруг сгущался туман, в котором проступали очертания незнакомой комнаты: рукомойник, ванна на львиных лапах, пушистый бежевый ковер, яркая мозаика на стене, букет хризантем в напольной вазе и словно намеренно подсвеченная полочка с многочисленными флаконами и коробочками. Место это было мне неизвестно, но судя по удивлению на лицах слуг, они его узнали.

Вот отворилась дверь и вошла женщина, которая принялась наводить порядок. Потом появилась дама лет сорока, судя по властной манере и известному сходству с виденным мной портретом, хозяйка дома. Первая женщина (видимо, личная горничная) начала ей помогать, и Исмир шевельнул пальцами, словно пролистывая ненужные события. Вот ванная снова опустела...

Прошло несколько минут, за которые в том, иллюзорном мире, миновали часы. Дверь снова распахнулась, впуская домоправительницу, которая двигалась неловко и дергано, будто повинуясь пальцам неумелого кукловода. Вот она замерла перед полочкой с притираниями, медленно протянув руку, взяла прозрачный пузырек, откупорила крышку и, помедлив мгновение... вылила его содержимое в раковину!

От этой картины люди будто проснулись: задвигались, переглядываясь и перешептываясь, и постепенно все взгляды скрестились на бледной как мел госпоже Халлотте. Это была вовсе не сияющая бледность драконьей кожи, а усталая тусклость.

- Ну что смотрите?! – не выдержала домоправительница, и голос ее напоминал воронье карканье. – Да, я вылила капли! И что? Это он, он во всем виноват! – она обличающе ткнула дрожащим пальцем в сторону господина Колльва. – Что только нашла наша милая госпожа в этом... этом... простолюдине?! Она подобрала его, как котенка на помойке! Вымыла, обогрела, приласкала! А он, неблагодарная скотина! Да вы только гляньте на него – потный, вонючий, как последняя судомойка! Чемпион, тоже мне!

Она тяжело дышала, с ненавистью глядя господина Колльва, который стиснул зубы и медленно поднялся.

- Значит, это вы отравили Бергрид? – спросил он тихо. – Только для того, чтобы избавиться от меня?!

Халлотта молчала, всем своим видом демонстрируя презрение.

- Не думаю, - вмешалась я, вставая. – Она хотела свалить вину на вас, но не стала бы ради этого давать яд своей обожаемой хозяйке. К тому же вы сами видели – она вылила капли в раковину, а не в питье госпожи Бергрид.

Он глубоко вздохнул и, явно с трудом сдерживаясь, чтобы не закричать, прорычал:

- Тогда кто? Кто?!

- Не знаю, - призналась я уныло. – Увы, не имею ни малейшего представления. По всей видимости, яд добавили в кувшин с водой.

- Нет! – подал голос доктор Ильин, о котором, признаюсь, я

успела забыть. – Я проверил воду, она чистая!

- Вы убеждены в этом? – уточнил инспектор, вставая рядом со мной. – Вы ведь раньше утверждали, голубчик, что госпожу отравили глазными каплями, а нынче выясняется, что такого никак не могло быть...

Лицо доктора налилось кровью еще на «голубчике», и, разумеется, молча снести словесную пощечину он не мог.

- Убежден! – выкрикнул он, и у меня перехватило дыхание от душного запаха иланг-илангового масла для волос вкупе с негодованием, напоминающим на нюх острую томатную пасту. – Хотите – я немедленно выпью эту воду! Всю, до капли, на ваших глазах!

Хм, это уже серьезнее. Доктор нисколько не походил на потенциального самоубийцу. Инспектор, привычно склонивший голову к плечу, очевидно, придерживался того же мнения.

- Выходит, все же господин Колльв, - со вздохом признал он, не обращая внимания на означенного господина, замершего посреди комнаты. – Раз уж его жена сама резала торт и сама же наложила его себе на тарелку, а вода ни при чем... Значит, дело в какао!

- Йотун вас всех раздери! – заорал Колльв внезапно. – Давайте, вешайте на меня всех собак! Снобы проклятые! Как же, простой призер Улльских[24] игр, который выгодно женился на старухе! Вы же ничего, ничего не понимаете!

И опустился на ближайший стул, закрыв лицо руками. Плечи его вздрагивали, и резкий запах лука подсказывал, что вовсе не от смеха...

Я бросила взгляд на слуг, на лицах которых читалась вся гамма чувств от ненависти и злорадства до робкого сочувствия.

- К-хм, - откашлявшись, инспектор Сольбранд предположил: - Может, она отравилась по ошибке? Или, скажем, ребенок пошутил?

- Хельга не могла! – хором вскричали Эрна и господин Колльв, ради такого случая отнявший ладони от покрасневших глаз.

От свежего пряно-древесного аромата куркумы, меда и сладкой ванили у меня запершило в горле. Надо думать, в каком-то смысле слухи не лгали: гувернантку и хозяина объединял ребенок, только совсем в другом смысле.

- Инспектор, - прервал дискуссию бархатный голос дракона, - полагаю, при слугах не стоит это обсуждать.

- Хм, - полицейский смешался. В запале он действительно позабыл о присутствии посторонних. – Да, вы правы. Слуги могут разойтись по местам, а вас, господа и дама, - учтивый кивок в

мою сторону, - я попрошу остаться...

Пока обладатели лишних глаз и ушей покидали комнату, я подошла к дракону, который удобно устроился на широком подоконнике и наблюдал за происходящим из-под полуопущенных век. На губах его блуждала улыбка, и вообще выглядел он до неприличия довольным собой.

А мне вдруг подумалось, что домоправительница была настолько на взводе, что у нее можно было вырвать признание безо всякой магии. Достаточно было намекнуть, что нам известно об истинном положении дел... С другой стороны, Исмир, кажется, упивался не столько магией, сколько наблюдением за растерянными и ошеломленными людьми. Пожалуй, он не актер, скорее, режиссер.

- Господин Исмир, можно у вас кое о чем спросить? – произнесла я негромко.

- Разумеется, - согласился он, спрыгивая с подоконника. – Для вас любой каприз!

Он склонился ко мне так близко, так интимно! Я поморщилась – меня начали всерьез раздражать его навязчивые попытки изобразить близость между нами. При том, что Исмир вовсе не пытался всерьез меня покорить!

- Мирра? – мягким шепотом напомнил он о затянувшейся паузе, и я спохватилась.

- Скажите, это была иллюзия? Или вы действительно воссоздали то, что там происходило?

- Какая разница? – пожав плечами, беспечно ответил он. – Позвольте мне не раскрывать эту маленькую тайну. Могу лишь заверить, что все происходило именно так, как вы увидели.

Должно быть, со стороны мы смотрелись как влюбленные, решившие украдкой посекретничать. Я поймала обеспокоенный взгляд инспектора, о чем-то расспрашивающего доктора, и поспешила закончить разговор.

- Благодарю за объяснение, - чуть склонила голову я, хотя в тоне моей благодарности не было ни на гран. Впрочем, объяснением уклончивый ответ Исмира тоже можно было назвать лишь с большой натяжкой.

- Всегда рад помочь, - легко улыбнулся дракон и присоединился к беседе доктора и инспектора. Мне же остался единственный собеседник – господин Коллльв, удрученный свалившимися на него бедами и подозрениями. Его темные глаза смотрели в одну точку, а на лице не было ни кровинки.

- Господин Коллльв, - усевшись напротив, неловко начала я. – Не переживайте так, все будет хорошо. Госпожа Бергрид уже пришла в себя, а значит, со временем все наладится...

- Они называют меня «Вонючка Колльв», - не слушая, сказал он глухо. – Говорят, что обычный уголь не такой вонючий, как я[25]. А я так хотел, чтобы она меня не стыдилась! Понимаете?!

В глазах его стояли слезы, и теперь он ничуть их не скрывал. Это страшно, когда плачут мужчины – от обиды, от горечи, от невозможности что-то изменить. Надо думать, тяжело ему жить - как растению, с корнем вырванному из привычной почвы.

- Понимаю, - согласилась я. – Вам пришлось нелегко.

- Нелегко! – фыркнул он и добавил ожесточенно: – Они все меня презирают! Только Эрна немного сочувствует, и еще Хельга.

Пахло от него по-прежнему так, что я поморщилась. Густой запах благовоний и пота буквально шибал в нос, и я не выдержала.

- Я понимаю, что сейчас вам не до того, - понизив голос, произнесла я, грубейшим образом нарушая правила приличий. – Однако вам стоит выбрать одеколон с более свежим ароматом. Или хотя бы наносить его не так обильно.

Он только усмехнулся – невесело, словно через силу приподнимая уголки губ.

- Бергрид болеет, - непонятно объяснил он, коротко взглянув на меня. – А, вы ведь не знаете! Я не различаю запахи. Вообще. Это у меня с детства. Бергрид всегда сама следила, чтобы я вымылся или надел свежую рубашку – я же не слышу, что от меня... пахнет!

Я ошарашенно покачала головой, вообразив мир, лишенный привычного многообразия ароматов. Блеклый, разом лишившийся большей части красок, унылый и непонятный. Пусть не у всех настолько тонкое обоняние, как у меня, однако все люди активно им пользуются, даже не задумываясь. Как определить, что нужно срочно принять ванну или, скажем, что пища испортилась, не пробуя ее на вкус?

Бедный, бедный господин Колльв!

Тут меня озарила догадка, настолько простая, что хотелось стукнуть саму себя за скудоумие.

- Скажите, а раньше вы варили такое какао? – спросила я и затаила дыхание в ожидании ответа.

- Нет, - растерянно признался он. – Это же был День рожденья Бергрид, я хотел сделать ей сюрприз. Она очень любит какао и горячий шоколад...

Лицо его смягчилось, а я поняла, что образ суровой госпожи Бергрид совсем не вязался в моем представлении с любовью к сладостям. Впрочем, чужая душа – потемки.

- Вы не могли бы вспомнить точный рецепт напитка? – попросила я. – И принести сюда все ингредиенты, если они, конечно, еще остались?

В угольно-темных глазах Колльва читалось искреннее недоумение. Потом сквозь него будто проявилась надежда, как изображение на фотоснимке.

- Подождите, я... я принесу вырезку из журнала! – пообещал он, подхватываясь с места. – И... заскочу на кухню!

На последней фразе голос его дрогнул. Должно быть, нелегко ему теперь показаться перед слугами!

Мужчины проводили его недоуменными взглядами, однако тут же вернулись к прерванной беседе. Доктор что-то резко и яростно доказывал инспектору, который отвечал с присущей ему ироничностью, а Исмир наблюдал за их противостоянием, подавая реплики то одной, то другой стороне.

Господин Колльв появился вновь очень скоро, не прошло и пяти минут. К груди он прижимал какие-то баночки и толстый журнал (видимо, от волнения не догадался захватить поднос).

- Вот! Тут все! – сгружая передо мной свою ношу, доложил он. – Смотрите!

И уставился на меня, как ребенок на фокусника. Я принялась одну за другой открывать баночки и осторожно нюхать содержимое, прикрыв глаза для пущей сосредоточенности. Ингредиентов оказалось немного: порошок какао, мед, а также гвоздика, корица и мускатный орех.

- Ну что? – надежда на лице Колльва сияла ярче солнца.

- Кажется, все в порядке, - задумчиво признала я, и угли его глаз разом потухли. Но разгадка должна быть в составе какао! – Будьте добры, покажите рецепт!

- Сейчас! – он торопливо принялся листать страницы, а я обнаружила, что вокруг нас столпились остальные мужчины. – Вот: два стакана молока, одна столовая ложка жидкого меда, четыре чайных ложки какао, гвоздика, корица и мускатный орех – по вкусу. Я все так и делал!

- По вкусу, - повторила я. - А скажите мне, сколько это «по вкусу»?

- Ну... – он замялся и признался: - Я решил насыпать побольше. Чтоб мало не было.

- Сколько? – требовательно произнесла я, украдкой сжав кулаки на удачу.

- Ну, наверно, по четверти чайной ложки корицы и гвоздики, и ложку мускатного ореха... Примерно. - Признался господин Колльв и воскликнул, защищаясь: - А что, я что-то сделал не так?! Я же не слышу запахи! Откуда я знаю, сколько надо?

Как примерный ученик, который с ужасом узнал, что ошибся в простейшем уравнении. Впрочем, господину Колльву пришлось многому учиться после свадьбы, отсюда и подспудный страх сделать что-то не так.

Я не выдержала и рассмеялась – от облегчения, но красивое лицо господина Колльва тут же стало по-детски обиженным.

- Инспектор, - позвала я громко, с усилием заталкивая смех поглубже. – Кажется, я знаю, чем и как отравили госпожу Бергрид!

Инспектор живо заинтересовался, доктор скривился (похоже,

собственная правота была для него важнее здоровья пациентки), а Исмир заинтересованно поднял светлые брови.

- Да, голубушка, мы вас внимательно слушаем! Вы не волнуйтесь, рассказывайте все-все по порядку! – зачастил инспектор, как будто я была ребенком, который раздумывал, выдать ли доверенный подружкой секрет.

Дракон, кажется, поперхнулся смешком, но тут же талантливо изобразил невозмутимость. Впрочем, большую часть времени он действительно был спокоен, что подтверждало мое обоняние.

- Все очень просто, - признала я со вздохом. Ума не приложу, как сразу не догадалась? – Нас всех сбило с толку заявление *уважаемого* доктора, - от шпильки я, конечно, не удержалась, - об атропине. Конечно, о глазных каплях знали многие, так что отравитель мог не морочить себе голову. Но никакого отравителя не было!

- Как – не было? – после паузы удивился инспектор, и голос его сделался подозрительно ласковым. Как будто мой давний друг подозревал, что на почве неприязни к доктору Ильину я принялась сочинять небылицы.

- Просто – не было, - повторила я. Признаюсь, снисходительное отношение меня всегда изрядно раздражало.

- Полагаю, госпожа Мирра говорит о несчастном случае, - прокомментировал Исмир.

- Ага, госпожа Бергрид отравилась медом, - саркастически заметил доктор, излучая аромат чайного дерева – резкое неприятие. – Конечно, медицине известны случаи острой непереносимости меда, однако могу уверить, что дело в чем-то другом! Я...

- Разумеется, - перебила я, и доктор подавился гневной тирадой. – О непереносимости меда было бы известно всем домашним. А наша разгадка настолько нелепа, что никому не пришла в голову! – я оглядела мужчин, стоящих полукругом передо мной. – Дело в рецепте, по которому готовили какао. Вы сами слышали, что в журнале сказано «добавить специй по вкусу», и господин Колльв их не пожалел.

- И что? – недоумение в голосе доктора звучало так искренне, что хотелось посоветовать ему прочитать учебник по химии.

С трудом сдержав это недостойное желание, я пояснила:

- Мускатный орех часто используют в напитках. Он пахнет очень приятно – пряно, пьяняще и нежно. Только в нем содержится мирристицин, который при передозировке вызывает головокружение, головную боль, учащенное сердцебиение, галлюцинации, конвульсии - вплоть до комы и смерти.

Согласитесь, симптомы совпадают. Не знаю, почему госпожа Бергрид не заметила странного вкуса напитка...

Сама я ничего подозрительного в запахе какао не обнаружила – обычные специи – и на том успокоилась. А теперь корила себя за невнимательность. Хотя напитка оставалось совсем немного, немудрено не заметить.

- Бергрид недавно болела. Ангиной. Она до сих пор плохо чувствует вкус, - рассеянно сообщил господин Колльв и схватился за голову. - Так значит, это я виноват?! – его прекрасно очерченные губы задрожали. Хм, если он актер – то превосходный! – Я... я пойду к Бергрид... я...

И ринулся к выходу, даже не поинтересовавшись, нужен ли он еще здесь. Констебль вопросительно посмотрел на инспектора Сольбранда и после неохотного кивка последнего молча отступил в сторону. Следом за господином Колльвом двинулся доктор Ильин, который напоследок ожег меня ненавидящим взглядом.

Я торопливо подошла к окну, настежь распахнула створки и блаженно замерла, полной грудью вдыхая морозный воздух. Боги, милосердные мои боги, как же хорошо! После сумятицы запахов людей – холодная морская свежесть, чуточку пахнущая йодом.

- Голубушка, как думаете, он нарочно? – наконец нарушил тишину инспектор. – Поймите меня правильно, уж больно совпадение подозрительное!

- Если нарочно, то глупо. И выполнено топорно, - пожала плечами я.

- Он непременно оказался бы под подозрением, - кивнув, согласился инспектор. – С другой стороны, яд уж очень необычный. Думается мне, присяжные наши в такое не поверили бы, голубушка. Слишком мудрено.

- Вполне возможно, - вздохнула я. Признаюсь, я склонялась к мысли, что господин Колльв невиновен, однако некоторое сомнение оставалось. – Для такой задумки требуются медицинские знания и очень извращенный ум.

- Зато и не докажешь ничего, если правильно провернуть, - подхватил инспектор.

- К тому же госпожа Бергрид жива, - в свою очередь добавил Исмир. – Сомневаюсь, что она станет начинать дело. В любом случае, должен отдать вам должное – блестящая разгадка, *госпожа сыщик*!

В тоне дракона будто прятались шипы насмешки.

- Возвращаю вам комплимент, - холодновато отозвалась я. – Ваше выступление было неподражаемо!

- Туше, - усмехнулся дракон, и горьковатый аромат бергамота выдавал одобрение.

- Спасибо вам за помощь, - уже куда мягче и благожелательнее сказала я. – Без вас я бы не справилась.

- Пожалуйста, - легко ответил он, чуть наклонив светловолосую голову.

- Простите, мне пора, - спохватилась я, взглянув на часы. Представляю, какой скандал ждет меня дома!

Торопливо попрощавшись, я вышла из комнаты. Усталость навалилась на плечи, обручем сжимала виски, но это была приятная усталость, какая бывает после хорошо сделанной работы. Зато вышедший мне навстречу Петтер выглядел бледно: сухие обветренные губы, взмокшие на лбу волосы, больной взгляд.

- Петтер, да вы больны! – встревожилась я, обнаружив, что рука его буквально пышет жаром.

- Нет, госпожа Мирра, я в порядке! – возразил мальчишка, однако сиплый кашель опроверг его слова.

Боги, я ведь совсем позабыла о Петтере, бросила его мерзнуть в машине!

- Постойте, - решительно произнесла я, вновь открывая дверцу. – Я сейчас вернусь.

- Куда вы? – хрипло спросил он.

- Попрошу водителя госпожи Бергрид сесть за руль, - обернулась я. – В таком состоянии вам нельзя водить авто!

Он попробовал что-то возразить, однако я лишь отмахнулась. Мужчины, по моим наблюдениям, делятся на две категории. Одни «умирают» при первых признаках недомогания, другие же до последнего хорохорятся, делая вид, что бодры и веселы. И еще очень большой вопрос, какая из этих групп лучше!

Порывшись в саквояже, я извлекла бутылочку со смесью эвкалипта, сосны, розмарина и мяты, а также малиново-медовый сироп. Масла накапала на платок, а сироп налила в стаканчик и, подумав, разбавила его кофе.

- Вот, это – пить, этим – дышать! – велела я строго. Ах, какое непередаваемое благоухание! Как будто вокруг снова лес, нагретый летним солнцем, а от спелой малины текут слюнки...

- Что это? – подозрительно поинтересовался мальчишка, не спеша принимать лекарство.

- Клену тинга кольчуг даю я напиток, исполненный силы и славы великой; в нем песни волшбы и руны целящие, заклятья благие и радости руны[26]. – Процитировала я с насмешкой, заметив его колебания.

Петтер то ли фыркнул, то ли простуженно шмыгнул носом, но послушно осушил стакан.

- Вот и молодец! – умилилась я, по-матерински взъерошив его

темные волосы.

Спохватившись, я отдернула руку, сделав вид, будто не заметила поплывшего по салону аромата ванили и мармелада, и вышла из машины...

Дело оказалось не настолько простым, как мне представлялось. Госпожа Халлотта заперлась в своей комнате, беспокоить ее слуги боялись, так что мне пришлось отправляться к хозяйке дома. К тому я собиралась поговорить с нею о судьбе несчастной гувернантки, вот и решила убить двух зайцев одним выстрелом.

Я заверила, что сама без труда отыщу спальню хозяйки, и мне предоставили бродить по дому самостоятельно.

Дверь в спальню оказалась приоткрытой. Я занесла руку, чтобы постучать, и замерла. Госпожа Бергрид сидела, опираясь на подушки, и ее морщинистая ладонь дрожала в руках Колльва.

- Любимая, прости меня, я не хотел! Прости, пожалуйста, прости!

- Что ты, милый, - ласково отвечала она, ероша его темную шевелюру. Судя по усталому тону, повторяла она это не в первый раз. – Ты нечаянно, бывает.

- Я люблю тебя! – выдохнул он и уткнулся губами в ее пальцы.

- И я тебя! – привычно, не задумываясь, ответила она.

Меня они не замечали, а я стояла на пороге, чувствуя себя полной дурой. Потому что их обоих окутывало благоухание пьянящего жасмина и страстных алых роз.

Как там я говорила: они не смешиваются, как масло и вода? Выходит, любовь может сыграть роль эмульгатора.

Я усмехнулась дикости сравнения и отступила назад...

Глава 5. Что было, что будет...

Канун Самайна начался отвратительно.

Заснуть удалось далеко за полночь: после всех событий голова напоминала копилку, в которой звенели монетки – мысли.

В итоге я проснулась от раскатистых воплей, доносящихся с первого этажа: господин Бранд с утра пораньше воспитывал прислугу.

Несколько минут я лежала в постели, уставившись на потемневшие от времени и сырости потолочные балки, с которых свисали пучки трав. Смятые простыни и одеяла – теплый кокон, из которого так не хотелось выбираться.

Я заставила себя встать, ежась, накинула халат и, настежь распахнув окно, подставила лицо соленому влажному ветру. Меланхолия похожа на липкую смолу – в нее легко вступить, а

вот отколупывать приходится долго и нудно, по кусочку очищая мысли от клейкой грусти.

Запах моря, мерный рокот волн и холодные капли дождя освежили меня достаточно, чтобы позвонить Уннер.

Она влетела в спальню, фонтаном разбрызгивая вокруг сладкий аромат роз. Ее щечки пламенели, как цикламены, челка кокетливо вилась, чепчик и передник слепили глаза белизной и хрустели от крахмала.

- Доброе утра, госпожа! – так жизнерадостно прощебетала она, что я невольно поморщилась: хотелось добавить ломтик лимона в переслащенный чай ее настроения.

- Доброе! – откликнулась я. – Вижу, ты сегодня в прекрасном настроении?

- Да, - улыбнулась она, показав ямочки на щеках. – Такой прекрасный день!

Я перевела взгляд на окно, по которому барабанил дождь, и усмехнулась.

- Если ты так полагаешь... – неопределенно протянула я. – Будь добра, приготовь синий вельветовый костюм.

- Что? – переспросила она, обернувшись ко мне. Затуманенные глаза, раскрасневшиеся щеки, концентрированный, почти удушающе сладкий запах розы...

- Помоги мне одеться, - повторила я терпеливо. – Синий вельветовый костюм, будь добра.

Она машинально повиновалась, но то и дело застывала с мечтательным выражением лица. Разумеется, я не выдержала.

– Уннер, что с тобой? Ты просто грезишь наяву!

Она покраснела так, что румянцем вспыхнуло не только лицо, но и уши, и шея в неглубоком вырезе платья.

- Он пригласил меня на свидание! – прошептала она ликующе. Лицо ее светилось торжеством.

Кто такой «он», можно было не спрашивать.

А меня вдруг кольнуло сожаление. Глупости, надо радоваться, что Петтер сумел пересилить свою безнадежную любовь и начал ухаживать за хорошей девушкой!

А здесь, в Ингойе, это почти равнозначно предложению руки и сердца. Неудивительно, что Уннер так счастлива.

Я тряхнула головой, прогоняя глупые мысли, и почти не солгала:

- Я рада!

В ответ она расплылась в улыбке.

- Спасибо, госпожа Мирра! – Уннер засуетилась, вынимая из ящиков необходимые мелочи. - Ох, вы сегодня плохо выглядите! В вашем возрасте нужно больше спать!

Я усмехнулась. Если бы не присущее Уннер простодушие, это высказывание можно было бы счесть весьма злорадным...

Пока Уннер меня причесывала и помогала одеться, я наблюдала за нею в зеркале. Она мила, достаточно воспитана, еще совсем молода. Они будут хорошей парой.

Надеюсь, мальчишка будет с нею счастлив...

Пока горничная наводила порядок на туалетном столике, тихонько напевая себе под нос, я прошлась по комнате, перебирая свои сокровища.

Моя спальня, как ларчик с сокровищами. Саше с сушеной лавандой, заботливо перевязанные лентами с руной альгиз - чтобы сладко спалось, а в вещах не заводилась моль. Мешочки с лимонной солью для обуви – от неприятного запаха и грибка. Шкатулка из драгоценного сандалового дерева, в которой хранились самые дорогие масла. Связки трав под потолком, букеты яркого физалиса в вазах, узорные подставки и украшения из можжевельника...

Для меня симфония ароматов звучала нежно и успокаивающе, но, надо думать, для других она была слишком сложна. Уннер, прибираясь в спальне, всегда распахивала настежь окна, да и мой драгоценный супруг периодически ворчал, что после ночевки у меня чувствует себя как-то странно. Можно подумать, я разбросала по углам отраву для тараканов! Впрочем... Бабушка учила меня составлять сборы, отучивающие животных гадить где попало. Полагаю, можно подобрать нечто подобное и для людей.

Я усмехнулась, вообразив, как раскладываю по комнате мешочки с отпугивающим сбором.

Надо сказать, воображение у меня неплохое, так что я развлекалась, в красках представляя изгнание Ингольва воскурением смол и укропной водой. Сомневаюсь, что это причинило бы Ингольву хотя бы неудобство. Чтобы пробить плотную шкуру моего муженька, потребуется нечто более солидное, увесистое... Например, дубина.

Впрочем, муж уже довольно давно у меня не появлялся, так что подобные меры были излишни.

- Я закончила, госпожа! – прервал мои нерадостные размышления звонкий голосок Уннер.

Я взглянула в зеркало, оценивая результат ее усилий. Бледное спросонья лицо посвежело после крема с перечной мятой и розмарином, обветренные губы смягчил бальзам, мешки мод глазами разгладила сыворотка с кофейным маслом. Уннер сегодня расстаралась: уложила мои рыжие волосы короной, подобрала к костюму строгую блузку с воротом под горло.

- Превосходно! – одобрила я и повернула голову, любуясь серьгами с лазуритом в тон наряду. Говорят, этот камень помогает избавиться от накопившихся обид и дурных мыслей. Пожалуй, это не помешает.

Оставались духи. Утонченный суховатый запах ириса?

Забывшись, я встряхнула головой (к счастью, прическа, скрепленная шпильками и крепким лимонным отваром, выдержала) и отставила в сторону флакончик с шифоново-воздушными, благородными и немного печальными духами. Они превосходно подойдут к образу, но сделают его излишне минорным, что неуместно для семейного завтрака.

Может быть, звонкий леденцовый аромат литцеи? Это масло, такое нежное на нюх, невыносимо жгучее на коже. Поколебавшись, я все же решила не дразнить гусей (в нашем случае скорее пингвинов) и подушилась нейтральным грейпфрутом – нежным, холодным, с горькими цитрусовыми обертонами. Капля на волосы, капля на запястья и еще одна – на жилку у основания шеи.

Говорят, запах грейпфрута делает женщину моложе. Я скептически вгляделась в собственное отражение – нет, не найти отличий – и встала.

- Будь добра, подай мне черные перчатки! – велела я Уннер.

От девушки будто плеснуло опаской, но возражать она не осмелилась.

Когда я спустилась в столовую, мои мужчины уже приступили к завтраку. Присутствовал и Петтер, должно быть, он оставался у нас ночевать. Кажется, мои лекарства помогли – мальчишка выглядел уже почти здоровым.

Сохраняя на губах вежливую улыбку, я поздоровалась и опустилась на свое место.

Все как обычно: господин Бранд, всецело поглощенный газетой, что-то бурчал себе под нос, не отрываясь от булочки с маслом, Ингольв методично расчленял на тарелке бекон, а Петтер ел взглядом начальство (впрочем, не забывая о яичнице).

Любопытно, что бы сказала моя обожаемая бабушка, если бы ей довелось присутствовать на нашем завтраке? Ничего хорошего, это уж точно. С ее точки зрения, прислуживать за столом должны исключительно лакеи! Кухарка, по совместительству являющаяся домоправительницей, а также отсутствие у меня личной камеристки (горничная не в счет), у Ингольва – камердинера, и хоть двух-трех лакеев – признаки удручающей нищеты!

Возможно, для моих любимых родственников как раз во благо, что муж запретил мне с ними общаться? По крайней мере, бабушка не знала об «ужасах» моей жизни в Ингойе. И воображаю,

как бы ее потрясло описание быта в скромном гарнизоне, затерянном в снегах, где мы жили раньше! Тогда я сама покупала продукты, стряпала и убирала, обходясь помощью единственной приходящей служанки.

Я обвела рассеянным взглядом поданные к завтраку кушанья и с досадой сообразила, что проснулась слишком поздно, чтобы сварить себе кофе. Пришлось довольствоваться чаем.

Пахнущий опилками напиток и булочка с ванилином – не лучшее начало дня.

- Мирра, почему ты так оделась? – отвлекшись от намазывания паштета на кусок хлеба, муж смерил меня недовольным взглядом. – Сегодня праздник! И вечером мы идем на прием, ты не забыла?

- Но еще только утро, дорогой! – с растерянной улыбкой пролепетала я, намеренно нервно комкая салфетку. – Я не могу завтракать в бальном платье, оно ведь изомнется!

И похлопала ресницами, изображая столь милую мужскому сердцу хорошенькую дурочку.

Сдавленно закашлялся (или, скорее, засмеялся) Петтер, а Ингольв отшвырнул нож, мгновенно приходя в бешенство.

- А черные перчатки? – рявкнул он и поднялся, навис надо мной, опираясь о стол руками. – Случайность?!

Когда официальный траур заканчивается, при желании можно носить отдельные элементы траура: брошку с черной каймой, черный носовой платок и тому подобное.

- Нет! – отчеканила я, отбрасывая образ капризной девочки.

Дернула тонкую ткань перчаток, не особо заботясь об их целостности.

И резко протянула мужу руку (он слегка отшатнулся, надо думать, вообразив, что я намерена его ударить). От движения манжета задралась, показав синяки во всей красе.

- Как видишь, это вынужденная мера! – ледяным тоном произнесла я, пытаясь скрыть злость и уже досадуя на себя за несдержанность.

Не стоило столь явно демонстрировать Ингольву неповиновение. Проще молча поступить по-своему. Это вполне могло сработать, ведь Ингольв всецело увлекся новой пассией, и ему было не до меня.

Плохо быть умной женщиной. Для моего душевного спокойствия было бы куда лучше ничего не замечать и не понимать.

А ведь когда-то Ингольв тут же видел каждую царапинку или ожог на моих нежных пальцах, не привыкших к кухонной работе. Он гладил меня по голове, как маленькую, поцелуями собирал со

щек слезы и дул на пострадавшее место...

- Прости, - слово упало камушком в илистое озеро тишины.

Я вскинула взгляд на мужа, сомневаясь то ли в своем слухе, то ли в рассудке. Он извинился?!

Ингольв делал вид, что всецело увлечен содержимым своей тарелки. А остальные домашние, как ни странно, деликатно помалкивали.

- Ничего страшного, - вынужденно ответила я, оправляя перчатку.

Это действительно был знак траура, и мы оба это знали...

Я рассеянно крошила сдобу и, чтобы отвлечься от мерзкого запаха, принюхивалась к окружающим. Имбирь и лимон – кисло-острое – это Ингольв, землисто-дымный ветивер - копчености, корни и пыль – Петтер, жженая резина и немного карри – свекор. И уксус, настоянный на базилике, - Сольвейг.

Я подозрительно скосила глаза на домоправительницу. Сладко-пряный аромат с оттенком камфары и аниса – базилик – выдавал ее превосходное настроение.

- О, какая интересная статья! – вырвал меня из задумчивости голос господина Бранда, исполненный такого воодушевления и едва скрываемой злобной радости – будто нечистоты, небрежно замаскированные веточками мяты, - что я невольно дернулась. – Вот, послушайте...

И с чувством зачитал:

«Дорогие читатели!

Не так давно я узнал, что даже в наш просвещенный век находятся люди, которые верят не в научные знания, а в так называемую силу трав. Вдумайтесь, корешки, выкопанные в полнолуние под левой пяткой повешенного, масло из козьих экскрементов[27] и тому подобную мерзость нам продают под видом лекарств!

Из-за таких «медикаментов» каждый год десятки и сотни наших сограждан рискуют не только здоровьем, но и самой жизнью! А шарлатаны, именующие себя аромагами (вдумайтесь только, они без зазрения совести называют себя магами!), наживаются на чужой беде.

Я, как честный гражданин, считаю своим долгом предостеречь вас. Берегитесь мошенников!

И куда смотрит ИСА, хотел бы я знать?

С уважением, ваш Знаток».

Господин Бранд, дочитав, с усмешкой взглянул на меня поверх газеты, и сохранение внешнего спокойствия потребовало от меня немалых усилий.

Журналист, подписывающий свои статьи «Знаток», появился в

Ингойе совсем недавно, но уже успел прославиться. Его статьи – меткие, даже хлесткие – рассказывали обо всем на свете. Об отсталости нашей системы образования и вопиющих случаях коррупции, о перспективах развития радио и секте огнепоклонников, сжигавших людей заживо...

А вот теперь и я, как единственный аромаг в городе, удостоилась личной статьи, пусть и на удивление краткой.

Прямо скажем, не лучшая реклама!

Аромагия и так в последние годы сдает позиции под натиском фармацевтики. Ведь аромагия – это тонкая вязь, переплетение науки, магии и интуиции. Одни и те же травы по-разному действуют на разных людей, не говоря уж о нелюдях, и подбор подходящего рецепта отнимает немало времени и сил. Куда выгоднее запатентовать некое лекарство, пусть не особенно эффективное, зато подходящее практически всем, чем возиться с каждым пациентом по отдельности.

Ремесло всегда легче и дешевле искусства. Только кому есть до этого дело? Легче выпить таблетку и забыть о головной боли, чем пытаться разобраться, что именно ее вызвало. Потом еще одну, потом горсть... Потому что причина-то никуда не делась!

Однако из домашних и слуг мою любовь к аромагии никто не разделял. Злорадство свекра и кухарки было почти осязаемым, злость мужа – как мутный осадок на дне бутылки, и только легкий ветерок зеленого чая с жасмином – сочувствия - от Петтера принес мне некоторое облегчение. Хотя ничем, кроме молчаливой поддержки, помочь он мне не мог.

- Ну, что ты об этом думаешь? – нетерпеливо спросил свекор, не дождавшись, должно быть, ожидаемого взрыва негодования.

- Благодарю, я уже сыта, - уклончиво ответила я, откладывая салфетку. И не выдержала: – Сольвейг, будь добра, подай мне кофе в спальню.

От кухарки будто плеснуло злобной радостью – она похожа на заплесневевшее варенье - и у меня на мгновение закружилась голова.

- А кофе нет! – сообщила она, старательно расправляя передник.

- Куда же он подевался? – поинтересовалась я, сглатывая неожиданно горькую слюну.

Сольвейг, уже не скрываясь, одарила меня широкой улыбкой.

- Ну так вы вчера сказали, что он испортился, селедкой пахнет. Вот я и выкинула. Чтобы вам, госпожа, - о, сколько яду было в этом коротком слове! – не беспокоиться и не марать ручки.

Я бросила взгляд на свекра, который явно одобрял нахальное

поведение прислуги, и только впилась ногтями в ладони. Спокойно!

- Понятно, - только и сказала я. Головная боль все усиливалась. – Что ж, я буду в «Уртехюс».

- Ты думаешь, теперь, - господин Бранд выделил голосом последнее слово, - туда кто-то придет?

И столько довольства было в его обрюзгшем лице в тот момент, что мне захотелось наброситься на свекра с кулаками.

Разумеется, я этого не сделала.

- Полагаю, это вас не касается! – отрезала я и встала. Надо хотя бы удалиться с достоинством...

Выйдя на крыльцо, я поневоле остановилась, оглушенная. Преодолеть несколько шагов до «Уртехюс» оказалось не так-то просто: ветер сбивал с ног, а вокруг меня шрапнелью взрывался град.

То ли из-за ненастья, то ли из-за пресловутой статьи в газете (не стоило и сомневаться, что эстафету Знатока тут же подхватят остальные, как это бывало раньше), ко мне в этот день никто не торопился.

Впрочем, это только к лучшему.

Первым делом я зажгла аромалампу, куда щедро накапала эвкалипта, и присела на диван, прикрыв глаза. Прохладный запах иголками колол нос, оставляя во рту привкус соли и йода, и головная боль постепенно отпускала.

Спустя полчаса я решила, что хватит прохлаждаться, и взялась за повседневные дела.

Для начала мыло. Кастилия (так называется мыло на оливковом масле) требует от мыловара немало терпения - после приготовления она должна вылежаться хотя бы полгода, поэтому запас ее никогда не бывает лишним.

Руки действовали привычно: взвесить масла, воду и щелочь, поставить стакан с водой в емкость со льдом и потихоньку, помешивая, добавлять щелочь. Ни в коем случае не наоборот, иначе смесь слишком нагреется и посуда лопнет. Потом раствор щелочи влить в масло и мешать, мешать, мешать, пока смесь не загустеет настолько, что станет похожа на заварной крем.

Далее быстро добавить красители и ароматы и разлить в заранее выстеленные пергаментом формы. Теперь поплотнее закутать их в одеяла и поставить в теплое место. Наутро можно будет вынимать, резать и оставлять куски сушиться на месяц-другой[28]...

Это так увлекательно: смешивать, экспериментировать, пробовать, а потом, затаив дыхание, ждать, когда можно будет вынуть затвердевшее мыло и полюбоваться. Как подарок в

детстве: с замиранием сердца развязываешь ленты, открываешь обертку... Бывает, результат оказывается далеким от задуманного – например, густой благородно-винный оттенок гибискуса превращается в бурую невнятицу, а бывают, напротив, неожиданно эффектные сочетания.

И лишь залив последнюю порцию, я поймала себя на том, что тихонько напеваю колыбельную. Благородная кастилия – лучшее мыло для детей...

Перепачканные едким раствором перчатки не позволяли вытереть льющиеся по щекам слезы.

По комнате гулял сквозняк из-за распахнутого настежь окна, в дымоходе завывал ветер, поэтому тихое: «Можно?» застало меня врасплох.

Я вздрогнула, но, убедившись, что это всего лишь Петтер, успокоилась. Только отвернулась к формам, чтобы остроглазый мальчишка не заметил мои мокрые щеки.

В последнее время мое настроение слишком походило на свирлы[29]: хаотично намешанные цветные мазки. К тому же эти приступы слабости и головокружения... Пора брать себя в руки!

- Вы что-то хотели? – поинтересовалась я, споласкивая в тазу посуду, и поежилась от сквозняка. Техника безопасности требует, чтобы комната, где работают со щелочью, как можно лучше проветривалась, а зимой это бывает не слишком приятно. – Будьте так любезны, закройте окно. Уже можно.

- Да, - кратко отозвался Петтер, судя по звуку, борясь с оконной задвижкой. – Господин полковник приказал передать, что не успеет вернуться к обеду.

- Спасибо, - стягивая перчатки, сдержанно произнесла я. – В таком случае я тоже не буду обедать. Пожалуйста, сообщите об этом Сольвейг.

- Как прикажете.

Однако уходить он не торопился. Пришлось обернуться и, схватив первый попавшийся пузырек, уточнить:

- Что-то еще?

Слезы уже высохли, а покрасневшие глаза легко списать на едкие реактивы. Только, боюсь, Петтера это не обмануло.

- Да! – выпалил он, шагнул ко мне и вынул из кармана какой-то мешочек. – Вот. Это вам.

Мой нос безошибочно подсказал, что это было. Кофе! Превосходная арабика, в меру обжаренная и только что смолотая. Чуть-чуть корицы, немножко шоколада, капелька карамели и целое море горечи.

- Спасибо, - не доверяя себе, я предпочла спрятать руки за спину и отвернуться, якобы заинтересовавшись огнем в камине. –

Однако вам не следовало... Это слишком дорогой подарок.

Само собой, мне даже в голову не пришло, что его мог прислать Ингольв.

- Не беспокойтесь, я могу себе это позволить, - улыбнулся Петтер, все так же протягивая мне заветный мешочек. - Уннер сказала, какой сорт вы любите.

- Вам не следовало! – покачав головой, повторила я.

Ему и вправду не стоило преступать границу между молчаливым обожанием и ухаживаниями. К тому же просить совета у Уннер?! Впрочем, она ни о чем не подозревала.

Но как же отчаянно хотелось кофе!

Видимо, Петтер понял причины моих сомнений и, приняв самый независимый вид, объяснил:

- Вы же меня вылечили! Считайте это гонораром.

Я невольно усмехнулась: Локи, что за маленький хитрец!

- Это слишком большая плата за лекарство от простуды. – И, видя, как он упрямо нахмурил темные брови, добавила, протягивая руку: - Но я принимаю ее с благодарностью.

Петтер просиял улыбкой, удивительно его красящей, и осторожно вложил в мою ладонь свой дар.

Надо думать, мальчишка охотно присовокупил бы к нему и собственное сердце (он вовсе не казался излечившимся от привязанности ко мне), но уж его-то принимать я точно не собиралась. Наверное, мне не стоило уступать ему даже в малости, однако устоять перед кофе я не смогла.

-Выпьете со мной? – предложила я, разжигая огонь на спиртовке, и судорожно пытаясь сообразить, осталось ли у меня печенье с арахисом или хоть что-то, что можно было предложить гостю.

- Нет,- с явственным сожалением отказался он, надевая фуражку. – Мне пора.

И откланялся, оставив меня в обществе кофе, уже поднимающегося шапкой над медной джезвой. Петтер не поскупился, так что от каждой капли превосходного напитка я получила истинное наслаждение.

Настроение мое от этой, казалось бы, мелочи, стремительно пошло вверх. Напевая, я принялась за мазь от обморожения, смешивая масла ши, жожоба, какао, кокоса, авокадо и облепиху. Потом по капле добавила настойку календулы и эфир лаванды. Оставалось каллиграфическим почерком (что всегда требовало от меня немалых усилий) заполнить этикетки и расфасовать мазь по баночкам. Скоро она пригодится – разумеется, если еще не все разуверились в аромагии.

- Можно войти? – отвлекая меня от этого священнодействия,

прозвучал звонкий голосок.

Девушка, которая стояла у входа, была бы хороша, как картинка, если бы не россыпь прыщиков на щеках и приторно-ванильный, до отвращения сладкий запах.

- Конечно, проходите, присаживайтесь, - гостеприимно предложила я, снимая фартук. – Выпьете чего-нибудь?

Она втянула носом витающий в комнате аромат кофе, поморщилась и отказалась:

- Нет, я ненадолго. У меня к вам очень… личное дело.

- Слушаю вас, - усаживаясь в кресло напротив, я постаралась принять заинтересованный вид.

Судя по платью, шляпке и драгоценным серьгам, слишком дорогих для этого времени суток, девушка происходила из хорошей семьи, но едва ли постоянно проживала в Ингойе. К тому же в лицо я ее не узнала, а со всеми дамами из местного высшего света я была знакома хотя бы шапочно.

Не решаясь заговорить, девица щелкала замочком ридикюля и кусала алые губки.

- Не беспокойтесь, - видя сомнения клиентки, я поспешила уверить: - Все, что вы мне расскажете, останется между нами.

- Ну ладно! – с видом, будто делая величайшее одолжение, неохотно согласилась она. – В общем, есть один господин, который… Ну вы понимаете, он за мной ухаживает. Сопровождает на балы, дарит шоколад, и…

Она замялась и опустила взгляд на свои руки, нервно комкающие платок.

- И? – подняв бровь, уточнила я, не понимая, при чем тут я.

- И ничего! – она словно взорвалась яростью – ароматом перца чили. – Ухаживает! Уже третий год!

Несчастному платку грозила участь в ближайшие минуты превратиться в ворох ленточек.

- А вы не пробовали… немного подтолкнуть его к объяснению? – тщательно подбирая слова, предположила я.

- Пробовала! – энергично подтвердила она, разрумянившись. – Чего я только не пробовала…

Щеки ее алели, видимо, от воспоминаний о многочисленных уловках, коих барышни, стремящиеся замуж, придумали великое множество.

- Так что же вы хотите от меня? – подбодрила я. - Быть может, духи или…

- Нет, - она энергично встряхнула головой, заставив перья на шляпке заколыхаться. – Я хочу, чтобы он… ну, набросился на меня! При всех!

Мои брови невольно поползли вверх. Весьма смелая задумка,

ничего не скажешь.

- Боюсь, столь... радикального средства у меня нет, - справившись с удивлением, призналась я. – А вы твердо уверены, что ваши чувства к этому молодому человеку стоят таких жертв?

Ведь если робкий юноша откажется жениться даже после скандала, его ожидает максимум суд и штраф, а вот девушке придется несладко. Роль старой девы вряд ли придется ей по вкусу, а ничего иного не останется.

Барышня одарила меня снисходительно-презрительным взглядом, как бы говорившим: «Вы же старая! Что вы понимаете в любви?!» и коротко бросила:

- Да! Или вы дадите мне снадобье, или... – она замолчала, видимо, подбирая угрозу посущественнее. Ничего не придумала и раздраженно хлопнула по подлокотнику. – Я хочу его получить и получу! Понятно вам?

Я криво улыбнулась. Надо думать, в любви и безумствах я понимала куда больше этого юного создания. Будучи чуть старше нее, я без памяти влюбилась в случайного знакомого. Тогдашний лейтенант ответил мне взаимностью и сходу предложил выйти за него замуж, а я, юная дурочка, тут же согласилась и сбежала с ним на край света.

Разумеется, вскоре выяснилось, что в жизни все это не так романтично, как поется в балладах и пишется в книгах. Что жить при температуре минус сорок сложно, а нянчить ребенка в едва отапливаемом доме чревато. Что шуба до пят – не роскошь, а средство выживания. А муж в Хельхейме – царь и бог, который вполне может запретить даже писать родным, обосновывая это, конечно же, моим собственным благом.

- Боюсь, - повторила я, разведя руками, - ничем не могу вам помочь.

Пусть юная глупышка ломает себе жизнь без моей помощи. Любовь ценится дорого, но обходится еще дороже.

Конечно, понемногу мы с мужем «притерлись» друг к другу. Однако в любовь с тех пор я не верю. Это просто что-то вроде ветряной оспы, которой надо переболеть.

- Значит, вы и правда шарлатанка! – фыркнув, заявила девушка, яростно затягивая ленты на шляпке.

Оставалось лишь пожать плечами. Я могла предложить ей сменить духи и приготовить лосьон от прыщей. К сожалению, ума снадобьями не добавишь. Впрочем, можно попробовать средства для улучшения мозгового кровообращения, вроде розмарина или аниса, но вымоченные в соленой воде розги представлялись более эффективными...

Тем временем девушка, оскорблено фыркнув, удалилась,

хлопнув дверью.

Проводив ее взглядом, я принялась разыскивать печенье. Так или иначе, закуска мне сегодня пригодится...

До самого вечера я не покидала «Уртехюс», переделав великое множество дел. И только когда за окном стемнело, а дела окончательно иссякли, я скинула передник и косынку, откупорила принесенную накануне бутылку вина и уселась с бокалом прямо на ковре у камина.

Разумеется, идти на прием к мэру я не собиралась. Ингольв будет негодовать, и йотун с ним...

Мне не хотелось пить, но я заставляла себя глотать пьянящий напиток - иначе вспоминать было слишком больно. Мускатное вино на пустой желудок быстро ударило в голову, наполнив ее приятным туманом.

Когда в дверь забарабанили, я только устало прикрыла веки. Разумеется, этого следовало ожидать.

- Госпожа Мирра! – раздался приглушенный деревом звонкий мальчишеский голос. – С вами все в порядке? Отзовитесь, госпожа Мирра!

- Петтер, оставьте меня в покое! – крикнула я, когда непрерывный стук стал действовать на нервы.

- Откройте дверь! – потребовал он. – Я буду стучать, пока вы не откроете!

Выругавшись сквозь зубы, я отставила бокал и рывком отворила дверь.

- Я открыла! И что дальше?

Петтер посмотрел растерянно, стянул фуражку и пригладил темные волосы.

- Господин полковник уехал на прием к мэру и приказал вам явиться туда в течение часа!

- Вот как? Приказал? – склонив голову набок, иронически поинтересовалась я.

- Да, - опустил взгляд мальчишка, так и не решившись переступить через порог.

Пахло от него пряным тимьяном – непониманием.

В любом ином случае Ингольв мог приказывать – и я подчинилась бы, потому что он мой муж и у меня попросту нет выхода.

Однако его попытка сделать вид, что сегодня самый обычный день, привела меня в бешенство. От мысли надеть нарядное платье и веселиться в кругу чужих и безразличных людей к горлу подкатывал ком.

- Будьте добры, передайте полковнику, - я выделила голосом звание, - что я никуда не пойду. Я не здорова.

И, опустившись на ковер, я снова взяла бокал и глотнула вина.

- Не здоровы? – переспросил Петтер, переводя взгляд с меня на бутылку.

- Именно! – подтвердила я. – И закройте дверь, сквозит.

Он мгновение подумал и действительно ее закрыл. Изнутри.

- Что с вами случилось? – спросил он, неловко опускаясь на корточки передо мной. – Вас... вас кто-то обидел?

И встревожено заглянул мне в лицо, как преданный пес.

О чем он говорит? Кто мог меня обидеть? Ах, да, та статья...

- Нет, никто меня не обижал. – Бездумно поболтав в бокале вино, я уточнила: - По крайней мере, не сегодня.

- Тогда что с вами такое? – не выдержал Петтер. В неярком свете лицо его казалось вырезанным из дерева. – Вы сами на себя не похожи!

- Не похожа? – переспросила я. Хотелось закричать, бросить бокал в камин, завыть. А за окном, как ребенок, горько и безутешно плакал ветер. И закончила яростно: – Да что вы вообще обо мне знаете?!

- Мало, - признал он, осторожно тронув меня за плечо. И чуть заметно, будто нечаянно, погладил мягкий вельвет рукава. – А вы расскажите!

Мне вдруг нестерпимо потянуло разделить это хоть с кем-нибудь, перестать, наконец, носить все в себе, как свинцовый осколок под сердцем.

- Рассказать? Хорошо, я расскажу. Вы знаете, что такое терять близких, Петтер? – спросила я и глотнула тягучего золотистого вина. Обычно сладкое до приторности, теперь оно неприятно кислило во рту, как будто сквозь медовый вкус пробивался уксус.

Петтер отвел глаза и кивнул, до белизны сжав кулаки.

Я горько усмехнулась и залпом допила вино. Голова кружилась, к горлу подступала тошнота – и слова, которых больше не было сил сдерживать.

- Вы вспоминаете о матери, которой лишились в детстве, да?

Он поджал губы и снова кивнул, не поднимая взгляд.

- Это совсем не то, мальчик! - я покачала пальцем у него перед носом, едва не угодив в глаз. - Вы знаете, что такое, когда на ваших руках умирает ребенок, потому что простуда перешла в воспаление легких? А я ведь могла ей помочь, вылечить... Если бы только у меня были лекарства! – я судорожно вздохнула, захлебываясь воздухом, полынно-горьким от воспоминаний.

Редкость даже в Мидгарде, в Хельхейме талант аромага имел еще большую ценность. Однако стоило мне, тогда еще юной новобрачной, заикнуться о практике, Ингольв взвился на дыбы.

Женам в приличном обществе работать невместно, и точка! Лучше бы училась печь пироги, рожала детей и вела хозяйство. Разумеется, свекор целиком и полностью был на стороне своего драгоценного сыночка.

Петтер молчал, но я продолжила – глупо прерывать исповедь на полуслове:

- Но трав у меня не было. Потому что муж запретил мне их покупать. И врачей тоже не было, ведь мы жили в маленьком гарнизоне, затерянном в снегах... Знаете, что мне тогда сказал Ингольв?

Мальчишка мотнул головой, глядя куда-то в пол.

Пахло от него столь причудливой смесью ароматов, что у меня закружилась голова. Календула и горькая ивовая кора, резкий до слез хрен и туманно-мягкое дуновение соленого ветерка лаванды – и горе, и гнев, и желание помочь, утишить боль.

- Спасибо, - с чувством поблагодарила я, совсем рассиропившись – то ли от вина, то ли от этого молчаливого сочувствия. – Вы умеете слушать, мальчик.

Вскинулся, сжал бледные искусанные губы, полыхнули огнем темные глаза.

- Не называйте меня так! – попросил он негромко, но яростно.

Боль будто проскакала плоским камушком по поверхности воды и исчезла в глубине.

- Хорошо, не буду, - согласилась я, устало вздыхая. Запустила пальцы в волосы, и без того наверняка напоминающие воронье гнездо. Прошептала: - Простите меня.

- Прощаю, - улыбка солнечным лучом скользнула по его лицу, разгладила не по возрасту глубокую морщинку между бровей. – А что было дальше?

Спросил серьезно, со странной жадностью.

Зря я, конечно, затеяла этот разговор. Как будто пьяница, готовый до утра жаловаться на судьбу – благодатный повод напиваться снова и снова...

- Я начала пить, - призналась я тихо.

- Вы?! – недоверчиво вскинулся Петтер.

- Я, - надо думать, усмешка вышла горькой, как полынная настойка. – Вы думали, я бесчувственная? Идеальная леди с каменным сердцем?

Мальчишка подумал и мотнул головой.

- Нет. Но я думал... – он осекся и закусил губу.

Я вопросительно взглянула на него, впрочем, легко догадавшись о несказанных словах. Людям кажется, что пить начинают только слабые натуры. Нет, просто у каждого свой

запас прочности...

Какое дело юности до препятствий? Когда грядущее манит и обещает счастье. Когда кажется, что полюбишь – и весь мир взорвется фейерверками. Когда в рывке к цели та вдруг оказывается в шаге от тебя – протяни руку и мечта упадет в ладонь, как спелый абрикос. А сладкий сок уже почти разливается на языке...

Разве я – та, восемнадцатилетняя – думала, каково мне будет жить в затерянном среди льдов гарнизоне? Нет, молодым кажется, что можно гореть – и не сгорать...

И в темных глазах Петтера сейчас читалась все та же юная беззаветная вера.

Боги, да я пьяна – вдрызг, как первое время после смерти Фиалки. Первые сутки тогда я провела будто в прострации, судорожно вцепившись в холодную ладошку дочери. Потом, пытаясь растормошить, свекор почти силком напоил меня горячим вином. Средство неожиданно пришлось мне по вкусу, даже дало силы пережить похороны...

И я стала пить. Столько, чтобы хватало забыться – с каждым разом все больше и больше.

В чувство меня тогда привел Валериан, который больно расшиб нос, но не плакал, а только с ужасом и непониманием глядел на такую чужую - пьяную – мать.

Я лечила его, лепеча что-то утешительное, а потом рыдала взахлеб, кусая руку, чтобы не завыть в голос. Но сердце мое умерло вместе с дочерью, сгорело в горячечном бреду...

Мир плавно кружился вокруг, а привычная боль ощущалась как сквозь вату.

- У могилы Фиалки Ингольв сказал, что так распорядились норны. Судьба. – Собственный голос казался мне бесцветным, водянистым и будто пахнущим хлором. - В тот момент я поняла, что больше не люблю мужа.

Я замолчала, бездумно качая пустой бокал и наблюдая за игрой света в гранях хрусталя.

- И я решила, что дети больше не будут умирать только потому, что муж запретил мне их лечить.

Через месяц после смерти Фиалки я попросила знакомую хель передать записку Матери ее поселка. Став для вида смирной и тихой, я напряженно ждала ответа...

Хель отреагировали быстро: Ингольва повысили в звании от капитана до полковника и перевели в Ингойю, сопроводив приказ дарственной на дом и распоряжением о моей практике аромага. Для Ингольва такое назначение было давней и почти несбыточной мечтой, но обстоятельства ее осуществления его

крайне уязвили. Он получил все только благодаря мне - и моему неподчинению его прямому приказу. Этого муж мне так и не простил. Тогда между нами будто что-то сломалось. А через несколько месяцев по приезду в Ингойю я впервые узнала о его измене...

Вокруг все плыло, подергиваясь дымкой, и только серьезное лицо Петтера виделось отчетливо.

Странно, я ведь совсем немного выпила, не больше двух бокалов, отчего же так опьянела?

- И еще я решила, что больше детей у нас не будет... Сегодня ровно два года с того дня, как... – и попросила, протягивая ему бокал: - Налейте мне еще вина, пожалуйста.

Язык не заплетался, только голова кружилась, и отчаянно хотелось спать.

- Хватит, - в тоне мальчишки сквозила такая непреклонность, что я поневоле усмехнулась.

Он решительно отобрал у меня бокал и от греха подальше спрятал бутылку. Теперь от него воняло дегтем – отчаянием и бессильной злостью – горько, неприятно, пронзительно.

С трудом удерживаясь на ногах, я добрела до окна, распахнула его и подставила лицо ледяному ветру.

Откуда-то раздавался веселый смех, в темном небе взрывались фейерверки, пахло жареным мясом и пирожками...

Боги, милосердные мои боги, как же мне было больно!

А снег падал и падал на Ингойю, как белый пепел моих надежд и моей любви...

Добраться до дома мне помог Петтер, который с рук на руки сдал меня Уннер.

Уже шагнув к лестнице, я обернулась, вспомнив, что так его и не поблагодарила.

- Петтер! – позвала я.

- Да, госпожа Мирра? – отозвался он, и его улыбка вдруг засветилась пронзительной нежностью.

- Спасибо! – вымолвила я, преодолевая попытки Уннер увлечь меня наверх, к спальням.

- Пожалуйста, - только и ответил он.

Пахло от него так восхитительно, смолисто-ладанно, что у меня вдруг посветлело на душе.

Ладан - это прохладная ладонь на горячем лбу, стакан чистой воды в угаре тяжелых мыслей. Когда обидно до слез, когда мучают сомнения - он протянет руку, вытрет слезы со щек, утешит...

Голос Уннер заставил меня отвлечься от смакования замечательного аромата.

- Я отведу госпожу наверх и спущусь к тебе! – резко проговорила она, обернувшись к Петтеру.

От нее повеяло неприятным, до слез резким запахом горчицы.

Я сделала вид, что ничего не заметила. Надо признать, у Уннер были причины ревновать.

- Хорошо, я жду, - тихо пообещал мальчишка.

В ярком электрическом свете лицо его казалось усталым и как будто потухшим...

Разумеется, на следующий день я проснулась не в лучшем настроении.

Пришлось накапать смесь масел грейпфрута, розмарина, фенхеля и можжевельника – лучшее средство в таких случаях. Надо сказать, аромат у него своеобразный, зато мертвого на ноги поднимет!

Однако чувствовала я себя по-прежнему дурно, и болтовню Уннер пропускала мимо ушей. По ее словам, вчерашнее свидание удалось на славу, вот только слушать подробности о нем я не желала...

Спохватилась я, лишь заметив, что Уннер как-то странно на меня косится, и заставила себя вернуться к реальности.

- Что случилось? – спросила я, встретившись с Уннер взглядом в зеркале.

Она отвела глаза и уронила щетку, которой как раз меня причесывала.

- Ничего, - пробормотала она, кусая губы. – С чего вы взяли?

- Уннер, - усмехнувшись, я потянулась к баночке с медовым бальзамом для губ, - даже если у меня были какие-то сомнения, ты только что их полностью развеяла.

- Петтер... он переезжает к нам! – сдалась она, снова берясь за щетку.

Я поморщилась – она слишком дергала меня за волосы (видимо, от волнения), и уточнила:

- Ингольв велел Петтеру переехать в наш дом?

- Да! – подтвердила она, почему-то не слишком радостно. – До казарм далеко, господин Ингольв сказал, что так неудобно.

- Понятно, - задумчиво проговорила я, перебирая разложенные на туалетном столике безделушки.

Ингольву даже в голову не приходило поселить у нас своего предыдущего ординарца. Он все больше привязывался к Петтеру, надо думать, видя в том именно такого сына, о котором всегда мечтал: сильного, упрямого, порывистого.

Впрочем, Петтер ни в чем не виноват, да и Ингольв, по большей части, тоже. Просто я – совсем неподходящая жена для моего мужа, и с этим ничего не поделаешь...

За столом обнаружился только мой свекор, уныло ковыряющийся в тарелке с яичницей.

- Здравствуйте, господин Бранд! – я вежливо улыбнулась. – А где Ингольв и Петтер?

- Откуда я знаю? – буркнул в ответ он, обжигая меня неприязненным взглядом и запахом рыбьего жира. – Ушли куда-то.

На этом светская беседа за завтраком закончилась...

Вчерашний снег уже почти стаял, небо взбухло грозовыми тучами и лениво поливало землю дождем. И темно, как в сумерках. Лужа у крыльца разлилась морем – от порога до порога, так что пришлось, передернувшись, шагнуть прямо в воду.

Брр, ну и погода! Лучше бы я осталась в постели, но вдруг кому-то именно сейчас потребуется помощь аромага?

Придерживая одной рукой намокшие юбки, я распахнула дверь «Уртехюс» и пыталась нащупать свечу. Подводить электричество в эту часть дома свекор отказался наотрез, сославшись на непомерные расходы. Разумеется, при этом он «позабыл», что аромагия приносила весьма солидный доход.

Отпереть дверь в полумраке приемной - задача не из легких.

«Йотун!» - выругалась я себе под нос, не обнаружив спички на привычном месте. Разумеется, приличной даме не полагается говорить таких слов, однако при таких обстоятельствах мало кто от них удерживается!

Я принялась шарить по журнальному столику в поисках коробка. Гладкость лакированного дерева, ажурная шершавость кружевной салфетки... и тут мои пальцы нащупали что-то такое, отчего сердце мгновенно подпрыгнуло к горлу. Шелковистое тепло кожи. Следом послышалось тихое шипение.

Долгую минуту я боялась пошевелиться, но это не помогло: шелест потревоженного воздуха, и мое запястье будто обожгло болью.

Судорожно дернувшись, я прижала к груди пострадавшую руку и закричала. Собственный крик звенел в моих ушах, перед глазами все плыло, и полутьму расцвечивали цветные пятна.

Когда кто-то схватил меня за плечи, я едва не потеряла сознание.

- Тише, - попросил мужчина, без труда меня удерживая. – Не бойтесь, Мирра, это же я.

Знакомый словно шелковистый голос и древесный аромат подействовали на меня, как слоновья доза успокоительного.

- Исмир, - всхлипнула я. – Меня укусила змея!

И передернулась, не в силах скрыть омерзение. Вонючий ужас накрывал с головой, и только деликатное дуновение сандала с

трудом его разгоняло, как огонек свечи разгоняет ночную тьму.

На мгновение дракон будто оледенел, потом его руки скользнули по моим плечам, освобождая из теплого плена объятий. Он развил бурную деятельность: зажег свечу, распахнул дверь, помог мне добраться до кушетки.

- Куда? – коротко спросил Исмир, опускаясь на колени передо мной.

Его бледно-голубые глаза сейчас казались темными, как вода в проруби.

Я молча протянула ему руку, чувствуя, как тело сотрясает дрожь. Сбывшийся кошмар лишил меня привычного спокойствия.

- Холодно! – пожаловалась я, как ребенок.

- Вам не следует бояться, - Исмир, пристально изучающий ранки, даже не поднял головы.

И вдруг ласково погладил мое запястье, едва притрагиваясь пальцами, осторожно подул, коснулся губами… На руку будто упали снежинки, за шиворот скользнул прохладный ветерок, заставляя вздыбиться короткие волоски на шее. Ощущение от прикосновения льда к горячей коже было настолько пронзительным, что я невольно дернулась.

Исмир поднял голову, понимающе улыбнулся и пружинисто вскочил на ноги. Он источал аромат сандала и чуть слышный запах черного перца – азарта.

- Я разыщу змею, а вы тем временем изыщите в своих снадобьях что-либо согревающее.

- Зачем? – не поняла я.

Меня колотило, но, кажется, вовсе не от холода. Сколько осталось времени? Минута, час, сутки?

- Посмотрите на свою руку, - отворачиваясь, предложил он и, не дожидаясь ответа, скрылся в приемной.

Я послушно опустила взгляд… и закусила губу, чтобы не вскрикнуть. Потемневшие следы змеиных зубов окружало бело-голубое пятно, от которого стремительно разливалось онемение.

Исмир попросту заморозил поврежденный участок, не давая яду распространиться по телу! Но это чревато обморожениями, вот почему он велел найти что-нибудь согревающее…

Я стиснула зубы и заставила себя немного успокоиться.

Так, что там у нас применяется при укусах? Чайное дерево годится, скорее, от насекомых. Тысячелистник нейтрализует некоторые яды, но уж точно не змеиный. Я наморщила лоб, пытаясь поймать ускользающую мысль, как выпавшую из рук чашку. И едва не подскочила на месте, когда мне это удалось.

Корица! Она ликвидирует отек, жжение, зуд, красноту, и одновременно превосходно согревает. Нужный пузырек, казалось,

сам прыгнул в руку. Не заморачиваясь разведением, я капнула чистого эфирного масла прямо на кожу и принялась растирать. Пальцы здоровой руки горели огнем (масла, тем более такие жгучие, требуется непременно разбавлять!), зато леденящее онемение на месте укуса постепенно отступало. Из ранки начала сочиться жидкость и я, от греха подальше, неловко перевязала запястье, ругаясь сквозь зубы.

Оставалось лишь надеяться, что вместе с сукровицей (или растаявшим льдом, если Исмир умудрился каким-то образом действительно засунуть лед прямо под кожу) вытечет яд.

- Любопытно, - произнес за моей спиной знакомый баритон.

Я стремительно обернулась, не рассчитав сил – меня заметно шатнуло.

- Не следует так волноваться, - мягко заметил Исмир, придерживая меня за локоть. В его руке безвольно обвисла змея, и я не могла отвести от нее взгляда. На шее у нее был кусок светлой ткани с чем-то красным. Кровь? Краска?

Исмир небрежно встряхнул гадиной, как ремнем, и она колыхнулась так, что к горлу подступила тошнота.

- Как вы ее поймали? – неотрывно глядя на нее, будто загипнотизированная, прошептала я.

Эти холодные существа с детства вызывали у меня ужас.

- Без особых затруднений, - слегка пожав плечами, объяснил он. – Вы знаете, что змеи не переносят холода?

Я кивнула, хотя ответа не требовалось.

- А я могу заморозить что угодно и кого угодно, – Исмир помедлил и закончил со странной улыбкой: - Как и разморозить.

- Тогда зачем?.. – начала я. С какой стати он велел мне искать согревающее средство, если мог легко справиться сам?

Улыбка Исмира стала шире, и он чуть заметно кивнул, подтверждая мою догадку. Процесс согревания наверняка был бы весьма интимным...

Острый всплеск сожаления заставил меня покраснеть – и разозлиться.

- Надеюсь, теперь яд мне не страшен? – поинтересовалась я сухо, расправляя юбку и старательно не глядя на змею (и на дракона заодно).

- Нет, - ответил он, бросив ее на столик.

Потом поднял на меня глаза, и я задохнулась, настолько тяжелым оказался его взгляд – словно толстая льдина, он давил на грудь, не давал доступа воздуха... Когда Исмир отвернулся, сцепив руки за спиной в замок, я с трудом перевела дыхание.

- Судя по всему, это заурядный уж, - сказал он буднично, разглядывая выстроенные на полке пузырьки и бутылочки.

После всего пережитого соображала я с трудом, поэтому до меня не сразу дошел смысл его слов.

- Но... – я задохнулась, откашлялась и закончила: - Она ведь меня укусила!

Безмятежного спокойствия Исмира это не поколебало.

- Несомненно, - согласился он, осторожно погладив гадину по голове. – Ужи тоже кусаются, у них даже имеются ядовитые железы, которые просто не связаны с клыками. Должен заметить, что случайностью укус не был – видите, красные символы на ткани? Они заставили змею напасть вопреки ее собственному желанию. Полагаю, вас пытались напугать.

- Напугать, - эхом повторила я, чувствуя, как начинает болеть голова. Опустилась на кушетку, потерла виски пальцами (руки покраснели от корицы, но в тот момент это была меньшая из зол). Исмир был совершенно прав. В Ингойе нет змей. Здесь слишком суровый климат, да и ледяные драконы с хель – не очень приветливые соседи для холоднокровных существ.

Исмир с преувеличенным интересом изучал обстановку «Уртехюс», а я все пыталась сообразить, кто мог так жестоко пошутить.

- Ненавижу змей! – с чувством произнесла я. – Вы ее убили?

Глаза дракона мгновенно стали похожи на колкий лед.

- Нет! – и, отвернувшись, бросил через плечо: - Только люди уничтожают всех, кто им не по вкусу!

Перед глазами встал тот необычный сон. Исмир прав, люди привыкли уничтожать все, что мешает или кажется бесполезным... Но будет ли мир от этого лучше?!

- Простите меня, - попросила я, коснувшись руки Исмира, и чуть не вскрикнула, настолько холодной она была. – Вы правы, мы жестоки. Наверное, это из-за страха, мы ведь самые слабые.

- Дети, - прикрыв веки, горько прошептал он. – Всего лишь глупые дети, готовые поджечь дом, чтобы поплясать у огня.

Не найдя слов для извинений и оправданий, я ободряюще сжала его ледяную ладонь обеими руками. Дракон пристыдил меня совершенно справедливо – и одновременно я не могла преодолеть гадливость и желание раздавить опасную тварь.

Пришлось лихорадочно искать какую-нибудь нейтральную тему для разговора.

И вдруг я сообразила:

- Постойте, а что вы здесь делаете в такой час?!

- Вы только теперь спохватились? – не открывая глаз, усмехнулся Исмир.

Его губы походили на вмерзшую в лед розу, а лицо казалось изваянным из снежной глыбы, как бы смешно и мелодраматично

это ни звучало. Зато ладонь стремительно теплела, будто отогреваясь в моих руках.

Поймав себя на отчаянном желании прильнуть к его губам, чтобы согреть и их, я прикусила изнутри щеку, пытаясь угомонить разбушевавшееся тело. Исмир слишком часто со мной играл! Заставила себя отпустить его руку... и тут он открыл глаза. Ледяное пламя – это дико, однако именно им был полон его взгляд. Сквозь снежную корку губ будто протаяла улыбка, а в нежнейшее благоухание сандала капнули густого медового яда жасмина и приправили острым черным перцем. Так пахнет соблазн...

И оказалось, что даже лед умеет таять.

Я словно прыгнула в море со скалы, погрузившись с головой в вышибающие дух ощущения. Соленая горечь слез (это я плачу?!), обжигающий холод и острая нехватка воздуха.

«А губы у него теплые...» - это была последняя связная мысль...

Стук в дверь показался мне выстрелом в спину.

С трудом вынырнув из омута безумия, я задохнулась, сообразив, что дверь не заперта. А значит, гость всего лишь хотел обозначить свое присутствие. Надо думать, успев многое увидеть.

Вероятно, вид мой был растерянным и виноватым. И красноречивым. По крайней мере, от Петтера, стоящего в дверном проеме, несло душным гневом, горчичной ревностью и кислым разочарованием. Разочарование похоже на прокисшие маринованные огурцы – на вид такие пикантные и хрустящие – но вялые и пересоленные.

Хотелось извиниться, хотя за что? Наверное, за развенчанный идеал. Пусть муж много раз изменял мне, даже не слишком это скрывая, пусть в доме ко мне относились хуже, чем к приблудному псу – я должна держать лицо. Улыбаться, терпеть, усмирять львов добротой и кротостью...

Но боги мои, милосердные мои боги, как же я устала! Хотелось расслабиться, хоть ненадолго, почувствовать себя хрупкой и обожаемой.

Я поневоле усмехнулась. Жизненный опыт (или цинизм?) безжалостно подсказывал, что это всего лишь самообман.

От моей улыбки Петтер дернулся, как от пощечины.

- Госпожа, - будто переломившись в поклоне, начал он, старательно глядя мимо меня. – Мне нужно кое о чем вам рассказать.

- Я вас слушаю, - я попыталась шагнуть в сторону от Исмира, однако он легко меня удержал. Пахло от него мандариновым весельем и кисловато-лимонным любопытством.

- Наедине! – словно выплюнул Петтер.

- Как угодно, - пожал плечами Исмир. Наклонился ко мне и сказал на ухо, едва-едва касаясь губами моей кожи: - Будьте осторожнее с корицей, ее действие на ледяных драконов... весьма специфично.

И, сверкнув напоследок улыбкой, вышел, оставив меня переваривать свое возмутительное заявление.

- Петтер, - не поднимая глаз, начала я, лишь теперь осознав, в каком положении очутилась. - Могу я попросить вас сохранить увиденное в секрете?

- Попросить... – протянул мальчишка с насмешкой и горечью, от которой у меня запершило в горле. – Да, попросить – можете. Только скажите, почему *он*?!

И вот это детское: «Почему брату купили лошадку, а мне нет?!» - меня добило.

Закрыв лицо руками, я принялась смеяться...

Успокоившись, я взглянула на замершего у входа Петтера.

Надо сказать, выражение лица у него было презанятное, а запах и того интереснее: так пахнет осока. Травянистый болотно-зеленый аромат – обида и замкнутость.

- Петтер, - вздохнув, уже серьезно начала я, глядя ему в глаза. – Все совсем не так, как вы подумали...

Еще раз вздохнула, когда он недоверчиво хмыкнул (звучало это и правда нелепо и беспомощно).

- Совсем не так! – упрямо повторила я. Выпрямила спину и, подняв подбородок, отчеканила: - Для ледяных драконов корица является афродизиаком. Меня укусила змея, - я кивком указала за забытую (или оставленную в качестве сувенира?) гадину на столике. - Исмир помог мне с ней справиться. А я, не зная об особенностях действия на него корицы, применила ее как антидот. Результат вы видели.

Признавать, что причиной произошедшего являлся афродизиака, было унизительно, потому что...

Петтер услужливо озвучил, почему:

- А на вас тоже это подействовало? И что он вообще здесь делал?

Пришлось проглотить резкое: «Это не ваше дело!».

После всего, что я ему вчера наговорила, да еще при нынешних обстоятельствах, это было бы не лучшим решением.

- У меня тоже случаются минуты слабости. Надеюсь, такой ответ вас удовлетворит?

Надо думать, у мальчишки тут же возник соблазн проверить, как я отнесусь уже к его поцелую. Петтер опустил глаза, мучительно покраснел и сжал кулаки. И аромат: кислая клюква

смущения, виноградная сладость предвкушения, томительно-тягучая амбра желания.

Напомнить ему об Уннер? Впрочем, вряд ли это подействует.

- Так я могу рассчитывать, что этот инцидент не станет известен Ингольву? – повторила я, пока мальчишка не наделал глупостей.

- Да, - хрипло ответил он. Откашлялся и добавил уже увереннее: - Я ничего не скажу полковнику, если он прямо меня не спросит.

Я подняла брови (весьма странная оговорка!), и он поспешил уточнить:

- Я не могу соврать. Промолчать или ответить уклончиво, но не соврать.

- Почему? – только и спросила я.

Он передернул плечами, распространяя запах намокшей древесины и хвои, и встревожено взглянул на часы.

- Надо спешить! Я поймаю извозчика через пять минут, а вы пока оденьтесь.

- Но куда спешить?! – не выдержав, я повысила голос. События понеслись вскачь, и я оказалась к этому решительно не готова.

Петтер уже с порога обернулся:

- Мы должны успеть к Халле к десяти.

И только хлопнула дверь...

Я стояла посреди «Уртехюс», бездумно разглядывая знакомую обстановку, и размышляла. Могло ли все это оказаться какой-то хитрой ловушкой, чтобы всерьез меня скомпрометировать и дать Ингольву карты в руки? Похоже, он всерьез увлекся хорошенькой медсестрой, даже перестал навещать меня по ночам.

Покачав головой, я потянулась за пальто.

Петтер стал для меня отдушиной, словно форточка, открытая в прокуренной комнате. Поверить, что он меня предаст... Невозможно.

Спустя десять минут мы уже сидели в бешено мчащемся экипаже. Расспросить Петтера не удалось: он сел рядом с извозчиком, о чем-то негромко с ним переговариваясь.

Мне оставалось только смотреть на мелькающие за окошком городские улицы и недоумевать. Куда мы едем? Зачем? К чему такая гонка? Почему не на машине?..

На последний вопрос я получила ответ, когда мы прибыли на место: наш автомобиль, покрытый грязью, был припаркован неподалеку. Надо думать, на нем приехал Ингольв.

Петтер помог мне выйти (какие у него горячие руки!) и заботливо придержал, когда я оступилась и едва не упала в лужу.

Я посмотрела на него, ожидая пояснений, не дождалась и растерянно огляделась. Мы очутились за городом, на перекрестке трех дорог, в центре которого торчала скала Халле, словно воздетый вверх палец. Вокруг простиралась унылая поросшая мхом равнина, и только в отдалении приглушенно рокотало море.

Картину несколько оживляли четыре разномастных автомобиля, три конных экипажа и столпившиеся у самой скалы люди.

Первым делом в глаза мне бросилась лысоватая макушка Ингольва, который, несмотря на моросящий дождь, был без шляпы. Рядом с Ингольвом, взяв его под руку, стояла милая дама, чьи тщательно завитые светлые волосы украшала кокетливая голубая шляпка.

Я стиснула зубы: что бы ни стряслось, Ингрид приложила к этому руку. Видеть ее и Ингольва вместе оказалось неожиданно больно.

- Пойдемте! – заставил меня очнуться настойчивый голос Петтера.

- Да, конечно! – спохватилась я и, не заботясь о том, что на юбку при каждом шаге брызгала грязь, устремилась к мужу.

Он увлеченно спорил с каким-то благообразным стариком, который бережно держал металлический ларец. Ингольв не замечал моего появления, пока Ингрид не дернула его за рукав.

- Доброе утро, дорогой, - непринужденно улыбнулась я, останавливаясь напротив них.

На лице моего мужа проступила краска то ли смущения, то ли гнева.

Петтер, кажется, попытался спрятаться за мою спину. По крайней мере, исходящий от него опасливый аромат – так пахнут некоторые жуки, если их испугать - выдавал, что распоряжения привезти сюда меня Ингольв ему не давал.

- Что ты здесь делаешь? – хрипло спросил муж.

Его веки покраснели и опухли, выдавая бессонную ночь.

- Прогуливаюсь, - усмехнулась я нелепости вопроса. – Ты ведь не против моего присутствия?

- Нет, - теперь уже точно смутившись и отводя взгляд, пробормотал Ингольв. – Конечно, нет.

Я почувствовала, как заныло сердце.

- Господин полковник, мы можем продолжать? – нетерпеливо обратился к нему осанистый старик.

- А? Да, конечно, продолжайте! – сглотнув, согласился Ингольв.

Он вел себя, как кот, уличенный в воровстве сливок, и это казалось таким нелепым, таким нереальным. Что могло заставить Ингольва держаться так?

Ингрид растерянно улыбнулась мне. Я, сделав вид, что этого не заметила, принялась разглядывать окружающих, борясь с неловкостью и злостью на Петтера. Зачем он притащил меня сюда и поставил в неудобное положение? Впрочем, он наверняка действовал из лучших побуждений. Только мне от этого не легче.

Вокруг толпились знакомые: инспектор Сольбранд, доктор Торольв, мэр Фритрик...

Они вразнобой меня приветствовали, заверяя в почтении и желая долгих лет жизни. Только приветствия эти походили на мелодию, исполняемую на вконец расстроенном инструменте. И запах с тяжелой, сладкой до тошноты нотой солодки - притворство.

Меня будто пытались оттеснить от Ингольва и заслонить происходящее.

От непонимания хотелось закричать, устроить истерику или потребовать нюхательную соль. Однако за моей спиной скалой возвышался Петтер, и исходящий от него аромат спелых зеленых яблок меня отрезвил. Так или иначе, я во всем разберусь.

- Господа, надеюсь, вы простите меня, но я должна быть рядом с мужем! – прервала я занимательную (а на деле сумбурную) историю, которую рассказывал мне господин мэр.

Лучшая защита – нападение, не так ли?

- Конечно, - мелко закивал мэр, растерянно переглянувшись с доктором Торольвом.

Остальным ничего не оставалось, кроме как расступиться, открывая арену событий.

У меня перехватило дыхание. Захотелось надавать себе пощечин: как же я сразу не догадалась! Еще когда мы остановились на развилке трех дорог, следовало понять, что происходит. Но из-за чего?!

Тем временем Ингольв отцепил от себя Ингрид, что-то негромко ей сказал и скинул пальто на руки своего давнишнего приятеля.

Потом он натянул перчатки и шагнул к старику. Остановившись, выпрямил спину и вздернул подбородок:

- Я готов!

- Я готов! – эхом откликнулся смутно знакомый господин в сером твидовом костюме, встав напротив Ингольва.

- Господа, извольте выбрать... – старик распахнул перед ними ларец, украшенный рунами.

Сзади восторженно присвистнул Петтер. Я оглянулась:

мальчишка, вытянув шею, пытался получше рассмотреть содержимое ларца. Мужчины так любят подобные игрушки!

- Госпожа Ингрид, позвольте вас спросить? – подойдя, я коснулась ее плеча, и она дернулась, как от удара током. Сквозь нежный аромат белых цветов кактусом пробивался колючий запах беспокойства.

- Да, - согласилась она, не отводя напряженного взгляда от Ингольва. Моего Ингольва! Пусть у нас уже давно сложные отношения, но...

- Повод? – коротко поинтересовалась я, сдерживая желание вцепиться в ее безупречную, несмотря на непогоду, прическу.

- Господин Ингольв... – она замялась, комкая кружевной платок.

Ветер развевал ленты и перья на ее шляпке, и я вдруг поняла, насколько неопрятно, должно быть, выгляжу по сравнению с ней. Бурные события сегодняшнего утра, несомненно, оставили след на моей внешности. Как тут не вспомнить бабушкины наставления, что женщина должна быть ухоженной и аккуратной в любой ситуации?

- Ингольв, - повторила Ингрид, забыв назвать его «господином», - на приеме у мэра поспорил с господином Ормом из-за... Из-за политики!

Кажется, Петтер выдохнул приглушенное ругательство.

- Надо думать, серьезный спор? – задумчиво произнесла я.

Заминка перед последними словами была слишком заметной. Не из-за прекрасных ли глаз Ингрид случилась размолвка? Ингольв собственник и никогда не согласится делиться тем, что считает своим. Или все же политические разногласия? Муж всегда активно интересовался этой темой, хотя до сих пор дискуссии не заканчивались столь радикально.

Однако реакция Петтера на это сообщение настораживала.

Решив больше не обращать внимания на Ингрид, я, прищурившись, посмотрела на господина Орма. Терпеть не могу прилизанные волосы, мелкие черты лица, да и имя неприятное – «Змеиный», и я точно его где-то слышала...

Мужчины наконец выбрали, и старик, захлопнув ларец, сделал три шага назад и изрёк:

- Мороз укрепит лед в руках правого и растопит оружие виноватого. Приступайте!

И скрестилось с тихим звоном оружие дуэлянтов...

Признаюсь, я только рассмеялась, когда впервые услышала о таких дуэлях. Драки на пистолетах, рапирах, в крайнем случае, мечах – это можно хоть как-то понять. Но сражаться на ледышках?!

В Хельхейме же иные дуэли считались дикостью. Мол, даже если дело дошло до драки, зачем превращать ее в смертоубийство? Оставались кулаки или, для приличного общества, сосульки. Смертельные случаи на таких дуэлях нечасты, зато увечья не так уж редки... Это заставляло свидетелей с особым напряжением всматриваться в происходящее.

Здесь говорят: «Много сосулек поломали», подразумевая долгие препирательства и соперничество.

Правила дуэли предельно просты: у кого первым сломается «оружие», тот и проиграл.

Надо сказать, во всех этих финтах, обманных выпадах и блоках я ровным счетом ничего не понимаю. Поэтому, закусив губу, наблюдала не за движениями соперников, а за искрящимися сосульками в их руках, защищенных тонкими перчатками.

Ингольв только выругался, когда ледяное острие прошло впритык с его горлом.

Мы с Ингрид синхронно вскрикнули, и она, как маленькая, взволнованно схватила меня за руку. Признаться, я думала, что во вторую мою руку вцепится Петтер, но он только втянул воздух сквозь зубы.

Ингольв, разозленный промахом, яростно контратаковал.

Старик с ларцом зорко следил за каждым движением противников, готовый вмешаться в любой момент. Профессия мастера по сосулькам всегда была весьма доходна и уважаема, поскольку природе в столь важном и деликатном вопросе не доверяли. Заодно мастера выполняли функции судей.

Тем временем Ингольв наседал на своего противника, а тот змеей ускользал из его рук.

Признаюсь, даже меня разобрал азарт, Петтер же вообще тихо комментировал каждый выпад (впрочем, его комментарии мне мало что поясняли).

Рядом, приподнявшись на цыпочки, взволнованно дышала Ингрид. Я неприязненно покосилась на нее и едва не пропустила решающий момент.

Обманный финт, рывок, Ингольв, поскользнувшись, полетел в грязь... И в последний миг отчаянно, слепо рубанул по противнику...

- Ах! – слитно отозвалась толпа.

Петтер за моей спиной выругался, однако я предпочла сделать вид, что ничего не слышала.

Секундант Ингольва бросился к нему, следом спешил доктор Торольв. Однако их помощь не потребовалась: Ингольв, весь перемазанный, поднялся сам, а при виде жалкого обломка «рапиры» в руках господина Орма широко улыбнулся и поднял

вверх собственную невредимую сосульку.

В этот момент он походил на древнего воина, стоящего на залитой кровью палубе драккара. Сверкали голубые глаза, распрямились плечи, даже грязь и запах пота придавали Ингольву какой-то странный диковатый шарм.

На глаза мои навернулись слезы. Боги, милосердные мои боги, как же я когда-то его любила!

- Госпожа Мирра? – тут же встревожился Петтер.

- Нет, ничего, все в порядке! – поспешила заверить я, смаргивая предательскую влагу.

- Господин Ингольв победил! – провозгласил старик с ларцом.

Муж бережно поднес к губам сосульку и передал ему. Ликующий запах имбиря, коньяка и лавра витал над местом дуэли.

А вокруг смеялись, хлопали в ладоши, громко обсуждали детали схватки.

Ингольва обступили друзья, каждый из которых считал своим долгом поздравить победителя. Только господин Орм морщился и потирал ушибленное запястье.

- Поздравляю, голубушка! – инспектор, протолкавшись ко мне, лукаво подмигнул и расплылся в улыбке.

- Благодарю, - только и отозвалась я, недоумевая.

Собственно, причем тут я?!

- Мирра! – повелительно позвал муж.

Вопросы пришлось отложить.

- Да, иду, дорогой! – подавив вздох, откликнулась я, направляясь к Ингольву.

- Видела, как я его? – хвастливо спросил он, всем своим коньячно-кофейным запахом умоляя о похвале.

- Замечательно! – отозвалась я с улыбкой.

Петтер истуканом застыл за моей спиной.

Если отбросить в сторону то, что Ингольв защищал честь моей «подруги», то он и вправду держался великолепно.

Я заметила заинтересованные взгляды и разливающийся вокруг легкий флер сладкого фенхеля. Так пахнет, когда у людей нестерпимо чешутся языки. Кажется, за нашим трио (Петтер не в счет) внимательно наблюдали, и это внимание ощущалось липкой паутинкой.

- Дорогой, может быть, поедем домой? – зябко поежившись, предложила я. И добавила вполголоса: - Здесь прохладно... И слишком многолюдно.

Прежде, чем Ингольв успел ответить, вмешалась Ингрид:

- Разве вам холодно? – притворно удивилась она. – По-моему, прекрасная погода!

- Действительно? – только и спросила я. Погода на загляденье: сыро, грязно, хмуро и ветрено.

- Вам нужно чаще бывать на свежем воздухе. – Продолжила Ингрид, по-дружески подхватывая меня под локоть и доверительно склоняясь ближе. - Это я вам говорю как медсестра. Рекомендую прогулки по берегу. Они очень полезны для закаливания и укрепления нервов.

Прозвучало это как едва прикрытый намек.

- Благодарю, - пытаясь сдержать ярость, я принялась поправлять выбившиеся из-под шляпки волосы. – Однако в вопросах лечения я сама достаточно компетентна. В конце концов, я – аромаг!..

И усмехнулась ей со значением. Окончание фразы «... а вы – всего лишь медсестра!» будто повисло в воздухе, словно неприятный запах – невидимый, зато вполне ощутимый.

Ингрид потупилась и прикусила розовую губку. В яблочный джем ее аромата щедро добавили недовольства – кислого молока.

- Мирра! – Ингольв, наконец, обрел голос, и в тоне его звучали досада и предостережение.

- Да, дорогой? – лучезарно улыбнулась я.

- Госпожа Ингрид желает тебе только добра, - нахмурился он. – И тебе стоит ее послушать, а не спорить!

- Я слушаю, - я пожала плечами, мягко высвобождаясь из хватки медсестры. – Но полагаю, что могу сама распоряжаться своим временем. Раз уж у меня так мало домашних обязанностей.

Последний намек узурпацию свекром власти в доме моментально вывел Ингольва из себя. Вокруг него словно полыхнул раздраженный коричный аромат.

- Мирра... – громко начал Ингольв, но, наткнувшись на мой предостерегающий взгляд, продолжил уже значительно тише: - Обсудим это в машине.

- Конечно, дорогой! – безмятежно согласилась я, кладя ладонь на его локоть.

Ингрид ничего не оставалось, кроме как следовать за нами в фарватере. И, признаюсь честно, эта маленькая победа грела мне сердце.

Впрочем, торжество мое продолжалось недолго. Остановившись рядом с автомобилем, Ингольв украдкой огляделся и, убедившись в отсутствии лишних ушей, проговорил негромко, но безапелляционно:

- С этого дня ты будешь проводить на берегу не меньше часа ежедневно!

При иных обстоятельствах подобное распоряжение я приняла бы с восторгом. Однако я не могла отделаться от мысли, что

Ингрид зачем-то нужно было мое отсутствие в городе, и, надо признать, она весьма ловко добилась желаемого.

- Ингольв... – начала я, но он не слушал.

- С тобой будет ездить Петтер. Поезжайте прямо сейчас.

- Дорогой, но как же ты вернешься в Ингойю, если мы заберем автомобиль? – сделала я последнюю попытку. Резкий порыв ветра заставил меня, поежившись, поднять меховой воротник.

- Не волнуйся, - раздраженно дернул плечом муж. – У меня еще дела, а Ингрид может поехать на извозчике.

Радовало хотя бы, что он не намеревался уехать отсюда с любовницей под ручку! Впрочем, причиной тому наверняка были соображения престижа и приличий, а вовсе не мои оскорбленные чувства.

Петтер с легким поклоном распахнул передо мной дверцу.

От мальчишки веяло пачули – чуть затхлым, болотистым ароматом смолы, дыма и земли – предвкушением чего-то долгожданного. Я с трудом спрятала досаду: кажется, Петтер доволен таким поворотом событий. Все довольны – кроме меня.

- Я вам так завидую! – мечтательно прощебетала Ингрид, прижимая руки к груди. – Прогулка по берегу – это так романтично!

Надо думать, я – особа совершенно неромантического склада характера. Однако мое скептическое хмыканье нисколько ее не обескуражило.

- Заодно вы можете, например, собирать ракушки и камушки, - с брызжущим энтузиазмом, похожим на сладко-кисло-горький вкус грейпфрута, предложила Ингрид. – Можно делать из них прекрасные цветы или флакончики для духов!

- Благодарю! – ответила я с холодной вежливостью. – Непременно обдумаю ваше предложение! До свидания, госпожа Ингрид, дорогой.

И, уже отворачиваясь, заметила, как Ингольв улыбается Ингрид. Пахло от него в этот момент цветочно и сладко – липой – как в ту июльскую ночь, когда он умолял меня сбежать с ним...

Надо думать, все время, которое мне следует проводить с Петтером, мой муж будет проводить с Ингрид. Забавно, нас с Ингольвом уже давным-давно нельзя было назвать любящей парой, однако меня больно ранила его неприкрытая нежность к другой женщине. До сих пор его измены были простыми интрижками. Принять серьезное увлечение мужа оказалось значительно сложнее. Только гордость и молчаливая поддержка Петтера позволили мне сохранить лицо и не устроить скандал.

- Да, Петтер, я забыл сказать, – спохватился Ингольв, когда ординарец помог мне усесться.

- Слушаю, господин полковник! – тут же вытянувшись по стойке «смирно», отрапортовал мальчишка. Каменное лицо, но запах – колкая перечная мята и холодно-лиственный петитгрейн – выдавал его недовольство.

Подойдя к нему, Ингольв как-то неожиданно по-доброму улыбнулся и заговорщицки сообщил:

- Я направил в столицу представление на производство тебя в чин лейтенанта.

Темные глаза Петтера расширились от удивления.

- Это большая честь для меня, господин полковник! – только и сказал он.

- Не прибедняйся, мой мальчик! – покровительственно похлопав его по плечу, смягчившимся голосом произнес Ингольв. – Такие, как ты, всегда в цене.

Я ожидала, что Петтер ответит что-то вроде: «Рад вам служить, господин полковник!», но он только почтительно склонил голову. Исходящий от него аромат, против ожиданий, вовсе не искрился радостью. Напротив, остро ограненный черный перец колол нос.

- Такие, как он? – заинтересовавшись, повторила я. – Что ты имеешь в виду?

- Неважно! – отмахнулся Ингольв. И велел: - А теперь поезжайте!

Нам ничего не оставалось, кроме как послушаться…

- Куда ехать? – спросил Петтер, устроившись на водительском месте.

Его кисти – крупные, грубоватые для такого мальчишки – уверенно покоились на руле.

Я взглянула на свои мелко дрожащие руки и попыталась успокоиться.

- На берег, - отозвалась я, сама поразившись терпкой горечи, которая звучала в моих словах.

Зажмурилась, несколько раз глубоко вздохнула.

Петтер молча вел автомобиль, временами на меня поглядывая. Даже с закрытыми глазами я ощущала его взгляд: встревоженный, полный заботы и тихой нежности. Пахло от мальчишки тягучей смолой и ванилью - бензоином. И как бензоин, по хельским поверьям, отгоняет злых духов, так и этот аромат словно рассеивал мои печали.

Только я никак не могла отделаться от чувства вины. Я постоянно твержу, что стараюсь оттолкнуть Петтера, ради его же блага, а сама исподтишка наслаждаюсь благоуханием его чувств.

Запахи – это целый океан, пугающий тех, кто не умеет плавать. Можно всю жизнь плестись по его берегу, шарахаясь

даже от брызг. А можно, как дети, с визгом прыгнуть в набегающую волну и насладиться ее бурлящими прикосновениями...

Но я не имею права поступать так с Петтером, даже если он мечтает именно об этом.

Когда автомобиль, в последний раз чихнув мотором, остановился, я еще некоторое время сидела неподвижно.

- Госпожа Мирра? – тихий голос Петтера, его осторожное прикосновение к локтю заставили меня нехотя открыть глаза.

- Да, Петтер? - рассеянно отозвалась я, глядя на хмурое море за окном автомобиля. Оно походило на медведя, который все никак не уснет в своей берлоге, ворочается и недовольно порыкивает.

- Приехали, - подтвердил очевидное мальчишка, не торопясь убирать руку. А губы у него пухлые, совсем детские, и улыбка такая открытая...

По тесному салону автомобиля поплыло такое благоухание, что я замерла, разрываясь между желанием отшлепать глупого мальчишку и обнять его.

Так красиво, милосердные мои боги, как же красиво! Мягкая замша, играющая всеми оттенками фиолетового – ладан, кремово-желтый атлас сандала, нежная шероховато-древесная текстура мирры, как брошь, скрепляющая все это великолепие.

Ладан, сандал и мирра – благоговение.

Кажется, еще немного, и Петтер совсем потеряет голову.

- Петтер, - быстро и намеренно громко заговорила я, стараясь развеять наваждение, томным жасмином колышущееся вокруг. – Зачем вы меня туда привезли?

- Что? – непонимающе спросил он, с трудом выныривая из своих грез.

Прекрасный аромат будто поблек, но не исчез. Словно кто-то набросил на роскошное вечернее платье плотный кожаный плащ.

- Зачем вы меня туда привезли? – терпеливо повторила я. – Не думаю, что вы намеренно хотели меня унизить.

А вот это его проняло: дернулся, из глаз мгновенно исчезла мечтательная дымка – будто фата, сорванная нетерпеливым женихом.

- Нет! – Петтер протестующе мотнул головой. – Я просто...

- Просто – что? – подбодрила я нетерпеливо.

- Я хотел, чтобы вы знали, - признался он тихо, глядя на свои сцепленные руки.

- Знала о чем? – раздражение прорвало плотину моего самообладания. Ведь он ничего мне не объяснил! Выдернул из «Уртехюс» и повез неведомо куда, как безвольную куклу. А теперь

из него слова не вытянешь! – Что Ингольв настолько... – я замолчала на мгновение, подбирая слово, - потеряет голову, чтобы драться на дуэли из-за любовницы?

- Нет! – так яростно запротестовал Петтер, что я вздрогнула. Теперь он смотрел прямо мне в глаза – требовательно и настойчиво. – Все совсем не так! Вы...

Он оборвал пламенную речь на полуслове и отвернулся, прикусив губу. Пахло от него противоречиво – кислой обидой и жаркой имбирно-лавровой гордостью.

- А как? – мягко спросила я. – Все выглядит вполне очевидным.

- Я не могу вам сказать, - неожиданно хрипло произнес он, не глядя на меня.

- Не можете или не хотите? – уточнила я резко. – Петтер, что за глупости?

Какие-то непонятные намеки, обмолвки, как будто это великая тайна!

- Не могу! – выкрикнул он, ударив по рулю.

Низкий рев клаксона заставил меня вздрогнуть и отшатнуться.

- Я дал слово господину полковнику, что никому не скажу! – уже тише закончил Петтер, сжимая руки в кулаки.

Оставалось только вздохнуть: благородство похвально, однако порой очень утомительно.

- Эта история с дуэлью как-то связана со мной, верно? – предположила я, вспомнив слова инспектора Сольбранда.

Петтер нахмурился и еле заметно кивнул.

- Почему вы не хотите мне помочь? Хотя бы немного! – попросила я, взяв его за руку. Запрещенный прием: мальчишка дернулся и жарко покраснел.

- Я не могу! – выдавил он.

Петтер не знал, куда девать глаза, но пахло от него так дымно-ладанно, что не оставалось сомнений в его непреклонности.

- Хорошо, - признавая поражение, вздохнула я. – Подумаю об этом позже. Да, вот еще о чем я хотела спросить...

Петтер, который уже облегченно перевел дыхание, снова напрягся:

- Да?

- Что имел в виду Ингольв, когда сказал, что такие, как вы, всегда в цене?

Надо думать, он подразумевал не только преданность своего ординарца – вряд ли командование сочтет ее достаточной причиной для столь стремительного повышения.

Петтер молчал, явно колеблясь, потом вдруг принялся неловко закатывать правый рукав. Резкий решительный аромат лимонной травы жалил нюх.

- Что... – начала я и замолчала, когда он резко протянул мне руку запястьем вверх.

Вены перечеркивал темный знак, словно клеймо. Тейваз.

«Руны победы, коль ты к ней стремишься, - вырежи их на меча рукояти и дважды пометь

именем Тюра!»[30] - всплыли в голове выученные в детстве строки.

- Вы?! – от удивления я задохнулась. – Вы – посвященный Тюра?!

Петтер тщательно одернул рукав и аккуратно застегнул пуговицы:

- Да!

В этом коротком слове было так много: и твердая уверенность, и гордость, и непреклонность.

Тюр – бог войны, но мало кто из военных осмеливался на посвящение ему, ведь Тюр еще и бог справедливости. В давние времена он поплатился правой рукой за ложь[31], и его верным последователям грозит то же самое.

- Так вот почему вы не можете нарушить клятву! – прошептала я, вдруг осознав, чем он рисковал. И, поняв, искренне извинилась: - Простите меня!

- Ничего, - пожал плечами он. – Вы же не знали.

И такая детская гордость (сумел поразить даму сердца!) читалась на его лице, что я поневоле усмехнулась. Боги, какой же он еще мальчишка!

- А разве вы не нарушили слово, когда привезли меня к Халле?

- Нет, - мотнул головой Петтер и улыбнулся неожиданно лукаво: - Я же ничего вам не сказал!

- Хм, - я, подняв брови, посмотрела на него, потом не выдержала и рассмеялась.

Любопытный подход! Не сказать, зато показать.

Он засмеялся вместе со мной, и я не успела отреагировать, когда Петтер вдруг оказался совсем близко. Только поморщился чуть заметно – должно быть, тянуться ко мне через какие-то рычаги было не слишком удобно.

- Не надо! – попросила я тихо, даже не пытаясь отодвинуться.

Петтер глухо проговорил:

- Почему?

- Потому что Ингольв сотрет вас в порошок! – стараясь, чтобы

голос звучал мягко, но уверенно, произнесла я.

Обожание Петтера грело душу и, что скрывать, льстило мне. Однако цена слишком велика, чтобы я могла ее заплатить – а уж тем более, позволить платить ему. Стоит Ингольву что-то заподозрить, и Петтер тут же со скандалом вылетит из армии, а меня ждет раздельное проживание с мужем, а значит, и невозможность видеть сына.

Мальчишка на несколько мгновений опустил взгляд, потом прямо посмотрел на меня. Его темные глаза лихорадочно пылали.

- Ну и пусть! – выдохнул он, осторожно, будто боясь обжечься, касаясь пальцами моей щеки.

К его лбу прилипла прядь темно-каштановых волос, и мне невыносимо хотелось протянуть руку и ее убрать.

- Не надо, Петтер, - повторила я, отстраняясь. – Я этого не стою.

- Стоите! – только и ответил он. А в его голосе и, главное, в запахе, чувствовалась такая убежденность, что спорить было бесполезно. И начал решительно: - Госпожа Мирра, я...

- Пожалуйста, не продолжайте! – попросила я, в протестующем жесте выставив вперед открытые ладони. Он ведь всего лет на семь-восемь старше моего сына! – Не нужно, я не хочу этого слышать!

Он потупился, до белизны сжал губы. Потом через силу проронил:

- Почему?

Я заговорила быстро:

- Послушайте, вы заслуживаете большего. Заслуживаете любви, семьи, детей, в конце концов!

Я сбилась и умолкла. На глаза отчего-то наворачивались слезы.

- Большего? - переспросил он глухо.

- Я не могу вам этого дать, - борясь с желанием закрыть глаза, произнесла я. – Никогда.

- Понятно, - слепо нащупав ручку, Петтер дернул за нее и почти вывалился наружу.

Только в воздухе остался запах горького миндаля – сладкий и ядовитый[32]...

Оглушительно хлопнула дверца, и я наконец крепко зажмурилась. Хотелось бежать следом, окликнуть, извиниться... Но за что? Я поступила правильно, отчего же так горько?

Посидев так несколько минут, я решительно выбралась из машины. Глупо прятаться от последствий своих поступков.

Узкая песчаная полоска берега едва-едва высовывалась из кружевной пены волн. Угрюмое небо опустилось брюхом на гладь

моря, и теперь лениво покачивалось на воде. Все вокруг было серым, даже песок потемнел от грязи. Только зеленый мундир Петтера выделялся на этом фоне.

Пронзительные, надрывные крики чаек, кружащих над водой, резали слух. Моряки верят, что чайки – это души утонувших матросов, хотя сомневаюсь, что души могут так вонять и столько гадить.

Мои сапожки при каждом шаге увязали в песке, от которого тянуло холодом. Я поежилась и плотнее запахнула воротник. Хотя в Ингойе значительно теплее, чем в окружающих широтах (благодаря теплому морскому течению и вулкану, подогревающему землю снизу), однако и здешний климат нельзя назвать благодатным. А чуть дальше к северу море и берег усеяны ледяными глыбами, которые в солнечную погоду похожи на сверкающие бриллианты.

Преодолевая сопротивление ветра и песка, я подошла к мальчишке, который стоял у самой кромки воды, скрестив руки на груди. Он неотрывно смотрел на небо и даже не обернулся, когда я коснулась его плеча.

- Петтер? – позвала я и сглотнула слюну, пытаясь избавиться от желчного привкуса на языке.

- Да, госпожа Мирра, - голос мальчишки звучал безжизненно.

Пахло от него травянисто и остро – осокой – «не тронь меня!».

Подумалось, а что, если однажды моему сыну любимая скажет то же самое? Утешит ли его то, что она поступает, как лучше?

Захотелось обнять мальчишку, пригладить его каштановые вихры, прошептать на ухо что-нибудь ласковое... Однако я сдержалась: надо думать, Петтеру будет легче перенести жалящее «нет», чем мою почти материнскую нежность.

- Пойдемте в автомобиль, - предложила я неловко.

Он будто не слышал, все так же напряженно глядя на что-то белое в густом киселе туч. Любопытно, чем его заинтересовала обычная чайка?

- Почему люди не летают, как драконы? – вдруг спросил Петтер с неожиданной горячностью.

От него пронзительно потянуло кедром, как будто из холодного просоленного песка вдруг выросли хвойные исполины, протянули к угрюмому небу разлапистые колючие ветви. Так пахнет решимость.

- Такова наша природа, - пожала плечами я. – Если бы боги хотели, чтобы мы летали, они дали бы нам крылья.

Мальчишка наконец обернулся. Глаза его сверкали то ли

яростью, то ли непролитыми слезами.

- Неправда! – возразил он запальчиво. – Нам дан ум, а остальное мы сами построим!

Я глядела на него во все глаза, удивляясь, насколько разительно он преобразился. Темные глаза горели уверенностью, горделиво распрямленные плечи оказались неожиданно широкими, грубоватые черты лица будто высечены из камня, а надо лбом сосновыми иголками топорщилась челка. Он вырастет в очень привлекательного мужчину – пусть не красавца, но притягательного своей яркой личностью.

- Вы о самолетах? – уточнила я, стараясь отбросить видение взрослого Петтера. – Опыты братьев Рауд любопытны, однако они не могут тягаться с теми же драконами

- Пока не могут! – жару в голосе мальчишки позавидовал бы и вулкан. – Но над этим работают лучшие конструкторы! Рыжие братья[33] сделали только первый шаг, с тех пор мы уже многому научились. А однажды научимся летать даже лучше, чем эти...

Он махнул рукой в сторону облаков, и я, приглядевшись, едва не вскрикнула от удивления. То, что я приняла за чайку, оказалось парящим в вышине драконом.

- Исмир? – вырвалось у меня.

Я тут же прикусила губу, но поздно. Мальчишка потемнел лицом и сжал кулаки, источая гремучую смесь ароматов горчицы, дегтя и гниющих водорослей.

- Вы влюблены в него, правда? Скажите честно, поэтому вы оттолкнули меня?

- Петтер, что за нелепые выдумки? – поморщилась я, стараясь поровну отмерить насмешки и удивления. – Не забывайте, я замужем.

- Лучше *вы* не забывайте об этом! - пожалуй, голосом Петтера можно было травить тараканов. - Вы так много ему позволяете, что об этом скоро будет шептаться вся Ингойя!

У меня перехватило дыхание, и захотелось отвесить пощечину наглому мальчишке.

- Надо думать, недавно, в автомобиле, вы защищали интересы моего мужа! – не удержалась от ответной шпильки я.

Лицо его вспыхнуло, и он шагнул вперед, заставив меня малодушно отступить.

«Пожалуй, не стоило его дразнить!» - мелькнула здравая (увы, запоздалая) мысль. Доведенная до предела мышь может броситься на кошку, что уж говорить о влюбленном мальчишке, распаленном ревностью и близостью предмета обожания!

В шаге от меня Петтер будто споткнулся. Резко остановился, глубоко вздохнул и схватил меня за руку.

- Я не буду извиняться! – выпалил он, глядя открыто и упрямо. И добавил вполголоса: - Я должен был попробовать.

Осторожно отодвинув перчатку и рукав, он коснулся губами бьющейся на моем запястье жилки.

- Петтер, прекратите! – потребовала я, силясь унять невольную дрожь.

Он медленно поднял голову. А глаза у него шальные и щеки пылают румянцем.

- Как прикажете, госпожа Мирра! – и не понять, чего больше в его голосе – горечи, гнева или смирения.

Хм, а не такой уж он и мальчишка: выше меня на голову, да и детская пухлость губ странно сочетается с морщинкой меж бровей и упрямым взглядом.

- Петтер, – вздохнув, проговорила я устало, - поймите, каковы бы ни были мои чувства, я не могу дать Ингольву повода для раздельного проживания. Потому что тогда он не позволит мне видеть сына!

Мальчишка мотнул головой, как лошадь, отгоняющая овода.

- Но я... – начал он. Возражения его потонули в раздавшемся с неба реве.

От неожиданности я вздрогнула и, отпрянув от Петтера, зажала уши руками. Над нами, то снижаясь, то снова взмывая вверх, кружил белоснежный дракон. Его чешуя слепила глаза, как снег в погожий день, а грация движений завораживала настолько, что я опустила руки, любуясь его танцем в небе...

Петтер, запрокинув голову, крикнул что-то яростное, но внезапно разбушевавшийся ветер подхватил и унес его слова, как осенние листья.

Еще немного покружив над нами, дракон нырнул в облака.

Как-то резко повалил снег, стремительно укрывая землю, а холодный воздух ревущим водопадом устремился вниз. Густые пушистые хлопья, похожие на клочки ваты, при каждом вздохе норовили забиться в нос, налипали на ресницы.

Вьюга, начавшаяся за считанные мгновения, бесновалась вокруг. Ни за что не поверила, что такое возможно!

Петтер что-то сказал, но за ревом бури слов было не разобрать.

«Не слышу!» - попыталась крикнуть я, но губы не подчинялись.

Он и сам, должно быть, сообразил. Дернул меня за руку и, пригибаясь, бросился к автомобилю. Идти было тяжело: порывы ветра сбивали с ног, хлестали по щекам, выбивали слезы из глаз...

Петтер волок меня за собой, как ребенок санки. Мне оставалось лишь, прищурившись, передвигать ноги, молясь,

чтобы они не сбиться с пути. И цепляться на руку мальчишки, как утопающий за соломинку.

Когда хлопнула дверца, и Петтер бесцеремонно подпихнул меня вперед, я не сразу сообразила, что мы добрались. Автоматически повиновавшись, я почти упала на сиденье и попыталась сморгнуть налипший на ресницы снег. Петтер, вцепившись в руль, яростно щелкал какими-то тумблерами, передвигал рычажки...

- Давай же, давай! – бормотал он, кусая губы.

Наконец мотор мерно заурчал.

- Да! – подпрыгнув на сиденье, мальчишка до упора вдавил в пол педаль, и автомобиль рванулся вперед, тараня густую пелену снега. – Давай, Кьярваль[34], не подведи меня!

Я, несмотря на серьезность ситуации, тихонько фыркнула. Автомобиль действительно немного походил на кита, оказавшегося на берегу. И он рвался вперед, как кит – к спасительной воде...

Не знаю, сколько прошло времени. Напружинившись, я отчаянно цеплялась за дверную ручку.

«Один, мудрый отец богов, на тебя уповаю, - шептала я немеющими губами. – Спрями нашу дорогу[35], выведи на свет!» А снаружи, за тонкими металлическими стенами, ярилась вьюга, и мороз жадно пил драгоценное тепло...

Снег закончился внезапно: автомобиль вырвался на волю, к неожиданно голубому небу и яркому солнцу, а всего в нескольких метрах позади по-прежнему бушевала метель. Как будто кто-то начертил границу, за которую вьюге не было хода (вероятно, так оно и было).

Петтер резко затормозил, и только рефлекторно сжавшиеся пальцы уберегли меня от падения вперед.

- Почему вы остановились? – собственный голос показался мне хриплым и неожиданно громким.

Мальчишка, не отвечая, уткнулся лбом в руль. А я вдруг обнаружила, что меня бьет крупная дрожь. Я потерла руки, которые будто кололи сотни иголок. Обычная зима после оставшегося позади ледяного безумия казалась почти летом.

- Теперь я понимаю, почему Ингольв так ненавидит драконов! – с чувством произнесла я.

Плечи Петтера затряслись, но не успела я испугаться, как он поднял голову и расхохотался, уже не скрываясь.

- Значит, оно того стоило! – выдавил он сквозь смех.

- Петтер! – укоризненно сказала я, но, не удержавшись, тоже рассмеялась.

Нервное напряжение последних минут требовало выхода.

- Хотите кофе? – отсмеявшись, предложил Петтер.

- Вы еще спрашиваете! Конечно! – для убедительности я кивнула.

И в благоговейном молчании смотрела, как Петтер непослушными от холода пальцами отвинтил крышку на хельской фляге. По салону поплыл запах кофе с корицей и мускатным орехом – соблазнительно теплый и уютный.

Надо думать, из этих серебряных стаканчиков Ингольв обычно пил коньяк, но для кофе они тоже сгодились.

- Петтер, вы – сокровище! – признала я с чувством. Глотнула обжигающе горячий напиток и блаженно прищурилась.

Мне было легко-легко, и неприятное объяснение с Петтером будто подернулось снежной дымкой. Неловкость, смущение и обида остались там, на берегу, а на их место пришло ласковое тепло. Хотелось смеяться, обнять весь мир, спеть что-нибудь или сварить мыло...

Мальчишка только хмыкнул в ответ, но щеки его порозовели.

- Правда-правда, - уже серьезнее сказала я. – Знаете, я всегда боялась замерзнуть насмерть. Мне в детстве это даже снилось.

- Наверно, вы очень любили господина Ингольва, раз поехали с ним даже в Хельхейм? – со странной жадностью спросил Петтер.

- Да, я очень его любила, - призналась я легко. – Только теперь это неважно.

- Значит, вы не хотите с ним помириться? – почему-то помрачнел он.

- Вряд ли это возможно, - отмахнулась я. – Впрочем, это несущественно. Петтер...

- Да, госпожа Мирра? – отозвался он, бездумно болтая кофе в своем стаканчике.

Я поколебалась, но не сдержалась.

- А у вас ничего сладкого нет? – выпалила я и сглотнула набежавшую слюну.

Петтер молча потянулся к моим коленям. Не успела я отреагировать, как он нажал какую-то скрытую кнопку, и распахнулся потайной ящичек. Не глядя, мальчишка извлек оттуда завернутый в яркую бумагу кусок шоколада и протянул мне.

- Спасибо! – только и сказала я, принимая подношение.

Откусила кусочек от сладкой плитки (бабушка за подобное нарушение этикета лишила бы меня десерта на неделю!) и блаженно прищурилась. Петтер чуть заметно улыбался, и от этой теплой улыбки сладко щемило сердце.

Жизнь прекрасна! Почему-то это особенно сильно ощущается после подобных встрясок...

Шоколад закончился как-то незаметно. Кусочек, другой, и от лакомства осталась только мятая обертка, соблазнительно пахнущая молоком и какао.

Я украдкой отерла о бумажку выпачканные пальцы (впопыхах я забыла в «Уртехюс» свой ридикюль, а вместе с ним и сотню необходимых мелочей вроде носового платка). Шоколад только еще сильнее размазался. И что прикажете делать? Не вытирать же руки об юбку!

Решая столь сложную проблему, знакомую тысячам сладкоежек, я наткнулась на взгляд Петтера, который, подперев щеку рукой, умиленно наблюдал за мной. Надо думать, вид мой был достаточно жалобен. По крайней мере, заметив мое смущение, мальчишка порылся в кармане и протянул мне какой-то лоскут, покрытый подозрительными пятнами.

Каюсь, я не сразу рискнула принять это сомнительное подношение.

- Возьмите! – буркнул Петтер и сунул платок мне в руку. Он определенно уже был не рад, что так расщедрился. – Он чистый, просто пятна не отстирываются.

- Я сварю вам мыло с желчью, оно все отстирает. - Пообещала я, украдкой нюхая ткань. Пахла она, на удивление, вполне приятно – нежно и цветочно – лавандой.

- С чьей желчью? – оторопел Петтер.

- Можно, разумеется, с желчью моего дорогого свекра, - усмехнулась я, вытирая пальцы. Процесс добычи ценного продукта представлялся весьма занимательным. – Но лучше использовать медицинскую желчь, я заказываю ее из Ванахейма.

Петтер только хмыкнул, однако запах – смесь мандарина и кисловатого зеленого яблока – выдавал его веселье.

- Интересные у вас... - он запнулся, подбирая слово, почесал нос.

- Ингредиенты? – подсказала я. Петтер обрадованно кивнул. – Не бойтесь, мази из лягушек я не делаю, даже пиявок не держу.

И поневоле передернулась, вспомнив некоторые рецепты традиционной медицины. Например, средство от ушибов - варенные в оливковом масле дождевые черви, или опиум как лекарство от кашля[36]. На мой взгляд, в первом случае куда эффективнее мазь на масле ши, ромашки и арники с добавлением эфиров пихты, лимонной полыни или гаультерии, а во втором – простейшие анисовые капли.

Впрочем, некоторых животных компонентов я не чуралась: взять хотя бы белоснежное мыло на смальце или медовые маски для волос и лица!

«Пожалуй, стоит сегодня устроить себе вечер красоты!» -

решила я и тут же мысленно дала себе пощечину. Женщина прихорашивается ради мужчины, и мужчиной этим в моем случае был отнюдь не муж...

Я подняла руки, приглаживая растрепавшиеся волосы.

- Петтер, давайте... – начала я и запнулась, обнаружив неправильность. Торопливо ощупала левую мочку и прикусила губу. Так и есть!

- Что случилось? – мгновенно подобравшись, мальчишка встревоженно заглянул мне в лицо.

- Я потеряла сережку! – вымолвила я непослушными губами, машинально теребя уцелевшую янтарную капельку. – Бабушкину...

Лицо Петтера озарилось пониманием.

- Не волнуйтесь, мы ее найдем! – неуклюже попытался меня успокоить он. Еще и по руке похлопал! – Поищем и найдем, обещаю!

- Найдем?! – Я молча бросила взгляд через плечо – туда, где по-прежнему бушевала снежная буря. Пытаться отыскать небольшое украшение в самом центре бурана... безнадежно!

- Я точно помню, что на берегу ее уже не было, - признался Петтер со вздохом. Пахло от него лавандой и липовым цветом – сочувствием – и кислой клюквой смущения.

- Значит, вы заметили, но ничего мне не сказали?! – возмутилась я, но он только пожал плечами.

- Простите, я... мне было не до того! – выдавил Петтер, и я сконфуженно отвела взгляд.

- Но где тогда ее искать? – воскликнула я, и собственный голос показался мне преувеличенно громким.

- Думаю, она где-то здесь, - Петтер обвел рукой салон. – Или вы обронили ее на месте дуэли. Когда вы выходили из кэба, все точно было в порядке. Я... я заметил!

- Давайте поищем, - предложила я, распахивая дверцу, оставив без комментариев его наблюдательность. О том, чтобы возвращаться к Халле, думать не хотелось. Мало шансов найти небольшую вещицу там, где топталось столько народу.

По прошествии получаса, когда мы с Петтером тщательнейшим образом обшарили весь салон, пришлось признать, что нужно искать где-то еще.

- К Халле? – усевшись за руль, мальчишка вопросительно взглянул на меня.

- Да! – кивнула я. Сердце колотилось от тревоги и надежды, и я вцепилась в ручку двери так, словно от этого автомобиль должен ехать быстрее. И он вправду мчал так, словно обзавелся крыльями (хотя в здешнем климате больше сгодились бы

плавники, а еще лучше лыжи).

Оказавшись на месте, я растерянно огляделась. Снег тут не шел, только грязь прихватило льдистой коркой и холодный ветер хлестал по щекам.

- Вы идите налево, а я направо! - предложил Петтер, и я с трудом сдержала нервный смех. Действительно, что-то меня в последнее время налево так и тянет!

- Хорошо, - согласилась я и медленно пошла прочь, внимательно глядя себе под ноги. Почва здесь темно-серая, похожая на пепел. Оранжевая искорка янтаря должна хорошо на ней выделяться – если, разумеется, ее не втоптали в грязь. Ветер дул мне в спину, так что запахи было не разобрать. Впрочем, до розыскной собаки мне в любом случае далеко.

С каждой минутой надежда таяла, как лед на жарком солнце, поэтому, услышав сдавленный вскрик Петтера, я буквально воспрянула духом. Голос мальчишки звучал откуда-то из-за скалы. Я мимоходом удивилась – я же не туда не заглядывала, какой смысл там искать? – но не остановилась. И второпях чуть не налетела на Петтера, стоящего ко мне спиной.

- Петтер, вы нашли? – воскликнула я, переводя дыхание.

И сунулась мимо, но мальчишка помешал.

- Не смотрите туда! – глухо велел он, пытаясь что-то загородить спиной.

Я уже не слышала – замерла, не в силах оторвать взгляд от покрытой темно-красными потеками скалы и подозрительной кучи у ее подножья. Признать в *этом* человека было невозможно, но когда-то именно им оно и было. И запах – отвратительный солоновато-металлический дух крови и вонь из распоротого живота...

К горлу подкатил ком, а мысли накрывала пеленой ужаса. На мгновение мне показалось, что я узнаю Ингольва. Обиды, вина, гнев – все забылось, отступило прочь, поглощенные отчаянием. Я сморгнула, всматриваясь в распростертое тело. Нет, не Ингольв – волосы человека были седыми, хоть и потемнели от крови.

Тошнота, вызванная назойливым запахом смерти, сдавила внутренности, выкручивая их, как прачка белье. Я едва успела отвернуться, стыдясь своей слабости, - и почувствовала, как Петтер осторожно придерживает меня за плечи. Когда приступ миновал, оставив привкус желчи во рту, мальчишка осторожно вытер мне рот все тем же платком, и от вкусного аромата какао меня снова затошнило. Кажется, я возненавижу шоколад...

Петтер деликатно помог мне отойти в сторону. Я смотрела под ноги, борясь с желанием получше рассмотреть тело. Смерть одновременно уродлива и притягательна. Не зря ведь половина

лица Хель, богини смерти, багрово-синюшная, лишенная кожи, а вторая половина завораживает красотой...

Мальчишка не торопился убирать руки с моих плеч, и даже сквозь пальто я ощущала исходящее от него приятное тепло.

- Кто? – спросила я кратко.

- По-моему, мэр Фридрик, - ответил Петтер с некоторым сомнением. Неудивительно, что он затруднялся сказать наверняка, тело было сильно обезображено.

- Он мертв? – продолжила я, сглотнув. – Точно? Вы подходили ближе?

- Нет, - Петтер мотнул головой, - не подходил, но сразу видно.

- Ясно, - я прикрыла глаза. Мысли бестолково роились в голове. – Надо все равно проверить. И, наверное, вызвать полицию. Только как? Мы ведь не можем бросить его тут и...

Продолжить я не смогла.

- Не оглядывайтесь! – велел мальчишка, развернув меня спиной к телу. – Я сам.

Наверное, это малодушно, но я кивнула, соглашаясь. И ждала, стараясь дышать ртом, хотя запах все равно был невыносим. Потянулись долгие минуты, и наконец Петтер вернулся.

- Вот, возьмите, - произнес он глухо, протягивая мне какой-то мелкий предмет. Сердце мое заколотилось сильнее – это оказалась потерянная сережка.

- Спасибо! – выдохнула я, осторожно принимая украшение. Уже потянулась, чтобы его надеть, когда Петтер остановил мою руку.

- Не нужно, - пробормотал он неловко. – Промойте сначала.

По привычке я втянула носом воздух и невольно поморщилась: в густом запахе смерти терялись все иные ароматы. Чтобы сообразить, о чем шла речь, мне потребовалось несколько мгновений.

- Значит, - произнесла я медленно, - она лежала... там?

- Да, - подтвердил он. – У самой скалы.

- А мэр? Это действительно он?

- Да, - снова повторил Петтер, помолчал, колеблясь, и закончил: - У него распорот живот, отрезана правая рука и перерезано горло.

Я прикрыла глаза, стараясь выбросить из головы навязчивую кровавую картину. Когда о подобном читаешь в газетах, это кажется каким-то... не совсем реальным, что ли? Ненастоящим.

- Значит, это улика? – я подбросила на ладони янтарную капельку.

- Нет, - запротестовал Петтер. – Вы ее просто тут потеряли!

Карие вишни его глаз лихорадочно блестели. Кажется, мальчишке тоже было не по себе, и держался он из последних сил, должно быть, боясь уронить себя в моих глазах.

- Я сюда даже не приближалась! – напомнила я веско. – Значит, кто-то подобрал серьгу, а потом обронил – или намеренно бросил - уже здесь.

Петтер только пожал плечами.

- Мне показалось, там символ, - сообщил он тихо. – Наутиз перевернутая. Трижды.

- Трижды? – я подняла брови, в азарте забывая, где нахожусь. – Значит, вряд ли совпадение, верно?

Петтер кивнул, а я заключила со вздохом:

- Нужно ехать в Ингойю! Не хочется его здесь оставлять, но этой дорогой зимой пользуются редко. Другую машину мы можем прождать до утра!

- Да, госпожа Мирра, - мальчишка выглядел мрачным и угнетенным. Впрочем, неудивительно.

Он предложил мне руку, и я, чувствуя себя совсем обессилевшей, не стала спорить. Мы медленно шли к автомобилю, когда нас накрыла огромная тень. Я задрала голову и почувствовала, как ужас снова сжал сердце: над нами парил дракон.

- Нет, - прошептала я непослушными губами. Мы едва вырвались из той бури, и во второй раз нам не спастись! Петтер тут же задвинул меня себе за спину – смело, хоть и глупо. Дракон сверху, а не впереди, к тому же он настолько велик, что даже не заметит столь мелкое препятствие.

Помахивая крыльями, он завис перед нами, и я готова была поклясться, что обнажившая впечатляющие зубы гримаса была улыбкой. С каждым взмахом он опускался все ниже и ниже, пока не кувыркнулся в воздухе... в перекате приземляясь уже человеком.

- Вы меня боитесь, Мирра? – поинтересовался Исмир с усмешкой, и к щекам моим прилила кровь.

- А у нас нет для этого причин? – холодно уточнил Петтер.

Глаза Исмира полыхнули льдом.

- Причины имеются, - признал он неохотно. – Приношу свои извинения. Я получил неприятные известия из дома, поэтому вспылил.

На языке вертелся вопрос, какое мы с Петтером имели отношение к его новостям. Разумеется, задавать его я не стала. А едва Петтер открыл рот (надо думать, чтобы спросить о том же), как я коснулась рукава его шинели.

- Мы принимаем ваши извинения, - согласилась я негромко. – Однако сейчас есть более важные дела.

Исмир помрачнел.

- Вы об этом? – он мотнул головой в сторону тела. Я молча кивнула. Следующий вопрос Исмира заставил меня... кристаллизироваться и выпасть в осадок, как говаривал мой дедушка. – Это вы его убили?

Я сама не поняла, как оказалась прямо перед ним.

- Как вы смеете?! – прошипела я, занося руку для пощечины. Разумеется, он легко перехватил мое запястье.

- А что еще я должен подумать? – в тихом голосе льдинками звенело напряжение. – Вы непонятно как оказались здесь, при этом ваш клеврет что-то забрал от тела и передал вам...

- Я потеряла здесь сережку, - призналась я. И, видя его вопросительно выгнутую бровь, поторопилась уточнить: - Наверное, во время дуэли! Мы ведь уехали еще когда здесь была уйма народа! А вернулись... – на мгновение я замялась, потом подняла подбородок: - Впрочем, вы сами знаете, когда мы сюда вернулись! Я не специалист, но насколько могу судить, тело уже остыло, а даже при такой погоде на это потребовалось какое-то время... К тому же, какой резон мне его убивать?!

Бледно-голубые глаза Исмира смотрели на меня пристально, будто стараясь не упустить тень вины.

- Возможно, с ним у вас *тоже* был роман? – вопрос дракона хлестнул меня наотмашь.

- Да как вы?! – выдохнула я, пытаясь вырвать кисть из тисков его рук. Бессильные злые слезы наворачивались на глаза. За что он так со мной?! Я глубоко вздохнула, успокаиваясь, и проговорила, чеканя слова: - Ни я, ни Петтер господина Фритрика не убивали, в этом я могу вам поклясться! Более того, у меня *ни с кем* нет романа!

- Вот как? – иронично поинтересовался Исмир, заставляя меня вспомнить...

- Именно так! – подтвердила я сухо. – А теперь будьте добры, отпустите меня.

Исмир опустил взгляд, словно лишь сейчас обнаружив, что по-прежнему сжимает мое запястье... и медленно поднес его к губам. Деликатный аромат сандала обнял меня пуховой шалью, отгоняя невыносимый смрад смерти, и я глубоко вздохнула, вновь наслаждаясь возможностью дышать полной грудью.

- Оставьте госпожу Мирру в покое! – вырвал меня из оцепенения звенящий яростью мальчишеский голос. Я вздрогнула, обнаружив, что Петтер замер прямо у меня за спиной.

- А иначе что? – взгляд дракона вдруг показался мне темным

и холодным, как вода в полынье.

- Прекратите! – попросила я громко. – Господин Исмир, будьте так любезны, слетайте в Ингойю и привезите инспектора Сольбранда. Без полиции здесь не обойтись.

Я опасалась, что Исмир пожелает сам заняться расследованием, но нет.

- Как изволит прекрасная госпожа, - слегка поклонившись, иронично ответил он. И, отойдя в сторону, изобразил пальцем в воздухе какой-то символ. Льдисто-голубая вспышка... и вот уже дракон набирает высоту. От крыльев его веяло холодом, и я поежилась, мечтая поскорее оказаться в «Уртехюс». А ведь можно было поступить иначе – оставить Исмира сторожить тело, а самим поехать в город! Я отругала себя за несообразительность, однако поздно, дракон уже превратился в белую точку на горизонте.

- Пойдемте в машину, госпожа Мирра, - голос Петтера звучал как-то странно и напряженно, но у меня уже не осталось сил об этом задумываться.

- Пойдемте, - согласилась я и сосредоточилась на том, чтобы переставлять ноги. Это оказалось неожиданно трудно, словно к моим сапожкам привязали невидимые гири. Петтер придерживал меня за локоть, не давая упасть, а потом помог усесться. – Благодарю!

Он только кивнул...

Время до появления полиции прошло в тягостном молчании. Пару раз я пыталась заговорить, но мальчишка отвечал односложно и явно неохотно, так что в итоге я оставила его в покое и закрыла глаза.

- Просыпайтесь, Мирра! - вывел меня из сонного оцепенения голос Исмира.

Я с трудом разомкнула веки и попыталась сфокусировать взгляд. Перед глазами все плыло, будто в тумане. За этот день столько всего произошло, что у меня решительно не осталось сил.

- Я не сплю, - отозвалась я, и собственный голос показался мне слабым и хриплым.

- Ни проговоритесь о серьге, - шепнул Исмир, склонившись ко мне. – Вы поняли?

- Да, - согласилась я, - но...

- Для пояснений мало времени, - оборвал меня он. Пахло от него смолисто-терпким эвкалиптом. – Я ничего не скажу, ваш пес – тоже. И вы молчите. Понятно?

- Разумеется, - согласилась я, от удивления окончательно проснувшись. От Петтера вполне можно было ожидать попытки меня защитить, но Исмир... Пожалуй, это следовало обдумать.

Он стремительно направился к стоящему поодаль инспектору

Сольбранду, который внимательно его выслушал, кивнул и в свою очередь подошел ко мне.

- Голубушка, вы как? – спросил он участливо. - Можете ответить на несколько вопросов?

- Конечно! – я украдкой потерла глаза и огляделась. Петтер обнаружился у скалы в компании леденцов, там же уже виднелась светло-пепельная макушка Исмира. Соленый морской ветер и въевшийся в обивку салона аромат крепкого кофе приглушали неприятный запах.

Инспектор помог мне выйти из машины. Я поежилась на холодном ветру и предложила:

- Что же, спрашивайте!

- Расскажите-ка мне, голубушка, все без утайки! – он хитро улыбнулся, отчего у глаз собрались смешливые морщинки, а меня накрыло ощущение ирреальности происходящего. Там, у скалы, лежит обезображенное тело, а мы все продолжаем жить, дышать, улыбаться. Как-то это... неправильно? Только глупо говорить об этом инспектору – для него это всего лишь работа.

Я вздохнула и начала рассказывать...

- Вот так-так, - задумчиво проговорил он, когда я умолкла. Пристальный взгляд его не по возрасту ярких глаз не отпускал меня ни на секунду. Инспектор по-птичьи склонил голову к плечу, ущипнул себя за мочку уха и сообщил с усмешкой: - Вот ведь, голубушка, как вам не везет! Где какая напасть случается, так сразу и вы там!

- Совпадение, – пожала плечами я, стараясь держаться спокойно.

- Да-да! – подтвердил инспектор и укоризненно покачал головой. – Вы уж поберегите себя, голубушка!

И посмотрел так лукаво, что оставалось лишь согласиться:

- Конечно, инспектор. Я постараюсь.

- Постарайтесь, постарайтесь! – он веско поднял палец и скомандовал ворчливо: - Хватит вам тут бродить, голубушка! Поезжайте-ка домой, быстренько! Поужинайте, выпейте чего-нибудь и отдыхайте!

- С удовольствием, - заверила я, уже предвкушая тепло камина и горячую пищу. – Только мне нужен Петтер.

- Да забирайте своего Петтера! – отмахнулся инспектор. – Вы усаживайтесь, сейчас я его пришлю.

И, не слушая слов благодарности, он отправился к леденцам. Признаюсь, приближаться к телу мэра не хотелось нисколько, даже из любопытства. Меня и так наверняка будут терзать ночные кошмары!

Надо думать, мальчишка тоже не горел желанием играть в

сыщика. По крайней мере, появился он очень быстро. Только был хмур и на меня даже не глянул.

- Куда? – поинтересовался он коротко, не отрывая взгляда от кожаной оплетки руля.

- Домой! - сообщила я, вложив в это слово столько чувства, что он усмехнулся. – И, Петтер, позвольте вас поблагодарить. За помощь, заботу и понимание.

- Не за что, - ответил он сухо, заводя двигатель.

- Есть за что! – запротестовала я и призналась честно: - Без вас я бы не выдержала. К тому же... вы ничего не сказали полиции о сережке. Спасибо, Петтер!

Он мотнул головой. Пахло от него странно – нашатырем с пряно-сладким анисом – трезвой решимостью.

- Пожалуйста, - Петтер смотрел на дорогу перед собой.

Мне оставалось лишь пожать плечами и сделать вид, будто меня чрезвычайно интересует пейзаж за окном...

Дверь открыла Уннер, что вполне меня устраивало.

- Госпожа, вы опаздываете к ужину, – бесцветно сообщила она.

Войдя в дом, я замерла, наслаждаясь теплом и уютными ароматами шоколада, коньяка и апельсина.

- Ингольв уже дома? – поинтересовалась я, с помощью Петтера освобождаясь от верхней одежды. Горничная промолчала, глядя в пол. - Уннер! – повысила голос я.

- Да, госпожа? – заторможено откликнулась она.

- Ингольв дома? – повторила я, снимая шляпу.

- Нет, госпожа, - сделала неловкий книксен она. – Господин сообщил, что к ужину не приедет. И приказал Петтеру сразу явиться к нему.

- Вот как? – не знаю, обрадовало меня это сообщение или огорчило. С одной стороны, не хотелось выслушивать нотации от мужа (а без них наверняка бы не обошлось!), а с другой столь откровенное пренебрежение меня нервировало. Зато общество свекра, не сдерживаемого присутствием Ингольва, весьма бодрит! Я усмехнулась и отправилась приводить себя в порядок...

Откровенно говоря, у меня отчаянно слипались глаза. О каком аппетите могла идти речь, когда хотелось, не раздеваясь, упасть на постель и забыться сном до утра? Поймав себя на этой мысли, я решительно отправилась в ванную. Поплескала на лицо ледяной водой и, надев на шею аромамедальон (полый камушек на цепочке), накапала в него масла розмарина.

Горьковато-пряный аромат сразу меня освежил, даря восхитительную ясность усталым мыслям. Осталось приколоть к платью свежий кружевной воротничок, протереть лицо льдом из

отвара ромашки и липы, и можно спускаться вниз.

В столовой обнаружился свекор, который увлеченно разгадывал кроссворд и не пожелал отвлечься на меня.

- Приятного аппетита, господин Бранд! – пожелала я, аккуратно присаживаясь на краешек стула (пришлось отодвигать его самой!).

Свекор в ответ буркнул что-то неразборчивое. Я без труда угадала в этом теплом пожелании: «Чтоб ты подавилась, дорогая невестушка!» и искренне умилилась. Есть в этом бушующем мире хоть что-то неизменное!

Вторым столпом стабильности была Сольвейг с вечно кислым лицом и не менее кислым запахом. Откровенно говоря, не понимаю, отчего она всегда и всем недовольна? Неужели в нашем доме ей так плохо живется? Впрочем, при желании можно найти уйму досадных мелочей, из которых несложно сотворить целого слона.

Я же сознательно предпочитала замечать вещи приятные и необременительные: вкус тушеного мяса с имбирем и булочек со свежим маслом, кружево теней за окном и морозные узоры на стеклах. Да, в этой жизни немало неприятных вещей, однако ведь и приятных не меньше!

Взять хотя бы аромат, которым сейчас тянуло от свекра – нежнейшее благоухание можжевельника и степных трав. Так пахнет свобода, когда хочется обнять весь мир и взлететь высоко-высоко, туда, где ветер играет облаками...

Вот только в столовой было прохладно (надо думать, опять экономят дрова!) и из углов тянуло сыростью. Глупо. Можно подумать, регулярно менять плесневелые обои дешевле, чем хорошо топить! Мои хозяйственные размышления прервало появление Сольвейг.

- Господин Бранд, вас спрашивает некий господин Бьюдер, вот его карточка.

Свекор взял протянутый кусочек картона опасливо, словно ядовитую змею. Я невольно передернулась (не стоило вспоминать о рептилиях!) и принюхалась с интересом. Вот теперь от господина Бранда пахло совсем иначе: дешевым вином, яблочным пирогом и еще, пожалуй, дегтем. Где-то на самой грани восприятия тлел табак.

- Зови, - кратко велел он, бросив на меня взгляд исподлобья, и стиснул челюсти.

Хм, любопытно. Кто такой господин Бьюдер и отчего мой свекор столь странно отнесся к его визиту?

Означенный господин оказался бодрым толстяком со здоровым румянцем и поредевшими седыми волосами, тщательно

зачесанными на солидную лысину.

- Дружище Бранд! – вскричал он с порога, распахивая объятья. – Сколько лет, сколько зим!

- Здравствуй, Бьюдер, - ответил свекор, как мне показалось, со смесью радости и неохоты. – Каким ветром тебя занесло в Ингойю?

- Да долго рассказывать! – отмахнулся гость. – Ты-то как здесь? Вижу, молоденькую женушку нашел?

И подмигнув мне, осклабился похабно.

- Нет, - кратко ответил господин Бранд, и мне вдруг показалось, что ему неудобно. – Это моя невестка, Мирра. Мирра, познакомься с Бьюдером, моим давним... приятелем.

Почудилось ли мне сомнение? Нет, не почудилось – свекор буквально фонтанировал запахом перца.

- Невестка? – переспросил гость с таким веселым недоумением, что мне стало не по себе. – Надо же, значит, твой дохляк таки вырос и женился?!

- Дохляк? – не выдержала я.

- Ну да! – а веяло от него... пожалуй, злобной радостью и ехидством – укусом, настоянным на базилике, тархуне и чесноке. – Брандов сын – как там его зовут? – такой слабак был...

- Бьюдер! – в голосе господина Бранда клокотало возмущение.

- Так я что? – почти искренне удивился тот. – Я же правду говорю! Ты сам думал, что он не выживет! Помню, ты каждый вечер за игорным столом только и говорил, что о своем сыночке!

- За игорным столом, - снова повторила я задумчиво.

Вот, значит, отчего господин Бранд не имел собственного состояния, несмотря на благородное происхождение (о котором он любил всем напоминать). Теперь понятны также и его надежды на выгодную женитьбу сына...

Лицо свекра налилось нездоровой краснотой, как будто его вот-вот хватит апоплексический удар, и еще его паническое состояние выдавал запах – как бубен со звенящими подвесками – тимьян и мускус.

- Ну да! – подтвердил господи Бьюдер, растягивая в улыбке блестящие, словно от масла, губы. – Бранд только за столом и успокаивался! Правда, проигрался-то он подчистую.

- Бьюдер! – рявкнул господин Бранд, уже не сдерживаясь.

- Что? – невинно округлив глаза, спросил гость. – А, ты не хочешь, чтоб я болтал лишнее? Ну извини, извини. Я от радости совсем разум растерял. Но ты можешь меня заткнуть – кстати, что там у вас на ужин?

И засмеялся визгливо, отчего я едва сдержалась, чтобы не

передернуть плечами.

Любопытные старые приятели у моего свекра, весьма любопытные! Зато теперь некоторые вещи встали на свои места. Значит, меня попрекали слабосильными детьми, рассказывая байки о богатырском здоровье Ингольва в детстве?

Кажется, вечер будет познавательным...

Глава 6. Чем сердце успокоится?

Я проснулась затемно и сразу спустилась вниз, мечтая о чашке крепчайшего кофе - черного-черного, с перцем, чтобы отчаянно заколотилось сердце. Он смоет с тела липкую паутину сна, а с души – усталость. Болела голова, как будто кто-то воткнул нож в одну точку над бровью. И, как часто бывает при мигрени, мне чудилось зловоние – навязчивое, лезущее в нос.

Дом тихо вздыхал и сопел во сне, под ногами скрипели ступени. А я вдруг подумала, что уже не столь молода для таких безрассудных приключений. Последние дни напоминали водоворот, в который меня затягивало все сильнее и сильнее. Непрерывная череда событий изматывала, выпивала все силы.

Кофе, как же я хочу кофе! Глоток заемной бодрости, терпкая горечь...

И только распахнув кухонный шкафчик, я вспомнила, что вчера Сольвейг отправила мой любимый напиток в мусор, а подарок Петтера остался в «Уртехюс». Разочарование было таким острым, что у меня едва не навернулись слезы на глаза.

Затем в моем усталом мозгу появилась спасительная мысль. Ведь можно обойтись маслом кофе – благо, запас его у меня имелся. Найти заветный пузырек было делом нескольких минут. Не мудрствуя лукаво, я нанесла масло вместо духов – на точки пульса. Прикрыла глаза, стараясь отрешиться от всего мира и наслаждаясь резким, пронзительно-горьким ароматом. Хм, пожалуй, действительно стоит сделать духи с кофейно-перечной ноткой и абсолютом какао. Ингольву они, разумеется, по вкусу не придутся. Разве что Петтеру... Впрочем, о мальчишке лучше вообще не думать, а уж тем более не прикидывать, какие духи ему понравятся!

У ароматов есть замечательное свойство - вытеснять все лишнее. Весь дом пропах рыбой, табаком или старыми портянками? Достаточно капнуть апельсинового или лимонного масла, чтобы все тяжелые и неприятные запахи смыло сверкающей росой цитрусового благоухания. Жаль, что с мрачными мыслями подобный трюк удается не всегда.

Боль постепенно отступила – неохотно, маленькими шажочками, огрызаясь и скаля желтые зубы. Дождавшись, пока туман в голове развеется, я перебралась к туалетному столику. М-

да, внешний вид мой в это утро вполне соответствовал настроению: рыжие локоны уныло обвисли вокруг лица, тусклая кожа так и просила эпитет «мертвенная», а у запавших глаз сгустились чернильные тени. «Бледная немочь!» - как говаривала моя няня. Бабушка просторечные выражения не одобряла, но тоже качала головой и прописывала мне для укрепления сил настойку женьшеня.

Хм, а вот это мне совсем не помешает, желательно курсом. Впрочем, нет, возбуждающие средства не стоит использовать, если нервы не в порядке, а в последнее время назвать себя спокойной и уравновешенной я не могла. Лучше уж сделать упор на валериану и пустырник – хороший сон стирает усталость значительно эффективнее, чем стимуляторы.

Теперь немного масла мяты и базилика, чтобы окончательно изгнать докучливую боль и вернуть румянец бледным щекам, на губы капелька бальзама с маслом корицы (отчего к ним сразу прилила кровь, а нос защекотал пряный аромат), ярко-голубое платье... Пожалуй, я готова.

Завтрак прошел в гнетущей атмосфере. Ингольв угрюмо молчал, Петтер не отрывал взгляда от тарелки, зато мой драгоценный свекор разливался соловьем, рассуждая о бесстыдстве хелисток, понося работающих женщин, а также клеймя аромагию.

Ингольв мрачнел с каждым словом. Надо думать, целиком и полностью признавал правоту отца, хоть и пока не торопился поддакивать.

- Прошу меня извинить! – не выдержав, я встала. – Я не голодна. Дорогой, я буду в «Уртехюс».

- И что ты там будешь делать? – хмыкнул свекор, со значением прошуршав страницами газеты. Видимо, намекал на вчерашнюю статью. Подозреваю, что он вырезал ее и поместил в рамочку.

- Мирра, сядь! – будто ударил меня в спину злой голос Ингольва.

Боги, милосердные мои боги, ну сколько можно?! Я и так все время молчу и терплю, терплю и молчу, лишь изредка позволяя прорываться истинным чувствам. Кажется, муж совсем не выспался (любопытно, чем занимался всю ночь?) и теперь собирался сорвать на мне свое дурное настроение.

- Дорогой, но я уже сыта.

- Я сказал, сядь! – повысил голос он.

Будто собаке приказал!

Пришлось усесться на краешек стула, сложив руки на коленях и выпрямив спину.

Что нужно от меня Ингольву, неужели меня сегодня унизили недостаточно?!

Однако он обратился вовсе не ко мне.

- Отец, немедленно извинись перед Миррой! И я больше не хочу слышать о той статье. Ни слова!

Потрясенное молчание было отмщением за многие минуты унижения, которые мне довелось пережить в этом доме.

- Вот еще, с какой стати?! – наконец обретя голос, возмутился свекор, в самое сердце пораженный «предательством» сына.

Однако Ингольв и не подумал отступить. Напротив, он побагровел, сделавшись поразительно похожим на отца, и раздельно проговорил:

- В этом доме хозяин я. И если я сказал извиниться – значит, ты извинишься. Сказал выбросить газету – выбросишь. Ясно?

Резко побелевший господин Бранд пошел пятнами и судорожно кивнул.

Каюсь, теперь наступил мой черед прятать мстительную улыбку. Для меня давно не было тайной, что у свекра за душой ни гроша, именно поэтому он жил в доме сына и за его счет. А сын – мой муж – стал полковником лишь благодаря аромагии. Именно она была источником нашего благосостояния. А потому ругать ее было позволительно лишь самому Ингольву.

На мой взгляд, весьма странная логика, но, надо думать, ему она таковой не казалась...

Господин Бранд, казалось, боролся с приступом удушья. Наконец он, откашлявшись, выдавил:

- Извини, Мирра, - каждый звук из него будто вытягивали силой.

- Принимаю ваши извинения! – с принужденной гримасой, долженствовавшей изображать улыбку, отозвалась я, и снова встала.

- Мирра! – вновь окликнул меня муж.

Пахло от него странно – лавандой и немного цветами хлопка – замешательством.

- Да, дорогой! – на этот раз безо всякой иронии отозвалась я.

- Прости, я... – он не договорил, комкая в кулаке газету. - Нет, ничего.

Я кивнула, принимая так и не произнесенное извинение, и впервые за долгое время искренне улыбнулась мужу. Мой благоверный не мог пересилить себя и вслух признать, что был неправ... Впрочем, мне хватило и этого.

Столовую я покинула, как принято писать в романах, с чувством глубокого удовлетворения...

Город тонул в тумане, пробирающем сыростью до костей. В

нем терялись звуки и запахи, и я передернулась, поплотнее закутываясь в шаль – неприятно чувствовать себя мухой, увязшей в варенье.

Отпирая дверь «Уртехюс», я вспомнила о вчерашних событиях и заполошно огляделась. К счастью, гадины нигде не оказалось: на столике, куда ее вчера столь небрежно бросил Исмир, теперь красовалась только пыль. Надо думать, змея пришла в себя и уползла. Или растаяла, как льдинка на солнце.

Первым делом заварить кофе – крепкий, жгучий, чтобы обжигал язык и разгонял кровь. О Петтере, подарившем мне это маленькое чудо, я думала с неподдельной теплотой.

Теперь зажечь аромалампу с капелькой иланг-иланга, от тягуче-сладкого аромата которого накатывает приятная расслабленность...

И только потом, грея руки о чашку с горячим напитком, позволить себе вспомнить и задуматься. Столько всего случилось, что от одного перечня кружилась голова: статья Знатока, змея, поцелуй с Исмиром, дуэль, объяснение с Петтером, буйство вьюги и, венец дня, - тело мэра, распластавшееся у подножия скалы. Ах, чуть не забыла, еще ужин с господином Бьюдером. Последний, кстати, моих надежд не оправдал. Несмотря на интригующее начало, беседа за столом касалась исключительно нейтральных тем вроде погоды и перспектив подледной рыбной ловли. О более любопытных вещах речи не заходило и, думается, виноват в этом господин Бранд, улучивший минутку, чтобы сказать «другу» несколько слов на ухо, после которых тот резко присмирел.

И, признаюсь, весь этот калейдоскоп меня настораживал. Рада ли я тому, что давно переставшие колебаться весы моей жизни вдруг отчаянно закачались, швыряя меня то в радость, то в боль? Зачем, милосердные мои боги, зачем это все? Уже не первый год я жила, словно за стеклянной стеной, незаметно, но надежно отрезающей меня от всех треволнений. Сейчас она истончилась, став не прочнее мыльного пузыря. И снова нужно склеивать ее из осколков... или не нужно?

Руки привычно перебирали баночки, нос анализировал сочетание ароматов в пробниках духов, затем я резала и заворачивала в холст аккуратные бруски мыла… И все это время не могла отделаться от мысли, что опасно близко подошла к грани. Чего я хочу от жизни? Последние два года все мои помыслы ограничивались одним: выжить. Не сломаться, не стать послушной игрушкой, вырастить сына… Что же изменилось теперь?

Может быть, всему виной воспоминания о поцелуе Исмира? До сих пор Ингольв был единственным мужчиной, которому я позволяла такие вольности. Сначала я его безумно любила, а потом не видела смысла менять шило на мыло. Я не питала иллюзий: «спасать» меня от влиятельного полковника Ингольва никто не собирался. А вот поиграть с огнем, закрутив интрижку со мной за спиной мужа, многие бы не отказались. Но брезгливость не позволяла мне принять эти «чувства».

И как теперь вести себя с Исмиром? Я мерила шагами свою лабораторию. Надо думать, лучше всего сделать вид, что ничего не случилось. Оставалось только надеяться, что я сумею держаться, как ни в чем не бывало… Только отчего же я так нервничаю сейчас?

Поэтому, признаюсь, робкому стуку в дверь я искренне обрадовалась. Пусть глупо сбегать от тяжелых мыслей, в тот момент мне требовалась передышка.

- Входите, не заперто! – крикнула я, гадая, кому могла понадобиться в такую рань. При серьезных болезнях и острых состояниях лучше посетить врача. Травы действуют медленнее уколов.

Менее всего я ожидала увидеть маленького человечка, сжимающего в заскорузлых пальцах шляпу. Негромкая симфония травяных ароматов, навсегда пропитавших не только его одежду, но даже кожу и волосы, безошибочно указывала на его профессию. Мята, чабрец, тимьян, ромашка – словно ласковое дуновение теплого ветерка.

- Здравия вам желаю, госпожа, - поклонившись, проскрипел человечек.

- И вам здоровья, Палл, - оправившись от удивления, приветливо произнесла я. – Что вас привело ко мне?

Он залился краской, отчего его светлые волосы, казалось, стали еще ярче.

- Я… – он закусил губу, потоптался на пороге и наконец попросил тихо: - Мне нужна ваша помощь, госпожа.

- Помощь? – искренне удивилась я. До сих пор мне вообще не доводилось видеть, чтобы Палл выходил из оранжереи. Даже

нуждающиеся в починке вещи (а он мастер на все руки) ему доставляли наверх. Палл давно сроднился со своими растениями, разговаривал с ними, словно с детьми, и казалось, сам стал частью оранжереи – как установленные возле дорожек декоративные фигуры. – Что-то с садом? Вредители?

- Нет! – Палл мотнул головой и произнес со странной нежностью: - Это все моя дочка, госпожа!

- Дочка?! – переспросила я, с искренним удивлением глядя на него. Мне казалось, что только бесконечно одинокий человек мог с такой нежностью относиться к растениям. К тому же до сих пор Палл никогда не упоминал о семье. Но многослойная, густая и теплая ваниль не оставляла сомнений в его искренней любви к девочке. – Разве вы... Впрочем, что это я? Конечно, я сделаю для вашей дочери все, что в моих силах. А теперь присаживайтесь и рассказывайте.

Он благодарно кивнул и с опаской устроился на самом краешке стула. Я сложила руки на коленях и чуть склонила набок голову, демонстрируя свой интерес.

- Моя девочка, - начал Палл с волнением, – служит горничной у барышни Сигнё. Ну то есть у ее родителей, конечно!

- Постойте, - перебила я. – То есть ваша дочь уже взрослая?

- Да, - кивнул он, явно не понимая, что меня так удивило.

- Извините, - я жестом предложила ему продолжать. Отчего-то мне представлялась маленькая девочка, прячущаяся в зарослях жасмина, а не взрослая девушка.

- Ну вот, - Палл нервно мял в руках шляпу. – Барышня была ею довольна, даже обещала взять в личные камеристки, как выйдет замуж...

Последнее он сообщил с явной гордостью. Я внимательно слушала, недоумевая про себя, какое все это имело отношение ко мне.

- И в чем, собственно, состоит проблема? – не выдержала я, когда он замолчал.

От него пахло крапивой – стыдом и болью.

- У моей девочки – ее зовут Гердис – есть поклонник. Он даже приходил знакомиться, такой воспитанный паренек! Разрешения просил на ухаживание, как у отцов и дедов наших принято было!

- Понятно, - вставила я, стараясь его подбодрить, потому что Палл, казалось, вытаскивал из себя слова, как занозу.

- Он хороший мальчик! – снова с жаром заверил меня Палл. Пахло от него в этот момент странно. Словно разномастные отрезы ткани: льняное полотно базилика, легкий газ кудрявой мяты, тяжелый бархат ветивера, колкая шерсть лимонной травы...

- Не сомневаюсь, - согласилась я. – И что же поменялось

теперь?

- Он... – начал Палл, запнулся, гулко сглотнул и признался шепотом: - Он начал требовать от моей девочки... непристойного!

- Хм, - под «непристойным» заботливый отец может подразумевать и вполне невинные поцелуи. – Что именно?

- Всякое, - туманно объяснил он, не поднимая глаз. – Такое, что только муж от жены может требовать!

- И чего вы хотите от меня? – спросила я напрямик.

- Что-нибудь такое... – Палл помялся и закончил обтекаемо: - Чтоб его отпугнуть!

- Отпугнуть? Или успокоить... пыл? – уточнила я.

В первом случае выбор широк: мало ли составов, имеющих невыносимый для мужчин аромат! Взять хотя бы масло нима – непередаваемая вонь подгнившего лука и прелого чеснока способна изгнать из спальни любого мужчину. Во втором случае к подбору придется отнестись куда тщательнее.

- Успокоить, - определился Палл, подумав. Кажется, в его сознании не укладывалось, что некоторые хорошие и добрые люди в интимной жизни способны на всякое. Хотя в целом его волнение за судьбу дочери я вполне понимала. Что, если этот юноша, получив желаемое, на девушке не женится? Ведь у нее может родиться ребенок, а это несмываемый позор. Кстати, нужно заглянуть к госпоже Бергрид и справиться о судьбе несчастной гувернантки. За всеми треволнениями последних дней я совсем позабыла о своем обещании. – Госпожа, я... я по гроб жизни буду вам благодарен!

- Пока не за что, Палл, - отмахнулась я. – Послушайте, сначала мне нужно увидеть вашу дочь и немного с ней поболтать. Вы сможете это устроить?

- Смогу, - подумав, согласился он. – Думаю, барышня ее отпустит. Только вечером.

- Замечательно, тогда сегодня после ужина я буду ее ждать!

- Спасибо вам, госпожа! – Палл вскочил и глубоко поклонился. Его окружал ликующий апельсиновый аромат. Такое доверие к моим способностям даже немного пугало. – Вы так добры!

- Думаю, вам следует поспешить к дочери, - предложила я с улыбкой.

Он судорожно кивнул и, еще раз поклонившись, буквально выбежал прочь.

Я задумчиво проводила его взглядом. А ведь я не так мало времени проводила в оранжерее, нередко разговаривала с Паллом, но даже не имела представление о его семье! Неужели я настолько эгоцентрична, невнимательна, замкнута? Думать об

этом было неприятно, но доля правды в этом имелась. При всей моей чувствительности к запахам и к эмоциям окружающих много ли я в действительности обращала на них внимания? Не превратились ли для меня люди во флаконы с духами – любопытные, но неживые?

Встряхнув головой, я постаралась отбросить неприятные размышления. Что толку мучить себя пустыми рассуждениями?..

Лучше заняться уборкой: расставить по местам бутылочки и баночки, перемыть посуду, навести порядок на полке с готовыми заказами.

Иногда мне кажется, что некоторые вещи обладают своим собственным разумом и умеют прятаться. Ничем иным я не могла объяснить притаившийся за диваном флакончик с маслом ромашки или, скажем, вечно теряющиеся пары к перчаткам.

Обнаружив задвинутую за кресло бутылку вина, я даже не удивилась, благо, помнила, как ее отобрал у меня Петтер. Я машинально откупорила пробку, понюхала... и замерла. В густом сладком аромате винограда, приправленном острой ноткой спирта, пробивались знакомые орехово-травяные нотки...

Идентифицировать примесь не составило труда. Как можно было сразу не заметить?! Впрочем, вкус и запах напитка вчера очень мало меня интересовали.

Выходит, столь сильное опьянение не было случайным. Теперь оставалось только благодарить Петтера, который не позволил мне больше пить.

Я так и замерла с бутылкой в руках, полностью погрузившись в размышления, а потому не слышала ни стука, ни скрипнувшей двери, ни шагов.

- Дама, выпивающая в одиночестве, да еще в столь ранний час... Не находите это несколько... вульгарным? – со странной смесью заботы и насмешки поинтересовался кто-то.

От неожиданности я вздрогнула и едва не пролила бутылку на себя. Воображаю, что сказали бы слуги и свекор, если бы я сдала в стирку залитое вином платье!

- Господин Исмир, не слишком вежливо с вашей стороны входить без разрешения, - заметила я с досадой, стараясь на него не смотреть. Благие намерения держаться спокойно и сдержанно оказалось сложно воплотить в жизнь.

- Простите, что не дал вам времени... подготовиться к моему появлению! – извинился он серьезно. И только звонкий аромат литцеи и легкий кивок в сторону «улики» выдавали иронию.

- К вашему появлению невозможно подготовиться, - призналась я честно, отставляя бутылку. - Вы как лавина – всегда неожиданны.

- Склонен считать это комплиментом, - он наклонил голову. Сегодня Исмир выглядел взъерошенным, как искупавшийся в луже воробей. Даже аромат сандала как будто разбавили хлорированной водой.

Мне вдруг отчаянно захотелось запустить пальцы во встопорщенные светлые пряди, и, чтобы удержаться, потребовалось усилие воли. Боги, что это со мной?! Неужели единственный поцелуй лишил меня, взрослую опытную женщину, остатков разума?!

На мгновение у меня мелькнула мысль действительно завести любовника. В конце концов, Ингольв не раз изменял мне, так что я имела полное моральное право отплатить ему той же монетой. Только это слишком мелко и... гнусно.

- Как вам будет угодно.

Нейтральная фраза из репертуара моей бабушки заставила его улыбнуться, но лишь на мгновение – потом улыбка будто растаяла. Возле губ его пролегли складки, и только глаза по-прежнему лучились спокойной уверенностью.

- Госпожа Мирра, я пришел к вам отнюдь не для светской беседы, - вздохнув, признался он. – Разрешите присесть?

- О, конечно, присаживайтесь, - спохватилась я. – Выпьете чего-нибудь?

- Нет, благодарю вас, - отказался он, не задумываясь.

Я же налила себе еще кофе, мимоходом прикидывая, которая это чашка за сегодня. Третья, четвертая? Впрочем, не важно. Я была безмерно рада, что есть, чем занять руки.

Пожалуй, стоит добавить в аромалампу немного фенхеля и капельку иланг-иланга, чтобы сделать беседу более доверительной. Хотя лучше обойтись без иланг-иланга, его вкрадчивая сладкая песня слишком расслабляет и настраивает на любовный лад. Под заинтересованным взглядом Исмира я накапала фенхеля и села напротив.

Он смотрел на меня, чуть прищурив светлые глаза, и рассеянно поглаживал мягкую обивку кресла. На мгновение мне показалось, что оно сейчас заурчит под его рукой, как разнежившаяся кошка, и я смущенно отвела взгляд. Это было... слишком!

- Слушаю вас, - произнесла я, когда пауза уже стала неприличной.

- Мне нужна ваша помощь, - сообщил он так просто и обыденно, что я едва не согласилась сходу.

«Никогда не подписывай бумаги, не прочитав их, и не договаривайся ни о чем, не выяснив условия досконально!» - советовал мой старший брат.

Пристальный взгляд Исмира меня смущал, но признаваться в этом я не желала, потому приняла по возможности отстраненный вид. В конце концов, если ему требуется моя помощь, пусть хотя бы объяснит толком!

- В чем же? – я подумала, добавила в горький напиток ложку меда, размешала и попробовала. Теперь именно то, что нужно.

- Видите ли, расследованием убийства мэра занимаюсь я – разумеется, вместе с инспектором Сольбрандом, - сообщил он буднично, и я едва не поперхнулась кофе.

- Вы?! Но почему?

- Есть основания полагать, что это затрагивает интересы Льда. - Объяснил он туманно.

В обыденные дела человеческих поселений драконы и хель практически не вмешивались, ограничиваясь назначением верных людей на некоторые должности. Зато магические слова «интересы Льда» давали им почти безграничную власть. Другой вопрос, что перед сородичами придется отчитываться за применение этой власти.

- Понятно, - кивнула я. – Однако какое отношение это имеет ко мне? Надеюсь, вы не будете настаивать на идиотской версии, что его убила я?

- Что вы! – возразил он живо, и тут же все испортил: - Ваш юный сопровождающий дал вам прекрасное алиби.

Звучало это так, будто в достоверности этого алиби у дракона имелись изрядные сомнения.

Я вспыхнула. Отчего меня постоянно преследовало чувство, что он надо мной насмехается?

- Господин Исмир, если вы намерены меня оскорблять...

- Что вы! – усмехнулся он. – Как я могу?

- Что вам от меня нужно? – проговорила я раздельно. Оставаться сдержанной и невозмутимой в его присутствии мне никак не удавалось, хотя сам Исмир являл собой истинное воплощение льда, и эмоции его казались всего лишь морскими волнами, омывающими сверкающий айсберг спокойствия.

Надо думать, выражение моего лица было достаточно красноречивым: маска паяца слетела с дракона мгновенно.

- Чтобы вы осмотрели тело мэра, - сказал он сухо. – Мне нужны любые подсказки, какие вы сможете дать.

- Ни за что! – воскликнула я, так резко поставив на столик чашку, что из нее плеснула темная жидкость. От одного воспоминания о зловонии крови и вывалившихся кишок к горлу подкатил ком.

- У меня есть, что предложить взамен, - сообщил Исмир.

- И что же? Деньги? Еще один букет цветов?

- Нет, - улыбнулся он очевидной нелепости моего предположения и подался вперед. Пахло от него теперь благородной горчинкой бергамота – интересом, даже азартом. – Нечто значительно более ценное. Хотите, я скажу вам, кто подбросил ту змею?

Я вздрогнула.

- Это ваши гипотезы или достоверные сведения? – во мне кипели любопытство и опаска. Принять предложение Исмира было бы безрассудством. Но я должна знать! – А может быть, вы сами это сделали?

Такое предположение заставило его искренне расхохотаться, и от этого колкого злого смеха по телу моему пробежал озноб. Зря я считала Исмира таким уж спокойным – под иронией бушевал темный океан.

- Я не настолько коварен, - сознался он, кажется, даже с некоторым сожалением. – Зато доподлинно знаю, кто это сделал.

- И кто же? – спросила я, не выдержав.

- Даете слово?

- Да, - вздохнув, согласилась я. И невольно поморщилась, вообразив предстоящее испытание для моего нюха.

Ингольв будет в ярости! Откровенно высказываться против ледяных он не рисковал, однако не слишком скрывал свою антипатию.

- Я приказал отвезти тело домой, а не в мертвецкую, - в голосе Исмира промелькнуло сочувствие, подкрепленное ароматом зеленого чая с жасмином.

Облегчение похоже на запах мандарина – легкий, радостный, открытый.

- Спасибо, - сдержанно поблагодарила я. – Но сначала вы расскажете, кто подбросил мне ту змею.

- Хорошо, - согласился Исмир и, глядя мне прямо в глаза (боги, милосердные боги, каким синим льдом они сверкали в этот миг!), произнес: - Ингрид!

- Вы уверены? – только и спросила я. Не скажу, чтобы это стало для меня такой уж неожиданностью. До сих пор мне в голову приходили три кандидатуры: мой любимый свекор, доктор Ильин и милая Ингрид. Причем я бы поставила на господина Бранда, хотя терялась в догадках, как он сумел это провернуть.

- Абсолютно, - подтвердил Исмир, кивнув. – Я собственными глазами видел, как в то утро она заходила в «Уртехюс» с корзинкой в руках. Час был очень ранний, дожидаться вас она не стала… Тут все ясно.

- К тому же она наполовину из ванов, - вспомнила я. Теперь, когда разгадка была известна, детали собирались воедино легко и

просто. – А потомки богов плодородия прекрасно управляются с животными.

Исмир только пожал плечами, затем встал и церемонно подал мне руку:

- А теперь нам пора!

Я, хоть и не без внутреннего протеста, приняла его помощь. И только потом спохватилась:

- Постойте, а что вы сами делали возле «Уртехюс» так рано?!

Раз он видел Ингрид, а потом мгновенно отреагировал на мой крик...

Исмир преспокойно подал мне пальто и помог его надеть.

- А вот об этом позвольте умолчать, – шепнул он, склонившись к моей макушке.

Просить его прекратить было бы глупо - его действия не выходили за рамки обычных услуг, оказываемых джентльменом даме. Вот только отчего-то они казались странно интимными и волнующими...

- Мне бы хотелось к десяти часам вернуться в «Уртехюс», - сказала я сухо. – Так что стоит поспешить.

- Как хотите, - согласился он, подавая мне руку...

Извозчик косился на дракона с нескрываемым любопытством и, надо думать, с огромным удовольствием отрастил бы себе уши, как у слона, чтобы только расслышать наш разговор.

Забывшись, я произнесла это вслух.

Исмир негромко рассмеялся и сообщил как бы между прочим:

- Помнится, раньше я любил на них охотиться...

- Охотиться на слонов?! – искренне удивилась я.

- Само собой, - пожал широкими плечами он. – У нашей молодежи это весьма популярное развлечение. Касатки и прочая морская живность надоедает, хочется некоторого разнообразия.

- Но слоны?! – в моей голове по-прежнему это не укладывалось.

- А почему нет? Есть даже легенда, как некий дракон упал и раздавил бедное животное. От смешения их крови произошло драконово дерево, мне его показывали...

Мне отчаянно хотелось спросить, с кем он летал на юг, но столь откровенное любопытство даме не пристало. Поэтому спросила я совсем о другом.

- Разве ледяные драконы могут жить в столь жарком климате?

- А вы полагаете, в тепле мы должны таять? – усмехнувшись, ответил вопросом на вопрос он.

Признаюсь, именно так я и думала. Как тут не вспомнить детские сказки об изваянной изо льда красавице, которая весной превратилась в воду? Впрочем, в таком случае ледяные вряд ли

приближались бы к людям.

- Хм, - скрывая смущение, я посмотрела в окно.

Исмир не преминул этим воспользоваться: завладел моей рукой и поднес к своей щеке.

Я дернулась и вскинула на него глаза. Пахло от него оглушающе – медом, жасмином, белым мускусом.

- Теплая, правда? – он смотрел прямо на меня, и в прозрачной глубине голубых глаз больше не было льда, а кожа под моими пальцами действительно ощущалась мягкой и теплой. Легкое дыхание дразняще касалось моего запястья.

На мгновение показалось, что Исмир не удержится и превратит это невинное прикосновение в ласку. И, когда он отвел взгляд и выпустил мою ладонь, я едва сдержала разочарованный вздох.

Остаток пути мы проделали молча. Я сидела с закрытыми глазами, делая вид, что дремлю.

Наконец кэб остановился у особняка мэра. Исмир расплатился с извозчиком и помог мне выйти. Я поежилась от ледяного пронизывающего ветра. Воздух казался взвесью соли, льда и мельчайших капелек воды.

Встретивший нас дворецкий был растерян настолько, что даже не потребовал от Исмира какого-то подтверждения полномочий. Впрочем, не приходилось сомневаться, что этот высокий светловолосый мужчина – действительно дракон. Даже если не принимать во внимание стихию льда, сейчас буквально сверкающую в нем, кто еще мог явиться зимой в одной рубашке?

- Госпожа Гюльвейг слегла и никого не принимает, - доложил дворецкий потерянно. Выражение лица у него было недоверчивое и обиженное, как у ребенка, которому сообщили, что подарков на зимние праздники не будет.

Признаюсь, отсутствие моей «подруги» устраивало меня как нельзя больше, учитывая ее любовь к тому, что деликатно именовали «светским разговором», а по сути – к сплетням. Страшно представить, в каком гневе будет Ингольв, если ему донесут о моем участии в этом деле!

Впрочем, я оказалась в нем замешана много раньше, когда мы с Петтером нашли тело мэра. К тому же теперь мне было, что ответить мужу.

- Нет нужды беспокоить вашу госпожу, - откликнулся Исмир, оглядываясь. Холл буквально ослеплял роскошью барокко: повсюду позолота, затейливая мебель, колонны, драпировки и статуи. Я в своем скромном платье чувствовала себя здесь неуместной, но, кажется, дракона обстановка не смущала. – Проводите нас к телу хозяина.

- Как прикажете, - склонился в поклоне тот. – Прошу следовать за мной, господин, госпожа!

Мы поднялись по широкой парадной лестнице, свернули в устланный коврами коридор и наконец остановились перед массивной дверью.

Дворецкий протянул руку, собираясь постучать, потом спохватился и осторожно повернул ручку.

- Вот, - сказал он тихо. Губы у него дрожали и он, видимо, не доверяя голосу, только мотнул головой в сторону роскошной постели, на которой возлежал мэр (точнее, его тело).

Я буквально заставился себя к нему приблизиться, хотя запах крови и тлена ощущался значительно слабее, чем ожидалось. И это несмотря на то, что окна, задрапированные тяжелыми шторами, не пропускали ни малейшего дуновения ветерка.

- Его вымыли? – поинтересовалась я. И, кажется, обрядили в ночную сорочку.

- Конечно! – так возмущенно ответил мажордом, как будто я заподозрила его в чем-то неприличном.

- А ведь я приказал оставить тело в неприкосновенности, - холодно заметил Исмир.

– Как можно?! – дворецкий от возмущения даже позабыл говорить шепотом. - Ведь простыни запачкались бы!

Я спрятала улыбку (нервы, это все нервы!) и сказала примиряюще:

- Теперь уже поздно об этом говорить.

Хотя, если откровенно, в глубине души я была благодарна рачительному слуге, По крайней мере, теперь зловоние не было нестерпимым. Дворецкий, с достоинством поклонившись, вышел в коридор.

Я закрыла глаза и склонилась поближе к лицу убитого. Несколько минут стояла неподвижно, мерно вдыхая и выдыхая.

Табак, кровь, пот, кислая гниль от живота, хвойный одеколон, запах нездоровых зубов... И еще один, на удивление сильный – сладковатый, чуть землистый, тонкий аромат, отдаленно напоминающий застоявшийся травяной чай. Нет, ошибки быть не могло.

- Откуда?! – удивилась я вслух, открывая глаза.

- Что?! – Исмир подался вперед. Острый запах лимонной травы выдавал его любопытство и напряженное внимание.

- Валериана, - сообщила я уверенно. Хотелось вымыть руки, а еще лучше – поскорее выйти на свежий воздух. – От него сильно пахнет валерианой.

- Валериана, - повторил Исмир задумчиво.

Я обернулась. Он смотрел на тело, потирая подбородок.

- Да, - подтвердила я, пожав плечами. – Притом в весьма солидных количествах.

- Если не ошибаюсь, она обладает успокаивающим действием?

- Разумеется, - я пожала плечами, отходя как можно дальше, хотя помогало это слабо. К горлу подкатывала тошнота, а запах тлена, казалось, пропитал все вокруг.

- А при передозировке? – быстро уточнил Исмир.

Я усмехнулась: сейчас он напоминал пингвина, которому поручена доставка срочной почты.

- Слабость, головокружение, сонливость. Вплоть до потери сознания.

Лицо дракона озарилось улыбкой, от избытка чувств он даже прищелкнул пальцами.

- Тогда все сходится! Убили его не возле Халле. На земле остались капли крови там, где волокли тело. Я не мог понять, почему на теле нет следов сопротивления. А теперь все сходится.

Я снова пожала плечами, больше интересуясь собственным бунтующим желудком, чем дедуктивными выкладками Исмира.

- Возможно, - согласилась я неопределенно.

- Следовательно, его опоили и привели в беспомощное состояние. – Заключил Исмир, усаживаясь на ближайший стул – вычурный и явно неудобный. – Тогда встает вопрос: зачем? Мэр не отличался силой, и любой мало-мальски тренированный мужчина мог с ним справиться. Возможно, убийца – женщина?

- Опять вы за свое! – возмутилась я, но скорее по инерции, и принялась массировать мочку уха (говорят, это помогает справиться с дурнотой).

- Что? – удивился Исмир, кажется, совсем обо мне позабывший. – А. Нет, я не вас имел в виду.

- Благодарю! – едко ответила я, однако возмутившийся организм не дал закончить столь любопытный разговор. Больше не в силах сдерживаться, я ринулась из комнаты, прижимая руку ко рту и мечтая поскорее выбраться на свежий воздух.

С силой распахнула дверь, едва не пришибив ею какого-то лакея (надо думать, он подслушивал, так что поделом!).

- Мирра, куда вы? – услышала я за спиной удивленный вопрос Исмира, но, разумеется, не остановилась: промчалась по лестнице, не обращая внимания на изумленные взгляды слуг, и вихрем вырвалась на улицу...

Я глубоко, с наслаждением вдыхала влажный солоноватый воздух. Смаковала, как самые лучшие духи, запахи грязи, мокрого камня, шерсти, подгорелого хлеба, пирогов с яйцом и луком. На поднятое к небу лицо падали редкие капли дождя. Вдох-выдох-

вдох-выдох... Тошнота, удавкой стянувшая горло, постепенно ослабляла хватку.

- Простите, - низкий голос, раздавшийся за спиной, заставил меня вздрогнуть от неожиданности.

Я промолчала в ответ, понимая, что Исмир заранее знал, какое действие окажет на меня этот визит. Так что извинялся он лишь для проформы.

- Простите, - повторил он, остановившись за моим плечом.

- Надеюсь, вы довольны? – вопрос прозвучал устало.

- Полностью, - заверил он, по-прежнему стоя у меня за спиной.

Столь близкое присутствие нервировало, заставляло задерживать дыхание, чтобы только не чувствовать мягкого дуновения сандала, приправленного толикой лаванды – сочувствия.

- Тогда я пойду, - губы слушались с трудом. В голове прояснилось, но противная слабость отдавалась дрожью в руках.

Исмир вздохнул, кажется, досадуя.

- Госпожа Мирра, я еще раз приношу вам свои извинения, - произнес он церемонно. – Сейчас я вызову кэб и отвезу вас домой.

- Благодарю, я лучше пройдусь пешком.

- В таком случае я вас провожу, - решил он, и я не выдержала, обернулась.

Лицо Исмира было спокойным, взгляд ясным, и аромат сандала – безмятежности - вдруг рассердил меня.

- Это лишнее, - я отвернулась и, бросив: - До свидания, господин дракон! – пошла вниз по улице. Мокрые булыжники под ногами, ветер в спину, ароматы рыбы, горячего вина и жареного бекона – что может быть лучше для прогулки?

Даже не оборачиваясь, я чувствовала, что дракон следует в нескольких шагах позади, что меня, признаюсь, совершенно устраивало. Я устала, бесконечно устала, только усталость эта не имела никакого отношения к ноющим мышцам и физическому голоду. Взгляд мой скользил по фигурам и лицам прохожих, которых, несмотря на дождь, было много. Рабочий люд, редкие джентльмены, испуганно озирающаяся барышня под нелепым в такую погоду кружевным зонтом... Ингойя смотрела на меня сотнями глаз и десятками окон, манила витринами и дразнила ароматами. В голове, кажется, не осталось ни одной мысли, только размеренное движение и запахи: вкусные, отталкивающие, изысканные...

Потому Ингрид, стоящую у витрины аптеки, я узнала, только когда она меня окликнула:

- Госпожа Мирра, какая чудесная встреча! – голос Ингрид

звенел почти искренней радостью. Впрочем, встреча со мной в обществе Исмира ее действительно была для нее подарком.

- Взаимно, - ответила я, с некоторым трудом водружая на место привычную маску вежливости.

- Надеюсь, с вами все в порядке? – встревоженно спросила Ингрид. – Вы так бледны! Может быть, переутомились?

- Что вы, прогулки по морскому берегу пошли мне на пользу! – заверила я, хотя сарказм выпирал из этой фразы, как запах спирта из только-только составленных духов.

Ингрид опустила глаза, покусала розовые губки и сказала растерянно:

- Вы меня не любите, правда?

Что можно на это ответить? Разве что:

- Вы ошибаетесь. – Прозвучало корректно, хотя не слишком уверенно.

- Не любите, - покачала головой она. – Конечно, я догадываюсь, почему...

- Хм, - произнесла я глубокомысленно. Удивительная незамутненность!

- Вы вправе меня ненавидеть! – продолжила она экспансивно. – Но я очень надеюсь, что вы сможете меня понять и простить. Любовь господина Ингольва...

- Госпожа Ингрид, - сказала я резко. – Я не хочу это обсуждать.

- Конечно, - она то ли вздохнула, то ли всхлипнула, как обиженный ребенок. – Я понимаю. Но поверьте, я не желаю вам зла!

- Разумеется, - согласилась я. При определенной доле снисходительности можно признать, что так оно и было. В конце концов, она вполне могла, скажем, подбросить не ужа, а гадюку. Хотя столь необычный для Ингойи способ убийства вызвал бы повышенный интерес полиции.

- И мне так вас жаль, - продолжила она тихо. Пахло от нее ванилью, фиалками, миндалем и острым перцем - не разобрать, духи это или чувства. Уже не в первый раз я замечала, что Ингрид необыкновенно умело обращалась с запахами, так изящно переплетая ароматы тела, косметики и эмоций, что вычленить из этой композиции отдельные элементы не представлялось возможным.

- Право, не стоит, - заметила я, чувствуя себя несколько странно. Передо мной, несомненно, разыгрывался спектакль, но с какой целью?

- Стоит! – возразила она вдруг так громко, что на нас обернулся какой-то пожилой джентльмен. – Я так переживаю из-

за вашего сына!

- Из-за моего... сына? – повторила я непонимающе.

- Ну как же?! – похлопала ресницами Ингрид. Любопытно, она их подкрашивает? Уж очень необычно смотрятся темные ресницы при таких светлых волосах. – Разве вы не знаете, что в Хэймаэль эпидемия? Конечно, я уже выразила господину Ингольву свои соболезнования...

- Эпидемия, - повторила я тупо. Вдруг мне стало не хватать воздуха. Боги, милосердные мои боги, только не это!

Я сжала кулаки, заставляя себя изобразить спокойствие. Нельзя позволить ей увидеть, как больно мне сейчас.

- Вы так бледны, госпожа Мирра, вам нехорошо? – заботливо осведомилась Ингрид, и только вдруг пробившийся едкий йодистый аромат насмешки никак не сочетался с участливым тоном.

- Что вы ей сказали? – резко спросил у нее вдруг оказавшийся рядом Исмир, осторожно придерживая меня за локоть. Теперь мы трое стояли на пороге аптеки, а из-за стекла выглядывал заинтересованный хозяин. Я мягко высвободилась из рук дракона.

Ингрид лукаво посматривала на Исмира. Надо думать, она преподнесет Ингольву эту сцену под таким соусом, что меня сегодня же ждет очередной скандал. Впрочем, сейчас это волновало меня меньше всего.

- Правду! – заявила Ингрид безмятежно, поправляя ленты на шляпе. – В кадетском корпусе, где учится сын госпожи Мирры, свирепствует эпидемия. Говорят, уже больше десятка покойников.

Я на мгновение прикрыла глаза. Какая же она змея! Хотя Ингольв наверняка считает ее милой девочкой, но мужчинам вообще не стоит доверять в таких вопросах.

- Вижу, вас это радует, - голос Исмира звенел льдом, и пахло от него мятой и базиликом – внимание и трезвый расчёт. – Надеетесь, что он женится на вас после... обретя возможность получить свободу?

«После смерти сына» он сумел вовремя проглотить, и я была за это благодарна.

- Почему нет? – согласилась Ингрид спокойно и поправила роскошный меховой воротник. Казалось, ее нисколько не заботило, что под усиливающимся дождем дорогая вещь скоро придет в негодность.

- Неужели вы всерьез полагаете, что такой поворот устроит... заинтересованные стороны? – Ингольв поднял брови.

От его брызжущего имбирем и лавандой насмешливого сочувствия Ингрид дернулась, и выражение безмятежного покоя на ее лице словно треснуло, как фарфоровая ваза.

- Я бы не стала на это рассчитывать, - собственный голос показался мне похожим на карканье.

- Почему же? – снисходительно спросила она, уже почти оправившись.

В другой момент превосходство на ее лице меня задело бы, но сейчас все мои мысли были только о Валериане. И об Ингольве – ведь он не мог не знать!

Противостояние с Ингрид придавало мне сил и бодрило, как чашка крепчайшего кофе.

- Вы всерьез надеетесь, что Ингольв так легко откажется от своего положения в Ингойе? – поинтересовалась я и поняла, что попала в точку. Хель сделали Ингольва полковником только ради меня, и очень сомнительно, что он сохранит свое звание и должность, перестав быть моим мужем.

Ингрид смотрела на пышные цветы в витрине аптеки, и от нее, перекрывая запах духов, исходила волна ярости, сомнения и отчаяния. Слишком сильная, словно удушающий запах духов от разбитого флакона.

«А ведь она действительно влюблена в Ингольва!» - поняла я вдруг. До этого мне казалось, что прелестной Ингрид движет лишь трезвый расчет.

- Любопытный конфликт интересов, не так ли? – непонятно спросил Исмир.

Ингрид вздрогнула, повернулась к нему... Лицо ее сильно побледнело, и стало заметно, что румянец на щеках не натуральный. Кисло-острая, с гнильцой, вонь страха заставила меня поморщиться.

Прекрасные глаза Ингрид забегали, потом она преувеличенно заинтересованно уставилась на ярко-оранжевые календулы, сверкавшие за стеклом витрины, как множество маленьких солнц.

- Интересно, почему их называют ноготками? – спросила она, как ни в чем не бывало.- Они укрепляют ногти?

- Нет, просто семена по форме напоминают обрезки ногтей, - объяснила я автоматически.

- А, вот оно что! – она странно улыбнулась, не отрывая взгляда от цветов. – Что же, простите, я вынуждена спешить. Дела!

Ингрид, шагнув вперед, вдруг порывисто меня обняла.

- Опасайтесь дракона, - шепнула она мне на ухо. – Он не тот, за кого себя выдает!

Выпустив напоследок эту ядовитую стрелу, она грациозно двинулась прочь. Проводив ее взглядом, я вдруг обнаружила, что Исмир смотрит ей вслед с каким-то непонятным выражением лица.

- Пойдемте, я отвезу вас домой, - велел он, очнувшись. Повинуясь взмаху его руки, рядом тут же остановился экипаж. Дрожать я начала уже в теплом салоне, пропахшем табаком, потом и сладким анисом, семена которого повсеместно используют для изгнания надоедливых насекомых.

На удивление, дракон молчал, деликатно глядя в сторону, и только изредка обеспокоенно на меня посматривал.

«Валериан! – билось в моей голове под стук копыт и скрип колес. – Только бы с ним было все хорошо, только бы!..»

Знакомая обстановка «Уртехюс» подействовала на меня, как горячая ванна на перетруждённые мышцы. Надо бы заварить чай с ромашкой и липой, но на это просто не осталось сил. Я кое-как добралась до кресла и свернулась в нем клубочком, желая только закрыть глаза и ни о чем не думать. Забыть все, что наговорила Ингрид, стряхнуть липкую паутину страха за своего ребенка. Но как, как не думать о том, что Валериан, быть может, сейчас мечется в горячке – совсем как Фиалка когда-то?! И от этого хотелось выть...

Норны, за что вы так со мной?! Почему я, аромаг, в силах помочь кому угодно, только не своим собственным детям?! Жестокая шутка судьбы...

- Спасибо за помощь, господин Исмир, - проговорила я с трудом, вдруг осознав, что он замер в нескольких шагах от меня. – А теперь я бы хотела остаться одна.

Нужно встать, нужно что-то предпринять. Вот только что? Мчаться в Хэймаэль? Но у меня нет денег, чтобы нанять извозчика для столь дальней поездки, а автомобиль Ингольв, конечно, не даст. Пешком же я доберусь на другой конец острова не меньше чем за неделю, если доберусь вообще. От беспомощности хотелось плакать, и я прикрыла тяжелые веки, сдерживая слезы. За грудиной болело, словно в сердце проворачивали острый нож. Я бы охотно умерла сама, только бы жил сын!

- Мирра, вам нехорошо? – встревоженно спросил Исмир, и я усмехнулась через силу. Надо же, никогда не слышала у него столь заботливого тона.

На вежливость сил не осталось.

- А вы как думаете? – ответила я, не открывая глаз, и с силой сжала кулаки, пытаясь успокоиться.

- Чем вам помочь? – встревожился Исмир, и в тоне мне послышались отголоски обычной мужской паники при виде женских слез. Это вдруг показалось мне ужасно смешным, и я расхохоталась, чувствуя, как по лицу покатились слезы.

Лицо мое вдруг обожгла хлесткая пощечина, и от

неожиданной боли я распахнула глаза. Исмир присел передо мной на корточках.

- Хватит? – поинтересовался он спокойно. – Или добавить?

- Хватит, - с трудом произнесла я, пытаясь затолкать внутрь пробивающийся смех. – Спасибо! А теперь все же уходите, пожалуйста, уходите!

Он пожал плечами и гибко поднялся, но, против моих ожиданий, не ушел.

Отвернулся и поинтересовался:

- Если дело обстоит так, то вы не хотите уйти от мужа?

Надо думать, в любом другом случае я ответила бы, что это не его дело, однако момент он выбрал превосходно. Тогда мне было плевать на все.

- Почему не хочу? – я пожала плечами, сняла шляпу и принялась расчесывать (пальцами, позор!) растрепавшиеся рыжие пряди. – Хочу!

- В таком случае, отчего же не уходите? – Исмир обернулся, держа в руке злополучную бутылку вина.

- А куда? – устало спросила я. – Сын, деньги, дом – по закону все принадлежит мужу. Я даже с острова не смогу уехать без его *соизволения!* И вообще, господин Исмир, какое вам дело до моих отношений с мужем?!

Признаюсь, последним вопросом я втайне надеялась вывести Исмира из себя, однако он только мягко улыбнулся и налил вина.

- Выпейте! – не отвечая, велел он, протягивая мне стакан. Я протестующе мотнула головой, но отделаться от Исмира было не так-то просто. Он поднес стакан к моим губам и вновь повторил настойчиво: - Выпейте, ну же!

Стекло настойчиво ткнулось мне в рот. Пришлось отшатнуться и вжаться в кресло.

- Не надо, - мотнула головой я. Только не учла, что дракон куда быстрее и сильнее любого человека. Мгновение спустя я обнаружила, что он осторожно удерживает мою голову так, что не дернешься, а стакан вновь прижат к моим губам. – Да прекратите же! – рявкнула я, стараясь не стучать по стеклу зубами. От нежнейшего аромата сандала и мандарина – в данном случае, заботы – воля к сопротивлению утекала, как вода из ванны в открытый сток. – Вы хотите меня отравить?!

- Отравить? – эхом повторил Исмир. Глаза его вдруг полыхнули таким льдом, что захотелось зажмуриться. Стакан он убрал так резко, что немного вина плеснуло мне на шею.

Исмир замер, глядя на меня, и выражение его лица заставило меня судорожно сдернуть со спинки кресла салфетку (которая лежала там, чтобы мебель не пачкалась от макассарового масла

для волос) и промокнуть кожу. Дракон медленно опустил глаза, и я вдруг осознала, что он практически вжал меня в кресло своим телом.

Я невольно затаила дыхание… И, когда Исмир встал, едва сдержала вздох разочарования. Боги, милосердные мои боги, о чем я думаю?! Я давно не верю в любовь, потому что за краткие минуты обманного счастья потом приходиться расплачиваться годами боли. И все же…

- Почему вы сочли, что я намерен вас отравить? – голос его звучал сухо.

- Простите, - я вздохнула и покаялась: – Конечно, я ни в чем таком вас не подозревала. Просто это поддельное вино.

- Вот как? – удивился он, рассматривая напиток на просвет. Поднес к носу, вдохнул и пожал плечами: - На мой взгляд, вполне нормальное мускатное вино.

- Мускатный шалфей, - поправила я и, видя его непонимающий взгляд, объяснила: - Чтобы придать изысканный вкус и аромат дешевому вину, в него добавляют масло шалфея мускатного. К сожалению, это многократно усиливает действие алкоголя и вызывает патологическое опьянение, а также сильнейшее похмелье.

- Как полагаете, кто это сделал? – поинтересовался Исмир, и в голосе его, в колком запахе, мне вдруг послышался азарт. Дракон подобрался, как-то напружинился, словно готовясь к рывку.

- Наверное, виноторговец, - подумав, озвучила я свои выводы и объяснила: - Вино открывала я сама, пробка не была повреждена.

- Тем не менее, кто-то вполне мог впрыснуть жидкость с помощью шприца. – Предположил Исмир, облокотившись о каминную полку.

- Вряд ли, - не согласилась я. – Кому и зачем это понадобилось? Я просто позаимствовала первую попавшуюся бутылку из домашних запасов.

Кажется, это почему-то порадовало Исмира: исходящий от него запах буквально заискрился бодрящим кислым лимоном и горьковатым грейпфрутом.

- Тогда нам следует поговорить с виноторговцем, - легко предложил дракон. Мята, лимон, кубики льда… Мне вдруг сделалось зябко.

- Господин Исмир, - вздохнув, я потерла лоб. – Надеюсь, вы понимаете, что сейчас мне не до этого.

- Понимаю, - согласился он, как мне показалось, с разочарованием. – Надеюсь, вы можете назвать мне виноторговца,

который снабжает ваш дом?

- Разумеется, - не задумываясь, откликнулась я. – Ищите лавку «Мед Лайпнира».

– Благодарю! – церемонно склонил голову он. – Простите, вынужден откланяться, у меня еще много дел.

- Конечно, - рассеянно откликнулась я. – До свидания, господин Исмир.

Он только кивнул и стремительно вышел…

Я встала, задвинула засов и прислонилась спиной к прохладной двери. Зря я его не удержала, в одиночестве прятаться от тоскливых мыслей оказалось значительно сложнее.

Боги, милосердные мои боги, за что вы так со мной?! Два года назад я чуть не утонула в своей боли, и выплыла лишь благодаря любви к сыну, аромагии и мелким радостям жизни. А теперь эти хрупкие соломинки кружатся в стремнине, то выныривая из водоворота, то скрываясь в глубине. Мне самой едва хватает сил, чтобы удержаться на поверхности, и я могу только беспомощно наблюдать, как тонет то, что мне дорого…

Зачем все это, если мой собственный муж предпочитает бывать не со мной, а с этой белой кошкой? Если он готов пусть не убить нашего сына, но отвернуться, когда тот умирает? Только бы получить вожделенную свободу!

Чем я хуже? В конце концов, я умна, образованна, не обделена мужским вниманием. Взять хотя бы Исмира…

Неужели все это из-за того, что мне некуда деваться? И Ингольв это отлично понимает. Может быть, следовало изображать идеальную жену, печь ему пироги, заглядывать в рот… Я старалась, особенно поначалу, но так и не смогла окончательно смирить свою натуру, она то и дело прорывалась – в интонациях, жестах, взглядах. А Ингольва это бесило несказанно, ему все мерещилось, что я намеренно принижаю его авторитет.

Когда-то он меня любил, даже несмотря на то, что я оказалась совсем не такой, как ему бы хотелось. А теперь? Куда делись тепло, радость, нежность?

И я тону. Бессистемно, под властью инстинктов, молочу руками по воде, панически глотаю воздух…

Я свернулась клубочком в кресле, в уютном «Уртехюс», но даже привычный запах дерева и морской соли не мог меня утешить. Отчаянно хотелось заплакать, устроить скандал, разбить что-нибудь. Или просто заглянуть мужу в глаза и спросить: «Почему?»

И что мне теперь с этим делать, хотела бы я знать…

Я обвела воспаленным взглядом комнату и вдруг задумалась,

как мало бы изменилось в нашем доме, случись мне куда-то исчезнуть. Наверное, все вздохнули бы с облегчением. Сольвейг отпраздновала бы победу в домашней войне и отныне невозбранно клала бы в еду красители и ванилин. Сигурд просто пожал бы плечами и принялся обихаживать новую госпожу. Свекор наконец перестал бы пилить сына из-за такой неподходящей партии. Даже Палл бы немного повздыхал и быстро утешился в обществе своих драгоценных растений. Вот разве что Уннер, добрая душа, пожалела бы меня, но и ей не до того – когда плачет и смеется собственное сердце, разве есть дело до чужой боли? Петтер? Он молод и быстро меня забудет.

Забавно, дети часто твердят: «Вот умру, и будете плакать!». А взрослый может вдруг осознать: никто не заплачет над ним. И будто тебя не было на свете...

Если я растаю, как снежинка в ладони, ничего здесь не изменится. Так же день будет сменять ночь, так же по однажды и навсегда заведенному распорядку будут подаваться завтраки, обеды и ужины. И другая женщина будет целовать перед сном моего мужа, родит ему детей – достойных, а не таких, как мои...

Так может быть, это выход?

Я подошла к окну, распахнула неподатливые створки. В лицо ударил свежий влекущий аромат моря, оно будто шептало, звало, манило...

Встряхнув головой, я рассмеялась, смакуя соленый воздух, как вино. Глупости, я слишком люблю жизнь, чтобы отдать ее по собственной трусости. Последние годы я плыла по течению, может, теперь наступил момент встать за руль и расправить парус?

Во мне бурлили злость, волнение и решимость – как глинтвейн, булькающий в кастрюльке и опьяняющий одним своим ароматом. Не лучшее настроение - для домашних битв нужен трезвый ум и спокойная голова.

Я прошлась по «Уртехюс» в поисках, куда бы выплеснуть кипящую энергию, и на глаза мне почти сразу попался идеальный инструмент для этого. Говорят, некоторые шьют кукол, изображающих начальство, и колотят их, вымещая ярость. У меня же специи и травы, которые нужно измельчить.

Нет более умиротворяющего занятия, чем толочь жесткие стебли! Вскоре я упарилась, зато быстро успокоилась и повеселела. Мои боль и гнев послушно раскалывались под тяжелым пестиком в мелкую пыль, которую могло унести малейшее дуновение ветра...

Я спохватилась практически в последний момент, вдруг обнаружив, что до обеда осталось не более четверти часа.

Вытерла вспотевший лоб, накинула на плечи невесомую пуховую шаль, привезенную Ингольвом мне в подарок, и поспешила к себе…

Уннер отчего-то была не в настроении. Она не поднимала глаз, и пахло от нее столь противоречиво – злостью, обидой, надеждой – что у меня перехватило дыхание. Надо думать, она поссорилась с Петтером. Иной причины для такого шквала эмоций я вообразить не могла.

Впрочем, обязанности свои Уннер выполняла вполне удовлетворительно, хоть и была непривычно молчалива, так что лезть к ней в душу я не стала…

К обеду я спустилась во всеоружии: платье персикового оттенка, ткань которого манила к ней прикоснуться; нежное благоухание липового аромата; раскачивающиеся в ушах и на шее янтарные капельки. Что же, очень уместно. Легенда гласит, что янтарь – это слезы богини Фрейи, которую бросил муж. Даже богиня любви не смогла избежать обычной женской участи…

Мои мужчины встретили меня с неудовольствием – увлекшись сборами, я задержалась почти на десять минут.

- Здравствуйте, господин Бранд! Здравствуй, дорогой. Петтер! – прощебетала я, усаживаясь на свое место.

Свекор, как всегда, что-то буркнул в ответ, Ингольв полоснул меня гневным взглядом, а Петтер смотрел странно испытующе. Пахло от него настолько непривычно, что на мгновение я замешкалась: тяжелый, душный запах табака, березового дегтя, ветивера, сдобренный цитрусами и мятой.

От Ингольва пахло имбирным элем и злостью. И он, разумеется, с ходу принялся предъявлять претензии.

- Мирра, ты совсем распустилась и забыла, кто ты и что тебе позволено, а что нет!

- Что ты, дорогой, как я могла? – возразила я мягко, прикидывая про себя, что ему наговорили на этот раз. Надо думать, милая Ингрид не упустила возможности втоптать в грязь ненавистную соперницу.

Впрочем, теперь это меня не слишком волновало. Хотя злить Ингольва не стоило, лучше попытаться договориться по-хорошему.

- Поговорим об этом позже, - резко ответил он и вновь уткнулся в свою тарелку, только отрывистыми репликами поддерживая беседу о перспективах «Ваттнайских медведей» в грядущем чемпионате по катанию на санках…

Обед длился и длился, и казалось, не будет ему конца. Мужчины, работая челюстями, перебрасывались соображениями о спорте, погоде, политике и технических новинках. Забавно, как

любит сильная половина человечества рассуждать о глобальных проблемах - с такой уверенностью и апломбом, будто решение их зависит лично от каждого оратора!

Я же сидела, как на иголках, пытаясь заставить себя съесть хоть что-нибудь. Сольвейг приготовила обед в излюбленной своей манере: много жирного мяса, щедро приправленного жгучим перцем и острыми соусами. Как аромаг я понимала, что именно такая пища согревает и дает телу силы бороться с холодом, но за все проведенные здесь годы я так и не сумела к ней привыкнуть.

Проглотив несколько кусочков (нельзя ведь питаться одним кофе!), я с легкой гримасой отложила столовые приборы. Желудок принял подношение с недовольным ворчанием: сосущая боль в животе сменилась тяжестью и неприятным чувством.

Петтер поглядывал на меня обеспокоенно. Желая избежать лишних вопросов, я взяла с блюда сдобную булочку с изюмом, хотя даже запах ее вызывал тошноту.

- Мирра, - отвлек меня от борьбы с непокорным желудком голос благоверного. – Пойдем!

- Конечно, дорогой, - согласилась я, вставая. Такой поворот меня устраивал как нельзя больше, хотя, признаюсь, было страшно. Перемены всегда пугают, и людям свойственно цепляться за настоящее.

Я с облегчением отложила надкусанную булочку и, повинуясь властному жесту Ингольва, двинулась за ним в гостиную.

Муж заговорил, едва за нашими спинами закрылась дверь.

- Мирра, сколько раз я тебе говорил!.. – под конец фразы он уже сорвался на крик.

Боги, как же я устала! Не знаю, что лучше – когда глупенькие девочки при первых трудностях бегут прочь, отчего-то считая, что любовь должна быть непрерывным праздником. Или когда двое неразрывно связаны друг с другом на всю жизнь. И надо терпеть, понимать и принимать – хочешь того или не хочешь...

Я прижала ладонь к бунтующему животу и предложила устало:

- Ингольв, давай присядем и поговорим спокойно.

- Спокойно? – рявкнул он, вышагивая по ковру, как на плацу. – Спокойно?! Мирра, я ничего молчал о твоей дружбе с хель, но это уже переходит все границы!

Я вздохнула про себя. Ингольв никогда не питал симпатии к хель, а после того, как они одобрили мое непослушание законному супругу, его неприязнь усугубилась многократно. Зная об этом, я старалась встречаться с Альг-иссой подальше от родных пенатов, что, впрочем, не прибавляло Ингольву расположения к ней и ее сородичам.

- Вижу, милая Ингрид тебе уже наябедничала, - ответила я, усаживаясь.

Лицо Ингольва побагровело, даже лысина налилась дурной кровью, а запах хрена и дегтя – ярости – буквально резал нос.

- Она не наябедничала, а открыла мне глаза! – Ингольв внезапно остановился в шаге от меня, сидящей в кресле, и это вдруг до боли напомнило мне утреннюю сцену с Исмиром. Признаюсь, в этот раз у мужа имелись все основания быть мною недовольным. Впрочем, у меня претензий к нему все равно было больше. – Ты гуляешь наедине с драконом, как будто специально показываешь всем, что он – твой любовник!

- Он мне не любовник, - возразила я пока еще спокойно. Строго говоря, в этом не было ни слова лжи. – Не стоит повторять глупые сплетни.

- Мне наплевать! – взорвался Ингольв.– Главное, что ты выставляешь меня рогоносцем перед всем городом! Я требую...

Его голубые глаза яростно сверкали, а к аромату хрена прибавились запахи гвоздики и имбиря. Кажется, муженек испытывал от этой сцены даже некоторое удовольствие, и это вдруг меня взбесило. Благие намерения поговорить спокойно и разумно выветрились из моей бедной головы.

У меня больше не было сил так жить. Боги, милосердные мои боги, пусть будет что угодно, только не это бесконечное притворство! Последние два года я старалась не думать о будущем, не загадывать, не надеяться. Только жить, дышать ароматами, воспитывать сына... Разве я так много просила? И что я получила в итоге? Жизнь, похожую на прогорклое масло – вылить жаль, а использовать нельзя.

- Значит, тебе не нравится, что весь город считает тебя рогоносцем, - проговорила я тихо, и Ингольв, замолчав на полуслове, уставился на меня. – Поздравляю, теперь ты знаешь, что чувствовала я, когда ты кочевал из постели в постель.

- Это другое, - коротко возразил он, кажется, даже несколько смутившись. Ингольв, как и большинство мужчин, был твердо уверен, что сам он вправе делать что угодно, однако женщинам это непозволительно.

- Другое?! – я нервно рассмеялась. Все, что так долго копилось, теперь рвалось из меня неудержимой лавиной. – Я могла стерпеть, пока ты сохранял хоть какое-то подобие приличий и не выставлял напоказ свои... увлечения. Но этого тебе показалось мало. Роман с милой Ингрид ты не только не удосужился скрывать, а наоборот, демонстрировал! Да что там, ты позволил ей прилюдно меня поучать, ты дрался из-за нее на дуэли!

Ингольв смотрел на меня в оцепенении, надо думать, совершенно ошеломленный этой неожиданной вспышкой.

Меня мало трогали его случайные измены, но любовь к другой женщине – это совсем иное. Унизительно и противно, словно спать на чужих грязных простынях.

- Ты сама виновата, - начал он, оклемавшись, но я продолжила, будто не слыша. Что нового он мог сказать? За столько лет его претензии не мудрено выучить наизусть!

– И после всего этого ты смеешь меня попрекать?! Наверное, я бы простила и это. Но попытки избавиться от Валериана - не прощу! Неужели твоя Ингрид стоит того, чтобы оставить его умирать?! Я все знаю об эпидемии в Хэймаэль, не трудись отрицать.

Пожалуй, мне еще никогда не доводилось видеть Ингольва настолько ошеломленным. В его породистое лицо будто плеснули молоком, так резко оно побелело.

- Ты думаешь, что я?! – с заметным трудом выдохнул он, словно борясь со спазмом в горле.

Резкое «да» словно замерзло на моих губах. Потрясение Ингольва было слишком искренним, чтобы заподозрить притворство. Оно било в нос, как нашатырь.

- А что еще я должна думать? – спросила я устало и потерла лоб. – Ингрид мне обо всем рассказала. Наверное, прошлой ночью ты хвастался ей, как ловко все устроишь?

Запнулась и заставила себя подышать размеренно. Вдох-выдох-вдох-выдох. Не обращать внимания на тупую боль в животе и острую – в сердце, на подкатывающую к горлу тошноту и подступающие слезы.

Ингольв отвернулся, потом грузно опустился в кресло напротив.

- Мирра, - голос его звучал сдавленно, - ты что-то неправильно поняла, Ингрид не могла такого сказать!

На ее имени он будто споткнулся, и от того, как изменился его тон, мне стало ясно: все кончено. Если раньше мы еще могли делать вид, что все по-прежнему, то теперь хрупкая ваза супружеского согласия не просто разбилась. По осколкам прошлись подкованными сапогами, разбивая их в стеклянную крошку.

- Тем не менее, она сказала именно это, - я прикрыла глаза рукой. Надежда, что я почувствую облегчение, высказав мужу все накипевшее, оказалась тщетной. Вместо этого меня затопило безразличие, похожее на густой туман с привкусом гари. – Господин Исмир может подтвердить. И не отрицай, ты ведь не ночевал прошлой ночью дома!

- Мирра, посмотри на меня! – потребовал муж каким-то странным тоном, однако я только покачала головой, не желая, чтобы он видел меня в слезах. Впрочем, когда это Ингольв считался с моими желаниями?

Он выдернул меня из кресла, как морковку из грядки, потом силой отвел мою руку от лица.

- Что? – поинтересовалась я устало, стараясь сохранить хоть каплю достоинства.

- Прошлой ночью я ездил в Хэймаэль, - вдруг признался Ингольв глухо.

- Что?! – повторила я, думая, что от голода и волнения ослышалась.

- Я ездил в Хэймаэль, - повторил муж громче. – Там все не так плохо, как говорят, но я забрал оттуда Валериана. Можешь спросить у Петтера, если не веришь. Он вел машину.

- Но... – с трудом освободив руку из тисков мужниных пальцев, я потерла висок, стараясь собраться с мыслями. Он не лгал - об этом неопровержимо свидетельствовал остро-пряный запах любистка, слегка напоминающий сельдерей – откровенности. – Тогда где он? Что с ним? Он здоров?

- Я не мог привезти его в Ингойю, - показалось мне, или в голосе Ингольва действительно послышалось понимание и... извинение? – Он сейчас в Гриндавик, под присмотром Утера. Доктор говорит, он здоров, но все равно лучше выждать неделю на карантине.

Я медленно кивнула: Гриндавиком звалась крошечная деревушка на западе, откуда происходил родом Петтер. Его отец был слепо предан Ингольву, так что рядом с ним Валериан в безопасности.

- Спасибо, - только и сумела выговорить я, опустив взгляд. Выходит, самый страшный упрек, который я бросила мужу, был безоснователен!

Ингольв взял меня за подбородок и заставил поднять голову.

- Ума не приложу, почему она тебе такого наговорила, - казалось, каждое слово он выдавливал из себя, как зубную пасту из тубы. – Она же знает! Клянусь тебе, я даже не думал! Валериан же мой сын!

Я осторожно коснулась его губ, заставляя замолчать. Мы оба понимали, что Ингрид пыталась спровоцировать полный разрыв между мной и Ингольвом, а что проще, чем сыграть на чувствах матери?

- Не надо. Я тебе верю.

- Смирна, - шепнул муж, пробегая пальцами по нежной коже за ухом. Пахло от него имбирем и медом. – Моя Смирна

Благоуханная.

Я прикрыла глаза, пряча недовольство. Первое время после свадьбы он часто называл меня так. Надо думать, это устаревшее название мирры пришлось ему по сердцу, напоминая о привычных командах.

Губы Ингольва с давно забытой нежностью коснулись моих век, висков, щек. Когда-то это приводило меня в восторг...

А теперь я стояла, закрыв глаза, и обреченно понимала, что не чувствую ровным счетом ничего. Только усталость, бесконечную усталость. Он – мой мужчина, мы вместе прожили двенадцать лет, зачали двоих детей, но... Мы давно чужие, и с этим уже ничего не поделаешь.

Впрочем, муж быстро отошел от неожиданного приступа сентиментальности.

- Мирра, мы не договорили, - сказал он, отстраняясь, и я с трудом сдержала тяжелый вздох. - Почему ты постоянно встреваешь в какие-то неприятности? Неужели так сложно согласиться, что место женщины – в гостиной? Как давно ты не виделась с Гудой? А с Гюльвейг? Все нормальные жены ходят в гости, занимаются хозяйством, ездят в театр. А ты мало того, что торгуешь всякими сомнительными зельями, так еще и водишься с хель, с леденцами, с драконами! Тебе хотелось заставить меня ревновать? Это глупо и ребячески, Мирра!

Годы тренировок не прошли даром: мне удалось проглотить крутящийся на языке ответ.

- Дорогой, - я улыбнулась через силу. – Я же не могу оставить практику ради светских развлечений!

– Ты вполне можешь сидеть дома, я зарабатываю достаточно, чтобы содержать семью! А эти хель тебя подстрекают!

- Они всего лишь хотят получить то, за что заплатили авансом, - пожала плечами я.

Лицо мужа потемнело. Напоминание о том, что звание полковника он получил отнюдь не за воинские заслуги, никогда не приводило Ингольва в хорошее настроение. Однако от опасной темы он благоразумно ушел.

- Ты так и не сказала, почему общалась с этим драконом!

Скрывать правду я не собиралась. Я так долго балансировала на краю обрыва, что теперь безразлично следила за осыпающимися из-под ног камнями. Сорвусь? Пусть.

Радость от известия, что с Валерианом все в порядке, сменилась прежней решимостью.

- Потому что с его помощью я выяснила, что змею мне подкинула Ингрид! – отчеканила я, глядя прямо в глаза мужа.

- Змею?! – вытаращился на меня он, и я едва не рассмеялась –

от облегчения и от того, сколь комично это смотрелось. Ингольв смотрел так, будто всерьез сомневался в моем душевном здравии, а значит, он не знал о планах любовницы. – Мирра, что ты несешь?!

- Ты ведь хотел услышать правду, - пожала плечами я. – А правда состоит в том, что милая Ингрид отчего-то меня невзлюбила. – Я полюбовалась алыми пятнами, которые загорелись на скулах Ингольва, и продолжила: - И вчера она подкинула в «Уртехюс» змею. К счастью, дракон услышал мой крик и поспешил на помощь. Вот и все!

При виде растерянности Ингольва меня на мгновение даже кольнула жалость. Он все никак не мог поверить в столь некрасивые поступки возлюбленной.

- Взгляни, - я подняла манжету платья и протянула руку запястьем вверх. На белой коже выделялись едва начавшие желтеть синяки, а чуть ниже, у основания большого пальца – следы змеиных зубов. – Надеюсь, ты не думаешь, что я сама их проделала... скажем, шилом?

Ингольв отрицательно мотнул головой, завороженно глядя на мою руку. Потом заговорил хрипло:

- Ты уверена, что это – она?

Надо думать, он с трудом пересиливал искушение объявить меня обманщицей.

- Уверена, - кивнула я.- Во-первых, ее видел Исмир. А во-вторых, согласись, в наших краях непросто отыскать змею. Не знаю, где она ее раздобыла...

- У доктора Ильина есть несколько ужей, для каких-то опытов, - нехотя сознался Ингольв.

Я кивнула, принимая объяснение.

- К тому же на улице холодно, змее полагалось впасть в спячку, а не набрасываться на меня. – Заметила я, поправляя рукав. Ингольв вздохнул с облегчением и наконец сумел отвести взгляд. – Полагаю, кровь ванов помогла твоей милой Ингрид это устроить!

На шее и висках мужа вздулись вены.

- Не называй ее так! – потребовал он резко.

- Почему? – спросила я легкомысленно, поднимая с пола оброненную во время нашего объяснения шаль. – Тогда как я должна называть твою любовницу?

- Мирра! – рявкнул Ингольв, выходя из себя. Пахло от него колкой злостью лимонной травы, напоминающим бензин чайным деревом обиды и кислой клюквой смущения.

Он только зыркнул на меня исподлобья, тяжело дыша. А меня несло, словно поезд между станциями. Только стучали колеса

(нет, это кровь стучит в висках) и свистели слова, бьющие в лицо не хуже встречного ветра.

- Прости, - развела руками я и притворно повинилась: - Я позабыла, что жене не положено замечать такие вещи!

- Прекрати! – велел Ингольв, не выдержав. Больно схватив за плечи, встряхнул. – Слышишь, прекрати! Иначе...

- Иначе – что? – спросила я бестрепетно, глядя прямо в голубые глаза навыкате, сейчас испещренные красными прожилками, должно быть, из-за бессонной ночи.

Боги, милосердные мои боги, ради чего я терпела эти два года?! Ради сына? И что это дало? Несмотря на мое сопротивление, Ингольв устроил все так, что я смогу видеть Валериана не чаще нескольких раз в год. А ведь пройдет всего несколько лет, мой мальчик вырастет и совсем перестанет во мне нуждаться! Сердце защемило, протестуя против этой почти кощунственной мысли.

Так ради чего?! Приличия, долг, супружеские клятвы? К йотуну! Я чувствовала себя волчицей, отгрызающей себе лапу, чтобы освободиться из капкана.

Ингольв и раньше не слишком со мной считался, а теперь... Стоя рядом с мужем, я отчетливо понимала, что дальше будет хуже. Ингрид не перестанет настраивать Ингольва против меня, и он рано или поздно всерьез задумается, как чудесно бы ему жилось без опостылевшей жены. А Валериан окажется в жерновах. Быть может, лучше сразу вычеркнуть себя из его жизни?

- Послушай, я пристрою ее. Увезу отсюда, сегодня же. Слышишь? – Ингольв так просительно заглянул мне в глаза, что сердце мое оборвалось. Он не переживал, что я могла пострадать, волновался только, как бы я не заявила в полицию. И ради Ингрид он готов был меня просить – гордый Ингольв, который не просил ни о чем и никогда!

- Спасибо, хоть не стал лгать, что бросишь ее, - произнесла я с иронией. И, будто бросаясь с головой в море: – Ингольв, я хочу уйти.

- Уйти? Куда уйти? – не понял он.

- Куда-нибудь, - проговорила я легко, словно речь шла о каких-то мелочах. – От тебя.

Раздельное проживание по взаимному согласию – это выход. Права мужа при этом по-прежнему будут всецело принадлежать Ингольву, но можно договориться, что он не станет ими пользоваться. В конце концов, что ему за дело до меня, когда у него есть Ингрид?

- Ты с ума сошла! – судя по кисло-сладкому запаху неспелых вишен, слова эти никак не умещались в его голове. – А как же

хель?! И что подумают люди?

Я горько усмехнулась. Значит, первая мысль Ингольва была о хель, точнее, о том, что предпримут они, если мы с мужем будем жить порознь. Вдруг отберут дом, звание, должность? Разумеется, в наши семейные отношения или, скажем, в вопросы опеки над Валерианом ледяные вмешиваться не будут. «Людям – тепло, а хель – лед!»[37], как гласит известный принцип. А вот собственные подарки они вправе отнять в любой момент.

Смешок мой от Ингольва не укрылся. Муж нахмурился и резко сказал:

- Я против. Об этом не может быть и речи! А тем более сейчас, когда... – он оборвал свою речь, будто спохватившись, и нервно хрустнул пальцами. - В конце концов, подумай о сыне!

- Два года, - произнесла я тихо. Тошнота накатывала волнами, то отступая, то подбираясь к самому горлу. – Целых два года я думала только о нем. Когда ты бегал за каждой юбкой, когда позволял своему отцу и даже слугам меня унижать, когда запрещал мне заниматься тем, что составляет смысл моей жизни. Я думала только о том, что не могу оставить Валериана. А потом оказалось, что ты легко и просто можешь отобрать его у меня и так. И я ничего, ровным счетом ничего не могу с этим поделать!

Я чувствовала, что меня трясет. Все невысказанные слова, все невыплаканные слезы вытекали наружу, как гной из вскрытого нарыва.

«Бабушка была бы недовольна!» - будто сказал внутри меня наблюдатель, неодобрительно цокая языком. А мне было все равно... Можно терпеть, заталкивая вглубь боль, обиду, гнев. Можно ломать себя – и улыбаться. Но только до определенного момента, когда до предела сжатая пружина наконец распрямится.

Побагровевший от гнева муж встряхнул меня за плечи, да так, что клацнули зубы.

- А ну, перестань! Перестань, слышишь?! Как ты вообще могла так обо мне подумать?! Подумать, что я его там брошу? – Ингольв смотрел на меня с почти детской обидой.

Я, разумеется, не сдержалась.

- Почему я не должна была верить? Ведь Фиалка...

- Я не виноват в том, что случилось с Фиалкой! – заорал он, чуть не брызгая слюной. – И мне надоело, что ты постоянно делаешь из меня крайнего! Она простудилась и умерла, при чем тут я?!

- При том, что ты не позволил мне заниматься аромагией, - голос мой звучал тихо и устало. – Я могла бы ее спасти...

- Ты могла бы вообще не приезжать в Хельхейм, или не родить ее, или она могла выкарабкаться сама. Мало ли, что могло

произойти? А ты твердишь об этом так, словно я должен был все предвидеть!

Ингольв тяжело дышал и смотрел на меня с такой яростью, с таким запахом горелой резины, что я вдруг поняла – он подспудно чувствует себя виноватым, только никогда в этом не признается. А я никогда его не прощу. Не сумею забыть, что наша дочь осталась бы жить, если бы не настойчивое желание мужа сделать меня идеальной женой.

- Теперь это уже не важно, - проронила я, отворачиваясь.

Наверное, давно следовало поговорить с ним откровенно. Возможно, тогда нам удалось бы хоть как-то склеить разбитую любовь? А теперь слишком поздно...

Я чувствовала себя побежденной по всем фронтам. Конечно, можно уйти из дома даже без согласия Ингольва, вот только с острова меня без его разрешения не выпустят, а практика в Ингойе превратится для меня в сущий кошмар. Впрочем, вряд ли мне вообще удастся практиковать – по закону все заработанные деньги принадлежат мужу, который может потребовать их в любой момент, независимо от того, живем ли мы вместе. А в том, что Ингольв не преминет наказать меня за своеволие, сомневаться не приходилось.

Я пошла ва-банк и проиграла.

- Я не отпущу тебя, слышишь? – резко сказал Ингольв мне в спину.

- Слышу, - откликнулась я, и собственный голос показался мне безжизненным, как вечная мерзлота. – Извини, мне нехорошо!

Я выскочила из гостиной и, не обращая внимания на взгляды слуг и домочадцев, устремилась прямиком в «Уртехюс»...

Первым делом я заперла за собой дверь и, схватив первый попавшийся таз, упала в обнимку с ним в ближайшее кресло. Когда бунтующий желудок слегка успокоился, я закрыла глаза и с силой сжала голову руками.

Даже кончики пальцев, казалось, состояли из одной только горькой боли, и дышать было тяжело, словно у меня были переломаны ребра.

Боги, милосердные мои боги, что же делать?!

Очнулась я от настойчивого стука в дверь. Разумеется, открывать не стала – в таком виде стыдно показаться кому-то на глаза. Даже не глядя в зеркало, можно представить свой внешний вид: встрепанная, бледная, заплаканная, не говоря об измятом платье и неприятном запахе от стоящего рядом с креслом таза.

Я с некоторым трудом поднялась, подошла (хотя скорее подползла) к дальнему окну, выходящему к морю, распахнула

створки и с наслаждением вдохнула свежий чистый запах. На Ингойю будто нападала целая армия снежинок, и сейчас ее воины торопились захватить городские улицы, яростными осами жаля прохожих...

- Госпожа Мирра, откройте! – Голос Петтера звучал встревоженно и настойчиво. Мальчишка бился в дверь, как бабочка о стекло. – Откройте, я не уйду!

- Что еще? – неприветливо сказала я, распахнув перед ним дверь.

- С вами все в порядке? – спросил он тихо, замерев с занесенной для очередного удара рукой. Губы его были обветрены, глаза покраснели, а каштановые вихры топорщились в совершеннейшем беспорядке.

- А что, похоже? – усмехнулась я, отступая, чтобы его впустить. От слез у меня заложило нос, но догадаться о его настроении нетрудно было и без подсказок.

Он только отрицательно мотнул головой.

Я жестом указала на кресло, однако мальчишка остался стоять. Я пожала плечами и принялась разыскивать масло базилика. Считается, что оно устраняет меланхолию и мизантропические настроения, и теперь выдался превосходный случай это проверить. К тому же базилик должен помочь от тянущей боли в желудке.

Петтер мялся в стороне и кусал губы, явно не решаясь заговорить.

- Слушаю вас, - накапав масло в аромалампу, я уселась в кресло и невидяще уставилась на свои руки. По комнате разливался травянистый, немного камфорный и сладковато-анисовый аромат. К нему следовало добавить имбирь, однако имбирь слишком сильно напоминал мне об Ингольве.

Я заставила себя поднять глаза на Петтера.

- Госпожа Мирра, я... – мальчишка, кажется, не замечал, как мнет фуражку. – Господин полковник отправил меня подтвердить вам, что прошлой ночью мы ездили в Хэймаэль и забрали оттуда вашего сына.

- Спасибо, - я наконец смогла нормально вздохнуть, лишь теперь до конца поверив в слова мужа.

Вдруг остро захотелось кофе, чтобы его горечью смыть неприятный привкус во рту. Я встала, зажгла спиртовку и вынула из шкафчика нужную банку.

- С ним все в порядке, - продолжил Петтер, переминаясь с ноги на ногу. – Клянусь Тюром, это правда!

И вскинул на меня глаза, странно темные на побледневшем лице. Густой и тяжелый аромат его одеколона мешал мне, как

лезущая в глаза прядь волос.

- Спасибо, - повторила я со слабой улыбкой и вдруг заметила, что руки мои дрожат, из-за чего кофе рассыпался по столу. По щекам покатились слезы, и я прижала ладонь ко рту.

Долгую минуту мальчишка молча смотрел на меня, потом шагнул вперед – и обнял, осторожно прижал к груди.

- Ш-ш-ш, - шепнул он. – Не плачьте! Все будет хорошо. Поверьте мне, все обязательно будет хорошо!

И, боги, милосердные мои боги, я вдруг обнаружила, что именно этого мне недоставало. Капельки тепла и нежности, о которых моя душа мечтала, как пустыня о дожде.

Петтер тихонько гладил меня по волосам, пока слезы не иссякли.

- Простите, - я с трудом выдавливала слова. – Я не в себе. Переволновалась.

- Понимаю, - согласился он тихо. – Я... я слышал, как господин полковник на вас кричал.

- И видите, что происходит между нами, - понимающе заметила я, немного отстраняясь. Надо думать, выглядела я нелепо и жалко – он потупился, чуть не до крови прикусил многострадальную губу.

- Он мой командир, а я – посвященный Тюра, - глядя на блестящие носки своих сапог, проговорил мальчишка мертвым голосом. – Я не должен сомневаться ни в его поступках, ни в его решениях.

- Но вы сомневаетесь, - тихо произнесла я. Командир для него священен. Вот только, боюсь, сейчас у мальчишки две святыни, и сделать выбор между ними – задача не из легких. Потому его и бросает в крайности – от стараний примирить меня с мужем до попыток объясниться в своих чувствах.

Петтер помолчал, прикусив изнутри щеку, и закончил глухо:

- Полковник причиняет вам боль. Я... я не знаю, как его убедить этого не делать!

- Вы ни в чем не виноваты! – заверила я, чувствуя странную опустошенность. Резкий запах табака и дегтя раздражал, и я не сдержалась: - Вам не идет этот одеколон, Петтер!

- А мне нравится, - откликнулся он спокойно. И улыбка, коснувшаяся его губ, подсказала мне ответ. Он делал это сознательно, должно быть, вспомнив, как я жаловалась на благовония Колльва, мешающие разобрать его эмоции.

- Вы так хотите скрыть свои чувства? – спросила я, упираясь рукой ему в грудь, но мальчишка и не подумал выпустить меня из теплого плена объятий.

- Они ведь вам неприятны, - заметил он ровно, и только

колотящееся под моей ладонью сердце выдавало, что спокойствие его притворно.

- Нет! – возразила я и, вырвавшись наконец из его рук, объяснила: - Я просто не хочу ломать вам жизнь, Петтер. Я ведь вам уже говорила!

- Я помню, - он дернул плечом и отвернулся.

Оставалось только вздохнуть. Обиделся. Боги, какой же он еще мальчишка!

- Я благодарна вам, Петтер, правда. И уверена, что с Уннер вы будете очень счастливы!

Он промолчал, и молчание было настолько красноречивым, что я снова вздохнула и направилась к спиртовке. Вода в турке уже выкипела, так что пришлось доливать холодной. Надо думать, мальчишка не питал интереса к бедняжке Уннер, а ухаживать за ней начал в пику мне (и, возможно, надеясь разбудить во мне ревность).

Краем глаза я заметила, как Петтер, глубоко вздохнув и, кажется, на что-то решившись, достал из-за пазухи газету и молча протянул мне. Я сняла с огня турку, перелила кофе в чашку и стала читать заботливо обведенные карандашом строки:

«Редакция приносит свои глубочайшие и искренние извинения достопочтенной госпоже Мирре за публикацию непроверенных и порочащих аромагию материалов, а также заверяет, что Знаток более не будет печататься в нашем издании». И подпись главного редактора – слишком знакомое имя, которое сказало мне все.

Я сжимала в руках измятые листы, не замечая, как краска пачкает пальцы, и в очередной раз пыталась собрать воедино разбегающиеся мысли. Петтер молчал, дожидаясь моей реакции.

М-да, похоже, любимая поговорка свекра: «Волос долог, да ум короток!» все же не лишена оснований. Теперь события, ранее нелепо громоздившиеся друг на друга, обрели стройность и логичность.

- Значит, поэтому вы тогда привезли меня к Халле? – догадалась я. Петтер кивнул, не отрывая от меня напряженного взгляда. Я глотнула горячего кофе, обожгла небо и поморщилась. – Ингольв не хотел, чтобы я узнала, верно? И запретил вам говорить об этом.

Он снова кивнул, и я машинально отпила еще кофе. Понятно, почему Ингольв скрывал правду – в его глазах это было бы равносильно признанию своей неправоты.

Давняя традиция: желая опровержения недостоверных сведений, можно вызвать на дуэль распространяющее их лицо. И это неоднократно применялось к газетчикам. А если журналист,

написавший статью, стоит неизмеримо ниже оскорбленного либо вообще неизвестен, то место у барьера занимает главный редактор.

Выходит, Ингольв защищал вовсе не честь Ингрид, в чем она успешно меня убедила, а напротив, меня? Впрочем, насчет его мотивов я иллюзий не питала. Вечная ирония судьбы – Ингольв многим обязан ненавистной аромагии, и гонения на нее могут изрядно пошатнуть его положение.

Надо думать, подобное объяснение пришло бы мне в голову, если бы не ловкость Ингрид, которая всего лишь несколькими туманными намеками привела меня к нужному выводу. Какая же она змея!..

Петтер давно ушел, а я все сидела, позабыв об остывшем кофе, и пыталась понять, что же мне делать теперь.

Разумеется, можно запереться в «Уртехюс» и прорыдать всю оставшуюся жизнь. И, наверное, Ингольва и прочих это вполне устроит. Вот только устроит ли это меня?

Мне стало хоть капельку, но легче после визита Петтера. Так может быть, стоит собирать частички тепла, где только можно? Ожесточенно заполнять себя чем-то светлым и хорошим, чтобы превозмочь боль? Чтобы однажды горечь и радость смешались – и вытекли со слезами, перестали гнетом лежать на сердце...

Я выплеснула в раковину остывший кофе. Пожалуй, стоит пощадить желудок, слишком часто он в последнее время напоминал о себе.

Бабушка утверждала, что проблемы с пищеварением возникают от нежелания «переварить» ситуацию, на что дедушка посмеивался и говорил, что пилюли всегда эффективнее самокопания. Впрочем, разногласия по поводу причин недугов не мешали им действовать вместе, истребляя болезни всеми возможными методами.

Надо думать, в ближайшее время придется соблюдать строжайшую диету. Представив несколько месяцев на несоленой овсянке без масла и отварном мясе, я вздохнула – и смирилась. Воображаю, как будет счастлива Сольвейг!

Древние считали, что в рационе человека должны присутствовать все вкусы: горький, сладкий, кислый, острый и соленый. Хм, пожалуй, стоит попробовать это компенсировать. Лекарственные горечи кофе, полыни и аира. Сладкая нега ванили и какао, кокоса и апельсина. Бодрящая кислинка лимона, петитгрейна и грейпфрута. Острая приправа черного перца и корицы. Солоноватая прохлада эвкалипта, розмарина и лаванды...

От одного перечня у меня слегка полегчало на душе, но даже аромагия была не в силах излечить меня от боли. Казалось, что

между мной и Ингольвом осталось совсем мало общего, а теперь я чувствовала себя так, словно меня резали без анестезии. Ингольв много лет был моей жизнью, и дело тут совсем не в любви…

Мысли мои крутились вокруг одного, как заевшая граммофонная пластинка. А за окном выла вьюга, отчаянно и безнадежно.

«И все же хорошо, что Валериана сейчас тут нет, - подумалось мне вдруг. – Он слишком чувствителен!»

Боюсь, еще немного, и я бы вновь принялась рыдать – от обиды, горечи, неоправдавшихся надежд. К счастью, такой возможности мне не дали. Входная дверь распахнулась и кто-то меня окликнул.

- Госпожа Мирра, вы тут? Можно войти? Мне очень, очень нужна ваша помощь! Вы должны мне помочь! – экспрессивно сообщил высоковатый мужской голос.

- Конечно, проходите! – отозвалась я, крепко зажмурившись, чтобы остановить слезы.

При виде кислой физиономии посетителя первым побуждением моим было со стоном уткнуться лицом в ладони. Нельзя сказать, что господин Викар - человек неприятный или недобрый, он просто всецело погружен в свой мир (как, впрочем, и большинство писателей). Творения господина Викара – романтические истории любви – пользовались немалым спросом, что не мешало автору переживать регулярные творческие кризисы. А на что только не пойдут авторы, желая вернуть ускользнувшее вдохновение!

Вот и господин Викар перепробовал многое: он писал только на рассвете, под нежные переливы вальса (представляю, как счастливы были соседи!), определенными чернилами и на особой бумаге… Однако и это не помогало!

Он перестал нормально питаться и спать по ночам, начал завидовать более успешным собратьям… С полгода назад измученный писатель попал ко мне. Сам господин Викар признался, смущаясь и краснея, что предпочел бы мужскую слабость слабости творческой. Но его, увы, никто не спрашивал.

Пока наша совместная битва за вдохновение шла с переменным успехом. Писатели – существа нежные, словно капризные орхидеи. Обласканные, ухоженные и взлелеянные, они поражают взгляд многообразием красок и изяществом, но стоит легкому ветерку задеть лепестки, как они вянут и опадают.

Сегодня же господин Викар напоминал растение, которое ретивый садовод поливал слишком часто и обильно: одутловатое лицо, набрякшие веки, вся фигура какая-то набухшая и

бесформенная. И запах – так пахнет подгнившая мякоть кактусов.

- Я опять потерял покой! - признался писатель со слезами в голосе.

- Что же, попробуем его отыскать, - вздохнула я.

Пригласив гостя присаживаться, заварила успокоительный сбор, краем уха прислушиваясь к горьким жалобам. Хм, мне бы его проблемы! Пожалуй, себе тоже стоит чего-нибудь накапать...

Господин Викар что-то бубнил о героях, которые не желают вести себя в соответствии с его задумкой, а я, сочувственно кивая, подливала ему чая. Эффективнее всего для вдохновения оказались растения, снимающие нервное напряжение: валериана, нард, ваниль, фенхель, анис. Надо думать, тонкая душевная организация творческих личностей страдает от тревоги и предчувствия неудачи, а потому бороться следует именно с ними.

- Госпожа Мирра! – вклинился в мои размышления голос господина Викара, дрожащий от возбуждения и восторга. – Что – это?!

- Где? – не поняла я, осторожно отпивая мятно-фенхелевый чай, чтобы смыть с языка мерзкий вкус валерианы и пустырника.

- Это! – господин Викар обвел широким жестом комнату. – Я чувствую, как во мне прямо-таки бурлит вдохновение! О, я чувствую! И, госпожа Мирра, - он ухватил меня за плечо, отчего я едва не подавилась своим напитком, и заговорил горячо: - Теперь я знаю, как сделать, чтобы Реодоро влюбился в Маргариту!

Пахло от него в этот момент эвкалиптом, мятой и черным перцем – полной концентрацией.

- Очень за вас рада, - я аккуратно высвободилась из захвата. Потом догадалась: – Видимо, вы имеете в виду масло базилика!

- Базилика, - проговорил он мечтательно, как другие произносят имя возлюбленной. – О, прекрасное масло!

- Согласна, - кивнула я, наблюдая, как он чуть не вприпрыжку скакал по «Уртехюс». От слоновьей дозы успокоительного меня начало клонить в сон, зато сердце будто заледенело и больше не мешало мне изображать спокойствие и приветливость.

- Придумал! – писатель резко остановился и обратил ко мне горящий вдохновением взор: - Я назову главного героя не Реодоро, а Василием, в честь этого чудесного растения!

- Замечательно, - заметила я, допивая свой чай. – Сейчас я напишу вам дозировки и способы применения.

- Госпожа Мирра, спасибо вам, спасибо огромное! Вы меня спасли! – экспрессивный писатель тряс мою руку и подпрыгивал от восторга. Ему явно недоставало бубна для хельских шаманских плясок, чтобы призывать духа вдохновения. Впрочем, господину Викару высказывать эту мысль я поостереглась…

Осчастливленный писатель отбыл, а следом стали один за другим появляться посетители. Они, конечно же, высказывали негодование из-за статьи Знатока, бурно возмущались, что редактор позволил публиковать такую чушь, за которую ему потом пришлось извиняться, и, разумеется, втихомолку рассматривали меня.

Надо думать, гости остались разочарованы моим спокойствием. Признаюсь, в тот момент меня меньше всего волновали нападки Знатока…

Как-то незаметно наступил вечер. Снежная белизна осветлила ночь, разбавила ее, словно чай молоком, так что вместо густых сине-фиолетовых сумерек на Ингойю будто опустился легкий шелк, переливающийся всеми оттенками от кипенно белого до глубокого индиго.

Когда в дверь постучали в очередной раз, взмыленная я (в прямом смысле – я как раз варила мыло) только вздохнула и, стянув перчатки, распахнула дверь.

На Палле не было лица. Он стоял на пороге, держа за руку рыдающую девицу лет шестнадцати, и от беспорядочного смешения ароматов у меня на мгновение потемнело в глазах. Сера, деготь, удушливый запах ирисов, тяжелый дух кожи, наркотически сладкий жасмин… Запахи спутались, как клубок нитей, которыми поиграл котенок.

- Госпожа Мирра! – прохрипел Палл, вваливаясь в приемную и таща за собой девушку (должно быть, дочку). – Что же делать? Что же теперь делать?!

- Для начала сесть и успокоиться, - предложила я хладнокровно. И поймала себя на мысли, что чужие проблемы превосходно отвлекают от собственных. – А потом вы расскажете, что случилось, и мы вместе подумаем, что предпринять. Согласны?

Он судорожно кивнул и бережно усадил спутницу в ближайшее кресло. Оценив ситуацию, я щедро плеснула в аромалампу масел нарда и ладана (благо, базилик уже выветрился), а девушке накапала мятно-валериановых капель. Она даже не поблагодарила, просто выпила, кажется, не заметив, что именно.

Чтобы немного отвлечь Палла от переживаний, пришлось расспрашивать его о новых сортовых лилиях, привезенных на последнем корабле. Эта тема всегда вызывала у садовника живейший интерес, однако теперь он отвечал односложно, посматривая на дочь (это действительно оказалась Гердис). Она сидела, глядя в одну точку, и судорожно сжимала на груди разорванное платье. Поначалу я не заметила этой детали, поскольку ее скрывало пальто.

- Что с ней случилось? – я постаралась, чтобы шепот мой услышал только Палл.

- Свейн – это поклонник Гердис – набросился на нее и хотел... хотел... – голос Палла сорвался. Бедняга заморгал, явно пытаясь унять слезы. – Он ведь всегда такой вежливый был, такой обходительный. А теперь как с цепи сорвался!

- Хм, - я взглянула на девушку и велела: - Палл, подождите в приемной. Мне нужно поговорить с вашей дочкой наедине.

Палл некоторое время колебался, будто всерьез опасаясь, что я тоже обижу его девочку, но в конце концов кивнул и вышел, шаркая, будто старик.

А я присела рядом с девушкой и осторожно обняла ее за плечи. От прикосновения она дернулась и напряглась.

- Тихо, тихо, - голос мой звучал негромко и сочувственно. – Вы знаете, кто я? - Она нерешительно кивнула. – Вот и замечательно. А теперь скажите, что произошло, хорошо?

Она снова кивнула, все так же неуверенно.

- Я... я отпросилась на сегодня у барышни Сигнё и шла к отцу, когда меня перехватил Свейн. Ну, мы раньше гуляли вместе. Только гуляли, госпожа, вы не подумайте ничего такого!

- Я и не думаю, - заверила я, пытаясь понять, что именно в ее запахе не давало мне покоя. Хм, пожалуй, резкий мускус, амбра и тягучий мед не соответствовали ни возрасту, ни внешности, ни статусу девушки.

- Он на меня так набросился! – Гердис сжала кулачки и,

закусив губу, призналась тихо: - Я уж думала, снасильничает!

Она задрожала и я, пожалев несчастного ребенка, прижала ее к себе.

- Успокойтесь, - гладя всхлипывающую девушку по плечу, мягко произнесла я. – Я не дам вас в обиду.

Но Гердис не успокоилась. Так же кривились губы, словно она вот-вот расплачется, движения были суетливы, да и глаз она не поднимала. А в сумятице ароматов и чувств ничего не разобрать.

- Я... я плохая, да? Испорченная? – спросила она вдруг.

- Глупости! – резко возразила я.

Она мотнула головой.

- Не глупости! Если бы я... если бы я была другая, хорошая, со мной бы такого не случилось!

- Дело тут вовсе не в вас, - сказала я то, что ей нужно было услышать.

- Но он такой хороший был. Всегда был. Я же думала замуж за него выйти. Он предлагал, честно, предлагал. – Она говорила так монотонно, словно твердила давно заученный текст. - Я и барышне Сигнё сказала, она так радовалась за меня, платье подарила и духи вот. А он...

- Постойте, - встрепенулась я. Так вот что меня смущало! Аромат явно дорогой, к тому же не из тех, что подходят юным девушкам. – Какие духи?

Кажется, Гердис удивилась, даже немного ожила.

- Да вот, они у меня с собой, - и, вынув из кармана крохотный хрустальный пузырек, протянула его мне. – Барышня Сигнё такая добрая!

Я вынула пробку и осторожно поднесла ее к носу, уже догадываясь, что почую. И правда, аромат отличался от обычных благовоний, как настоящее оружие от детского деревянного меча.

- Очень добрая! – повторила я с чувством. Заметив, что Гердис перепугалась, я постаралась улыбнуться. Сейчас ей противопоказаны любые волнения – как сквозняки для стариков. – Не волнуйтесь, все будет хорошо. Эту ночь переночуйте здесь, в «Уртехюс», а завтра, думаю, все уже разрешится.

- Правда? – она доверчиво подняла на меня заплаканные глаза.

- Правда, - пообещала я. – Если позволите, это, - я осторожно, как ядовитую змею, поставила флакончик на стол, - пока останется у меня.

- Конечно, - согласилась она, не раздумывая...

Я задумчиво разглядывала емкость с подозрительными духами, пока Палл хлопотал над Гердис. Любопытно, откуда они

взялись? Изготовить подобное в Хельхейме не могли, официально привезти тем более... Напрашивался вариант с контрабандой. А если еще вспомнить поддельное вино... Пожалуй, теперь я готова была помочь Исмиру распутать ту странную историю.

К сожалению, я не имела ни малейшего представления, где искать Исмира. Возможно, он предпочитает ночевать на заснеженных вершинах гор или на дрейфующей в море льдине? Брр, от одной мысли меня передернуло. Забавно, при всей нелюбви к холоду моя тяга к северным мужчинам только усугубляется со временем: сначала коренной обитатель Хельхейма Ингольв, теперь и вовсе ледяной дракон...

Я встряхнула головой, отгоняя нелепые мысли. Пожалуй, разыскать его проще всего с помощью инспектора Сольбранда.

- Палл, будьте добры, отнесите записку, - попросила я, торопливо черкая короткое послание.

- Конечно! – обрадовался он, чуть не выхватывая бумагу из моих пальцев...

Гердис временами по-детски всхлипывала во сне, а я сидела в соседней комнате перед пустым листом бумаги. Требовалось составить несколько новых рецептов, только мысли мои крутились весьма далеко от аромагии. Забота о других помогала держать себя в руках, но, оставшись одна, я поневоле погружалась в тоску и воспоминания.

Пальцы мои машинально перебирали пузырьки с маслами и настоями, а перед глазами всплывали картинки из прошлого...

- Голубушка, вы тут? – отвлек меня от этого бессмысленного занятия негромкий голос инспектора Сольбранда.

- Да, - откликнулась я, вставая. – Здравствуйте, инспектор!

- Здравствуйте, голубушка! – он стянул с головы форменную шапку-ушанку и поклонился. Белая акация дурманила сладостью сопереживания, а чай с бергамотом выдавал сочувствие.

Я заставила себя улыбнуться. Оставалось лишь надеяться, что улыбка моя не походила на оскал.

- Не ожидала вашего визита. - Призналась я и тут же спохватилась: - Но очень рада вас видеть!

- Ну да, голубушка, - инспектор устроился напротив меня. Кажется, ему отчего-то было неловко. – Вы ведь просили передать записку господину Исмиру! Не беспокойтесь, голубушка, я так и сделал, только...

Он замялся, и я, вспомнив о долге хозяйки, предложила:

- Хотите чаю? Кофе? Чего-нибудь покрепче?

- Покрепче! – усмехнулся инспектор, мальчишеским жестом взъерошив седые волосы. – Не поверите, до чего меня все это... То есть, как мне это надоело!

С языка его, определенно, рвались куда более крепкие выражения.

- Ваш любимый малиновый ликер? – с некоторым сомнением сказала я, вставая, и распахнула створки шкафчика с разнообразнейшими напитками. Чего тут только не было! Многочисленные ягодные наливки, травяные настои на спирту, ликеры. – На мой взгляд, для сегодняшней погоды, - я кивнула на окно, за которым по-прежнему надрывно выла вьюга, - больше подходит горячее вино с медом и пряностями.

- Вино! – быстро согласился он, и я принялась отмерять гвоздику, корицу, апельсиновую цедру и мускатный орех...

Больше о делах мы не заговаривали, пока я торжественно не поставила перед гостем чашку. Сама я ограничилась отваром овса, чуть подслащенным медом – напиток не слишком вкусный, но весьма полезный для пищеварения.

- Голубушка, вы – чудо! – восхищенно произнес инспектор, осторожно нюхая исходящее ароматным паром вино. С давних пор у нас с ним была общая слабость – нелюбовь к холоду.

Я отпила глоток своего отвара, поморщилась и не выдержала:

- Инспектор, и все же, что насчет господина Исмира?

- Господина Исмира? – повторил он с непонятным выражением и с видимым нежеланием отставил чашку. – Да, голубушка, конечно! Только...

Хм, впервые я видела инспектора Сольбранда в таком смущении! И долька лимона в его запахе.

- Инспектор, что с вами? – удивилась я и заставила себя глотнуть отвара.

- Голубушка, скажу как на духу! – начал инспектор, и, сцепив руки, принялся хрустеть суставами. – Вы много лет меня знаете и, надеюсь, доверяете...

- Инспектор! – произнесла я укоризненно, и он, вздохнув, решился:

- Не лезли бы вы в это дело, голубушка!

- Хм, - признаюсь, от неожиданности я едва не поперхнулась своим напитком. Отставила чашку от греха подальше и призналась: - Инспектор, я не понимаю! Неужели эта история с духами настолько серьезна?

- Какая история с духами? – вытаращил он круглые голубые глаза. – Голубушка, вы о чем?

- Послушайте, - вздохнула я, осознав, что мы говорим о разных вещах. – Будьте добры, расскажите все по порядку!

- Конечно, - согласился он и, по-птичьи склонив на бок голову, сказал уже намного спокойнее: - Голубушка, я просто хотел вас предостеречь. Это дело - ну, об убийстве господина

мэра – оно же политическое, а вы по незнанию можете всяких дел натворить!

- Выражайтесь яснее, - попросила я, чувствуя, что медленно закипаю, и залпом допила свой отвар.

- Ну, голубушка, не горячитесь! – инспектор примирительно выставил вперед ладони, источая мирный запах ромашки и липы. – Я ни в чем вас не упрекаю. Но вы же насчет валерьянки господину Исмиру рассказали, а газетчики-то возьми, да и пронюхай!

- Но откуда?! – чуть не взвыла я. Ведь чувствовала, что ничего хорошего мне это не принесет! А все равно взялась помогать Исмиру, и теперь приходится за это расплачиваться.

- Не знаю, голубушка, – инспектор отвел взгляд и, внезапно вспомнив о почти остывшем глинтвейне, принялся жадно пить. - Может, сам Исмир проговорился или еще кто, но в вечернем выпуске «Хельхейм газетт» об этом большущая статья на первой полосе, а завтра и остальные, конечно, перепечатают! Да еще и с вашими портретами – голову даю на отсечение!

Я смежила веки, воображая, в какой ярости будет Ингольв. Впрочем, плевать!

- Что еще? – голос мой звучал тихо и устало.

- А вам мало, голубушка? – почти искренне удивился инспектор и посоветовал серьезно: - Слухи уже, конечно, не остановить, но держались бы вы от этого дракона подальше, голубушка!

- Благодарю за совет! – едко ответила я. – Только, боюсь, я не стану ему следовать!

Лицо инспектора Сольбранда выглядело серым от переутомления. Он потер покрасневшие веки и глотнул еще вина.

- Дело ваше, голубушка! – пожал плечами он. – Но вашему мужу это не понравится.

- Мужу?! – переспросила я слишком громко. – Какое дело до меня Ингольву? Его не касаются мои отношения с кем бы то ни было! Слышите?!

- Слышу, - согласился инспектор, и от его прохладно-лавандового сочувствия мой запал разом угас. – Это, конечно, ваше дело. Я только хотел вас предостеречь.

- Спасибо, - я заставила себя говорить ровно. Потом встала и, нащупав склянку с успокоительным, отмерила двойную дозу. Я глотком выпила противную на вкус жидкость и устало подумала, что много раз предостерегала пациентов не превышать количество лекарства, а теперь сама грешила тем же самым. Впрочем, сейчас мне нужно было спокойствие – пусть заемное и временное. – Я понимаю, что вы руководствовались самыми

лучшими побуждениями.

- Конечно, голубушка, - кивнул инспектор, потом вдруг взял меня за руку и заглянул мне в глаза. – Голубушка, я на вашей стороне! Но что я могу сделать?

- Ничего, - согласилась я, пожимая в ответ его теплые пальцы.

- И все же, что там за история с духами? – припомнил инспектор. – Мне просто страсть, как интересно!

Подозреваю, он просто пытался довольно неловко перевести разговор на более безопасную тему, однако в тот момент я была ему за это благодарна.

- Давайте, я расскажу по дороге! – предложила я.

- По дороге куда? – поинтересовался инспектор, с готовностью вставая.

- Увидите! – усмехнулась я...

Выйдя из «Уртехюс», я ненадолго остановилась, жадно глотая морозный воздух. Боль и гнев переполняли меня, грозя вскипеть и выплеснуться, словно молоко на плиту. Сейчас мне впору самой себе прописать длительное лечение на водах или, скажем, на морском побережье. Вспомнилось море – голубое, опалесцирующее под светом луны, теплое и ласковое. Море в Хельхейме сурово, под стать здешней земле. А летом в Мидгарде оно мурлычет и ластится к ногам, как ласковая кошка... Боги, милосердные мои боги, неужели я никогда больше его не увижу?! Боль полоснула по сердцу, не давая вздохнуть. Ингольв никогда не отпустит ни меня, ни Валериана. Так что я прикована к этим суровым местам ржавыми кандалами долга...

И совсем как этот остров, живу на хрупкой грани между ледником и вулканом... Это сравнение заставило меня нервно рассмеяться.

Я обхватила себя руками за плечи, пытаясь унять рвущийся наружу смех, а инспектор, смерив меня обеспокоенным взглядом, поинтересовался:

- С вами все в порядке, голубушка?

- Вполне, - покривила душой я, с его любезной помощью (несмотря на преклонные лета, он все еще оставался крепким мужчиной) усаживаясь в кэб. И поспешила сменить тему: - Инспектор, меня беспокоит, что в Ингойе появилось множество лекарств, которые не проходили через мои руки. В Хельхейме очень бедная флора, а значит, почти все компоненты для зелий привозные. И все поставки трав проходят через мои руки или через аптекаря Фроста. Так откуда же?..

Я не договорила, внезапно осознав, что слишком много нитей в этой истории вело ко мне.

Инспектор не отрывал от меня внимательного взгляда.

Принюхаться (в буквальном смысле) к его отношению мне не удавалось – в кэбе царил резкий запах хлора. Должно быть, кто-то из недавних пассажиров загадил кабину настолько, что вознице пришлось основательно ее отмывать. Въевшиеся в обивку запахи пыли, пота и табака просто сногсшибательно сочетались с хлором и дешевым заменителем лимона.

У меня вдруг закружилась голова, и я сжала пальцами виски. Меня, единственного аромага в Ингойе, теперь так просто обвинить в злоупотреблении. Скажем, в том же изготовлении приворотного зелья. Разумеется, это не мансег[38], за применение которого по закону положено пожизненное изгнание. Впрочем, от изгнания я бы как раз не отказалась...

Прямых доказательств, конечно, не найдется. А вот с косвенными указаниями все обстоит намного проще. «Кто, если не ты?» - вопрос сакраментальный и, увы, пока безответный.

И эта интриганка Сигнё – приходила ли она ко мне по собственному почину, или же это был ход в чьей-то интриге?

- Но кому я могла помешать?! – вырвалось у меня.

- Ну, - инспектор потер переносицу и выразительно посмотрел на меня.

Я невесело хмыкнула. Если вдуматься, он был совершенно прав: многим хотелось бы убрать меня с дороги. Муж, свекор, Ингрид, даже доктор Ильин – и список можно продолжить.

- Одно можно сказать почти наверняка – тот, кто так старается бросить на меня тень – и есть убийца мэра, - сказала я, и только когда слова облачком пара сорвались с губ, поняла, что проговорилась. – Иначе выходит слишком много совпадений.

- Расскажите мне все, голубушка, - мягко попросил инспектор, взяв в свои ладони мою озябшую руку.

Что мне оставалось делать?..

Он выслушал, не перебивая ни взглядом, ни словом. И заговорил, негромко и веско, только когда я умолкла:

- Значит, господин Исмир соврал мне, чтоб вас выгородить, голубушка?

- Выходит, именно так! – я прямо встретила его лукавый взгляд.

- Хм, - инспектор Сольбранд первым отвел глаза и задумчиво потер переносицу, потом снова взглянул на меня, и на этот раз глаза его были серьезны, и запах - горько-соленый аромат розмарина. – Голубушка, вы простите старика, но раз так... Он сможет защитить вас и в остальном, понимаете?

- Понимаю, - медленно кивнула я. Мудрые глаза его были печальны.

Надо думать, попросить защиты у Исмира действительно

стало бы наилучшим выходом из той весьма затруднительной ситуации, в которой я оказалась. Жаль только, что отношения между нами совсем не такие, какими представлялись инспектору. Впрочем...

- Спасибо! – порывисто сказала я и, движимая внезапным порывом, обеими руками сжала крупную ладонь инспектора Сольбранда.

- Да за что же, голубушка? – улыбнулся он.

- Вы мой единственный настоящий друг здесь, - призналась я. – Как бы все ни сложилось в дальнейшем, я хочу, чтобы вы это знали.

- Это вам только так кажется, голубушка, - покачал головой инспектор. – У вас много друзей, просто вы... – он помолчал, видимо, раздумывая, но все же закончил: - Вы просто мало что вокруг замечаете. – Видимо, лицо мое стало странным, потому что он тут же поспешно извинился: - Простите, голубушка, если что не так! Я не умею ловко говорить, но обидеть вас не хотел.

Губы мои дрогнули в горькой улыбке.

- Я не обиделась, - глубоко вздохнув, вымолвила я. – Глупо обижаться на правду.

После смерти Фиалки я действительно заперлась в своем крошечном мирке, не желая замечать ничего, что выходило за его пределы. Зато боль, которую я переживала теперь, казалась всего лишь легким отголоском той безудержной, звериной тоски, которая сжигала меня тогда. Не так давно я сказала Петтеру, что сердце мое умерло на могиле дочери. А то, что теперь саднит в груди – это только фантомная боль, какие бывают после ампутации конечностей.

Но без сердца – не мышцы, разумеется, а эфемерного средоточия чувств – вполне можно прожить.

В памяти всплыло лицо сына – рыжие, как у меня, вихры топорщились вокруг высокого лба. Он так походил на меня, только глаза отцовские, чуть навыкате, бледно-голубые, опушенные неожиданно темными ресницами... Мне было ради чего жить, и понимание этого позволило унять боль, привычно спрятать ее подальше – запереть в шкатулку чувств и мыслей, тщательно скрываемых от окружающих. Позже мне будет очень плохо, но это будет потом. А сейчас вспомнить бабушкины наставления о том, что женщина должна быть похожа на цветок: нежный, свежий и хрупкий. Пусть на губах играет полуулыбка, осанка будет идеальной, а плавные жесты не должны выдавать ни нервозности, ни злости.

- Давайте не будем об этом, - попросила я, но закончить не успела: резкое ржание коней, рывок – и я едва не кубарем

покатилась с сиденья. Снаружи доносились крики, звон стекла, отчаянная ругань извозчика.

В следующее мгновение инспектор подхватил меня и усадил обратно.

- Сидите тут, голубушка! – отрывисто велел он и непривычно резво выбрался наружу.

Я только головой покачала. Отеческие манеры, седые волосы и морщинистое лицо инспектора Сольбранда создавали впечатление глубокой старости, почти немощности – как оказалось, обманчивое. И, надо думать, он сознательно прилагал усилия, чтобы его создать.

Как примерная и благоразумная женщина, я чинно сидела в кэбе, изнывая от любопытства. Тайком попыталась выглянуть в окошко, но его мыли так давно, что люди за стеклом казались смутными тенями, бестолково мечущимися по царству Хель[39]. А из ругательств, несвязных выкриков и – почему-то – злорадного женского хохота составить представление о происходящем оказалось невозможно.

Когда дверца распахнулась, и в кэб заглянуло чье-то перепачканное лицо, я не завизжала только чудом. Вцепилась в поручень, лихорадочно соображая, чем можно отбиться. По всему выходило, что я могла только выплеснуть в лицо нападающего содержимое какого-нибудь пузырька из своих запасов. Едкая жидкость вроде лемонграсса очень быстро заставит любого позабыть о преступных намерениях, даже просто попав на кожу, а уж угодив в глаза...

- Голубушка, не тревожьтесь, это я, - проворчал инспектор (а это оказалась именно его испачканная какой-то гадостью физиономия), усаживаясь напротив меня. Он извлек из кармана клетчатый платок, отер лицо и с отвращением посмотрел на грязную тряпицу. К счастью, костюм его каким-то чудом не пострадал. – Совсем с ума сошли!

Он постучал вознице, и кэб, наконец, двинулся снова.

- Что случилось? – заинтересовалась я, протягивая инспектору свой собственный платок, хотя он вряд ли мог так уж помочь делу.

- А, - отмахнулся инспектор, - оглашенные... ээээ... дамочки! Эти, хелистки.

- Хелистки? – удивилась я, подумала, и вынула из сумочки флакончик из темного стекла. – Вот, это поможет!

- Что это? – поинтересовался инспектор.

- Масло лимона, - объяснила я. – Оно перебьет неприятный запах.

Хотя следы яиц и подгнивших овощей удалось стереть,

зловоние никуда не делось.

Несколько капель лимонного масла исправили дело: сквозь нежную и звонкую кислинку лишь едва пробивалась неприятная нота. Я вздохнула с облегчением и обнаружила, что инспектор смотрит на меня с нескрываемым любопытством. Поморщившись про себя (вопрос в духе «каково это – так остро ощущать ароматы» был вполне ожидаем и, признаюсь, надоел мне до зубной боли), я постаралась перевести разговор:

- Так что произошло? Из-за чего, - я запнулась, подбирая слово, и закончила: - беспорядки?

- А, - отмахнулся инспектор, - эти оглашенные надумали перейти от слов к делу!

- И? – я подалась вперед, хотя в подпрыгивающем на ухабах кэбе это было довольно рискованно.

Инспектор усмехнулся и, стянув форменную шапку, привычно взъерошил волосы.

- Да что они могли придумать! – отмахнулся он. – Засели возле «Вапнафьорда»[40], а там как раз большое сборище было. Вот дамочки-то уважаемых господ яйцами-то и закидали. Ну а нам, известное дело, вразумлять их пришлось. Ну, дамочек, конечно, не господ!

- М-да, - я поморщилась. В свете последних событий борьба хелисток за права женщин не могла не вызывать у меня сочувствия и понимания, но их методы оставляли желать лучшего. Зато воображаю себе эту картину: лощеные богатые господа в дорогих шубах, щедро заляпанных сырыми яйцами и подгнившими овощами. Хм, надеюсь, там был и Ингольв!..

Видимо, улыбку мне скрыть не удалось. Инспектор Сольбранд промолчал, и только смешливые морщинки, собравшиеся у его не по возрасту ярких глаз, выдавали понимание.

Когда кэб наконец остановился у искомого здания, я не поверила своим глазам. Дом барышни Сигнё походил на пряничный домик, стоящий на пышных сливках-сугробах. Словно декорации в каком-то любительском спектакле!

Впустили нас с некоторым трудом. Боюсь, если бы инспектор не застращал молоденькую горничную, открывшую нам дверь, то дальше порога продвинуться нам бы не дали. Однако в конце концов барышня Сигнё изволила нас принять (притом «изволила» было сказано горничной с таким выражением, будто мы должны очень высоко ценить оказанную честь!).

Некоторая театральность ощущалась и в гостиной. В отделке превалировали разные оттенки красного – от винного до карминного, а потому сама барышня в своем белом платье поневоле привлекала внимание и давала отдых глазам.

– Проходите и присаживайтесь! – произнесла она надменно. Как будто ничтожные слуги посмели беспокоить королеву.

Она небрежно указала на диванчик, стоящий крайне неудобно – спинкой к входу, что заставляло сидящих на нем чувствовать себя неуютно. Мы с инспектором понимающе переглянулись, но спорить, разумеется, не стали.

- Здравствуйте, барышня Сигнё, - начала я, усаживаясь, как ни в чем не бывало. – К сожалению, во время предыдущей встречи вы не представились. Но думаю, вы хорошо меня помните, а я, в свою очередь, превосходно помню причину вашего визита.

- Какого еще визита?! – высокомерно произнесла она. – Я вас впервые вижу!

- Разумнее было бы сказать, что вы заказывали у меня крем для рук или мыло, - мягко поправила я. – А ваше утверждение легко оспорить. Слуги, прохожие, водитель... Мало ли свидетелей найдется?

- Свидетелей?! – взвизгнула она. – Да что вы себе позволяете?! Каких еще свидетелей?

- Свидетелей вашего намерения приобрести мансег, - спокойно объяснила я.

Барышня Сигнё пошла пятнами: мансег, то есть приворот, карался весьма сурово.

- Травы не считаются приворотом! – выпалила она, нервно ломая веер.

- Надо думать, вы консультировались с юристом? – уточнила я обманчиво ласково. – Потому и не побоялись поставить эксперимент на горничной?

- Какой еще эксперимент? Как вы смеете оскорблять меня в моем же доме?! – Весь облик ее дышал оскорбленной добродетелью, но запах... запах выбивался из образа милой юной леди. Девушкам не положено пахнуть так: тяжело, сладко, влекуще.

- Вот в этом вы промахнулись. – Продолжила я, будто не слыша. – Даже если суд не сочтет ваши действия применением мансега, то вы будете опозорены перед всем городом. Вы ведь знаете, гнусные слухи почти невозможно опровергнуть!

- Да я... да вы! – она тяжело дышала, и под белой газовой косынкой вздымалась грудь. – Я заявлю, что это вы мне его дали!

- А потом сама заявила в полицию? – с иронией уточнила я. – Мало кто поверит в такую нелепость. Но пусть так, мне уже нечего терять. Зато ваше имя смешают с грязью так, что вам никогда не удастся выйти замуж.

Она по-рыбьи хватала воздух ртом, потом выдохнула, сдаваясь:

- Чего вы хотите? Денег?

- Мне нужны всего лишь две вещи. Во-первых, отличная рекомендация для вашей бывшей горничной. А во-вторых, адрес места, где вы раздобыли эту пакость!

Совершенно деморализованная барышня Сигнё позвонила, чтобы принесли письменные принадлежности, и немедленно уселась за стол...

Спустя три четверти часа мы наконец покинули ее дом.

Я постояла, глубоко вдыхая чистый морозный воздух, наслаждаясь свежестью после сладковатой гнили, которой несло от барышни Сигнё из-под искусно составленных духов.

- Ненавижу принуждение! – вырвалось у меня. – Особенно такое, от которого невозможно защититься!

«И которое пятнает аромагию!» - добавила я про себя. Мысль, что кто-то использует благотворные свойства трав для приворотов, убийств, подделок выводила меня из себя.

Если бы она совершила преступление, чтобы завоевать любимого, это как-то можно было понять и оправдать. Но ставить эксперименты на других, безрассудно рискуя их жизнью и честью – это жестоко и непростительно.

- Я провожу вас домой, голубушка! – заботливо сказал инспектор, укутывая мне плечи. – Не беспокойтесь, она побоится с вами связываться.

Я только кивнула в ответ...

Дом казался пустым и тихим, словно мавзолей. Дверь мне открыла Уннер, тоже выглядела непривычно притихшая. Только и слышалось: «Да, госпожа!» и «Конечно, госпожа!» вместо привычного веселого щебета.

Однако мне в тот момент разбираться в ее настроении было недосуг. Хотелось одного - запереться в спальне, скинуть пропылившееся платье и наконец улечься в постель. И как в детстве спрятаться под одеялом от всех бед и неприятностей.

Но сон, это желанное убежище, в ту ночь меня упорно избегал. Надо думать, тоже изменял мне, как муж. Ведь Ингольв, несмотря на откровенный разговор между нами, снова не явился домой ночевать...

Час, другой, третий текли медленно и лениво, как загустевшее от времени розовое масло. Вот только ночь отдавала не медовой сладостью розы, а безжалостно жгучей горчицей. Стоит ли удивляться, что из глаз моих все текли и текли слезы?..

Чувства обострились, улавливая малейшее изменение вокруг. Вот где-то над морем кричали чайки, вот откуда-то издали повеяло копченой рыбой, на соседней улице шумела подгулявшая компания... Кожа будто истончилась настолько, что даже

прикосновение одеяла было мучительным, и мне все никак не удавалось найти удобную позу. А безрадостные мысли о настоящем сменялись сладкими воспоминаниями о юности, о любви, о надеждах. О дочери и о сыне. О том, что я потеряла, и что должна сохранить любой ценой.

В эту ночь я окончательно прощалась с собой. И той, что жила в уютном доме дедушки и бабушки, и той, что так безрассудно последовала за мужем, и даже той, которая отмеряла день за днем в городе у моря.

Я выдирала из себя с корнем сорняки воспоминаний и целебные травы привязанностей, пока за окном не забрезжил рассвет...

Когда Уннер раздернула шторы, я даже зажмурилась. Для моих усталых глаз свет казался невыносимым. Зато свежий йодистый аромат морской воды будто вдохнул в меня почти иссякшие силы.

- Доброе утро, Уннер! – слова с трудом вырывались из пересохшего горла.

- Доброе утро, госпожа! – откликнулась она как-то вяло.

Я с некоторым усилием открыла глаза и попыталась всмотреться в нее. Уннер казалась необычно бледной и будто потухшей.

- Ты не заболела? – встревожилась я, садясь на постели.

- Нет, госпожа, я здорова! – ее голос звучал механически, да и движения напоминали заводную игрушку.

- Все равно, иди лучше отдохни, - велела я. Если бы не крайняя усталость, я бы попробовала разобраться, что с ней, но сейчас у меня попросту не было на это сил.

- Да, госпожа, - все так же прошелестела Уннер, приседая в книксене, и исчезла за дверью.

Встала я с некоторым трудом, а взглянув в зеркало, едва не отшатнулась. Это в восемнадцать девушкам позволительно не спать ночами, от этого их ясные глаза делаются лишь загадочнее. В мои же тридцать с хвостиком подобные выходки наутро безжалостно отражаются на лице.

Но сегодня мне особенно важно отменно выглядеть!

Чтобы привести себя в порядок, потребовалось немало времени. Сначала специальная маска из глины гассул с экстрактом огурца и капелькой масла базилика, чтобы оживить уставшую кожу. На волосы – смесь яичных желтков, коньяка и репейного масла, на веки – ткань, смоченная настоем чая, шалфея и ромашки...

Сколько же средств изобрели женщины в погоне за красотой! И все они в моем полном распоряжении.

Ванна с маслами мяты, розмарина и эвкалипта словно вымела из головы липкую паутину сонливости. Оставалось нанести бальзам на губы, расчесать волосы с капелькой масла брокколи и иланг-илангом (совсем чуть-чуть, иначе нежный аромат экзотических цветов станет невыносимо приторным), одеться и спуститься вниз.

Под пальцами ощущалось шелковистое дерево перил, глаза видели привычный мрачноватый интерьер, пахло лимонным воском для мебели и сдобным дрожжевым духом, но все это я отмечала машинально.

В груди застыл осколок льда, а вежливая улыбка словно примерзла к губам. Я словно онемела. Иного выхода нет, инспектор Сольбранд совершенно прав...

Сольвейг уже сервировала завтрак, но за столом никого не обнаружилось. Ингольв, разумеется, дома не ночевал, Петтер мог спозаранку умчаться с каким-нибудь поручением, но куда подевался господин Бранд?

- Доброе утро, - я слегка ей кивнула. – А где все?

- Мне откуда знать? – буркнула она, видимо, в отсутствие Ингольва не считая нужным придерживаться хотя бы минимальных приличий. И так хлопнула передо мной тарелкой с оладьями, что те едва не оказались на скатерти. – Кушайте! – Подумала и добавила ядовито: - На здоровье!

- Хм, - я с сомнением покосилась на блестящие кругляши теста, прямо сочащиеся жиром. К тому же от пожелания приятного аппетита в исполнении Сольвейг и куда более приятные кушанья встали бы комом в горле. – Спасибо, можешь идти!

- Ха! – фыркнула она и стремительно удалилась, только взметнулась серая шерсть юбки.

Я с сомнением поковыряла вилкой поджаристый бочок оладьи (от нее невыносимо пахло горелым маслом), покосилась на предложенное в качестве дополнения варенье, и решительно отодвинула тарелку.

Пожалуй, я лучше сразу отправлюсь в «Уртехюс» и сварю себе на спиртовке овсянку. Благо, мыло-скраб с овсяными хлопьями всегда пользовалось немалым успехом, так что запас их у меня был всегда. Гадость, конечно, неимоверная, зато для желудка полезно.

Означенный орган подтвердил это согласным бурчанием, и я решительно встала из-за стола...

Отперев дверь в «Уртехюс», я сразу почувствовала: что-то не так. Слишком холодно, да и запах странный: льдистая свежесть, водяные лилии и чуточка мяты.

Я машинально переступила через порог и застыла. Поверхность стеклянного столика превратилась в блестящую глыбу льда, словно искрящуюся изнутри собственным светом. Словно завороженная, я шагнула вперед, коснулась ее кончиками пальцев... И едва не вскрикнула от неожиданности, когда на поверхности льда протаяли буквы.

«Драгоценная госпожа Мирра! – гласило послание. – Весьма неучтиво с Вашей стороны назначить мне свидание и забыть о нем. Я вынужден был уйти, не дождавшись Вас, но вернусь завтра утром к десяти часам».

И небрежная руна иса – лед – вместо подписи.

Я обессиленно опустилась в кресло, наблюдая, как странное письмо превращается в воду. Как будто неожиданно пришла весна, и снег вокруг стремительно тает, освобождая природу из оков зимы. Недоставало только нежного аромата набухших почек...

Спохватилась я лишь тогда, когда на полу натекла изрядная лужа. Ох уж эти мужчины! Исмир даже не подумал, что кому-то придется убирать все его художества!

Закончив возиться с тряпкой, я взглянула на часы. До назначенного времени оставалось не больше четверти часа.

Я выпила одну за другой три чашки кофе, почти не чувствуя вкуса. Глаза мои перебегали с предмета на предмет. В «Уртехюс» все было таким родным, знакомым, уютным... А ведь если я осуществлю задуманное, то никогда больше всего этого не увижу!

Шагов я не услышала. Только бархатное контральто сандала заставило меня вздрогнуть и поднять голову.

В шаге от меня застыл Исмир, и за его всегдашней расслабленностью сегодня ощущалась странная напряженность. Как скользкий лед под тонким слоем свежевыпавшего снега.

- Рад приветствовать вас, госпожа Мирра! – церемонно произнес он, не отрывая от меня тревожаще внимательного взгляда.

- И я рада видеть вас, господин Исмир! – словно со стороны услышала я свой спокойный голос. Все же уроки бабушки даром не прошли. – Прошу, присаживайтесь! Выпьете чего-нибудь?

Он чуть склонил набок светловолосую голову, вдруг напомнив мне инспектора Сольбранда, и ответил без улыбки:

- Я очень занят, госпожа Мирра, - вот теперь в уважительном «госпожа» льдинками прозвенела отчетливая ирония. – Вчера я потратил немало времени, дожидаясь вас, потому давайте перейдем сразу к сути. Зачем вы хотели меня видеть? Кажется, до сих пор вы изо всех сил избегали моего общества...

- До сих пор – да, - суховато подтвердила я. Иного выхода у

меня не оставалось, но как же все это было унизительно! – Для начала возьмите вот это.

И протянула ему листок бумаги.

- Что это? – он пробежал глазами короткий адрес, и между бровей его залегла сосредоточенная морщинка. – Если не ошибаюсь, это где-то в доках?

- Насколько я знаю, именно так. – Подтвердила я и, не дожидаясь расспросов, объяснила: - Если вас все еще интересует контрабанда, о которой мы говорили с вами на днях, то имеет смысл туда заглянуть.

Исмир не высказал ни малейшего признака удивления. Совершенно спокойно отложил на столик бумажку, а затем, не глядя на меня, уточнил:

- Насколько достоверны эти сведения?

- Надо думать, вполне, - пожала плечами я. – Не думаю, что она посмела бы солгать.

Он несколько мгновений думал, отбивая пальцами ритм по столешнице многострадального столика, и от прикосновений дракона тот снова начал покрываться изморозью.

- Господин Исмир! – не выдержала я. – Будьте добры, оставьте в покое мебель!

Он поднял на меня взгляд, потом перевел его на свою руку, покоящуюся на небольшом островке льда.

- Потом он растает, а мне придется убирать! – пояснила я. Странное спокойствие, холодом сдавившее сердце, развязало мне язык.

Мгновение Исмир смотрел на меня, потом улыбнулся, и в нежную мягкость аромата сандала влились звонкие ноты апельсина.

- Простите, - произнес он иронично. – Должно быть, своим вчерашним посланием я доставил вам хлопоты.

- Это вы меня простите, - спохватилась я. Указывать гостю на причиненное им беспокойство некрасиво. – Напротив, это было весьма… необычно!

Разговор наш напоминал вежливую беседу малознакомых людей, и оттого перейти к сути было особенно неловко.

- Благодарю вас за помощь! - Исмир пружинисто встал. – Это все, о чем вы желали со мной поговорить?

На мгновение меня обуял соблазн кивнуть. Просто отступить.

- Боюсь, что нет, - медленно произнесла я.

- Хм, - он снова уселся напротив меня и чуть подался вперед. – Тогда я вас внимательно слушаю.

Я взглянула прямо на него. Необычно светлая кожа дракона, подтянутая фигура и – я помнила это – силы ему было не

занимать. А в серо-голубых глазах и в мягком благоухании сандала светились спокойствие и ирония. Пожалуй, это будет несложно.

Впрочем, кому я лгу?!

Исмир поднял брови, кажется, несколько удивленный столь пристальным интересом к своей персоне.

- Господин Исмир, я прошу вас увезти отсюда меня и моего сына! – выговорила я заранее заготовленную фразу.

- Вы. Просите. Меня. О чем?! – раздельно произнес он, и, кажется, я впервые слышала в его голосе откровенное изумление.

- Я прошу вас увезти отсюда меня и моего сына! – повторила я, и опустила глаза, нервно комкая ткань платья.

Когда Исмир коснулся моего лица, заставляя поднять голову, я колебалась лишь мгновение. Сказав феху, нужно говорить и уруз[41].

- Вы понимаете, о чем просите? – поинтересовался он, глядя на меня сверху вниз. Выражение лица у него было… странное.

А у меня привычно закружилась голова от аромата сандала, сейчас пронизанного колкими нотами черного перца.

- Понимаю, - горько усмехнувшись, подтвердила я. – Ингольв – мой муж, так что даже у вас могут возникнуть неприятности из-за моего побега.

- Вы – умная женщина, - одобрительно кивнул он. – И должны понимать, что сейчас неподходящий момент, чтоб еще сильнее обострять отношения с людьми. Зачем мне это?

- Полагаю, к человеколюбию взывать бессмысленно? – произнесла я с усталой иронией, обхватывая себя за плечи. Руки ледяные, на зависть всем хель.

Он только хищно усмехнулся в ответ и, качнув головой, предложил:

- Попробуйте что-нибудь, не столь… нелепое!

Хм, кажется, причин любить людей у него не было. Надо думать, профессия моя драконам тоже без надобности – никогда не слышала, чтобы они чем-то болели.

- У меня ничего нет, - я отвернулась, стараясь отгородиться от острого, почти до боли, ощущения его близости.

- Тогда, - начал Исмир, но я не дала ему договорить.

Подняла глаза и, словно ныряя в прорубь, проговорила:

- У меня нет ничего, кроме меня самой. Но вы, кажется, были не прочь… завоевать мою благосклонность?

Ему потребовалась минута, чтобы переварить это заявление.

- То есть… Вы предлагаете мне себя?! – в его голосе звенело недоверие и, кажется, почти опаска.

- А разве мои слова можно истолковать иначе? – спокойно

спросила я. Спасительное онемение все не проходило. «Воображаю, что сказала бы бабушка, услышь она меня сейчас!» - подумала я вдруг, и едва сдержала истерический смешок.

Он внимательно посмотрел на меня, а затем рывком поднял на ноги. Весьма бесцеремонно!

- Зачем? – спросил Исмир, не отрывая от меня взгляда. Нас разделял всего шаг. – Я осведомлен, что у вас не слишком хорошие отношения с мужем, однако... Разве вам не приходило в голову, что я могу быть еще хуже?

И он нарочито бесстыдно притянул меня к себе.

- Хуже не бывает, - убежденно произнесла я, вспоминая бесчисленные унижения и все то, что мне пришлось пережить в замужестве. И могилу Фиалки – где-то там, возле затерянного в снегах гарнизона, куда я даже не могу прийти, чтобы поплакать.

- Я ведь дракон, Мирра. – Его дыхание касалось моего лица. – Не боитесь?

- У меня есть сын. – Я бесстрашно (а может быть, устало?) смотрела в льдисто-светлые глаза. – Я должна его спасти, и мне все равно, какую цену придется за это заплатить. Увезти отсюда, дать ему возможность жить так, как захочет он сам. И быть рядом, пока я ему нужна!

Глаза защипало, но я резко себя одернула. Не время плакать, не время поддаваться слабостям. Пусть унижение, но я твердо знаю, зачем это все.

- Все равно? – белозубо усмехаясь, повторил Исмир, и голос его вдруг сделался неприятным, как скрежет металла по стеклу. – Мне неинтересна добыча, которая сама идет в руки.

- Мне больше нечего вам предложить, - я гордо подняла голову, пытаясь сохранить хотя бы остатки собственного достоинства.

- Нечего? – переспросил он. Проведя пальцем по моей шее, остановил руку напротив сердца. Долгое мгновение мы смотрели друг другу в глаза, и меня вдруг начал бить озноб. Я с пугающей ясностью поняла, что совсем его не знаю. Исмир – словно айсберг в океане, и на поверхности видна лишь малая его часть. – Хорошо, я увезу вас, но только когда закончу расследование заговора.

- Что?! – переспросила я беспомощно. Мое спокойствие разлетелось на куски, как упавшая с высоты сосулька. – Какого заговора?!

- Того самого, в котором замешан ваш муж. Только не говорите, что вы ни о чем не подозревали! – рыкнул он. Я замерла, ощущая себя на пути лавины – безжалостной и неостановимой.

Исмир зажмурился, крепко сжал челюсти, а когда снова открыл глаза, уже вполне овладел собой, что подтверждал исходящий от него прохладно-мятный аромат, приправленный сочным лимоном и крепким алкоголем.

– Теперь вас, людей, уже не устраивает владение только частью Хельхейма. Кажется, в землях хель нашли алмазы и нефть, и вы решили истребить нас, чтобы получить все себе. Уже болеют слабейшие - дети, и мы мало что можем с этим поделать!

Исмир говорил так тихо и горько, что я предпочла бы, чтобы он кричал.

Я незаметно вытерла о платье повлажневшие ладони. Стало тяжело дышать. Не я ли клялась, что больше не допущу, чтобы умирали дети? И не столь важно, чьи дети.

В голове легко всплывали строки из учебника. Когда-то Ингольв, заботясь о просвещении молодой жены, дал мне толстенный том «Мировая история: Хельхейм».

После Рагнарек в Хельхейме жили только хель и ледяные драконы, а потом сюда приплыли двести семей людей. Люди, хель и драконы заключили договор, по которому людям достались в пользование самые теплые земли, малопригодные для исконных обитателей Хельхейма. Ингольв принадлежал к прямым потомкам двух семей-основателей, что составляло предмет особой гордости моего свекра.

- А Ингольв, - голос мой дал петуха. – Он точно в этом замешан?!

Голова шла кругом. Как, ну как я могла ничего не замечать?! Правы были инспектор Сольбранд и Петтер, после смерти Фиалки я всецело замкнулась в своем маленьком мирке, не обращая внимания на происходящее вокруг.

- Несомненно, - Исмир отошел к полочке с декоративными флаконами для духов, делая вид, будто рассматривает их. Надо думать, он просто меня щадил, давая пережить потрясение хоть в видимости одиночества. – Он один из главарей.

А ведь у Ингольва имелись немалые претензии к хель – из-за меня, из-за аромагии.

Я сглотнула, представив, что вскоре начнется в Хельхейме. Даже если все люди разом поддержат заговор (чего наверняка не случится), то хель и драконы без боя не сдадутся. А им подвластна главная сила этих мест – лед. Страшные морозы, дикие бури, стремительное наступление ледников и сходы лавин, замерзшее море, через которое не переправиться ни одному кораблю... Фимбульвинтер[42] в миниатюре!

Если же заговор будет подавлен, то... Всех бунтовщиков ожидает смертная казнь или рудники на севере (по сути, та же

казнь, только растянутая во времени), и то же касается всей их родни до пятого колена.

У меня закружилась голова. Боги, милосердные мои боги, только не это! Мой Валериан, мой мальчик...

- И чего вы хотите от меня? – я пыталась казаться спокойной, но голос предательски дрожал.

Исмир стремительно обернулся, и теперь казался чужим, холодным и безжалостным. И запах, в котором все сильнее проскальзывали мятные ноты – колкие и хрупкие, как сосульки.

- Я увезу вас с сыном из Хельхейма, но при двух условиях. Во-первых, если потребуется, вы займетесь лечением наших детей. Но это на крайний случай, если ничто другое не поможет. А во-вторых, поможете мне изобличить заговорщиков.

Я тяжело сглотнула, борясь с тошнотой. Одно дело просто убежать от мужа, а совсем другое – намеренно и расчетливо его предать.

- Вы позволите мне немного подумать? – спросила я тихо.

- Думайте, - пожал широкими плечами Исмир. Пахло от него терпким, немного горьким и свежим бергамотом – благородный холодный аромат. Сдержанность. – Я вернусь в полдень. Тогда и расскажу подробности.

Надо думать, в моем ответе он не сомневался.

- Постойте! – окликнула я его уже у двери.

Исмир стремительно обернулся.

- Да?

- Скажите, все это... Вы ведь держались поблизости не ради меня, а из-за Ингольва, верно?

- Сначала – да, - откровенно признался он, сверкнув синим льдом глаз. – Сначала.

И выскользнул из «Уртехюс», словно растворившись в метели, а я бессильно опустила голову на руки. Боги, милосердные мои боги, за что?!

Глава 7. Комплементарность

За окном шумел город: переругивались возницы, истошно сигналили автомобили, визгливо бранились торговки. Из открытой форточки веяло запахами лошадей и бензина, рыбы и пирогов, моря и грязи...

А я сидела, невидяще глядя на причудливые флаконы для духов, и пыталась собрать воедино разбегающиеся мысли.

Отчаянно хотелось вычеркнуть из памяти откровения Исмира, чтобы все мои печали ограничивались пакостями слуг и изменами мужа... Всего несколько часов назад все это казалось мне таким важным, заслоняло горизонт моего будущего

грозовыми тучами. А теперь, завороженно глядя на вздымающуюся над Хельхеймом цунами гражданской войны, я осознала, насколько малы и незначительны были мои беды.

С улицы пахло подгнившей рыбой и тяжелым кисловатым старушечьим духом, из щелей в оконной раме тянуло холодом, из-за чего у меня вставали дыбом волоски на руках. Впрочем, вероятно, мерзкий запах мне мерещился.

Я заставила себя глубоко вздохнуть и с силой растерла пальцами виски и затылок.

Разумеется, можно предположить, что Исмир просто наврал мне с три короба, однако поверить в это не получалось при всем желании. Слишком серьезен он был, слишком зол. Можно подделать выражение лица, мимику, жесты, но обоняние не обманешь.

Значит, заговор действительно существует, и Ингольв в нем замешан. Другой вопрос, откуда об этом известно самому Исмиру. Впрочем, наивно думать, что хель и драконы не присматривают за происходящим в человеческих городах. Наверняка у них имеется целая сеть осведомителей, сторожевые заклятия, да боги знают, что еще! Так или иначе, Исмир совершенно уверен, что готовится переворот. А мне придется выбрать: надеяться на выигрыш заговорщиков или переметнуться на сторону ледяных. Занятный выбор из двух зол мне предстоял, ничего не скажешь!

От таких мыслей голова моя шла кругом, а тело бил озноб. Я накинула на плечи шаль, заперла дверь и свернулась клубочком в кресле.

Ингольв – мой муж, и я обязана поддерживать его в любой ситуации. В памяти всплывали горькие, как ивовая кора, обиды и разочарования, но ведь у нас было немало и хорошего! Другое дело, что теперь все хорошее вспоминалось смутно и отстраненно, будто я прочитала о нем в книге или увидела во сне... И все же... Предательство пахнет дегтем, его так трудно смыть, и еще труднее избавиться от неотступного мерзкого душка.

Но могу ли я поверить, что хель и драконов просто сметут, как шахматные фигуры с доски? Я покачала головой. Невозможно, не уничтожив сам Хельхейм, уничтожить ледяных - его плоть от плоти и кровь от крови.

Тут меня накрыло понимание. Они ведь хотят именно этого! Уничтожить Хельхейм, растопить его льды и снега, перекроить под себя. Кусочки головоломки встали на свои места: мой сон, странные болезни хель и, как выяснилось, драконов, та оплывшая статуя...

Живо вспомнились любознательная Альг-исса и ее Мать с ломом наперевес, застенчивые хельские мужчины и мягкая насмешка в глазах Исмира, белые медведи и флегматичные пингвины… Их намерены пустить в расход, и я должна равнодушно и трусливо за этим наблюдать?! Долг перед мужем – превосходное оправдание.

Я выдернула из густой массы волос заколки и поморщилась от боли. Но боль эта меня отрезвила. К йотуну хель, драконов и заговорщиков! Я – всего лишь слабая женщина, разве мне по силам решать судьбы мира? Не важно, на чьей стороне мои симпатии, куда важнее спасти Валериана. Привязанность к мужу, живущая вопреки всему, супружеский долг, данные у алтаря клятвы – все это такие мелочи по сравнению с долгом перед ребенком, которого я выпустила в этот мир! Ради него я готова царапаться и кусаться, лгать и предавать.

Если, вопреки моим ожиданиям, клика Ингольва победит, то о сыне он позаботится. В противном случае о нем позабочусь я. Выходит, Валериан так или иначе будет в безопасности, а именно это волновало меня больше всего.

Откровенно говоря, будущее, которое мне предложил Исмир, казалось куда привлекательнее будущего рядом с Ингольвом. По крайней мере, Валериан будет рядом со мной и сможет сам выбирать свой путь, а не слепо подчиняться отцовской власти. Наверное, я эгоистка, но одна мысль о том, что сын будет жить со мной, наполняла меня воодушевлением.

Я встала, подошла к шкафу с маслами и, поразмыслив, выбрала два пузырька. Нарушив все правила техники безопасности, капнула масло прямо на ладони, потерла их и, поднеся к лицу, вдохнула бодрящий прохладный аромат мяты и бергамота.

Что же, выбор сделан…

Пожалуй, стоит выпить кофе (скажем, с кардамоном или с перцем – чтобы горькое тепло пробирало до самого нутра), и поразмыслить о дальнейших действиях.

Итак, что я могу сделать? Я отпила первый, самый вкусный глоток, и задумалась. Сложно представить, чтобы Исмир действительно нуждался в помощи такого профана, как я. Прежде всего он желает отрезать мне пути назад - мой муж не из тех, кто прощает предательство. А если при этом моя помощь пригодится, тем лучше. Должна признать, вполне разумно.

Оставалось доказать Исмиру свою полезность, тем самым выкупив жизнь сына. Неплохая сделка, не так ли?

Что я могу сделать такого, чего не мог бы сам Исмир? Отбросим пока «вынюхивание» - это только в теории это звучит

прекрасно. Не тайники же в ботинках мужа искать, в самом деле! Впрочем... Кое-что Исмир действительно сделать не мог: проникнуть в наш дом и поискать доказательства там. Ингольва можно упрекнуть во многом, но он отнюдь не дурак, так что не стал бы хранить что-нибудь компрометирующее в казармах. Выходит, если что-то подобное существует, обнаружить его можно только дома, в личных покоях Ингольва – в спальне или кабинете.

Пожалуй, стоит поискать. И поскорее, пока моя решимость не иссякла.

Надев шубу и накинув на голову теплую шаль, я вышла из «Уртехюс».

В Ингойе властвовала метель. По занесенным снегом улицам ползли автомобили, временами издавая отчаянный рев (что весьма походило на попытки оленей вызвать соперников на бой), вездесущие торговки пытались всучить замерзшим прохожим горячий чай с ромом или коньяк, напоминающий водку, подкрашенную все тем же чаем.

Люди торопились по своим делам, упрямо пробирались по заснеженным улицам и грелись у специальных костров на площадях. Люди, люди. Старые и молодые, богатые и бедняки, красивые и уродливые – всего лишь робкие огоньки, готовые потухнуть от малейшего ветерка. Жаль только, что эти огоньки научились собираться в стаи, пытаясь растопить лед...

Я встряхнула головой, отбрасывая излишнюю поэтичность. Что это на меня нашло? Надо думать, волнения последних дней не прошли бесследно.

Дом встретил меня хлебным духом, обрамленным искрящимися апельсиновыми нотами. И, разумеется, вечным уксусным ароматом от насупленной Сольвейг, которая открыла мне дверь (надо думать, Уннер куда-то отлучилась).

- Кто-нибудь дома? – поинтересовалась я с деланной небрежностью, стягивая перчатки.

- Господин Бранд в гостиной, - буркнула она, одергивая накрахмаленный фартук. – А больше никого. Из господ.

- Хм, - сердце мое забилось сильнее, и мне стоило немалых усилий изобразить спокойствие. Как же замечательно, что большинство людей не обладают моими талантами и не способны с легкостью распознавать настроение собеседников! – Можешь идти, я поднимусь к себе.

- Ага, - согласилась Сольвейг, смерив меня взглядом. Ее неприязнь липла, как варенье, и пахла чуть подгоревшей кашей – вроде бы съедобной, но неаппетитной.

По дороге наверх я потихоньку заглянула в гостиную.

Господи Бранд меня не заметил. Он увлеченно вязал носок, напевая себе под нос лиричную песенку. Вкусный запах, пропитавший весь дом, исходил именно отсюда – на журнальном столике красовался поднос с апельсиновыми пирожными из булочной господина Эгиля. Румяная выпечка, присыпанная сахаром и истекающая прозрачно-оранжевой начинкой, заставила мой желудок предательски заурчать. Пришлось строго напомнить себе, что в ближайшее время придется обойтись без любимых лакомств, и к тому же я пришла сюда для другого!

Внушение подействовало, и я (не без внутреннего протеста) осторожно прикрыла дверь и направилась наверх.

В кабинете Ингольва пахло жарким имбирем и корицей, шершавой, словно древесная кора. Пряный аромат, горьковатый и острый.

Я перешагнула через порог и остановилась в растерянности. Ума не приложу, что нужно искать?! Списки заговорщиков? Перечень сочувствующих? План кампании? Пожалуй, для начала нужно хотя бы оглядеться.

Прикрыв дверь, я вошла в святая святых мужа. Здесь царила почти казарменная строгость: простая темная мебель, небольшой ковер возле массивного письменного стола, темно-зеленые портьеры. И ни декоративных подушек, ни цветов, ни картин. Если не знать, сколько в Ингойе стоит деревянная облицовка стен и мебель из мореного дуба, можно подумать, что Ингольв ограничивает себя во всем.

Начала я с ящиков стола. В них оказалось множество бумаг, совершенно невинных. Счета, какие-то записки, исчерканные списки обмундирования, неоконченное письмо к сыну…

Я ссыпала обратно ворох корреспонденции и огляделась. Если судить по найденным в столе бумагам, следовало считать Ингольва образцовым гражданином и примерным семьянином. Интересно, где же он прячет более… личную переписку?

Искомое обнаружилось не сразу. Тайник, сделанный в толстенном томе «Наставлений молодежи», был банален, однако среди многочисленных книг найти его оказалось не так-то просто. Выручило меня обоняние: слишком неожиданным казался сладкий пудровый аромат ванили, исходящий от столь внушительного сочинения.

Я осторожно откинула верх обложки и извлекла из вырезанного внутри ларца сладко пахнущую пачку листков.

Развязав ленту, которой были перевязаны послания, я принялась читать… Некоторое время спустя я оторвалась от этого увлекательнейшего занятия, испытывая странную смесь недоумения, брезгливости и сожаления. Письма оказались от

Ингрид, тут же были и черновики ответных посланий к ней, и от переполняющей их ласки, любовной чуши и искренней тревоги мне стало не по себе. Сложно вообразить Ингольва в роли нежного любовника, и одновременно дико чувствовать себя чужой для собственного мужа. Чужой и нежеланной.

Кроме любовной переписки в тайнике оказалось всего несколько безделушек. Костяной нож в потертых ножнах, выцветшая голубая лента и крошечный стеклянный башмачок. О происхождении ножа я не имела ни малейшего представления, зато лента и башмачок были мне знакомы.

На ленте я сама вышивала защитные руны, когда носила Валериана. А крошечный стеклянный башмачок мы когда-то купили вместе с Ингольвом. В Хельхейме есть сказка о девушке в ледяных туфельках, потерявшей одну из них на ступеньках дома, где она танцевала на карнавале. Влюбленный в таинственную незнакомку юноша пытался разыскать ее, примеряя туфельку всем встречным девушкам, но с наступлением весны она растаяла, и влюбленные не сумели найти друг друга. Как же сверкали глаза Ингольва, когда он шептал мне, что наша туфелька никогда не растает! Только стекло оказалось плохой заменой льду – не тает, зато слишком легко бьется.

Странно, что Ингольв сохранил эти предметы...

Задумавшись, я держала на ладони хрупкую вещицу, сама не зная, что чувствую. Эмоции бурлили внутри, словно несочетающиеся ноты в духах. То наверх выбивалась брызжущая горечью розмарина память, то камфарно-лимонное недоумение, то трезвая насмешливость литцеи...

Позабыв о том, что привело меня в кабинет Ингольва, я с головой погрузилась в воспоминания, за что и поплатилась: ни шагов, ни скрипа двери я не услышала, а потому недоуменное: «Госпожа Мирра?!» - Петтера заставило меня сильно вздрогнуть.

- Да, Петтер? – с запинкой откликнулась я. Сердце колотилось где-то в горле, и оставалось лишь надеяться, что мне удалось сохранить внешнюю безмятежность.

- Не ожидал вас здесь увидеть, - произнес мальчишка, все так же стоя в дверном проеме.

- Вот как? – отвернувшись, я принялась собирать безделушки, спиной чувствуя внимательный взгляд Петтера. Поставила на полку книгу-тайник, старательно отряхнула платье от несуществующей пыли.

- Господин полковник приказал мне принести кое-какие письма, - сообщил Петтер извиняющимся тоном.

- Пожалуйста, - я приглашающе повела рукой. - Я как раз ухожу.

Он кивнул и направился к письменному столу. А я, сдержав вздох облегчения, устремилась к выходу. Наверное, не нужно пить столько кофе, из-за него я слишком нервозна.

- Госпожа Мирра! – окликнул меня Петтер, когда я уже была в двух шагах от спасительной двери.

- Да? – я с неохотой обернулась. Мальчишка смотрел на меня внимательно и устало. И дымно-сухой запах ветивера – будто тревожный рокот барабанов.

- Здесь нет того, что вы ищете, - словно через силу проговорил Петтер, и, каюсь, сдержаться я не смогла.

- Откуда вы?.. – начала я и осеклась, ругая себя на все корки. Надо же так попасться! Кто знает, как теперь поступит Петтер? Как ни крути, Ингольв – его командир, к тому же мальчишка мог затаить обиду за то, что я не ответила на его чувства.

- Несложно догадаться, - дернув плечом, ответил он и посмотрел мне в лицо. Взгляд его был так чист и прозрачен, что к щекам моим прилила кровь, и я поспешно опустила глаза.

- Значит, это правда, - заключила я со вздохом. Смутная надежда, что вся эта история окажется всего лишь жестоким розыгрышем Исмира, растаяла льдинкой на ярком солнце. – И вы тоже в этом замешаны?!

Мальчишка вскинулся, прикусил губу... И сдержался с явным усилием. Только к гулкой дроби ветивера добавилась низкая басовитая нота кедра.

- Давайте поговорим об этом в другом месте, - предложил Петтер спокойно. И лишь то, как он машинально обхватил пальцами левой руки запястье правой, выдавало его тревогу. – Вы не могли бы подождать меня на улице?

- Конечно, - согласилась я, злясь на саму себя. Сначала затеяла этот глупый обыск, потом принялась болтать, вместо того, чтобы сбежать поскорее, и к тому же едва не заставила мальчишку нарушить клятву!..

Снегопад припустил еще сильнее. Казалось, город изнывал под толстой снежной периной, задыхался, не в силах вырваться из паутины, сплетенной из холода и воды. Заносы местами уже доходили мне выше колен, и вскоре угрожали совершенно парализовать всякое движение по городу. Петтер доехал до дому не иначе, как чудом, и теперь автомобиль, похожий на ленивого тюленя, едва виднелся из-под сугроба. Прохожих почти не осталось, горожане укрылись от непогоды в своих домах и клубах.

Я остановилась на крыльце, против воли любуясь городом. Снег заставлял блекнуть краски, гасил звуки и скрадывал запахи, отчего Ингойя казалась неживой и пустынной. Что-то величественное и безжалостное было в этой ледяной красоте...

Поежившись, я спрятала нос в воротнике шубы и обхватила себя руками. Крепнувший мороз набросился на меня с алчностью оголодавшего вампира. Но уйти, не дождавшись Петтера, я не могла.

О появлении мальчишки возвестил протяжный скрип двери – и горьковато-острое благоухание кофе с имбирем. Исходящий от чашки ароматный парок заставил меня сглотнуть слюну.

- Замерзли? – риторически спросил Петтер, едва заметно улыбнувшись, и ногой закрыл за собой дверь. – Возьмите.

- Спасибо, - искренне поблагодарила я, принимая чашку. – Вы – чудо!

Мальчишка молчал, давая мне допить кофе, и невидяще смотрел вдаль. Мы стояли рядом, и казалось, что город обезлюдел (и, надеюсь, обездраконел), позволяя нам побыть наедине.

- Значит, Ингольв ввязался в заговор? – напрямик спросила я, смакуя последние капли превосходного напитка. Каким-то чудом он совсем не остывал на морозе.

- Я не могу ничего вам сказать, - поддевая носком сапога сугроб, произнес мальчишка тихо. – Я поклялся. Но если вам нужна будет моя помощь – только скажите!

- Почему? – спросила я, чувствуя, как немеют от мороза щеки и губы. – Ингольв же ваш командир!

Петтер смотрел на меня серьезно и строго. Сейчас казалось, что это он много старше меня, может быть, из-за снега, посеребрившего его непокрытую голову? Или из-за совсем недетских складок у губ?

- Господин полковник – мой командир, но… То, что он задумал – неправильно, - объяснил он наконец, отводя взгляд. – Хель так легко не сдадутся, да и драконы тоже. Они не простят. И… – он помялся и добавил, глядя куда-то в сторону: - Вы заслуживаете лучшего, чем быть женой ссыльного заговорщика. Я… если хотите… в общем, помните, я говорил о самолетах? Недавно я собрал свой собственный. И… если вам понадобится транспорт – я всегда готов помочь.

С минуту я глядела на него, потом коснулась совсем заледеневшей кисти юноши (видно, муж опять экономил на обмундировании, даже пары рукавиц не выписал своему ординарцу!) и сказала с чувством:

- Спасибо вам, Петтер. Но я не могу разрушить вашу жизнь.

- Было бы, что разрушать, - пожал плечами он с принужденной бравадой.

- Не говорите так! – велела я. - Уверена, вы многого добьетесь.

- Скорее, веревки, - не согласился он, накрывая мою ладонь второй рукой. У него были обветренные руки, совсем солдатские, грубые и мозолистые. Даже странно для такого мальчишки. – Но это не важно. Отец всегда меня учил: делай, что должно, и будь, что будет!

Мы помолчали, думая каждый о своем. Не знаю уж, о чем размышлял он, а в моей голове толпились утопические планы выбраться ночью из дома по веревке и сбежать с Петтером, воспользовавшись его щедрым предложением. Только вот бежать бессмысленно (выкрасть Валериана я не смогу при всем желании) и жестоко по отношению к Петтеру. Придется играть по правилам, которые придумали другие.

- Будьте счастливы, - пожелал вдруг Петтер тихо.

А у меня даже горло перехватило, до того неожиданно и приятно от него дохнуло летним лугом - цветущим разнотравьем и недавно скошенной отавой.

Замерзший мальчишка в присыпанной снегом шинели источал такое тепло, что казалось, будто солнце выглянуло из-за туч и разом наступило лето.

- Спасибо, Петтер! – с трудом выговорила я, не зная, что еще сказать. Добавить аналогичное пожелание ему у меня не повернулся язык...

Глупый мальчишка! Как жаль, что нельзя стереть произнесенные слова, вернуть ту недосказанность, которая легчайшей нотой сандала витала в воздухе. Ясность пахнет можжевельником – смолисто и терпко – как растертая в пальцах ягодка. Можжевельнику приписывают антисептические свойства, и аромат его похож на яркий прожектор. Жаль только, что волшебство часто скукоживается под безжалостным светом.

Я улыбнулась, заставляя себя взглянуть на Петтера, который смотрел на меня неотрывно и требовательно, будто чего-то ожидая. Впрочем, не так уж сложно догадаться, чего именно.

Какая-то часть меня хотела наделать глупостей, протянуть руки и согреться у того огня, которым полыхал Петтер. Мои озябшие пальцы так умоляли о тепле...

- Мне пора, - вдруг проговорил Петтер, едва шевеля губами. Изо рта его при каждом вздохе вырывалось облачко пара.

- Да, - с облегчением (каюсь, не смогла его скрыть) согласилась я и взглянула на «Уртехюс».

Идти туда отчего-то совершенно не хотелось. «Дом трав» всегда принимал меня ласково и гостеприимно, давая убежище и щедро делясь теплом. Но скоро все изменится, и мысль эта резанула по сердцу острой тоской. Как бы ни повернулись события, из Ингойи мне придется уехать, и, вероятно, навсегда.

– Петтер! – решившись, я обернулась к мальчишке. Он вскинул брови, незаметно (точнее, ему так казалось) потер ладони, пытаясь согреться. – Я хочу прогуляться по берегу. Отвезете меня?

На мгновение он опешил, надо думать, усомнившись в здравости моего рассудка. И только нежный аромат смородиновых почек выдавал надежду.

- Но меня ждет господин полковник! – напомнил Петтер осторожно.

- Ничего! – легкомысленно отмахнулась я. – Он ведь сам велел вам меня сопровождать. Отвезете Ингольву его бумаги и заодно скажете, что я хочу поехать к морю.

- А... – Петтер помялся и уточнил: - Вы подождете в машине или пойдете со мной?

Хм, вот об этом я не подумала. Признаюсь, видеть мужа мне не хотелось, так что пришлось быстро изобретать очень важное дело.

- Ох, я совсем забыла! – призналась я, украдкой скрещивая пальцы за спиной. – Давно собиралась навестить госпожу Бергрид. Завезете меня по дороге?

У Петтера дрогнули губы, но он пообещал серьезно:

- Конечно! Едем?

Я кивнула, и мальчишка галантно предложил мне руку. Отказываться было бы нелепо (да и небезопасно – под снежным покровом местами скрывался коварный лед), и я положила ладонь на его локоть. И правильно – едва ступив на мостовую, я поскользнулась и едва не упала.

Петтер легко удержал меня. Хм, а его худощавость обманчива...

- Осторожнее, госпожа Мирра, - попросил он тихо. Пахло от него сочным оранжевым апельсином, слегка сдобренным пачули, что придавало летучему цитрусовому аромату некоторую приземленность и осязаемость.

- Постараюсь, - пообещала я. – Благодарю вас!

Мальчишка кивнул, а мне вдруг подумалось, что сегодня я во всех смыслах ступила на тонкий лед, и боюсь, некому будет удержать меня от падения...

Петтер высадил меня перед особняком госпожи Бергрид и укатил.

К сожалению, ни хозяйки, ни ее супруга дома не оказалось, а домоправительница слишком живо помнила нашу предыдущую встречу, чтобы искренне мне обрадоваться. Так что меня приняла гувернантка, Эрна. Несмотря на уже солидный живот, она продолжала выполнять свои обязанности. Теперь это никого

особенно не беспокоило, так как отец ребенка на ней все же женился (под нажимом госпожи Бергрид, как призналась Эрна). Другой вопрос, что жизнь с мужчиной, который вынужден жениться, вряд ли будет для нее счастливой. Впрочем, Эрна наивно надеялась на лучшее…

Мы вполне мило поболтали, обсуждая обычные для дам в положении проблемы и заботы. Я украдкой поглядывала на часы, с нетерпением поджидая Петтера.

Когда слуга наконец сообщил, что за мной приехали, я заторопилась.

Дожидаясь меня, Петтер прислонился к капоту автомобиля и насвистывал под нос какую-то легкомысленную песенку.

Я спрятала улыбку и поспешила к нему.

- Я уже подумала, что Ингольв не позволил вам отлучиться, - созналась я. – Рада, что вы все же приехали.

- Господин полковник… разрешил, - проговорил Петтер с запинкой, и я невесело усмехнулась. Он явно щадил меня, опуская грубые высказывания моего дражайшего муженька, который наверняка пожелал мне сломать шею на том самом берегу, куда я так стремлюсь. Это вполне в стиле Ингольва – напрочь забыть, что он сам обязал меня совершать морские прогулки по рекомендации милой Ингрид, и в итоге обвинить меня во взбалмошности и своеволии.

- Спасибо, - придерживая шляпку, я забралась в авто, встретившее меня теплом и головокружительным ароматом апельсина и гвоздики. Каюсь, я не выдержала: - Петтер, какой чудесный запах! Что это пахнет?

В первый момент я подумала, что благоухание источает свежая выпечка, однако нотки теста в аромате не чувствовалось.

Кажется, мальчишка покраснел.

- Я… – он помялся и объяснил: - Вы говорили, что вам не нравится… ну, гарь и все такое… В общем, как пахнут механизмы…

От Петтера потянуло колким, будто припорошенным снежком, лемонграссом и миртом – смущением.

- Да, - я кивнула, уже догадываясь, что сейчас услышу.

- В общем, вот, - Петтер вынул откуда-то и подбросил на ладони апельсин, утыканный гвоздикой. Такие мы с братьями делали на зимние праздники, чтобы весь дом пах тепло и празднично.

- Благодарю, - только и сказала я. – Так значительно лучше!

Он кивнул и тронул авто с места…

На этот раз я устроилась на заднем сиденье. Хотелось побыть хоть в относительном одиночестве, да и Петтера не стоило

искушать лишний раз. Объяснение – пусть скомканное и неполное – будто разрушило плотину, и теперь мальчишка уже нескрываемо тянулся ко мне.

Видимо, что-то такое было написано на моем лице – Петтер, ни о чем не спрашивая, тронул автомобиль с места. Он полз медленно, неуверенно, из последних сил преодолевая снежные заносы.

Я настолько задумалась, что не сразу сообразила: дорога, по которой мы ехали, была мне неизвестна.

- Петтер, где мы? – поинтересовалась я.

- Не волнуйтесь, скоро приедем, - не оборачиваясь, ответил он. – Хочу показать вам одно место...

Пожав плечами, я откинулась на спинку и прикрыла глаза.

Проснулась я от того, что Петтер осторожно потряс меня за плечо.

- Госпожа Мирра, мы приехали! – сообщил очевидное он. – Это бухта Сверхалле.

Хм, «Дикие скалы» - весьма поэтично.

- Благодарю, - я с трудом подавила зевок, выбралась из автомобиля и попросила: - Петтер, будьте добры, останьтесь здесь. Я хочу немного пройтись одна.

Он кивнул, и я наконец осмотрелась. И едва не забыла, как дышать.

Надо думать, мы были не так уж далеко от города, однако казалось, будто это совсем другой мир.

Даже снега здесь не было. Глинистая почва скользила под ногами, так что приближаться к обрыву было страшно. Один неверный шаг – и я полечу вниз, в пенящееся море.

Пахнущий солью и подгнившей травой ветер, играя, подталкивал меня в спину. Упаду? Взлечу?

Я будто гуляла в картине: рыже-красная земля, поросшая странным сизым мхом; свинцово-серое небо, низкое, словно отяжелевшее от влаги; прорывающийся сквозь тучи свет, который кое-где подсвечивал море голубым и зеленым.

Как во сне, я прошла по берегу и даже не удивилась, увидев лестницу. Конечно, я решила спуститься. Дерево перил, сырое и скользкое, холодило ладонь даже сквозь перчатку, подол платья наверняка испачкался, но это нисколько меня не волновало.

Обрывистый берег походил на морковный торт: рыхлые слои глины и известняка, будто оранжевые коржи, прослоенные сметанным кремом. А вдалеке, за скальным выступом, виднелся маяк – символ надежды.

И на душе у меня вдруг стало легко-легко. Я закрыла глаза и подставила лицо соленым брызгам...

В себя я пришла от резкого порыва ветра, каких-то странных хлопков и отдаленного крика. Петтер?!

Прямо передо мной на красном валуне обнаружился Исмир собственной персоной, облаченный в тонкие белые рубашку и штаны. Вид получился умопомрачительный. И аромат – странный и противоречивый - хрустальный звон бамбука и зеленого чая, обжигающая горечь розмарина и едкий сок чистотела.

Я невольно им залюбовалась: дракон казался такой же естественной частью природы, как обрывистые скалы и бушующее море. Надо думать, мы, люди, укутанные в десятки одежек и все равно дрожащие на ветру, выглядели чем-то инородным, занозой на теле этой суровой и дикой земли.

Впрочем, довольная улыбка дракона быстро привела меня в чувство.

И что случилось с Петтером? Почему он кричал?

- Здравствуйте, господин Исмир, - проговорила я, судорожно пытаясь собраться с мыслями, - Как вы нашли меня здесь?

Слабо верилось, что Петтер потрудился заранее известить Исмира о своих планах. Но не мог же Исмир летать вдоль берега, высматривая меня!

- Это было нетрудно, - пожав широкими плечами, ответил он и шагнул ко мне. Я поневоле попятилась, оступилась... и едва не полетела в воду. Исмир без труда мня подхватил и, держа за плечо, склонился близко-близко. - Любой дракон способен учуять добычу...

Не успела я что-то ответить на это весьма дерзкое и двусмысленное замечание, как Петтер, буквально скатившись по ступенькам, бросился к нам. Надо думать, он сверху заметил дракона и кричал, пытаясь меня предупредить.

- Оставьте госпожу Мирру в покое! – резко потребовал мальчишка.

Исмир, развеселившись, поднял тонкие брови. Петтер смотрелся рядом с ним воробышком подле ястреба.

- А что в противном случае? – поинтересовался дракон мягко. – Вы меня заставите?

- Петтер, успокойтесь! – перебила его я, стараясь незаметно сбросить руку Исмира.

- Успокоиться?! – мальчишка явно был вне себя от злости. – Он испугал вас, схватил!

Хм, если подумать, со стороны недавняя сцена действительно выглядела довольно подозрительно...

- Уверяю вас, ничего такого не произошло, - принялась увещевать я. – Я оступилась, господин Исмир меня удержал, вот и все! Он ничего не делал против моей воли, вам нет нужды

вмешиваться.

- Ничего не сделал против вашей воли, - повторил Петтер чуть заторможено, а потом взорвался: – Значит, вы ему это позволили?!

И столько разочарования и обвинения прозвучало в этом выкрике, что я поневоле замешкалась. От него полыхнуло таким жгучим запахом горчицы с хреном, что у меня зачесался нос.

- Да вы ревнуете! – саркастически «догадался» Исмир. А я едва не задохнулась от исходящего от него запаха полыни. Крепкого настолько, что невозможно опомниться, перевести дух.

Петтер дернулся и залился гневной краской, но промолчал, а Исмир продолжил, словно кот, играющий с мышью:

– Положим, я действительно *схватил* Мирру. – Петтер вздрогнул, когда Исмир непринужденно назвал меня просто по имени. - И что вы станете делать, человек? Пожалуетесь своему полковнику?

- Господин Исмир, прекратите! - попросила я ровно. Странно, до сих пор дракон держался куда сдержаннее. Теперь же он явно намеренно провоцировал ссору. – Простите мальчика, он не хотел вас оскорбить.

- Да? – усомнился Исмир насмешливо. – Тогда зачем *вы* оскорбляете его?

- Я?! – я оглянулась на Петтера и обнаружила, что он старательно отводил взгляд. – Петтер?

Он промолчал, протестующе мотнул головой, но до белизны стиснутые кулаки выдавали его бессильную злость и обиду. И запах - так пахнут раздавленные цветы.

- Вы называете его мальчиком, - подсказал Исмир, с каким-то вивисекторским интересом наблюдая за этой сценой. От него теперь исходил едкий и всепроникающий аромат лимонного эвкалипта – превосходства. И еще горько-соленого камфорного розмарина, спиртовой настойки чистотела.

Я нахмурилась. Исмир как будто ощущал себя виновным, корил себя за что-то. Вот только за что?

Петтер не поднимал взгляд, и я досадливо прикусила щеку. Разумеется, для влюбленного юноши невыносимо понимать, что для меня мальчишка!

- Простите меня, Петтер - попросила я.

Он нехотя кивнул, но его запах не изменился, в него лишь вплелась коричная нотка досады.

Исмир ухмыльнулся, скрестил руки на груди, наслаждаясь представлением. Это взбесило меня настолько, что я сделала глупость: шагнула к Петтеру и, стянув перчатку, ласково коснулась его щеки.

Он дернулся и ошарашенно вскинул голову.

- Госпожа Мирра? – нерешительно пробормотал Петтер, жадно всматриваясь в мое лицо.

- Тсс, - попросила я, прикладывая палец к его рту.

Мальчишка - нет, юноша, нужно привыкать даже про себя называть его так! – сглотнул, но противиться не посмел. А я, даже спиной ощущая потяжелевший взгляд Исмира, поднялась на носки и, коснувшись губами лба Петтера, попросила снова:

- Простите меня!

- Да! – шепнул в ответ он, и от ликующего, полного надежды и сладкого предвкушения аромата мимозы у меня сжалось сердце.

И тут же Исмир оказался рядом и, до боли стиснув мой локоть, дернул меня к себе.

- Госпожа Мирра, - в голосе его звенели льдинки, - оставим шутки. У меня к вам имеется разговор. Наедине.

- Хорошо, - согласилась я, стараясь не ежиться. Странно, буквально полчаса назад мне совсем не было холодно! – Петтер, будьте добры, соберите мне несколько пористых камушков наподобие этого.

Наклонившись, я подобрала кусочек известняка и протянула его Петтеру. От него пахнуло жгучей и шершавой коричной корой, но пререкаться он не стал. Молча взял с моей ладони камушек и двинулся прочь.

Исмир хмыкнул и бросил:

- Щенок!

Я проводила Петтера взглядом (надо же умудряться печатать шаг даже на столь неподходящей поверхности!) и повернулась к Исмиру.

- Прошу вас, не вмешивайте Петтера в наши с вами дела! Зачем вы над ним издеваетесь? Он тут совершенно ни при чем.

- Вы беспокоитесь о нем так, словно он ваш сын! – заметил Исмир, непринужденно усаживаясь на валун (брр, ледяной!) и беспечно покачивая ногой.

- В каком-то смысле так и есть, - признала я, подавляя невольное раздражение. Стоя в присутствии Исмира, рассевшегося на камне, я чувствовала себя школьницей у доски. Пришлось отойти в сторону и опереться на перила лестницы.

Слава богам, Петтер не мог нас слышать. Исмир усмехнулся, явно подумав о том же.

- Он юный восторженный болван! – неожиданно жестко произнес он. – И строит из себя дурака перед вами...

- А вы не можете удержаться, чтобы не вонзить в него когти! – сердито закончила я. – Какое вам вообще до этого дело?!

Исмир криво ухмыльнулся.

- Это не столь важно. Я искал вас, чтобы еще раз допросить.

- Допросить? – удивилась я, поднимая брови. – И о чем же?

- Помнится, вы уверяли, что от убитого мэра пахло валерианой, - почему-то издалека начал Исмир. Взгляд его – пристальный, неприятный – заставил меня подобраться. И противный запах рыбьего жира – подозрение – облаком повис в воздухе.

- Да, - подтвердила я и наконец догадалась: - Вы хотите сказать, что нашли, где убийца ее взял?

- Именно так, - подтвердил Исмир, гибко поднимаясь с камня. Он шагнул вперед, скалою навис надо мной и поинтересовался обманчиво спокойно: - Господин Фрост, аптекарь, утверждает, что вы накануне заказали у него большую партию экстракта валерианы. Надеюсь, вы сможете объяснить, зачем он вам так срочно понадобился!

Лицо у него при этом было такое, словно он только и ждал признания невесть в каких преступлениях. И розмарин с эвкалиптом – пытливость – били в нос горьковато-возбуждающим ароматом.

- Хм... – я подавила порыв отодвинуться подальше. Вдруг захотелось окликнуть Петтера, только бы не оставаться наедине с драконом. Кажется, я излишне расслабилась и доверилась тому, кому доверять не стоило ни в коем случае. Призвав на помощь все хладнокровие, на которое была способна, я уточнила иронически: – Хотите сказать, я сознательно навела вас на собственный след?! Вы считаете меня настолько недалекой?

Однако дракона это не обескуражило. Ладан и смолы вокруг него словно гремели грозовыми раскатами.

- Я считаю, - предельно жестко начал он, - что вы затеяли какую-то сложную и рискованную игру, смысла которой я пока не понимаю. Но, будьте уверены, пойму!

С каждым словом Исмир приближался ко мне, заставляя отступать и отступать. От него пахло сухим, горьким и крепким лекарством – деревом уд – из тех, которые заставляют глотать, зажимая нос.

Обвиняющие слова, будто гвозди, вонзались в мою бедную голову. В конце его тирады я почти вжалась в скалу, чувствуя спиной холод и влагу камня.

Бежать было глупо: даже сытый хищник погонится за убегающей ланью, но ничего поделать с собой я не могла. Инстинкт вынуждал спасаться.

- Расскажите мне все! – потребовал Исмир. От его рыка меня перехватило дыхание. – Все!

- Я ничего не знаю! – возразила я, но собственный голос показался мне слабым и неубедительным.

Исмир недобро усмехнулся.

- Вы запираетесь? – почти ласково уточнил он, проводя указательным пальцем по моей шее. Шарф оказался плохой защитой, и вот уже ветер подхватил и унес прочь его обрывки. А Исмир почти вжимал меня в скалу своим телом.

- Нет, - прошептала я, чувствуя, как ноготь (или коготь?) дракона давит мне на ямку у основания шеи, там, где учащенно бьется жилка. – То есть да...

Успокаивающая мысль, что он просто меня запугивает, растаяла снежинкой в ладони.

- Так да или нет? – в этот момент Исмир ужасал, как ужасает неумолимая стихия. Всегда невозмутимый, как вечные льды, сегодня он словно с трудом балансировал на краю, едва не срываясь в пропасть ярости.

- Оставьте меня в покое! – потребовала я, собрав остатки сил. – Вы ведете себя нелепо!

- Нелепо?! – переспросил он с такой мертвенной угрозой, что я запоздало поняла свою ошибку. Куда безопаснее дразнить

убежавшего из клетки льва!

Исмир второй рукой сжал мое плечо и наклонился еще ближе, будто раздумывая, ударить – или впиться поцелуем в беззащитную шею. Густой, смолистый, горько-сладкий аромат – как кедровая живица вперемешку со жженым ванильным сахаром.

Я смотрела в пылающие ледяной яростью глаза, ощущала прикосновение его пальцев к шее, мягкость манжеты рубашки...

«Сейчас он меня убьет, - сонной рыбой проплыла в голове вялая мысль. А потом меня осенило запоздалое: - Валериан!»

Я напряглась, уперлась обеими ладонями в грудь Исмира, тщетно пытаясь его оттолкнуть. Прижимаясь щекой к мягкому шелку рубашки, я едва не плакала от беспомощности...

Вдруг до слуха моего донесся какой-то странный звук, Исмир сильно дернулся и завалился набок, рывком увлекая меня за собой.

От неожиданности и страха я вскрикнула. Боги, милосердные мои боги, что происходит?!

- Госпожа Мирра! - позвал знакомый голос. – Вы в порядке?

Я подняла голову. Над нами застыл Петтер, и ярость, та священная, чистая ярость, за которую уважали его небесного покровителя, сверкала в темных глазах.

Он наклонился, помогая мне встать.

Исмир подо мной со свистом выдохнул и пошевелился. Пахло от него кровью – этот запах ни с чем не спутаешь.

Зато от Петтера, одной рукой трепетно прижавшего меня к себе, веяло ароматической травяной горечью, раскаленным металлом и лавровым листом – пониманием и готовностью стоять до конца.

- Вы в порядке? – снова повторил он, с тревогой вглядываясь в мое лицо.

Надо думать, выглядела я ужасно – растрёпанная, без шарфа, в криво сидящей шляпе, но боли не ощущала.

- В порядке, благодарю вас! – заверила я.

Петтер светло улыбнулся.

- Я рад, - сказал он просто. – Вот, вы просили найти камни!

Он протянул мне правую руку и разжал кулак. На ладони лежали три пористых камушка.

- Спасибо, - сдавленно поблагодарила я.

Пальцы его были испачканы в крови, а темные руны на запястье яростно пульсировали, будто налитые силой.

Шум сзади заставил меня обернуться.

Исмир пытался встать - с трудом, опираясь на скалу. Вид его был страшен: по правой стороне лица струилась кровь, сжатые до белизны губы шрамом выделялись на покрасневшем лице, а глаза

с явным трудом сфокусировались на Петтере.

Дракон прошипел что-то явно нецензурное, рванулся вперед... И пошатнулся, едва не упав снова.

Мальчишка («Юноша!» - поправила себя я. И отчего меня так тянет называть его мальчиком?) попытался отодвинуть меня к себе за спину.

- Прекратите! – раздраженно потребовала я, отталкивая его руку, и шагнула вперед, к Исмиру, который нетвердо стоял на ногах.

Исмир мотнул головой, отгоняя слабость, и потребовал:

- Уйдите!

Его густые светлые волосы и белый костюм были испачканы кровью, и это придавало ему настолько дикий и хищный вид, что у меня затряслись колени.

- Госпожа Мирра! – Петтер взял меня за локоть. – Пожалуйста, отойдите!

- В этом нет нужды, - отмахнулась я, из последних сил стараясь сохранять спокойствие. Боги, милосердные мои боги, дракон настолько разъярен, что, не задумываясь, убьет Петтера! – Господин Исмир сейчас немного успокоится и извинится за свое поведение.

Надо думать, меня спасла беспримерная наглость. Исмир долгую минуту непонимающе смотрел на меня, затем хмыкнул, прижался спиной к скале и зажмурился.

- Такой мальчишка, а уже малолетний преступник, – проговорил он задумчиво, не открывая глаз. – Хотя все вы, люди, такие.

Рука Петтера дрогнула. И, конечно, он не сдержался.

- А вы - насильник! – выдохнул Петтер с ненавистью, сжав кулаки. Пахло от него яростно, жгуче и горько – горчицей, углем и дегтем.

Исмир удивился настолько, что соизволил на него взглянуть: насмешливо и снисходительно, как взрослый на расшалившегося ребенка. Хотя впечатление несколько подпортило окровавленное лицо.

- Петтер, успокойтесь, - попросила я, пряча в складках шубы дрожащие руки. – Это было совсем не то, что вы подумали!

И сама поморщилась от того, насколько сомнительно это прозвучало.

- Тогда *что* это было?! – спросил он с неожиданным сарказмом. От специевого аромата кардамона и стручкового перца – недоверия – у меня защипало в носу.

- Допрос с пристрастием! – колко ответила я и слегка покачнулась от навалившейся усталости. Притворства в этом не

было ни на гран, оттого подействовало весьма эффективно: Петтер рванулся ко мне и осторожно обнял за плечи.

- Что случилось? – тихо спросил он, встревоженно заглядывая мне в лицо.

- Ничего страшного, - я на мгновение смежила веки, наслаждаясь исходящим от него хлестким, строгим ароматом ветивера. Так пахнут уверенные в себе, состоявшиеся мужчины, а отнюдь не юноши! – Немного отдохну, и все пройдет.

- Разумеется, - прервал эту милую беседу язвительный голос Исмира, который уселся на валун всего в двух шагах от нас. – Отлично сыграно, *госпожа* Мирра!

Я сочла за лучшее проигнорировать намек.

- Господин Исмир, - я повернулась к нему, чувствуя на плечах успокаивающую тяжесть ладоней Петтера. – Давайте поговорим здраво. Я не делала ничего, что вы там себе вообразили. Вы запугали меня до полусмерти, а юноша только защищал меня. Согласитесь, вы вели себя… весьма невежливо!

- И поэтому он напал сзади и без предупреждения! – сарказма в голосе Исмира было хоть отбавляй. Вот только голос его звучал довольно слабо, и временами дракон встряхивал головой, будто отгоняя невидимую муху.

- Вы ведь не станете об этом заявлять. – Пожала плечами я. - Сомневаюсь, что вы готовы публично признать, что вас нокаутировал какой-то там человек!

Каюсь, насмешку спрятать мне не удалось. Но Исмир настолько меня перепугал, что при виде его окровавленного лица я чувствовала не жалость, а легкое злорадство. Согласитесь, чрезвычайно приятно, когда кто-то побил вашего обидчика!

Исмир что-то буркнул (судя по вспыхнувшему лицу Петтера, явную непристойность).

– Да чтоб вас Локи… – запальчиво начал Петтер в ответ и осекся, сообразив, что дальнейшее не предназначалось для моих ушей.

Впрочем, Исмир догадался и так, приподнял бровь… и, поморщившись, потер висок.

- Отвезите меня домой, - попросила я Петтера негромко.

Он кивнул и повел меня к лестнице. Правда, она была слишком узкой, чтобы подниматься вдвоем. Петтер, который взбирался вверх первым, вдруг коротко вскрикнул, пошатнулся и с трудом удержал равновесие, ухватившись за перила.

- Что случилось? – встревожилась я.

- Скользко! – сквозь зубы объяснил Петтер, пробуя опереться на ногу. Напрасно – лодыжку явно прострелило острой болью. Упрямо стиснув зубы, он запрыгал вверх на одной ноге, отчаянно

цепляясь за перила.

Ступени покрывала толстая корка льда. Но его же не было, когда я спускалась!

Я с трудом выдохнула и медленно обернулась.

Бледный Исмир одной рукой тяжело опирался на камень, а вокруг другой медленно угасало льдистое сияние.

- Вот теперь мы квиты, - пробормотал он.

Я не удостоила его ответом, неуклюже поднимаясь по лестнице.

Только когда за спиной моей раздалось хлопанье драконьих крыльев, я сообразила, что так и не успела сказать Исмиру, что принимаю его предложение.

Что ни говори, прогулка удалась на славу...

На обратном пути мне было не до любования красотами природы.

Интересно, Исмир позабыл, что кроме Петтера по обледеневшей лестнице придется подниматься и мне, или таким образом отомстил сразу обоим? Вскарабкавшись наверх, я узрела дивное зрелище: Петтера, вприпрыжку ковыляющего (иначе это не назовешь!) к далекому автомобилю.

- Петтер! – позвала я, едва удержавшись от канонической позы «руки в боки».

Он остановился, как вкопанный, но оборачиваться отчего-то не торопился.

- Да, госпожа Мирра? – с явной неохотой отозвался он.

- Постойте минутку, - елейным тоном попросила я, быстрыми шагами приближаясь к нему. Петтер упрям и неуместно горд, с него станется отказаться от помощи!

Подойдя к нему (мальчишка по-прежнему отчего-то на меня старательно не смотрел), я молча обняла его за талию и забросила себе на плечи его руку.

Петтер окаменел и заполошно покосился на меня.

- Госпожа Мирра? – проговорил он вопросительно. Пахло от него табаком – сухо и чуть горьковато.

- Пойдемте, Петтер! – велела я, делая первый шаг.

Но он остался стоять, тем самым заставив остановиться и меня.

- Я сам! – юноша попытался мягко меня отстранить. В этот момент от него исходил такой противоречивый аромат – замшевый ветивер, росистый хрупкий ландыш, шершавый пряный хмель и маслянистые зерна кофе – что я не сразу нашлась с ответом.

- Петтер, - проговорила я, совладав с голосом. – Не упрямьтесь, вы ведь сами понимаете, что это глупо.

Будто в подтверждение моих слов, с неба, как из прохудившегося ведра, закапал частый дождь.

- Я сам! – повторил Петтер упрямо. – Я же не ребенок, справлюсь!

Очередная капля упала мне на не защищенную шарфом шею и скатилась ниже. Брр, дождь ледяной!

– Если вы не ребенок, то ведите себя соответственно! – рявкнула я, разозлившись. – Что за капризы? Пойдемте, быстро!

Надо думать, подчинение командирскому тону военные впитывают с молоком матери (или со шпицрутенами, что вероятнее). Петтер молча шагнул вперед, не заставляя дальше себя упрашивать, и скривился от боли.

Я сосредоточилась на том, чтобы поскорее добраться до автомобиля. Петтер пытался опираться на меня чисто символически, но двигаться все равно было непросто. К тому же дождь все усиливался.

Украдкой я взглянула на штормящее море, над которым виднелся дракон. На фоне грозовых туч он казался светлым и хрупким, будто снежинка, вот только полет его совсем не походил на прежнее плавное кружение. Исмир летел тяжело, вихляя и временами проваливаясь в воздушные ямы.

«Кажется, ему изрядно досталось! – даже с сочувствием подумала я. – Впрочем, поделом!»

И отвернулась поскорее, пока Петтер не заметил, что я тайком любуюсь драконом...

Когда мы доплелись до автомобиля, я уже основательно выбилась из сил и взмокла. Со вздохом облегчения отпустив Петтера, я забралась в авто.

Уф, надеюсь, у Петтера припасен кофе? Признаюсь, я потихоньку стала привыкать к тому, как он меня баловал.

Однако сейчас Петтер думал о другом.

- Глина быстро раскиснет, - проговорил он, глядя себе под ноги, - нужно уезжать поскорее, иначе мы здесь застрянем.

- Да, - согласилась я. – Поехали быстрее!

У мальчишки сделался вид побитого щенка, но он согласно кивнул. От него повеяло экзотическим базиликом – сосредоточенностью и решимостью – сладковато-пряно, свежо.

Мгновение я непонимающе смотрела на него, потом сообразила и с трудом удержалась, чтобы не хлопнуть себя досадливо по лбу. Он же не сможет в таком состоянии вести авто! А я, в свою очередь, совершенно не разбираюсь во всех этих машинах и механизмах.

- Петтер, перебирайтесь на заднее сиденье! – велела я, роясь в бардачке в поисках хоть чего-то подходящего. Разумеется, в

нужный момент под рукой не оказалось ничего из богатого ассортимента средств от ушибов!

- Зачем? – не понял Петтер.

- Вам нужно забинтовать ногу, - коротко взглянув на него, объяснила я. – А здесь это делать неудобно, рычаги мешают.

- А-а, - очень интеллектуально протянул Петтер, впрочем, не торопясь исполнять распоряжение.

Тем временем я наконец отыскала бинт (судя по виду, он провалялся здесь несколько лет, однако пока сойдет). Как известно, первая помощь при ушибах и растяжениях – холод, тугая повязка и покой. С последним возникнут понятные трудности, но попробую сделать хоть что-то.

Понукаемый мной Петтер устроился на заднем сиденье и застыл в скованной позе, явно не зная, как себя вести.

- Снимайте обувь! – вздохнув, скомандовала я, присев рядом. – И поставьте ногу на сиденье!

Он молча повиновался: стянул сапог и размотал портянку. Ступня изрядно опухла, и уже начал наливаться роскошный кровоподтек.

Недобрым словом помянув Исмира, устроившего мне такое развлечение, я принялась бинтовать ногу Петтера. По счастью, ничего серьезного, просто небольшое растяжение. Однако в ближайшие несколько дней юноше нужно поберечься.

Я так увлеклась перевязкой, что не сразу осознала, что мой пациент как-то напряжен и вздрагивает от каждого прикосновения. И запах: брызжущие свежестью цитрусы смешаны с пряным базиликом и чабрецом, и оттенены почти болезненной горчинкой.

Вот уж не думала, что невинные лечебные манипуляции могут вызвать столь сильные эмоции!

Петтер был как порох, готовый вспыхнуть от любой искры. Ни грана пошлости, ни крупицы вульгарности – только чистое пламя, жаркое и задорное...

Кажется, Петтер отлично понимал, что переживания его не прошли мимо моего внимания, но ничего не мог с собой поделать. Я же не слишком успешно делала вид, что ничего не замечала.

Завязав последний узел, я сообщила с нарочитой бодростью:

- Ну вот и все! Когда доберемся до «Уртехюс», я дам вам превосходную мазь. Два-три дня, и ваша нога будет в полном порядке.

Петтер кивнул и я, сложив свои инструменты, собралась пересесть (сбежать!) вперед.

- Госпожа Мирра! – позвал вдруг Петтер. Пахло теперь от него

валерианой – спокойно и обреченно – горько-сладко, с бальзамическим обертоном.

- Да, Петтер! – откликнулась я. Надо думать, ему нравилось называть меня по имени, пусть и с формальным «госпожа», и он часто повторял это «Мирра», катая мое имя на языке, словно твердую карамельку.

Юноша молчал, глядя на моросящий за окном дождь. Сидеть вдвоем в быстро нагревшемся салоне автомобиля было уютно и немножко стыдно, как будто мы занимались чем-то запретным.

- Вы считаете, что я не должен был нападать без предупреждения? – выпалил Петтер и, кажется, даже затаил дыхание.

Захотелось с силой хлопнуть по мягким подушкам сиденья. Надо признать, Исмир виртуозно умеет найти уязвимое место в чужой душе – и ударить, не колеблясь.

- Нет! – четко и резко ответила я, а потом потребовала: - Петтер, посмотрите на меня!

Он поднял взгляд, и столько в нем было нежности и вины, что во рту у меня стало горько. Надо думать, Петтер очень боялся упасть в моих глазах.

- Вы спасали меня, - проговорила я, заставляя себя улыбнуться. – И поступили правильно.

- Правда? – Петтер смотрел серьезно и немного недоверчиво, но валериану уже сменил сочный мандарин – надежда.

- Правда, - кивнула я и призналась: – Знаете, когда-то Ингольв немного учил меня самообороне. Был случай... Впрочем, это не важно. Ингольв говорил, что слабому нужно бить как можно сильнее, а потом скорее бежать. Потому что иначе не спастись. А Исмир намного сильнее любого человека.

- Ага, - Петтер криво усмехнулся. – В честной драке он бы меня побил.

В голосе его звучала досада.

- Он бы вас убил, - поправила я жестко. – Поэтому прекращайте терзаться. Вы же солдат, а не чувствительная барышня!

Петтер хмыкнул, наконец перебрался вперед и завел мотор. Кажется, я выбрала верный тон – с души Петтера явно упал увесистый валун.

Или ты, или тебя – жутковатая, но верная сентенция...

По дороге в Ингойю автомобиль несколько раз заносило, а однажды протянуло юзом по мокрой глине. Однако укорять водителя за это не стоило, он и так ехал, стиснув зубы и временами выдыхая с присвистом.

Я же вполне живо представляла, какую боль он испытывает, а

потому лишь покрепче цеплялась за ручку и посматривала на него с сочувствием.

В Ингойе по-прежнему царила метель. Казалось странным, что всего в десятке километров к северо-западу это снежное царство заканчивается. Центральные улицы Ингойи были более-менее расчищены, но тихие улочки наверняка превратились в сугробы.

- Приехали, - с облегчением выдохнул Петтер, затормозив возле «Уртехюс». Он как будто с трудом отцепил пальцы от руля и прикрыл глаза. На лбу у него выступила испарина, и к мокрой коже прилип темный чубчик.

И, каюсь, удержаться я не смогла: сняла перепачканные перчатки, вынула платок и аккуратно промокнула лоб юноши.

Темно-карие глаза тут же широко распахнулись.

- Госпожа Мирра? – Петтер говорил тихо, едва шевеля губами, словно боялся спугнуть севшую на ладонь бабочку.

- Спасибо вам, Петтер, - проговорила я, не торопясь убирать руку. В конце концов, мне это ничего не стоило, а для него значило так много.

- За что? – он так удивился, что повысил голос.

- За хороший пример! – серьезно ответила я. – Знаете, в последнее время я совсем раскисла. Опустила руки, смирилась. Думала, что нужно спасти сына, а дальше... Все равно. - Я помолчала и закончила с улыбкой: - А вы напомнили мне, что любого противника можно победить. Главное – не сдаваться. Спасибо вам за это, правда, спасибо!

Петтер не выдержал: обеими руками прижал мою ладонь к своему лицу, коснулся нежной кожи обветренными губами.

- Госпожа моя, - шепнул он жарко. Глаза его блестели ярко, лихорадочно, а от медового аромата жасмина кружилась голова.

- Петтер, не сходите с ума, - попросила я, с трудом унимая колотящееся сердце. Не каменная же я, в конце концов! – Отпустите, мне пора.

Что, если нас кто-нибудь увидит? Нежная сцена в автомобиле под окнами дома мужа, с его же собственным ординарцем – что может быть нелепее?

Петтер улыбнулся странно, без возражений отпуская мою руку.

И только когда я взялась за ручку двери, ответил тихо:

- Уже.

- Что? – думая, что ослышалась, обернулась я.

- Уже сошел, - объяснил Петтер спокойно. – Давно.

- Подождите, сейчас я принесу мазь для вашей ноги! – только и ответила я.

Что тут еще скажешь?

«Уртехюс» казался темным и заброшенным. Брошенные прихватки, невымытая кастрюлька из-под мыла, грязные склянки в раковине. Запах трав, к которому привыкаешь настолько, что почти не замечаешь. Все знакомо - от щербинки в полу до легкого сквозняка из оконной щели. Знакомо, но уже немножко чуждо. «Уртехюс» будто чувствовал, что я уезжаю, и смирился с этим.

Встряхнув головой в тщетной надежде избавиться от дурных мыслей, я принялась разыскивать мазь от ушибов, что из-за беспорядка оказалось задачей непростой.

Искомая склянка нашлась, разумеется, совсем не там, где ей полагалось быть.

Я отвинтила крышку, вдохнула аромат арники, календулы и мирры – густой, смолисто-травяной, с отчетливой лекарственной горечью...

И замерла на мгновение, прикрыв глаза.

Странное чувство – как будто вся моя жизнь становится похожей на старый снимок. Полустертый, поблекший от времени...

Уже на выходе взглянула на себя в зеркало и поразилась. Я ли это? Широко распахнутые глаза сверкают каким-то отчаянным огнем, щеки горят, губы алеют... Надо думать, стычка с драконом разбудила во мне что-то первобытное. Неудивительно, что Петтер глаз не мог отвести!

Передо мной как воочию возник Петтер: расширенные темные глаза, обветренные губы, тень щетины на смуглых щеках. И терпкий сухой аромат ветивера, чья едва уловимая горечь оттенена тягучей сладостью жасмина. Мне вдруг захотелось уткнуться носом в грудь юноши и нырнуть в его запах, в непрозрачную и беспокойную пучину ветивера...

В самом деле, почему нет? Я боялась, что Ингольв сломает жизнь Петтеру. А ведь это уже произошло - мой благоверный вовлек его в темную историю с заговором, а значит, их обоих ждет суд. Так что терять Петтеру уже нечего...

Я вспомнила его спокойное: «Уже сошел!» и прижала ладони к горящим щекам. Боги, милосердные мои боги, о чем я думаю?!

«Немедленно подумай о чем-то серьезном! – велела я себе. – Скажем, о Валериане».

Меня кольнул острый стыд: увлекшись бурными событиями, я совсем позабыла об остальном. Наверное, я очень плохая мать, а уж о том, какая я плохая жена, муж и свекор твердят мне регулярно.

Больше никаких посиделок вдвоем с Петтером, никаких разговоров и откровений. Хватит, пока еще можно остановиться!

Схватив склянку с мазью, я выскочила из «Уртехюс».

Петтер ждал меня у автомобиля, неловко опираясь на распахнутую дверцу, - темное пятно среди белого безмолвия улицы. Лишь вдалеке возился дворник, с задорной песней орудующий лопатой.

Петтер улыбнулся так светло и радостно, что у меня защемило сердце. Нужно немедленно привести его в чувство. В конце концов, сейчас ему отправляться на службу, а Ингольв не слепой и вполне способен сделать выводы.

- Возьмите! – велела я сухо, протягивая баночку Петтеру. – Нужно мазать пострадавшее место минимум дважды в день. И передайте Ингольву, что в ближайшие два-три дня вам нужно поберечь ногу.

Юноша кивнул, явно удивленный столь резкой переменой в моем отношении.

- Спасибо за заботу, госпожа Мирра! – серьезно сказал он, улыбаясь уголками губ. Такой юный, такой нескладный в своей форме... Его окутывал теплый, фруктово-сладкий аромат мандарина.

А я вдруг поняла, насколько важен был для него этот пустячный знак внимания.

- Не за что, - холодно откликнулась я. – Думаю, вам пора.

На лице Петтера промелькнуло недоумение, потом он прикусил губу и будто замкнулся. Коротко поклонился и неуклюже полез в салон.

- До свидания, госпожа Мирра! – на меня Петтер не смотрел, только пряно-сладкий аромат аниса выдавал его почти детскую обиду.

- Петтер! – я чуть повысила голос. – Прекратите. Вы не в том состоянии, чтобы ехать самому. Вызовите кэб или идите в дом!

- Спасибо за заботу! – а вот теперь это прозвучало ядовито. Его душила холодная полынная горечь. – Я сам справлюсь.

- Петтер!

Юноша, не слушая, рывком тронул автомобиль с места.

Я в сердцах помянула йотуна (хорошо, что бабушка не слышит!) и направилась к «Уртехюс». На душе было мерзко, а на языке чувствовался металлический привкус. Намеренно и расчетливо обижать влюбленного юношу, видеть, как на лице его нежность сменяется болью – это было невыносимо. А иначе нельзя...

Чтобы хоть как-то отвлечься от невеселых дум, я принялась составлять новые рецепты. Уселась в кресло со стопкой книг, перечнем всех имеющихся у меня ингредиентов, а также тетрадью и карандашом. Прикидывать, какие масла лучше взять,

высчитывать пропорции и пытаться представить, как все это будет пахнуть в итоге... Занятие это всегда меня завораживало, но сегодня я то и дело ловила себя на том, что вместо названий трав вывожу какие-то бессмысленные загогулины.

Раздраженно отбросив карандаш, я принялась за дела попроще: поставить тинктуру[43] ванили; процедить уже настоявшиеся экстракты солодки, липы и ромашки; измельчить масло какао – незаменимое средство при кашле – и расфасовать его в одинаковые пакетики.

За последним занятием меня и застал стук в дверь. Дверь сразу распахнулась, явив господина, пропорции которого («поперек себя шире»), равно как и блестящая лысина, ничуть не мешали его жизнерадостности.

- Госпожа Мирра! – воскликнул толстячок, буквально лучась улыбкой. – Как же я рад, безмерно рад вас видеть!

При этом он прижал пухлую ручку к груди, беззастенчиво обшаривая меня глазами.

- Здравствуйте, господин Льётольв, - улыбнулась я, убирая весы. Обижаться на любвеобильного интенданта (а именно такую должность занимал господин Льётольв в гарнизоне Ингойи) было нелепо. – Присаживайтесь. Чай, кофе?

«Вас!» - горело в его масленом взгляде.

- Кофе! – господин Льётольв развалился на диванчике, а я принялась варить напиток, даже спиной ощущая его раздевающий взгляд. И запах – почти наркотическая сладость шоколада, карамельный иланг-иланг, пряный кардамон и многослойная, густая и теплая ваниль. Надо признать, господин Льётольв (вот уж кому не подходило имя «Ужаса волк»!) умел наслаждаться жизнью.

- Что привело вас ко мне? – поинтересовалась я, подавая посетителю кофе.

Господин Льётольв как бы невзначай погладил меня по руке, но я сделала вид, что ничего не заметила, только отсела подальше.

- Любовь! – так сладострастно вздохнул он, что я вздернула брови. Заметив мое удивление, он отмахнулся: - Ах, не к вам! – и тут же спохватился. – Госпожа Мирра, вы царица моего сердца и снитесь мне каждую ночь! Верите?

Он подался ко мне, едва не свалив чашку.

- Верю, - согласилась я. – Хотите, я дам вам отличное снотворное? Чтобы вам больше не снились всякие *глупости.*

Господин Льётольв рассмеялся, поднимая руки в шутливом жесте.

- Сдаюсь, сдаюсь, госпожа Мирра! Ваша добродетель

непоколебима, преклоняюсь!

Я согласно наклонила голову, поспешно отгоняя неуместные воспоминания. Не так уж она непоколебима...

- Вы пришли ко мне, чтобы... – напомнила я.

- Ах, да! – господин Льётольв посерьезнел. – Я пришел, чтобы воздать должное любви!

Оставалось только вздохнуть. В конце концов выяснилось, что интендант намеревался подарить всем своим нынешним возлюбленным по флакону духов. Будущих обладательниц эксклюзивных благовоний оказалось пять, так что обсуждение желаемых ароматов растянулось надолго.

«Ах, Сванвейг – она как персик! Понимаете, персик!» - горячился господин Льётольв, когда я пыталась объяснить ему, что даме под пятьдесят вряд ли придутся по вкусу фруктово-сладкие духи.

Заодно господин Льётольв пытался приобнять меня, вручить драгоценный браслет («Это только из уважения!») и заглянуть в вырез платья...

Словом, когда дверь без стука распахнулась и на пороге появилась Сольвейг, я с облегчением перевела дух.

- О, Сольвейг, заходите! – воскликнула я с широкой улыбкой.

Домоправительница вытаращила глаза и едва не попятилась от столь приветливой встречи.

К исходящему от нее аромату уксуса добавился сладко-горько-кислый аккорд грейпфрута и колкая хвоя – опаска.

- Госпожа... Мирра? – запинаясь, переспросила она.

Ответить я не успела: к Сольвейг уже устремился с распахнутыми объятиями господин Льётольв.

- Ах, какая женщина! – томно проворковал он, приобняв Сольвейг за талию и глядя на нее столь жарким взглядом, что домоправительница зарделась. – Красавица!

Я спрятала улыбку: назвать так сухопарую Сольвейг в неизменно сером платье мог только господин Льётольв.

- Сольвейг, что вы хотели? – я сочла необходимым напомнить о своем присутствии.

- А? – она с трудом отвела затуманенный взгляд от соблазнителя. Кажется, Сольвейг еще не доводилось бывать под таким шквальным огнем обольщения, и она совершенно растерялась. Исходящий от нее запах изменился – теперь это был не просто уксус, а малиновый, в котором еще ощущался привкус и аромат спелых ягод. – А, да. Вот. Вам звонили. Ждут ответа. У телефона.

Я развернула записку и пробежала глазами текст. Гуда сетовала, что в последнее время я совсем перестала показываться

в обществе (что соответствовало действительности), а также весьма настойчиво приглашала меня послезавтра на гейзерный пикник, грозясь обидеться в случае отказа.

- Сольвейг! – позвала я. Она не откликнулась, пришлось повторить громче: - Сольвейг!

- А? – вздрогнула она, млея, пока господин Льётольв целовал ей руку.

- Передайте, что я непременно буду!

- Ага, - Сольвейг заторможено кивнула.

Оставалось надеяться, что даже в любовном дурмане она не забудет, о чем речь.

– Кстати, - спохватилась я. – Почему вы пришли сами, а не прислали Уннер?

- Уннер! – она тотчас скривилась, кажется, позабыв даже о господине Льётольве. – Эта вертихвостка куда-то сбежала!

- Понятно, - я не стала расспрашивать дальше. – Вы можете идти.

- До свидания, милейшая госпожа Мирра! - неисправимый сердцеед послал мне жаркий взгляд, подмигнул и отбыл, крепко удерживая за талию добычу.

Когда за ними закрылась дверь, я наконец позволила себе расхохотаться. И едва не подавилась смехом, когда из угла комнаты ко мне скользнула тень.

- Господин Исмир! – воскликнула я, приглядевшись, и прижала руку к испуганно колотящемуся сердцу. - Что вы здесь делаете?

Надо думать, он проник в «Уртехюс», когда я была увлечена беседой с господином Льётольвом.

Дракон шагнул к окну и остановился спиной к нему, не давая рассмотреть его лицо.

- Госпожа Мирра, – он чуть наклонил голову, скрещивая руки на груди так, что под легкой рубашкой обозначились мускулы. Обжигающий холод мяты словно леденил кожу. – Давно не виделись.

- Давно, - согласилась я, хотя с последней нашей встречи едва минуло несколько часов. От воспоминания о том, как он прижимал меня к скале и запугивал, противно заныл желудок. Что, если Исмир снова примется за свое? Здесь за меня некому вступиться. Пытаясь перебороть воспоминание о собственном страхе и беспомощности, я произнесла светским тоном, плавно поведя рукой: - Присаживайтесь! Будете чай или кофе?

Исмир покачал головой. Вокруг него словно бушевала метель: пронзительно прохладный, с солью, эвкалипт, шипастый лемонграсс, колкая мята. И туманно-мягкое, лиловое дуновение

лаванды. Холодная злость и усталость.

Вздохнув, я отвернулась и принялась разжигать спиртовку. Отчаянно хотелось кофе, чтобы утопить губы в обжигающей горечи, согреться и успокоиться.

- Вы так и не ответили, принимаете ли мое предложение, - наконец нарушил молчание Исмир. Голос его звучал хрипловато, как будто простужено.

А сегодня на берегу мне вовсе не показалось, что Исмира так уж волновал мой ответ!

Я молча доварила кофе – с корицей, медом и мускатным орехом – и села в кресло, грея пальцы о горячую чашку. Исмир по-прежнему застыл у окна, глядя на меня с непонятным выражением.

- Принимаю, - вздохнула я, – но с одним условием.

От Исмира будто плеснуло горчично-уксусным раздражением. Отойдя от окна, он остановился напротив меня. Лицо его было почти серым, зато от раны остался только едва заметный рубец, рассекающий бровь.

- Вы ставите мне условия? – обманчиво мягко поинтересовался Исмир. Крылья его носа хищно раздувались.

- Именно, - подтвердила я, вдруг разозлившись. Он так откровенно пытался на меня давить и запугивать, что во мне поднималось глухое раздражение. Я отставила чашку (кофе мне расхотелось) и потребовала: - Господин Исмир, вы уж определитесь, подозреваемая я или союзник! И если все же союзник, то ведите себя соответственно!

Он оскалился – улыбкой назвать эту гримасу не поворачивался язык.

- Продолжайте, - предложил он еще мягче, отчего по спине у меня побежали мурашки. – Каково же ваше условие?

- Кроме меня и Валериана вы позаботитесь также о Петтере, - проговорила я с внутренней дрожью. После драки просить о Петтере – не лучшая мысль, но я не могла промолчать.

- Петтере? – повторил Исмир как-то так, словно выругался. И так резко выдернул меня из кресла, что я неловко взмахнула рукой, сшибая со столика чашку с недопитым кофе. Зазвенели осколки, по полу побежал темный ручеек.

А Исмир притиснул меня к себе, не давая шевельнуться. От него веяло холодом. Мороз подступал, сковывал меня, как корабль в льдинах.

- Зачем вы меня дразните? – пробормотал Исмир мне в губы. – Зачем, Мирра?

Дыхание его пахло мятой и крепким алкоголем. Боги, милосердные мои боги, да он же пьян!

Обдумать это открытие я не успела – Исмир вздохнул и приник к моим губам в яростном поцелуе, больше похожем на укус.

Я уперлась ладонями в его грудь.

«Он словно наказывает меня!» - мелькнуло в голове, и я отвернула лицо. Помогло это мало - губы Исмира скользнули по моей шее, он прикусил зубами тонкую кожу…

- Прекратите! – взмолилась я. – Исмир, прекратите! Слышите?

Не сразу, но это подействовало. Он отстранился, тяжело дыша, окинул меня затуманенным взглядом. Сначала от него пахло абсолютом какао – горьковатым, насыщенным ароматом черного шоколада. А теперь повеяло сладким, древесно-камфорным, тяжелым и тошнотворным запахом мари. Ненависть.

- За что вы меня ненавидите? – вырвалось у меня.

Исмир на мгновение застыл, потом разжал руки и отступил на шаг.

- Это не так, - ответил глухо, отвернувшись, и как-то растерянно пригладил светлые волосы.

Я обхватила себя за плечи и без сил опустилась в кресло.

- Не надо, - попросила устало. – Я же чувствую.

- Чувствуете? – Исмир стремительно обернулся, сверкая синим льдом глаз. – Что вы чувствуете? Ладно. Да, я ненавижу вас всех. Вас, людей!

Он замолчал, тяжело дыша, и с силой потер ладонями лицо. От него тянуло пряно-холодным ароматом чайного дерева. Так пахнет неприятная правда, которую давно хотелось высказать.

- За что? – спросила я, чувствуя внутри звенящую пустоту, и как-то отстраненно отметила, что подол моей юбки испачкался в кофейной луже.

- А разве не за что? – слова звенели льдинками. Исмир отвернулся и продолжил горько: - Люди словно тараканы. Стоило впустить вас в Хельхейм – расплодились без счета и окончательно обнаглели.

- Так снимите тапок и прихлопните, - предложила я, усмехаясь через силу. – Можете начать с меня. Вы ведь этого хотите?

- Да! – словно выплюнул Исмир. От него дохнуло нестерпимой вонью нашатыря.

Хотелось зажать нос, но я не двинулась с места.

Отвернувшись, я слепо уставилась в стену. Перед глазами все расплывалось, голова кружилась, и дышать было трудно.

- Сегодня на рассвете умер сын моей сестры, - тяжело проронил Исмир за моей спиной. – Умер из-за этого… – он крепко выругался, - человеческого заклятия!

- Мне жаль, - пробормотала я. – Сочувствую.

- Сочувствуете?! – Исмир взметнулся с места, остановился рядом со мной, дыша хрипло, с присвистом. – Это все, что вы можете сказать?

- А что еще я могу сказать? – я повернулась к нему, подняла глаза. Теперь я понимала, какая муха укусила его сегодня, но легче от этого не становилось. – Вы хотите наказать меня за то, что совершили другие люди? Начинайте, я не стану сопротивляться. Ну, чего же вы ждете? Вы ненавидите нас всех, так мстите, за чем дело стало?

Исмир молчал, только на скулах его перекатывались желваки, а глаза были совсем больные.

- Я ненавижу вас, - повторил он так буднично, словно говорил, сколько сахара класть в чай. От Исмира исходил прозрачный обжигающий холод первых нот розмарина. Память.

- Ненавидите, - бездумно согласилась я, борясь с желанием закрыть глаза.

Мы оба знали, что это лишь часть правды. И что Исмир никогда мне этого не простит.

Долгую минуту мы смотрели друг на друга, потом он отвернулся, и я наконец зажмурилась.

Исмир со свистом выдохнул сквозь зубы, хлопнула дверь, и я осталась одна...

Я сидела в «Уртехюс», чувствуя странное онемение. Ни боли, ни гнева, только бесконечная усталость. Боги, милосердные мои боги, как все оказалось просто! Просто и непоправимо.

Нужно заставить себя встать. Вытереть лужу на полу, согреться, запереть дверь...

Вот только сил не было. Исмир меня словно заморозил. Даже мысли текли вяло, как замерзающая река.

Не знаю, сколько прошло времени. Очнулась я от встревоженного голоса Петтера:

- Госпожа Мирра? Госпожа Мирра, что с вами? Вставайте, уже время ужинать!

Юноша потряс меня за плечи, испуганно заглядывая в лицо, затем попытался согреть в своих руках мои озябшие ладони. Вот-вот надает пощечин!

- Все в порядке, - прошелестела я, пытаясь стряхнуть ступор. – Только холодно.

Петтер заметался по «Уртехюс», что-то перевернул с грохотом, выругался, яростно зачиркал спичкой.

В себя меня привел живительный аромат свежезаваренного кофе, в котором плескалась изрядная доза коньяка. И тут же на меня навалились ощущения, запахи, звуки: затекшие до полной

бесчувственности стиснутые руки, ледяной сквозняк, плач ребенка за окном...

Я глубоко вздохнула и сказала с чувством:

- Ненавижу драконов!

Хм, кажется, я это уже говорила.

Петтер хмыкнул, вполне разделяя мои чувства. Его аромат звенел капелью и пьянил весной – яблоневый цвет и пион – облегчение.

А я постаралась отбросить воспоминание о больном взгляде Исмира, о его «ненавижу». Какое мне дело до его чувств? Он должен спасти нас с Валерианом, остальное не важно.

Что за радость быть в центре снежной пустыни? Красиво, до жути красиво. Завораживающе. Но как же холодно!

Я бесконечно устала от бурь, от ледяных пальцев судьбы на шее, от унижений и боли.

- Выпейте это, - юноша сунул чашку мне в руки. – Это вас согреет.

Я поневоле улыбнулась, принимая его заботу. Петтер так легко дарил мне мягкое ласковое тепло, и в тот момент у меня не было сил от этого отказаться...

Пока я пила кофе, Петтер развлекал меня свежими армейскими байками. Надо думать, от испуга он позабыл свои обиды.

- Петтер, вы сказали, уже время ужинать? – спохватилась я. Он кивнул, и я заторопилась. – Пойдемте скорее, не нужно лишний раз раздражать Ингольва.

Юноша отвел взгляд.

- Полковник не будет ужинать дома, - сообщил он неловко. Запах его изменился - кислая долька лимона, луковый сок...

- Понятно, - усмехнулась я. Отчего-то Петтер чувствовал вину за некрасивое поведение моего благоверного. Разумеется, Ингольв отослал ординарца домой, а сам отправился пьянствовать. – Петтер, прекратите. Вы ведь ему не нянька. И вряд ли могли отобрать у него бутылку.

Петтер кивнул без особой уверенности и помог мне набросить на плечи шубу. Задержал руки на моих плечах чуть дольше, чем требовала вежливость, и, кажется, рассердился на себя самого. Отдернул руки, будто обжегшись, даже отступил на шаг.

Его окружал чистый, прозрачный, горьковато-свежий аромат мирта – неловкость. И шершавая, занозящая душу корица – злость.

- Простите, - пробормотал он.

Я кивнула, принимая извинения, и взяла со столика ключи...

За ужином разговаривали мало. Свекор, молча поглощая свою порцию, увлеченно разгадывал кроссворд, а Петтер неотрывно смотрел в тарелку. Выражение лица у него при этом было самое мрачное, как будто вместо суповой тарелки перед ним была чашка с кофейной гущей, гадание на которой предвещало, по меньшей мере, наводнение и эпидемию.

Аппетита я не чувствовала, но заставляла себя жевать и глотать.

Несколько развлекали меня только наблюдения за Сольвейг, которая временами застывала с блюдом в руках, мечтательно глядя на стену.

Я мысленно пожелала господину Льётольву всяческих успехов. Надеюсь, приличная доза плотских радостей пойдет Сольвейг на пользу, и она перестанет видеть мир исключительно в серых тонах.

Остаток вечера прошел скучно. Петтер читал журнал. Судя по тому, как редко он переворачивал страницы, чтение шло туго, но мальчишку отличало редкое упрямство, так что он продолжал терзать «Воздушный альманах». Свекор покончил с кроссвордом и принялся за вязание, на редкость немелодично что-то напевая.

Я же сшила несколько мешочков для саше. И, едва дождавшись, когда часы пробьют десять, отправилась спать.

День выдался сумасшедший, хотелось поскорее забраться в постель и укрыться одеялом с головой. Я усмехнулась: как маленькая, честное слово!

Уннер все еще не было. Сольвейг недовольно сообщила, что Уннер присылала младшего брата с сообщением, что у нее серьезно заболела мать, и очень просила дать ей внеочередной выходной. Домоправительнице такое самоуправство не понравилось (прислуге полагался всего один выходной в неделю), но господин Бранд разрешил, так что Сольвейг пришлось смириться.

Впрочем, я вполне управилась без горничной. Освежившись, закуталась в халат, тонко пахнущий ирисовым корнем, изысканным нероли и теплой ванилью. От нежных ароматов меня совсем разморило. Чувствуя приятную сонливость, я уже протянула руку, чтобы погасить свет, когда в коридоре послышался грохот, потом смачная ругань, и дверь рывком распахнулась.

- Ты... тут? – спросил Ингольв, держась обеими руками за косяк, словно тот пытался вывернуться и сбежать.

- Тут! – голосом моим можно было бы заморозить кипящий чайник, но мужу было все равно. Он был пьян.

- И я... тут! – обрадовался Ингольв и, покачиваясь,

перешагнул через порог. – Ну, иди ко мне!

Изрядно набравшемуся муженьку, как всегда в таком состоянии, хотелось женской ласки. А за неимением под рукой Ингрид ему вполне сгодилась и я.

Я замерла в постели, судорожно ища выход. Выход никак не находился. Кричать, отбиваться? Ингольв в своем праве, никто не упрекнет его, если он воспользуется этим правом насильно...

Муж был пьян сильнее обычного, так что обошелся без длительных прелюдий. Порванная ночная рубашка, комом отлетевшая в сторону; несколько торопливых, будто липких, поцелуев; колено, нетерпеливо раздвигающее мои ноги...

Ингольв удовлетворенно сопел мне в шею и похрапывал, а я старалась не плакать. Потому что какая-то часть меня получала от этого процесса удовольствие. Потому что в пиковый момент муж прохрипел чужое имя. Потому что хотелось поскорее вымыться или хотя бы отодвинуться на самый край постели, но тяжелая рука мужа пригвоздила меня к кровати.

За окном успокаивающе шелестело море, по оконному стеклу шлепал дождь, кто-то шуршал в стене. Я лежала без сна, глядя в смутно виднеющийся потолок, и силилась пореже вдыхать исходящее от Ингольва амбре коньяка и пота, от которого к горлу подкатывал комок.

Только когда небо чуть посветлело, Ингольв, всхрапнув, откатился в сторону, и я смогла встать. Натыкаясь на мебель и углы, я пробралась в ванную и поспешно обтерлась полотенцем, смоченным розовой водой. Кожа быстро покраснела, нежный цветочный аромат окутал меня облаком. Впрочем, помогло это мало – я все равно ощущала себя использованной салфеткой.

Я уронила на пол полотенце и закрыла лицо руками.

Еще немного, и я не выдержу. Сорвусь, и не остановят меня ни приличия, ни даже мысль о Валериане. Больше так нельзя. Молча глотать обиду, давиться невысказанными упреками, чувствовать себя тряпкой, о которую вытирают ноги. Даже «Уртехюс» перестал быть для меня надежным убежищем, потому что глупо прятать голову в песок и надеяться, что беда не заметит тебя, если ты не видишь ее.

Подойдя к зеркалу, я внимательно изучила собственное отражение – как-то разом постаревшее, с синяками под глазами и горькой складкой у губ. Я не хотела быть той женщиной, которую видела в зеркале. Выгоревшей, закопченной изнутри, как старая керосиновая лампа.

Я хотела забыть эту ночь. Пусть глупо, пусть мелочно... Пусть. Я хотела забыть.

Мне было, ради кого жить. Только жить не хотелось.

Выпив три чашки крепчайшего кофе, я уселась на подоконник в гостиной, обхватила колени руками и замерла, невидяще глядя на улицу. Под дождем остатки снега успели растаять, обнажая неприглядный, намокший серый город. Запахи грязи, гниющей рыбы, водорослей, йода и воды как будто перемешали и хорошенько взболтали, получив в итоге что-то невнятное и размытое.

От каменного подоконника тянуло холодом, из-за бессонной ночи и избытка кофе у меня слегка кружилась голова. А внутри словно свернулась змеиными кольцами пустота. Не осталось ни обид, ни сожаления, ни даже вины – только выжженная пустыня. И песок воспоминаний легко сыпался между пальцами.

Я сидела, глядя в безмолвное небо, и ощущала себя бесконечно одинокой. Боги, милосердные мои боги, за что вы так со мной? Неужели мне мало было измен Ингольва, презрения свекра, смерти дочери? Беспощадные и циничные норны не скупились, щедро сыпали в котел моей судьбы специи и пряности. Едкий, сводящий с ума страх за сына; растоптанная любовь, пахнущая как вянущие без воды цветы; жалящая крапивой разлука с родными; густая смола боли.

А теперь еще и эта ночь, отдающая аммиаком и дешевым ванилином. От одного воспоминания к горлу подкатывала тошнота.

И никогда уже не склеить разбитый хрусталь иллюзий, не начать жизнь заново, не вернуть ушедших...

Впрочем, какой смысл себя жалеть? Не стоит полагаться на богов. Разве нельзя самой добавить в свою жизнь немножко тепла, чуточку нежности, лучик света?

Говорят, пепел хорошо удобряет почву...

Заставив меня вздрогнуть, по всему дому ожили часы: кричала кукушка, исполняли заученный танец лебеди на пруду, звенели ходики. И, повинуясь зову часов, дом разом ожил, зашевелились его обитатели. Что-то втолковывал Сигурду свекор; Ингольв ревел буйволом, требуя рассола и зачем-то пистолет; звенела посудой Сольвейг, накрывая на стол.

Дождавшись, пока мой благоверный уберется в свои комнаты, я поднялась наверх. Стоящий в коридоре свекор, на минуту отвлекшись от распекания прислуги, встретил меня подозрительным взглядом.

Я чувствовала себя так мерзко, что хотелось говорить гадости и бить посуду, но воспитание не позволяло выказывать чувства столь откровенно. Пришлось улыбнуться и склонить голову в молчаливом приветствии.

Оказавшись в своей комнате, я принялась за дело.

Маска с глиной рассул, экстрактом огурца и маслом базилика, чтобы убрать следы усталости. Чайно-шалфейные компрессы на глаза - от мешков и красноты. Медовый скраб для тела и крем с розой, сандалом и мускатным шалфеем.

Сольвейг через дверь позвала меня завтракать, но я крикнула, что буду позже. Она фыркнула и удалилась.

Я критически осмотрела себя в зеркале. Пожалуй, без косметики сегодня лучше обойтись – лишние улики ни к чему. Разве что немного пудры…

Блузка нежнейшего розово-бежевого оттенка, любимые янтарные украшения…

Капнув на щетку масла иланг-иланга, я принялась расчесываться. Томный бархатный аромат струился по комнате, заставляя глубже и чаще дышать. Рыжие пряди струились через зубцы, а я, мерно проводя расческой, с недоверием всматривалась в свое порозовевшее отражение. Неужели я действительно собираюсь это сделать? Даже мысль эта казалась дикой, но сладкие чары иланг-иланга оказались сильнее. Они туманили голову, ласковым дуновением уносили прочь сомнения, обещали забвение…

Прелесть аромагии в том, что она позволяет влиять на чувства и разум. Не идти на поводу у тревог, страхов или бессонницы, а расправляться с ними легко и непринужденно.

Незаметная, но оттого не менее могущественная магия.

Поэтому нас, аромагов, и боятся. Власть над чувствами страшит. Разве сложно мне, скажем, заставить кого-то выболтать сокровенные тайны или расплакаться прямо посреди торжественной речи, вынудить потерять голову от любви или серьезно заболеть? Другой вопрос, что я не стану влиять на кого-нибудь без его просьбы или крайней нужды.

Впрочем, меня уже заждались…

Я спустилась вниз, когда мои мужчины уже пили чай, и одарила всех сияющей улыбкой.

- Здравствуй, дорогой. Здравствуйте, господин Бранд, Петтер.

Мне ответили вразнобой.

- Приперлась наконец! – мой мрачный благоверный.

- Здравствуйте, госпожа Мирра, – бледный и отчего-то помятый Петтер.

- Соизволила! – язвительный свекор, отвлекшись от газеты.

- И вам приятного аппетита, - я уселась, расправила на коленях салфетку. – Мне только чая и булочку с маслом, благодарю вас, Сольвейг.

Некоторое время я добросовестно заталкивала в себя сдобу, запивая крепким чаем. Мне стоило немалых усилий казаться

безмятежной, когда внутри кипела злость пополам с предвкушением.

Мужчины тем временем закончили с завтраком и стали подниматься.

- Дорогой! – окликнула я. За долгие годы супружеской жизни притворство въелось в кровь и плоть, однако сегодня изображать любящую жену было особенно противно. – Надеюсь, ты позволишь мне сегодня не ехать на прогулку?

- С чего бы это? – тут же влез мой драгоценный свекор.

- Петтер вчера травмировал ногу, - объяснила я с недовольной гримасой. – К тому же сегодня плохая погода... Не думаю, что госпожа Ингрид желала мне простудиться.

Петтер бросил взгляд на окно, за которым действительно накрапывал дождь, но промолчал.

Муж, и так с похмелья пребывавший в отвратительном настроении, от попытки ему перечить, разумеется, взвился на дыбы.

- Ты поедешь! – рявкнул он, наливаясь краснотой. – Петтер не барышня, потерпит!

- Как скажешь, дорогой, - сдалась я, пряча торжествующую улыбку.

Ингольва эта маленькая победа (точнее, видимость таковой) успокоила, и он отбыл на службу. Свекор отправился с ежедневным обходом - заводить часы – а мы с Петтером остались наедине.

- Госпожа Мирра, может, не поедем к морю? – предложил юноша тихо. Пахло от него маслом элеми – свежей зеленью укропа, водорослями и солью. Хм, а он ведь на грани нервного срыва! – Хотите, я отвезу вас в булочную? Или еще куда-нибудь. А полковнику скажем, что были на берегу.

- Не выдумывайте, Петтер, - возразила я так же негромко. – Сегодня я непременно хочу к морю. Пожалуйста, отвезите меня в ту самую бухту, где мы были вчера.

Он взглянул непонимающе, потом до белизны сжал губы. Резкий горьковатый запах горчицы ужалил мой нюх. Ревность.

- Как прикажете, - ответил глухо и направился к выходу.

Надо думать, Петтер вообразил, что я надеюсь встретить Исмира.

Передо мной как воочию возникло хищное лицо дракона, всплыли из памяти насмешливое: - «Мне неинтересна добыча, которая сама идет в руки!» и вчерашние откровения.

Нет. Встретить его я не надеялась...

Петтер вел автомобиль молча, только иногда чуть морщась от боли.

Я не стала интересоваться его драгоценным здоровьем. Петтер явно был не в духе, так что я предпочла любоваться окрестностями. Правда, любоваться полагалось разве что дождем и размытыми глинистыми склонами, и занятие это мне быстро наскучило.

Признаюсь, хмурый вид юноши пробил в моих планах солидную брешь. Кажется, он вообще не собирался со мной заговаривать!

- Приехали, госпожа Мирра, - нарушил молчание Петтер, затормозив подальше от обрыва. – Хотите прогуляться?

Я понимала его скептицизм. Размокшая глинистая почва была скользкой даже на вид, а на обрыве легко могла уехать из-под ног.

- Да, - задыхающимся голосом произнесла я, прижав руку к шее. – Душно. Помогите мне, пожалуйста.

- Вам плохо? – встревожился Петтер.

От него будто плеснуло зеленым чаем и липой – заботой и нежностью.

Петтер распахнул дверцу с моей стороны и почти выволок меня на свежий воздух.

Я обмякла в его руках тряпичной куклой. Отпусти – и упадет прямо в грязь.

Ветер, пахнущий солью и мокрым песком, едва не сбивал с ног.

- Все в порядке, не беспокойтесь. – Попросила я, смежив веки.

В объятиях Петтера было так тепло и надежно! Аромат ветивера словно укрывал нас тяжелыми складками, и «верхние» запахи мокрой шинели, бергамота (должно быть, одеколон) и пахнущего мятой дыхания ничуть не мешали мне наслаждаться.

- Госпожа Мирра, - позвал Петтер, осторожно встряхивая меня за плечи.

- Да, Петтер, - тихо откликнулась я, открывая глаза.

Он был совсем близко: встревоженный, теплый.

- Петтер, - повторила я нежно.

Он глядел на меня, не отрываясь. Его сердце под моей ладонью отчаянно колотилось. А я чувствовала себя совсем юной и чуточку сумасшедшей.

- Госпожа… Мирра, - выдохнул Петтер.

И, конечно, не выдержал: прижал меня к себе, ласково поцеловал в губы… И замер, будто ожидая пощечины.

Я усмехнулась и поцеловала его сама…

Спустя некоторое время я обнаружила себя прижатой к лаковому боку автомобиля. Колени мои подгибались, голова кружилась. А дождь… боги, какая мелочь!

- Петтер! – позвала я. Меня била дрожь, и вряд ли от холода, хотя шуба на мне оказалась расстегнутой, как и блузка. От юноши веяло таким теплом, что сама мысль о холоде казалась нелепой.

- Да? – он взглянул на меня шальными темными глазами, чуть отклонился.

Наркотически сладкий жасмин пел свою арию, заставляя забывать обо всем. Но тонко-тонко, как комар, тревожно звенел лайм.

- Давайте переберемся на заднее сиденье, - предложила я. – Здесь неудобно.

Глаза его вспыхнули, как электрические фонари, однако благородство пересилило.

- Госпожа... Мирра, - кажется, Петтер лишь теперь до конца понял, что происходит, и пытался совладать с собой. – Не надо. Вы ведь... вы будете жалеть!

- Вас нужно уговаривать, Петтер? – удивилась я, касаясь пальцами его припухших губ.

Он судорожно вздохнул.

Уговаривать не пришлось...

На узком сиденье вдвоем было не слишком удобно, хотя Петтер заботливо подстелил шубу, и к тому же тянуло холодом из приоткрытого окна.

Однако меня переполняли расслабленность и довольство. Куда и девалась утренняя глухая тоска!

Тягучий янтарный аромат амбры и ванили, оттененный радостным звонким мандарином, окутывал меня оранжевым теплом.

Петтер не отпускал меня ни на минуту - лаская, касаясь, целуя. Он словно боялся, что все это окажется сном, и торопился досмотреть до конца чудесную грезу.

- Мирра, - проговорил он вдруг негромко, ласково убирая упавший мне на глаза локон. – За что вы ему мстите?

- М-м-м? – не поняла я. Хм, у юного любовника есть свои несомненные плюсы...

- Ну вы же за что-то мстите полковнику, - Петтер даже отстранился. Надо думать, лицо мое выразило удивление, потому что он усмехнулся как-то очень по-взрослому. – Мирра, я же не дурак. И не верю, что вы просто так... – он запнулся, подбирая слова. – Пришли ко мне.

- Петтер, - мягко произнесла я, ероша его темные волосы. Пахло от него совсем иначе, чем от Ингольва, и вообще, все было иначе. Это ощущение новизны (а ведь я прожила замужем тринадцать лет!) заставляло меня чувствовать себя пьяной от любви девчонкой. – Не надо.

- И все-таки, почему? – спросил Петтер, очерчивая пальцем мою грудь. Хм, нужно сделать ему крем от мозолей...

Резковатый аромат эвкалипта давал знать, что Петтер не отступится.

Я вздохнула (вот настырный!) и пошевелилась, устраиваясь поудобнее.

- Могу я просто ощутить себя женщиной? Не ценной вещью, не добычей, не грелкой для постели... – голос мой дрогнул.

- Мирра? – Петтер встревоженно заглянул мне в лицо. – Что случилось?

Я только помотала головой.

- Ничего.

- Вы ведь... ни с кем и никогда. - Прозвучало это не как вопрос, а как утверждение. Он покраснел, как мальчишка (хотя почему «как»?), и отвел взгляд. – Ну, кроме господина полковника.

- Откуда вы знаете? – не сдержала любопытства я.

- Я же не слепой и не глухой, - дернул плечом он. – О вас ничего такого даже не говорили. И что я, не вижу, что ли?

Мне стало смешно.

- Какой вы проницательный! – иронически проговорила я, проводя пальцами по его виску, щеке. – Справки наводили?

- Мирра! – он перехватил мою руку, серьезно заглянул в глаза. – Не нужно. Я же люблю вас!

- Петтер, - я предпочла «не услышать» признание, которое сорвалось с его губ так же легко, как лишняя капля из пузырька с маслом. – Какое вам дело? Не надо вопросов.

И потянулась к нему. Он ответил на поцелуй, но хмурая морщинка между бровей не разгладилась...

Бессонная ночь не прошла даром, и в какой-то момент я попросту выключилась.

Открыв глаза, я не сразу поняла, где нахожусь и что со мной. Кожаный, древесно-амбровый аромат, крепкие мужские объятия, мягкий мех под спиной...

И только встретившись взглядом с Петтером, вспомнила все.

- Проснулись? – шепнул юноша, целуя меня в уголок губ.

По стеклам машины стучал дождь, надсадно завывал ветер.

- Да, - откликнулась я, пытаясь разобраться в каше чувств и ощущений. Все вперемешку: ванильно-бензойная расслабленность и лимонное смущение, шоколадное удовольствие и камфарно-перечный стыд. Так и не разобравшись, я поинтересовалась наигранно-беспечным тоном: - Который час?

- Около двенадцати, - ответил Петтер, бросив взгляд на запястье. Он был абсолютно голый, но не снял часы, и почему-то

это заставило меня покраснеть.

- Вы не замерзли, Петтер? – спросила я, стараясь скрыть замешательство. Смотреть на него было... неловко?

В одном Петтер был прав: я никогда («Никогда раньше!» - поправила я себя) не изменяла мужу, так что понятия не имела, как держаться с любовником.

- Не замерз, - Петтер пошевелился, разжал руки. Спросил, не глядя на меня: - Уже жалеете?

- Нет, - ответила я, сама не зная, правду ли говорю.

Отвернувшись, я принялась приводить в порядок волосы. Половина шпилек потерялась, так что пришлось вынуть и остальные.

- Ясно, - проронил Петтер, собирая разбросанную одежду. От него повеяло горьковатым ароматом горящих листьев. Сожаление? Разочарование?

Одевались мы в молчании – неуклюже, путаясь в рукавах и пропуская пуговицы.

И так же молча возвращались в Ингойю. Петтер мчал вперед, почти до хруста сжимая руль. Я же делала вид, что пристально смотрю в окно.

Неловкость словно припорошила пеплом все, что между нами было.

Петтер резко затормозил возле «Уртехюс».

- Приехали, *госпожа* Мирра, - глухо сообщил он, глядя прямо перед собой. Пахло от него кедром и крепким чаем. Упрямство.

И снова это «госпожа», хотя мы были одни.

Я глубоко вздохнула, пытаясь сообразить, что сказать. И не нашла ничего лучше, чем:

- Спасибо вам, Петтер.

- За что? – он усмехнулся, но как-то криво, невесело. Затем повернулся ко мне. Глаза его странно блестели.

- За все, – я сделала неопределенный жест рукой. И отвернулась, не в силах выносить его пристальный взгляд. Потянулась к двери, пробормотала поспешно: - Спасибо. Я пойду.

- Мирра! – Петтер порывисто схватил меня за руку.

- Да, Петтер! – я заставила себя посмотреть ему в глаза. Или это он притянул мой взгляд?

Темные волосы встрепаны, губы упрямо сжаты. И запах – резкий, с нотами скипидара и остро-сладкого имбиря.

- Не смейте жалеть, слышите? – Петтер говорил тихо, но в голосе звенел металл. – Можете меня ненавидеть. Только не жалейте о том, что у нас было!

А меня вдруг обуяла злость. Почему он считает, что мне легко?!

- Прекратите! – потребовала я резко.

Он бессильно уронил руку, отвернулся.

- Извините.

Петтер выскочил наружу. Хлопнула дверца, и я с силой зажмурилась.

Боги, милосердные мои боги, я же сама этого хотела! Почему же теперь мне так плохо?

Выбравшись из автомобиля, я поискала взглядом Петтера... и замерла. Он что-то объяснял дюжему леденцу, стоящему на крыльце нашего дома.

Перепугалась я настолько, что сама не заметила, как оказалась рядом с ним, коснулась плеча.

Смутно знакомый констебль (надо думать, я видела его с инспектором Сольбрандом) подпирал спиной дверь и таращился на нас с любопытством. Это моментально меня отрезвило.

- Петтер, что случилось? – поинтересовалась я, пытаясь не паниковать. Что еще натворил Ингольв, раз в доме полиция?!

Петтер как-то замедленно обернулся. Бледный, растерянный, глаза расширены.

- Уннер умерла, - произнес он тихо. Пахло от него тревожной, холодной горечью полыни. – Ее нашли на пороге дома. Уже мертвую.

- Уннер? – признаюсь, в первый момент я испытала облегчение, что появление леденцов никак не связано с заговором. Потом потрясенно замерла. Мысли разбегались, как цыплята, и я никак не могла осознать, уместить в голове... Я слабо запротестовала: - Нет, не может быть!

Уннер, милая плутовка Уннер! Румяное личико, сладкий запах розы, заливистый смех...

- Может, - веско подтвердил леденец.– Непонятно только, кокнули ее, или того, самоубилась.

И горьковато-кислый запах – аир и лимон. Жадное любопытство.

Мне стало противно. Для этого человека смерть молодой девушки была всего лишь интересным эпизодом, поводом для сплетен.

Петтер напрягся, кажется, с трудом сдерживая гнев.

- Благодарю за информацию, - голос мой звучал сухо и официально. – Могу я поговорить с инспектором Сольбрандом?

Констебль сразу подтянулся.

- А его тут нету, - сообщил он с легким злорадством. Кажется, моя неприязнь от него не укрылась. – А инспектор Бернгард, того, велел идти к нему. Извольте.

И с почти издевательской вежливостью он наконец распахнул

дверь...

Глава 8. Синергия

Дом казался странно притихшим, только сверху, от спален, доносились голоса.

На шум выглянула Сольвейг, фыркнула и тут же снова скрылась на кухне. Как была, не снимая шубу, я направилась к лестнице.

- Куда? – леденец перегородил мне дорогу, растопырив руки.

Я смерила констебля холодным взглядом.

- Это мой дом. И я хочу пройти наверх.

Руки он опустил, но сдвинуться с места даже не подумал. Пахло от него злорадством - сладковато-пряным, с нотой жженого дерева. Надо думать, леденец наслаждался возможностью командовать людьми много выше себя по положению.

- Вы лучше того, одежку-то снимите, – с едва уловимой издевкой посоветовал он. – И ступайте в гостиную, обождите там.

- Благодарю, - ледяным тоном произнесла я.– Петтер, будьте добры, помогите мне раздеться.

- Да, госпожа Мирра, - он послушно протянул руки, двигаясь механически, словно во сне.

От него сухо и горько пахло нардом и тополиными почками. Словно комок в горле. Скорбь, сожаление, невозможность что-то изменить...

А меня внезапно затопило раздражение.

- Пойдемте, Петтер! – велела я резко.

Юноша вскинул на меня глаза и вдруг слабо улыбнулся.

- Как прикажете, госпожа Мирра, - откликнулся он.

От Петтера потянуло древесно-цветочным, словно замшевым, ароматом розового дерева. Как будто мальчишку что-то утешило.

- Эй, куда? – всполошился констебль. – Инспектор приказал, чтоб жениха сразу к нему доставили!

Слово «жених» отчего-то резануло слух. А потом мне стало совестно. Разве можно отнимать у бедняжки Уннер даже такую малость?

- Определитесь, - пожала плечами я, стаскивая перчатки. – Или мы с Петтером пойдем наверх, или подождем в гостиной. Или вы намерены *заставить* меня куда-то идти?

Леденец растерялся. Одно дело втихомолку посмеяться над женой полковника, а совсем другое – силком ее куда-то тащить. Пожалуется муженьку – и прости-прощай, констебль Сверре (со злости я даже вспомнила его имя!), отправишься охранять северные бастионы Хельхейма от нашествия тюленей.

Я усмехнулась. Разумеется, Ингольв даже не подумал бы

мстить за мои обиды, но откуда об этом знать рядовому леденцу?

Однако моей небольшой победе помешал Петтер.

- Не надо, госпожа Мирра, - вмешался он. Голос чуть хрипловат, но мальчишка явно пришел в себя. – Я справлюсь.

- Вы не знаете инспектора... Бернгарда! – на имени я запнулась, поскольку инспектор Сольбранд всегда пренебрежительно называл его «Берни». – Он очень, – я покосилась на констебля и смягчила формулировку, - очень прямолинеен.

- Я справлюсь! – с нажимом повторил Петтер, решительно направляясь к лестнице.

Оставалось только вздохнуть. Если мужчина посчитает, что кто-то усомнился в его способности решить проблему, он способен наделать любых глупостей...

Ждать пришлось довольно долго.

Поймав себя на нервном хождении из угла в угол, я заставила себя сесть. Я ничем не могла помочь Петтеру, а бедной Уннер уже ничто не поможет. Так трагично – умереть в самом расцвете юности, навсегда оставшись невестой! А ведь Петтер ее даже не любил...

Я разозлись на себя. Что за собственнические мысли о Петтере! Немедленно успокоиться!

Для начала поправить волосы, руки сложить на коленях, изобразить вежливую легкую улыбку... Привычная маска невозмутимости легко заняла свое место.

Следовало все тщательно обдумать, ведь такой поворот смешал все мои планы...

Когда в гостиную заглянул слегка присмиревший констебль Сверре, я с интересом изучала забытый свекром кроссворд. Хм, оказывается, господин Бранд делает грубейшие ошибки в правописании.

Констебль помялся на пороге.

- Что вы хотели? – я приподняла бровь. Внутри меня все клокотало, но даже тень чувства не должна была отражаться на лице.

- Вы, того, наверх пройти извольте, - выдавил леденец.

Пахло от него влажно, лесисто – дубовым мхом и лишайником – опаской.

- Хорошо, - согласилась я, отложила газету и встала.

Констебль почтительно придержал мне дверь. Хм, любопытно, что это на него так повлияло?

Но все мысли об этом вылетели из моей головы, едва я увидела, кто ждал меня в кабинете Ингольва.

- Господин Исмир? – с трудом выдавила я.

- Добрый день, госпожа Мирра, - безразлично откликнулся он.

Дракона казался отстраненным и безразличным, а лицо его будто покрылось инеем. Сильный свежий аромат мяты струился, как холодная вода, но где-то там, подо льдом, все еще тлела

ненависть.

- Добрый, - согласилась я машинально, хотя не находила в нем решительно ничего доброго. – Что вы здесь делаете?

- Хватит терять время! – нетерпеливо потребовал кто-то сбоку, и я вздрогнула, лишь теперь заметив инспектора Бернгарда.

Он действительно сложением походил на медведя, хотя повадками больше напоминал койота – трусливого, хитрого, готового укусить исподтишка.

- Здравствуйте, инспектор, - холодно произнесла я. Вежливость – превыше всего!

Инспектор неопределенно махнул рукой, то ли приветствуя, то ли призывая отбросить условности.

- Вы узнаете этот предмет? – он указал на стол.

Я подошла ближе, присмотрелась и не сдержала удивленного восклицания.

- Узнаю, - я автоматически потянулась к лежащему на носовом платке пузырьку темного стекла, и тут же меня больно дернули за руку.

- Не трогать! – потребовал инспектор Бернгард. От него резко пахло эвкалиптом – настойчивостью и пытливостью. – Смотрите так. Ну что, вы узнали эту вещь?

Я покосилась на Исмира, который изображал ледяную статую, даже не думая вмешиваться в происходящее. Он скрестил руки на груди и прислонился к книжному стеллажу, заставив меня вспомнить о тайнике Ингольва. Однако говорить об этом при посторонних, определенно, не стоит.

Брезгливо стряхнув руку инспектора, я объяснила спокойно:

- Разумеется. Это флакон из «Уртехюс», судя по надписи, в нем эфирное масло полыни обыкновенной.

- Эта вещица сыскались при вашей горничной, - инспектор не спускал с меня настороженного взгляда. – Как она там оказалась, объясните-ка!

- Откуда мне знать? – пожала плечами я, отходя от него подальше. Присела в кресло, подняла глаза на инспектора и попросила: - Скажите, что случилось с Уннер? Мне толком ничего не объяснили. Отчего она… умерла?

На последнем слове голос мой дрогнул. Мне стало почти до слез жаль несчастную девушку. Она не делала никому зла, вряд ли знала какие-нибудь тайны. За что ее убивать?! От мысли, что Уннер могла покончить с собой, к горлу подкатил комок. Неужели ей было настолько плохо, а я не обратила внимания?

Инспектор отвечать мне не торопился. Он уселся, вынул трубку и принялся неторопливо ее набивать.

Я сидела с застывшей на губах улыбкой и твердила себе, что настоящая леди держится с достоинством в любой ситуации. Даже если речь идет о подозрительной смерти горничной этой леди.

- Доктор утверждает, что от отравления туйоном. – Словно хрустящий льдом голос Исмира заставил инспектора дернуться и просыпать табак.

Он мрачно взглянул на дракона, но промолчал, только стал вдвойне усерднее раскуривать трубку.

- То есть... – я запнулась. – Значит, Уннер выпила масло полыни?!

- Выпила или ее напоили, - уточнил инспектор мрачно. От него вдруг потянуло березовым дегтем - выделанной кожей, солью – запах черный и густой, как чернила.

Я тряхнула головой, пытаясь собраться с мыслями. Сложно предположить, что бедняжка сама выбрала такую мучительную смерть. К тому же почему именно на пороге нашего дома? Не в своей комнате, не в том же «Уртехюс».

- Возможно ли, что она не заметила, что пьет? – поинтересовался Исмир, едва шевеля губами.

Его каменная неподвижность пугала.

- Нет, - твердо сказала я. – На вкус оно очень горькое.

- А ваш этот... «Уртехюс» всегда на запоре? – безразлично спросил инспектор Бернгард, глубоко затянувшись. Встал, подошел ко мне, уставился прямо в лицо.

Вопреки прозвищу от него пахло не малиной и медом, а вареным луком и капустой.

- Разумеется, - пожав плечами, я отклонилась подальше от источника противного запаха. – Однако ключ спрятан в прихожей и...

Инспектор не дал мне договорить.

- Это вы ее убили? – перебил он, угрожающе нависая надо мной.

- Вы с ума сошли? – опешила я. – Зачем мне ее убивать?

- Бросьте, - хмыкнул инспектор. – У вас был просто отличный мотив! Пальчики оближешь!

Он экспрессивно поцеловал кончики своих пальцев.

- Какой же? - Я постаралась изобразить отстраненное внимание.

- Валерьянка, - сообщил инспектор азартно. - Вы послали горничную к аптекарю за валерианой, а потом запаниковали. Сообразили, что сделали глупость, ну и того...

Он выразительно чиркнул себя по горлу пальцем.

Признаюсь, я испытала облегчение, несмотря на нелепость

обвинения. Ведь я почти ожидала услышать имя Петтера.

Мы вернулись к пресловутому вопросу: как Уннер могла по моему поручению купить экстракт валерианы, если я такого поручения ей не давала?! Зато это объясняло присутствие здесь Исмира...

Вспомнив о тлеющей трубке, инспектор затянулся и выпустил дым прямо мне в лицо.

Разумеется, в горле у меня тут же запершило.

- Откройте окно! – с трудом попросила я, надсадно кашляя.

Инспектор и не подумал послушаться. Исмир, помедлив несколько мгновений, подошел к окну и рывком распахнул створки, впуская поток свежего воздуха.

Прохладный ветер пах огурцом, солью и водорослями.

- Спасибо, - хрипловато поблагодарила я, вытирая выступившие слезы. С некоторым трудом поднялась и холодно посмотрела на вполне довольного собой инспектора. – Инспектор, вы вправе строить любые версии, но избавьте меня от выслушивания глупостей. Если следовать вашим рассуждениям, то мне логичнее было бы убить аптекаря, чем горничную.

Он пожал плечами, и не думая спорить. Травяной аромат тимьяна - как бубен со звенящими подвесками, с раскатами и звонкими всполохами – интерес.

- Мы узнаем, уж будьте уверены! – с некоторой угрозой произнес инспектор.

- Желаю удачи! – колко пожелала я. - Надеюсь, больше вопросов ко мне нет.

С этими словами я направилась к выходу, кипя от злости.

- Последний вопрос, - уже на пороге остановил меня голос Исмира.

- Да, господин Исмир, - я нехотя обернулась.

- Где вы были последние три часа? – прищуренные глаза дракона казались слишком яркими на бледном лице.

- Гуляла по берегу моря, - не задумываясь, ответила я. И спохватилась: - *Мы.* В смысле, на берег меня отвез Петтер, ординарец моего мужа.

Пристальный взгляд Исмира заставил меня почувствовать неловкость.

«Глупости! – сказала я себе. – Он ничего не может знать!»

- Наедине? – вмешался инспектор. Улыбка его была... похабной? – А может, вы вместе девчонку прибили и алиби друг дружке организовали? Кто из вас придумал на берег-то ехать?

- Мой муж, - ледяным тоном ответила я. – Вы можете обратиться за разъяснениями к нему. А теперь прошу меня извинить!

Оказавшись за дверью (ах, как хотелось от души ею хлопнуть!), я позволила себе на мгновение зажмуриться и прислониться к стене.

Представляю, как бы смаковали версию инспектора газетчики! Убийство юной горничной ее же собственной хозяйкой! Пикантнее, если бы мотивом была ревность, но попытка замести следы преступления тоже сгодится...

На лестнице рядом с констеблем мялся Сигурд, бледный и перепуганный. Исходящий от него душный, жгучий запах хрена и преющего компоста – страх – заставил меня ему посочувствовать. До леденцов вполне могла дойти история о бесцеремонных «ухаживаниях» Сигурда за бедной Уннер, и кто знает, какие выводы они из этого сделают?

Констебль бросил на меня взгляд, но промолчал, внимая бормотанию Сигурда.

Вне себя от злости, я быстро спустилась по лестнице. И примерзла к полу, заметив Петтера за распахнутой дверью гостиной. Он сидел, зажав между колен сцепленные руки, и смотрел прямо перед собой. Губы его шевелись, но ни один звук не срывался с них. Что и кому он пытался рассказать? Оправдываясь? Моля?

Горечь аромата хризантем окутывала его шелестящим покрывалом. Цветы, которые распускаются, когда весь остальной сад умирает. Слишком поздно. Слишком горько.

Мне вдруг отчаянно захотелось подойти, обнять его за плечи, утешить... Глупо и безрассудно.

Надо думать, Ингольв не придет в восторг, если я стану прилюдно демонстрировать привязанность к его ординарцу. Да и сам Петтер сейчас не принял бы от меня ни нежности, ни сочувствия...

Чувствуя странную опустошенность и боль, я вышла из дома. Остановилась на крыльце, подставила лицо мелкому дождю.

Что же я наделала?! И как сложно разобраться в собственных чувствах! Вина, горечь, пронзительная нежность, стыд... Горько-сладкий коктейль, в который щедро добавили льда безнадежности.

Любопытный взгляд проходящего мимо лавочника заставил меня очнуться.

«Уртехюс», мое надежное логово, был тих и мрачен. Хлопала от ветра форточка, которую я забыла притворить вчера, пахло влагой и пролитым кофе...

В комнате как будто стало тесно, и весь мир казался мне большой тюрьмой.

Заперев дверь, я опустилась в кресло, обхватила себя за плечи

и закрыла глаза.

Смешно. Раньше можно было считать себя несчастной овечкой, которую обижает муж. Собственно, так оно и было, но... Теперь я ничем не лучше Ингольва.

Что ж, за все нужно платить. Зато прошлая ночь словно покрылась патиной, отступила в прошлое.

Я поднялась, бездумно сварила крепкий кофе, отпила глоток и провела пальцем по теплому боку чашки. Зерна мне подарил Петтер. И теперь напиток словно пропитался его запахом – к чуть горелому аромату кофе примешивалось древесно-пряное благоухание ветивера. И в памяти моей разом всплыли ощущения: жесткость щетины и нежность пальцев, запах волос и вкус кожи...

Со стуком поставив чашку на стол, я с силой потерла виски. Глупости! Это просто шок. Наваждение...

Решив, что ненужные мысли проще всего прогнать работой, я принялась за дело.

Для начала сварила «денежное» мыло. На «настое» монеток, с эфирным маслом пачули и соблюдением прочих «важнейших ритуалов». По правде говоря, сама я твердо уверена, что без труда никакое волшебное средство не поможет. Но если в людей такие средства вселяют уверенность, то почему бы и нет?

Растениям вообще с давних пор приписывали мистические свойства. Тут и приворот с помощью руты, и заклятье на верность с любистком, и ограждающие от зла чары гвоздики... Сложно сказать, что из этого работает. Зато я твердо знаю, что толика волшебства не повредит. Пусть это даже ничем не обоснованная вера в чудо...

К счастью, меня не тревожили. Один раз кто-то робко поскребся в запертую дверь, однако настаивать не стал – потоптался несколько минут и ушел. Сочтя, что леденцы проявили бы большую напористость, я пожала плечами и вернулась к мылу.

Видеть никого не хотелось, и вообще не хотелось ничего. Ни кофе, ни сластей, ни даже масел...

Из «Уртехюс» я вышла только когда до ужина осталась четверть часа. И замерла на крыльце.

Дождь давно закончился, сквозь тучи даже проглядывало солнце. Наша улица, в обычное время тихая и малолюдная, сейчас наполнилась шумом и голосами. Горожане, обрадованные редкой хорошей погодой, дружно решили прогуляться. Тут же бойкие торговки продавали пирожки, горячее имбирное пиво и конфеты, сновали цветочницы, перекрикивались леденцы...

Как чудесно было бы гулять вот так – с мужем и детьми,

покупать лакомства, болтать о пустяках. У меня никогда этого не будет, разве что Ингольву потребуется изобразить крепкую семью. И от этого хотелось плакать.

Я вернулась в «Уртехюс», надела аромамедальон, в который щедро накапала масел нарда, мускатного шалфея и сандала. Вдохнула густой сладковатый аромат, поправила волосы... И, стараясь ни о чем не думать, отправилась домой.

Дверь мне открыла молоденькая девчонка, в своем сером форменном платье похожая на воробышка. Пахло от нее лавандой и ромашкой – спокойствием и трудолюбием.

- Здравствуйте! – приветливо сказала она, глядя на меня из-под густой челки. Голосок у нее оказался под стать внешности: высокий и звонкий. – Вы к кому?

Я на мгновение оторопела, а потом сообразила:

- Вас только прислали из агентства?

- Да, - девушка неуверенно сделала книксен, явно стесняясь спросить, кто я такая.

- Я – госпожа Мирра, - сжалилась я над ней. – Жена хозяина дома.

- Жена?! – голубые глаза округлились. – Но господин Бранд сказал, что не женат!

Я несколько принужденно улыбнулась. Надо думать, свекор намеренно внушил новой горничной, что особняк принадлежит ему.

- Хозяин дома – полковник Ингольв, сын господина Бранда. А я жена Ингольва. Простите, может быть, вы позволите мне войти?

- Да, конечно! – девушка испугалась, сообразив, что наболтала лишнего. Торопливо посторонилась, снова сделала книксен. – А я – Ринд, госпожа. Простите, госпожа!

- Ничего, - рассеянно отозвалась я, оглядываясь. – А кто дома?

- Господин Бранд и господин Петтер! – добросовестно доложила девушка, слегка покраснев. От нее повеяло нежным ароматом майской розы, и меня захлестнула боль. Совсем недавно Уннер так же очаровательно розовела при имени Петтера.

- Благодарю, Ринд! – прохладно откликнулась я. – Вы можете быть свободны.

Девица испарилась, а я с тяжелым сердцем отправилась в столовую...

К ужину мой благоверный снова не явился, так что трапезничали мы втроем: я, Петтер и свекор. Сидеть за одним столом с юношей после всего произошедшего было неловко, но мне ничего не оставалось, кроме как изображать спокойствие.

И, разумеется, господин Бранд желал поделиться впечатлениями о последних событиях, с воистину слоновьим безразличием не замечая, как неприятна эта тема сотрапезникам.

- Вот додумалась же, мерзавка! – экспрессивно размахивая куриной ножкой, возмущался он. От него изрядно попахивало портвейном, так что в причинах говорливости (и пренебрежения манерам) можно было не сомневаться. – Надо же ей было это проделать у нас под носом! Надумала сдохнуть – так иди сразу в канаву, и делай с собой, что хочешь!

Мы с Петтером угрюмо молчали, глядя каждый в свою тарелку, а господин Бранд живописал, как, должно быть, билась в конвульсиях Уннер. И это прямо на пороге нашего дома! От смакования тошнотворных подробностей ком стоял в горле, а жадное любопытство Сольвейг, которая внимательно прислушивалась к рассказу, вызывало омерзение.

Представляю, каково было Петтеру это слушать!

Юноша казался странно повзрослевшим, будто сегодняшний день состарил его лет на пять. Он ел, не поднимая глаз, и боль выдавал только запах - холодная полынная горечь и раскаленный металл.

Наконец я не выдержала: отложила столовые приборы, стремительно поднялась.

- Благодарю, я сыта. Поднимусь к себе, голова болит. Спокойной ночи!

И стремительно вышла...

Ванну этим вечером я принимала дольше обычного. Нард, роза и лаванда сняли боль и навеяли сонливость, но душевного успокоения не принесли. Выбравшись из воды, я накинула халат и прошла в спальню.

И первое, что увидела – Ринд, стоящую на коленях у стены. Не замечая меня, девушка что-то сосредоточенно делала, и я, приблизившись на цыпочках, заглянула ей через плечо. Ринд зачем-то запихивала в розетку клок ваты.

- Что вы делаете?! – удивилась я во весь голос.

Ринд дернулась, вскрикнула, испуганно обернулась...

- Госпожа Мирра! – придушенно выдохнула она. – Ой, простите! Я просто...

- Просто – что? – уточнила я, подняв брови. Неужели девица пыталась навести порчу?

- Я затыкала розетку на ночь, - пискнула Ринд. – Ну, чтоб электричество не вытекло!

Слово «электричество» она произнесла по слогам, с явной опаской и благоговением.

Каюсь, я расхохоталась. Я понимала, что это попросту

истерика, но никак не могла остановиться.

Надо думать, Петтер услышал странный шум. Распахнул дверь, ворвался в комнату... И замер, во все глаза глядя на меня, покатывающуюся со смеху.

Впрочем, раздумывал он недолго: быстро набрал стакан воды, похлопал меня по щекам и заставил выпить. Пахло от него так знакомо и приятно, что у меня потеплело на душе.

- Ох, спасибо, Петтер! – с чувством поблагодарила я, немного оклемавшись.

- Что случилось? – встревоженно спросил он, посмотрев на едва не плачущую Ринд.

- Ринд решила заткнуть розетки на ночь, - объяснила я. Смех все еще рвался наружу. – Чтобы электричество не вытекло.

Девушка опустила глаза. Щеки ее заливал бурачный румянец.

- Простите, - придушенно попросила она, и я опомнилась. Совсем застыдила девчонку!

- Ничего страшного, - улыбнулась я.

- Давай, я расскажу тебе об электричестве, - великодушно предложил Петтер, распахивая дверь перед Ринд. – Нечего его бояться!

Она просияла, кивнула, потом бросила на меня опасливый взгляд.

Я кивнула, заставляя себя не выдать... ревности?

Они ушли, а я все сидела, невидяще глядя на пламя камина. По стенам метались тени, за окном завывал ветер... Я грела руки у огня, чувствуя себя бесконечно одинокой.

Ночью я почти не спала. Ни масла, ни книжка, ни даже теплое какао не помогли. Я крутилась со стороны в сторону, чутко прислушиваясь, не раздастся ли в коридоре тяжелая поступь мужа. И только ближе к рассвету забылась тревожным сном...

За завтраком я чувствовала себя совершенно разбитой и вяло ковырялась в омлете. На Петтера я старалась не смотреть.

Господин Бранд довольно апатично (после выпитого вчера у него сильно болела голова) сообщил, что Ингольв дома появится только завтра, так что сегодня Петтер должен отвезти меня к морю, а после на пикник.

Сомневаюсь, что дела заговора требуют дневать и ночевать в казарме. Надо думать, муженек рванул на пару дней к любовнице. Впрочем, я ничего не имела против. Пусть развлекается, только подальше от меня!

Уже на выходе из дома меня вдруг окликнула Сольвейг.

- Госпожа!

- Что вы хотели? – поинтересовалась я, натягивая перчатки.

- Можно вас на минутку, госпожа Мирра? – она неуверенно мяла передник. – Я хочу… обсудить с вами меню!

От домоправительницы в кои-то веки тянуло не уксусом, а цитрусами – их запах тонизирует и пробуждает аппетит, к жизни в том числе. На обычно желтоватых скулах Сольвейг сегодня виднелся слабый румянец.

Хм, а ведь знакомство с господином Льётольвом пошло ей на пользу!

Я усмехнулась (повод явно придуман наспех), однако согласилась:

- Разумеется, Сольвейг! Пойдемте на кухню.

Едва скрывшись с глаз Петтера, Сольвейг огляделась (точь-в-точь шпионка в детективе) и сунула мне листок бумаги.

- Что это? – удивилась я, машинально разглаживая бумажку.

- Не смотрите! – потребовала домоправительница нервно. – Передайте это господину Исмиру.

- Хм, - я послушно сложила листок, но единственную накарябанную на нем фразу успела разглядеть. – Должна предупредить, вряд ли я встречу господина Исмира в ближайшее время.

«Я магу по рассказать про Уннер».

- Ну, передайте, когда увидите! – отмахнулась Сольвейг и едва не в спину вытолкала меня из кухни…

Петтер был на диво немногословен. Он молча подал мне руку, помогая спуститься по обледенелым ступенькам; распахнул дверцу автомобиля; тронул машину с места…

Ингойя осталась позади. Петтер без лишних вопросов рулил в сторону все той же бухты. Видимо, отныне мои променады по берегу будут происходить там.

В памяти всплыли некоторые детали прошлой… кхм, прогулки, и я почувствовала, как щеки мои заливает румянец. Нужно отвлечься, заговорить о чем-то другом! Чтобы не думать и не вспоминать.

- Кажется, инспектор Бернгард подозревает меня, - сказала я наигранно легкомысленно.

Петтер бросил на меня взгляд, усмехнулся и качнул головой.

- Вряд ли, - не согласился он. – Скорее меня.

- Но вас-то почему? – удивилась я. – Уннер ваша невеста… – я запнулась и поправилась с усилием: - Была вашей невестой. Вряд ли она давала вам повод для ревности, а другие мотивы не приходят мне в голову.

Покосившись на меня, Петтер еще сильнее сжал руль.

- Не называйте ее моей невестой. В тот раз… Ну, когда у нас с Уннер было свидание, я сказал, что не женюсь на ней. – Голос

юноши звучал устало, но твердо. – Инспектор решил, что я ее... соблазнил и бросил.

- Не женитесь? - не поняла я, туго соображая от недосыпа. - Почему?

Петтер ударил по тормозам так резко, что меня бросило вперед.

- Вы с ума сошли... – начала я, но договорить он мне не дал.

Притянул к себе, крепко поцеловал в губы.

- Петтер, - растерянно произнесла я, когда он наконец позволил мне вдохнуть.

Он слегка улыбнулся, и я только сейчас поняла, насколько он устал. Вокруг его глаз чернели круги, лицо осунулось. Кажется, не одна я не спала этой ночью.

- Разве вы не понимаете, Мирра? – улыбка мелькнула и пропала, теперь Петтер был убийственно серьезен. – Я же люблю вас! Как я мог жениться на другой? Это было бы нечестно. Я очень виноват перед Уннер, что не сразу это понял.

Я вздохнула. Мальчишка! Не думаю, что Уннер порадовала его честность.

- Петтер, я... – слова словно застревали в горле, а исходящий от Петтера аромат - фиалка и миндаль, немножко сливок – кружил голову. Я сглотнула и попробовала снова: - Петтер, послушайте, все было замечательно, но...

- Но вы не хотите продолжать, - закончил он. Запах аниса будто встопорщил острые углы, и к нему добавилась кислинка петитгрейна. Обида. Отстраненность.

- Ингольв – мой муж. – Тихо напомнила я. Радости это обстоятельство мне не доставляло. – И ваш командир, Петтер. Возможно, потом...

- Потом? – странным тоном повторил он. Отвернулся, завел мотор.

Аромат пихты - смолисто-хвойный, прохладный – звучал раскатисто и гулко. Смирение. И крапивой жалила боль.

Только спустя долгую минуту до меня дошло. Петтер ведь уверен, что никакого «потом» не будет. Что эта история закончится для него, как и для остальных, рудниками или казнью.

Но теперь я знала твердо: я сделаю все, чтобы он жил. Нельзя позволить ему стать одной из жертв этого дурацкого заговора!

- Петтер, - беспомощно проговорила я и замолчала. Что тут можно сказать?

Не глядя на меня, Петтер дернул плечом.

- Не надо, *госпожа* Мирра, - он выделил голосом это холодное «госпожа», словно очерчивая границу между нами. – Мне не

нужна ваша жалость.

Сухой аромат чабреца, упрямая резкость эвкалипта... И соленый вкус печали.

А во мне вскипели досада и злость.

- Прекратите! – потребовала я резко. – Зачем вы все усложняете?

- Усложняю? – повторил Петтер горько. – Я бы отдал все на свете, чтобы вы хоть недолго...

Не произнесенное «любили меня» будто повисло в воздухе холодным туманом.

- Не нужно мелодрам, - попросила я, отвернувшись. Я понимала, что причиняю ему боль, но... иначе будет хуже.

Петтер промолчал, и только исходящая от него жаркая перечная горечь выдавала его эмоции.

А меня раздирали противоречивые желания. Хотелось обнять его, попросить прощения за свою резкость. И одновременно – ударить еще больнее.

Безрассудное чувство ко мне принесет ему только разочарование. Нам обоим следует забыть о том, что произошло вчера...

Петтер затормозил на берегу. Сложенные на руле руки, скорбная складка губ... Сейчас казалось, что ему никак не меньше тридцати.

- Я немного прогуляюсь, - выдавила я.

Он молча кивнул, не двигаясь с места.

Я с некоторым трудом выбралась из автомобиля и огляделась. Здесь все было по-прежнему: обрывистые скалы, бушующее внизу море, низкие серые тучи.

Медленно, увязая во влажной глине, я двинулась вдоль берега. Небольшой пляж, как полукруглая сцена, камень, на котором стоял Исмир...

На ступеньках лестницы не осталось и следа льда, но спускаться я не стала.

Подошла к самому краю обрыва и замерла, глядя на воду. Размеренный шум волн, белые клочья пены, неповторимый свежесоленый аромат...

Как же я люблю море!

Вдали, на глубине, мелькнула гибкая тень, и я невольно сделала еще шажок, всматриваясь в размытую серую мглу горизонта...

И вскрикнула, когда меня рывком оттащили назад.

Разумеется, это был Петтер.

- Что вы... – возмутилась я, но он с силой встряхнул меня за плечи, так, что лязгнули зубы.

- Не смейте! Не смейте! – Петтер тряс меня, как грушу. – Слышите? Не смейте!

Обычно смуглое лицо его было иззелена-бледным и испуганным.

- Прекратите! – умудрилась выговорить я, едва не прикусив язык.

Петтер замер, потом с каким-то сдавленным звуком обнял меня. Сердце его отчаянно колотилось.

- Я так испугался, - признался он мне в макушку. Шляпа моя не выдержала тряски и, должно быть, валялась где-то в грязи.

- Глупости, - возразила я. Надо думать, мальчишка вообразил, что я собираюсь прыгнуть.

Он ничего не ответил, только еще сильнее прижал к себе.

И я, каюсь, не удержалась: уткнулась лицом ему в грудь и глубоко вздохнула. Тяжелый терпкий аромат ветивера – как надежный якорь в этом бушующем мире.

Петтер украдкой коснулся губами моих волос, и я, стараясь не думать о возможном продолжении, спросила торопливо:

- А у вас в машине нет кофе?

Он хмыкнул, без труда разгадав мой маневр.

- Есть, конечно!

- Тогда пойдемте! – обрадовалась я.

Потом мы долго пили кофе со свежайшей выпечкой, непринужденно болтая о пустяках, по молчаливому уговору не касаясь болезненных тем.

Я откусила кусочек круассана с абрикосом и прикрыла глаза, едва не мурлыча от удовольствия.

И вздрогнула, когда Петтер коснулся моего подбородка.

- Варенье капнуло, - объяснил он тихо. Глаза его совсем потемнели, и марципановый аромат горького миндаля – отравленная сладость – заставлял сильнее биться сердце.

Я кивнула и осторожно отстранилась.

Что же мне с вами делать, Петтер?!

Время пролетело незаметно. По дороге в Невбьёрн[44], как называлось условленное место пикника, я успела немного подремать.

Разбудил меня негромкий голос Петтера.

- Мирра! – позвал он, слегка встряхнув меня за плечо. И не удержался – пальцы его скользнули по моей шее, зарылись в волосы на затылке... – Приехали.

- Петтер, прекратите! – возмутилась я, сразу проснувшись.

Прикосновения приятны, не спорю, но не на людях же! Хорошо хоть Петтер остановил автомобиль в отдалении, так что вряд ли кто-то заметил допущенную вольность.

И тут же я с ужасом сообразила, что шляпа так и осталась лежать на берегу. А явиться в дамское общество с непокрытыми волосами означает сразу же попасть под подозрение.

Я глубоко вздохнула, заставляя себя успокоиться. Петтер смотрел на меня непонимающе.

- Как я выгляжу? – задала я извечный женский вопрос.

И получила такой же извечный ответ:

- Нормально.

Впрочем, а чего еще я ожидала?

- Благодарю! – ответила я едко.

От юноши повеяло лимонным недоумением. Кажется, он сообразил, что допустил какой-то промах, но не понимал, какой именно...

Пикники в Ингойе – весьма специфическое развлечение. Их проводят в любое время года (впрочем, зима и лето здесь мало чем отличаются). Благо, найти подходящее место несложно - здесь множество гейзеров, вокруг которых в любой сезон достаточно уютно. Если, разумеется, вы можете чувствовать себя уютно, созерцая скудную землю, покрытую лишь мхом и лишайниками. К тому же в горячих источниках вполне можно было купаться.

Неподалеку от мыса Невбьёрн (что в переводе означает «медвежий нос») располагалось одно из самых популярных мест для подобного времяпрепровождения. Здесь были оборудованы две купальни и кабинки для переодевания.

- Здравствуйте! – приветливо произнесла я, приблизившись к группке дам, сидящих на ярких одеялах прямо на земле. – Отличная погода, не правда ли?

По местным меркам, день действительно выдался замечательный. Дождя не было, даже солнце иногда выглядывало из-за туч. Возле купальни было тепло, жаль только, от воды тянуло йодисто-серным духом.

- О, Мирра! Рада тебя видеть! – Гуда улыбнулась и дружески меня обняла. Я вдохнула исходящий от нее лавандовый аромат и улыбнулась в ответ. – Присаживайся! Здесь есть место!

- Благодарю, - я опустилась на покрывало и с некоторым удивлением взглянула на моих соседок, внимание которых было всецело приковано к чему-то в отдалении.

На меня, вопреки моим страхам, почти не обратили внимания. Дамы хихикали и перешептывались, как девчонки.

Я проследила за их взглядами... И едва не выронила бокал с вином.

С противоположной стороны купальни, чтобы не беспокоить дам, устроились курящие мужчины. Среди них прогуливался...

Исмир, к тому же в одних штанах! Обнаженный торс, распущенные белые волосы, браслет на мускулистом предплечье и туманно-голубоватая подвеска на шее...

Вот дракон белозубо улыбнулся, сказал что-то (судя по реакции окружающих, веселую шутку), гибко обернулся... Почти невозможно было поверить, что это – тот самый Исмир, который бросал мне «ненавижу!», а потом изображал ледяную глыбу.

«Айсберг, - всплыло в голове. – Снаружи видна лишь верхушка, а остальное спрятано в темной воде».

Словно не замечая интереса к своей персоне, Исмир прогуливался по берегу, заразительно смеялся, запрокидывая светловолосую голову...

И дамы зачаровано любовались (каюсь, даже я засмотрелась!) игрой его мускулов, грацией фигуры...

А я не могла отделаться от мысли, что это неспроста. Исмир как будто заворожил всех вокруг, и никто не возмущался нарушением приличий, не удивлялся, что делает дракон в человеческом обществе...

Он притягивал все взгляды, словно сверкающий под солнцем голубой лед.

И тут я поняла. Действительно, заворожил!

Вот к Исмиру подошел господин Льётольв, дружески приобнял за локти (выше он не дотягивался), что-то сказал... Обернувшись к нему, Исмир пожал широкими плечами (дамы издали дружное «ах!»), негромко ответил. Господин Льётольв доверительно шепнул ему что-то, и фигуру дракона на мгновение окутало льдистое сияние.

Мельком взглянув в нашу сторону, Исмир ослепительно улыбнулся, встряхнув светлыми волосами. Блеснула одинокая серьга в левом ухе, кулон на шее полыхнул прозрачно-голубым и сиреневым светом...

Украшения странным образом подчеркивали нечеловеческую природу Исмира. Льдистое сверкание хрусталя, нежная фиолетовая прохлада аметистов, голубовато-серое сияние лунного камня... Сверкающие камни будто усиливали его собственный блеск, притягивая все взоры к гибкой хищной фигуре.

Я почувствовала, как по спине моей пробежал холодок. Теперь сцена у купальни виделась мне совсем иначе. Исмир охотился, а его глупая добыча ни о чем не подозревала! Жертвы драконьего обаяния выбалтывали свои секреты так легко и непринужденно, словно всегда мечтали именно об этом.

Чтобы отвести от него взгляд, пришлось до боли сжать кулаки...

Я отпила вина, взяла с блюда канапе, огляделась. Дамы вокруг меня были всецело поглощены Исмиром, и в их стеклянно блестящих глазах, в нескрываемом вожделении было что-то отталкивающее. Сейчас дракон был для них идолом, которому можно принести любые жертвы.

И запах – томный жасмин, густой и тягучий, как мед, головокружительно сладкий иланг-иланг – желание. Чувственный аромат заглушал даже серно-йодистые испарения гейзера.

Хотелось перебить приторный привкус на языке копченой рыбкой или солоновато-маслянистыми оливками. И, разумеется, отказывать себе я не стала.

Кстати... Прожевав кусочек, я вдруг сообразила, что последние два дня меня не мучили боли в желудке. К чему бы это?

Подумать об этом мне не дали. Разочарованный вздох дам заставил меня покоситься на Исмира. Надо думать, он побоялся превысить допустимую концентрацию обаяния, и набросил рубашку. Люди как будто выдохнули – по-прежнему очарованные, но уже не остеклевшие до полной нечувствительности.

- О, боги, какой мужчина! – томно выдохнула госпожа Асхейд.

- Да, очень привлекательный мальчик, - поддакнула пожилая госпожа Ёрдис.

Я спрятала улыбку. Госпоже Ёрдис было чуть за пятьдесят, так что Исмир наверняка старше ее как минимум в три-четыре раза. Его кажущаяся молодость совсем не отвечала жизненному опыту.

- Вот бы мне такого... – мечтательно прошептала юная госпожа Нанна, лишь два месяца назад вышедшая замуж.

Только появление мужчин заставило дам отвлечься от обсуждения достоинств Исмира. Хм, подозреваю, что теперь сторонников поголовного убийства драконов изрядно поубавилось... Любопытно, он рассчитывал на такой эффект?

Исмир блистал. Он скользил в толпе, щедро рассыпая улыбки и шутки, говорил комплименты леди и охотно беседовал с джентльменами.

А я все никак не могла придумать, как передать ему записку Сольвейг. Сделать это открыто значило бы вызвать пересуды...

Наконец общество насытилось едой и разговорами, и единодушно решило перейти к следующему пункту программы. Купание! В горячей коричнево-зеленой воде долго не выдержишь, зато она отменно расслабляет...

Купальные костюмы были довольно строгие: полосатые шерстяные трико до колен у мужчин и укороченные простые платья у женщин, зато местные приличия позволяли всем

купаться в одном бассейне и на виду друг у друга.

В моем родном Мидгарде желающие искупаться заходили в специальные фургончики, запряженные лошадьми. В этих купальных повозках они переодевались, а затем их завозили в море. Спускаться в воду предлагалось по ступенькам в задней части фургона. Условностями позволялось пренебрегать только детям.

Я улыбнулась ностальгически, вспомнив летние месяцы на шумном взморье...

К огромному разочарованию дам Исмир наотрез отказался купаться.

- Я же ледяной дракон! – с улыбкой напомнил он. – Излишнее тепло мне не по вкусу.

Скрытый намек уколол шипом.

Кое-кто из присутствующих смутился, и от зоркого взгляда Исмира это не укрылось. Он улыбнулся – торжествующе и хищно – и отпил немного вина. В это время соседка Исмира неловко повернулась (любопытно, случайно или намеренно?) и толкнула его под локоть. Даже нечеловеческая реакция дракона не спасла – красное вино плеснуло на белую ткань рубашки.

- Ох, простите, я такая неловкая! – госпожа Нанна очаровательно покраснела и стрельнула глазками.

- Ничего, - ответная усмешка Исмира, кажется, заставила некоторых дам схватиться за сердце.

Вот только пахло от дракона сегодня не нежнейшим благородным сандалом, а колкой холодной мятой, кислым любопытством и плесневелым презрением. Он провоцировал людей – и презирал их за готовность поддаться на провокацию.

И я поняла, что с меня хватит. Поднялась, извинилась и отправилась переодеваться.

Однако искупаться мне не довелось. Едва я сняла шубу и начала с помощью служанки расстегивать платье, как снаружи донеслись крики.

- Что с ней? Что случилось? – басил джентльмен.

- Врача, скорее! – требовала какая-то экзальтированная дама. – Врача!

Доктора на пикнике не было, пришлось вмешаться мне.

Я торопливо пробежала пальцами по мелким пуговкам, набросила шубу и выскочила наружу.

Открывшаяся сцена заставила меня ускорить шаги. На руках у дракона возлежала обморочная дама, вокруг суетились люди...

Я едва не споткнулась, заметив, что «потерявшая сознание» госпожа Ёрдис втихомолку... щупала Исмира за мягкое место!

В полном соответствии со своим именем («Богиня с мечом»)

эта пожилая валькирия, не колеблясь, пошла на приступ.

Исмир терпел и страдальчески улыбался. Скандал разрушил бы все, чего он добился.

Хм, полагаю, госпожа Ёрдис сполна отомстила дракону за сегодняшний театр одного актера...

«Привести в чувство» бедняжку удалось с трудом. Она незаметно, но активно сопротивлялась всяким попыткам и сдалась, только когда Исмир, у которого кончилось терпение, довольно бесцеремонно сгрузил ее на покрывало.

- Простите, дамы и господа, мне пора! – сообщил он, вызвав общий разочарованный вздох. На все протесты Исмир только улыбался и разводил руками.

Надо думать, нервы дракона нуждались в некотором успокоении.

Попрощавшись со всем, напоследок Исмир подошел ко мне. Это был единственный знак внимания, которым он одарил меня сегодня, и я, признаюсь, не удержалась от иронии.

- Хотите, я пришлю вам валерьянки? – предложила я тихо, дождавшись, когда любопытные отвлекутся на уже переодевшихся дам. – Думаю, она вам пригодится. К сожалению, с собой у меня нет, но я могу заказать у аптекаря...

- Издеваетесь? – Исмир приподнял брови. – А мне казалось, вы весьма пристально за мной наблюдали.

Я усмехнулась. Надо признать, теперь у меня имелась отличная возможность выполнить просьбу Сольвейг.

- Разумеется, - согласилась я, пожав плечами. – Должна признать, представление вышло отменным, но я наблюдала за вами не потому.

- А почему же? – на лице Исмира было написано вежливое удивление, а в запахе – сладковато-пряном базилике – читалось недоверие.

Спиной чувствуя любопытные взгляды, я протянула ему руку и, не отвечая, произнесла громче:

- Рада была с вами пообщаться, господин Исмир!

Он взял мою руку, коснулся кожи (перчатки я сняла, хлопоча над госпожой Ёрдис) поцелуем.

А в ладонь его незаметно скользнул листок бумаги.

Дракон хищно ухмыльнулся и сообщил чуть слышно:

- Сегодня я к вам загляну. Ждите!

Я запоздало сообразила, что он принял происходящее за просьбу о свидании.

Исмир стремительно отошел, не давая что-то объяснить. Удалившись на достаточное расстояние, он сделал странный жест, его фигура окуталась дымкой... и вот уже в небе летел

голубовато-белый дракон...

Купались не все, некоторые прогуливались по деревянным мосткам, подоткнув юбки.

Конечно, простить мне явного «благоволения» своего кумира дамы не могли. И безошибочно выбрали способ меня уязвить.

- А знаете, полковник Ингольв совсем потерял голову от своей медсестры! – доверительно сообщила одна дама другой. Сказано это было так, чтобы я непременно услышала.

- Да вы что? – «удивилась» вторая.

- Правда-правда! – первая всплеснула руками. - Он без памяти влюблен и даже не скрывает этого! Представляете, ювелир рассказал мне – под большим секретом, конечно! – что полковник купил роскошные бриллианты!

- И явно не для жены! – хихикнула третья подруга.

- Бедная госпожа Мирра! – покачала головой вторая.

- Она сама виновата! – не согласилась первая. – Мужа нужно держать у своей юбки, а не пропадать целыми днями невесть где!

Я через силу усмехнулась и огляделась в поисках Гуды.

Если муж погуливает, его ругают – чуть-чуть, но виноватой все равно считают жену... А вот измена жены – явный вызов обществу. Неверную супругу осудят все.

Прощаясь, Гуда явно испытывала неловкость. Надо думать, обо мне придумали очередные гадости. И отсутствие шляпы тоже наверняка заметили.

Боюсь, в ближайшее время мне не захочется снова выходить в свет...

Я смогла глубоко вдохнуть, только оказавшись в автомобиле.

- Домой, - велела я, откидываясь на мягкую спинку, прикрыла глаза... и едва не выругалась вслух. От Петтера несло ядреной горчицей - жгучей ревностью – и желчью.

- Как прикажете, - откликнулся он, заводя мотор. В запахе промелькнула обиженная нотка аниса.

«За что мне такое наказание?!» - тоскливо подумала я, чувствуя бесконечную усталость. События последних дней совсем меня вымотали, а две бессонные ночи кряду добили окончательно.

- Петтер, прекратите! – попросила я, не открывая глаз. – Между мной и господином Исмиром дело не зашло дальше нескольких поцелуев.

И тут же поняла, что последнее брякнула зря. От юноши резко потянуло горячей смолой и раскаленным металлом. Жгучая боль.

- Петтер, - я вздохнула и нехотя распахнула глаза. Петтер на меня не смотрел, якобы полностью поглощенный дорогой.

Темные глаза прищурены, челюсти сжаты... – Ну что за глупости? К мужу вы меня не ревнуете, а из-за крохи внимания Исмира встаете на дыбы!

- Господина полковника вы не любите! – возразил Петтер резко. Надо думать, все это время он наблюдал за мной из автомобиля.

Я принялась на ощупь поправлять прическу.

- Успокойтесь, я и господина Исмира не люблю! – заверила я.

Это чувство слишком дорого мне обошлось, чтобы рискнуть еще раз.

Юноша отвернулся, а к запаху его добавилась полынная горечь.

«И меня вы не любите тоже!» - хотел сказать он. Но промолчал...

Тихая нежность Петтера - как негромкие аккорды, когда музыкант осторожно и задумчиво перебирает гитарные струны. А потом резкий удар – и звон словно отдается в позвоночнике.

И так жаль, что давно смолкло то, что звучало во мне когда-то...

Я помотала головой, досадуя на себя. От усталости путаются мысли, вот я и думаю о глупостях!

Петтер высадил меня возле «Уртехюс». Держался он отстраненно и подчеркнуто вежливо. Даже сухой и горячий аромат ветивера словно подернулся ледком.

Что же, возможно, это к лучшему? Я давно замужем, и мой сын младше Петтера всего лет на семь-восемь! Ну что там может быть у нас?!

Почему же тогда мне так горько?..

Так и не найдя ответа на этот вопрос, я проводила взглядом рванувший с места автомобиль и медленно пошла в «Уртехюс».

Руки привычно нашарили ключ, зажгли свечу, открыли замок. Я вошла, заперла дверь и прислонилась лбом к прохладному гладкому дереву.

Простите меня, Петтер...

Я заставила себя успокоиться. Заварила мятный чай, съела немного кураги, припрятанной в одном из шкафчиков на черный день, накапала в аромамедальон масла нарда.

А потом занялась приготовлением давно заказанных духов.

Парфюмерию воспринимают по-разному. Для кого-то это банальное желание приятно пахнуть, для кого-то случайная прихоть, а для кого-то настоящее волшебство.

Казалось бы, волшебству положено возникать по мановению руки. Не знаю, как обстоит дело с настоящей магией, а при изготовлении духов требуется малая толика вдохновения и

много-много терпения.

Идея аромата может быть передана разными компонентами, например, ванильную ноту дает как собственно ваниль, так и бензоин или лабданум.

При этом разная их концентрация придает духам разные оттенки. И понять, как будет пахнуть готовая композиция, можно только на практике.

Сначала делаются пробы, для которых используют сильно разбавленные масла. В нескольких флакончиках с маслом или спиртом смешиваются задуманные составы. В этом пузырьке – на каплю больше ладана, вот в этом – чуть-чуть меньше грейпфрута, а тут вместо жасмина самбака - более низкий и густой аромат жасмина грандифлорума.

Далее пробам предстоит настояться от месяца до полугода, и лишь можно определить, какой состав «звучит» гармоничнее и больше соответствует задуманному.

В описании, разумеется, все это выглядит скупо и сухо. Рецепты, пропорции, пробы...

В реальности же натуральные духи – это не просто приятный запах.

Парфюмерия – отличный инструмент. Друг, готовый поддержать и поднять настроение. Сообщник, мягким шепотом заманивающий любимого в спальню. Начальник, заставляющий собраться и работать...

Это занятие настолько меня увлекло, что тоска и боль почти сразу отступили. Только где-то внутри словно застряла заноза...

Я увлеклась ароматной алхимией настолько, что не сразу услышала стук в дверь.

Оставив в сторону очередной пузырек, я крикнула:

- Пожалуйста, подождите минутку! – и торопливо сняла рабочий фартук (некоторые эфирные масла оставляют на одежде темные пятна, не говоря уж о жирных следах от масел растительных).

За дверью обнаружился Исмир. От многочисленных безделушек он уже избавился, только покачивалась в ухе серьга и виднелась в разрезе рубашки подвеска, похожая на голубоватую слезинку, заточенную в бисерную оправу.

Я так увлеклась разглядыванием украшений, что очнулась только от многозначительного покашливания.

- Вы не пригласите меня войти? – поинтересовался Исмир, приподнимая брови.

- Ох, простите! – спохватилась я и посторонилась. – Пожалуйста, проходите.

- Благодарю! – он церемонно склонил светловолосую голову,

и только остро-сладкий аромат литцеи кубебы выдавал иронию.

И нежнейший, деликатный, кремовый сандал словно коснулся кожи мягким шелком.

Я улыбнулась, чувствуя невыразимое облегчение. Кажется, дракон наконец пришел в себя.

Однако от того безмятежного спокойствия, которым от него веяло в нашу первую встречу, остались лишь жалкие крохи.

- Присаживайтесь, - предложила я. – Хотите чай, кофе? Или... – я помедлила, вспомнив запах крепкого алкоголя от Исмира в нашу последнюю встречу в «Уртехюс». И не удержалась: – Может быть, хельского самогона?

Чудесный напиток годился для чистки двигателей (недавно Петтер выпросил себе немного), а также делал мыло прозрачным, как вода (в чем вполне заменял спирт). Так что подарком благодарных хель я очень дорожила, но ради Исмира готова была расщедриться. Хотя бы ради того, чтобы вживую увидеть употребление им этой гадости. Зрелище обещало стать незабываемым: утонченный Исмир, хлещущий самогон и закусывающий салом с луком...

От представившейся картинки я развеселилась.

Исмир усмехнулся хищно, и по шелку сандала словно заструилась шелковая же вышивка нероли.

– На свидании неучтиво пить такие крепкие напитки. Холодной воды, будьте добры.

На что он намекал? Что кавалер может набраться и приставать, или что приставания эти из-за выпитого могут обернуться пшиком? Или что дама может обидеться, вспомнив известное изречение насчет некрасивых женщин и водки...

Впрочем, меня куда больше интересовало другое.

- Разве у нас свидание? – удивилась я, делая вид, будто сильно занята вытиранием стакана.

- Но ведь вы меня пригласили! – Исмир развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и следил за мной с видом кошки, искоса наблюдающей за мышкой.

- Я вас не приглашала, - запротестовала я, ставя перед ним затребованную воду. Хотелось добавить в нее лимона, чтобы немного подкислить медовую улыбку дракона, и удержалась я с некоторым трудом. – Я всего лишь передала вам записку.

- От другой женщины! – воскликнул Исмир, мелодраматично прижав руку к сердцу. Пахло от него мандарином, перцем и сладко-горько-кислым грейпфрутом – насмешливым весельем. – Вы разбили мне сердце!

- Вы шутите, - констатировала я с облегчением.– Думаю, Сольвейг ждет вас с нетерпением. Вам показать дорогу?

Исмир разом посерьезнел, выпрямился и как-то подобрался.

- Видите ли, я не хочу идти в ваш дом, - признался он негромко. – Если Сольвейг действительно знает что-то важное, то мое появление может спугнуть убийцу.

- Вы думаете, что это кто-то из домочадцев или слуг, - поняла я, чувствуя неприятный холодок в груди.

- Вероятнее всего, - Исмир пожал плечами. Сочувствием от него не пахло. – Если кухарка что-то знает об убийстве горничной, очевидно, оно имеет некоторое отношение к дому, где они служили.

- Понятно, - я с трудом сглотнула и отвернулась. – Вы хотите, чтобы я позвала Сольвейг сюда, верно? Вы же за этим пришли?

Исмир подошел так тихо, что я не услышала шагов и вздрогнула, когда его дыхание коснулось моей шеи.

- Не только, - он стоял так близко, что я могла разобрать все нюансы аромата сандала. Исмир тронул меня за плечо, заставляя обернуться.

- Я позову Сольвейг! – пообещала я, стараясь выказать спокойствие, которого на самом деле не испытывала.

Если придется прямо отказать Исмиру, то не затаит ли он обиду? И не скажется ли это на нашей с Валерианом судьбе?

Под внимательным взглядом дракона я торопливо набросила шаль и выскочила из «Уртехюс»...

Дверь в дом открыл Петтер. И, увидев меня, он побледнел и прикусил губу.

- Госпожа Мирра? – неуверенно произнес он, зачем-то оглядываясь через плечо.

И запах стыда – не жгучего, резкого, как чили, заставляющего алеть щеками и прятать глаза, а стыда от неловкости, когда кто-то в твоем присутствии поступает дурно. Ночная фиалка.

Хм, неужели Сольвейг привела господина Льётольва и милуется с ним на кухне? Нет, это не в привычках любвеобильного интенданта, не для того он постоянно снимает несколько «любовных гнездышек».

- Петтер, что там происходит? – поинтересовалась я, делая шаг вперед.

Юноше поневоле пришлось немного отступить.

- Госпожа Мирра, не нужно! – попросил он тихо, и аромат ладана с ветивером – желание защитить – разбудил во мне дурные предчувствия.

Петтер снова оглянулся, потом, на что-то решившись, схватил меня за руку (я только приглушенно пискнула), втянул в холл и толкнул в нишу под лестницей. Не успела я спросить, что происходит, как Петтер предостерегающе приложил палец к

губам и отступил в сторону.

Следом послышались шаги, низкий мужской голос, мелодичный женский смех... И я замерла с открытым ртом. Двое спускались сверху, от спален.

- Все в порядке, Петтер? – бросил Ингольв между делом, накидывая на плечи Ингрид соболью шубу.

- Да, господин полковник! – без запинки откликнулся юноша, вытянувшись по струнке.

Надо думать, его оставили на страже, чтобы никто не вломился в самый пикантный момент.

- Молодец, - снисходительно похвалил муж, заботливо поправляя меховой капюшон на любовнице. От них крепко пахло мускусом и амброй. – Жди здесь, я сам отвезу Ингрид!

- Как прикажете, - Петтер склонил темноволосую голову, с бесстрастным лицом наблюдая, как веселая пара направляется к выходу.

- Родная, ты присмотри за Валерианом, - попросил Ингольв, очевидно, продолжая начатый разговор. – Он меня беспокоит.

- Конечно, милый! – ответила Ингрид, не задумываясь, и потерлась щекой о его плечо.

Мягкий смех, звук поцелуя, хлопнувшая дверь, и все стихло.

А я от боли и ярости забыла, как дышать. Можно простить многократные измены, но то, что муж привел любовницу в наш дом, быть может, уложил на мою постель... И поселил вместе с моим сыном! Это было невыносимо.

- Мирра? – негромко позвал Петтер, подходя ко мне.

- Да, - с трудом выдавила я. А я, дурочка, еще казнилась за неверность мужу!

От юноши пахло чуть пряной свежей зеленью и садовой земляникой.

И, шагнув вперед, я порывисто прижалась к его груди, вцепилась руками в шинель, прячась в нежном благоухании от гнева и саднящей боли в груди. Твердое решение держаться подальше от Петтера забылось, перестало казаться важным.

- Мирра, - Петтер осторожно погладил меня по голове и вдруг, притиснув к себе, принялся лихорадочно целовать мое лицо. – Простите меня!

- За что?! – удивилась я, прикрывая глаза.

- Господин полковник обижает вас, - глухо проговорил Петтер, уткнувшись лбом в мой лоб. – А я ничего, ничего не могу сделать!

- Не выдумывайте, - попросила я. Нежно провела рукой по его колючей щеке, утонула в темных глазах.

Надо думать, Петтеру невыносимо было смотреть на это все.

Не иметь возможности защитить любимую – и одновременно понимать, что только из-за дурного обращения мужа я ему изменила. Изменила с ним, Петтером.

Повинуясь порыву, я поднялась на цыпочки, коснулась губами губ юноши.

Он жадно ответил на поцелуй. Цветочно-травянистый аромат нарцисса, влекущая сладость иланг-иланга – и кружилась голова, и не осталось сил разомкнуть объятия...

Звуки доносились до меня словно сквозь вату. Стук двери, звон, чей-то приглушенный вскрик.

Петтер отстранился, тяжело дыша, а я посмотрела через его плечо... и встретилась взглядом с Сольвейг. У ног ее лежал поднос со столовым серебром (видимо, свеже вычищенным).

Разумеется, она все видела. Я обреченно выругалась про себя (надо же быть такой дурочкой, чтобы целоваться под лестницей!) и поняла, что нужно немедленно что-то предпринять.

- Сольвейг, одевайтесь и пойдем! – велела я, не давая ей опомниться.

- К-куда? – выдавила ошеломленная кухарка.

- В «Уртехюс»! – ответила я, высвобождаясь из рук Петтера. И, понизив голос, пояснила: - Там господин Исмир.

- А-а-а, - протянула Сольвейг, явно ничего не понимая.

Пахло от нее туалетным уксусом, состоящим из уксусной кислоты, цитрусового одеколона и эфирного масла гвоздики. Изумление, неверие, растерянность в равных долях.

- Петтер, будьте добры, принесите Сольвейг пальто, - попросила я.

Юноша кивнул и отправился выполнять поручение. Судя по жгучему аромату чистотела, он ругал себя последними словами.

Сольвейг была настолько ошеломлена, что молча оделась и последовала за мной, как овца на веревочке. Петтер остался дома, и на глазах у Сольвейг я не рискнула сказать ему хоть слово.

Я вела Сольвейг в «Уртехюс», лихорадочно прикидывая, не попробовать ли ее запугать или подкупить. К йотуну, будь что будет. Я бесконечно устала от притворства.

- Проходите, - пригласила я, открывая дверь перед Сольвейг.

Она кивнула и, шагнув вперед, остановилась рядом, не глядя на меня и нерешительно кусая бледные губы.

- Я никому не скажу! – пообещала Сольвейг вдруг. – Ну, об этом.

- Спасибо, - только и ответила я.

Оказывается, и ей не чужда человечность...

Переступив через порог, Сольвейг будто споткнулась. Неловко сделала книксен, замерла, комкая фартук.

- Господин Исмир? – проговорила она нерешительно.

И запах – почтительно-благоговейный аромат ладана – словно окружал ее фиолетовым покрывалом.

Я заперла дверь, собираясь отправиться в свою лабораторию, чтобы не мешать беседе... И едва не присвистнула самым вульгарным образом.

За время моего отсутствия Исмир разительно изменился.

Исчезли расстегнутая рубашка, встрепанный хвост, иронично-колкий аромат литцеи кубебы, небрежные манеры. Перед нами стоял ледяной дракон, величественный и чуждый в каждой своей черте. Заострилось лицо, на скулах проступили льдистые чешуйки, глаза сверкали бесшабашной яростью, а плавная грация движений отчего-то заставляла меня опасливо ежиться.

В исходящем от Исмира мягком туманно-мускусном облаке сандала ощущались скользкий бергамот и льдистая мята.

- Госпожа Мирра, будьте добры, угостите нашу гостью чем-нибудь расслабляющим! – попросил дракон, жестом приглашая Сольвейг присаживаться. Сам он остался стоять у горящего камина.

Отбросив абсурдную мысль, что пламя может растопить льдину, в которую превратился Исмир, я кивнула и распахнула шкафчик.

Хм, думается, Сольвейг придется по вкусу вишневая наливка. Нет, пожалуй, лучше крепкая травяная настойка с апельсином, слегка присыпанная корицей. Бедной домоправительнице (надо же, я с удивлением обнаружила, что мне действительно немного ее жаль!) стоит поддержать силы.

Сама я решила составить ей компанию. От ледяного великолепия Исмира пробирала дрожь, и мне не мешало согреться.

Сольвейг примостилась на краешке кресла, сложив руки на коленях. Кажется, она уже оправилась от первоначального ошеломления, но угощение приняла с благодарностью. Она залихватски хлебнула настойки и заметно расслабилась, о чем свидетельствовал пряный аромат кардамона.

На губах Исмира обозначилась тень улыбки, и я запоздало сообразила, что даже не предложила ему присоединиться к компании.

- Я вас внимательно слушаю, - напомнил он повеселевшей Сольвейг.

- А, да! – домоправительница встрепенулась, вспомнив наконец цель своего прихода, и даже привычная кислая нота проскользнула в ее запахе. И слава богам, а то я уже почти поверила, что совершенно не знала Сольвейг. – Не знаю, надо оно

вам или нет. Но я видела Уннер с мужчиной! – И добавила многозначительно: - С *другим* мужчиной, не с Петтером! Ох...

Последнее восклицание вырвалось у нее мимо воли, выдавая растерянность и неловкость. Это похоже на мирт – прозрачно-серебристый, горьковато-травяной – но с резкой нотой гвоздики.

Я едва не подавилась настойкой. Надо думать, Сольвейг вспомнила увиденное сегодня и сообразила, что и Петтер не был верен своей невесте.

- Как интересно, - поощрительно кивнул Исмир. Глаза его сверкали ледяным искристым огнем. Хм, надеюсь, он не заметил странную реакцию Сольвейг. – Расскажите поподробнее, прошу вас!

Определенно, сегодня Исмир являл собой образец вежливости!

- Я... – Сольвейг опустила глаза и зачастила: - В тот день, ну, когда ее убили, я ходила к ней домой. Я знаю, где живут ее родители, вот и решила. Она уже несколько дней прогуливала, вроде как из-за семейных дел, а всю работу на меня свалила! А я не могу и убирать, и стряпать, и на стол подавать, и посуду мыть! Сколько можно? Вот я вчера и пошла. Поговорить хотела.

Она бросила на меня взгляд, очевидно, ожидая, что я стану защищать Уннер. Но я молчала, стиснув ножку рюмки.

- Продолжайте, - попросил Исмир, чуть подавшись вперед. В его напряженной позе читался азарт, нетерпение хищника, учуявшего добычу.

- Ну я только за угол завернула, глядь, а там Уннер прям на пороге дома с мужчиной разговаривает! С джентльменом! А потом она к нему в авто села и фьють!

- Как интересно, - пробормотал Исмир, потирая пальцем подбородок. – Вы его узнали?

- Нет, - с сожалением вздохнула Сольвейг. – Ну мне ничего не оставалось, как уйти, несолёно хлебавши. Не бежать же следом!

- А почему вы сразу об этом не рассказали? – вмешалась я. – Вас ведь наверняка допрашивала полиция!

- Грубиян-констебль! – негодующе фыркнула она. И я поневоле улыбнулась, столь знакомым было это уксуснокислое негодование. – И слова мне вставить не дал! Задал-то всего два вопроса: видела ли я, как девчонка на крыльце оказалась и знаю ли, где она тот яд взяла!

- Почему же вы не обратились к инспектору Бернгарду? – для проформы поинтересовался Исмир. Судя по отсутствующему виду дракона, ответ его интересовал мало.

Впрочем, догадаться было несложно.

Сольвейг не обманула наших ожиданий.

- А Берни еще хуже! Нахал! – припечатала она, гордо выпрямившись.

Я спрятала улыбку. Судя по кислому аромату щавеля и свежего лука, инспектор вел себя слишком вольно, а милейшая Сольвейг не собиралась изменять обожаемому интенданту.

Любопытно, не попытается ли она потом, когда немного успокоится, меня шантажировать? Впрочем, вряд ли. Свободных денег у меня нет, никакой власти в доме тоже, так какой смысл?

К тому же пора привыкать к мысли, что жить в Ингойе мне осталось совсем недолго...

- Госпожа Мирра! – повысил голос Исмир, заставив меня вздрогнуть.

- Да, господин Исмир, - откликнулась я, поднимая голову. Видимо, он обращался ко мне не первый раз, но, увлекшись размышлениями, я пропустила его слова мимо ушей. – Слушаю вас!

- Будьте добры, дайте мне таз с водой! – терпеливо повторил Исмир.

Вокруг него будто сверкал ярко-голубой эвкалипт - напряженное внимание и интерес.

- Конечно, - согласилась я, не слишком, впрочем, понимая, зачем дракону понадобился столь прозаичные вещи. – Вот, этот подойдет?

Медный тазик, обычно используемый для водной бани, дракона вполне устроил.

Засучив рукава, Исмир склонился над ним. Повел рукой, усмехнулся своему отражению – и вода стремительно, с громким треском, покрылась коркой льда.

- Возьмите! – велел он, протягивая таз Сольвейг. Та нерешительно приняла, вскрикнула, едва не уронив. Надо думать, металл был обжигающе холодным.

Исмир вздохнул и перехватил емкость, приказав резко:

- Кладите ладони на мои руки. И представляйте Уннер с тем мужчиной. – Видя, что Сольвейг опасливо отшатнулась, дракон рявкнул: - Ну же, быстро!

Тут уж пригнуться захотелось мне. Я подумала – и глотнула горькой травяной настойки. В голове сразу приятно зашумело.

Сольвейг, втянув голову в плечи, покорно выполнила его указания.

Они вместе склонились над тазом. Подходить к ним я не рискнула, вместо того принялась выставлять на столик заказы, которые должны были забрать сегодня. Бодрящее масло для ванн с ароматом лайма и базилика; мятно-анисовые капли для горла; подарочный набор небольших мылец причудливых форм...

- Ильин! – голос Исмира звенел злым торжеством.

Дракон поднял взгляд, и я поразилась, сколько ярости сверкало в нем.

- Доктор Ильин? – уточнила я недоверчиво. В голове не укладывалось, что доктор Ильин мог ухаживать за Уннер. Он даже ни разу не бывал в нашем доме! Где они вообще могли познакомиться?

Исмир кивнул, отставил в сторону таз, и Сольвейг без сил упала в кресло, словно марионетка с обрезанными нитями.

Дракон зло прищурился – и вдруг хлопнуло, открываясь, окно. Ветер засвистел в комнате, горстями разбрасывая снег. Вокруг Исмира закружилась настоящая вьюга, пол стремительно покрывался наледью. Сольвейг вжалась в кресло, с ужасом наблюдая за бушующей стихией.

- Господин Исмир! – резко произнесла я, прикидывая, не плеснуть ли в него чем-нибудь. – Прекратите!

Лицо мое кололи злые льдинки, а платье совершенно не спасало от холода. Еще немного, и нам с Сольвейг обеспечена простуда. Приближаться к дракону я опасалась – казалось, стоит только вступить в свистящий снежный водоворот, и мгновенно превратишься в ледяную статую...

К счастью, окрик подействовал: Исмир мотнул головой, с силой растер лицо руками – и снег со льдом покорно превратились в безобидные лужи.

Дрожа, я быстро закрыла окно и огляделась, оценивая ущерб. К счастью, дверь в лабораторию была закрыта, так что мои драгоценные масла и травы не пострадали. Зато приемная - кресла, занавеси, пол - пропиталась влагой, как губка.

- С вас компенсация ущерба! – досадливо произнесла я, созерцая жалкое зрелище.

- Договорились, госпожа Мирра! – хмыкнул уже совершенно спокойный Исмир.

А я запоздало сообразила, что ни времени, ни надобности в ремонте «Уртехюс» у меня уже не будет.

И, чтобы отвлечься от грустных мыслей, я принялась варить кофе. Напиток выдался на славу – с корицей, имбирем и коньяком. Всего несколько глотков, и по телу заструилось благословенное тепло.

Исмир тигром кружил по комнате, судя по нахмуренным бровям, рассуждая о чем-то весьма неприятном.

Сольвейг приняла свою чашку опасливо. Понюхав, поморщилась, однако выпила – залпом, как горькое лекарство. Зато сразу приободрилась.

- Я пойду? – опасливо спросила она, отставляя в сторону

чашку.

- Разумеется, - ответила я, не дожидаясь Исмира. – Впрочем, подождите минутку.

Идея пришла мне в голову неожиданно, но показалась вполне здравой.

Заглянув в лабораторию, я быстро нашла нужный пузырек и, вернувшись, протянула его Сольвейг.

- Возьмите. Принимайте по четверти чайной ложки каждое утро за полчаса до еды.

- Зачем это? – домоправительница не торопилась принимать подарок.

Я усмехнулась: неужели она полагает, что я стану травить нежелательных свидетелей? Признаю, мысль соблазнительная, но это не в моих правилах.

- Это, - я покосилась на дракона и объяснила обтекаемо: - от женских неожиданностей.

До Сольвейг дошло не сразу.

- О, - ее желтоватые щеки залил жаркий румянец. Сольвейг опустила глаза и быстро схватила с моей ладони заветную бутылочку.

Надо думать, возможность зачать от господина Льётольва Сольвейг не прельщала.

- Спасибо, госпожа Мирра! – сдавленно поблагодарила она. – Вы... В общем, простите, что я так к вам...

Она махнула рукой, не находя слов и, придерживая наброшенное на плечи пальто, почти бегом рванула к выходу.

А я, развеселившись, смотрела ей вслед. Надо же, что любовь с людьми делает!..

Исмир стоял, облокотившись на каминную полку, и выстукивал пальцами какой-то ритм.

- Ничего не складывается! – он досадливо хлопнул ладонью по камню и начал расхаживать по комнате.

Я подумала и принялась варить еще кофе. Себе - с корицей, кардамоном, имбирем и гвоздикой. Исмиру же, памятуя о его небанальной реакции на некоторые специи, - с мятой и со льдом.

Заодно я налила в аромалампу масла лайма и базилика, чтобы освежить мысли.

- Господин Исмир! – окликнула я, когда все было готово. – Присядьте и выпейте это!

Дракон посмотрел на меня с удивлением, но опустился в кресло напротив. Опасливо понюхал напиток (я фыркнула в свою чашку, едва не расплескав кофе), осторожно попробовал и наконец чуть улыбнулся.

- Недурно! – похвалил он и с явным удовольствием отпил

большой глоток.

- Благодарю! – я чуть наклонила голову и предложила: - Давайте подумаем вместе!

- Вместе? – переспросил он с какой-то странной интонацией. Вокруг него словно кружилась метель из невесомых лепестков белых роз. Цветочный букет в снегу. – Что ж, давайте попробуем. Итак, ваши соображения?

- Хм, - я всерьез задумалась, потом принялась говорить, загибая пальцы. – Во-первых, я не могу даже представить, как Уннер и доктор Ильин могли познакомиться. В наш дом он точно не приходил – и, кстати, Сольвейг его не узнала, а Уннер не так уж часто выходила на улицу. Во-вторых, если даже между ними завязались какие-то отношения, сложно вообразить, чтобы они хм... встречались у родителей Уннер. Они довольно суровые люди и вряд ли потерпели бы в своем доме такое. А в-третьих... – Я поколебалась, но призналась: - Знаете, я не могу поверить, что Уннер изменяла Петтеру. Можно лгать на словах, но лгать запахом нельзя. Скрыть – возможно, но не солгать. И я могу поклясться, что Уннер была без памяти влюблена в Петтера.

- Верно, - кивнул Исмир, кажется, с искренним интересом выслушав мои выкладки. – Мы выяснили, что неделю назад она расцарапала лицо девушке из соседнего дома, которая с ним кокетничала.

«А Петтер, оказывается, сердцеед!» - подумала я с неожиданным весельем.

- Послушайте, может быть, когда она решила... Возможно, она просила доктора раздобыть яд? – осенило меня вдруг. – А потом уже заглянула в «Уртехюс». Правда, все равно неясно, где они могли познакомиться.

Исмир резко помрачнел. От него потянуло рыбьим жиром – неприятной правдой, и стало ясно, что слова его мне не понравятся.

- Она не покончила с собой! – сказал он резко. – Судя по имеющимся на теле следам, яд в нее влили насильно. А потом уже мертвую подбросили к дому.

Я сжала кулаки, до боли вонзая ногти в ладони. Бедная Уннер! Такая страшная смерть!

- Не понимаю, за что ее убили, - я с силой растерла виски, пытаясь унять слишком буйное воображение. – И какое отношение все это имеет к смерти мэра?!

- Это как раз проще всего, - пожал плечами Исмир и, допив кофе, объяснил спокойно: - Полагаю, аптекарь не лжет, и Уннер действительно купила у него валериану, якобы для вас.

- Рада, что вы наконец мне поверили! – не удержалась от

иронии я, отметив это «якобы», потом с сомнением покачала головой: – Зачем Уннер это делать? Какая-то нелепость!

Дракон хмыкнул и поднял брови.

- Неужели даже не догадываетесь? – он смотрел на меня с насмешливым удивлением. – Несложно заметить, что мальчишка влюблен в вас без памяти. А Уннер, как мы убедились, была особой ревнивой...

Сдержать предательский румянец оказалось непросто. И, как я ни старалась, не могла найти иного объяснения или хотя бы противоречий в предложенной Исмиром версии.

- В последние дни она вела себя необычно, - вспомнила я вдруг. – Была совсем на себя не похожа.

Исмир подался вперед.

- Это было до или после убийства мэра?

- После, - уверенно ответила я. – Накануне Уннер была веселой, что-то щебетала о своих планах на совместную жизнь с Петтером...

Я замолчала, сообразив, что на пути этих планов оказалась я сама.

- А потом мальчишка отказался на ней жениться, - задумчиво проговорил Исмир. Глаза его, похожие на кусочки северного голубоватого льда, сверкали азартом. – Полагаю, она догадалась или, возможно, ей подсказали, кто в этом виноват. И когда Уннер представилась возможность отомстить, она легко ею воспользовалась.

Я зябко передернула плечами. Действительно, с помощью Уннер совсем несложно было подбросить полиции любые доказательства моей вины.

- Позже она поняла, что натворила, - предположила я, заново оценивая все странности ее поведения в последние дни. – Думаю, ей стало стыдно. – Исмир усмехнулся, кажется, не слишком веря в человеческую совесть, но я упрямо продолжила: - Некоторое время она пряталась в доме родителей под предлогом болезни матери, а потом...

- Вы хотите сказать, что она раскаялась и решила идти в полицию? – скептицизм Исмира ощущался сладко-горько-кислым аккордом грейпфрута и свеже-едкой цитронеллой.

- А почему нет? – я пожала плечами. – Насколько я знаю Уннер, она вполне могла сгоряча наделать глупостей, а потом искренне о них жалеть. Если она проговорилась убийце о своих намерениях...

Я не закончила фразу, но Исмир догадался и так.

Вскочив, он снова принялся мерить комнату шагами. Кажется, он настолько увлекся, что даже не замечал лужи на

полу. Впрочем, ледяному дракону простуда не грозит.

Исмир резко остановился передо мной.

- Ответьте мне на два вопроса. Первый - кто мог знать о том, что масло полыни ядовито, и второй – кто мог получить ключ от «Уртехюс».

Я честно задумалась.

- Думаю, знать мог любой врач или аптекарь. Недавно вышли несколько статей о вреде абсента, в состав которого входит полынь, они могли заинтересовать специалиста. А насчет ключа даже не знаю. Специально я никому не говорила, кроме Уннер, а подсмотреть мог кто угодно.

- Но Сольвейг совершенно точно видела Уннер в то утро именно с врачом! – подсказал Исмир. – По меньшей мере, это ставит его под подозрение.

- Подождите! – попросила я, пытаясь собраться с мыслями. Вскочила (кажется, Исмир прав – так легче думается), прошлась по комнате. – Но ведь все остальное – сережка, идея насчет валерианы, да сама мысль использовать ревность Уннер – это больше похоже на женщину! Не верю, чтобы болван Ильин мог такое придумать! А уж тем более, осуществить.

- Женщина вряд ли стала бы расчленять тело. – Возразил Исмир. – Это больше напоминает...

Он осекся.

- Совместное творчество, - закончила я тихо. Дракон посмотрел мне прямо в глаза и медленно кивнул. – И если доктор Ильин в этом замешан, то женщина – это Ингрид. Только ума не приложу, зачем им понадобилось убивать мэра.

Исмир почему-то нахмурился и отвернулся.

- Думаю, самое время допросить доктора, - заметил он ледяным тоном. И резкий запах чистотела. Досада.

- Вы уверены, что он во всем сознается? – скептически спросила я.

Дракон стремительно обернулся, сверкнул хищной улыбкой.

- Сознается! – со спокойной уверенностью заверил он. – Я сумею спросить *так*, что он ответит!

Исмир кивнул и стремительно вышел, оставив меня гадать, не намерен ли он пытать доктора. Впрочем, вспомнив, какой мучительной была смерть Уннер, я поняла, что жалости к убийцам не испытываю...

Дракона не было долго. За окном успело стемнеть, и завывания ветра заставляли меня ежиться и тревожно вздрагивать.

Я не находила себе места от тревоги. Наступил и минул час ужина. Звать меня к столу никто не пришел, а у меня пропал

аппетит от одной мысли, что придется сидеть за одним столом с Ингольвом. Стоило вспомнить, как он ласково просил Ингрид присмотреть за Валерианом, как во рту становилось горько.

От идеи сделать хоть что-нибудь полезное пришлось отказаться, когда я нечаянно смахнула со стола баночку нима. Своеобразные миазмы этого масла, напоминающие одновременно чеснок и подгнивший лук, заставили меня ретироваться из лаборатории, плотно прикрыв за собой дверь.

В приемной по-прежнему было влажно, зато ничем посторонним не пахло.

В конце концов я выпила изрядную дозу экстракта пустырника (от запаха валерианы меня передергивало), принесла стул, уселась и закрыла глаза.

- Мирра? – позвал меня чей-то голос, заставив вздрогнуть и открыть глаза.

Надо мной склонился Исмир. И нежный аромат будоражил мой нюх. Сандал поверх пачули – как шелковый шарф на вспаханной земле.

- Да, господин Исмир, - откликнулась я. – Позвольте мне встать.

В прищуренных глазах дракона будто вспыхнуло ледяное пламя.

- Как хотите, - он отступил в сторону.

Я поежилась. В «Уртехюс» совсем похолодало, к тому же пахло сыростью и мокрой тканью.

- Что вы выяснили? – поинтересовалась я, потирая ладони, чтобы согреться.

- Много интересного, - усмехнулся Исмир, грациозно опускаясь в кресло.

- Лед и пламя! – выругался он, вскакивая, с недоумением оглядывая свои изрядно промокшие сзади брюки. Прохладный, но вместе с тем едкий аромат чайного дерева наглядно демонстрировал его недовольство. Впрочем, об этом и так нетрудно догадаться.

- Вы же сами намочили кресло, - напомнила я, с трудом сдерживая смех (признаю, нервный).

Беспорядок в «Уртехюс» сполна компенсировался незабываемым видом дракона в этот момент.

- Мирра! – рыкнул Исмир раздраженно.

Надо признать, мое имя идеально приспособлено для рычания.

- Да? – подняла брови я, потом предложила миролюбиво: - Давайте я сварю еще кофе, а вы пока успокоитесь и расскажете все по порядку.

Исмир только пожал плечами. Пришлось принести ему второй стул. Выпить кофе можно было и в лаборатории, но там было не прибрано и к тому же по-прежнему воняло нимом.

Поставив перед гостем кофе, смешанный со сливками и льдом, я устроилась напротив. Мой напиток, в отличие от холодного кофе Исмира, был обжигающе горячим.

Я сделала глоток и заметила, как ноздри Исмира затрепетали, жадно принюхиваясь к пахнущему корицей и медом пару над моей чашкой.

Дракон усмехнулся, поднял на меня глаза. От него потянуло ароматом яблоневого цвета – благоуханными лепестками и набухшими почками.

Пришлось напомнить ему о делах.

- Что вам рассказал доктор Ильин? – поинтересовалась я, наслаждаясь греющим пальцы теплом.

Лицо Исмира разом сделалось ледяным. Казалось, на коже проступил самый настоящий иней, и вокруг распространился запах мяты – хрустящий, как свежий снег под каблуком.

Надо думать, доктор не спешил откровенничать...

- Все, - проронил дракон.

И замолчал, допивая свой кофе.

Я тоже не торопилась нарушить звенящую тишину. Искоса поглядывала на дракона и думала о том, как много в жизни решает случай. Если бы племянник Исмира остался жив или хотя бы умер на день позже, то не было бы ни безобразной сцены на берегу, ни драки, ни тягостного объяснения... Не было бы и того отчаяния, которое толкнуло меня в объятия Петтера.

Случайность или закономерность – знают только норны. Я уже ни о чем не жалела.

- О чем задумались, Мирра? – поинтересовался дракон, забирая у меня как-то незаметно опустевшую чашку. Прикосновение его пальцев было приятно, но уже не заставляло меня краснеть и прятать глаза.

- О выборе, - ответила я честно. – Вы верите в судьбу?

Исмир поднял брови, кажется, сбитый с толку такой неожиданной переменой темы.

- Нет, - покачал головой он. В ухе ярко блеснула серьга. – Все зависит от нас. Следует зубами и когтями цепляться за свой шанс. Не сумеешь – изволь не винить богов.

- Понятно. - Я улыбнулась печально и встала. – Хотите выпить еще чего-нибудь? Или наконец расскажете?

- Любопытно? – судя по голосу, Исмир забавлялся.

- Разумеется! – с достоинством согласилась я. И призналась: - Ничего не могу с собой поделать.

Он ко мне подошел подчеркнуто медленно, каждым шагом и жестом будто предлагая: «Ну же, беги!»

Надо думать, Исмир пришел в «Уртехюс» отнюдь не делиться сведениями.

Я с трудом заставила себя остаться на месте. Даже не дрогнула, когда Исмир положил руки мне на плечи.

- Вы любопытны, как кошка, - хмыкнул он. Густой мед жасмина не оставлял сомнений, что сейчас произойдет.

- Не нужно! – попросила я тихо, не пытаясь увернуться. Дракона попытка бегства только раздраконит. Я усмехнулась – забавная игра слов! – и в этот момент он меня поцеловал.

Поцелуй словно пах насыщенно, сладко, ванильно – как пахнет разгоряченное чистое тело. И одновременно горчил на губах, как иногда горчит мёд.

Чувственность, смешанная с презрением. И не разобрать, меня ли презирал Исмир или себя – за то, что ничего не мог с собой поделать…

Я его не отталкивала, однако и отвечать не стала.

Дверь распахнулась рывком и с размаху ударилась о стену, едва не слетев с петель.

Я ничего сообразить не успела, зато Исмир отреагировал мгновенно: оттолкнул меня в сторону и стремительно повернулся.

Упала я прямиком в многострадальное кресло, но в тот момент меня меньше всего волновало намокшее платье.

На Исмира с воплем ринулся Ингольв – озверевший, с перекошенным лицом и с кинжалом наперевес. Запах раскаленной меди и горячих углей – ярость – словно висел в воздухе едкой гарью.

Бледный Петтер замер в дверном проеме.

Боги, милосердные мои боги, что происходит?! Как Ингольв с Петтером здесь оказались? Что вообще тут творится?!

Ингольв резко выдохнул, взмахнул кинжалом, а дракон успел только выставить вперед руку, прикрываясь от удара. Что-то отвратительно зашипело, и к вони металла добавился смрад паленых волос и чуть подгоревшего мяса.

Надо думать, я завизжала – так, что от собственного вопля зазвенело в ушах.

Петтер сжал кулаки, но не двинулся с места.

Исмир с Ингольвом на мой крик не отреагировали, им определенно было не до того. Дракон рыкнул, с силой отшвыривая Ингольва. Тот пролетел через всю комнату и впечатался в столик с готовыми заказами.

Разъяренный Исмир бросился к Ингольву, который

барахтался на полу, пытаясь встать.

Я бы залюбовалась гибкими движениями дракона, если бы мне не было так страшно.

Вокруг Ингольва были эффектно разбросаны остатки столика, валялись бутылки с маслами и разноцветные мыльца.

И мне вдруг стало жалко до слез, что уничтожено все, над чем я трудилась последние два дня. Глупо, правда? Жалеть о косметике, когда в «Уртехюс» сцепились мой муж и дракон!

- Тварь! – выдохнул Ингольв, с некоторым трудом поднимаясь на локте, и неловко отмахнулся кинжалом.

Исмир отчего-то с рыком отшатнулся и, должно быть, вступил в масляную лужу или оскользнулся на кусочке мыла. И с коротким ругательством полетел на пол.

Ингольв мгновенно воспользовался представившейся возможностью: рванулся к оглушенному падением Исмиру, навалился всем телом, своей массой не давая дракону даже толком шевельнуться.

- Ну что, тварь? - Ингольв ухмыльнулся торжествующе, и от вида его перекошенного лица я почувствовала дурноту. Муж поднял кинжал, тускло горящий багровым и оранжевым светом.

- Иди к Сурту! – придушенно выдавил Исмир.

- Ты сам к нему сейчас отправишься! – Ингольв упивался своей победой и беспомощностью дракона, не торопясь наносить решающий удар. – Ты ведь узнал этот ножик, да? Если я убью любовника своей жены, тут даже драконы не придерутся. А потом будет поздно!

Я с трудом сдержала нервный смех. Настоящий любовник замер за спиной мужа, о чем последний даже не подозревал.

- А потом я прирежу эту... – продолжил Ингольв весело. Надо думать, крайне неприличный эпитет относился ко мне.

Резкая боль ударила меня в сердце. И это мой муж, отец моих детей!

- Зачем? – выдохнул Исмир. – Ее – зачем?

- Шлюха! – будто выплюнул муж, занося кинжал.

Я скорее угадала, чем увидела, как вздрогнул Петтер. Он сомнамбулически шагнул вперед... и неожиданно ударил Ингольва по шее сцепленными в замок руками.

Тот без звука повалился на свою несостоявшуюся жертву.

Я вскрикнула, вскочила и вдруг обнаружила, что меня трясет. От волнения, от нахлынувшего облегчения, от желания отчитать Петтера за то, что не вмешался раньше.

Исмир, прошипев что-то явно нецензурное, дернулся в сторону, уворачиваясь от падающего кинжала.

Единственными приличными словами в его монологе были:

- Помогите мне!

- Сейчас! – кивнул юноша и принялся оттаскивать Ингольва. Не помню, как я оказалась рядом, поняла только, что помогаю тянуть неповоротливое тело.

Наконец Исмир оказался на свободе. Правда, встать смог только опираясь на руку Петтера.

- Ну что? – с ехидцей поинтересовался Петтер, не торопясь отпускать Исмира. – На этот раз против удара сзади и без предупреждения вы не возражаете?

- У каждого правила есть исключения, - наставительно произнес бледный до синевы дракон и вдруг усмехнулся, пожимая ладонь давешнего противника.

- То есть можно, если это в вашу пользу? – уточнил Петтер насмешливо. Глаза его блестели отчаянно, лихорадочно, а в симфонии ароматов слились гитарный звон можжевельника, гулкие барабанчики ветивера и грустный контрабас пачулей.

И все это на фоне «верхних» запахов – влаги, паленой кожи и какофонии разлитых масел.

- Ловите на лету! – похвалил Исмир, критически осматривая обожженный порез на левой руке.

Каюсь, я расхохоталась.

Исмир с Петтером недоуменно переглянулись, видимо, решая, не тронулась ли я умом от переживаний.

- Я в порядке, - выдавила я сквозь смех. – Просто вы удивительно... синергичны!

Глава 9. Лёд.

Они снова переглянулись, кажется, утвердившись в поставленном диагнозе.

- Мирра, с вами все в порядке? – поинтересовался Исмир, сам больше похожий на привидение, чем не на живого человека... то есть живого дракона.

- Вполне, - отмахнулась я.

Хотя, по правде говоря, чувствовала я себя несколько странно. Меня колотила нервная дрожь, а мысли были обрывисты и бессвязны. От разноголосицы запахов кружилась голова. Лайм, базилик, мята, анис, фенхель, роза, корица, гальбанум, иланг-иланг, лаванда...

Считается, что лаванда гармонизирует и соединяет любую смесь, но тут даже она оказалась бессильна.

– Петтер, откройте окно, будьте добры! – попросила я, стараясь дышать ртом.

- Конечно, госпожа Мирра! – согласился юноша и отправился выполнять поручение.

А я, поплотнее натянув шаль, оглядела «Уртехюс», пытаясь сообразить, чем заняться в первую очередь. На распростертое тело Ингольва я старалась не смотреть.

В комнату ворвался порыв морозного ветра, и я с несказанным удовольствием вдохнула глубоко-глубоко. В голове моей немного прояснилось.

- Вас же нужно перевязать! – сообразила я, наткнувшись взглядом на бледного Исмира.– Петтер, пожалуйста, принесите из лаборатории саквояж...

Я запнулась, вдруг обнаружив, что из памяти напрочь вылетело, как этот самый саквояж выглядит. Пожалуй, мне и самой не помешала бы медицинская помощь.

- С руной соуло? – подсказал Петтер.

- Именно! – обрадовалась я. – Господин Исмир, присаживайтесь. Вы же едва на ногах держитесь!

Любопытно кстати, почему? Кровопотеря невелика, а рану на руке скорее стоит назвать порезом. Неужели при падении он так сильно ударился головой (и без того недавно ушибленной)?

Петтер притащил саквояж со всем необходимым для первой помощи. Заодно мальчишка додумался открыть окна в лаборатории и устроить сквозняк, за что я готова была его расцеловать.

Я направилась к дракону, на ходу перебирая пузырьки, и едва не полетела носом вперед, запутавшись в собственной юбке.

Петтер остановил меня, ухватив за рукав.

- Как вы себя чувствуете? – спросил юноша, и голос его был полон тревоги. – Может быть, вам лучше сесть? Или воды?

Столь явное беспокойство за меня одновременно радовало и удручало.

- Благодарю, со мной все в порядке! – я улыбнулась ему, с трудом подавив желание пригладить его встопорщенную челку. И, уже дракону: - Господин Исмир, снимите рубашку!

- Мирра, хватит уже величать меня «господином», - усмехнулся он, послушно стягивая одежду. – Вы ведь даже с Петтером разговариваете вполне по-свойски.

Ладонь юноши на моем локте дрогнула, и он убрал руку.

Прежде чем ответить, я покосилась на Петтера, но он на меня не смотрел. Вопреки моим ожиданиям, ни ревностью, ни злостью от него не пахло. Зато вокруг него будто клубился тяжелый и густой аромат смол – мирра, ладан, элеми. Смирение. Принятие.

- Хорошо, - согласилась я, решив разобраться со странной реакцией Петтера чуть позже. Голова моя наотрез отказывалась соображать.

Признаюсь, на Исмира без рубашки я смотрела с некоторой

опаской. В памяти еще живы были впечатления от его сверкания на пикнике. Но сейчас дракон походил на потускневший к весне сугроб, в нем больше не было того завораживающего блеска. Испарина на лбу, складки меж бровей и у губ, мертвенно-бледная кожа...

И рана выглядела странно, словно ожог и порез одновременно.

Я встревожилась всерьез, и нужные пузырьки нашлись будто по мановению руки. Для начала обработать порез антисептиком, потом наложить мазь от ожогов – с лавандой, ромашкой, тысячелистником, календулой и лавром. Кожа Исмира была странно горячей, почти обжигая мои холодные пальцы.

Руки работали сноровисто, и привычные действия приносили облегчение. К тому же аромат лаванды успокаивал не только пациента, но и меня саму.

Закончив, я с удивлением обнаружила, что дрожь моя прекратилась, зато проснулся зверский аппетит. Хм, сварить овсянку, что ли? Поискать сухофрукты? Или послать Петтера в булочную?

Размышляя об этом, я потянулась к бинту, но Исмир перехватил мою руку.

- Не нужно, - мягко сказал он. – Дайте лучше льда.

- Льда? – удивленно переспросила я, машинально убирая уже ненужные баночки и инструменты.

- Именно, - голос Исмира напоминал аромат розового дерева – сладковато-древесный, нежный и успокаивающий. – Найдите таз, который вы мне давали для Сольвейг.

Я растерянно огляделась, пытаясь сообразить, куда задевала тот самый таз. Умница Петтер без лишних слов мгновенно отыскал пропажу.

Как ни странно, в тазу по-прежнему сверкал лед. Надо думать, его сохраняли драконьи чары.

Исмир легко вытряхнул кусок льда, прижал к руке и груди, даже прикрыл глаза от облегчения. Только сейчас я сообразила, насколько терзал его жар.

- Какая странная рана! – удивилась я вслух, склонив голову набок.

Ответил мне, как ни странно, Петтер.

- Оружие странное, - он поднял с пола кинжал. Теперь лезвие его смотрелось совсем иначе – тусклое серо-черное, будто обугленное.

Исмир зашипел, отшатнулся, едва не свалившись со стула. Лицо его сделалось совсем странным: скулы заострились, губы сжались в тонкую линию, а глаза наоборот расширились, и в них

будто плескалось хмурое северное море.

- Клык огня, - словно выплюнул он.

- Что? – хором спросили мы с Петтером, но ответить Исмир не успел.

В стороне захрипел и надсадно закашлялся Ингольв.

Признаюсь, меня разрывали противоречивые чувства.

Отвращение к человеку, готовому убить не только постороннего дракона (это еще можно было хоть как-то объяснить ложным патриотизмом), но и собственную жену. Притом не в пылу ревности, а обдуманно и хладнокровно! Разумеется, я понимала мотивы Ингольва. И его оскорбленную гордость, и тщательно скрываемую от самого себя вину, и унижение от моей мнимой измены с драконом. Даже желание жениться на любимой я могла понять. Понять – но не простить.

Однако инстинкт аромага заставлял лечить всех больных. А еще я чувствовала чуть брезгливую жалость. Все же Ингольв – отец моих детей, и отречься от него в одночасье я не могла...

Вовремя освобожденный Исмиром таз как раз пригодился. Не хватало еще загадить «Уртехюс»... хм, содержимым желудка моего муженька!

Тошнило Ингольва долго и мучительно. Пришлось поддерживать его за плечи и держать посудину. Масло мяты, обычно весьма эффективное в таких случаях, помогало мало.

Лицо мужа было мокрым и посеченным осколками стекла. Кажется, он упал прямиком в лужу пролитого масла. Хм, значит, к сотрясению мозга можно смело добавить отравление. В таких дозировках эфирные масла небезопасны.

Наконец спазмы перестали сотрясать Ингольва. Он откинулся назад, перевел дух и выругался – грубо и обреченно.

Потом открыл глаза и, увидев над собой мое лицо, покраснел еще сильнее.

- Любовника завела, с-с-сучка? – багровое лицо мужа искажала ненависть. – А ведь я почти поверил мальчишке, что ты с этой не людью не спала!

Я перевела взгляд на бледного, как смерть, Петтера, который старательно держался вне поля зрения командира (видимо, теперь уже бывшего – при иных обстоятельствах юношу ждал бы трибунал).

Хм, теперь понятно, почему Ингольв так охотно отпускал его со мной. У Петтера был приказ за мной следить.

М-да, пустили лису сторожем в курятник!

Наверняка за мной наблюдал кто-то еще, слишком своевременно Ингольв появился в «Уртехюс».

- Ингольв, успокойся, - попросила я, пытаясь держаться

спокойно и доброжелательно, как с посторонним пациентом.

Надо думать, приказом о прогулках по берегу Ингольв одновременно убирал меня подальше, чтобы не путалась под ногами, и надеялся получить компрометирующие сведения о моих встречах с Исмиром.

- Успокойся?! – лицо его перекосила гримаса, опознать в которой улыбку стоило мне немалых усилий. – Ты! И твои... хель! Все равно... сдохнете! И твоя... Альг-исса - первой!

- Вряд ли, - светским тоном заметил Исмир, приблизившись по-кошачьи неслышно. Да и выражение его лица более всего напоминало кота, довольного жизнью (и хозяйскими сливками). – Руки у вас коротки, *господин Ингольв*!

Последние слова он произнес с издевательской вежливостью.

Увидев рядом с собой ледяного дракона, Ингольв вдруг побледнел до синевы, и лицо его стало походить на ритуальные маски хель. Ужас, отвращение, торжество... Я могла лишь благодарить милосердных богов, что от избытка запахов обоняние мое притупилось. Потому что нюхать выгребную яму и то было бы приятнее.

- У меня? – Ингольв оскалился. Лицо его снова налилось нездоровой краснотой. – Вас, твари, и без меня...

Он осекся, видимо, сообразив, что наговорил лишнего.

- Да-да, я вас внимательно слушаю, - голос Исмира был мягок, как пушистый свежий снег.

- Не дождешься, тварь! – словно выплюнул Ингольв. Глаза его были мутными, взгляд то и дело расплывался.

- А если я спрошу... настойчиво? – в спокойствии Исмира было что-то пугающее.

Я сжала руки, но промолчала.

Ингольв, явно балансирующий на краю обморока, усмехнулся с издевкой.

- Поздно, тварь!..

Глаза его закатились, нижняя челюсть отвисла.

Я прикусила губу, взяла его за руку, чтобы пощупать пульс, и попросила ровно:

- Петтер, будьте добры, подайте мне саквояж!

- Не нужно, - вмешался Исмир. Он присел на корточки возле Ингольва и провел ладонью над его лицом. Кожа Ингольва побледнела на глазах, а дыхание замедлилось настолько, что в первый момент мне показалось, что оно совсем пропало.

Однако не успела я испугаться, как сердце Ингольва робко дернулось в груди. Раз, другой... Но медленно, милосердные мои боги, так медленно!

Я подняла взгляд на Исмира.

- Я всего лишь слегка его заморозил, - ответил он на немой вопрос. – Не беспокойтесь, ему это не повредит. Всего лишь немного поспит.

- Надеюсь, - начала я, но договорить мне не дали.

Многострадальная дверь вновь с треском распахнулась, и в «Уртехюс» ворвались леденцы… Полагаю, их вызвали соседи, встревоженные моим криком и доносящимися из «Уртехюс» странными звуками.

Объяснения с доблестной полицией взял на себя Исмир. Учитывая, что среди них не нашлось никого выше констебля, затруднений у него это не вызвало.

Десяток негромких фраз, среди которых то и дело слышалось грозное «дело Льда», и непрестанно кивающие головами стражи порядка отправились восвояси. На смирно лежащего в уголке Ингольва они косились с тихим ужасом, на меня с опаской (надо думать, подозревая, что я весьма ловко избавилась от мужа руками ледяных).

Когда стражи порядка отбыли, Исмир вздохнул с явным облегчением и уселся на стул. Рана явно причиняла ему сильную боль, к тому же он выглядел предельно ослабленным.

Заперев дверь, я искренне надеялась, что больше визитеров не будет.

- Выпьете чего-нибудь? – предложила я, избегая обращаться к дракону по имени. – А вы, Петтер?

- Кофе, - тут же откликнулся юноша.

Все это время он изображал молчаливое привидение, и я уже стала за него беспокоиться.

Сочтя, что стимуляторов с меня на сегодня достаточно, себе я заварила ромашковый чай. Петтер, как уже сказано, предпочел кофе, а Исмир – мятный ликер.

Запах нима в лаборатории уже почти выветрился, так что разместились мы там. Надо признать, среди пузырьков, баночек и пакетиков, кастрюлек и свечей наш маленький клуб заговорщиков смотрелся уместнее.

Тишина, воющий за окном ветер, бегающие по стенам тени…

Некоторое время мы молча отдавали дань напиткам.

Голова моя казалась чугунной от усталости и треволнений этого бесконечного дня. Исмир временами терял над собой контроль и начинал горбиться, зато Петтер от кофе хоть немного порозовел.

- Итак, - начала я, допив последний глоток ромашкового настоя. – Господин Исмир, вы что-то говорили о «клыке огня», верно? Не хотите рассказать поподробнее?

Исмир усмехнулся устало. Кремовый аромат сандала словно

выцвел до грязно-желтого оттенка, каким бывает застиранное белье.

- Полагаю, тут вас сможет просветить наш юный друг, - он кивнул на Петтера. – Не так ли?

Петтер молчал, пряча взгляд в чашке с кофе. Тени причудливо ложились на его лицо, делая юношу почти стариком.

- Не могу, - наконец вымолвил он. Тяжело сглотнул – кадык прокатился яблоком – и признался через силу: - Клятва!

А в непрозрачной глубине ладана не разобрать ничего.

- Вот как? – тон Исмира внезапно сделался таким ласковым, что я поморщилась. – Следовательно, вы не жаждете отрекаться от заговора?

«Забавно, - подумала я, борясь с усталостью, - его манера выражаться временами сильно меняется. Порой он говорит, словно в романах прошлого века, а иногда совсем по-современному».

Впрочем, разгадка лежала на поверхности. Надо думать, в последний раз Исмир вращался в человеческом обществе не один десяток лет назад, поэтому временами сбивался на тогдашнюю выспреннюю речь.

- Исмир, - я сочла, что для пущей доверительности можно пренебречь условностями, - прекратите давить на юношу, это все равно ничего не даст.

- Вот как? – он поднял брови в преувеличенном удивлении. И марь – ненависть – заклубилась вокруг него отравленным облаком. – Следовательно, он упорствует, а вы его в этом поддерживаете? И как прикажете это понимать?

- Петтер, - ровным тоном попросила я, подавив желание расколотить чашку о голову одного твердолобого дракона. – Будьте добры, покажите свое правое запястье *господину* Исмиру!

Юноша молча отставил чашку и принялся закатывать рукав.

Исмир наблюдал за ним с таким плотоядным интересом, что желание сказать гадость стало почти непреодолимым. В конце концов, Петтер совсем недавно спас ему жизнь, к тому же рискуя собственной рукой!

Меня крапивой хлестнул запоздалый страх. Надо думать, Петтера спасло только то, что Ингольв даже не подумал отдать ему приказ не вмешиваться. К тому же, если задуматься, присягал Петтер не лично полковнику, а Хельхейму. Другой вопрос, чего стоило юноше переступить через себя...

Увидев знак на запястье Петтера, Исмир выругался, впрочем, почти прилично (не иначе, как от удивления).

- Огонь Сурта! – пробормотал он и кивнул. – Хорошо, я понял. Мирра, у вас есть еще лед?

Я задумалась. Замороженной воды в «Уртехюс» не осталось, зато имелся запас замороженного молока (люблю молочное мыло, ничего не могу с собой поделать!). Коров здесь нет, зато овцы и козы водятся в изобилии, так что с поставками ценного продукта перебоев не было.

Пришлось вынимать запасы и щедро предлагать дракону.

На белый непрозрачный лед Исмир покосился с некоторым удивлением, но привередничать не стал. Завернул в салфетку и прижал к ране.

Аромат топленого молока и карамели заставил меня сглотнуть слюну. Надо было и правда отправить Петтера в булочную!

Теперь же приходилось довольствоваться пищей для ума, зато последней было вдоволь.

- Хорошо, - Исмир откинулся на спинку стула, прикрыл глаза и заговорил негромко, но так, что пробирало ощущение смутной и неотвратимой беды. – Я расскажу вам все. Знаете, Мирра, это очень странный заговор. Поначалу я считал, что никакого заговора не существует. Слишком это все... – он неопределенно взмахнул рукой. – Слишком напоминало самодеятельный театр. Какие-то опереточные революционеры, тайные собрания, разговоры о величии людской расы... Любопытно, но малореально. Убийство мэра заставило меня взглянуть на все это иначе, однако было непонятно, кому и зачем понадобилось его убивать. Вряд ли к этому действительно были причастны заговорщики, они бы не стали обставлять убийство с такой театральностью. Им ни к чему привлекать внимание. Потом я решил, что наткнулся на след настоящего заговора – когда вы, Мирра, сообщили мне о контрабанде.

- Контрабанде?! – я дернулась так, что едва не смахнула на пол посуду. – Но ведь...

- Я счел, что канал контрабанды используют для нелегальной поставки оружия в Хельхейм, - будто не слыша, продолжил Исмир. И я сочла за лучшее замолчать, внимая его негромкому повествованию. – Как оказалось, я снова ошибся. Те, кто организовал поставки дешевого вина и прочих безделушек, меньше всего думал о революциях. Просто жадные людишки, которые точно не стали бы связываться с чем-то посерьезнее поддельных товаров. И я очутился в странной ситуации – из этой истории торчало множество нитей, но я никак не мог ухватиться за ту единственную, которая позволила бы мне распутать весь клубок. Я уже совсем отчаялся, и тут убили Уннер! Для меня это оказалось нежданной удачей.

Петтер беспокойно шевельнулся, но я успокаивающе тронула

его за плечо, и юноша затих. Только прикусил губу и сжал кулаки, а свежий терпкий аромат тимьяна горчил печалью.

- Продолжайте, - попросила я тихо, хотя дракон, кажется, не видел и не слышал никого вокруг. Он говорил сам с собой, себе же объясняя и заново переосмысливая события последних недель.

- Когда Сольвейг указала на доктора Ильина, я был в замешательстве. Ильина и Ингрид я числил в союзниках. – Дракон прервался, отпил ликера и пояснил: - Разумеется, я не зря плыл на одном корабле с ними! Эта парочка – шпионы Мидгарда.

Чтобы промолчать, мне пришлось вонзить ногти в ладони.

Пахло от него холодно и резко - свежими листьями петитгрейна – кисло с легкой горчинкой. И немного уверенной ясностью можжевельника.

- Мидгард сейчас в союзе с нами против Муспельхейма, а государственный переворот в Хельхейме, разумеется, этот союз разорвет. Мидгард это не устраивало, так что они прислали своих людей. Кстати говоря, главная в этом тандеме – Ингрид, доктор у нее на подхвате.

- Превосходно! – не сдержалась я, растирая виски. – Заговорщики, шпионы, контрабандисты. И обо всем этом я узнала всего несколько дней назад!

- Я не мог вам доверять, - откровенно признал Исмир, и свежая кислинка лайма свидетельствовала о его искренности. – Вы – жена одного из главных заговорщиков.

Пришлось это проглотить. Глубина пропасти, на краю которой я оказалась, завораживала и ужасала. От мысли, что совсем недавно я слепо шла над обрывом, становилось нечем дышать. В этой игре я была даже не пешкой, а всего лишь скипетром в руках у короля.

И вина – приторная, душная, с гадким привкусом болотной воды – от понурившегося Петтера. Я понимала, что он не мог мне обо всем рассказать, и все же не могла избавиться от иррациональной обиды. А Ингольв и вовсе распорядился моей судьбой и судьбой сына так легко и непринужденно, словно мы – всего лишь его вещи. Ударить бы мужа – изо всех сил, чтобы он умылся кровью! Впрочем, его дальнейшая судьба и так будет незавидна.

- Продолжайте, - выдавила я, комкая салфетку. Вдруг остро захотелось кофе – чтобы горечь напитка затмила горечь душевную. Я встала и отошла к плите, чувствуя спиной встревоженный взгляд Петтера. – А Ингольв знал, кто такая Ингрид?

- Полагаю, сначала не знал, - пожал плечами Исмир. – Теперь, без сомнения, знает. Он давно выяснил, что под псевдонимом

«Знаток» скрывалась Ингрид, а об остальном догадаться было нетрудно.

Рука моя дрогнула, и кофе плеснул на плиту. Резко запахло горелой гущей, а я крепко зажмурилась, пытаясь сдержать злые слезы.

И, конечно, Петтер не выдержал: подошел, обнял за плечи, перехватил турку.

- Успокойтесь, - проговорил он негромко. – Присядьте, я сам сварю!

Я охотно послушалась. Что-то такое притягательное есть в заботливых мужчинах. Даже тяжелый взгляд Исмира не испортил мне удовольствия.

- Вы остановились на Ингрид, - напомнила я, получив чашку с горячим ароматным напитком. Шоколадные нотки, щепотка мускатного ореха и чуточка острого перца – чистое наслаждение! – Благодарю, Петтер!

- Да, - Исмир кивнул и прикрыл воспаленные глаза. – Собственно, это почти все. Мы с вами были совершенно правы. Мэра убили Ингрид и Ильин, а Уннер помогала им свалить вину на вас.

Петтер дернулся, и взгляд его – недоумевающий, не верящий – требовал ответа. Я на мгновение опустила веки, молчаливо обещая объяснить все позже.

- С мотивом тоже все просто, - продолжил Исмир, не замечая нашего переглядывания. – Видите ли, опереточный заговор оказался настоящим. Но для того, чтобы уничтожить Лед, наши заговорщики совсем не планировали собирать войска. Они рассудили, что значительно проще заставить ледяных исчезнуть с лица земли, всех и сразу, чем вылавливать поодиночке, рискуя к тому же погодными катаклизмами. Полагаю, далее последовала череда магических экспериментов. С одним из них мы с вами, Мирра, столкнулись у хель. Еще было нападение на молодых драконов в одном из портов Хельхейма, несколько более-менее удачных убийств хель... В общем, попытки продолжались. Не знаю, вышли заговорщики в итоге на Муспельхейм или люди Сурта сами предложили им помощь, но решение было простым и гениальным. Требовалось всего два кинжала – и два ритуальных убийства – чтобы навсегда изменить климат. Один дракон и одна хель – элементарно, не правда ли?

Колкая ирония литцеи, едкая боль чистотела...

- Такие кинжалы? – я кивнула на смирно лежащее в стороне оружие Ингольва. – Как вы его назвали? Огненный зуб?

- Клык огня, - поправил Исмир. – Видите ли, огненные великаны нас ненавидят...

- Явно взаимно, - хмыкнул Петтер.

- Да! – голосом дракона при желании можно было отбивать шницели. – Однако *мы* в *их* внутренние дела не вмешиваемся.

- Постойте! – вмешалась я. – Вы сказали, *два* кинжала и *два* убийства?!

- Именно! – Исмир кивнул, усмехнулся невесело: - Теперь понимаете, о чем говорил ваш муж?

Я бросила взгляд на юношу, которому простое словосочетание - «ваш муж» - казалось, причиняло почти физическую боль.

Да, теперь мне стало понятно все. Если Исмир прав, то нужно немедленно предупредить хель. Возможно, мы не успеем, но нужно же делать хоть что-нибудь!

Вспомнилась задорная Альг-исса в обнимку с любимым медведем, и еще та влюбленная пара, которой мое вмешательство помогло бежать...

А что, если Исмир что-то понял неправильно?!

- Петтер! – вскинулась я. – Вы не можете ничего рассказать, но можете подтвердить или опровергнуть, верно?

- Да, - согласился он, потирая правое запястье.

И этот машинальный жест заставил меня похолодеть.

- Скажите, заговорщики действительно запланировали два ритуальных убийства? – спросила я, стараясь не думать, чем рискует Петтер.

Он только кивнул, но мне хватило и этого. И снова аромат смол тяжелыми бархатными складками окутал его фигуру.

- Вы можете как-то предупредить хель? – поинтересовалась я у Исмира, лихорадочно пытаясь привести мысли в порядок.

- Слетать к ним, - попытался развести руками Исмир. Поморщился и признал недовольно: - Только держаться в воздухе я смогу не раньше, чем завтра к вечеру.

- Завтра, - повторила я уныло. Увы, это слишком поздно. Автомобилем по такой погоде ехать еще дольше. И тут меня озарило: - Петтер!

- Да, госпожа Мирра? – откликнулся юноша, тихо клюющий носом над своей чашкой.

- Вы говорили, что у вас есть самолет! – напомнила я. Какое-то лихорадочное возбуждение овладело мной, вытеснив усталость. – Мы сможем долететь к хель?

Петтер бросил взгляд на непроглядную темень за окном.

- Сможем. – Согласился он. - Утром.

- Утром будет поздно, - вздохнула я. – Петтер, пожалуйста, очень надо!

Я умоляюще сложила руки, и он, конечно, сдался.

- Хорошо, - Петтер встал и вдруг улыбнулся светло-светло. – Вы со мной?

- Разумеется, - согласилась я, улыбаясь ему в ответ. – Вам хель точно не поверят, так что выбора нет. Исмир, у меня к вам просьба.

- Чем могу служить? – насмешливо поинтересовался дракон, кажется, пребывающий не в лучшем настроении.

- Пожалуйста, отвезите Валериана в безопасное место, - тихо попросила я, не отводя взгляда.

Он разом посерьезнел.

- Конечно. Завтра же.

- Спасибо, - поблагодарила я, поднимаясь...

Исмир окликнул нас, когда мы с Петтером добрались до выхода из «Уртехюс».

- Вам даже неинтересно, почему убили мэра и Уннер?

- Я догадываюсь, - не оборачиваясь, ответила я, остановившись у вешалки. Мысли мои уже были в дороге. Наверное, стоит одеться потеплее? – Думаю, кинжалы хранились у мэра, а Ингрид их выкрала. Верно?

- Верно, - согласился Исмир, неслышно приблизившись ко мне. Он забрал у Петтера мою шубу, галантно помог мне одеться. И задержал руки на моих плечах. – Ингрид завязала интрижку с мэром, успешно завладела кинжалами, но он каким-то образом поймал ее и попытался шантажировать. Насколько я уразумел, мэр грозился рассказать доблестному полковнику некие пикантные подробности и изложить свои подозрения. Не знаю, чего он пытался добиться, но в итоге получил дозу валерианы от Ингрид, а остальное обеспечил доктор Ильин, беззаветно преданный своей напарнице. Его никто не мог заподозрить, а у Ингрид таким образом образовалось отличное алиби. А вашу горничную убрали, когда она пригрозила пойти в полицию.

Я покачала головой. Бедняжка Уннер, такая наивная глупышка!

А Ингрид, выходит, в конце концов предала своих, раз кинжал оказался у Ингольва. Надо думать, в конце концов сочла, что быть женой одного из заговорщиков куда выгоднее, чем шпионкой. Спелись, голубки!

- Спасибо за объяснения, Исмир! – поблагодарила я, поворачиваясь к нему. – Можете остаться здесь. Вам нужно хорошенько отдохнуть.

- Благодарю, - дракон поднял мое лицо за подбородок. И я скорее угадала, чем услышала, как задохнулся Петтер.

Непреклонно сжав губы, я спокойно и открыто взглянула в глаза Исмиру. Было время, когда я многое бы отдала, лишь бы...

Но теперь поздно.

И он отступил - дернул уголком рта и отвернулся.

- Мирра, я заберу вашего сына и прилечу за вами к хель. Боюсь, скоро вам придется выполнить свое обещание.

- Хорошо, - я кивнула и принялась привязывать шляпу теплым шарфом. Перчатки на меху, саквояж с лекарствами, пучок зелени в подарок Альг-иссе...

Надеюсь, у Петтера есть теплая одежда?

- Ни пуха, ни пера! – сухо пожелал Исмир, закрывая за нами дверь.

- К йотуну, - откликнулся Петтер, беря меня за локоть...

Надо думать, Петтер научился читать мои мысли. Или, по крайней мере, обладал отличной памятью. Ни о чем не спрашивая, он остановился у булочной. Несмотря на поздний час, окна еще светились.

- Что вы будете? – спохватился Петтер, уже открыв дверцу авто.

Я представила сладкое изобилие на витрине и сглотнула голодную слюну. Мне мерещились ароматы: ваниль, курага, изюм, миндаль... Взбитая пена белковых пиков, плавная нега масляного крема, рассыпчатый бочок песочного пирожного...

- Все! – выдохнула я так сладострастно, что юноша не сдержал улыбки.

- Как прикажете, госпожа моя! – шутливо отсалютовал он и ушел, а я осталась сидеть, смакуя непривычное ощущение заботы обо мне. И это было куда слаще медовой пахлавы!..

Петтер объявился нескоро, зато нагруженный пакетами так, что из-за них едва виднелась его макушка, украшенная фуражкой, как торт вишенкой.

- Петтер, вы решили накормить полк? – поинтересовалась я, когда он сгрузил все это богатство на заднее сиденье.

И тут же поняла, что напоминание о полку было лишним. Петтер помрачнел.

- Вас одну, – не поддержал шутку он, заводя мотор. Хмурая морщинка меж бровей, аромат кофе и горького апельсина с сухим и песочным привкусом ветивера...

Юноша на меня не смотрел, сосредоточенно крутя баранку.

Я стащила из пакета обсыпанный маком бублик, откусила кусочек.

Покосилась на Петтера. И вдруг остро захотелось прижаться к его груди - прижаться изо всех сил, спрятать лицо и молчать. Просто наслаждаться знакомым запахом и чувством защищенности...

Я встряхнула головой, отбрасывая глупое желание. Боги,

милосердные мои боги, я же взрослая и разумная женщина! Откуда такие порывы?!

Наверное, я просто устала быть сильной... Точнее, казаться таковой.

Дальнейшее запомнилось мне кусками, похожими на яркие лоскутки.

Моя голова на плече у Петтера (каюсь, не смогла сопротивляться искушению!), слипающиеся глаза, безликие дома за окном...

Наверное, в какой-то момент я все же задремала, потому что в себя пришла от хрипловатого голоса Петтера.

- Мирра, - позвал он тихо, - просыпайтесь!

- Я не сплю, - откликнулась я, украдкой зевая. С некоторым сожалением подняла голову и огляделась. Темные здания с крошечными оконцами, высоченные заборы, редкие газовые фонари. – Где мы?

- В порту, - признал Петтер, кажется, с некоторым смущением. – Я снимаю здесь сарай. Ну, мастерская и ангар...

От него вдруг потянуло смолистым – теплым и колким - ароматом сосен. Светло, прозрачно и высоко-высоко...

И я не выдержала. Притянула его к себе – и поцеловала, насколько хватило дыхания.

- На удачу, - объяснила я, отдышавшись. Медвяное благоухание мускатного шалфея пьянило не хуже вина.

Петтер молчал, крепко меня обняв. Какие-то рычажки и рукоятки больно впивались в бок, однако меня это не особенно беспокоило.

Все так невпопад, так неправильно, так нелепо! Женщина за тридцать – и молоденький мальчик! Но больше мне с собой не справиться... Глупо, правда?

- Нам нужно спешить, - шепнул Петтер, даже не делая попытки меня отпустить.

- Нужно, - согласилась я, не двигаясь.

Закрыть глаза – и дышать. Чувствовать. Жить.

Потом – спустя то ли мгновение, то ли полчаса – он неохотно разжал объятия, отодвинулся. И то лишь потому, что в стекло настойчиво постучали.

- Эй, парнишка, - произнес чей-то грубый и неуместно веселый голос. – Хватит уже, выбирайтесь. Вы ж не миловаться сюда приехали!

Петтер покраснел жаркой волной, прикусил губу.

Окликал нас мужчина средних лет в военной форме со споротыми знаками различия. Надо думать, сторож или кто-то его заменяющий.

- Привет, Тень Волка! – ухмыльнулся он, когда Петтер помог мне выбраться из авто.

Где-то вдали слышались голоса, поющие нетрезвую песню, резко пахло дешевым вином, машинным маслом и человеческими испражнениями (а может, и не только человеческими).

М-да, уютное местечко!

- Почему «тень волка»? – удивилась я вполголоса и тут же обругала себя за недогадливость. Знала же трактовку имени Ингольва!

- Господин полковник - «Королевский Волк», - ровным тоном объяснил словно заледеневший Петтер. – А я – его тень.

Непослушная тень, своевольная...

От Петтера пахло горьковатым табачным дымом – и сладковато-землистым ароматом свежих табачных листьев.

- Ага, - подтвердил незнакомец. Судя по неопрятной бороде и алкогольному амбре, от которого буквально резало глаза, он пил так давно, что теперь ему уже море было по колено. И уже Петтеру: - Ты чего бабу-то притащил? Неужто кататься?

На «бабу» возмущаться я не стала. Здесь совсем иные правила, так что лучше предоставить Петтеру самому вести разговор.

- Нужно, - кратко ответил Петтер и полез на заднее сиденье за вещами. – Проводи нас до ангара, будь другом!

- Другом? – переспросил мужчина с непонятной интонацией и махнул рукой. – Ладно, идем! Что уж.

Мы пробирались такими закоулками, что Петтеру приходилось вести меня за руку. Кажется, он охотнее понес бы меня, только бы не отвлекаться всякий раз, когда я спотыкалась. Однако приходилось нести саквояж, пакеты с едой, еще какие-то свертки...

Хорошо хоть знакомец Петтера помог.

Наконец мы остановились у темного здания и Петтер, сгрузив на мужчину (так и оставшегося неназванным) свои вещи, принялся возиться с замком.

Войдя внутрь, я остановилась, с интересом оглядываясь. Здесь были одинаковые грузовые ворота с обеих сторон, множество всевозможного хлама, сваленного грудами по углам или заботливо рассортированного на расстеленной парусине...

Я сморщила нос – пахло железом, смазкой, резиной и еще боги весть чем – резко и удушливо.

- Можно, я подожду снаружи? – спросила я, стараясь дышать ртом.

- Конечно, - согласился Петтер, тревожно на меня взглянув. – Галлин, побудь с ней, ладно?

И я вдруг поняла, что он беспокоится, чтобы я не выдала себя, обнаружив излишнюю чувствительность к запахам. Смешной – как будто теперь это имело хоть какое-то значение!..

Галлин курил какие-то на редкость вонючие папироски (если мне не изменял нюх, в составе был отнюдь не только табак!) и косился на меня с любопытством. Я же старательно изображала невозмутимость, размышляя о весьма широком круге знакомств юноши. Оказывается, я многого о нем не знала.

Наконец из ангара выглянул объект моих размышлений.

- Ми... – начал он, но не успела я усмехнуться (назовет меня по имени – и прощай, конспирация!), как юноша закончил бойко: - Милая, пойдем!

- Конечно, - согласилась я, пряча улыбку, и взяла его под локоть. – Пойдем, милый!

У Петтера дрогнула рука, но у него хватило самообладания принять такое обращение как должное.

- Ты присмотри за машиной, ладно? – попросил он Галлина.

- Ладно уж, летите, голубки! – согласился Галлин, туша сапогом окурок, и с душераздирающим скрипом запер за нами дверь.

К счастью, оказаться в полной темноте нам не грозило: Петтер распахнул задние ворота и зажег повсюду свет.

- Вот он, мой Бруни! – гордо сообщил юноша, широким жестом указывая на нечто, ранее, видимо, прикрытое тканью. – Биплан новейшей конструкции!

Пахло от Петтера гордым лавровым торжеством.

Я присмотрелась, сглотнула... и, отпустив локоть Петтера, обошла вокруг «Бруни».

- Мы полетим на этом?! – не поверила я, обозревая наше... средство передвижения.

- Ну да! – Петтер искренне удивился.

- Кажется, вы собирались соперничать в небе с драконами, - заметила я с сомнением. Назвать это сооружение гордым словом «самолет» у меня бы не повернулся язык. Конструкция из дерева, ткани и фанеры доверия не вызывала. Неужели оно вообще может оторваться от земли?!

- Ну... со временем! – выкрутился юноша, кажется, несколько смутившись. – Вы не бойтесь, я на нем уже не раз летал!

Я вздохнула – выхода все равно не было – и согласилась:

- Хорошо, показывайте, куда садиться!

- Сюда! – Петтер похлопал своего любимца по боку. – Спереди пилот, а пассажирское место сзади!

Я подошла поближе. Крутившиеся на языке эпитеты удалось проглотить с огромным трудом. «Пассажирское место»

напоминало прорубь или отхожее место у селян. В деревянном корпусе была попросту вырезана дырка, в которой виднелась скамеечка.

Слава всем богам, что соответствующий запах не прилагался!

Впрочем, летать на таком аппарате наверняка страшно, а у пассажиров бывает слабый желудок или кишечник...

- Я боюсь! – честно призналась я.

- Не бойтесь, Мирра! – Петтер тут же приосанился, почувствовав себя героем и защитником. – Я же буду с вами!

Признаюсь, это единственное, что радовало меня в данной ситуации...

С посадкой возникли непредвиденные проблемы – утрамбовать меня вместе с юбками и шубой (не говоря уж о свертках и саквояже!) никак не удавалось. Сполна насладившись незабываемыми ощущениями пробки, которую пытаются затолкать в горлышко бутылки, в конце концов я не выдержала:

- Петтер, подождите! Так ничего не получится.

- Да, - согласился он. Придерживая меня за талию, помог выбраться из «пассажирской» дыры. Петтер отвел глаза и, поколебавшись, предложил тихо: - Может, останетесь? Мало ли что. Давайте, я сам?

- Не выдумывайте! – отмахнулась я. – Вам хель не поверят, следовательно, придется лететь вместе.

– И что вы будете делать?

- Переоденусь, - ответила я, критически разглядывая подол своей юбки и шубу, на которую не пожалели меха.

- Во что? – удивился Петтер.

Отличный вопрос: домой за вещами я заглянуть не сподобилась.

- Хм, - я огляделась в тщетной надежде найти хоть что-нибудь пригодное. Ничего, кроме парусины и шинели Петтера (бедняжка упарился, пока пытался затолкать меня в «пассажирское место») на глаза мне не попалось. И тут меня озарило: - Петтер, а у вас здесь нет запасной одежды?

- Запасной? – изумился он. – Ну, роба есть. Я в ней с механизмами вожусь. А что?

- Несите! – обрадовалась я...

Надо думать, внешний вид мой после переодевания скандализировал бы общество Ингойи настолько, что меня единодушно объявили бы буйно помешанной. По счастью, лицезреть меня в таком виде довелось лишь Петтеру, а он оказался юношей незаурядной храбрости (и отличного чувства юмора, что немаловажно!).

- Ужас, - констатировала я, оглядывая себя. Хорошо хоть

зеркала здесь не нашлось! В комбинезоне из грубой темно-синей ткани (должно быть, чтобы меньше были заметны пятна, о которых мне старательно докладывало обоняние) и наброшенной на плечи шубе я наверняка выглядела… сногсшибательно!

Впрочем, это не помешало Петтеру меня обнять.

- Вы самая красивая! – заверил он серьезно.

- Клянетесь? – пошутила я, невольно улыбаясь.

- Клянусь! – торжественно произнес юноша, подняв левую руку. Пахло от него липовым цветом и медом – нежно, тепло и сладко. – Лучше вас нет!

- Спасибо, Петтер, - ответила я, чувствуя себя ненормально… счастливой?..

В переодетом виде мне удалось разместиться с относительным комфортом, подстелив теплую верхнюю юбку.

- Извините, у меня только один шлем и очки, - виновато сказал Петтер, убедившись, что я устроилась со всеми возможными (в данных обстоятельствах!) удобствами. – Вам лучше привязать шляпу шарфом. А сверху набросить шубу. Давайте, я помогу.

- Конечно, благодарю вас! – вежливо откликнулась я. Кажется, он искал любой повод, чтобы лишний раз ко мне прикоснуться. – И, Петтер, возьмите вот это! Нанесите прямо на одежду пять-шесть капель.

Я протянула ему припрятанный пузырек.

- Что это? – поинтересовался Петтер, послушно отвинчивая крышку.

- Мята, розмарин и фенхель, - объяснила я. – Вы ведь устали, а это поможет вам взбодриться.

- Спасибо, Мирра! – в тихом голосе Петтера, в его темных глазах было столько нежности, что у меня защемило сердце. Петтер шагнул прочь, потом остановился, кажется, колеблясь. В этом сарае было столько сильных и неприятных запахов, что улавливать его чувства мне удавалось лишь вблизи. Потом, решившись, он взял с полки бутылку, вернулся и протянул мне: - Выпейте, хоть глоток-два. Это… для храбрости!

Отказываться я не стала, хотя пить хельский самогон – все равно, что глотать огонь.

Зато когда я отдышалась и вытерла слезы, то обнаружила, что «Бруни» уже выкатился из ангара и теперь весело скакал по полю, освещая себе путь прикрученным на носу фонарем.

- Закройте глаза! – крикнул мне Петтер, не оборачиваясь. Голос у него был неожиданно веселый и задорный. Надо думать, мальчишка наслаждался предстоящим полетом.

Я же, каюсь, могла только зажмуриться и молиться всем

богам, которых смогла вспомнить.

«Надо было написать завещание!» - мелькнула запоздалая мысль, и мы взлетели.

Последовавшие мысленные комментарии, признаюсь, были нецензурные, хоть и весьма уместны.

Летало это чудо техники, как муха с оборванным крылом. Братья так развлекались в детстве – ловили какое-нибудь насекомое, отрывали одно крыло и потом с интересом наблюдали за вихляющим полетом бедолаги. За такие забавы им доставалось от бабушки, но братьев это не останавливало...

Было страшно. Да что там, было отчаянно страшно! Я вцепилась в поручень и, чувствуя бьющий в лицо ветер, старалась не думать о том, что от падения меня защищает только деревянный настил под ногами.

Холодный ветер высекал слезы из глаз и мгновенно выстудил мою несуразную одежду. К тому же нещадная болтанка заставила меня пожалеть об опрометчиво отданном Петтеру масле мяты. Сейчас бы мятный леденец...

Здешние ночи совсем не такие непроглядные, как в южных широтах, к тому же покрывающий землю снег словно разбавлял темноту. Все внизу виднелось отчетливо: крыши, море, скалы...

Я тяжело сглотнула и зажмурилась. Паника заставляла тело каменеть, тошнота подступала к горлу, и только одна мысль гремела горошиной в моей разом опустевшей голове: «Высота звенит кедрами! Звенит»...

Холод, ветер и снег в лицо, навалившаяся усталость... В конце концов я впала в какое-то сонное оцепенение. К счастью, Петтер в моих указаниях не нуждался: огромный ледник на севере острова сложно не заметить при всем желании.

Очнуться меня заставил резкий рывок, от которого земля (точнее, заменявшая ее обшивка самолета) едва не ушла из-под ног. На неудобной скамеечке я и так чувствовала себя курицей на насесте. Моя развевающаяся шуба, надо думать, походила на крылья.

От резкого наклона я едва не выпала и вцепилась в поручень. И, разумеется, не удержалась от вскрика.

Петтер, каким-то немыслимым образом услышав меня в свисте ветра, на мгновение обернулся.

- Держитесь, Мирра! – отчаянно крикнул он, крутанул руль (или как там называется управление у самолета?), на что «Бруни», казалось, протяжно застонал.

Я осторожно выглянула вниз и обнаружила, что мы летим над морем. Дрейфующие в нем льдины обещали весьма прохладный прием сорвиголовам, которые рискнут искупаться.

Теплое течение осталось много южнее. Лететь осталось совсем немного – вдали скалами возвышалась сияющая даже в ночи толща льда.

Петтер боролся с «Бруни», пытаясь заставить его лететь ровно. Но шквальный ветер сводил на нет все его усилия, играл самолетом, как бумажным змеем.

Я изо всех сил вцепилась в поручень. Боги, милосердные мои боги, помогите и защитите!

- Мирра! – пробился сквозь цепенящий ужас голос Петтера. – Прыгайте, быстро!

«Что?! Вы с ума сошли?» - хотела спросить я, но замерзшие губы не слушались.

- Прыгайте! – снова крикнул мальчишка. – Тут невысоко. Ну же!

Я вдруг обнаружила, что машинально повинуюсь его властному тону. Теперь под нами был берег – немногим более приветливый, чем ледяное море. Скалы, снежное поле, узкая кромка прибрежного песка.

От одной мысли, что нужно переступить через край, мне становилось дурно. Ветер сорвал с моих плеч шубу, подталкивал меня в грудь, а я все никак не могла решиться.

Надо думать, Петтеру надоели мои колебания. «Бруни» дернулся, закладывая вираж, и я с воплем полетела вниз...

По счастью, самолет летел совсем низко, к тому же упала я в глубокий сугроб.

Полежала, с некоторым трудом осознав, что осталась в живых. Ничего даже не болело, кроме ушибленного локтя. К груди я прижимала драгоценный саквояж с лекарствами, а также вместительный пакет с продуктами.

Обнаружив это, я нервно засмеялась и попыталась сесть. Надо же, самое ценное я не выпустила даже в столь экстремальных условиях!

Отдаленный крик и глухой звук удара мгновенно оборвали мой смех.

Боги, это же Петтер!..

Никогда в жизни мне не доводилось бегать так быстро и отчаянно. Сердце, казалось, колотилось в горле, я то и дело спотыкалась, но мчалась дальше, наплевав на опасность переломать ноги. Бежать в комбинезоне было легко, а шуба слетела с меня еще до падения и, кажется, зацепилась за хвост «Бруни». Снег налипал на ресницы и студил щеки, однако холода я не чувствовала.

Одна мысль о том, что могло случиться с Петтером... Нет, лучше не думать!

Вонь горючего вывела меня к морю.

Самолет мертвой птицей валялся на берегу, бессильно раскинув переломанные крылья. В нескольких шагах от него кулем лежало что-то темное. И ни звука, ни движения.

Задохнувшись, я до боли прикусила губу.

Боги, милосердные мои боги, этого не может быть!..

Я побрела к «Бруни», все сильнее и сильнее замедляя шаги. Казалось, пока я не увижу воочию, надежда все еще остается...

Слезы застилали глаза, потому я не сразу рассмотрела то, что издали приняла за тело. Раскинув рукава, на снегу валялась моя шуба.

И я рассмеялась – до истерики, до слез – так, что не сразу услышала голос.

- Мирра! – встревоженно окликнул меня откуда-то сзади Петтер.

Я повернулась так резко, что едва удержалась на ногах.

- Петтер?!

На вид юноша был вполне здоров. Разве что тени под глазами сделались еще гуще, словно нарисованные чернилами.

И, рванувшись к нему, я с силой стукнула его кулаком в грудь.

Петтер, явно не ожидавший такого напора, чуть покачнулся, потом перехватил мои руки.

- Мирра, успокойтесь, - попросил он устало. – Мы уже недалеко от хель, дойдем.

От неожиданности я замерла, пытаясь сообразить, о чем он говорил.

- Петтер, - недоверчиво проговорила я, всматриваясь в мутные от утомления глаза. – Вы что же, решили, что я рассердилась на вас за то, что мы добрались до цели?!

Он удивился – расширились зрачки, повеяло кисло-сладким ароматом недоумения.

- А что же?.. – он не закончил, потому что я засмеялась.

- Глупый мальчишка, - сказала я нежно. - Я так за вас испугалась!

Даже на «мальчишку» он не рассердился. Только до боли прижал меня к себе и вздохнул так глубоко, словно до сих пор боялся дышать. Густой и тягучий аромат амбры с легкой мускусной пушистостью словно поднимал над землей...

Когда эмоции улеглись, мы устроились у бока «Бруни» - хоть какое-то укрытие. Петтер выломал из крыла самолета несколько листов фанеры, сверху набросил мою многострадальную юбку и накрыл нас своей шинелью и моей шубой. Получилось вполне уютное гнездышко. Правда, долго так не продержаться – ветер и

снег понемногу выпьют тепло и оставят нас замерзать на льду.

Зато очень пригодилась сумка с припасами, которую я так и не бросила. Кофе пришлось пить прямо из фляги, зато выпечки было вдоволь, хоть и мгновенно остывающей на холоде.

По правде говоря, мы оба проголодались, так что не слишком привередничали. Надо думать, Петтер не отказался бы и от чего-то посущественнее (ох уж этот мужской аппетит!), но выбирать не приходилось.

- И что мы будем делать? – поинтересовалась я, доверчиво устроившись в кольце рук Петтера.

Думать ни о чем не хотелось. Ситуация, прямо скажем, незавидная. Ночь, холод...

- Можно попробовать выйти к ближайшему поселку хель. Он должен быть где-то неподалеку, - предложил Петтер.

-Метель усиливается, - возразила я. Даже шевелиться было лень. – Мы можем пройти от него в двух шагах и не заметить.

Тем более что построенные изо льда дома хель вообще мало выделялись в здешнем пейзаже.

- Давайте дождемся рассвета, - Петтер погладил меня по волосам. – Уже скоро.

- Давайте, - согласилась я, наслаждаясь исходящим от него теплом. Украдкой провела пальцами по его груди, вдохнула ставший таким родным аромат ветивера...

Петтер беспокойно шевельнулся, на мгновение сильнее сжал руки. Потом глубоко вздохнул и заставил себя чуть ослабить объятие.

Так мы и сидели, когда отдаленный волчий вой заставил меня дернуться и вглядеться в темноту. Петтер напрягся, прислушиваясь.

- Здесь не может быть волков! - воскликнула я.

В землях хель действительно практически не водилось крупной живности, кроме медведей и полярных лис.

- Может, - тихо возразил юноша, и голос его звучал столь странно, что я подняла голову. Лицо Петтера казалось белее снега. – Это снежные волки!

Я сглотнула, разом вспомнив все страшные сказки. Звери, сотканные из снега, - северные чудовища, неуязвимые для человеческого оружия.

Кажется, вой приближался.

- Мы просто замерзнем, - тихо произнесла я. Укрыться от волков негде, бежать некуда. Легенды уверяют, что снежные волки теряют силу с рассветом, вот только вряд ли мы продержимся так долго.

- Нет! – мотнул головой Петтер. Пахло от него странно – бархатный ладан, сухая шершавость ветивера – уверенность и решимость. - Я не позволю вам замерзнуть! Вставайте, Мирра, ну же!

Я повиновалась, хоть и не понимала, что он намеревался делать. Единственное, что могла предпринять я сама – в надежде отпугнуть волков накапать вокруг эфирных масел. Впрочем, вряд ли это помогло бы против созданий не из плоти и крови.

Петтер взглянул на едва светлеющее над морем небо и решительно оттащил наши пожитки в сторону.

- Держитесь неподалеку! – велел он, бросив на меня короткий

взгляд. Я молча кивнула.

Петтер подошел к «Бруни», похлопал его по боку, старательно смахнул снег. Вынул из кабины бутыль, плеснул вонючей жидкости на изломанное крыло самолета. Потом достал коробок и, чиркнув спичкой, поднес ее к ткани.

Я прикусила губу, поняв, что он сделал.

Отяжелевший от влаги материал занимался неохотно, но понемногу огонек разгорался, и вот уже на «Бруни» горел небольшой костерок, постепенно отвоевывая себе все больше пищи.

Петтер шагнул в сторону и отвернулся, кажется, смаргивая слезы.

Живой огонь был нашей единственной надеждой, но ради нее Петтеру пришлось собственными руками уничтожить свое творение, своего верного друга, свою мечту.

- Не нужно, - попросила я, крепко обнимая юношу. А у самой глаза на мокром месте. – Я знаю, вы еще будете летать. Он... он погиб не напрасно!

Звучало пафосно. Но в тот момент это действительно казалось уместным.

От «Бруни» тянуло живительным теплом.

А губы у Петтера были соленые...

Вопреки ожиданиям, «Бруни» горел долго. Возможно, из-за сыплющегося с небес снега, который сдерживал пламя. Или он действительно все понимал, как бы глупо это не звучало применительно к нелепой конструкции из палок и ткани. Но «Бруни» все растягивал и растягивал свою агонию, даря нам бесценные минуты.

А мы сидели у костра, как замерзшие воробушки, и с надеждой вглядывались в светлеющее небо. Признаюсь, мне вовсе не улыбалось романтически умереть в объятиях Петтера.

Умирать – страшно. О сыне я старалась даже не думать...

Ветер еще не раз доносил до нас тоскливый вой, который словно резонировал в позвоночнике. Но приближаться снежные волки боялись. Для них огонь куда страшнее – и ненавистнее! – чем для обычных животных.

В предутреннем сумраке мне все мерещились горящие глаза, поэтому я старалась смотреть только на море, серое и неприветливое. И слушала стук сердца Петтера под моей щекой.

И, наверное, это единственное, что спасало меня от помешательства.

Люди здесь - незваные гости и законная добыча. И я, каюсь, в тот момент могла понять желание заговорщиков уничтожить это ледяное чуждое великолепие...

- Боги, милосердные мои боги! – сорвалось с моих замерзших губ, когда край солнца показался над горизонтом. Петтер лишь вздохнул, уткнувшись губами в мою макушку.

И бессильный вой снежных волков, сотнями гибнущих под солнечным светом, звучал нам приятнее любой музыки...

«Бруни» погас через несколько минут после рассвета.

- Пойдем? – предложил Петтер, стараясь не смотреть на кучу золы, в которую превратился самолет. Снег торопился похоронить его останки, укрыть траурным белым покрывалом.

- Пойдем, - согласилась я, поднимаясь с помощью Петтера. Все тело у меня затекло, и теперь в руки и ноги словно впивались ледяные иголки.

Сборы были недолгими, и вот мы уже шагали на север, сочтя, что чем севернее, тем больше шансов отыскать хель.

Петтер меня поддерживал, обнимая за талию, хотя, надо думать, сам не слишком уверенно держался на ногах от холода и усталости.

Впрочем, далеко уйти мы не успели. Разухабистый свист, крик: «А ну стоять, твари позорные!», веселый перезвон Колокольцев на сбруе медведя – все это было так знакомо, что я едва не расплакалась от облегчения и придержала Петтера за рукав.

- Не волнуйтесь, - шепнула я, видя, что он приготовился отражать угрозу. – Это же хель! Мы спасены!

- Как скажете, - вздохнул он, кажется, не слишком радуясь. Колкий аромат лимонной травы, пахнущее ирисом сожаление...

Я же прищурилась, всматриваясь в полускрытую пеленой снега фигуру, и чуть не села прямо на мерзлый песок.

- Альг-исса?! – выговорила я недоверчиво. И, не до конца веря собственным глазам, замахала руками, закричала что было сил: - Альг-исса! Это Мирра!

Хель пришпорила своего скакуна. Медведь взвился на дыбы, закусил удила и рванул вперед.

- Солнце? – недоверчиво переспросила Альг-исса (это действительно оказалась она!), осаживая Хельги в нескольких шагах от нас. – Ай, это ты?

- Я, - подтвердила я, смеясь и плача. – Ты жива, мы живы, все в порядке...

Не слушая моих слабых возражений, Альг-исса усадила нас с Петтером на медведя. Эта злобная животина покосилась на меня с явным плотоядным интересом, за что хель огрела его плетью по носу. Хельги отвернулся, обиженно фыркнув, и с места взял такой галоп, что я едва не сверзилась.

«Пожалуй, падений с меня на сегодня достаточно!» - решила

я, крепче прижимаясь к Петтеру.

Словно засыпанная сахаром равнина сливалась в размытое белое пятно, от которого слезились глаза и сами собой слипались веки.

- Поспите, Мирра, - предложил Петтер, каким-то образом умудряясь держать меня даже во время особо резвых прыжков Хельги.

- Да, - согласилась я, чувствуя, как усталость накрывает меня пуховым покрывалом.

Последнее, что я услышала, прежде чем провалиться в сон, был голос Альг-иссы, во все горло распевающей: «Осторожно, снегопад! Я влюбилась невпопад!»...

Глаза я открыла только у дома Альг-иссы. Могла и не открывать, все равно Петтер внес меня внутрь и опустил на лежанку. К сожалению, сам он отчего-то рядом укладываться не стал. Но сил протестовать у меня не осталось.

- Петтер! – позвала я, с трудом удерживая глаза открытыми. – Нужно же рассказать хель...

- Отдыхаете, - он укрыл меня одеялом. – Я сам все расскажу.

- Хорошо, - прошептала я, проваливаясь в сон...

Проснулась я от аппетитного горьковато-пряного запаха кофе. Сладко потянулась, втянула носом дразнящий аромат и попросила:

- Будьте добры, мне тоже налейте!

- Конечно, - откликнулся Петтер, и спустя всего минуту в руках у меня уже была полная кружка кофе и пирожок с абрикосовым вареньем.

- Блаженство! – пробормотала я с полным ртом (вопреки строжайшим наставлениям бабушки!).

Впрочем, Петтер явно не находил мое поведение предосудительным.

- Тут все так странно, - заметил он, непринужденно присаживаясь на мою ледяную постель, устланную шкурами.

- Что именно? – удивилась я, пододвигаясь.

Признаюсь, я давно позабыла свои первые впечатления от хель.

- Да все, - махнул рукой Петтер. – Дома изо льда, вся утварь тоже изо льда, шкур и кости. И сами ведут себя как дети!

Я прикинула, что могли вытворить хель, чтобы заслужить такую оценку, и поинтересовалась осторожно:

- Что сделала Альг-исса?

- Да ничего, - дернул плечом юноша. – Просто долго рассказывала, что она «вмерзла». Насколько я понял, это означает «влюбилась»? И еще она говорит о себе, как мужчина!

Я усмехнулась и, пользуясь моментом, ласково взъерошила его темные волосы.

- Не обращайте внимания, - предложила я мягко. Признаюсь, известие о том, что Альг-исса влюбилась, несколько меня огорошило. – Хель странные, но, в сущности, не плохие.

Впрочем, Петтеру уже было неинтересно слушать о каких-то там хель. Он аккуратно вынул из моих рук чашку и недоеденный пирожок, отставил в сторону. И опрокинул меня на постель, против чего я, признаюсь, нисколько не возражала...

А вот против гулкого барабанного боя, раздавшегося – конечно! – в самый неподходящий момент, я очень даже возражала. И Петтер, судя по пылкому монологу вполголоса, тоже не обрадовался музыкальному сопровождению.

Еще больше его огорчила Альг-исса, ворвавшаяся в дом с воплем:

- Ай, солнце! Там! Там!

Я вздохнула, застегивая комбинезон. Ругаться на подругу не стоило, в конце концов, она уступила нам свое жилище и имела полное право вернуться обратно.

Но один взгляд на Петтера – встрепанного, сладко и пьяняще пахнущего иланг-илангом, мускатным орехом и мимозой – заставил меня остро пожалеть, что я не могу взять его в охапку и убежать на край света...

- Слушаю тебя, - кажется, недовольство в голосе мне скрыть не удалось. К тому же приходилось перекрикивать неумолкающие барабаны, что тоже не улучшало моего настроения.

Альг-исса, эмоционально машущая руками, лишь теперь остановилась, толком вгляделась... и смущенно потупилась.

- Ай, ты извини, ладно? Мальчик у тебя хороший! – она покровительственно потрепала Петтера по загривку (от такого обращения юноша лишился дара речи, и слава богам!). – Лучше, чем прежний. А меня там...

- Там? – переспросила я, надеясь, что Петтер не понял сравнения с Ингольвом (которого, к слову сказать, Альг-исса терпеть не могла).

- Связать хотят! – так трагично возопила подруга, что я не сразу сообразила, что под этим премилым эвфемизмом подразумевались брачные узы.

Надо думать, Альг-исса отчаянно боялась семейной жизни, и не могу сказать, что я не понимала ее страхов.

К пародии на марш добавились еще вопли на десяток голосов:

- Выходи, Альг-исса! Выходи!

«Выходи!» - дружно скандировали хель.

Потом кто-то, окончательно развеселившись, крикнул:

- Выходи, не трусь!

- Я не трус! – рявкнула Альг-исса, схватила стоящий в углу бочонок и, вскинув его на плечо, буквально выломилась из дома.

- Я не трус, но я боюсь, - хмыкнул юноша, натягивая одежду.

Обсуждений не требовалось. Нужно выяснить, что происходит!

Возле дома столпились десятка три хель. Впереди – Мать с церемониальным ломом, рядом с ней пожилая хель, разодетая в шубу лимонного оттенка. Из-за ее спины робко выглядывал юноша в огуречно-зеленом одеянии, надо думать, будущий жених.

Избранник Альг-иссы был хорош (разумеется, по хельским меркам!): высокий, тонкий и изящный, со звенящими браслетами на руках и ногах. Лицо его было открыто, и подобающий макияж придавал ему колорита: насурьмлённые глаза («стрелки» доходили до висков), нарумяненные щеки (тщательно выведенные вишневые кружки), и, в противовес, выбеленные губы...

Влюбиться можно!

Судя по тому, что юноша не сводил глаз с Альг-иссы, сам он накрепко «вмерз». И бархатный аромат розы, такой неожиданный и яркий в этом ледяном царстве, выдавал его с головой.

- Ай, чего надо? – уперев кулаки в бока, поинтересовалась Альг-исса громко. – Ай, чего кричите, гостям спать не даете?

Я усмехнулась: неожиданная деликатность Альг-иссы меня позабавила, и покосилась на Петтера. Он во все глаза разглядывал происходящее, кажется, уже не так сильно жалея о прерванном... процессе.

- Слух до нас дошел, что тут для нашей рыбки прикорм есть, - степенно начала пожилая дама (видимо, будущая свекровь). – Вот и пришли мы взглянуть, как ты, Альг-исса, рыбу готовить умеешь!

- Смотрите! – Альг-исса так хлопнула ледяным бочонком оземь, что из того посыпались селедки пряного посола. Пара сельдей долетела почти под ноги жениху.

«Хорошая примета!» - одобрительно зашептались в задних рядах.

Мать поселка властно взяла за плечи «жениха», повернула спиной к «невесте», а «свекровь» степенно вынула из-за пазухи несколько воняющих рыбой свертков.

Сельдь разложили прямо на снегу. Десятка два жирных рыбин источали такой головокружительно вкусный аромат, что у меня забурчало в животе. Как тут не вспомнить недоеденную булочку!

«Жениха» хорошенько раскрутили вокруг своей оси, приговаривая: «Сети в воду ты бросай, кого хочешь, выбирай!», потом со смехом и шутками остановили перед выставкой достижений хельского хозяйства... То есть перед соленой сельдью в ассортименте.

- Ну что, сын! – торжественно проговорила «свекровь». – Отыщи свою судьбу!

«Ай, я милую узнаю по селедке!» - затянули хель в несколько голосов, так слаженно и красиво, словно репетировали каждую свободную минутку.

Вторя им, в загонах заревели медведи.

Юноша замер сусликом (хотя в своем зеленом одеянии он больше походил на кузнечика), только глаза перебегали с одной рыбины на другую. Надо думать, в случае неправильного ответа помолвка не состоится.

Хотелось крикнуть: - «Что вы на нее смотрите? Нюхайте!». Каюсь, решительность момента проняла даже меня. С моей точки зрения, выбрать было совсем несложно: только Альг-исса клала в свою сельдь кориандр.

Кажется, «жених» моего мнения не разделял: прикусил губу, обвел растерянным взглядом стоящих вокруг...

Альг-исса насупилась еще сильнее, и от нее плеснуло такой волной дегтярно-густого страха, что я решилась: показала «жениху» глазами на крайнюю справа рыбину.

- Вот! – обрадованно выкрикнул он, схватив за хвостик аппетитно пахнущую сельдь. – Правильно?

На лице его читались такая надежда и ожидание, что я умиленно вздохнула.

- Правильно! – подтвердила Мать звучно. Растянула губы в улыбке, поманила к себе Альг-иссу, вложила тонкую руку «жениха» в лопатообразную ладонь «невесты», и провозгласила торжественно: - Объявляю Альг-иссу и Вет-исса рыбкой и прикормкой! Вечером мы это отпразднуем, как полагается!

Присутствующие растроганно заахали, «свекровь» смахнула скупую хельскую слезу.

Петтер, пользуясь случаем, обнял меня, и я склонила голову ему на плечо. Момент располагал...

Одна Альг-исса, кажется, не поддалась всеобщему умилению – насупилась и сдавила руку жениха так, что он поморщился от боли. Потом она отпихнула его от себя, заставив «свекровь» недовольно нахмуриться.

- Ай, пойду я, - проронила Альг-исса и понуро, приволакивая ноги, двинулась прочь. Запах ее был горек, как вкус хинина. На счастливую молодую она не походила даже отдаленно.

Хель заворчали, с сочувствием поглядывая на расстроенного чуть не до слез новобрачного.

Было неприятно, словно мы подсмотрели сцену, не предназначенную для наших глаз.

- Эй, постой! – рявкнула Мать и бросилась догонять Альг-иссу.

Хель словно ветром размело по поселку, так быстро они ретировались.

Возле уже не нужной селедки остались лишь я, Петтер и тихо всхлипывавший Вет-исс. Даже «свекровь» ушла – теперь ее сын всецело принадлежал жене.

- Пойдемте? – предложил Петтер, явно испытывающий неловкость из-за слез новоиспеченного мужа. Я кивнула и позволила ему меня увести.

- Кажется, я сделала глупость, - тихо призналась я Петтеру уже на пороге. – Я подумала, Альг-исса влюблена в него, а оказывается...

- Нет! – вскричал за нашими спинами ломкий мужской голос. – Неправда!

- Что именно? – уточнила я, с неохотой оборачиваясь.

Вет-исс, встрепанный, с размазанной косметикой, выглядел так жалко, что хотелось дать ему конфету и погладить по голове. Впрочем, нереализованный материнский инстинкт быстро отступил под натиском здравого смысла. Хель не едят сластей, а чтобы достать до макушки юноши хель, мне понадобилась бы лестница.

- Про то, что Альг-исса меня не любит! – так горячо заговорил он, что удивительно, как снег вокруг него не растаял.

- Значит, - медленно проговорила я, - вы считаете, что она вас любит?

- Да! – энергично кивнул Вет-исс, в запале вытирая слезы вместе с косметикой рукавом парадного одеяния.

- И с чего вы это взяли? – уточнила я, прищурившись.

Петтер рядом хмыкнул.

- Она сама мне призналась! – простодушно сообщил Вет-исс.

- Хм, - Я задумалась. Нельзя сказать, что хель совсем не способны на ложь, однако кокетничать они умели не лучше окрестных ледников. – Прямо так и призналась?

- Ну да, - он смотрел на меня, как на ребенка, не понимающего очевидных вещей. – Вы что же, думаете, я сам решился... ну, на это все?

Вет-исс ткнул пальцем на валяющуюся под ногами рыбу.

- Не знаю, что и думать, - развела руками я. – Согласитесь, она вела себя совсем не как счастливая невеста!

- Я знаю, - Вет-исс потупился и по-детски шмыгнул носом. – Не пойму, что с ней! Она уже несколько дней сама не своя! И даже говорить не хочет!

В голове моей пойманной рыбешкой билась мысль. Поведение Альг-иссы и мне казалось странным. Положим, даже опытный аромаг не всегда мог разобраться в эмоциях хель. Однако я достаточно хорошо знала Альг-иссу, чтобы различать ее настроение даже без помощи обоняния. Неужели я могла так легко перепутать отчаяние из-за нежелания выходить замуж со страхом потерять любимого?

- А вы уверены, - видя мою задумчивость, Петтер решил взять инициативу в свои руки, - что правильно поняли Альг-иссу? Может, она хотела просто... погулять?

Кислый аромат лимонника выдавал его сомнения.

- Да как вы!.. – Вет-исс задохнулся от негодования. – Она же мне рыбу присылала! Я... Я сейчас! Подождите!

Он развернулся и со всех ног куда-то кинулся. Нам с Петтером ничего не оставалось, кроме как отправиться в дом.

Я корила себя за помощь Вет-иссу. В конце концов, могла ведь и не вмешиваться без спросу, тем более не разобравшись?!

- Мирра, прекратите! – велел в конце концов Петтер, надо думать, утомившись наблюдать за моими метаниями. – Идите сюда!

Я усмехнулась его командирскому тону, однако послушалась. И была вознаграждена: Петтер выдал мне из неприкосновенного запаса чашку кофе и – о, чудо! – добыл из какого-то свертка еще горячую булочку!

- Петтер, вы – прелесть! – искренне сказала я.

- Ешьте, - хмыкнул он, и только звонкое мандариновое благоухание выдавало его радость.

Облизываясь, как кошка, я принялась завтракать, и на этот раз никто мою трапезу не прервал.

- Кажется, мы сглупили, - призналась я, дожевывая последний кусочек булки. – Мчались предупредить хель, толком не зная, что именно им грозит.

- Второй кинжал? – предположил Петтер осторожно.

- Вероятно, - кивнула я. – Но кто именно под угрозой? Не будем же мы ходить следом за всеми хель!

- Пусть Мать разбирается, - пожал плечами Петтер. – Альг-исса обещала ей все передать.

Продолжить разговор мне не дал громкий стук в дверь (точнее, в стену, потому что дверное полотно здесь заменяли шкуры).

Сразу после этого в дом ввалился Вет-исс, трепетно

прижимающий к груди сушеную рыбу. Он уже натянул шапку «с ушками» - знак своего нового статуса.

- Это нам? – улыбнулась я. – Благодарю за угощение, потому что Альг-исса...

Я хотела сказать, что моя подруга умчалась, забыв позаботиться о пропитании гостей, однако на лице Вет-исса отразился такой ужас, словно я предложила ему зажарить и съесть саму Альг-иссу (притом самое пугающее слово в этом предложении – «зажарить», хель ужасно боятся огня).

- Нет! – взвизгнул он, отшатнувшись так, что едва не уронил свою ношу. – Это же письма!

- Письма? – удивилась я, ища глазами хоть какую-то бумагу.

- Да! – Вет-исс аккуратно выложил на стол рыбу, бережно поправил. – Вот, гляньте! Ее рукой!

В голосе его звучало такое обожание, что я не выдержала, подошла ближе. Петтер уже разглядывал знаки, кое-как накарябанные на сушеной рыбе. Признаюсь, в хельской грамоте я не сильна, а уж разбирать столь экзотичные послания... увольте!

Впрочем, сомневаться в словах Вет-исса не приходилось. Пахло от него столь торжествующе – лавром и гвоздикой – что недоверие можно было отбросить.

А я наконец вспомнила, что все брачные обряды хель с давних времен связаны с рыбой. И если Альг-исса дарила ее милому, то у нее действительно были серьезные намерения. Которые вдруг изменились – если верить Вет-иссу, ни с того, ни с сего.

- Итак, Альг-исса внезапно вас разлюбила, - резюмировала я, сформулировав наконец про себя ускользавшую мысль. И почувствовала, как холодеет сердце. – И ведет себя странно, верно?

- Да, - кивнул Вет-исс, явно не понимая, к чему я клоню.

А я повернулась к Петтеру и мрачно сообщила:

- Думаю, мы нашли ту хель, которой угрожает опасность.

- Альг-исса? – мгновенно уловил мою мысль он. – Но почему?..

- Откуда мне знать? – я принялась нервно наматывать на палец рыжий локон. Вет-исс переводил с меня на Петтера недоумевающий взгляд, и я решилась: - Вет-исс, вы можете найти Альг-иссу? Мне нужно срочно с ней поговорить.

По правде говоря, просьба моя носила весьма необычный характер - своенравие у мужчин хель, мягко говоря, не поощрялось. Неизвестно, что предпримет жена, узнав, что муж за ее спиной обсуждал их отношения с посторонними.

- Хорошо, - решился Вет-исс наконец. – Я вам должен.

Спасибо вам! Пусть благословит вас добрая Хель!

- М-да, - признаюсь, я искренне надеялась, что благословение владычицы мертвых не скоро мне пригодится. – Благодарю на добром слове!

Он кивнул и вышел, на ходу нахлобучив на голову шапку.

Не прошло и десяти минут, когда Вет-исс снова ворвался в дом.

- Там! Там! – выговорил он, трясясь от волнения. – Моя рыбка куда-то собралась! Седлает своего медведя!

- Возможно, в дозор? – предположила я. – Или по приказу Матери?

- Нет, - он покачал головой так отчаянно, что головной убор едва не свалился. – Я... Я спрашивал Мать!

Мы с Петтером переглянулись.

«Храбрец!» - одними губами сказала я. Петтер кивнул, соглашаясь.

- И что вам ответила Мать? – поинтересовалась я, застегивая шубу.

- Что хочет сама взглянуть, - признался Вет-исс, закусив губу. – И я... Я убедил ее взять нас с собой!

- Как это вам удалось? – только и спросила я. С Матерью мне уже не раз доводилось сталкиваться, и она не производила впечатления особы, которую легко в чем-то убедить.

- Я сказал ей, что Хель завещала нам: «Да прилепится муж к жене своей!» - процитировал Вет-исс гордо.

Первым засмеялся Петтер. Подошел к зардевшемуся Вет-иссу, одобрительно хлопнул по плечу.

- Молодец!

Я кивнула, соглашаясь с такой оценкой. Отчаянный юноша!

- Пойдемте скорее, - спохватилась я, и мы дружно выскочили на улицу (Петтер на ходу натягивал теплую шапку). А я тихо радовалась, что так и не собралась сменить его комбинезон на свое платье. Бегать и ездить верхом в брюках оказалось не в пример сподручнее!..

Мы мчались по леднику, словно Дикая Охота. Альг-исса давно скрылась с глаз, однако науськанные Матерью медведи каким-то неведомым образом находили ее следы. По правде говоря, даже мое хваленое обоняние в таких условиях отказывало, так что для меня оставалось загадкой, как им это удавалось. А может, они просто чувствовали мчащегося под седлом собрата?

Так или иначе, но Мать временами торжествующе потрясала ломом, указывая на еще не заметенные снегом следы. Хорошо хоть нас с Петтером вез Вет-исс, так что опасности схлопотать по затылку ломом мы не подвергались.

Признаюсь, скачка эта осталась в моей памяти белым пятном. В прямом смысле белым, потому что блестящий под солнцем снег заставлял щуриться от невыносимой сверкающей белизны, кое-где отливающей голубым. А бедность запахов вынуждала радоваться даже вони медвежьей шкуры и благовониям Вет-исса - нестерпимо острому и жгучему запаху бобровой струи, похожему на березовый деготь.

Вет-исс оказался лихим наездником, и приходилось лишь диву даваться, когда он успел этому научиться. Не иначе, как убегал ночами из дому, чтобы погонять материнского медведя...

В конце концов я сдалась, перестала всматриваться в окрестные льды и, закрыв глаза, прислонилась к Петтеру. Он придерживал меня за талию, так что опасность сверзиться с медведя мне не грозила. Однако я едва не прикусила язык, когда Вет-исс резко осадил свою ездовую животину.

- Приехали! – радостно рявкнула Мать, напрасно пытаясь приглушить гулкий командирский голос.

В этот момент пожилая хель, несмотря на седые косы, так походила на Альг-иссу! Впрочем, неудивительно – подруга как-то небрежно заметила, что Мать поселка - ее родная мать. Однако хель не поддерживают теплых отношений (по отношению к хель само это слово звучит издевательски!) с родственниками, так что на особые привилегии Альг-иссе рассчитывать не приходилось.

Петтер снял меня с медведя, и я наконец получила возможность оглядеться.

- Но это же то самое место! – воскликнула я, обнаружив неподалеку знакомые скалы. На выступ одной из них был наброшен повод Хельги, который при виде меня заворчал и рванулся вперед, надо думать, надеясь мной закусить. Узда не дала ему это осуществить, из-за чего медведь обиженно зарычал и угрожающе махнул лапами.

- Ша! – шикнула на него Мать, и Хельги мрачно лег на снег.

Хм, пожалуй, я бы не отказалась от такой шкуры. Постелить в «Уртехюс» и тепло обеспечено!

От сладких, хоть и несбыточных мечтаний меня отвлекла Мать, которая с тяжким вздохом принялась стягивать с себя ярко-зеленую шубу. Этой символ респектабельности хель меньше всего подходил для того, чтобы в нем красться по снегу.

- Куда вы? – поинтересовалась я. Обнаженная Мать внушала почтение монументальностью фигуры. Три метра красоты, иначе не скажешь.

- На разведку! – весомо ответила Мать, кивая в ту сторону, где, как я помнила, находилась статуя Хель.

Я с сомнением покосилась на скалы. Защитные руны давно

стерли, но воспоминания стереть оказалось не так просто.

- Постойте, давайте сначала я, - со вздохом предложила я и, не слушая возражений, объяснила спокойно: - Вдруг здесь снова ловушка для ледяных?

- Тогда пойду я! – выступил вперед Петтер. – Я не позволю вам рисковать!

Умиление во мне боролось с раздражением.

- Хм, - я улыбнулась ему, не скрывая скептицизма. «Вы не вправе что-либо мне запрещать!»

Юноша сжал челюсти, прекрасно поняв мою мысль.

- Пожалуйста, Мирра! – попросил он тихо, словно через силу. Гладкий и плотный кожаный запах – путы долга и чести.

- Лучше идите со мной, - голос мой звучал негромко, подчеркнуто мирно.

- Почему? – он отвел взгляд, поддел сапогом ближайший сугроб.

- Потому что вы не знаете, что здесь произошло и при каких обстоятельствах, - объяснила я, втихомолку потирая ладони. Несмотря на теплые рукавицы, пальцы у меня уже замерзли. – Боюсь, вам будет сложно так быстро сориентироваться.

Наконец Петтер нехотя кивнул и подставил мне локоть.

- Не злитесь, - осторожно погладить колкую шерсть шинели, заглянуть в темные глаза. – Вы не сможете защитить меня от всего.

- Я понимаю, - ответил он ровно. Богатый и мягкий тон меда окутывал его теплым облаком. «Но я хотя бы попытаюсь!»...

Пробираясь через ущелье, в котором свистел ветер, я вдруг уловила запах, которого здесь быть не могло. Пахло... карболкой!

- Стойте! – прошептала я, придерживая Петтера за рукав. - Там люди!

- Вы уверены? – недоверчиво уточнил он.

Да уж, сложно представить, чтобы люди так легко шастали в этих землях.

Альг-исса объясняла, что с недавних пор хель постоянно патрулируют свои угодья, даже за небом наблюдают. Кстати, именно так она отыскала нас с Петтером после аварии.

Я закрыла глаза, чтобы ничто не отвлекало, и принюхалась. Ветивер, липовый цвет, нагретые на солнце стволы сосен – это Петтер. А из-за скал тянуло... жареным беконом, карболкой и лимонной травой!

- Уверена! – подтвердила я, открывая глаза. Что-то мне этот запах напоминал...

- Давайте я выгляну, - юноша отодвинул меня и осторожно высунулся из-за скалы.

Бесшумно ступая, вернулся, потянул меня прочь.

- Что там? – спросила я, впрочем, не сопротивляясь.

- Альг-исса сидит на снегу у подножия статуи, - добросовестно отрапортовал Петтер, - а рядом с ней какой-то тип с кинжалом. – И добавил, упреждая вопрос: - С ней вроде пока все нормально.

Он хмурился, и резкий пряно-холодный аромат чайного дерева вперемешку с горячей камфарой выдавал затаенный гнев.

Но это было ничто по сравнению с буйством, в которое впала Мать, услышав новости.

- Люди! – словно выплюнула она, воинственно потрясая ломом. – Снова люди! Везде люди!

И это так ярко напомнило мне гневное «люди – как тараканы» Исмира, что я отвернулась, прикусив губу.

Петтер бросил на меня обеспокоенный взгляд – густой аромат ветивера поплыл вокруг – и потребовал властно:

- Прекратите! – и, не давая поперхнувшейся хель что-то ответить, заметил здраво: - Сейчас не время ругаться. Что будем делать?

- Да! – влез юный Вет-исс, надо думать, в силу возраста и пола испытывавший солидарность с Петтером. – Надо спасать Альг-иссу!

Мать наградила его тяжелым взглядом (м-да, Вет-исс все же смелый паренек!), но вынужденно согласилась.

- Мы пойдем с моря! – решила она, снова разоблачаясь. – А вы отвлеките!

- Договорились! - кивнул Петтер...

Отвлечь таинственного мужчину удалось без труда: разглядев его, я не сдержала вскрика.

- Господин Гюннар?!

Фотограф резко обернулся, сверкнув стеклами пенсне. Даже на расстоянии от него чувствовался аромат безумия – густой, темный и засасывающий, как трясина.

- О, старая знакомая! – он раскинул руки, словно собираясь меня обнять, и улыбнулся настолько сумасшедшей улыбкой, что меня передернуло. – Соскучились, госпожа Мирра?

От ужаса и воспоминаний меня затрясло. Но нельзя, нельзя поддаваться панике!

- Разве я такая уж старая?! – улыбнуться кокетливо, похлопать ресницами. Только бы он не обернулся, не увидел показавшиеся в море макушки хель!

Петтер позади излучал непонимание, но отвлекаться на него было некогда. Пахло от юноши раздражением – шершавой занозистой древесиной – однако у него хватило ума не спорить.

Близко подобраться к Альг-иссе нам не удалось, но это и к лучшему. Сочтя нас серьезной угрозой, господин Гюннар мог взять ее в заложники. И, судя по блаженно-отсутствующему выражению лица подруги, она не оказала бы ни малейшего сопротивления. К тому же сложно сопротивляться, будучи привязанной к ледяной статуе! Буквально в двух шагах от нее весело полыхал костерок, однако даже это не беспокоило одурманенную Альг-иссу.

- Нет! – возразил фотограф, не отрывая от меня плотоядного взгляда. Казалось, сейчас он бросится на меня, как коршун. – Вы по-прежнему сгодитесь!

Петтер со свистом выдохнул сквозь зубы, чуть не обжигая меня коричным ароматом. Ему было невдомек, что интерес господина Гюннара ко мне сродни гурманским мечтам Хельги.

- Тогда отпустите Альг-иссу! – наивно предложила я, делая шаг к нему. – Разве я хуже?

- Ничуть! – заверил он, сглотнул и непроизвольно шевельнул кинжалом.

И запах, ядовитый, как волчьи ягоды. Надо думать, фотографу не терпелось располосовать меня – до исступления, до зуда в кончиках пальцев.

Стараясь ни о чем не думать, я подошла еще ближе, с трудом сохраняя внешнее спокойствие. Если понадобится, Петтер обязательно меня защитит, как когда-то защитил его отец. Вот только страх мой от этого меньше не становился. Я боялась за себя, за Петтера, за Альг-иссу...

- Отпустите! – потребовала я, остановившись шагах в десяти, и капризно топнула ногой.

Разумеется, я не рассчитывала, что он согласится. Зачем упускать добычу?

Только бы у Петтера хватило выдержки не испортить игру!

Школа домашнего притворства не прошла даром: фотограф поверил, нетерпеливо двинулся вперед, больно схватил меня за руку... И упал прямо мне под ноги, оглушенный ударом Матери. Вид ее был страшен: седые косы короной венчали голову, мышцы бугрились, глаза сверкали тьмой, а в крепких зубах тонкой тросточкой держался лом.

А я, стараясь унять бьющееся сердце, подобрала выпавший из безвольной руки фотографа кинжал и бросилась к Альг-иссе. Я принялась пилить неподатливые веревки, однако кинжал словно сопротивлялся моим намерениям, не желая освобождать ненавистное создание Льда.

- Давайте я, - предложил Петтер и, отодвинув меня, ловко разрезал путы складным ножом.

- Альг-исса, ты как? – начала я, однако она не слушала.

- Любимый! – вскричала она, рванувшись вперед. Но не к радостно вскинувшемуся Вет-иссу, а к неподвижно лежащему господину Гюннару.

Лицо у нее при этом сияло такой безграничной преданностью, что Вет-исс взревел и ринулся к безвольному телу соперника. Альг-исса пронзительно закричала, по-кошачьи выставила когти... и забарахталась в крепких объятиях Матери.

- Поспи! – пыхтя, велела ей Мать, аккуратно тюкнув буйную Альг-иссу по макушке ломом.

А Вет-исс не замечал ничего: рыча, он подхватил господина Гюннара, проревел что-то гневное в небеса...

- Не смотрите! – Петтер прижал меня к себе, заставляя уткнуться ему в грудь. – Не смотрите туда!

Впрочем, отвратительных звуков и солоновато-металлического запаха крови мне вполне хватило, чтобы представить происходящее.

- Тихо, тихо, - Петтер успокаивал меня, как маленькую, гладя по спине. – Все будет хорошо, слышите?

Я кивала, не отрывая лица от его шинели. Все будет хорошо, только не для господина Гюннара...

Обратный путь в поселок оказался куда романтичнее. Мать по-прежнему восседала одна, ведя в поводу флегматичного медведя, на котором ехали мы с Петтером, а оклемавшаяся Альг-исса весело пришпоривала Хельги, крепко обнимая своего Вет-исса.

А господин Гюннар остался там, на берегу, кровавым подношением статуе Хель. Достойная судьба для такого, как он, хотя я никак не могла выбросить из памяти кровавые подробности.

Ледяные же смотрели на вещи куда проще: свои все живы, Альг-исса со смертью фотографа резко его разлюбила, мы победили.

Альг-исса не распространялась о том, что с ней произошло. Лишь скупо рассказала, что однажды во время патрулирования встретила на берегу человека. Надо думать, господин Гюннар умудрился наложить на нее мансег - слишком безрассудной и мгновенной была любовь Альг-иссы, позабывшей не только жениха, но даже инстинкт самосохранения. Оказывается, она видела и понимала все происходящее, и была готова с радостью принять свою смерть в огне...

Вспомнив пустые глаза подруги, я поневоле сжала кулаки. За одно это господина Гюннара стоило казнить, потому что приворот хуже изнасилования. Он ломает волю, насилуя и тело, и

душу...

А в поселке уже вовсю кипели приготовления к празднику. Кто-то тащил длинные столы, кто-то тонкими ломтиками стругал сырое мясо, а некоторые, судя по всему, уже успели угоститься самогоном.

Альг-исса стреножила своего Хельги, а потом принялась гладить и расчесывать удивленного такими нежностями медведя Вет-исса.

- Приданое! – объяснила подруга, заметив мой взгляд. Хельги ревниво взревел и попытался ударить соперника лапой.

Я неуверенно кивнула. Видимо, забота о медведе Вет-исса была одним из национальных способов проявить внимание к мужу.

«Она ж его из-за медведей полюбила, а он ее – за чуткость к ним» - вспомнилось в тему хельское народное.

- А ну, слушай сюда! – рявкнула Мать, воздев лом.

Хель послушно оборачивались, бросая свои дела (одной бедолаге прилетело по ноге брошенной скамейкой, однако она даже не пикнула, пожирая Мать преданным взглядом).

- Люди снова пытались нас околдовать! – веско произнесла Мать в звенящей холодом тишине.

Недобрые взгляды хель скрестились на нас с Петтером, угрожающе повеяло запахом сырого мяса, и Мать заторопилась:

- Но люди нас спасли от других людей!

Хель заворчали, переглядываясь, будто не понимали, как такое может быть.

- Люди – разные! – сделала потрясающе логичное заключение Мать, веско стукнув ломом по льду, отчего тот гулко зазвенел. – И вот эти люди – наши друзья!

Нам с Петтером пришлось вынести шквал восторга хель, которые порывались нас качать. Судя по вымученной улыбке юноши, он предпочел бы снова оказаться во льдах.

Спасла нас в конце концов Альг-исса, бесцеремонно выдернув из толпы.

- Ай, надо отдохнуть! – объяснила она, легко удерживая на одной руке меня, а на другой – Петтера, и потопала к дому.

- Уф, - вздохнула я, вытирая выступивший несмотря на мороз пот, и призналась жалобно: - Кушать хочется!

- Ай, сейчас все принесу! – встрепенулась Альг-исса, сгружая ношу (то есть нас с Петтером) на лежанку. Благо, размеры оной, рассчитанной на хель, вполне это позволяли.

Представляю, что творится у меня на голове! Я подняла руки, пытаясь на ощупь определить состояние прически.

Альг-исса уже с порога обернулась:

- Ай, слушай. Я забыл сказать. Это твой приказал!

- Кто приказал и что именно? – уточнила я, застыв с поднятыми руками.

- Ингольв, - с некоторым трудом выговорила непривычное имя Альг-исса. – Ай, приказал, чтоб именно меня... Ай, ты поняла, да?

- Да, - подтвердила я, тяжело сглотнув. К длинному перечню моих претензий к мужу добавился еще один пункт. Неужели ему так хотелось причинить мне боль?!

Альг-исса кивнула и вышла. А я разревелась, как ребенок, всхлипывая в объятиях Петтера...

Наконец Альг-исса появилась снова, уже с Вет-иссом. И, разумеется, без еды!

- Ай, солнце! – воскликнула она так радостно, словно увидела не мою отекшую от слез физиономию, а нового медведя в подарок. – Пойдем, поможешь!

- Хорошо, - согласилась я, несколько недоумевая. В рабочих руках у хель недостатка не было. – Петтер...

- Ай, пусть останется! – махнула лопатообразной рукой Альг-исса. – Пусть мальчики посекретничают!

И властно увлекла меня на улицу. Признаюсь, я с трудом могла предположить, о чем могут секретничать Петтер и Вет-исс. Ну не о первой брачной ночи же!

Как оказалось, гипотетическая «помощь» оказалась всего лишь поводом продемонстрировать меня подругам. Я мученически улыбалась и терпела. А что поделаешь? Героям дня всегда приходится непросто...

- Все сюда! – наконец позвала Мать, колотя ломом по скале в центре деревни. Судя по сколотому тут и там льду, бедной скале частенько доставалось.

Приодетые хель высыпали из домов. От раскрашенных лиц, странных запахов благовоний и десятков оттенков зеленого в одежде у меня слегка закружилась голова.

- Мирра, с вами все в порядке? – встревоженно спросил знакомый голос.

- Да, - я обернулась, чтобы заверить Петтера, что все нормально, да так и замерла с открытым ртом.

Юноша был хорош: подведенные черным глаза, чуть подрумяненные щеки, губки бантиком...

- Что с вами?! – слабым голосом спросила я, пытаясь понять, не сошла ли с ума.

Петтер свел густо подчерненные брови.

- А что, не надо было?.. – спросил он, прикусил губу и отвернулся. – Я дурак, да? Вет-исс сказал, что всем нужно...

- Не расстраивайтесь, Петтер, - я очень старалась не смеяться. – Он ведь хотел как лучше!

Юноша только раздраженно дернул плечом. И словно топорщились острые углы запаха перца – стыда и раздражения.

- Вет-исс просто хотел, чтобы вы мне понравились! – шепнула я, взяв его под руку. – А мне вы дороги в любом виде.

Петтер обернулся, хлопнул густо накрашенными ресницами.

- Слушай меня! – зычно призвала Мать, не дав юноше что-то сказать. – Сегодня у нас праздник!

Хель согласно взревели.

- Хозяин моря голоден! – продолжила Мать, и я встрепенулась. Хм, разве речь не о свадьбе Альг-иссы и Вет-исса?! – Настал час его покормить! Где Свельд-исса?

- Эй, чего кричишь? – вышла вперед хель, осторожно прижимая к себе что-то белое. – Ребенка разбудишь!

На груди у нее безмятежно сопел медвежонок. Толпа одобрительно загудела.

- Дай сюда! – властно приказала Мать, и хель вложила в ее протянутые руки «ребенка».

И так, со спящим медвежонком в руках, Мать торжественно направилась прочь из поселка. Присутствующие в благоговейном молчании следовали за ней.

Остановилась Мать у самого обрыва, под которым шумело море.

- Хозяин моря, прими нашу жертву и не гневайся на нас! – патетично проговорила она, на вытянутых руках протягивая медвежонка над водой.

Он засопел, заскулил во сне, и я вцепилась в руку Петтера. Малыша было жалко.

Мать, вопреки моим страхам, не разжала руки. Напротив, поднесла зверя к себе, склонилась над ним... и быстрым движением прокусила ему лапу. Кровь часто закапала в ревущее вечно голодное море.

Медвежонок жалобно скулил, пытаясь вырваться из железной хватки Матери. У нее от напряжения набухли вены на висках.

И вдруг в прореху туч выглянуло солнце, подсветило море, которое сразу показалось куда приветливее. Вода блеснула серо-зелено-голубым, а плавающие в ней льдины казались бриллиантами чистой воды.

- Бутыль! – скомандовала Мать резко.

Ей благоговейно поднесли открытую емкость (судя по резкому запаху – с крепчайшим самогоном), и Мать сцедила еще несколько капель медвежьей крови прямо в пахнущую сивухой жидкость.

- Живи! – торжественно разрешила Мать медвежонку. – И знай, что жизнь твоя без остатка принадлежит Хозяину Моря!

После чего с явным облегчением передала «малыша» на руки его приемной матери. Медвежонок обиженно ревел, но мигом угомонился, когда хель сунула ему в рот сосок.

- А теперь – праздник! – объявила Мать во весь голос, и подданные ответили ей восторженным ревом...

Праздник удался на славу. Хель не пожалели ни выпивки, ни закуски, даже для нас с Петтером припасли какие-то ягоды и соленую рыбу.

И, признаюсь, без плотной закуски алкоголь как-то слишком быстро ударил в голову.

Бесконечные тосты за молодых, разрумянившаяся Альг-исса и смущенный Вет-исс...

А я старалась не вспоминать собственную свадьбу. Как я была счастлива в своем скромном, совсем не праздничном платье, как сияла улыбка Ингольва, какими глазами он смотрел на меня...

Петтер все больше молчал. Временами он забывал, что нужно улыбаться, и тогда маска веселья сползала с его лица. Потом юноша спохватывался и снова изображал удовольствие. Вот только тяжелый запах смол – курились ладан, мирра и мастиковое дерево – выдавал его отнюдь не радостное настроение...

Наконец молодые засобирались домой. На эту ночь нас с Петтром приютила какая-то пожилая хель, по такому случаю перебравшаяся к родне. Традиции требовали ввести молодого в дом сразу после свадьбы, чтобы «досыта наесться жирной рыбки», как застенчиво называли хель первую брачную ночь.

«Удачной рыбалки!» - вразнобой кричали подвыпившие гости, когда Альг-исса на руках уносила свою добычу...

- Пойдемте? – предложил Петтер, помогая мне встать из-за стола.

- Пойдемте, - согласилась я, чувствуя, как приятно шумит в голове.

Мы шли молча. По счастью, идти было недалеко, потому что снег падал хлопьями, и заблудиться в белом мареве было совсем несложно.

Он окутывал все пушистым покрывалом, создавая иллюзию, что мы одни в этом мире.

Морозный воздух пьянил свежестью, кружил голову обещанием свободы – безбрежной, как хельхеймские льды. Петтер – живой, теплый – был в этом ледяном царстве желанным, как сама жизнь.

Я потянулась к Петтеру, но он удержал меня.

- Вы правда этого хотите? – спросил он, пытаясь заглянуть мне в глаза.

Милосердные сумерки скрывали мои алеющие щеки.

- Разумеется, - отозвалась я легкомысленно. - Я ведь ни разу не целовала накрашенного мужчину!

Мгновение он смотрел на меня, потом наклонился, зачерпнул снега и принялся яростно тереть лицо. Пахло от него злостью – маслом бея – жарко, горьковато-перечно.

Отшвырнув разноцветный комок, Петтер шагнул ко мне, схватил за плечи.

- Мирра, - он стоял так близко, что я чувствовала его дыхание. – Скажите, теперь вы… не жалеете?

И замер, дожидаясь ответа. На скулах его, на висках виднелись остатки косметики, и эта клоунская маска так ему не шла, что хотелось вытереть ее рукавом собственной шубы.

Я хотела что-то пошутить, но вовремя одумалась.

- Ничуть не жалею, - ответила серьезно. – Хотите, поклянусь?

- Мирра, - выдохнул юноша, прижимая меня к себе.

«Какой аромат! – успела подумать я. - Малина, жасмин, фиалка…»

И нырнула в поцелуй, как в прорубь…

Разбудила меня осторожная попытка Петтера встать. Спали мы, прижавшись друг к другу, поэтому когда Петтер отстранился, я машинально потянулась за ним.

- Что такое? – сонно спросила я, ожидая услышать что-то вроде «мне нужно».

- Дракон, - ответил он просто, и от этого короткого слова, от резкого тона юноши сонливость разом слетела с меня.

- Что? – переспросила я, садясь на постели. Может быть, приснилось?

- Я слышал драконий рев, - объяснил Петтер, натягивая брюки и, отвернувшись, затеплил свет. – Нужно посмотреть.

Я взглянула на его напряженную спину и без слов потянулась за одеждой.

Когда мы выбрались из дому, на улице уже толпилось с десяток хель. Рассвело, и день выдался на редкость погожий. И в холодном свете солнца приземлившийся чуть в стороне дракон казался цельной льдиной, сверкающей так, что резало глаза.

Со спины его спрыгнула в снег невысокая фигурка. Шапки на ней не было, так что рыжие волосы вызывающе золотились.

- Валериан, - выдохнула я и рванулась к нему, проваливаясь в снег.

Глава 10. Суд.

Сын просиял и бросился мне навстречу.

- Мама! – он стиснул меня в объятиях, совсем по-детски прижался, зашептал сдавленно: - Мамочка, я так рад тебя видеть!

А я глотала слезы, отмечая, как он вырос – уже на голову выше меня! И пахнет не лавандой и молоком, а остро заточенными карандашами – кедром. Совсем взрослый...

- Мальчик мой, мой Валериан, - повторяла я, крепко-крепко обнимая сына.

Я плохая мать, совсем позабыла и о ребенке, и о своем долге!

- Мам, ну хватит уже, - наконец смущенно попросил Валериан. – Ну что ты, в самом деле? Я тут, теперь все будет хорошо!

Я усмехнулась – он меня утешает! – но разжать руки не было сил.

Из-за его спины подошел Исмир, уже успевший сменить облик, и я наконец отпустила сына.

- Здравствуйте, Мирра, - улыбнулся дракон. – Как видите, я сдержал обещание.

- Благодарю вас, Исмир, - теперь называть его по имени казалось совсем несложно. И спохватилась: - Здравствуйте!

- Здравствуйте, - поздоровался и Петтер, вставая рядом со мной.

Дракон внимательно взглянул в мое лицо (должно быть, на нем читалась обуревающая меня растерянность), потом перевел взгляд на Петтера... Глаза Исмира вдруг полыхнули голубым льдом, и я невольно повернулась, ища, что его так разъярило. И едва не выругалась вслух. Взъерошенные волосы юноши, припухшие губы и шальные глаза... Улики, которых вполне достаточно для проницательного наблюдателя.

- Мам, а когда мы полетим к отцу? – разорвал напряженную тишину звонкий голосок сына.

Вопрос его заставил меня вздрогнуть и умоляюще воззриться на Исмира.

«Вы ему ничего не сказали?!» – взглядом спросила я.

Дракон отрицательно качнул головой. Отвернулся, но звонкой песне бергамота и мяты это нисколько не мешало.

– Понимаешь, Валериан, - начала я, мучительно подбирая слова, - мы больше не вернемся в Ингойю.

- Почему? – удивился он, глядя на меня, и глаза его так походили на глаза мужа, что у меня закололо в груди. – Отца опять перевели?

Боги, милосердные мои боги, а ведь мы, стоящие здесь, лишили его отца. Как признаться Валериану в том, что я наделала? Пусть Ингольв сам подтолкнул меня к этому, это не

уменьшает моей вины перед сыном.

Я отвернулась и зажмурилась, с силой сжимая губы.

- Мам, что с тобой? – затеребил меня сын. Его испуг – пряный, брызжущий в горло остро-кислым соком – мгновенно привел меня в чувство. – Мам, что такое?

- Все в порядке, милый, - ответила я, растягивая губы в натужной улыбке.

И, открыв глаза, будто натолкнулась на взгляд Петтера – серьезный и усталый. Пахло от него подорожником, ромашкой и календулой, выдавая желание залечить мои раны.

Спасибо вам, Петтер. Спасибо за все...

- А у тебя как дела? – спросила я сына. Последние месяцы он провел далеко от дома, даже не подозревая о бушующих там штормах. К тому же детская память изменчива, из нее легко вымарываются неприятности.

- Здорово! – признался Валериан, широко улыбнувшись. – Исмир тоже обалденный!

- Хм, - проговорила я, бросив взгляд на дракона, который отнюдь не выглядел польщенным. – И в чем это выражается?

Я ожидала услышать о силе, неутомимости и чем там еще восхищаются мальчишки, однако Валериан меня ошарашил.

- Прикинь, он заморозил Ингрид! – довольно сообщил он. – Прикинь, она взяла меня в заложники!

Я задохнулась, запоздало перепугавшись.

- Что за выражения? – упрекнула я машинально. – Говори правильно!

- Ну мам, - сморщился он. – Не придирайся! Она нож достала и хотела меня схватить, а я вывернулся! Ну, меня же в академии учили! И тут ее Исмир – раз, она и застыла! Он, правда, мировой!

Голос Валериана перехватило от восторга, словно звенящего ароматами литцеи кубебы и лайма.

А я боролась с недостойным желанием собственными руками придушить Ингрид. Как она посмела?!

Я повернулась к Исмиру.

- Надеюсь, вы ее... – я запнулась, пытаясь придумать эвфемизм к слову «убили».

- Окончательно успокоил, - кивнул он, усмехнувшись. И запах какао – понимание. – Все равно этим бы кончилось.

Я несколько запоздало вспомнила, что это традиционная казнь ледяных. Хель обливают преступников водой на морозе, драконы же обходятся простым прикосновением.

- Благодарю! – искренне сказала я, не зная, как еще выразить свою признательность. От одной мысли о том, что могло случиться с Валерианом, в душе моей поднималась душная волна

ужаса и гнева.

Тяжелый разговор прервало появление Матери, которая, подкравшись сзади, от души хлопнула Исмира по плечу (и хорошо, что не ломом!).

- Эй, здравствуй, дракон! – воскликнула она весело.

- Доброе утро, - с запинкой отозвался Исмир, глядя на Мать, как ребенок на стоматолога. И долькой лимона кислило недовольство.

Мать же, оглядев собравшуюся толпу, приосанилась и продолжила куда торжественнее:

- Мы рады приветствовать ледяного собрата!

Исмир подавил вздох и ответил в том же тоне:

- И я рад видеть достойных хель!

Мать просияла, словно получила долгожданный подарок, и бесцеремонно подхватила Исмира под локоток.

- Эй, тогда будет пир! – провозгласила она, потом залихватски подмигнула собратьям: – Покажем, как может гулять Лед!

Хель ответили согласным ревом. Надо думать, похмелиться после вчерашнего они были не прочь, а тут такой повод!

- Я пока пообщаюсь с сыном, - сообщила я в спину Исмиру.

Валериан хлопал рыжими ресницами, кажется, совсем растерявшись от калейдоскопа событий и впечатлений.

Дракон только кивнул, следуя за Матерью, как медведь в поводу, и Петтер, поколебавшись, двинулся за ними...

Мы с Валерианом устроились в гостеприимном доме хель. Я налила себе кофе из неприкосновенного запаса, отдав Валериану остатки выпечки. Сын со здоровым аппетитом уминал плюшки и слойки, но даже от их аппетитного аромата мне совсем не хотелось есть. Я все пыталась собраться с мыслями и найти правильные слова.

- Валериан, - начала я, поняв, что это бессмысленно. – Ты уже достаточно взрослый, постарайся выслушать и понять.

- Да, мам, - сын отложил надкушенную булочку и серьезно посмотрел на меня. – Что с отцом?

Я сглотнула вдруг ставшую горькой слюну и принялась говорить...

Слова кололи горло чертополохом. Я старалась не давать оценки, лишь перечисляла основные факты. В сухом остатке не было ни измен Ингольва, ни побоев, ни намерения меня убить. Впрочем, моей связи с Петтером не было тоже.

Валериан слушал молча, и только бледность лица, на котором ярко проступили веснушки, выдавала волнение. Так хотелось погладить его по голове, прижать к себе, но я терпела,

понимая, что сейчас ему важнее узнать правду.

- Значит, отец нарушил присягу, - очень по-взрослому заключил сын, когда мой рассказ закончился. Надо думать, сказывалось пребывание в кадетах.

- Да, - подтвердила я просто. Горло сжималось от сочувствия к моему мальчику и от злости на Ингольва, который так легко разрушил его будущее.

- Его будут судить? – Валериан поднял на меня пронзительно голубые глаза, в которых сверкали непролитые слезы.

Я только кивнула, опасаясь не справиться с голосом.

- Но ведь он хотел как лучше! – вырвалось у Валериана, с силой сжавшего кулаки. И тяжелый, непрозрачно-оранжевый запах бархатцев – протест. – Разве не так, мам?

- Так, - согласилась я, не уточняя, кому именно хотел сделать лучше Ингольв. – Но благими намерениями вымощена дорога к Хель.

Сын прикусил губу, отвернулся.

- А что будет с нами? – спросил он дрожащим голосом. – Мы же теперь семья предателя, да?

Я не выдержала: вскочила, обняла за вздрагивающие плечи. Боги, какой же он еще ребенок! Мой маленький мальчик...

- Все будет хорошо, - тихо ответила я. – Обещаю. Все будет хорошо!

«Что бы мне ни пришлось сделать ради этого!» - поклялась я про себя.

Валериан прижался ко мне, и я ласково гладила его мягкие волосы.

- Куда мы теперь? – задал вопрос Валериан и добавил рассудительно: - Нам же надо где-то жить, так?

- Конечно, - согласилась я. – Сначала к драконам, а потом в Мидгард, к бабушке и дедушке.

- Круто! – одобрил Валериан, кажется, слегка повеселевший от перспективы новых приключений.

Я промолчала, не став озвучивать все свои сомнения...

Из плена гостеприимства хель Исмиру удалось вырваться нескоро. Прошло не меньше часа, прежде чем он и Петтер снова объявились.

Все это время я пыталась отвлечь сына от грустных мыслей, расспрашивая его о жизни в академии. И с некоторым удивлением обнаружила, что ему там вполне понравилось. Признавать, что Ингольв был в чем-то прав, не хотелось, однако Валериану учеба действительно пошла на пользу. Он окреп, стал бойчее и увереннее.

- У нас мало времени! – с порога сообщил отчего-то

недовольный Исмир. – Собирайтесь, пришло время выполнить ваше обещание.

Я кивнула, взглядом ища саквояж с маслами. Ума не приложу, как лечить драконов, но придется попробовать.

- Мы опять полетим? – обрадовался Валериан, впервые после моего рассказа искренне улыбнувшись. - Мам, знаешь, как здорово летать?

- Догадываюсь, - проговорила я, и взгляд мой поневоле устремился к Петтеру. – Петтер, где ваши вещи?

- Позвольте спросить, - не дав юноше ответить, вмешался Исмир, с неповторимой грацией усаживаясь на ближайшую лежанку. – При чем здесь Петтер? Я велел собираться вам и Валериану, о Петтере речи не было.

- Как? – искренне не поняла я, застыв с открытой сумкой в руках – Куда еще он может поехать? Мы вместе прилетели сюда, вместе и отправимся сначала к драконам, а после в Мидгард.

- То есть вы хотите, - уточнил Исмир опасно мягким тоном, - чтобы я допустил к больным детям одного из заговорщиков?

- Петтер не один из них! – возразила я резко, с громким щелчком запирая замок саквояжа. Звук прозвучал резко, словно выстрел. – И уж тем более он ничего не сделает драконам!

- Откуда мне об этом знать? – пожал плечами Исмир. И мята – колкая, холодная – словно звенела колоколом. – Возможно, он намеренно втерся в доверие.

- И спас вам жизнь! – ядовито напомнила я. Встала напротив дракона, расправив плечи.

- В первую очередь он спасал вас, - усмехнулся Исмир, и глаза его полыхнули голубым льдом. – Мальчишка не вмешивался, пока Ингольв не пригрозил заодно убить и вас!

Я прикусила губу. Возразить на это было нечего. Юноша действительно колебался до последнего, и моя жизнь оказалась решающим аргументом.

- Он поклянется, - начала я, но меня перебил Петтер, до того молча слушавший нашу перепалку.

- Не нужно, госпожа Мирра, - голос юноши звучал спокойно и бесцветно, а звучный запах ладана словно выводил торжественный молебен. – Я вернусь в Ингойю, а потом к отцу. А вы поезжайте, не нужно задерживаться из-за меня.

Признаюсь, я опешила. Что за капризы?!

- Петтер, что вы... – начала я рассержено и умолкла, спохватившись. Этот разговор не для посторонних ушей. – Давайте выйдем на минутку.

Юноша пожал плечами.

- Как прикажете, госпожа Мирра.

Подчеркнуто официальное обращение больно укололо.

Мы вышли молча.

Отойдя на десяток шагов, я повернулась, дернула его за рукав шинели и вспылила вполголоса:

- Петтер, что вы еще придумали? Вы ведете себя, как ребенок!

Горькая улыбка искривила его обветренные губы. А снег серебрил непокрытую голову преждевременной сединой. Хотелось отчитать его за то, что не надел шапку, и сдержалась я с трудом.

- Это вы ведете себя так, словно я – ребенок! – возразил Петтер глухо. - Я вам не сын. И сам решу, что делать и куда ехать.

Густая кисея снегопада словно пыталась скрыть нас от любопытных взглядов.

Я вздохнула – ох уж эти мужчины с их ранимым самолюбием! – и предложила примирительно:

- Петтер, прошу вас, не нужно. Не упрямьтесь, мне и без того нелегко.

- Знаю, - согласился он, и, отвернувшись, засунул руки в карманы. – Поэтому я облегчу вашу совесть. Спасибо... за все. Дальше наши дороги расходятся.

Ветер швырял мне в лицо пригоршни снега, заставляя щеки гореть.

А источаемая Петтером твердость – ладан и можжевельник – была как нож в сердце.

Сложить два и два было несложно.

- Это Исмир вам что-то наговорил? – осведомилась я, справившись с желанием схватить Петтера и хорошенько встряхнуть.

- Вы думаете, ему пришлось что-то говорить? – вопросом на вопрос ответил Петтер, дернув плечом. – Я и сам все знаю. Вы же ничего не сказали сыну... о нас, правда?

Я прикусила губу, нервно погладила мех шубы, а Петтер продолжил ровно:

- Вы меня не любите. И стыдитесь. Так о чем говорить?

Он обернулся, прямо взглянул на меня. И острый запах хрена – как слезы на глазах.

Мне так хотелось протянуть руку, провести пальцами по щеке, колкой от щетины, пригладить упрямый вихор надо лбом. Снова услышать признание в любви, на которое я всегда отвечала смущенным молчанием.

- Петтер, - начала я наконец, справившись с собой, но он не стал слушать: покачал головой и улыбнулся устало.

- Не надо, Мирра. В качестве кого я могу поехать с вами? И что мне делать в Мидгарде? Я все решил.

- Вы меня... бросаете? – все еще не веря, усомнилась я, ожидая насмешки, протеста, поцелуя, в конце концов! Только не смолисто-терпкого смирения, которым сейчас повеяло от Петтера. Не было ни горчичной ревности, ни прокисшей вони обиды, лишь густой непрозрачный ладан, за бархатными складками которого ничего не разглядеть.

Чувства мои словно рассыпались бисером: злость, недоверие, боль, нежность.

- Да, - проронил Петтер, глядя куда-то мимо меня. – Бросаю.

Дуновение сандала подсказало мне, на что (точнее, на кого) был устремлен его взгляд. Но сейчас меня не радовало даже нежное - мягкое, как шелк, светлое, как слоновая кость, - древесное благоухание. Хотелось надавать пощечин Петтеру – или вцепиться в него и не отпускать.

Вот только я должна думать о сыне...

- Мирра, вы готовы? – деловито поинтересовался Исмир, держа мои вещи. Рядом с ним сверкал любопытными глазищами Валериан, чуть дальше стояли Альг-исса и закутанный в традиционное покрывало Вет-исс.

Опасаясь не совладать с голосом, я только кивнула. Петтер был во всем прав, напомнив о моих собственных страхах и сомнениях. Отчего же тогда так пусто и горько?

Как случилось, что я больше не представляла своей жизни без Петтера? Но и с ним не представляла тоже...

Боги, милосердные мои боги, что же делать?!

Не оставляя мне времени на размышления, Исмир уже принялся менять облик...

Прощание вышло скомканным. Смущенная и счастливая Альг-исса заверяла, что с ветерком домчит Петтера до Ингойи, совала мне в руки какие-то нелепые гостинцы, а я кивала и благодарила, как механическая кукла, стараясь не смотреть на юношу. И медлила, не в силах отвернуться и пойти прочь.

- Мам, ну давай скорее! – не выдержав, влез Валериан, едва не подпрыгивая от нетерпения. – Полетели уже!

- Да, милый, - я сжала руки и шагнула к Петтеру. Остановилась в метре от него, выговорила с трудом: - До свидания, Петтер.

- Прощайте, - глухо возразил он, не оборачиваясь.

Разозлившись (неужели он ожидает, что я стану умолять?!), я наконец позволила сыну увлечь меня к готовому взлететь дракону. Устроилась меж зубцов хребта, радуясь про себя, что не успела сменить удобный комбинезон на привычные юбки.

А потом крепко зажмурилась, сдерживая слезы, и до боли в руках вцепилась в чешуйчатый гребень перед собой. И лишь когда

мы оторвались от земли, не выдержала. Обернулась.

Петтер, задрав голову, неотрывно глядел нам вслед.

Стремительно уменьшающаяся темноволосая фигура среди холодного блеска льдов.

Прощайте, Петтер. Пусть у вас все будет хорошо...

Следующие две недели - как цветные картинки в калейдоскопе.

Потрясающая панорама: серое море, в котором бриллиантами сверкали айсберги. Рев драконов, вылетевших нам навстречу. Слова Исмира на прощание: - «Вы – наша последняя надежда!», и отчаяние, ледоколом вспоровшее его обычное спокойствие. Истощенное личико моего первого пациента. Сияющие счастьем глаза его матери, когда малыш пошел на поправку. Восторг Валериана при виде крошечной долины, где из-под земли били гейзеры...

Сложно быть последней надеждой, еще сложнее – не оправдать, не суметь. А меня действительно позвали лишь тогда, когда все остальные средства уже были испробованы. Надо думать, довериться человеку в этой ситуации драконам было непросто.

Изломанные болезнью тельца малышей походили на расстроенные музыкальные инструменты. И я тщательно отлаживала тонкие механизмы, потихоньку приводя пациентов в гармонию с самими собой.

Я выкладывалась полностью. Почти падая с ног от усталости, стаканами пила стимуляторы. Вечером ненадолго проваливалась в тяжелый сон, а потом вскакивала с криком и до утра сидела у воды, тупо глядя на поднимающийся над ней парок.

Только теперь, когда Валериан наконец очутился в безопасности, я до конца осознала, что вся моя жизнь превратились в груду стеклянно-острых осколков. И я никак не могла избавиться от неизбывной тянущей боли в груди. Ни лаванда с иланг-илангом, ни чайное дерево и мята не помогали. Впрочем, глупо было и надеяться...

Нас поселили в уютной крошечной долине, окруженной надежным гребнем скал. Выходящие на поверхность горячие ключи, а также подогреваемая все тем же подземным огнем почва позволяли нам не чувствовать никаких неудобств. Оазис тепла среди ледяных неприветливых равнин. Сами драконы гнездились в айсбергах, которые в избытке имелись в здешних холодах водах, так что меня доставляли к пациентам по воздуху.

Ранним утром после одной из таких бессонных ночей мое одиночество (Валериан спокойно спал в стороне, прямо на шкуре, брошенной на теплую землю) потревожило хлопанье крыльев.

Еще слишком рано! Неужели что-то случилось? Кому-то из малышей стало хуже?

Я обернулась, поплотнее стягивая шаль на плечах. В тонкой сорочке я чувствовала себя почти голой.

Дракон кувыркнулся в воздухе, приземляясь уже человеком. До боли знакомое лицо, собранные в хвост светлые волосы, прищур льдисто-голубых глаз... И покачивающаяся в ухе серьга.

- Исмир? Что вы здесь делаете? – осведомилась я, признаю, не слишком приветливо. На соблюдение политеса сил не оставалось, к тому же недосып не лучшим образом сказывался на моем характере.

Исмир вернулся в Ингойю сразу после того, как доставил меня сюда. Надо думать, спешил ловить оставшихся заговорщиков.

- И это вместо «здравствуйте»? – он насмешливо приподнял тонкую бровь.

Выглядел дракон встрепанным и донельзя усталым. Даже запах сандала был словно припорошен пылью.

- Здравствуйте, - послушно повторила я. – Так что вы здесь делаете?

- Прилетел поговорить с вами об одном нашем общем знакомом. – Обтекаемая формулировка заставила меня нахмуриться. Исмир склонил голову набок (отчего камни в серьге ярко блеснули) и поинтересовался: – Вы позволите мне присесть?

- Конечно, присаживайтесь, - вежливо пригласила я и, усмехнувшись, не удержалась: - Вы держитесь так, словно мы на каком-нибудь приеме!

- Учтивость – это вопрос воспитания, а не обстоятельств! – произнес этот потрясающий наглец, умудрившись вложить в одну фразу и ответ, и упрек. Он уселся рядом со мной, с явным наслаждением распрямил ноги. – Вы даже не спросите, кого я имел в виду?

- Ингольва? – равнодушно предположила я. В глаза словно насыпали песка, и мозг мой был устало туп.

- Петтера, - в тон мне возразил Исмир.

- Что? – переспросила я, чувствуя, как сердце словно сорвалось в галоп. – При чем тут Петтер?!

- Думаю, вам лучше знать, - развел руками дракон, - отчего он неделю назад сдался хель, сообщив, что участвовал в заговоре.

- Но ведь он вам помогал! – запальчиво воскликнула я, сама не заметив, как вскочила на ноги. – Разве это ничего не значит?!

Исмир взглянул на меня снизу вверх и заметил устало:

- Вы полагаете, я об этом забыл?

Гнев поднялся во мне, как пена над джезвой с кофе.

- Тогда почему вы?.. – я не договорила, потому что Исмир посмотрел на меня, как родитель на капризное дитя, не желающее знать о пользе манной каши.

- Сядьте и успокойтесь! – резко велел дракон, и мне не осталось ничего иного, кроме как подчиниться его властному тону. – А теперь скажите, что я могу что-то изменить, если он сам признал вину?

- Нелепость! – я растерянно потерла лоб, пытаясь заставить себя собраться с мыслями. – Зачем ему это?

- Откуда мне знать? – поинтересовался Исмир утомленно. – Надо думать, мальчишка решил столь экзотичным способом покончить с собой.

- И вы, конечно, не имеете к этому никакого отношения! – горько усмехнулась я.

Исмир медленно повернулся ко мне. Сжатые челюсти, недобрый взгляд из-под нахмуренных бровей, резкий запах лимонной травы и мяты. Ледяная ярость.

- Мирра! – прорычал дракон. – Как вы смеете?

- Смею – что? – я усилием воли усидела на месте. Злость моя подступала к горлу комом, заставляла ронять колкие слова. – Признайтесь, что вы ему наговорили? Чем пригрозили? Это ведь такой удобный способ избавиться от соперника!

На мгновение мне показалось, что он меня ударит. Сдержался, отвернулся с явным усилием – как будто механизм на заржавевших шарнирах.

Долгую минуту мы молчали. Я тревожно взглянула на спящего сына, но сон его был по-детски крепок и безмятежен.

- Мирра, - наконец устало проговорил Исмир, прямо посмотрев на меня. Глаза его покраснели (надо думать, не только я не спала ночами), на скулах играли желваки. И холодно-лиственная кислинка петитгрейна – отчужденность. – Попробуйте хоть раз задуматься. Если бы я действительно собирался убить мальчишку, какой смысл был сообщать вам об этом заранее? Проще поставить перед фактом, когда приговор уже будет приведен в исполнение. Согласны?

Я нехотя кивнула, признавая, что несколько погорячилась.

- Простите, - заставила себя вымолвить я. – Я... я просто очень за него испугалась.

- Можете не верить, - подняв камушек, Исмир запустил им в воду и уставился на расходящиеся круги, - но я отлично помню, что мальчишка спас мне жизнь. Теперь я пытаюсь спасти жизнь ему, вот только он этого не хочет. И отрицает, что выступал против заговорщиков. Догадываетесь, почему?

Я сглотнула, от понимания пересохло в горле. Так вот к чему

был тот цирк с разрывом! Вопреки всякой логике, с души моей словно упал здоровенный камень.

- Петтер считает, что должен понести наказание наравне со всеми, - заключила я. – Так велит ему… честь…

И от души прибавила несколько нецензурных эпитетов.

Спохватилась (что бы сказала бабушка!) и тут же обругала себя. Сколько можно цепляться за ее наставления? Давно пора научиться жить своим умом, не оглядываясь на других.

- Вот уж не подозревал, что вам известны такие слова! – заметил Исмир насмешливо.

- У меня были отличные учителя, - парировала я. Муж и свекор ничуть не стеснялись моего присутствия, да и сам Исмир, помнится, позволял себе весьма крепкие выражения.

- И что вы намерены делать? – тон дракона стал серьезным.

- Надрать уши одному глупому мальчишке, - решительно сказала я, вставая. – Надеюсь, за Валерианом кто-нибудь может присмотреть?

- Разумеется, - кивнул Исмир, поднимаясь. Гибко потянулся, заставив меня мимо воли им залюбоваться, и бросил небрежно: – Я уже обо всем договорился.

- Хм, - надо думать, спрогнозировать мою реакцию на это известие действительно было несложно. – Тогда… полетели?

- Полетели! – согласился он, отходя в сторону, чтобы сменить облик. А я отправилась одеваться и будить Валериана. Он ведь наверняка испугается, если проснется и не найдет меня рядом…

Полет на драконе совсем не походил на полет на самолете. Вместо ненадежной скорлупки, которой воздух играл, словно теннисным мячом, - спокойная уверенность и мощь, а ветер подчинялся, как хорошо обученный конь малейшему движению поводьев.

Вспомнилась наивная вера Петтера, что однажды люди сумеют покорить безбрежные небеса. В памяти всплыл прямой взгляд и отчаянное: «Почему люди не летают, как драконы?!»

Петтер! Схватившись за выступ перед собой, я попыталась представить, что ему скажу.

«Смерть не искупает ничего, Петтер. Это трусость, побег от проблем».

Это - правда, но вряд ли она его остановит. Тут нужно совсем иное…

Только сумею ли я произнести: «Вы нужны мне, Петтер»?

Теперь я понимала, как много он мне дал. Все эти годы рядом с Ингольвом мне недоставало мелочей: ласкового взгляда, бережного прикосновения, нежного аромата, - того, что другие сочли бы лишними сантиментами. А мне, аромагу, это было

нужнее, чем воздух.

После смерти Фиалки я выстроила внутри плотину, не позволяя себе чувствовать в полную силу. Я пыталась сдержать, запереть свои чувства, раз уж не могла их уничтожить. И едва не сошла с ума, когда запруду наконец прорвало...

С высоты Ингойя походила на крепость из песка и камушков. Казалось, море вот-вот вспенится и слизнет с берега дело людских рук.

Надо думать, Исмир отлично знал, куда направляется. Он целеустремленно летел к площади Фроди[45], совсем неподалеку от городского суда. Приземлился у статуи Одина и сменил облик, едва я успела спрыгнуть.

Отчего-то Исмир был хмур, а при виде разношерстной толпы у входа в здание сжал зубы.

- Мирра, идите за мной и молчите, - велел он, беря меня за руку.

- Конечно, - согласилась я, уже понимая: что-то пошло не так.

Люди поспешно расступались перед Исмиром, а он шел, ни на кого не глядя. Да и я, натолкнувшись на несколько ненавидящих взглядов, предпочла опустить глаза.

Вот только от душного и тошнотворного запаха ненависти никуда не деться...

- Солнце? – знакомый голос заставил меня вздрогнуть и очнуться.

Стоящая у дверей Альг-исса смотрела на меня с сочувствием (разумеется, насколько оно доступно хель). Толпу сдерживали полицейские, но ледяные сочли необходимым усилить охрану – две дамы-хель переминались с ноги на ногу у входа. Должна признать, весьма разумно.

- Доброе утро, - автоматически отозвалась я. – Что ты здесь делаешь?

- Ай, охраняю! – небрежно отмахнулась она. Альг-исса недовольно нахмурилась и сказала Исмиру: - Ай, чего так долго? Суд же уже начался!

- Начался?! – вырвалось у меня. Признаюсь, я надеялась встретиться с Петтером до того, как он успеет дать показания. – Но что теперь делать?! Да, Альг-исса, почему ты раньше мне не сообщила?!

- Мирра, прекратите истерику! – властный голос Исмира звенел льдом, и это подействовало на меня не хуже холодного душа.

- Хорошо, - я глубоко вздохнула и заставила себя говорить спокойно. Только руки нервно теребили край шарфа. – Извини, Альг-исса. Я просто очень волнуюсь за Петтера.

Подруга неуверенно кивнула, пнула ногой ближайший фонарный столб, отчего тот загудел.

- Ай, солнце, я понимаю же! Забыли.

- Исмир, что вы предлагаете? – поинтересовалась я. - Дожидаться окончания заседания? Но ведь может оказаться слишком поздно!

Признаюсь, о судебном процессе я имела лишь самые смутные представления. Вдруг потом ничего нельзя будет поделать?

Несколько мгновений Исмир молчал, изучая мое лицо, надо думать, отражающее обуревающие меня чувства.

- У меня есть предложение, - наконец проронил он. – Пойдемте внутрь, там обсудим.

Напарница Альг-иссы дернулась, но промолчала, не решившись спорить с ледяным драконом. Несмотря на затрапезный вид, в Исмире чувствовалась та властность, которая заставляет окружающих инстинктивно склонять головы.

Серые замызганные коридоры суда были пусты. Лишь из-за одной двери грохотал голос (судя по модуляциям, хель), и у входа томился десяток леденцов.

Исмир увлек меня подальше от их любопытных ушей.

- Слушаю вас, - я старалась дышать ртом, чтобы поменьше обонять смрад грязи, боли и отчаяния, пропитавший все вокруг.

- Мирра, - заговорил дракон негромко и серьезно. – Вы должны понимать, что просто так прервать заседание вам никто не позволит. Я могу потребовать, чтобы выслушали ваши показания, но тогда вам придется говорить при всех, вы это понимаете?

- Понимаю, - проговорила я, сглотнув. Окинула взглядом унылые стены с облупившейся краской, стылые даже на вид металлические скамьи, вдохнула запах застарелой грязи, пыли и затхлости.

Рассказать правду прилюдно означало подвергнуться остракизму.

Каюсь, на мгновение мне захотелось сбежать, но я быстро пересилила это малодушное желание. Не я ли решила больше не оглядываться на чужое мнение?

Что для меня важнее – моя репутация или жизнь Петтера?

- Итак, что выбираете? – Исмир пытливо всматривался в мое лицо, а его стальные пальцы сжали мой локоть до боли.

И пронзительно-прохладный, с солью, эвкалипт выдавал напряженное внимание.

- Я дам показания, - я гордо подняла подбородок, посмотрела в ледяные глаза, сейчас почти синие.

- Вы сделали выбор, - Исмир криво улыбнулся. И стремительно шагнул прочь, оставив меня гадать, уж не специально ли он задержался с прилетом...

Минуты тянулись медленно и тягуче, как расплавленная смола. Любопытные взгляды охраны словно иголками кололи мою кожу, а ведь это было только самое начало!

Наконец из зала выглянул коротышка в форме.

- Госпожа Мирра, зайдите!

Вытерев об юбку влажные ладони, я вошла внутрь.

Зал был переполнен, заставив меня вспомнить старую сказку о теремке.

Скамьи для публики заняты газетчиками и зеваками, тут и там теснились какие-то люди в форме, подсудимые – десятка три - набились в железную клетку, словно кильки в банку. И внушительный стол для судей – хель и двух драконов.

Только Петтера держали отдельно, приковав к одной из скамей в зале (надо думать, предупреждая возможные стычки с Ингольвом, который вряд ли простил мальчишке тот удар). Рядом с ним стоял Исмир, при виде меня одобрительно кивнув.

Но я видела лишь два лица: потрясенное Петтера и ненавидящее Ингольва.

Муж сыпал проклятиями и ругательствами, вцепившись в металлические прутья.

А Петтер просто молча пожирал меня глазами, не в силах побороть радость - запах апельсинов, пачкающих руки маслом, сладко-кислых, ярких.

- Представься! – перекрывая шум, сурово велела мне хель с выкрашенным в зеленое лицом - Мать матерей всего острова. Надо думать, именно она председательствовала на этом суде.

- Мирра, дочь Ярослава и жена Ингольва, - послушно назвалась я и, с некоторым трудом вспомнив, как полагается обращаться к суду, попросила: - Ваша честь, дайте мне минуту.

- Хм, - Мать матерей заинтересованно склонила набок голову и согласилась: - Ну, давай!

Я благодарно кивнула – и шагнула прямо к клетке, в которой бесновался Ингольв. Бросились в глаза его апоплексическая краснота, руки с обкусанными ногтями, форма со споротыми погонами.

Сняв перчатку, я с некоторым усилием стянула с пальца золотое кольцо и протянула Ингольву.

- Возьми, - во внезапно упавшей тишине голос мой прозвучал неестественно громко. – Я больше не считаю себя твоей женой.

- Шлюха, - словно выплюнул Ингольв, с силой отталкивая мою руку.

Кольцо, звеня, покатилось по полу.

В зале вспыхнули шепотки. Люди вытягивали шеи, стараясь лучше разглядеть происходящее.

Я же, как можно равнодушнее пожав плечами, вернулась на свидетельское место.

- Ну и что расскажешь? – поинтересовалась Мать матерей, которой это представление явно пришлось по вкусу.

- Правду, - пообещала я, приступая к рассказу. К счастью, опыт с Валерианом не прошел даром: слова нанизывались легко, как бусины на леску...

Ингольв неоднократно прерывал мой рассказ выкриками и проклятиями (вот уж кто сразу поверил в вину Петтера!), так что угомонила его лишь угроза заморозить дебошира. После этого говорила я в звенящей тишине - никому не хотелось испытывать на себе ледяную магию, тем более в нынешних обстоятельствах.

- Вот и все, - закончила я, разведя руками.

Мать матерей слушала меня, как ребенок сказку, подперев щеку рукой и кивая в наиболее напряженных моментах. Лица драконов казались высеченными изо льда, но и они слушали предельно внимательно.

- Ай, Петтер, сын Утера, встань, - велела Мать матерей, когда я умолкла. – Это правда?

- Нет! – звонко и четко возразил Петтер, вздернув подбородок. Я едва не застонала от досады. Идеалистичный юнец! – Я виновен в измене. Могу в этом поклясться.

Я до боли прикусила губу. Отличная формулировка, все ведь сочли его слова признанием вины перед хель, а в действительности... Впрочем, у Петтера была отличная практика, как солгать, не сказав ни слова неправды.

- Ай, ты понимаешь, что тогда тебя осудят, как остальных? – Мать матерей вперила в него внимательный взгляд, однако Петтер не дрогнул.

- Я готов нести ответственность наравне со всеми! – отчеканил он.

Вот паршивец, как складно заговорил!

- Садись, - кивнула Мать матерей. Кажется, стойкость Петтера произвела впечатление даже на нее. – Ай...

Что она хотела сказать, осталось тайной. Один из драконов коснулся ее плеча и что-то тихо сказал на ухо. Подумав, она кивнула и проговорила громко:

- Ай, ладно! Перерыв на полчаса!

Из зала меня вывел Исмир. Я старалась ни с кем не встречаться взглядом, понимая, что отныне для общества Ингойи я хуже, чем прокаженная.

Дракон отвел меня в торец коридора, спиной заслонив от любопытных глаз.

- Можно мне поговорить с ним? – спросила я тихо.

- Разумеется, - согласился Исмир. – Только вам придется несколько минут побыть одной. Я пока попрошу, чтобы его перевели.

Я кивнула. Не слишком большая цена...

- Госпожа Мирра к подсудимому Петтеру, - сообщил Исмир конвоиру. Ладони дракона веско покоились на моих плечах.

Солдат кивнул и рывком распахнул передо мною дверь.

- Я останусь здесь, - тихо проговорил Исмир, и я несмело ему улыбнулась, благодаря за деликатность.

Юноша стоял у окна, спиной ко мне, но стремительно обернулся, услышав стук. Он не был скован, и лишь осунувшееся лицо свидетельствовало о том, что он пережил.

- Зачем вы это сделали? – спросил Петтер напрямик, неприступно скрестив руки на груди. И острый травянистый запах осоки – режущей пальцы, стоит ее тронуть.

- Зачем?! – возопила я, в два шага преодолев расстояние между нами, и вцепилась в отвороты его шинели.

Он рефлекторно отшатнулся, разом растеряв напускное безразличие.

- Вы, самоуверенный юнец! – восклицала я, с каждым словом встряхивая его за грудки. Я была в ярости, игнорируя то, что он выше меня и, разумеется, сильнее. – Как вы посмели?!

- Посмел – что? – наконец поинтересовался Петтер, придержав меня за руки. – Я дважды предал своего командира и должен за это ответить!

Холодная уверенность его слов взбесила меня еще больше, хотя мгновение назад я могла поклясться, что это невозможно. И это красноречивое «дважды»...

- Ах, предали?! – почти прошипела я, глядя в темные глаза. – И теперь, разумеется, хотите «смертью искупить» и все такое? Так вот, не выйдет! – я вырвала руку и обличающе ткнула его пальцем в грудь. – Раз уж вы поступили, как считали нужным, имейте теперь смелость принять последствия. И жить – слышите! – жить с этим. А не заставлять меня оплакивать вас!

В запале я даже не замечала, что стою вплотную к нему, почти прижавшись к грубому сукну шинели, и кричу. Потом будто споткнулась о его взгляд.

- Мирра, - выдохнул он и нашел губами мои губы...

За тонкой дверью, в серой казенной обстановке, мы целовались. Упиваясь теплом юноши, я позабыла обо всем – о конвоирах за стеной, об Исмире, о суде.

- Я люблю вас, - тихо сказал Петтер, осторожно прижимая меня к себе.

Открытый взгляд, упрямо выдвинутый подбородок, горькая усмешка на еще совсем детских припухших губах... И запах – бальзамовый, протяжный аромат ладана. Спокойная вера.

- Обещайте мне, - потребовала я отчаянно. – Обещайте, что будете жить! Исмир поможет вам, только не упрямьтесь! А я... Я уеду с вами, куда скажете. Только живите!

Петтер обнял ладонями мое лицо, провел большим пальцем по губам...

- Не надо, - печально улыбнулся он. – Что я могу вам дать? С *ним* вам будет лучше.

Можно было не спрашивать, кого он имел в виду.

И от земляного, древесно-дымного аромата ветивера, смешанного с пьянящим медовым жасмином, мне хотелось плакать.

- Обещайте! – настойчиво повторила я.

- Обещаю, - твердо ответил Петтер. – И спасибо вам за...

- Время! – приоткрыв дверь, сердитым шепотом сообщил конвоир. Надо думать, он изрядно нервничал из-за нарушения порядка. – Уходите, быстро!

- Мирра, уезжайте! – в спину мне успел сказать Петтер. И, уже совсем тихо: - Не надо вам этого...

Долго гадать о смысле его слов не пришлось. У входа в суд меня уже поджидали разъяренные родственники и друзья подсудимых. Новость о моем выступлении распространилась, как пожар.

- Шлюха! – крикнул какой-то прыщавый юнец с лихорадочно горящими (то ли от эмоций, то ли от простуды) щеками.

- Продажная тварь! – уверенно поддержал какой-то солидный господин в мундире.

- Своих продала! – отчаянно крикнула полубезумная женщина в засаленном бедном платье. - С не людью снюхалась!

Самое страшное, что среди этого моря лиц взгляд то и дело выхватывал пациентов, соседей, знакомых. Те, кого я лечила когда-то, теперь швыряли в меня обидными и злыми словами. И, надо думать, через минуту в ход пошли бы заботливо припасенные огрызки и камни...

Однако за спиной моей айсбергом возвышался Исмир, по одному жесту которого леденцы закрыли меня собой. Чуть поодаль уже надрывался свисток, призывая полицейских на подмогу.

Вот только как я могла не видеть? Госпожа Мундиса, походившая на увядшую розу, - ее муж тоже был там, на скамье

подсудимых. Заплаканная Гуда, один из сыновей которой служил под началом Ингольва. Служанка господина Гюннара. Хмурый кондитер Эгиль. Господин Бранд – неопрятный, небритый, с помятым лицом запойного пьяницы и в засаленной одежде. Вероятно, хель выставили его из дома, а больше идти ему некуда...

- Пойдемте, - кратко скомандовал Исмир, придерживая меня за плечи. – Вам лучше пока вернуться к сыну. Я обо всем позабочусь.

А я переставляла ноги, стараясь не думать, не чувствовать, не помнить.

Можно долго говорить о том, что они сами виноваты. О преступлении против государства, о судьбе хель и драконов, о правах на землю и договорных обязательствах. Но этого не объяснить близким тех, кого сейчас судили там, в сером казенном доме с решетками на окнах. Разве холодные слова «закон» и «справедливость» заменят им отца, брата, мужа?

Ненависть похожа на дрожжи. Попав в питательную среду, она стремительно пенится, вырастает шапкой...

А я отныне не просто жена преступника. Мы с Валерианом стали изгоями...

Вновь потянулись долгие дни. Поступок мой, пусть глупый и даже безрассудный, снял камень с души, и изматывающая тоска отпустила.

По здравом размышлении я не стала раскрывать сыну деталей своей поездки. Сказала лишь, что ездила по делам и за вещами...

Пациенты мои уверенно шли на поправку, так что от меня требовалось лишь наблюдать за их выздоровлением. Благодаря этому я могла почти все время проводить с сыном.

В один из таких спокойных дней (я давно сбилась со счета, сколько их минуло) мы сидели с Валерианом у воды, уплетая печеную рыбу. Провиантом нас снабжали с избытком, даже кофе привозили, так что нужды мы ни в чем не испытывали.

Я рассказывала сыну родных, которые, несомненно, будут рады с ним познакомиться, стараясь не думать, что они могли попросту не дожить до этой встречи. Валериана интересовало все: как выглядят леса (проведя всю свою короткую жизнь в ледяном Хельхейме, он не представлял такого множества деревьев, растущих безо всяких теплиц), как строят деревянные крестьянские дома («Мам, это же так... расточительно!»), и множество иных вещей, вполне заурядных с моей точки зрения.

Странный звук неподалеку заставил меня вздрогнуть. Потом он повторился, уже ближе, и я нахмурилась, узнав медвежий рев,

оттененный перезвоном бубенцов.

- Кажется, к нам гости! – заметила я, вставая, и отряхнула юбку от прилипшего к ней мха.

- Мам, это что, хель? – удивился Валериан, заинтересованно вглядываясь в появившуюся меж скал могучую фигуру, ведущую за собой медведя.

- Да, - кивнула я, узнавая гостью. – Это тетя Альг-исса.

- Ура! – Валериан подпрыгнул, радостно вскинув руку. За истекшие недели он изрядно подрастерял привитые в академии представления о дисциплине и, каюсь, меня это радовало. – Мам, можно я?

- Беги уже, - улыбнулась я...

Альг-исса, оставившая своего Хельги у скал, вела себя странно.

- Здравствуй, - сказала она глухо, не прибавив задорного «солнце».

У меня противно засосало под ложечкой. Наверное, оттого, что я никогда еще я не видела развеселую Альг-иссу такой серьезной и печальной.

- Что случилось? – спросила я, не отвечая на приветствие. Взглянула на заинтересованно прислушивающегося сына и велела: - Валериан, пойди пока погуляй, хорошо?

Сын насупился, но спорить не стал.

- Да, мам, - буркнул он и поплелся прочь.

- Альг-исса, что случилось? – требовательно повторила я, убедившись, что он уже нас не слышит. – Почему ты приехала?

Насколько я помнила, хель и драконы, невзирая на подчеркнутое уважение друг к другу, старались поменьше пересекаться. Так что для визита Альг-иссы требовалась очень веская причина.

- Ай, у меня письмо. – Она протянула мне сложенный листок. – Мальчик меня просил – я привез!

Непослушными от волнения пальцами я развернула записку. В нескольких местах расплылись пятна от воды, но короткие строчки все еще читались без труда.

«Так будет лучше. Я люблю вас. П.»

Имя его начинается с руны перто - судьба, выбор, рок... Горькая ирония.

- Что с ним? – слова застревали в горле, и приходилось кричать, чтобы хоть как-то их протолкнуть. – Ты слышишь меня? Что с ним?!

- Исмир сам казнил мальчика, - Альг-исса не отступила, только опустила голову. – Неделю назад. Прости, солнце, я не мог раньше... Ай, в городе бардак, там теперь многие наши застряли...

А перед моими глазами опрокинулось холодное северное небо...

- Мам, - звал меня звенящий отчаянием голосок сына. – Мамочка, что с тобой? Мама!

- Я... в порядке... – с трудом выговорила я.

Возле Альг-иссы жался Валериан, выглядящий совсем ребенком. В глазах слезы, губы дрожат... Но мне, каюсь, было не до него.

В голове не умещалось, что Петтера больше нет. Что я жила спокойно и радостно, мечтала о будущем, общалась с сыном, навещала драконов... А его уже не было.

Как нелепо, как несправедливо! Как же вы могли это допустить, мои боги?! Я больше никогда не назову вас милосердными...

Вспомнился усталый голос Исмира: «Если бы я действительно собирался убить мальчишку, какой смысл был сообщать вам об этом заранее? Проще поставить перед фактом, когда приговор уже будет приведен в исполнение».

Значит, он действительно это сделал?! Тогда к чему было это все? Проверял меня?

Впрочем, какая теперь разница...

- Альг-исса, ты сможешь перевезти нас с Валерианом на материк? – губы едва шевелились, а в голове царила ледяная пустыня. Я с некоторым трудом села, опираясь на дрожащие руки.

- Да легко! – Альг-исса слегка оживилась. – Ай, только что скажут драконы?

- Драконы?! – взвилась я, чувствуя, что готова покусать всех ледяных без исключения. И повторила громче: - Да какое мне дело до твоих драконов? Я лечила их детей, а они убили его! Слышишь, убили! Я же его...

Я не договорила, потому что в коротком слове «люблю» больше не было смысла.

И зарыдала. Тяжело, некрасиво, прижимая ко рту тыльную сторону ладони.

Альг-исса молча придерживала меня за плечи.

- Мам, не плачь! – просил Валериан, сам едва сдерживая слезы. – Мам, ну прекрати!

- Иди, собирайся, - проговорила я сквозь всхлипы. – Мы уезжаем.

- Куда? – подозрительно осведомился сын.

- В Мидгард! – ответила я, решительно вытирая щеки. У меня еще будет время его оплакать...

Зимой по замерзшему морю на северо-востоке острова можно было передвигаться пешком. Или, что куда удобнее, верхом.

Хельги, резвясь, скакал по прочному льду, Альг-исса пела вполголоса (надо думать, понижая голос в знак траура), а я прижимала к себе сына.

И не оглядывалась, хотя безбрежные снега сверкали ярче праздничной иллюминации.

Лед больше не казался мне красивым. Он был мертвым.

Я рвалась в Мидгард, как раненый зверь рвется в нору. Там я смогу зализать раны, хотя сердце мое осталось в вечных льдах Хельхейма, похороненное вместе с Фиалкой и Петтером.

«Уртехюс», дом, муж, друзья, положение в обществе... Я лишилась всего.

Теперь все, что у меня есть, - сын. Главный мужчина в моей жизни...

Глава 11. Мидгард

Три года спустя.

Ясным апрельским утром за завтраком собралась вся семья. Точнее, те ее представители, кто сейчас был дома: я, Валериан, бабушка и дедушка.

Через громадные, до пола, окна лился солнечный свет. Травяная зелень обстановки с розовато-абрикосовыми штрихами, а также витающий вокруг аромат миндаля, полыни, листьев фиалки и гальбанума – острый, яркий, изумрудный – создавали весьма эффектный фон для семейной ссоры.

- Мам, ну почему? – басил Валериан, угрюмо глядя в тарелку. – Я решил, кем буду! Не хочу я всю жизнь копаться в твоих дурацких травках!

Я методично кромсала омлет, бабушка и дедушка не вмешивались, предоставляя мне увещевать сына.

- Ты еще слишком мал, - негромко пояснила я, отправляя в рот кусочек. И тут же поняла, что это был ошибочный ход.

- Мал?! – взвился Валериан, хлопая по столу так, что подпрыгнула посуда, а лакей испуганно вздрогнул и вжал голову в плечи. – Мама, мне уже шестнадцать!

Я вздохнула, понимая, что сейчас не время говорить, что шестнадцать – это совсем немного.

Сейчас Валериан до боли напоминал своего отца – и характером, и упрямым взглядом чуть выпуклых голубых глаз. Впрочем, неудивительно. Раньше мне нужно было думать, за кого выходить замуж!

- Объясни, с чего ты решил, что господин Утесов примет тебя с распростертыми объятиями? – поинтересовалась я, откладывая приборы. Все равно аппетита у меня не было.

Я поправила на коленях белоснежную салфетку, прикрывающую черный креп платья. Я все еще носила глубокий

траур, хотя считалась вдовой уже три года и вполне могла надевать фиолетовое, темно-синее или серое.

Моя версия гибели мужа звучала как: «Погиб во время беспорядков». По счастью, для соседей заговор в Хельхейме казался чем-то настолько далеким и неинтересным, что меня почти не расспрашивали. К тому же я виртуозно научилась в нужный момент извлекать платочек и прикладывать к глазам, изображая скорбь.

- Вот, здесь написано! – сын извлек из кармана аккуратно сложенный (и, надо думать, бережно хранимый) листок, оказавшийся газетной вырезкой. – Господин Утесов, знаменитый авиатор, объявляет о наборе на обучение летчиков...

У меня вырвался тяжелый вздох. Господин Утесов, прославившийся своим сенсационным перелетом через пролив между Мидгардом и Ванахеймом, был кумиром Валериана. Мальчишка вбил себе в голову, что должен любой ценой стать пилотом, и теперь настырно добивался желаемого.

Надо думать, давнишние полеты на драконе произвели на него неизгладимое впечатление.

- Полагаю, господин Утесов имел в виду *взрослых*, - заметила я ровно.

- И я – взрослый! – парировал сын, встряхнув рыжей челкой. С полгода назад он заявил, что будет отращивать волосы – видите ли, ему так больше нравилось, и теперь мучился с отрастающими лохмами.

Куда подевался мой маленький мальчик – ласковый, внимательный и послушный? Впрочем, я сама во многом виновата. С моего молчаливого попустительства бабушка с дедушкой баловали внука, который так рано лишился и отца, и родного дома. А теперь я пожинала плоды такого воспитания.

- Валериан, я не разрешаю, и закончим на этом! – потеряв терпение, заявила я, и сменила тему. – Бабушка, ты уверена, что сандал от господина Асвида подойдет для духов?

- Ты права, он слишком... – бабушка помолчала, подбирая правильное слово. Несмотря на ранний час, ее прическа была уложена идеально, а лицо подкрашено столь искусно, что следы косметики мог разглядеть лишь очень опытный глаз. – Слишком солирует! У этого образца солоноватая первая нота, зато потом появляется излишняя сладость, до приторности. Откуда это у сандала?..

- С меня – хватит! Не хочу я слушать о травках, настойках и прочей лабуде! – Валериан вскочил и бросился из-за стола. Остановился на пороге и, обернувшись, бросил упрямо: - Я буду летчиком! И если придется – убегу из дома, так и знайте!

И хлопнул дверью.

Боги, как же он походил на Ингольва!

- Еще кофе, госпожа? – почтительно предложил лакей.

- Нет, благодарю вас, Андрей, - рассеянно ответила бабушка, задумчиво мешая ложечкой в чашке.

Несколько минут мы молчали.

- Мирра, может, стоит уступить? – вдруг предложил дедушка, который до тех пор молчал, делая вид, что полностью поглощен чтением. – В конце концов, мальчик уже достаточно взрослый, чтобы решать, чего хочет.

Он аккуратно сложил еще пахнущую типографской краской газету и поднял на меня странно молодые, яркие и живые, глаза в обрамлении сетки морщин.

- Но у него прекрасные способности к аромагии! – возразила я.

- Способности – да, - пожал плечами дедушка, отпивая кофе. – Только нет ни малейшего желания этим заниматься.

- В конце концов, ты сама поступила так, как считала нужным, - поддержала его бабушка, тщательно расправляя воротничок платья. Среди старинных кружев виднелась камея, профиль на которой напоминал мою мать.

На мгновение я утратила дар речи, сраженная этим ударом под дых.

- И к чему это привело? – горько спросила я, когда наконец смогла говорить.

- Какая разница? – в серьезном, чуть по-старчески дребезжащем голосе деда слышалось сочувствие.– Мирра, позволь ему делать его собственные ошибки. Так будет лучше для вас обоих.

- Хватит уже держать его завернутым в вату! – отрезала бабушка, жестом отсылая лакея.

Дедушка ласково сжал руку бабушки, и у меня закололо сердце. Свобода и одиночество оказались совсем не так сладостны, как мне сдавалось когда-то. Жизнь моя походила на чуть надбитую чашку: не протекает, да и трещинка почти незаметна. Но никак не получается не обращать на нее внимания.

- Хорошо, - произнесла я, откладывая салфетку. – Думаю, для начала нам с Валерианом стоит съездить туда вместе. Я сегодня же напишу господину Утесову. Надеюсь, он не откажет. А теперь прошу меня извинить...

Я встала и направилась к выходу, чувствуя себя старой, усталой и бесконечно одинокой. Скоро мой мальчик совсем вырастет и уедет. Что тогда останется мне?!

Впрочем, такова доля всех матерей. Наблюдать, как птенцы

разлетаются из гнезда, и учиться радоваться тому, как уверенно держат их крылья...

Следующие две недели выдались нервными. Узнав о том, что я написала господину Утесову, Валериан обрадовался и разволновался. В ожидании ответа он терроризировал домашних подробными рассказами о достижениях авиации, различных моделях самолетов, достоинствах и недостатках бипланов и трипланов, и прочими малоинтересными для остальных вещами.

Подобные лекции всегда вызывали у меня тяжелые воспоминания, так что я под предлогом сбора трав сбегала в сад. Надо думать, Валериан немного обижался за такое невнимание, но поддерживать такие разговоры было выше моих сил...

Мы сидели за завтраком, внимая очередному восторженному монологу Валериана.

Дедушка флегматично читал газету, бабушка, вооружившись лорнетом, разбирала витиеватый почерк своей приятельницы.

А я перебирала письма: от пациентов, от коллег, от подруги детства... А вот, наконец, и от господина Утесова!

Я пробежала глазами послание и окликнула сына:

- Валериан!

- Да, мам? – перебитый на полуслове сын взглянул на меня вопросительно. Потом он увидел конверт в моей руке и побледнел так, что на носу и щеках проявилась россыпь веснушек. - Ну?!

В голосе Валериана звучали волнение, надежда и некоторая опаска. Ему хотелось поскорее получить ответ – и одновременно он опасался, что ответ окажется неутешительным.

- Господин Утесов любезно предложил нам посетить аэродром в любое удобное время, - сообщила я, не удержавшись от улыбки при виде вспыхнувшего радостью лица сына.

- Ура-а-а! – закричал Валериан, вскакивая, и от полноты чувств подпрыгнул на месте, вскидывая руки над головой.

Может, он и был взрослым по годам, но вел себя как сущий ребенок!..

Я гуляла по саду, бездумно глядя на цветущие яблони и яркие всплески цветов на темной земле. Алые тюльпаны, как капли крови. Желтые нарциссы, как осколки надежды. А еще голубые и фиолетовые гиацинты, разноцветное буйство примул...

Звенели пчелы, запахи накатывали волнами. А на душе у меня было темно, словно безлунной ночью. Давно мне не было настолько пусто и одиноко.

От тоскливых мыслей меня отвлек лакей.

- Госпожа, некая барышня Сольвейг просит ее принять.

Непривычное сочетание слов – «барышня» и «Сольвейг» -

заставило меня на мгновение опешить. Неужели та самая?!

Поразившись всплеску радости, которое вызвало у меня это сообщение, я кивнула:

- Проводите ее в Липовую беседку.

- Да, госпожа! – лакей поклонился и отправился выполнять поручение, а я медленно пошла по дорожке. Сердце мое терзала ностальгия. Она похожа на запах маминых духов и пудры – тот бережно хранимый в самом уголке памяти аромат, который мы помним даже десятилетия спустя. Вот только в моей ностальгии чувствовалась отчетливая гнилостная нота...

В беседке меня уже ожидала Сольвейг. Только чтобы признать ее в этой даме, мне понадобилось некоторое время. Строгое, но идеально сидящее темно-синее платье, отделанное серебряным кантом и узкими лентами; со вкусом уложенные волосы; дорогие перчатки, шляпка и ридикюль. И, самое главное, тот неистребимый уксусный дух совсем пропал. Пахло от нее по-прежнему кисловато, но теперь это был сочный, ярко-желтый, порезанный на ломтики лимон.

При моем появлении Сольвейг вздрогнула, стиснула ридикюль и впилась в меня не менее испытующим взглядом.

- Здравствуйте, госпожа Мирра! – сказала она, и я отметила, что даже голос ее изменился. Пропали неприятные визгливо-высокие нотки. Да и лицо немного округлилось, привычную желтизну впалых щек сменил вполне жизнерадостный румянец.

- Здравствуйте, Сольвейг! – так же просто ответила я с улыбкой. – Вы даже не представляете, как я рада вас видеть!

- И я, - призналась она, правда, без улыбки. Но пряный аромат любистка свидетельствовал о ее искренности.

Напрашивался вопрос: «Какими судьбами в наших краях?», но, надо думать, она сама обо всем расскажет.

- Присаживайтесь, - гостеприимно предложила я, указывая на скамью. – Сейчас нам подадут кофе. Или вы предпочтете чай?

Последнее я спросила, вспомнив, как кривилась Сольвейг при виде моего любимого напитка.

- Кофе, - ошарашила меня она. И я поняла, что неладно что-то в городе Ингойе...

За чашкой ароматной арабики я принялась аккуратно расспрашивать Сольвейг о том, как обстоят дела в Хельхейме. Сугубо местные вопросы вроде перспектив разных команд в чемпионате по катанию на санках меня волновали мало, а остро политические я старалась обходить. Даже теперь было больно вспоминать события трехлетней давности, и спрашивать о судьбе заговорщиков... Нет, я не хотела знать, кто из них умер на рудниках, а кто до сих пор томится в ссылке. Слишком много

знакомых лиц, слишком много ненавидящих взглядов хранила моя память.

Сольвейг скупо отвечала, что все в порядке, волнения давно успокоились, и вообще жизнь течет своим чередом. А потом и вовсе замолчала, жуя пирожное.

- А вы знаете, что господин Ингольв умер месяц назад? – вдруг спросила она, и я едва не пролила кофе на платье.

- Что? – переспросила я. Разумеется, я знала, что Ингольва не казнили, а всего лишь приговорили к рудникам. Зато Петтера... нет, не думать об этом!

- Умер, - повторила Сольвейг. – На рудниках. В местных газетах было.

Я и сама не знала, что испытала при этом известии. Ингольв причинил мне много зла, и роль соломенной вдовы меня вовсе не радовала. Однако и думать о нем, как о чужом человеке, не получалось. И теперь мне было больно.

А ведь никто даже не подумал меня известить! Еще одна потеря, еще одна могила в вечных льдах Хельхейма.

- Понятно, - только и сказала я, отставляя тарелку. И, не выдержав, сказала без обиняков: - Но не думаю, что вы приехали, что сообщить мне об этом.

- Да, - выдавила она, уставившись в пол. Лицо ее заливал нездоровый румянец, а пахло от нее так пронзительно горестно – полынью, дубовым мхом, кипарисом, миртом - что я предпочла дышать ртом. – Я... мне нужна ваша помощь. Как аромага.

- Слушаю вас, - поощряюще кивнула я.

- Я... у меня дурная болезнь! – шепотом выпалила Сольвейг, и на этот раз я все же облилась кофе...

За суетой из-за испорченного платья я как бы между прочим пригласила ее остаться пока у нас. В конце концов, Сольвейг – гостья из моего прошлого, и не столь важно, что когда-то она была кухаркой, а я – ненавистной хозяйкой...

Впрочем, осмотреть ее в тот день мне не удалось. Едва мы пришли в приемную, как туда ворвался дедушка.

- Мирра, Розе плохо! – прохрипел он с таким беспомощным ужасом, что я сжала зубы. Лицо деда было бледным, а морщинистая кожа напоминала пергамент. И страх – едкий, как щелочь.

- Что с ней? – спросила я кратко, пытаясь не паниковать.

- Сердце! – так же кратко и исчерпывающе ответил дед. Руки его сильно дрожали.

Я молча схватила саквояж с маслами и лишь на пороге вспомнила о Сольвейг.

- Отдохните пока. Вас проводят. – Отрывисто проговорила я

и, не дожидаясь реакции, вышла...

К счастью, все обошлось, однако устала я и переволновалась настолько, что о присутствии Сольвейг забыла напрочь. Лишь увидев ее на следующий день в столовой, я спохватилась:

- Ох, Сольвейг, простите, что я вас так бросила. Я займусь вами сразу после завтрака.

В столовой были лишь мы и Валериан. Дедушка и бабушка предпочли завтракать вместе, словно боялись, что это может оказаться последняя их общая трапеза.

Сердце мое защемило от мысли, что они действительно уже в том возрасте, когда любая минута может оказаться последней. Впрочем, это касается всех.

- Конечно, госпожа Мирра! – кивнула она. – Я понимаю. Просто... Я же не могла пойти к доктору в Ингойе!

Я кивнула, принимая объяснение. Надо думать, для Сольвейг я была меньшей из зол.

Валериан искренне обрадовался появлению Сольвейг и взахлеб расспрашивал ее о каких-то мелочах. Только посматривал странно, словно не решаясь задать главный вопрос.

А ведь мне придется ему сказать!..

На этот раз мне дали довести осмотр до конца, и лишь когда Сольвейг одевалась, вдруг раздался стук в окно, после чего его створка распахнулась во всю ширь.

Признаюсь, до сих пор никто не наносил мне визитов через окно, тем более на втором этаже!

Впрочем, отчаянный посетитель явился вовсе не ко мне.

- Солнышко, все не так, как ты думаешь! – с надрывом провозгласил господин Льётольв, с некоторым трудом забравшись в комнату. – Уф!

И отряхнул перепачканное побелкой пальто. Пахло от интенданта решимостью – кофе с перцем, а также сладким фенхелем – желанием объясниться.

Я бросила взгляд на Сольвейг, которую он называл столь поэтично.

- А как?! – воскликнула она, сжав кулаки. На щеках у нее рдели пятна румянца.

И запахи: страстная алая роза, оскорбленная добродетель мирта, полынь и хрен – боль и отчаяние.

- Ты заразил меня этой пакостью, а теперь еще отпираешься?! – продолжила она, повышая голос. Вспомнив, какие концерты умела закатывать Сольвейг, я содрогнулась, но вмешаться не успела.

- Солнышко, да ты чего?! – возопил господин Льётольв, падая на колени. Учитывая, как привычно ловко он это проделал,

напрашивались подозрения, что вымаливать прощение ему не впервой. – Ну хочешь, пусть госпожа Мирра меня тоже осмотрит! Нет у меня ничего такого! Чем хочешь клянусь!

- Ну да! – фыркнула Сольвейг, отвернувшись. Вот только пахло от нее от нее цветущими яблонями – надеждой.

- У меня же никого, кроме тебя!– неисправимый ловелас ткнул себя кулаком в грудь. - В моем сердце только ты!

Каюсь, смешок сдержать мне не удалось, и господин Льётольв воззрился на меня с таким негодованием («И вы тоже?!»), что я подняла руки, сдаваясь.

- Простите, просто вспомнилась забавная история. – Я шагнула к выходу, уходя с линии огня. – Кстати, Сольвейг, я не успела вам сказать. У вас не... хм, дурная болезнь. Просто дерматит.

- Чего-о-о?! – совсем по-простонародному протянула Сольвейг.

- Раздражение, - поправилась я. – Так что я пропишу вам мазь, но это немного попозже. А пока рекомендую вам помириться с господином Льётольвом!

- Я же тебе говорил! – вскричал означенный господин, резво вскакивая с колен, и бросился к возлюбленной.

- Любимый, прости меня! – всхлипнула Сольвейг, бросаясь ему на шею. Их окутал столь насыщенный аромат роз и жасмина, что я поспешила исчезнуть, дабы не мешать.

Последнее, что я услышала, закрывая за собой дверь, было сдавленное: «Ты выйдешь за меня замуж?!»

Я усмехнулась, не сомневаясь в ответе.

На каждого господина Льётольва найдется своя Сольвейг...

Примерно в середине мая, к вящему восторгу Валериана, мы с ним сели на поезд в Альвхейм. Сын чуть не подпрыгивал от предвкушения, напряженно вглядываясь в окно, словно надеялся таким образом ускорить ход поезда.

А я слушала перестук колес, делая вид, что дремлю, и наблюдала за сыном из-под ресниц. За зиму он вытянулся, обещая со временем стать высоким и статным мужчиной. Теперь же он походил на кузнечика – мосластый, с длинными руками и ногами, еще не до конца освоившийся с новым ростом.

Мой мальчик, мой маленький сын. Теперь ты обидишься, если я назову тебя так...

Взяв на вокзале такси, мы отправились прямиком на аэродром. По правде говоря, мне бы хотелось прогуляться по Альвхейму, пройтись по магазинам и поглазеть на столичные достопримечательности, но Валериана переполняло нетерпение. Казалось, оно станет бить из него фонтаном, стоит задержаться

хоть на полчаса.

Вскоре шумный город остался позади, и автомобиль покатил по горной дороге, где лишь изредка встречались деревушки. Зеленеющие леса, упоительный аромат цветов, молодой травы и хвои.

Я тихонько дремала, наслаждаясь весенним благоуханием, которое не портили даже выхлопы автомобиля. Уже три года прошло, а я после монотонных снегов Хельхейма все никак не могла привыкнуть к пестрому конфетти самых разных запахов.

- Мам, глянь! – восторженный голос Валериана заставил меня очнуться. – Как они!

Я проследила за его рукой. В пронзительно голубом небе кувыркались два самолета, выделывая пируэты какого-то странного танца.

Как не вспомнить?..

- Красиво, - согласилась я, едва дыша от застарелой боли.

- Я тоже так научусь! – убежденно сказал сын, и водитель, пожилой орк, улыбнулся понимающе...

Высадив нас у поворота, такси укатило.

- Вы к кому? – поинтересовался юноша в испачканном чем-то темным (и донельзя вонючим!) комбинезоне, не скрывая любопытства. Надо думать, случайных гостей здесь не бывало.

- Я госпожа Петрова, по приглашению господина Утесова, - объяснила я.

После возвращения в Мидгард мне пришлось изрядно поломать голову, решая, как представляться. Девичья фамилия не годилась, поскольку тогда возникли бы вопросы относительно Валериана (имя матери обычно давали незаконнорожденным детям), а от сочетания «Мирра Ингольвова» меня передергивало.

В итоге я решила попросту сочинить фамилию мужа, и за три года уже привыкла зваться госпожой Петровой. Еще один незаметный для посторонних знак траура...

- А, ясно. – Юноша открыто улыбнулся и махнул рукой куда-то в сторону. – Подождите вон там, они уже скоро должны сесть!

Я кивнула, беря за руку сына, который не отрывал глаз от парящих в воздухе самолетов. Видимо, господин Утесов пилотировал один из них...

Ждать действительно пришлось недолго.

Из ближайшего к нам самолета выбрался высокий мужчина, а из второго выпрыгнула стройная девичью фигура. Правда, разглядеть ее принадлежность к женскому роду удавалось не сразу. С легкой руки господина Утесова среди летчиков вошла в моду своеобразная форма: кожаный шлем, кожаная же куртка до середины бедра, плотно прилегающие к лицу большие

«авиаторские» очки и, как вызов на темном фоне остальной одежды, - щегольский белый шарф.

Валериан вытянул шею, стараясь рассмотреть своего кумира.

Давешний юноша подбежал к господину Утесову (надо думать, это был именно он) и что-то сказал. Тот кивнул и направился прямиком к нам, на ходу стягивая очки и шлем, и говоря что-то идущей следом напарнице.

- Идет! – тонким от восторга голосом пискнул Валериан.

А я молчала, схватившись за него, и пыталась понять, когда успела сойти с ума.

Потому что этого просто не могло быть!..

«Только бы не потерять сознание! – твердила я, впившись ногтями в ладони и заставляя себя глотать вдруг ставший полынно-горьким воздух. – Только бы...»

К счастью, Валериан, кажется, ни о чем не подозревал.

В какой-то момент летчик наконец взглянул прямо на меня... И споткнулся, едва не полетев носом вперед.

- Слушай, падать к ногам дамы – это, конечно, романтично! – засмеялась его спутница, статная валькирия с обернутой вокруг головы золотой косой. Пахло от нее зеленым прозрачным вареньем, сладкими цукатами и теплой древесиной. – Только учти, я буду ревновать!

Симпатичная девушка, миловидная и удивительно открытая. Правда, профессия у нее вызывающе не женственная. Надо думать, она одна из суфражисток...

- Ой, я так много о вас читал! – не выдержал Валериан, с детской непосредственностью пренебрегая приличиями, и, схватив руку летчика, энергично ее потряс. Потом спохватился: - Ну и о вас, конечно, госпожа Ренская!

- Надо же, и на меня упал отблеск твоей славы! – девушка шутливо толкнула напарника локтем в бок. И это, наконец, заставило его очнуться.

- Госпожа... Петрова? – произнес он, едва заметно запнувшись перед фамилией. А голос почти неузнаваемый – низкий, с простуженной хрипотцой. Внимательный взгляд чуть прищуренных глаз, разворот широких плеч, уверенная осанка... И смолисто-хвойный аромат кедра, окутывающий его красно-коричневым облаком.

Эффектный мужчина. Впрочем, этого следовало ожидать.

- Господин Утесов? – будто со стороны услышала я себя. Протянула руку – по-мужски, для рукопожатия. – Рада познакомиться. Мирра Петрова, а это мой сын, Валериан Петров.

Гладкие вежливые фразы, как обкатанные морем камушки.

Он осторожно пожал протянутую ладонь.

- И я рад знакомству, госпожа Петрова, господин Петров. А это Арина Ренская, моя подруга и напарница.

Выражение лица девушки и сладкий аромат розового варенья явно свидетельствовали, что она претендовала на большее, чем быть всего лишь «подругой и напарницей». Впрочем, у нее хватило ума и такта не возражать.

Должна признать, она очень ему подходила – молодая, задорная, смелая.

- Очень приятно, - я заставила себя улыбнуться новой знакомой.

Тем временем мой сын уже подобрался к самолету и осторожно щупал его крыло.

- Мам, посмотри, какой? Это же новая модель, да? Господин Утесов, это вы сами собрали?

- Да, - кратко ответил авиатор. Потом, видимо, заметив мой взгляд, тоже взглянул на Валериана и, понизив голос, предложил: - Госпожа Петрова, вы не откажитесь выпить со мной кофе? Думаю, мальчику пока будет интересно здесь все осмотреть. А мы пока сможем спокойно поговорить.

У кого-то иного «мальчик» в устах человека едва за двадцать звучало бы нелепо. Только летчик казался много взрослее своих лет, пусть не по годам, а по опыту.

- Конечно, господин Утесов, - согласилась я ровным тоном. – Разумеется, если вы полагаете, что нам есть, что обсудить.

Мужчина слегка вздрогнул, стиснул зубы. Прозрачная обжигающая горечь розмарина словно плеснула волной.

- Думаю, есть, - твердо проговорил он. – Арина, будь добра, присмотри пока за мальчиком.

- Ладно! – согласилась она с видимой неохотой и быстрым шагом направилась к Валериану, который уже заглядывал в кабину...

Просторное помещение, куда мы пришли, болезненно напомнило мне ангар, где когда-то я впервые села в самолет.

- Сюда, пожалуйста, - господин Утесов кивнул в угол, где было устроено что-то вроде небольшой кухоньки. Небогато – несколько стульев, поцарапанный столик, керосиновая плита. Зато столешницу чья-то шаловливая рука украсила вывязанной из тонких проводов салфеткой, а в вазочку все тот же шутник водрузил проволочный букет.

Надо думать, госпожа Ренская постаралась.

- Уютно у вас здесь, - заметила я, чтобы хоть что-то сказать.

- Спасибо, - рассеянно отозвался он, разжигая плиту. Не спрашивая о моих предпочтениях, молча наполнил водой турки.

Мы молчали, пока господин Утесов не поставил на столик

две чашки кофе. Себе он сварил черный, а мне с медом и кардамоном, отчего у меня защипало в глазах. Надо же, а ведь столько лет прошло...

- Давно вы приехали в Мидгард? – после долгой паузы спросил он, вертя в пальцах ложечку.

- Недели через две после... – я запнулась и закончила резче, чем собиралась: - после смерти одного моего знакомого.

- Мирра, - начал он, но я перебила.

- Госпожа Петрова! – поправила сухо. И почувствовала, как к щекам прилила кровь. Теперь эта фамилия казалась едкой насмешкой над моим горем.

Впрочем, тот юноша, который говорил мне: «Люблю!», - умер, так или иначе.

- Хорошо, - с усилием согласился мужчина. – Госпожа Петрова, я понимаю...

Я усмехнулась, покачала головой и отставила в сторону чашку с так и не отпитым кофе. Желудок словно скрутился в тугой узел, и даже от запаха обожаемого напитка меня воротило.

- Нет, не понимаете, господин Утесов. Благодарю за любезный прием. – Я отрывисто кивнула и встала. - Надеюсь, вы найдете благовидный предлог отказать Валериану.

- Почему я должен ему отказывать? – поинтересовался он холодно, тоже поднимаясь. Кофе плеснул из небрежно поставленной чашки.

- Потому что хватит с меня летчиков, - бросила я, отворачиваясь. Помедлила и сказала тихо: - Но я рада, что ваша мечта сбылась, - и добавила после паузы: - Петтер.

- Мирра! – он взял меня за локоть, не давая уйти. От его близости, от почти забытого запаха ветивера мне хотелось плакать. Пришлось крепко зажмуриться. А он тем временем заговорил – резко, торопливо: – Послушайте, Исмир разыграл казнь, потому что не мог просто так меня отпустить. И после ваших показаний меня бы все равно убили. Не хель, так люди. Пришлось уехать и начинать все с нуля. Вы же понимаете, правда?

- Да, - согласилась я, не оборачиваясь. В то время я действительно не думала, каково будет Петтеру жить с клеймом предателя. Куда больше меня волновало, чтобы его не казнили и не отправили на рудники. – Однако прошло уже три года, а вы так и не дали о себе знать!

- Я не мог, - глухо ответил он, чуть сильнее сжав пальцы. – Я обещал вам, что буду жить. Исмир спас меня, но взамен потребовал клятву, что я никогда не вернусь в Хельхейм. И не попытаюсь с вами связаться. Он обещал сам вам все объяснить.

Надо думать, из-за беспорядков Исмир не успел рассказать мне правду. Или изначально собирался ее скрыть?

И, разумеется, он даже не пытался обелить имя Петтера. В памяти всех Петтер, сын Утера, остался предателем, казненным за измену. А вместо него родился новый человек – Петр Утесов.

Я словно наяву услышала насмешливый голос Исмира: «Я должен ему только жизнь, а не честь».

Впрочем, юношу это, надо думать, устраивало. Он ведь считал, что должен понести наказание.

- Теперь это уже не важно, - устало откликнулась я. В мыслях моих и чувствах была полная сумятица: радость, гнев, обида, ревность... У меня хватило гордости, чтобы произнести спокойно: - Спасибо за все. Прощайте, господин Утесов!

И дернулась, пересиливая отчаянное желание обнять его. Вопреки всякой логике мне хотелось остаться. Несмотря на прошедшие годы, несмотря на эту Арину...

Он помедлил... и отпустил мою руку. Молча отступил назад. Надо думать, у него тоже имелось предостаточно «но...».

Наверное, даже к расставаниям можно привыкнуть. По крайней мере, в этот раз вышло куда проще...

Я взяла билеты на ближайший поезд. Валериан дулся на меня за то, что визит на аэродром оказался таким коротким, но, признаюсь, в тот момент мне было плевать на его недовольство.

Тело мое действовало машинально, почти без контроля рассудка.

Подойти к кассе. Купить билеты. Зайти в вагон. Дать на чай носильщику.

И наконец опуститься на сиденье и закрыть глаза.

Валериан внимательно изучал «Альманах авиационного общества», а я старалась ни о чем не думать. Глубоко вдыхать, различая ароматы. Дым паровоза, металл и машинное масло. Сильный запах лакированного дерева и кожаных сидений в теплом вагоне. И чуть пудры, теплой ванили и фиалок – от маленькой девочки, которая ехала вместе с няней в одном купе с нами.

Неугомонная кроха норовила чуть ли не залезть на голову женщине, и та, пытаясь ее успокоить, принялась читать сказку.

Разумеется, там фигурировали прекрасная принцесса и ледяной дракон, холодное сердце которого растаяло при встрече с принцессой... Словом, правильная сказка. Именно в такие верят глупенькие девочки всех возрастов и сословий.

«Нужно послать Исмиру письмо с извинениями, - размышляла я отстраненно. – Выходит, я была к нему несправедлива. Решено, завтра же этим займусь!»

По всем канонам мне следовало устыдиться и немедленно броситься в Хельхейм. Вот только мое глупое сердце рвалось совсем не туда...

У меня, как назло, все было наоборот. Вместо доброй феи – злой свекор, вместо ледяного принца – нищий мальчишка намного меня моложе. Да и сама я со своими травами больше походила на ведьму, чем на принцессу.

Сказка шиворот-навыворот...

Наконец раздался гудок паровоза и поезд тронулся. За окном виднелись лица провожающих, недавно отремонтированный вокзал, похожий на кукольный домик, а затем состав набрал ход, и замелькали телеграфные столбы и разноцветные поля.

Я выпила успокоительное (сын покосился на меня, но, видимо, счел это демонстративным жестом и вновь угрюмо уткнулся в «Альманах») и почти задремала, когда поезд резко, с душераздирающим скрипом, затормозил.

- Ой, что случилось, вы не знаете?! – встревоженно закудахтала нянька, пытаясь успокоить девочку, которая ревела над разбитой коленкой. – Что такое, авария?

- Откуда мне знать? – с некоторым раздражением (пребольно ударилась локтем!) спросила я. – Валериан, я взгляну, в чем дело.

Разумеется, сначала пришлось лечить коленку нашей маленькой попутчицы Прихватив маленький саквояж с лекарствами, с которым я не расставалась в любом путешествии, я минут через десять вышла в тамбур.

- Что случилось? – поинтересовалась я у проводника.

- Госпожа, возвращайтесь на свое место! – пробубнил он, видимо, уже изрядно устав успокаивать встревоженных пассажиров.

- Никто не пострадал? – уточнила я, стараясь говорить подчеркнуто спокойно и профессионально. – Видите ли, я врач.

- Врач? – проводник смерил меня взглядом и, пробормотав себе под нос что-то вроде «Куда катится мир? Уже женщины докторами становятся!», открыл передо мной дверь.

- Ну я не знаю, может, кого лечить и придется, - заметил он, помогая мне спуститься. – Там кто-то самолет посадил почти перед паровозом, представляете? И выскочил на рельсы! Машинист еле успел затормозить! Может он того, а? – проводник красноречиво покрутил пальцем у виска, но я уже не слушала.

Повернулась... И забыла, как дышать, увидев мужчину в кожаной пилотской куртке, который что-то втолковывал железнодорожникам.

Сердце мое забилось в горле, а мысли вспорхнули мотыльками.

- Петтер! – закричала я и, обеими руками подобрав юбку, побежала к нему, не чувствуя под собою ног.

Он обернулся, солнечным лучом блеснула улыбка.

- Мирра! – и бросился мне навстречу.

- Вернитесь, сумасшедшая, вы же свой саквояж потеряли! – надрывался где-то сзади проводник.

Но мне было не до него.

Обнять, прижаться, нырнуть в знакомый до боли запах...

И наконец встретиться губами.

Не важно, что на нас глазеют люди. Плевать на обиды и непонимание, на годы и обстоятельства.

И к йотуну все сказки! Жизнь куда интереснее...

Январь 2011 – декабрь 2013

[1] Сурт – в германо-скандинавской мифологии огненный великан, владыка Муспельхейма. В день Рагнарек его орды должны двинуться на север «подобно южному ветру».

[2] «Сила слабого пола – в слабости сильного пола к слабому» в нашем мире это высказывание принадлежит Нинон де Ланкло

[3] «Не узнаешь, что вмерзло в лед, пока не растопишь» – хельская поговорка, примерно соответствует нашей: «Не узнаешь человека, пока не съешь с ним пуд соли».

[4] «Леденец». Здесь игра слов: ИСА – Ингойское сыскное агентство и руна «Иса» - лед, отсюда сыщик - леденец.

[5] «Хель без льда» - примерно соответствует нашему «сапожник без сапог».

[6] «Подозрительность порождает призраки» – грузинская пословица.

[7] Ветвь омелы – примерно соответствует нашему «Ахиллесова пята» или «уязвимое место». По легенде, мать Бальдра взяла клятву со всех растений не причинять вреда сыну, только омелу пропустила – сочла безопасной. Конечно, именно стрелой из омелы его и убили.

[8] В германо-скандинавской мифологии солнце – женского рода. Соль.

[9] Видеть немало льдов – эвфемизм, означает примерно «много зим».

[10] «Все мы где-то подтаиваем» - хельская поговорка, примерно соответствует человеческому «все мы не без греха».

[11] Мирра здесь перефразирует известные строки из «Саги об Эгиле»: «Десять знаков тайных я прочел и знаю, что они

причина хвори этой долгой»

[12] В. Высоцкий «Баллада об уходе в рай».

[13] Нид – в Северной магической традиции – проклятие.

[14] Мансег - в Северной магической традиции – приворот, заговор на любовь.

[15] Гарм - в германо-скандинавской мифологии огромный четырёхглазый пёс, охранявший Хельхейм.

[16] Хекса – сканд. «ведьма»

[17] Футарк – рунный алфавит

[18] Руна ингуз обозначает мужчину, плодородие, живую энергию. А руна иса символизирует лед, неподвижность, спокойствие.

[19] «Птицы слетаются к гейзеру, а не к леднику» - хельская поговорка, примерно соответствующая нашему «мухи слетаются на мед, а не на уксус».

[20] Эриль – в скандинавской традиции – маг слова, знаток рун.

[21] Норны – в германо-скандинавской мифологии – богини судьбы.

[22] Рома – представительница кочевого племени орков.

[23] В нашем мире эти строки принадлежат Джону Китсу (перевод Сергея Сухарева)

[24] Улль - в германо-скандинавской мифологии бог стрельбы, ходьбы на лыжах, спортсменов и здорового образа жизни. Уллльские игры – аналог наших Олимпийских игр.

[25] Колльв – буквально «уголь».

[26] Клену тинга кольчуг даю я напиток, исполненный силы и славы великой; в нем песни волшбы и руны целящие, заклятья благие и радости руны - цитата из «Старшей Эдды» - «Речи Сигрдивы»

[27] Зерна из козьих экскрементов – действительно, до сих пор это самый дорогой и самый «натуральный» способ добычи весьма дорогого масла аргана. Зерна аргана скармливают козам, затем собирают их экскременты, сушат и получают масло. Спешу успокоить, сейчас от такой практики производители практически отказались.

[28] Описанная технология приготовления мыла – так называемый «холодный» способ. Есть также горячий, когда после смешивания массу принудительно нагревают на водной бане или в духовке, таким способом ускоряя процессы омыления. Такое мыло можно использовать сразу после изготовления.

[29] Свирлы – в жаргоне мыловаров так называют сочетание сразу нескольких цветов в мыле. Есть множество способов перемешивания цветов, которые дают разные эффекты.

[30] «Речи Сигрдривы» («Старшая Эдда»)

[31] Один из мифов о Тюре связан с Фенриром. Этот чудовищный волк вырос таким сильным, что боги решили посадить его на цепь. Обычные цепи не удерживали зверя, а чтобы Фенрир согласился надеть на себя волшебные цепи, Тюру пришлось в знак доверия положить ему в пасть свою правую руку. Когда волк понял, что не в силах порвать узы, он откусил руку Тюра.

[32] В составе эфирного масла горького миндаля содержится примерно 5 % синильной кислоты, которая является сильным ядом.

[33] Братья Рауд – в нашем мире братья Райт. Прозвище «рыжие братья» - от древнескандинавского Рауд – рыжий. Хотя братья Райт рыжими не были.

[34] Кьярваль – древнесканд. «Милый кит».

[35] В древнескандинавской мифологии Один был также божеством пути.

[36] Опиум действительно применялся как лекарство от кашля в 19-начале 20 века, и дождевые черви считались лекарством от ушибов.

[37] «Людям – тепло, а хель – лед!» - примерно соответствует нашему «Богу – богово, а кесарю – кесарево».

[38] Мансег – в германо-скандинавской традиции – любовная песня, заклятие-приворот. За его применение действительно закон требовал изгнания.

[39] Царство Хель – в германо-скандинавской мифологии – мир мертвых.

[40] Вапнафьорд – буквально «Оружейный залив».

[41] Сказав «феху», нужно говорить и «уруз». – Примерно соответствует нашему «Сказав «а», нужно говорить и «б»»

[42] Фимбульвинтер – в германо-скандинавской мифологии – великанская зима, длящаяся несколько лет, которая должна наступить после Рагнарек.

[43] Тинктура - (вытяжка) в медицине настой лекарственного вещества на воде, вине или спирте, эфире.

[44] Невбьёрн – медвежий нос (древнесканд.)

[45] Фроди – дословно с др. скандинавского «Мудрый».